

С.А. Павлюченков

«ОРДЕН МЕЧЕНОСЦЕВ»

**Партия и власть
после революции**

1917–1929

С.А.Павлюченков

«ОРДЕН МЕЧЕНОСЦЕВ»

Партия и власть после революции

1917–1929 гг.

СОБРАНИЕ

МОСКВА 2008

УДК 94(47).084.(3+5)
ББК 63.3(2)(611-3+613-5)
П 12

*В оформлении обложки
использована иллюстрация
Д.Бисти к поэме В.Маяковского
«Владимир Ильич Ленин»*

Введение

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЭПОХ И КОНСТАНТА ИСТОРИИ

Смысл любой революции:
общество ищет свою новую элиту.

А.Дж. Тойнби

Несмотря на вечные упреки в относительности своего знания, гуманитарная мысль в лучшие времена всегда оставляла образцы необычайно точного проникновения в проблемы современности и видения будущего. Проблема скорее заключается в прикладном значении знания. Гуманитарная наука может меньше, чем от нее ожидает общество, и дело здесь не в науке, а в природе самого общества. Давно, на самом высоком уровне было замечено, что «пророк не имеет чести в своем отечестве». Кто будет слушать, когда «истина» противоречит могущественному «интересу»?

Один из русских последователей Гегеля задолго до реальных событий предсказал: «Слабые, хилые, глупые поколения протянут как-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая их покроет каменным покрывалом и предаст забвению летописей. А там? А там настанет весна, молодая жизнь закипит на их гробовой доске, варварство младенчества, полное недостроенных, но здоровых сил, заменит старческое варварство, дикая свежая мощь распахнется в молодой груди юных народов, и начнется новый круг событий и третий том всеобщей истории. Основной тон его можно понять теперь, он будет принадлежать социальным идеям. Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей, тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией». Так писал Герцен в первой половине XIX века. Тогда это казалось дерзким фантазерством: что могло быть незыблемей николаевской монархии? Однако в начале XXI века нам уже известно даже то, какой революцией оказался побежден социализм, развившийся до своих крайних и нелепых последствий.

Советская доктринальная идеология в последний свой период представляла собой некий заповедник, где царили какие-то дино-

завры, которые несли свои каменные яйца и пытались всех уверять, что именно они являются самыми прогрессивными существами на земле. Историки должны выразить признательность либералам за то, что они теперь свободны от необходимости писать о «гегемоне», «самом прогрессивном классе общества» и его всемирно-исторической роли. Минули те времена, когда невозможно было говорить даже об уважении земли, не сославшись на «святое писание». Но вместе с тем, историки в своей работе могут опираться только на понимание традиционных оснований отечественной политической культуры, с которыми либерализм имеет глубокие противоречия.

Всемирная история содержит немало свидетельств того, что упадок того или иного государства сопрягался с повышенной активностью внутренних и сверхзаинтересованным участием внешних сил в делах государства под самыми благопристойными предложениями. Смысл современной планетарной борьбы за «демократию» во многом аналогичен событиям XVII века, когда Франция стремилась раздробить Германию в период Тридцатилетней войны под лозунгами «восстановить свободу Германии». Франция непосредственно вмешивалась в немецкие дела во имя немецкой «свободы». Значение Вестфальского мира в 1648 году заключалось в том, что он окончательно установил внутренний строй Германии и укрепил ее политическое распыление. Самый опасный из противников Франции — Священная Римская империя фактически перестала существовать. Торжествовала «исконная немецкая свобода» в Германии, «политическая свобода» в Италии. Другими словами, были достигнуты политическое распыление и беспомощность этих центральноевропейских стран, с которыми Франция могла отныне делать все, что ей угодно. Равным образом в XVIII веке в бывших когда-то сильными государствами Швеции и Польше иностранные державы приобретали влияние деньгами, раздавая их среди ограничивающих королевскую власть учреждений, подкупая сановников и политиков. Россия, Австрия, Пруссия постоянно договаривались о поддержании существующего порядка в Польше, чтобы она оставалась неизменно слабой. Так, вводу иностранных войск и началу расчленения Польши предшествовали требования Петербурга и Берлина к Варшаве по поводу равноправия диссидентов и сохранения «либерум вето» в польской конституции.

Кто-то из естественнонаучных авторитетов однажды заметил: нет правды о цветах, есть наука биология. Это тысячу раз справедливо в отношении общественных дисциплин. Смена идеологии и воззрений на историю советского периода в 90-е годы XX века

была вызвана главным образом тем, что бюрократия сочла за благо стать собственником тех богатств, которыми она распоряжалась от имени всего общества. В очередной (третий) раз в истории России произошло разделение институтов государства и собственности. Следовательно, необходимо было представить дело так, что все, что было непосредственно до этого, либо в лучшем случае неразумно и утопично, либо просто преступление. В основе современных популярных взглядов на историю лежат интересы новых собственников национального богатства, и, что немаловажно, подкрепленные непобедимыми потребительскими устремлениями демоса. Как жалуется сатана у Саади, явившийся к поэту в образе юноши: «Ты видишь, не так уж я плох. Во мне безобразного нет ничего, но кисти в руках у врага моего». Благодаря социальному заказу в последний историографический период у большевиков, подвижников советской эпохи, вновь появились рога и копыта, отрос хвост.

Историография разоблачительства была уместна, когда требовалась идеология, которая бы освящала раздел национальной собственности, но она непригодна, когда вновь выясняется необходимость отстраивать и модернизировать материальную базу общества. В России этим всегда занималось государство. Маркс говорил, что если бы не существовало акционерных обществ, то не было бы и железных дорог в Европе. Акционерные общества — есть мягкий западный вариант концентрации капитала на национальные задачи. В России это всегда обстояло иначе. Можно сколько угодно обращаться за примерами к опыту других государств, но отечественный исторический опыт говорит об одном — концентрация капитала и труда для решения задач модернизации в национальном масштабе была возможна только при условии непосредственного участия государства.

Взвешенная оценка дореволюционного, романовского периода пришла к нам уже после того, как стало формироваться критическое отношение к советскому периоду, явившемуся отрицанием эпохи Империи. Точно так же удовлетворительная для науки точка зрения на советские времена станет возможной лишь после того, как будет очевидным образом критически раскрыто содержание и характер периода, явившегося снятием противоречий и отрицанием советского коммунизма.

Взгляды на историю переменчивы: одно поколение считает, что вопрос сдан в архив, но вырастает новое поколение, и старая тема предстает для него в ином свете, появляются иные суждения. Историография по инерции занимается тотальной критикой советского опыта, не замечая, что жизнь в рабочем порядке уже ус-

танавливает связь современного периода с эпохой советского коммунизма, выстраиваясь в русле политики мягкого этатизма. После критики опыта КПСС с точки зрения идеи наметился переход к позитивной критике самой идеи с точки зрения потребностей практики. От отрицания опыта к признанию его необходимости. Объективно очередная задача современной исторической критики заключается в определении фундаментальных предпосылок как всей эпохи советского коммунизма, так и ее наиболее выдающихся периодов; в выяснении причин, скрывающихся не только в историческом прошлом России, но и в социальном укладе советского общества.

Обычно готовые и безапелляционные суждения по предмету излагают те, кто имеет поверхностные знания, за которыми не стоит сомнение в истинности сказанного. Сомнение приходит тогда, когда знание приобретает признаки полноты, то есть становится противоречивым. Противоречие есть признак завершенности цикла познания. Критика советской системы и советского исторического опыта есть явление о многих головах и среди этих голов есть много более азартные и менее уравновешенные, нежели того требует научная историческая мысль. Речь идет об абсолютно непримиримых критиках и безжалостных судьях советского строя и коммунизма в принципе. Если вести с ними разговор на основе только интересов беспристрастного знания (исключая соображения о «народном промысле»), то очень уместно привести размышления знаменитого французского историка Жюль Мишле. Как видно, аналогичные проблемы уже появлялись в поле зрения наследников Великой французской революции сто пятьдесят лет назад.

Обращаясь к здравому смыслу французских «властителей дум», Мишле писал: «Важно выяснить, насколько верно изображена Франция в книгах французских писателей, снискавших в Европе такую популярность, пользующихся там таким авторитетом. Не обрисованы ли в них некоторые особо неприглядные стороны нашей жизни, выставляющие нас в невыгодном свете? Не нанесли ли эти произведения, описывающие лишь наши пороки и недостатки, сильнейшего урона нашей стране в глазах других народов? Талант и добросовестность авторов, всем известный либерализм их принципов придали их писаниям значительность. Эти книги были восприняты, как обвинительный приговор, вынесенный Францией самой себе. <...> Конечно, у нее есть недостатки, вполне объяснимые кипучей деятельностью многих сил, столкновениями противоположных интересов и идей; но под пером наших талантливых писателей эти недостатки так утрируются, что кажутся уродствами. И вот Европа

смотрит на Францию, как на какого-то уродца... <...> Разве описанный в их книгах народ — не страшилище? Хватит ли армий и крепостей, чтобы обуздать его, надзирать за ним, пока не представится удобный случай раздавить его? <...>

Философы, политики, социалисты — все в наше время словно сговорились принизить в глазах народа идею Франции. Это очень опасно. <...> В течение полувека все правительства твердят ему, что революционная Франция, в которую он верит, чьи славные традиции хранит, — была нелепостью, отрицательным историческим явлением, что все в ней было дурно. С другой стороны, Революция перечеркнула все прошлое Франции, заявила народу, что ничего в этом прошлом не заслуживает внимания. И вот бывшая Франция исчезла из памяти народа, а образ новой Франции очень бледен... Неужели политики хотят, чтобы народ забыл о себе самом, превратился в *tabula rasa*?

Как же ему не быть слабым при таких обстоятельствах?»¹

Через сто лет после Мишле все человечество на конкретном примере воочию убедилось в жестоких последствиях подобного уничтожительного отношения к своей собственной истории. Либеральные оппоненты гитлеровского порядка задним числом признавались, что «германский либерализм и немецкий марксизм несли значительную часть вины за крах Веймарской системы». Поскольку идейное развитие в XIX веке, а затем либерализм во имя утретированного индивидуализма содействовали разложению религиозного и нравственного порядка в немецком обществе и способствовали умерщвлению здоровой государственности².

Самое сложное в постижении истории — это избавиться от характерного для обыденного сознания представления, что в основе изменения вещей может лежать воля, воля индивидуальная и коллективная: дескать, как захотим, так и сделаем. Историк приближается к профессионализму, когда он перешагивает через этот барьер и начинает осознавать, что ход истории определяют неумолимые закономерности, когда ему открывается понимание глубокой причинности совершающегося.

Закономерности истории проявляются в ее результатах. Если это не так, если даже под одним из ее ряда фундаментальных итогов, под реальным опытом не лежит никакого закона, а имеется лишь игра случая, прихоть человеческой воли, то следует в принципе оставить

¹ Мишле Ж. Народ. М., 1965. С. 7–9.

² Гизевичус Г.Б. До горького конца: Записки заговорщика. Смоленск, 2002. С. 19.

мысль о каком-либо закономерном развитии общества и перейти на позиции неокантианства. Но такая капитуляция была бы неразумна после того, как многовековое развитие гуманитарного знания не только показало всю сложность объекта своего исследования, но и продемонстрировало некоторые скромные успехи, без которых современное состояние человеческого общества было бы вряд ли возможно.

Порой говорят, что раскрыть причины явления, понять его закономерность означает оправдывать это явление. Это не ново. В свое время Монтескье подвергся нападкам своих радикально мыслящих коллег по делу Просвещения за то, что с энциклопедичностью и необыкновенной силой мысли показал, как то, что было объявлено следствием невежества и предрассудков, создавалось разумно, по известным законам, под влиянием тех или других условий; объяснял причины того, почему государственные формы изменяются, крепнут или слабеют. Гельвеций упрекал Монтескье: «Писатель, желающий быть полезным человечеству, должен заниматься уяснением истинных начал для лучшего порядка вещей в будущем, а не освящать опасные начала»¹.

Косвенно с этим можно согласиться, но оправдание здесь происходит не с точки зрения человеческой морали и идей, а с точки зрения исторической логики, которая бывает безжалостна к отдельному человеку. Логика необходимости выше логики свободы. Так или иначе, но чтобы история не наказала нас за очередной «невывученный урок», причины необходимо выяснять и здесь следует развести в стороны общественное и индивидуальное как явления разного порядка, живущие по разным законам и критериям. Что из того, что порой и даже очень часто реальный опыт нам очень не нравится своей видимой нелепостью и откровенной антигуманностью. Смеют ли осуществляться закономерности истории вне рамок наших представлений о должном и разумном? По всей видимости смеют, как может засвидетельствовать любой учебник по истории. Признать это попервоначалу бывает нелегко, однако не вызывает особенного удивления, если отрешиться от льстивой античной тезы, что именно человек есть мера всех вещей, и предположить, что *Homo Sapiens* не есть центр и цель мироздания.

Эрих Фромм заметил, что общая черта авторитарного мышления состоит в убежденности, что жизнь человека определяется силами, лежащими вне человека. В этом пункте есть возможность предоставить Фромму поспорить с другим, не менее авторитетным проповедником вселенской любви. Лев Толстой по схожему поводу

¹ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII. М., 1965. С. 478–479.

писал, что стаду баранов должен казаться гением тот баран, которого специально откармливают для известного случая, и который становится вдвое толще своих соплеменников. Но баранам стоит только перестать думать, что все, что делается с ними, происходит исключительно для достижения их бараньих целей — и они тотчас же увидят смысл и цель того, что происходит с откармливаемым бараном.

С падением господства религиозного сознания помимо прочего было утрачено сознание того, что человек и его земные интересы не являются конечной целью мироздания. То антропоцентристское понимание истории, которое крутится вокруг ценности человеческой жизни, — это несгибаемая истина, но только для отдельных людей, и является опасным заблуждением, если речь идет об историческом процессе. Нынче т.н. нравственные оценки заменили и вытеснили подлинно научную точку зрения на советские времена. Что было бы с Петром Великим, если бы в отношении него восторжествовал этот «нравственный» подход? Если в истории Петра мы упустим из виду военные победы, строительство и политику, а будем говорить в первую очередь и исключительно о массовых казнях, гибели крепостных на болотах, усмирениях, порках и дыбе — мы не сможем иметь сколько-нибудь внятной истории, а лишь воплещенный ужас. Тем не менее, в отношении лидеров большевизма происходит именно так.

Мигуэль де Унамуно утверждал: «Целостность и непрерывность — это атрибуты явления и тот, кто вырывается из целостности и непрерывности, тот просто пытается уничтожить данное явление». Историческая точка зрения на феномен тоталитаризма не может совпадать с обыденным взглядом. Субъективность происходит из материальной, духовной и временной ограниченности отдельного человека. Его точка зрения обнимает масштаб отдельной человеческой жизни. Человек жертвует годами для достижения цели, история жертвует поколениями для того же. Иным поколениям фатально не везет, но гибель человека, истребление поколения — это боль истории, но не смерть истории.

Общество, государство развиваются по иным, более высшим законам, нежели отдельное человеческое существо. Можно даже с уверенностью утверждать, что человеческая история бывает парадоксальным образом античеловечна, антигуманна. Как учит Церковь, наука изучает законы падшего Дольнего мира, законы же подлинные и естественные — пребывают в мире Горнем. Мы не должны искать в коллективной истории рациональное человеческое зерно. Ее рациональность нечеловеческая, она выше и не-

постижимей. Следует понять, что у морали в этом мире свои специфические функции, как у Святого Духа, иначе мы будем вечно обречены вращаться в замкнутом круге благих пожеланий, ни на йоту не расширяя пределов исторического знания и ждать, когда история вновь накажет нашу благонамеренность за этот самый невыученный урок.

Моральное отрицание не освобождает исследователя от необходимости рационального понимания и объяснения. Рационализм более фундаментальное понятие, нежели слова, обозначающие колебания человечества в духовной сфере. Даже Библия не свободна от противоречий в определении нравственного. Арнольд Тойнби сказал, что было бы абсурдно считать, что человечество способно выработать кодекс, который воплощал бы в себе нравственные принципы и правила, пригодные на все времена¹. Лев Толстой также, будучи еще молодым, мудро отмечал, что воззрения на то, что является благом для человечества, изменяются с каждым шагом. Все, что казалось благом, через энное количество лет представляется злом и наоборот. Худо, что Ленин и Сталин не имели тех понятий о благе человечества, которые имеют теперь газеты. Где гарантия, что завтра не покажется наоборот?

Законы истории выражаются в ее результатах. Несомненно, отсюда два шага до принятия безнадежного трагизма бытия. Но подобная точка зрения все же не является безысходным фатализмом. В законы исторического развития в качестве составной части входит и идеальный элемент — человеческое сознание, который постепенно поддается упорной дрессировке. Без идеи объективные условия остаются только объективными условиями, а не историей. Несмотря на то, что наше будущее в неизмеримо большей степени зависит от груза исторического опыта, нежели от умозрительных, идеальных систем, тем не менее, именно «здесь роза, здесь танцуй, здесь Родос, здесь прыгай». Мораль, нравственные критерии имеют весьма ограниченное значение в методологии исторической науки. Они мало помогают в анализе прошлого, но их выводы из событий прошлого должны подсказывать направление возможной сознательной коррективы будущего развития.

Историзм и систематизм — вот принципы развития общества, в которых воплощается борьба материального с идеальным. Противоречие исторического опыта и системного конструктивизма (идеальных систем) является источником развития цивилизации (или же ее гибели — здесь, как утверждает диалектика, все дело в мере). Знаменитый психолог Макс Нордау говорил, что конфликт

¹ Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003. С. 144.

исторического опыта и идеальных систем — явление, присущее всем временам и всем народам. Как правило, молодые люди вступают в сознательную жизнь и остро ощущают противоречивость человеческого бытия, кажущуюся несправедливость отдельных сторон общественной жизни и полагают возможным исправить ее. Однако они слабо понимают, что это цельное здание стоит на колоссальном фундаменте конкретного исторического опыта, который уже ни отменить, ни изменить — нельзя. Отсюда — психологические коллизии, личные трагедии, трагедии целых народов, поднявшихся по зову лучших в драматический путь за счастьем и свободой. В частности, в историографии появился альтернативизм как некая разновидность системного конструктивизма.

Каждый период оставлял свое понимание Великой русской революции. «Перестройка» была кратковременна, но успела оставить после себя имена многочисленных следопытов, пытавшихся отыскивать затерянные в гуще исторических событий тропинки альтернатив состоявшемуся пути развития. В отношении этих поисков и разного рода моделирования «альтернатив» имеется интересное замечание венгерских коллег по постсоветскому изучению коммунистического феномена: «Чего только не анализировали безголовые чиновники “в интересах народа” или общества, но в большинстве случаев полученный результат не выходил за рамки консервации их господства»¹. Впрочем, подобный вывод относится к отдаленному прошлому, заступившим на вахту активным «разоблачителям» советской истории уже были в принципе неинтересны ее альтернативы.

Не только материализм, как считал Ленин, но и вообще любое научное сознание прочно стоит на вопросе «Почему?». Единственно, чем историческая наука может помочь обществу в облегчении судорог его развития, — это не раскладыванием пасьянсов из мифических альтернатив, а настойчивым исследованием закономерностей, то есть постижением того, почему случилось так, а не иначе. Упомянутые венгерские историки, что примечательно, считающие себя сторонниками альтернативизма, вынуждены признать, что сталинская модель общественного устройства была не просто продуктом злой воли Сталина, а явилась прежде всего результатом целой цепочки сложных исторических обусловленностей.

Историки изучают свой предмет, деля его на отрезки, но понимать историю отдельными отрезками бессмысленно. В периоде насилия не увидеть смысла. Однако если все движение общества представить

¹ Белади Л., Краус Т. Сталин. М., 1990. С. 7.

в виде неразрывного процесса, то его жестокий характер становится понятнее. В частности, понятно и то, что большевики по-своему решали задачи, поставленные перед страной эпохой Империи и ее реформаторами.

В образе действий большевизм также ничего принципиально нового не внес. Передовая Европа вначале «просвещалась» бесчисленными кострами святой инквизиции, прекрасная Франция «омолаживала» себя массовым террором против старой аристократии и «прихорашивалась» повальными расстрелами людей в рабочих блузах с нечистыми, мозолистыми руками. История показывает, что ее шестерни всегда требовали, чтобы их смазывали человеческой кровью. Нетрудно заметить, что, в общем-то, советский коммунизм осуждают не за кровь и насилие, а за ложь. За те прекрасные слова и обещания, которые прикрывали обычную жестокость. Коммунизму, как доктрине, в которой идеальному фактору отводилась особая роль, этого обмана не простили.

Советский коммунизм вознес государство на принципиальную высоту. Центральная гуманитарная проблема, которую обнажил государственный абсолютизм советского периода, — это вопрос, насколько далеко может расходиться интерес отдельной личности с законами функционирования общественных институтов, в первую очередь нации и государства, составной частью коих и поныне является даже самый суверенный индивид. Государство было подвергнуто остракизму, однако, после того, как отдельная суверенная личность либеральным ходом вещей остро почувствовала в своих же интересах необходимость существования государства, быстро стал угасать и обличительный азарт.

Так или иначе, в значительной степени помимо воли, но в настоящий период отечественная историография устанавливает органическую связь, идентичность советской истории со всей историей России в целом. Это выдвигает новые проблемы перед общественной наукой, которой уже невозможно использовать понятийный аппарат, оставленный советской коммунистической идеологией. Только с помощью идеи такой силы государству удалось мобилизовать общество на чрезвычайные жертвы в строительстве экономики и одержать победу в великой мировой войне 1914–1945 годов. Но советская коммунистическая доктрина — это феномен конкретной мобилизационной идеологии и сегодня исследовать советское общество в категориях «социализма-коммунизма» есть то же самое, что формулировать научный взгляд на Древнюю Русь в круге понятий средневековой схоластики и религиозной мистики. Современная философия истории пока еще не готова предложить

исторической науке что-либо равноценное взамен устаревшей классической формационной теории с ее «коммунизмом» как высшей стадией развития человечества. Сейчас в первую очередь необходимо заставить советскую историю заговорить на языке русской истории.

Имеется непосредственная зависимость освещения периода советского коммунизма от определения цивилизационного масштаба этого явления. Если, в соответствии с марксистской доктриной, признать за советским коммунизмом право на статус отдельной общественной формации, то тогда действительно начинают активно вмешиваться идеальные, нравственные критерии и неизбежен сильный негативный акцент в оценке его исторического опыта. Но если в советском коммунизме видеть не цель, а средство — конкретную мобилизационную форму индустриального общества, обеспечившую выполнение задач ответственного этапа развития, то в этом случае, учитывая материальные результаты, никуда не деться от признания его заслуг в сохранении российского цивилизационного феномена. Как считали японские самураи, важно лишь окончание вещей.

Одним из источников критики коммунистического руководства является то, что оно в своем поведении позволяло выходить за рамки своей нормативной морали, далеко не соответствуя тому идеалу, который усиленно навязывали массам. Но это было неизбежно, коль скоро принятая и пропагандируемая ими форма мобилизационной идеологии являлась утопической идеологией равенства. Никому не приходит в голову упрекать древнего фараона за то, что фараон позволял себе слишком много по сравнению с простым египтянином, поскольку вопроса о равенстве (не только земном, но и загробном) в обществе древних принципиально не существовало.

Тойнби выделял три господствующие экс-христианские и экс-конфуцианские идеологии-религии современности — это капитализм, коммунизм и национализм¹. С подобным наблюдением можно было бы согласиться, если бы не то соображение, что феномен, упомянутый здесь под понятием «национализм», нельзя помещать в одном ряду с остальными, поскольку так называемый «национализм» представляет собой более глубокие основания цивилизаций, нежели капитализм или коммунизм. Национализм не приходит на смену, он всегда на часах и просто обнажается, когда в очередной раз уходит в небытие очередная идеологическая парадигма, и, порой, способен принимать обостренные формы. Специфический национализм —

¹ Тойнби А. Дж. Пережитое... С. 136, 234.

это архетип конкретной цивилизации, ее матрица. Характер национализма — комплекса особенных признаков, сложившихся в период локального развития нации, определяет ее общественный уклад. В новейшей истории особые архетипы национализма в западных и восточных обществах легли в основание капитализма и коммунизма. Точно так же, как это имело место и в более ранние эпохи. Тот же Тойнби справедливо замечает, что феодальные системы Запада и Востока «должны рассматриваться как совершенно различные институты»¹.

В индустриальную эпоху системное различие Востока и Запада стало столь резким, что пути двух цивилизаций явственно разошлись в сторону «капитализма» и «коммунизма». В основе этих различий лежит тот самый «национализм», другими словами, цивилизационная константа. Это неоднократно в течение своей истории демонстрировала Россия, регулярно восстанавливая свою цивилизационную особенность после разрушительных потрясений и чужеродных экспериментов. «Поскреби» Россию в любой ее ипостаси — имперской, коммунистической, либеральной и обнаружишь специфический московский национализм с соборными и патримониальными чертами.

В этом заключается суть коллизий современного периода России. Индустриализм с его капитализмом и коммунизмом остались позади, но коммунистические формы оказались более устойчивыми, более консервативными, что обусловило отставание восточного национализма в эпоху перехода к новой стадии развития человечества. Капитализм, либерализм, индивидуализм оказались для России одеждой с чужого плеча и быстро лопнули по швам. На помощь поспешило традиционное православие, но его будущее как идеологической формы неопределенно. Оно неопределенно прежде всего в силу того, что потребительские установки, восторжествовавшие в современном обществе, противоречат категорическим императивам восточнохристианской Церкви.

Троцкий в 1922 году в письме в редакцию «Под знаменем марксизма» утверждал, что «советское государство есть живое отрицание старого мира, его общественного порядка, его личных отношений, его воззрений и верований». В этом пункте идеолог большевизма смыкается с идеологами либерализма, которые также полагают, что советский коммунизм есть нечто принципиально новое по сравнению со старым общественным порядком. История показывает, что власть почвы в России четко проявляется в момент преобразований, под каким бы флагом они не случались, и привле-

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002. С. 35.

кает внимание одна и та же железная закономерность — происходит усиление государства и его роли. Правда, под славянской хоругвью это усиление государства бывало более милосердно к своим гражданам, нежели замутненное западническим любого толка и, следовательно, зараженное пренебрежением к традиции и истории отечества, к его «отсталому», «некультурному» народу. В настоящее время либеральная идеология индивидуализма вынуждена маневрировать между показной «жалостью» к жертвам тоталитарных режимов, освящением неприкосновенности личности и плохо скрываемым пренебрежением в отношении населения страны, недостойного их титанических усилий по защите «прав человека».

Займствованный индивидуализм отказывается признавать исторические основания национального централизма и коллективизма. С тех пор, как мы позволили западному либерализму подойти к нам со своей меркой, наша тысячелетняя страна с огромным опытом и традициями стала «страшилищем». И так бывало всякий раз, когда идеология чужой почвы бралась оценивать нашу историю, неважно какого толка идеология — католицизм или просвещение, марксизм или либерализм. Примерно о том же писал француз Мишле в XIX веке, когда в глазах европейского легитимизма его родина, революционная Франция представлялась «уродом», а ее герои — «чудовищами».

В историографии имеется мнение, что в начале XX века именно индустриализм, а вовсе не капитализм повсеместно угрожал стабильности¹. Но как в таком случае быть с индустриализацией 30-х годов в СССР, когда не было капитализма, шла форсированная индустриализация и притом сохранялась общественная стабильность? Одно время для модернизации страны экономические марксисты предлагали идти на выучку к капитализму. Выучка оказалась плохой, она только усугубила противоречия и ослабила единство общества. В результате страну индустриализовывал не доморощенный капитализм, а государственная воля, воплощенная в партии большевиков. Именно капитализация и либерализация в дореволюционной России противоречили традиционному укладу и только смогли помножить традиционные противоречия на свои собственные. Большевики сняли противоречия капитализма и повели модернизацию известным путем, методами государственного централизма и принуждения, форсированно и сурово решив те проблемы, которые встали перед страной к началу XX века. Русская революция была направлена против капитализма и либерализма, а также против остатков барского крепостничества периода немецкой династии. И то и другое — все

¹ Булдаков В.П. Красная смута. М., 1998. С. 21.

это не традиционализм, а остатки неудачной вестернизации России в XVIII и XIX веках. Деструктивность революции относится именно к ним.

Знаменитый французский маршал Фердинанд Фош пророчески сказал в 1919 году после подписания Версальского мира, что это не мир — это только перемирие на двадцать лет. В своем прогнозе он ошибся всего на два месяца. Для России с 1917 года была характерна политика изоляционизма. Непосредственная причина ее происхождения — поражение в империалистической войне, в которую Россию вовлекли ее кредиторы. Те самые кредиторы, чьими деньгами глушились социальные противоречия в монархии, на чьи деньги была погашена первая русская революция. В какой-то мере России в начале XX века было выгодно выйти из системы мирового обмена. Необходимо было оградить себя от внешнего влияния, чтобы произвести необходимые внутренние преобразования и завершить социальное обновление общества. Здесь коммунизм, как в свое время православие, стал идеологическим барьером между Россией и Западом. Теория потерпела закономерный крах в своей вселенской части, мировая революция не состоялась, коммунизм не охватил весь индустриальный мир и для того, чтобы сохранить систему внутри страны, необходимо было установить железный занавес.

Но всему прекрасному рано или поздно наступает конец, политика изоляционизма, столь полюбившаяся партаппарату, должна была уступить свое место. Зиновьев в 1920 году верно заметил: «Наша партия не может устать до того времени, пока не закончит задачу, исторически ей предначертанную и выпавшую на ее долю»¹. Компартия выполнила свою историческую задачу сполна. Ее государственный абсолютизм споткнулся о порог информационной эры, поскольку необходимо было развивать информационные технологии, а значит ослаблять идеологическую узду на обществе. Задачей текущего периода отечественной истории стало преодоление негативных последствий изоляционизма. Пока это не будет сделано в достаточной степени, тенденции «либеральной революции» 1990-х годов будут живы. (Этим объясняется то исключительное влияние, с которым в настоящее время внешние силы воздействуют на внутреннюю политику в России.)

Теорию интересуют инвариантные (неизменяемые) признаки изучаемого явления. Идеология — это такая непреходящая вещь, которая в первую очередь подвержена всяким веяниям. Поэтому к коммунизму следует относиться как к духовной оболочке объективного

¹ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972. С. 148.

процесса, смысл которого заключается в ключевом понятии — модернизация. В начале XX века Россия остро нуждалась в модернизации своей социально-экономической системы, которую не смогла обеспечить царская власть. Будучи смертельно израненной на фронтах империалистической войны, старая власть в 1917 году была похоронена под звуки революционного гимна. Явились новые силы, новые люди, чья революционная целеустремленность и ограниченность легли в основу новой политики.

Послевоенный нэп представлялся его современникам и творцам в первую очередь как способ восстановления разрушенного хозяйства страны. Но что может и должно представляться нам в связи с нэпом через столько лет и перемен? Время обязано было выделить для нас в истории нэпа что-то иное, более глубинное и существенное. Каким общество вошло в нэп и с чем особенным вышло из него? Только с новой социально-политической структурой, воплощенной в коммунистической партии. Все остальное так или иначе являлось старым.

В области либерализма и тому подобных политических диковинок Россия всегда была вторична и здесь ее образцы не столь интересны для теории и практики. Но в опыте КПСС Россия имеет оригинальный цивилизационный феномен, предложенный ею человеческой истории и который сохраняет универсальное мировое значение. К ее истории всегда будут обращаться за ответом на вопрос: как из партийки, чье существование порой интересовало лишь специалистов охранного отделения, большевики превратились во всеобъемлющий аппарат политической власти в момент наиболее интенсивного развития российской цивилизации. Партия — это организация, созданная большевиками, равной которой по масштабам власти и совершенству своего устройства никогда еще не было и нет. По сравнению с ней современное государственное и политическое устройство выглядит явным регрессом, карикатурой.

Мыслители дореволюционной России смотрели на стремительную дряхлеющую монархию и мечтали: нужен новый культурно-государственный тип, более твердая сословная организация во главе с духовной иерархией¹. Партия большевиков изначально обнаружила свои незаурядные качества. «В России существовала единственная политическая партия, которая со времени первой русской революции 1905 года знала, что Россия в силу своих специфических черт не пойдет по пути западноевропейского развития. Этой партией была партия большевиков»¹. Судьба в 1903 году подарила фракции Ленина

¹ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 152.

название «большевики», чей идеологический и пропагандистский ресурс был впоследствии с лихвой отработан компартией.

Когда в 1917 году началось блуждание России в поисках власти, объективная потребность в диктатуре была впервые четко сформулирована правыми на Госсовещании в Москве в августе 1917 года. Сюрприз истории заключался в том, что реально она пришла из другого социально-политического лагеря. Потом такая историческая «несправедливость» еще не раз повторится. Это универсальный парадокс истории. Победившая сторона, как правило, по ходу борьбы воспринимает и усваивает наиболее действенные методы и объективные идеи стороны побежденной. И дело побежденных обретает новую жизнь во враждебном обличье. Например, потребность в создании уникальной социально-политической организации для спасения страны была впервые осознана у белых, но ее строительство началось по ту сторону линии фронта.

В.В.Шульгин в годы гражданской войны смотрел на российскую разруху из белого лагеря, переживавшего в 1920 году кровавую агонию. Настроение было такое, что Белое дело погибло, начатое «почти святыми», оно попало в руки «почти бандитов». Вместе с генералом А.М.Драгомировым, председателем Особого совещания при Деникине, они с тоской размышляли: «Хоть бы орден какой-нибудь народился... Какое-нибудь рыцарское сообщество, которое возродило бы понятие о чести, долге... Словом, это должно быть массовое, большое, психологическое...»² Дымовая завеса от пожарищ войны мешала объективному взгляду на жизнь по ту сторону фронта. Там она была трудной и несправедливой, в грязи и во вшах, там царило насилие и голод, но была диктатура идеи и рождался Орден, о котором мечтали белые генералы!

Социально-политический феномен, воплотившийся в таком стратифицированном и многофункциональном явлении, как советская компартия, с трудом поддается идентификации. Привилегированную коммунистическую номенклатуру пробовали называть котерией, кастой, сословием, классом, но следует признать, что ни одно из этих традиционных определений не в состоянии включить в себя все ее главные специфические признаки. Подобного явления ранее человеческая история не знала.

В строгом смысле слова коммунистическая номенклатура не подходит под наиболее распространенное определение «класса», хотя бы потому, что ее нельзя резко оторвать от остальной рядовой пар-

¹ *Белади Л., Краус Т.* Указ. соч. С. 48.

² *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 287.

тийной массы, с которой она составляла единый организм, несмотря на то, что ответработники намазывали на белый хлеб спецпайковую икру в то время, когда рядовые партийцы зачастую не имели и сухой корки. Различие в столовом меню членов партии, т.е. неравенство в иерархии потребления относится к разряду вторичных признаков. Наиболее существенная особенность компартии проявлялась в том, что это была не «партия», не часть, а как раз наоборот, союз частей, некое совокупное представительство всех слоев общества. Из разнообразного арсенала имеющихся определений феномен большевистской партии точнее всего, как ни странно, характеризует архаический термин, к которому привилось иронически-негативное отношение. Сталин называл компартию «орденом меченосцев» и оказался наиболее точен.

Это выражение появилось у него в июле 1921 года в наброске плана брошюры о политической стратегии и тактике: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность»¹. Орден отличает от остального мира идеально сформулированная доктрина, связанная с жесткой внутренней организацией. Как считал Константин Леонтьев: «Организация — это деспотическая форма идеи». Именно образ средневекового воинственного монашеского ордена с его строгой иерархичностью и вместе с тем — открытостью рядов, с его догматической идеологией и — тайными ересями, процветавшими в стенах рыцарских замков, с требованиями суровой дисциплины, ригоризмом его членов и — злоупотреблениями мирскими радостями — все это весьма напоминало то, чем являлась партия большевиков в 1920–30-е годы. Хотя, безусловно, о полном соответствии века двадцатого веку двенадцатому говорить не приходится.

Компартия бросила вызов принципам мироздания, она всегда стремилась преодолеть свой партийный характер, посягая на значение всеобщего, и настойчиво пропагандировала те элементы общего, которые присутствовали в ней как в особенном. Попытки ассоциироваться с массой, с советским обществом, проявлялись в культивировании идеологии гегемонии пролетариата, в гибкой кадровой политике, искусственном размывании социальных барьеров и т.п. Все это довольно далеко выводило партию, ее «верхи», за рамки ограниченного классового интереса. С другой стороны, несмотря на то, что партия предложила истории сложную загадку в виде своей оригинальной природы, которая не позволяет толковать о традиционном классовом интересе, но, тем не менее,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. М., 1947. С. 71.

дает основания говорить о наличии устойчивого специфического интереса той социальной группы, которая являлась физическим воплощением государственной системы. Ее коренном интересе именно в централизованном распределении национального богатства.

Непартийная суть партии настойчивей всего заявляла о себе в регионах, где еще были сильны традиции старого патриархального уклада. Так, на Кавказе роль и место партии вначале поняли с феодальной непосредственностью. В Дагестане в сельские ячейки стремились люди преимущественно зажиточные, искренне считавшие, что принадлежность к компартии дает им неограниченные полномочия в ревкомах и избавление от налогов. В соседней Кабарде за бедность исключали из партии. Таковы были традиционные представления о власти в горском обществе, поэтому естественно, что в некоторых местах коммунистические ячейки выбирались всем аулом¹.

Самодержавие последних Романовых не нашло современной социальной опоры власти. Дворянство, с которым они связали свою судьбу, угасло с отменой крепостного права, а другой они обрести оказались не в состоянии, и власть постепенно выскальзывала из их рук. Необходимую социальную основу власти создали большевики к 1929 году и только поэтому смогли приступить к модернизации страны. Ленин накануне Октября заявил, что старой царской Россией управляли полтора-два тысяч помещиков, а в новой рабоче-крестьянской смогут управлять четверть миллиона большевиков, связанных тысячами нитей с трудящимися массами. Но к этому результату еще предстоял долгий и трудный путь.

К началу XX века с упадком дворянства исчезли старые правила сословного поведения и понятия «дворянской чести», которые ранее были важными факторами функционирования аппарата государственной власти и поддержания общественного порядка. В этот переходный период, во времена первых Государственных дум консерваторы пытались ввести ограничения доступа к рычагам власти «подлого» люда путем утверждения неравноправных курий и многоступенчатости выборов. Как оказалось, думский опыт явился промежуточным этапом на пути общества к более совершенной советской системе отстранения масс от непосредственной власти.

Большевики в процессе государственного строительства в 1918 году отступили от торжества советской демократии к принципам многоступенчатости и неравенства выборов первых Госдум. Но разница заключалась в том, что сословность и имущественное нера-

¹ Инфсводка дагестанской губчека за период с 1 по 15 июля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 284. Л. 88.

венство дореволюционного общества усугубляла недостатки такой системы. Многоступенчатость выборной системы без открытой «орденской» иерархии общества по вертикали — это кратчайший путь к отчуждению власти от общества, даже при наличии формально демократических институтов власти.

Коммунисты — члены Партии-ордена являлись фактически теми же выборщиками (как на выборах в Госдумы) представителей во власть. Только компартия несомненно переусердствовала по части многоступенчатости выборов. Трудящиеся массы выдвигали в партию, парторганизации выбирали актив, актив формировал районных функционеров, районные — областных, областные имели выход на уровень ЦК, который избирал Политбюро, а уже Политбюро намечало себе генерального секретаря. В такой упрощенной схеме прослеживается как минимум пять-шесть ступеней от демоса до высшей партийно-государственной власти. На каждом этапе выраженная воля низов сжималась, как шагреновая кожа, несмотря на дублирующие вертикали власти, системы представительства по советской линии и разбавление котерии функционеров передовиками производства на партийных форумах.

Орден встал на пути «восстания масс». 1918 год показал, что прямые выборы власти несовместимы с необходимым государственным централизмом. Институт Партии-ордена обеспечил не только политическую, но что важнее — социальную стабильность мобилизационного общества. Однако этот процесс затянулся на много лет. При Ленине Орден еще не смог закрепить своих фундаментальных свойств, поэтому и стал возможен развал 1921 года, когда партия в условиях общего кризиса оказалась слаба и не вполне самодостаточна. Строительство Ордена было завершено Сталиным, что стало одним из неперемennых условий к модернизации страны.

Сталин исходил из того, что компартия является «по сути дела выборной партией, выборным органом рабочего класса»¹. Отбор лучших людей из массы народа — уже является поводом для аристократизации избранных. Все попытки уравнивать людей в их возможностях обречены на безрассудство в опасных экспериментах, регресс в ориентации на низший уровень и, в конечном счете, на провал. Архаические, сословные формы неравенства, возникшие в средних веках, изжили себя, прежде всего потому, что затрудняли прилив свежих сил в общественную элиту. Время требовало иных форм организации социального неравенства, открытых для сильных и творческих элементов. Политическую структуру власти, господствовавшую в СССР, можно было бы признать идеальной для

¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1969. С. 121.

такой «этатистской» страны, как Россия. Но она не смогла найти в своих рамках приемлемое решение универсальной проблемы любого государственного устройства, заключающейся в том, что государство должно работать на воспроизводство общества и на воспроизводство самого себя. Противоречие общего и особенно — между потребностями развития общества и потребностями самовоспроизводства правящего класса являлось коренным противоречием, которое, периодически обостряясь, ввергло советское общество в глубокий кризис.

Система КПСС погибла, не завершив цикл своего становления. «Новый класс» так и остался классом «в себе» из-за страха самоидентификации, отказа пойти по пути буржуазии, которая культивирует и делает привлекательным для масс неравенство, основанное на частной собственности. Сыграла роль боязнь признать неравенство и обосновать его неизбежность, открывая доступ для всех энергичных и даровитых к движению вверх. Страусиная позиция коммунистического истеблишмента по отношению к самому себе ограничила возможности советской системы эволюционировать в соответствии с потребностями времени. Неизбежными ее спутниками стали социальное лицемерие, ложь, затем внутреннее разложение и бессилие, приведшие к гибели Партии-ордена. Идеократам не хватило силы и духа на создание идеального фактора на пороге постиндустриальной эпохи. Собственно говоря, у КПСС отсутствовала идеология «для себя», следовательно, она лишала себя возможности культивировать свой аристократизм, культуру и пропагандировать свою привлекательность. Вместо этого заставляли говорить о пролетариате, его непогрешимости, всемирно-исторической роли, и т.д. и т.п. Кого из интеллектуалов и вообще порожденцев научно-технической революции в конце XX века могло привлечь это иконизированное изображение пролетариата?

В настоящее время в формировании государственной элиты представительский принцип Партии-ордена — принцип выдвижения и отбора — заменен принципом «демократической» выборности снизу. Пока недостаточно ясно, насколько это будет приемлемо в российских условиях. Ранее бюрократ имел двойной контроль над собой — контроль непосредственного руководства и контроль Партии. В настоящее время эффективный контроль над аппаратом власти остался только по вертикали власти сверху. Демократический контроль снизу носит эпизодический характер и изначально бывает поражен вирусом «локального кретинизма», по выражению Троцкого. При большевиках это стало ясно уже в 1918 году. В свою очередь либеральные деятели начала 1990-х годов

силою вещей раньше всех пришли к выводу, что опыт коммунистической партии намного полезнее нынешней власти, чем далекие политические миражи и незавидная история многочисленных родственных партий социалистического и демократического толка. Но чтобы повторить опыт КПСС и обрести ее возможности, любая партия должна стать не только политическим, но и социальным феноменом, а это уже далеко не либерализм. Современная государственная система власти в России задыхается от отсутствия такого института формирования и преемственности власти, как Партия-орден. Поэтому в силу практической необходимости развитую, прогрессивную организацию заменяют суррогаты кланового и ведомственного характера.

Вопрос развития и стабильности общества — это прежде всего вопрос о его истэблишменте. Опыт дореволюционной России с его наследственной монархией и дворянским сословием уже непригоден по причине его архаичности. Упования на некий «средний класс» противоречат российской исторической традиции, что является серьезным препятствием. Это в Европе общество развивалось усилиями третьего сословия, а в России — государством, конкретно служилыми классами, дворянством и бюрократией. Как показывает исторический опыт, в России всегда была предпочтительнее элита государственного чиновничества, нежели элита собственников. Эта предпочительность и составляет одну из характерных черт российской истории, скрытой в специфике страны, требующей больших усилий в концентрации и огромного маневра в перераспределении материальных средств, которые под силу только государству и его аппарату. Рынку и его элите такое не под силу. Пока либералы наблюдают за своими тепличными ростками «среднего класса», их ноги уже обвивает могучая молодая поросль почвенной бюрократической растительности. Если раньше условием и орудием общественного переустройства являлись созревшие в недрах старого общества новые классы, то теперь мы видим попытку запустить дело наоборот. То есть, совершив революцию, пытаются создать «средний класс», который станет гарантом стабильности нового уклада. Реальный новый господин, вызревший в недрах советского коммунизма, — это бывший служилый класс, бюрократия, приватизировавшая государство, но подобно Столыпину ищущая путей расширения своей социальной базы.

Исследования времен «разоблачительства» не придавали должного значения противоречиям государства и бюрократии, между которыми традиционно привыкли ставить знак равенства. Между тем, тождества никогда не было в древней истории, тем более его

не могло быть в истории новейшей. Противоречия между партийным централизмом и совбюрократией явились модернизированным вариантом противоречий великокняжеской власти и вотчинников Древней Руси. В 1990-х годах бюрократия одержала победу над государством. Точнее над централизованным госаппаратом в лице Партии-ордена. В результате либеральной революции бюрократия получила в собственность национальное богатство и благополучно освободилась от партийной опеки. Словом, все то, о чем мечтало ведомственное чиновничество в борьбе с партаппаратом в годы нэпа.

Истории России уже известны эксперименты с разведением класса частных собственников как основы европейского уклада. Это было связано с приходом в XVIII веке на русский престол немецкой династии. Екатерина II всегда пыталась утверждать, что «Россия есть европейская держава». В затруднительном положении Екатерины в ее стремлении европеизировать Россию виновато было прежде всего отсутствие третьего сословия — класса буржуазных собственников. Поэтому за отсутствием третьего сословия в видах европеизации России священной частной собственностью (в первую очередь «крещеной») от лица европейского Просвещения был облагодетельствован когда-то служилый класс, превратившийся в крепостническое дворянство. Поражение идеологии государственного централизма от идеологии дворянского крепостничества в XVIII веке явилось прямым следствием влияния европейского Просвещения, а более — результатом правления в России чуждых ее традиций выходцев из Европы.

Большевики начали свою «революцию сверху» при изношенности основных фондов, достигавшей 50%. В 1929 году начался дважды прерванный (в 1914 и 1921 годах) поход за модернизацию отечественной экономики. В принципе, начало индустриализации было бы возможно с 1921 года, как то планировали большевики в 1920 году. Однако осуществлению планов IX съезда РКП(б) и VIII Всероссийского съезда Советов препятствовали два обстоятельства: разорение крестьянского хозяйства, которому необходимо было дать восстановиться в рамках рыночной экономики, свойственной крестьянскому хозяйству, и, что важнее, отсутствовала та социально-политическая сила, которая бы смогла проводить модернизацию, контролировать всю страну. Партия к концу гражданской войны насчитывала около 600 тыс. человек, но она оказалась ненадежной опорой для власти и фактически развалилась в условиях кризиса 1921 года.

Традиционно в нэпе пытались анализировать, вычислять политику государства в отношении крестьянства, связи между промышленностью и сельским хозяйством, но это не самое главное в нэпе. Главное — это социально-политическая подготовка к рывку, к модернизации страны. Для решения перспективной задачи русская история готовилась подспудно, совершая коренные процессы по формированию нового общественного слоя, класса, который впоследствии станет социальной опорой власти в модернизации России.

В течение уже многих лет «разоблачение» большевизма остается модным литературным упражнением. Подобное не раз бывало в истории, французам потребовался целый век, чтобы авторы исторических трудов вновь возлюбили великого корсиканца. Можно с уверенностью предположить, что следующее «откровение» по поводу отечественной истории придет к российскому обывателю, когда в очередной раз обострится потребность в форсированном обновлении экономической базы. Каким-то непостижимым образом в России понимание и отношение к собственной истории связано с состоянием ее основного капитала. Общество не может длительно иметь идеологию, которая целиком, так или иначе построена и культивируется на потребительском интересе.

Торжество либерализма и демократии в начале 1990-х парадоксальным образом породили невиданный бюрократический произвол. Падение партии обусловило торжество ничем не обузданного административного произвола на всех уровнях государственного аппарата. Это довольно ясно указывает на то, какая сила реально пришла к вожделенному материальному благу в результате либеральной революции. Но большая проблема частнособственнической элиты заключается в том, что свято место пусто не бывает. Переход одной генерации чиновников в класс буржуазных собственников неизбежно приводит к власти очередное поколение бюрократии, которое немедленно вступает в борьбу за уже поделенную собственность и прибавочный продукт с новоиспеченной буржуазией.

Текущая внутренняя политика в России медленно, с трудом, но буквально след в след повторяет революционный путь большевиков, восстанавливая органичный для страны государственный уклад. Дело в первую очередь тормозится тем, что системное противоречие государства, бюрократии и капитала в современной России еще не вышло из состояния тождества, противоположности еще не пришли в открытое противостояние. Этим вызывается непоследовательность государственной политики в сфере национальных интересов. Но новая государственная бюрократия неизбежно придет к

самоопределению и осознанию своих особенных социальных интересов и своего места в обществе. Большинство общества заинтересовано в том, чтобы ее мучения на этом пути были как можно менее продолжительными.

Глава 1.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТИИ-ГОСУДАРСТВА

Секрет «необъятной власти»

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть», — продиктовал Ленин в своем знаменитом «Письме к съезду», высказывая опасения по поводу того, сумеет ли Сталин «всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»¹. Известно, что вопреки мнению Ленина Сталин сумел воспользоваться ею и, будучи генеральным секретарем, явил образцы как исключительной осторожности, так и мгновенной политической реакции, постепенно представляя в обличье абсолютного диктатора. Сейчас в ленинской фразе более важна характеристика поста генерального секретаря ЦК партии, который уже, как видно, сам по себе предоставлял функционеру, занимающему этот пост, «необъятную власть». Сталин стал первым генсеком в истории партии, но был ли он первым, кому представилась такая уникальная возможность концентрации власти в послеоктябрьской системе государственного управления? Пост генерального секретаря был учрежден 3 апреля 1922 года на первом пленуме ЦК, избранном XI съездом РКП(б), однако к тому времени он уже имел свою весьма прелюбопытную историю.

До лета 1918 года в истории советской государственности был т.н. «партизанский» период, когда государства (чего-то централизованного в национальном масштабе), в сущности, не было. Налет «партизанщины» был на всем, особенно классовой Красной гвардии. Партизанщина исчезла в силу повелительной необходимости для большевиков удерживать власть, а, следовательно, организовать государство по «готовым, существующим в природе современного общества схемам»².

После неудачной попытки использовать механизм Советов в строительстве нового государственного уклада, с середины

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

² Юренев К. Наши нестроения: К вопросу о преодолении элементов упадка в РКП. Курск, 1920. С. 6.

1918 года большевики встали на путь создания централизованной системы государственной власти, опираясь на провинциальные низовые партийные организации и комитеты бедноты. Вначале центр тяжести находился в комбедах и чека, а затем он переносится на парткомы. Осенью и зимой 1918 года партийные комитеты проводят активную политику подмены советских органов управления, водворяют чекистов на их законное место и становятся реальной властью на местах. Парткомы во главе с ЦК стали нервной системой нового государственного устройства, связавшей в единое целое и приводившей в движение все органы и части российского колосса. Зиновьев, рассказывая широкой партийной массе об итогах VIII съезда партии, в 1919 году говорил: «Всем известно, ни для кого не тайна, что фактическим руководителем Советской власти в России является ЦК партии»¹. По неписаной конституции все выборы в центральные советские и партийные учреждения производились по спискам, фактически составляемым в Цека². Одному из участников VIII съезда РКП(б) В.А.Аванесову удалось лапидарно выразить то, о чем тогда думали многие делегаты: «Мы (т.е. партия) стали государством»³.

Высшим руководящим органом этого «государства» формально являлся его съезд. Между съездами руководящую роль на себя принимал избранный съездом Центральный комитет партии, периодически собиравшийся на пленарные заседания. Но и пленум ЦК как учреждение был слишком громоздок и неприспособлен вести повседневную оперативную работу в партии. До революции ею непосредственно занимались все члены ЦК и в первую очередь сам Ленин, но после Октябрьского переворота, когда чекисты в силу потребностей жизнедеятельности нового государственного организма были «расташены» по различным функциональным государственным постам, собственно партийная работа на какой-то период времени оказалась на втором плане.

Сложилось так, что в то время, когда основные партийные кадры осваивали роли на должностях в Совнарком, комиссариатах, Советах, Красной армии и других местах, где кипела основная работа по созданию и обороне советской республики, практическое руководство партийными делами, Секретариатом и аппаратом ЦК взял на себя Я.М.Свердлов и его ближайший помощник и жена К.Т.Новгородцева. Свердлов выделился в руководящий эшелон

¹ Зиновьев Г.Е. Об итогах VIII съезда РКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 187.

² Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927. М., 1996. С. 111.

³ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 178.

партии между февралем и октябрём 1917 года, когда он проявил необычайную активность и настойчивость в проведении ленинской линии. До семнадцатого года его мало кто знал в партии, он принадлежал к числу тех, кто с поразительной быстротой выдвинулся во время революции.

Свердлов, кроме отменно зычного голоса, не обладал выдающимися ораторскими способностями, как Троцкий, и не претендовал на роль ведущего теоретика партии, подобно Бухарину, но оказался весьма способным и фантастически работоспособным организатором. Личные его качества были выше всяких похвал. Данишевский вспоминал, что когда 5 июля 1918 года во время вечернего заседания V Всероссийского съезда Советов на одном из ярусов Большого театра у кого-то случайно взорвалась ручная граната, то избежать естественной в таких случаях паники и смертельной давки помогла только абсолютная выдержка председательствующего Свердлова¹. При отчаянной близорукости — неплохой спортсмен, хороший товарищ в ссылке, что было редкостью. Он привлекал внимание особенным умением объединять людей, обладал невероятной памятью. В подпольный период помнил имена, фамилии, клички, адреса товарищей по всей России, причем записей никогда не вел. «И столичные и провинциальные товарищи знают, чем был для нашей партии этот исключительный металлический человек с постоянной умной усмешкой, ясным взглядом, железной рукой, голосом трибуна», — так писал партийный публицист Сосновский в отклике на кончину Свердлова².

С VI и вплоть до VIII съезда РКП(б) вся текущая и в первую очередь организационно-кадровая работа в партии легла на его плечи. О нем толковали, что он смело мог сказать: ЦК — это я³. Во второй половине 1918 года заседания Центрального комитета были столь редки, что на VIII съезде оппозиция обвинила ЦК в том, что с весны, со времени борьбы с левыми коммунистами, и до декабря 18-го он спал «непробудным сном»⁴. В это время партийная политика определялась двумя людьми — Лениным и Свердловым путем единоличных переговоров друг с другом и с отдельными лицами, которые стояли во главе какой-либо отрасли государственной работы. В новых условиях Ленин как лидер большевиков уже не имел физической возможности вести государственную и одновременно контролировать чисто партийную, повседневную, в значительной степени рутинную

¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 527. Л. 13.

² Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 105. Л. 13.

³ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. С. 120.

⁴ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 183.

работу, которую он полностью доверил скромному, не обладавшему громкой дореволюционной славой партийного вождя Свердлову. На X съезде Н.Н.Крестинский в памятной речи о Свердлове говорил, что в партии «политическое руководство почти единолично осуществлял т. Ленин, а организационное — т. Свердлов»¹.

Однако в начале 1919 года, в условиях превращения партии в основу, каркас государственного аппарата, организационная, кадровая партийная работа стала приобретать совершенно исключительное значение. Именно она, как оказалось, явилась лучшим инструментом для огранки твердого алмаза партийно-государственной иерархии и превращения его в бриллиант неограниченной власти.

Сам Свердлов прекрасно понимал, какая сила, какие уникальные возможности оказались в его распоряжении и, ревниво оберегал свои секреты. Когда он умер, с ним умер и целый гигантский архив ЦК, который хранила его феноменальная память. После его смерти остались записные книжки с зашифрованными записями, в которых абсолютно никто не мог разобраться. За время работы в Цека Свердлов сумел поставить дело так, что все нити организационно-кадровой работы оказались у него в руках. Он держал контроль над местными парторганизациями путем личных бесед с их представителями. Его память позволяла ему запоминать все необходимые данные, которыми он руководствовался в партийной работе. «В деле учета партийных сил у т. Свердлова в голове хранились сведения о всех партийных работниках, где бы они ни находились. В любой момент он мог сказать, где каждый находится, он же и перемещал их»². Подчиненный ему партийный аппарат конструировался так, что подобранные Свердловым люди всегда были у него в руках. Он умел правильно конкретизировать всякую общую директиву, построить для нее аппарат, подобрать, расставить и пустить в дело нужных людей, чьи способности верно распознавал, оценивал и применял. Это было общее мнение об организаторских способностях Свердлова близко знавших его партийцев.

По большому счету он умер не от инфекции, он перегорел от напряжения, загнав себя насмерть, поскольку не умел расслабляться. Не только положение дел в центре и на местах, но и отдельных работников, рассыпанных на пространстве Советской России, Свердлов знал в совершенстве. Все бесчисленные организационные нити сходились в одном узле, которым был мозг Свердлова. Сотни, если не тысячи телеграмм ежедневно поступали на его имя со всех концов республики. За день его портфель распухал до уродства. По большей

¹ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 499.

² Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 165.

части Свердлов немедленно отдавал соответствующие распоряжения, сам писал ответы, не имея даже личного секретаря. Только перед скоропостижной кончиной он поделился, что, наконец, у него будет хороший секретарь откуда-то с Волги.

Если прибавить сюда еще такой же объем обязанностей, которые он выполнял в качестве председателя ВЦИК, занимаясь подбором советских кадров, и организацией советского аппарата, то станет вполне ясным его реальное положение в партийно-государственном руководстве. Как председатель ВЦИК, он выполнял невероятно сложную, разностороннюю работу по созданию нового государственного аппарата. Все искания новых форм государственных учреждений и регулирование их отношений — все это проходило большей частью при неизменном руководстве Свердлова.

Свердлов, конечно, не мог соперничать с Лениным, чей авторитет и лидерство были непоколебимы (когда тот находился в добром здравии), но при случае Яков Михайлович весьма рельефно проявлял свои недюжинные способности. В сентябре 1918 года, после покушения на Ленина, Свердлов уверенно взял кормило власти в свои руки. Под его председательством ВЦИК и Совнарком принимают решение о беспощадном красном терроре в ответ на убийство Урицкого в Петрограде и ранение Ленина в Москве. Так что впоследствии у крестьян террор ассоциировался с ранением Ленина, и они в 1919 году радовались: «Как хорошо, что товарищ Ленин благополучно здравствует, теперь будет гораздо лучше»¹.

24 января 1919 года Оргбюро ЦК во главе со Свердловым приняло не менее известное циркулярное письмо об отношении к казакам, в котором в частности говорилось: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью»². За короткое время политическая и деловая физиономия Свердлова определилась достаточно ясно. Это был человек с железной волей, большим трудолюбием, способный, быстро схватывающий суть дела и весьма склонный к решительным и беспощадным действиям.

Будучи вынужденным сделать на VIII съезде РКП(б) доклад по оргработе вместо умершего Свердлова, Ленин честно признался: «Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом еди-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 150.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 177.

нолично выносил решения»¹. Такое положение вещей, такая огромная власть, сосредоточившаяся в руках одного человека, и полная возможность единоличного произвола вызывала беспокойство и подземный гул в слое партийных функционеров. Перед VIII съездом партии «по отношению к нему у некоторых товарищей появилось известное недовольство»².

Среди этих «товарищей», недовольных Свердловым, был и сам Ленин. Опытный партийный функционер, он хорошо осознавал всю опасность существования в партии двух сильных центров. По свидетельству Н.Осинского, Ленин в январе 1919 года уже серьезно забеспокоился и поставил в ЦК вопрос о недопустимом развитии в аппарате ЦК личной политики — «цеттель виртшафт», хозяйства путем записок, системы единоличного ведения дел³. Постановка такого вопроса напрямую обращалась против Свердлова, но противоречие не успело развиться вполне. В канун VIII съезда по дороге из Харькова в Москву Свердлов заболел и 16 марта скоропостижно скончался. В то время и позднее в его адрес было произнесено немало пышных слов, которые, думается, подтверждают безжалостную молву о том, что для политика важно выбрать момент, чтобы умереть.

Тогда все свои речи памяти покойного Ленин непременно увенчивал указанием на то, что теперь руководство советским и партийным аппаратом не будет сконцентрировано в руках одного человека, а будет осуществляться коллегиально: «Такого человека, который выработал в себе этот исключительный организаторский талант, нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одно лицо, одного товарища, совмещающего в себе такие способности... Та работа, которую делал он один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, — эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек»⁴.

Итак, Ленин твердо решил раздробить ключевые посты в партийной и советской системе на коллегии, чтобы в дальнейшем не возникало возможности опасного соперничества. 16 марта, на экстренном вечернем заседании ЦК, было вынесено постановление о

¹ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 23.

² Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 499.

³ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 187.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 78–79.

том, что Свердлова «везде придется заменить... коллективной работой»¹.

VIII съезд РКП(б), состоявшийся в конце марта – начале апреля 1919 года, произвел значительные преобразования в структуре ЦК для укрепления его в новой роли главного органа власти в республике. Были учреждены постоянно работающие коллегии из членов Цека: Политбюро, призванное принимать решения по вопросам государственной политики, не терпящим отлагательства, и Оргбюро, «направляющее всю организационную работу партии». Ответственным секретарем ЦК 25 марта пленум ЦК утвердил Е.Д.Стасову.

Однако в течение года жизнь внесла в эту идеальную формулу растворения аппаратной власти в коллегиальной жидкости существенные коррективы. В 1919 году между кругом вопросов, решаемых на Политбюро и Оргбюро, еще не имелось заметной разницы. Оргбюро, заменившее Свердлова, наряду с организационно-кадровыми вопросами постоянно занималось другими, самого разного рода делами. Например, под его непосредственным контролем и руководством находилась работа такой организации, как ВЧК. Большинство вопросов, связанных с проведением красного террора и работой судебно-следственных органов, проходило именно через Оргбюро. В промежутки между VIII и IX съездами РКП(б) состоялось 10 пленарных заседаний ЦК, 53 заседания Политбюро, 19 совместных заседаний Политбюро и Оргбюро и 132 заседания Оргбюро². Таким образом, Оргбюро являлось наиболее рабочим и оперативным органом Центрального комитета. В отчете к IX партийному съезду указывалось, что «поскольку пленум не мог часто собираться, постольку Оргбюро приходилось решать вопросы, которые при других обстоятельствах оно не брало бы на себя»³.

Но гражданская война, формирование и функционирование новой государственной власти в центре и на местах ставили перед ЦК и его коллегией столько вопросов, что даже их регулярные и частые заседания не могли в достаточной степени оперативно и надлежащим образом реагировать на нахлынувший поток больших и малых проблем. Жизнь требовала постоянного непосредственного вмешательства Секретариата ЦК, личного вмешательства ответственного секретаря в текущие дела.

Надо сказать, что Стасова оказалась малоподходящим в этом смысле человеком. Она была преимущественно техническим работником, и сама признавалась, что «считала себя недостаточно ком-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 165.

² Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 507–508.

³ Там же. С. 38.

петентной в политических вопросах»¹. В качестве ответственного секретаря был необходим властный и сильный человек, способный взять на себя огромную долю личной ответственности в решении вопросов. Таковым в составе Оргбюро в течение 1919 года выделился Н.Н.Крестинский. Официально ответственным секретарем ЦК он был избран пленумом только 29 ноября, но уже до этого давно фактически руководил Секретариатом и играл ведущую роль в Оргбюро.

За 1919 год состав Оргбюро постоянно изменялся, его членами были Сталин, Раковский, Серебряков, Крестинский, Стасова, Белобородов, Муранов, Каменев, Дзержинский, Троцкий. Текучесть состава Оргбюро отражалась на качестве его работы — иногда выносились неодинаковые решения по одним и тем же вопросам и часто отменялись принятые ранее. Постоянные разъезды и назначения основной массы членов бюро приводили к тому, что регулярную работу вело лишь несколько человек и в первую очередь Крестинский, одновременно занимавший пост наркома финансов. В партийных кулуарах распад Оргбюро не был секретом, и все признавали, что к осени 1919 года из всех задействованных там членов ЦК, обладающих организационными способностями, работает только Крестинский.

Касаясь личности Крестинского, нужно заметить, что это был уникальный в своем роде руководитель финансового ведомства, наверное, единственный в своем роде во всей всемирной истории, который свою задачу как наркомфина видел в аннулировании денежной системы вообще. Среди плеяды большевистских руководителей Крестинский выделялся последовательной военно-коммунистической государственно-централистской позицией. Как признавал нарком продовольствия Дзюруп, он являлся наиболее верным и надежным сторонником продовольственной диктатуры в Цека и Совнаркоме². Будучи человеком властным и принципиальным, Крестинский даже не видел особой необходимости в сохранении советской ширмы для большевистской диктатуры и откровенно высказывался за упразднение Советов в уездах и некоторых губернских городах Советской России³. Благодаря тому, что в 1919–20 годах позиция Крестинского как нельзя лучше соответствовала общему направлению государственной политики, его карьера переживала взлет.

Однако после опыта со Свердловым Ленин опасался всецело предоставлять аппарат ЦК одной сильной личности, поэтому он с ин-

¹ Стасова Е.Д. Воспоминания. М., 1969. С. 161.

² РГАСПИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 160.

тересом прислушался к советам Осинского. Осинский, несмотря на свою демонстративную оппозиционность Кремлю, частенько одолевал Ленина приватными (и, надо отдать должное, весьма дельными) письмами. В очередном письме Ленину от 16 октября 19-го года он предложил в целях преодоления организационного разлада «учредить организационную диктатуру из трех членов ЦК, наиболее известных в качестве организаторов»¹. В качестве таковых Осинский рекомендовал Сталина, Серебрякова и Крестинского (с заменой одного Дзержинским) и почти что угадал. После IX партсъезда пленум ЦК учредил Секретариат из коллегии трех членов Цека, Крестинского, Преображенского и Серебрякова, они же составили и костяк нового Оргбюро. Несмотря на формальное равенство трех секретарей, лидером по-прежнему оставался Крестинский. Он был единственным

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1253. Л. 6. Отношения Ленина и дециста Осинского всегда были непростыми. Н.Осинский (В.В.Оболенский) принадлежал к числу «неудобных» работников. В 1918 году он, будучи первым председателем Президиума ВСНХ, не ужился в Смольном, входил в левую оппозицию по вопросу о Брестском мире; в 1919 году стал организатором и одним из лидеров внутрипартийной группировки демократического централизма, которая в весьма жестких выражениях подвергла критику как Цека, так и самого Ленина. Являясь чрезвычайно инициативной личностью, Осинский постоянно входил в оппозицию, постоянно к чему-то призывал, раскачивал устоявшееся и расшатывал авторитеты. В то же время этим-то он и был ценен: выступая с критикой, загадывая вперед, он брал на себя нелегкий и неблагодарный труд первопроходца во многих делах. После 1918 года Ленин не подпускал Осинского к высшим партийно-государственным должностям, держал на отдалении, в провинции, но всегда внимательно выслушивал, точнее – прочитывал, его соображения, поскольку личные беседы у них, как правило, не получались и Осинский предпочитал обращаться к Ленину посредством бумаги и чернил. Благодаря сохранившимся в архивах листочкам записок и писем Осинского выясняется, что он находился у истоков самых фундаментальных и важных мероприятий военного коммунизма. Этот лидер группировки именно «демократического» централизма и борец против бюрократии с трибуны VIII съезда партии настаивал на создании таких явно «демократических» партийных учреждений, как постоянные бюро ЦК. Он был инициатором образованных в 1919 году и эффективно зарекомендовавших себя губернских продовольственных совещаний, органов, усовершенствовавших репрессивную политику продовольственной диктатуры. Его записка периода декабря 19-го года содержала идеи по обоснованию введения милитаризации промышленного труда (Так же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11935. Л. 3). Наконец, во второй половине 20-го года Осинский выступил в качестве инициатора и разработчика эпохального военно-коммунистического проекта по применению государственного принуждения в крестьянском хозяйстве. И этот «синодик» охватывает только основные заслуги Осинского по проектированию и проведению политики военного коммунизма.

из секретарской троицы, который одновременно входил в Оргбюро и Политбюро ЦК. Между прочим, именно Крестинского впервые начали называть генеральным секретарем¹, хотя формально этот пост еще и не был учрежден (впоследствии Троцкий в книге «Сталин» по праву назовет первым генсеком Свердлова).

Помимо секретарей, членами Оргбюро являлись Рыков и Сталин, но это были наименее активные участники «оргий», как в то время иронически называли многочасовые бдения Оргбюро. Сталин регулярно находился в отлучке, по заданию Ленина подставляя «дружеское» плечо Троцкому в армии. Рыков же, обремененный заботами по спасению гибнущей промышленности, по большей части присутствовал на бюро, если требовалось решить вопрос, связанный с интересами его ведомства. Посему Организационное бюро превратилось в секретарскую вотчину, где секретари вершили дела и вместе и порознь. Нередко заседания вел один секретарь, чаще Крестинский, который и принимал «коллегиальные» решения.

Но никакое бюро физически не было в состоянии разрешить все вопросы, выдвигаемые жизнедеятельностью сверхцентрализованной партийно-государственной системы в условиях постоянно расширяющейся территории Советской России, несмотря на то, что иной раз количество вопросов, вносимых в повестку заседания, переваливало за сотню. Сплошь и рядом секретарям приходилось выносить самостоятельные решения по важнейшим делам. Секретариат ЦК и его отделы проводили огромную работу по ревизии, инструктированию местных парторганизаций, разрешению конфликтов, занимались массовыми перебросками десятков тысяч коммунистов из губернии в губернию, из тыла на фронт, с фронта в тыл, на транспорт и т.д. Судьба и карьера каждого ответственного партийного ли, советского ли, военного или хозяйственного работника напрямую зависела от Оргбюро и Секретариата ЦК. Работа их была безапелляционной, т.е. решения являлись истиной в последней инстанции. Такие полномочия были предоставлены Секретариату и Оргбюро для того, чтобы, по выражению Осинского, «прекратить всякие перекрестные влияния, закулисные ходы всего того человеческого балласта, который обременяет ответственные посты»². В архивах Секретариата и Оргбюро нередко можно встретить смиренные письма самых отъявленных партийных бузотеров, в которых те преклоняли голову перед всемогущим учреждением и просили сделать какое-либо распоряжение относительно их персоны.

Важнейшие политические вопросы, внешняя политика, эконо-

¹ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 95.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1253. Л. 6.

мическая стратегия не входили в компетенцию Оргбюро, но оно распоряжалось «ногами» ответственных работников, чьи стопы одним мановением направляло с места на место, вверх и вниз по служебной лестнице. И при случае власть над «ногами», подбор и расстановка кадров, запросто могла распространиться и на «руки» партийных функционеров, делегатов очередного партийного форума. Подобная ситуация позднее получила выражение в крылатом изречении генсека Сталина: «Кадры решают все».

Короче говоря, несмотря на усилия Ленина не допустить опасного раздела партийной власти, логика кадровой работы привела к появлению наряду с Политбюро, руководимого Лениным, второго могущественного центра власти — Оргбюро во главе с Секретариатом ЦК. Сформировалось коренное, неустранимое противоречие между государственным функционализмом и системой кадровой власти, которое отныне и до конца являлось источником дуализма в политической структуре, созданной коммунистической партией. На протяжении всего советского периода это внутреннее противоречие неоднократно обострялось и его первое серьезное осложнение связано с окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству. В 1920 году сложилась потенциальная угроза противостояния Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), которое в случае серьезных разногласий в руководстве партии могло превратиться в реальность.

Дискуссия о профсоюзах

Это и произошло во время так называемой «дискуссии о профсоюзах», развернувшейся в партии в конце 1920 — начале 1921 года. Несмотря на весь размах и гласность, с которой проходила эта дискуссия, она до сих пор остается наиболее загадочным и непонятным явлением в истории первых лет Советской власти. Этот крепкий орешек иногда пытались расколоть, используя инструментарий, оставленный одной из спорящих сторон, но думается, что к дискуссии о профсоюзах более всего подходящ известный афоризм о том, что язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли.

В самом деле, непостижимо, чтобы довольно частный вопрос о роли и задачах профсоюзов буквально расколол руководство и потряс всю партию до основания. Вопросы такого рода регулярно, более или менее успешно, но все же решались в рабочем порядке на пленумах Цека, в крайнем случае, на съездах партии. Нередко допускались ошибки, которые, однако, быстро исправлялись таким же порядком,

без выноса на широкое всепартийное обсуждение.

Ленин говорил, что дискуссия была навязана Троцким, и неоднократно подчеркивал, что, «допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку»¹. Сам Троцкий впоследствии писал, что «дискуссия была совершенно не на тему»², она «выросла из хозяйственной безысходности на основании продразверстки и главкокрatii»³. Как у того, так и у другого были все основания недовольствоваться.

В ходе дискуссии многие ее участники высказывали соображения о том, что бурное обсуждение профсоюзного вопроса стало одной из форм проявления глубинного общественного кризиса на рубеже войны и мира. На X съезде партии Зиновьев заявил: «Если есть кризис, то этот кризис общий, а не особый кризис профессиональных союзов. Теперь, как ни трудно сознаться в этом, мы переживаем некий кризис революции»⁴. Несомненно, это так. Наряду с крестьянскими восстаниями, волнениями рабочих в Москве, Петрограде, Саратове, других городах, ростом недовольства в Красной армии, наконец, Кронштадтским мятежом, дискуссия о профсоюзах стала специфическим проявлением объективного всеобщего кризиса в рядах господствующей партии. Как писал Ленин в январе 1921-го года: «Партия больна, партию треплет лихорадка»⁵.

Однако осталась непонятной сама механика, подоплека спора, ввергнувшего партию в тяжелый кризис. Нельзя же серьезно предполагать, что собственно те лозунги и словечки, брошенные Троцким, а также другими участниками дискуссии о «закручивании гаек», о «производственной демократии», о «школе коммунизма» и т.д. и т.п. и смогли явиться самостоятельной, настоящей причиной раскола, споров до хрипоты и посинения, физического преследования соперников. Как это было, например, в Екатеринбурге, где сторонники Ленина вынуждены были действовать чуть ли не в подполье и почти нелегально издавать свою литературу.

Вопрос о роли и задачах профессиональных союзов в новом общественном укладе возник задолго до самой дискуссии, точнее, он находился в перманентном дискуссионном состоянии, поскольку существовала необходимость управления социально-экономической жизнью страны и существовали профсоюзы и хозяйственные ведомства, руководство которых занималось взаимным перетягивани-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 15.

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 442.

³ Он же. К истории русской революции. М., 1990. С. 196.

⁴ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 346.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 234.

ем каната под наблюдением и окриками Цека партии. Профсоюзный вопрос обсуждался накануне и во время IX съезда РКП(б), который принял специальную резолюцию о профессиональных союзах и их организации. После этого он в очередной раз обострился осенью 1920 года, когда ввиду близкого окончания войны ВЦСПС усилил свои претензии на пересмотр роли профессиональных работников в управлении промышленностью и транспортом.

Начиная с 1918 года, по мере укрепления военно-коммунистического централизма, положение складывалось не в пользу профессиональных союзов. Сфера их компетенции и влияния в промышленном производстве неуклонно сужалась. Профсоюзный демократизм, коллегиальность, выборность вытеснялись назначенством, единоначалием, принудительными методами. Особенно чувствительно эта тенденция проявилась на самом ответственном и уязвимом участке хозяйства — на транспорте, где еще давно происходило интенсивное уничтожение всяких профсоюзных вольностей. В феврале 19-го был образован так называемый Главполитпуть (Главный политический отдел Народного комиссариата путей сообщения) в качестве временного политического органа, работающего под непосредственным контролем ЦК РКП(б). В январе 1920-го года он был реорганизован в Главное политуправление НКПС. Целью создания Главполитпути было проведение чрезвычайных мер, направленных на предотвращение полного развала транспорта. Управление и его отделы имели широкие полномочия, устанавливая военную дисциплину на железных дорогах. Подобный Главполитвод был в апреле образован и для водного транспорта.

Особенность ситуации заключалась в том, что в 1920-м году состав центральных профсоюзов железнодорожников и водников практически полностью совпадал с составом руководства Главполитпути и Главполитвода. Такая же личная уния постепенно происходила и в низших звеньях политуправлений и профсоюзов. Это означало, что руководители транспортных союзов уже фактически не выбирались рабочими и служащими, а непосредственно назначались Оргбюро ЦК по представлению наркома путей сообщения.

В результате решения Оргбюро о слиянии Всероссийского союза работников железнодорожного транспорта и Всероссийского союза работников водного транспорта, в сентябре 1920 года образовался единый Союз транспортных рабочих. Во главе этого самого крупного в Советской России профсоюза, объединившего 1 250 000 железнодорожников и 250 000 водников, стоял Центральный комитет союза транспортных рабочих (Цектран), состоявший по назначению из функционеров Главполитпути и Главполитвода. Произошло

«сращивание» профсоюзной и государственной структур, и внутри этого грандиозного аппарата царили порядки и люди транспортно-го диктатора, наркома путей сообщения Троцкого. Здесь не было и речи о демократических профсоюзных началах, господствовали назначенчество, милитаризация и суровые наказания.

Троцкий планировал через несколько месяцев после окончательного «сращивания» аппаратов упразднить главные политические управления и вручить всю власть Цектрану. На первый взгляд в этой схеме было непонятно: что же все-таки ликвидируется — главные политические управления или Цектран? Судя по названию, это был план передачи полномочий профсоюзу, но по сути — профсоюз превращался в обычный государственный орган, и аппаратчики Главполитпути и Главполитвода приказом Троцкого переселились бы в цектрановские кабинеты. Свой план Троцкий называл «сращиванием» и почему-то передачей управления профессиональным союзам.

В Цектрane Всероссийский центральный совет профессиональных союзов дальше порога не пускали, и ВЦСПС предпринимал активные попытки восстановить свое влияние в промышленности и на транспорте под предлогом критики «бюрократических методов и приказов сверху», а также обоснованием необходимости изменения организации и управления производством путем внесения туда более демократических профсоюзных методов работы. В августе Томский безрезультатно обращался в Политбюро с просьбой пересмотреть постановление Оргбюро об объединении ЦК профсоюзов водников и железнодорожников¹. Профессионалисты провозглашали, что должны дать отпор ложным представлениям о том, что трудовую дисциплину и народное хозяйство можно организовать, опираясь на принуждение.

Учитывая неизменно исключительное значение путей сообщения для государственного централизма в таком цивилизационном пространстве, как Россия, не удивительно, что органы путей сообщения в условиях гражданской войны и нестабильной государственной структуры объективно стали выходить за рамки управления собственным транспортом. В 1920 году дорполиты (политотделы дорог), опираясь на авторитет Троцкого, военного ведомства и при поддержке Секретариата ЦК, начали посягать на руководство губкомами и укомами тех губерний, через которые проходили важнейшие железнодорожные и водные пути — напрямую командовать местными органами власти. Наметившаяся транспортная вертикаль государственности, угрожающая поглотить все остальные структуры, вызвала тревогу в центре государственного функционализма — Политбюро.

¹ См.: В.И. Ленин. Биохроника. Т. 9. М., 1978. С. 215.

Впоследствии ленинская вертикаль ГОЭЛРО появилась, в том числе как противопоставление, как хозяйственная альтернатива путейским амбициям Троцкого — превратить транспорт в основу экономической жизни страны и таким образом гарантировать соответствующее значение в ее руководстве главы транспортного ведомства.

Итоги сентябрьской IX конференции РКП(б), прошедшей под флагом борьбы с бюрократизмом и развития демократических принципов в партии, повлияли на профессионалистов как призыв к наступлению на хозяйственную бюрократию ВСНХ и НКПС. Сразу же после конференции на пленуме ЦК РКП(б) был поставлен вопрос о применении решений конференции к работе профсоюзов. Цек партии постановил, ввиду заметного улучшения работы транспорта, начать работу по «растворению» Главполитпути и Главполитвода в профсоюзном аппарате с тем, чтобы затем объединенный союз железнодорожников и водников вошел в общую систему профсоюзных организаций, возглавляемую ВЦСПС¹. Если в своей первой части постановление Цека соответствовало политике Троцкого, то во второй шло абсолютно вразрез с его интересами и подрывало его неограниченную власть на транспорте. В воздухе запахло грозой. Стало понятно, что не миновать крупного столкновения Троцкого с руководством ВЦСПС, в котором могущественный вождь Красной армии постарается стереть противников в порошок.

Силы пришли в соприкосновение 3 ноября 1920 года, на 5-й Всероссийской конференции профсоюзов. Я.Э.Рудзутак от имени Президиума ВЦСПС начал критикой хозяйственников: «Очень симптоматичным является заявление некоторых товарищей из ВСНХ, которое было сделано недавно, о том, что ставка хозяйственных органов на профессиональные союзы потерпела поражение, и что в настоящий момент необходимо делать ставку на губисполкомы». И далее без указания конкретных имен следовала атака на лагерь более серьезного противника из военного ведомства: «Предположение, что мы можем совершить наше строительство, опираясь на применение принудительных мер, является чистейшим вздором, чиновничьим вымыслом людей, которые не понимают, что творится вокруг них»².

Со своей стороны Троцкий в выступлении на заседании коммунистической фракции конференции предложил взять Цектран, руководимый главными политическими управлениями, в качестве об-

¹ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. С. 323.

² Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (3–7 ноября 1920 г.). Стенографический отчет. М., 1921. С. 67.

разца для работы профсоюзов. В военной среде Троцкий набрался военного духа и приобрел привычку говорить откровенно и прямо то, что другие прикрывали тактичными оборотами. Он выдвинул лозунги «завинчивания гаек военного коммунизма», «срачивания» профсоюзов с государственными органами и, главное, «перетряхивания» руководства профсоюзов. «Перетряхивание» решило все. Это уже была не просто идея, предмет для теоретического спора, а конкретная заявка на устранение руководства профсоюзов. Тотчас после этого, по свидетельству Ленина, в Политбюро явился «неслыханно возбужденный т. Томский и, при полной поддержке уравновешеннейшего т. Рудзутака, стал рассказывать о том, как т. Троцкий говорил на этой конференции о “перетряхивании” профсоюзов»¹.

Троцкий выступил против директивы Цека, кроме того, Ленин не мог потерпеть чьих-либо претензий на перестановки в высшем партийно-государственном эшелоне, который он сам всегда тщательно подбирал и держал под своим личным контролем. Поэтому на очередном пленуме ЦК 8 ноября, при достаточно сдержанной позиции большинства цекистов, Ленин усиленно поддерживает председателя Президиума ВЦСПС Томского против Троцкого. «При этом в споре некоторые, явно преувеличенные и потому ошибочные, “выпады” допускает Ленин»². На защиту Троцкого становятся Рыков, функционер Цектрана Андреев и, что очень важно отметить, секретарь ЦК Крестинский. Остальные двое секретарей ЦК — Преображенский и Серебряков — вместе с большинством членов Цека пока еще с недоумением смотрят на разворачивающийся конфликт и безуспешно стараются смягчить позиции спорщиков.

В этой стадии конфликт еще не приобрел ясно выраженного личностного характера. Тезисы Троцкого отклонены, ему предлагают «усилить и развить нормальные методы пролетарской демократии» внутри Цектрана и ввести его в состав ВЦСПС на одинаковых правах с другими профсоюзами³. Троцкому также предлагают принять участие в работе комиссии вместе с Зиновьевым, который еще занимал нейтральную позицию, и Томским для выработки принципов политики в отношении профсоюзов. Троцкий без видимых причин отказывается войти в комиссию, требуя «не келейного» решения вопроса. С этого момента разногласия начинают стремительно приобретать принципиально личностный характер.

Невхождение Троцкого в комиссию стало демонстративным жестом и выпадом в адрес лично Ленина. Троцкий очевидно «сорвался».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 270.

² Там же. С. 235.

³ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. С. 323.

В течение всего 1920 года он чувствовал на себе жесткий прессинг Ленина, который эксплуатировал его, одновременно не давая вырваться со вторых ролей на первый план. Поднимать транспорт — это Троцкий, «щупать» под ребра белую Польшу, чтобы в ней «получилась» советская власть, громить Врангеля — тоже Троцкий, но в то же время одна за другой, при активном участии Ленина, отвергаются его инициативы по коренным вопросам политики партии. Как, например, мартовское предложение о замене продналогом. Ему также пришлось держать отчет за коллективную (в основном ленинскую) авантюру Цека с «маршем на Варшаву».

Война подходила к концу, и Троцкий не мог не задумываться над тем, какую роль он, вождь победоносной Красной армии, станет играть в послевоенном устройстве. Армия отходила на второй план, но сам Троцкий не хотел сдавать завоеванные ею для него популярность и значение в руководстве страны. В период мирной передышки в начале 1920-го года он усиленно проводил идею по созданию трудовых армий на базе боевых соединений, с помощью которых надеялся занять прочные позиции в экономике. Тогда военная цензура по всей Ресепесере составляла обширные коллекции выдержек из писем с ругательствами по адресу власти и жалобами на голод и холод, но в переписке из Екатеринбурга — расположения частей 1-й Трудармии, доминировали хвалебные отзывы красноармейцев о самом Троцком и удовлетворение своим житьем: «Живем очень хорошо, хлеба — 2 фунта, сахару — 5 кусков, мяса — $\frac{3}{4}$ фунта в день... мыла... табаку... жалованье 800 руб. в месяц. Выдали обмундирование: рубашку, брюки, шинель, ботинки, шапку». Чего еще солдату нужно? Поэтому: «Пусть буржуазия всего мира видит, как рабочий и крестьянин, не выпуская из рук винтовки, строит себе мирную счастливую жизнь»¹.

Однако московские наркоматы тогда увидели в идее трудовых армий покушение на свою монополию в отраслях хозяйства и объявили ее подрывом принципа централизации. План Троцкого был холодно встречен в Совнаркоме и не был осуществлен в той мере, как рассчитывал его автор. И вот опять осенью 1920 года — новый удар по позициям Троцкого, уже в Наркомате путей сообщения.

Если бы в то время у, так сказать, среднестатистического мужика, рабочего, красноармейца спросили: кто управляет страной? То он не вспомнил бы ни Советы, ни Цека большевиков, он ответил бы: Ленин и Троцкий. Имя Троцкого, как и Ленина, тогда у всех было на слуху, и, как бесспорный герой гражданской войны он, очевидно, не отказался бы и от «триумфальной арки» по древнеримскому обычаю. Трудно сказать, насколько далеко простиралось его честолюбие, но, во вся-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 452. Л. 36.

ком случае, все из старой гвардии хорошо помнили, что долгое время до революции, он пытался на равных разговаривать с Лениным в социал-демократическом движении. Несомненно, что Троцкий был на голову выше всего остального состава ЦК и только он при случае мог отважиться публично сказать Ленину, что тот «хулиган»¹.

Под свое выступление против ВЦСПС и Ленина Троцкий поспешил подвести теоретический фундамент. 9, 10 и 11 ноября на страницах газеты «Экономическая жизнь», любезно предоставленных ему сочувствующим Рыковым, Троцкий опубликовал большую статью «Путь к единому хозяйственному плану (К VIII съезду Советов)», в которой атаковал постановление 5-й профсоюзной конференции, осудившее бюрократические, приказные методы управления производством и отрыв руководства производством от профсоюзов. Троцкий признал пороки советской главкокртии, ее бюрократизм, безжизненную формалистику, невнимание к существу дела, волокиту и проч. Вместе с тем он призвал прежде всего не забывать, что из неуклюжих комиссариатов и главков «мы создали и создаем не нечто случайное и вредное, а нечто необходимое, именно административно-хозяйственную советскую бюрократию, без которой не может существовать государство, доколе оно остается государством»².

Здесь к политической биографии будущего трибуна партийной демократии уместно вспомнить то, о чем он предпочитал писать в 1920 году, а предпочитал Троцкий буквально следующее: «Бюрократия имеет не только отрицательные, но и положительные черты, более специальное знакомство с определенными отраслями управления и хозяйства, точную иерархию взаимоотношений, определенные, выработанные долгой практикой приемы работы и т.д. Такого рода аппарат советской бюрократии (партийной и непартийной) приходит на смену самодельщине, кустарничеству, нашему первобытному хаосу и потому является необходимым этапом в нашем государственном развитии»³.

На 5-й профконференции профессионалист и участник «рабочей оппозиции» Ю.Х.Лутовинов⁴ выдвигал Наркомат рабоче-крестьянской инспекции как панацею от всех бед, приносимых несовершенным аппаратным управлением народным хозяйством⁵. Естественно,

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.

² Экономическая жизнь. 1920. 9 нояб.

³ Там же.

⁴ Покончил жизнь самоубийством в 1924 году, так как «не мог примириться с медленным развитием социалистического строительства». См.: Каторга и ссылка. 1924. № 4.

⁵ Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов... Стенографический отчет. С. 93–100.

что Троцкий агрессивно возражал против РКИ, возглавляемой Сталиным. Троцкий писал, что РКИ оказалась бессильной бороться с бюрократическими недостатками системы. Ее методы оказались недействительными, ибо речь идет не об изобличениях и пресечении, а о строительстве нового хозяйственного аппарата. РКИ не может бороться с недостатками ведомственной бюрократической системы в принципе, ибо все важнейшие нарушения законности этой системой — в целях дела и вызваны внешними обстоятельствами¹. «Приставленные к ведомству контролеры убеждались, что волокита вытекала из внешних затруднений (недостаток материальных благ и несогласованность организации), а обход декретов в большинстве случаев вызывался необходимостью достигнуть практического результата и совершался без ущерба для каких-либо более высоких интересов»².

Защита Троцким принципа назначенства и административно-командных методов — всему этому очень сочувствовали в Секретариате ЦК РКП(б). Сближение Троцкого с Крестинским в начале дискуссии о профсоюзах не было случайным. Крестинский был горячим сторонником насаждения политотделов. Крестинский происходил из екатеринбургской команды, пришедшей со Свердловым и выделявшейся своим крайним радикализмом даже в большевистском правительстве. Крестинский как секретарь ЦК являлся, пожалуй, единственным из видных руководителей, кто искренне поддерживал Троцкого по вопросу о создании на Урале 1-й Трудармии. Троцкий весь 1920 год очень тесно сотрудничал с Оргбюро и Секретариатом ЦК по самым разнообразным вопросам. Ему импонировал стиль работы Оргбюро — оперативное принятие важнейших решений, предназначенных к быстрому и беспрекословному исполнению. Это было очень близко по духу председателю РВСР. Кроме того, имело значение еще одно важное обстоятельство. В Оргбюро не было Ленина, который строго держал всех вождей революции в «коротких штанишках», и, что бы ни писал впоследствии Троцкий о своем почтении к Ленину после Октября, их отношения были вовсе не безоблачными. Он заметно тяготился под властью и неусыпным контролем Ленина.

Кампания, поднятая против Троцкого и Цектрана, больно задела Крестинского и весь Секретариат ЦК. Назначенство было методом работы Оргбюро, для чего оно, собственно, и создавалось. Главные политические управления на транспорте были его любимым детищем. В январе-феврале 1920-го года Оргбюро и учетно-распределительный аппарат ЦК провели колоссальную работу, перебросили на транспорт

¹ Экономическая жизнь. 1920. 11 нояб.

² Там же. 10 нояб.

тысячи и тысячи коммунистов. Главполитвод и Главполитпуть в своей работе были подотчетны непосредственно ЦК РКП(б). Про самого Крестинского говорили, что он боится «пришествия Хама» в партийно-государственный аппарат через митинговые популистские и местные каналы, поэтому он принципиально стоял за перевод всей партийной кадровой политики с принципа выборности на принцип назначения. Принятая IX партийной конференцией резолюция по партийному строительству в связи с вопросом о «низах» и «верхах» в партии, в которой Цека было предложено «при распределении работников вообще заменить назначения рекомендациями»¹, и следовавшая затем травля политуправлений болезненно отзывались в Секретариате ЦК.

Ленин, вместо запланированного на ноябрь–декабрь отпуска, получил морочу с Троцким. Наметившийся союз Троцкого с могущественными Оргбюро и Секретариатом ЦК чрезвычайно беспокоил Ленина, не допускавшего каких-либо коалиций за своей спиной. Поэтому, как и встарь, в эмигрантские времена, он начинает планировать комбинацию и проводить фракционную интригу через проверенного в таких делах Зиновьева.

Новый импульс развитию конфликта дало Всероссийское совещание Цектрана в начале декабря 1920-го года, на котором меньшинство, представители водного транспорта, обвинили Цектран в том, что он не проводит в жизнь постановлений IX партийной конференции и пленума ЦК о переходе от специфических методов работы на транспорте к методам, сближающим его с другими профсоюзами. Кроме этого, водники потребовали смены руководства Цектрана во главе с Троцким. Известная зиновьевская комиссия Цека постаралась усилить раскол среди транспортников, поддержав требования водников на пленуме ЦК 7 декабря. В тот же день произошло решительное размежевание членов Центрального комитета, которое, в сущности, уже неотвратимо предопределило дальнейшее развитие событий.

На этом пленуме большинство цекистов, не одобрявшее немедленной расправы с Троцким, проголосовали за «буферную» резолюцию Бухарина, которая предлагала немедленно упразднить Главполитвод и Главполитпуть, но отвергала требование немедленного пересмотра руководства Цектрана. Ленин это решение воспринял однозначно, что «декабрьский пленум был против нас за Троцкого»². Однако, например, Рыков, у которого, надо сказать, всегда было изумительно развито чутье и инстинкт самосохранения, понимая, что дело идет уже не о профсоюзах, а кое о чем посерьезнее, забывает свои разно-

¹ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. С. 279.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 247.

гласия с ВЦСПС и переходит на сторону Ленина. Перебежка Рыкова явилась верным признаком приближения грозы. Ленин в своем Цека потерпел поражение в принципиальнейшем противостоянии с Троцким, и его реакция обещала быть исключительно жесткой. Впоследствии Ленин писал Иоффе: «Старый Цека (1919–1920) побил меня по одному из гигантски важных вопросов, что Вы знаете из дискуссии»¹.

В ходе профдискуссии Ленин вновь подтвердил себя непревзойденным тактиком фракционной борьбы. Понимая, что никакая популярность Троцкого не спасет его бюрократические лозунги в духе «закручивания гаек» от поражения в широкой партийной аудитории, среди рядовых коммунистов, Ленин решает обострить ситуацию и через Зиновьева делает Троцкому предложение опубликовать свои тезисы, поскольку будто бы «дискуссия прет со всех сторон и дальше ее удерживать нет возможности»². По инициативе группы Ленина решением Цека созыв X съезда был отсрочен. Вынося дискуссию на предварительное общепартийное обсуждение, Ленин отводил угрозу со стороны партбюрократии, которая могла бы поддержать его противников на съезде, отчасти из-за боязни перед Оргбюро, отчасти из-за симпатий к авторитарным методам управления, исповедуемым Троцким и Секретариатом ЦК, в противовес профсоюзной коллегиальной дряблости. Широкая дискуссия должна была отсесть и нейтрализовать часть ненадежного партийно-государственного чиновничества.

Честолюбивый Троцкий, «трехнедельный удалец» в профдвижении, как его язвительно окрестил Д.Б.Рязанов, попался на эту удочку и опубликовал брошюру «Роль и задачи профессиональных союзов». 24 декабря пленум ЦК разрешил свободу дискуссии, и 30 декабря на фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов перед сотнями ответственных партийных и советских работников со всей России начинается всепартийный этап дискуссии, этап, когда, по выражению одного из участников, дискуссия приняла «разнузданные формы»³.

Выступления Ленина и Зиновьева 30 декабря приоткрывают завесу над действительной подоплекой конфликта в партийной верхушке. Рязанов на X съезде заметил, что 30 декабря Зиновьев «поднял знамя восстания против Оргбюро», провозгласив: «Мы не позволим какому-нибудь Оргбюро распоряжаться партией»⁴. Судя по стенограмме заседания фракции, Зиновьев высказался несколько

¹ Там же. Т. 52. С. 100.

² Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 393.

³ Там же. С. 367.

⁴ Там же. С. 88.

дипломатичнее, он сказал: «Мы не допустим, чтобы над профессиональным движением, которое объединяет 7 миллионов рабочих, чтобы над ними производилась кухонная стряпня из почтенного учреждения, которое именуется Оргбюро ЦК»¹. Тем не менее, Рязанов точно уловил истинный смысл и направленность зиновьевского выпада. Группа Ленина наносила прицельный удар в первую очередь по могущественным и ставшим опасными Организационному бюро и Секретариату ЦК, которые солидаризировались с Троцким. «Троцкий и Крестинский будут подбирать “руководящий персонал” профсоюзов!» — давал сигнал сам Ленин. «Вот вам настоящий бюрократизм!»²

VIII Всероссийский съезд Советов своими решениями в духе военного коммунизма показал, что никто из основных спорщиков не был принципиально против «закручивания гаек». Спор завелся вокруг того, в чьей руке окажется гаечный ключ. Зиновьев еще на IX партконференции многозначительно намекнул: «Партия еще ищет настоящий ЦК»³.

В оболочке дискуссии о профсоюзах выросло то, чего Ленин постоянно опасался, — возникло противостояние Политбюро и Оргбюро ЦК. Вокруг последнего стали консолидироваться недовольные функционеры и опальные руководители. В декабре большинство членов ЦК «взбунтовалось» против самого Ленина. Несомненно, мотивы у каждого из них были разные, что обусловило как их большинство на первом этапе дискуссии, так вместе с тем и непрочность этой группировки, что продемонстрировал переход струсившего Каменева в лагерь ленинцев в январе 1921-го года.

Наряду с расколом в Цека отчуждение «верхов» и «низов» в партии, отрыв высшего руководства от тех и других породили в партийных рядах массу противоречий. Рядовые коммунисты, низший и даже средний состав партийных функционеров страдали в условиях быстро таявших возможностей влиять на содержание партийно-государственной политики, которая в 1920 году все более отдалялась от реальных потребностей общества. Закономерно, что профсоюзная дискуссия выплеснула на поверхность множество других группировок со своими идеями и лозунгами.

¹ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 20. Л. 139.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 225.

³ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. С. 176–177.

Децизм

Дух соперничества, обуявший вождей в конце 1920-го года, возможно, был бы не столь вреден для советских государственных устоев, если бы между ними и партийной массой сохранялась надежная рутинная прослойка из твердокаменных функционеров средней руки. Однако и средний уровень парт- и совруководства, даже еще раньше, оказался пораженным червоточиной сомнений, взрыхлен исканиями честолюбий, расшатан бесконечными притираниями партийных и советских органов и заматерел, участвуя в аппаратных междоусобицах. Повелось это еще с тех пор, когда в 1918 году московский центр приступил к «собираанию Руси» под красным флагом и созданию необходимого для этого централизованной бюрократической системы.

1919 год Советская власть встретила уже в довольно упорядоченном состоянии, одновременно в столичной прессе появились публикации, противоречиво и порой противоположно оценивавшие результаты работы компартии по восстановлению государственного централизма. Если Бухарин в своей статье в центральном печатном органе партии с удовлетворением отмечал изживание анархии в государственном строительстве и приветствовал создание единой централизованной системы власти, то на страницах той же «Правды» он, как ее главный редактор, открывал подшивку 1919 года публикацией статьи И.В.Вардина (Мгеладзе) «Понять и сказать», в которой предлагалось «смотреть правде прямо в глаза». А правда, по мнению автора, заключалась в том, что «советская власть внутренне больна, на ее теле появились язвы, вскочили отравленные ядом пузыри»¹. «Болезнь власти» — таков был диагноз, поставленный в статье состоянию коммунистической партии на начало пятнадцатого месяца ее пребывания у власти. Превратившись в чиновников, рассеявшись по комиссариатам и центрам, «коммунисты начинают отрываться от массы», предупреждал автор.

Через две недели газета возобновила обсуждение этой темы. В статье «Новые задачи строительства Республики» Н.Осинский констатировал «кризис советского аппарата»², который коренится в его бюрократизации. Установление весной и летом 1918 года единоличных, авторитарных иерархических форм управления было необходимо, соглашался автор, но теперь следует обратить внимание на их негативные последствия. В борьбе с ними расстрелы следует

¹ Правда. 1919. 1 янв.

² Там же. 15 янв.

заменить гласностью, подчинить ЧК судебной власти и допустить свободу печати, ограничив ее лишь рамками, исключаящими призыв к прямому свержению Советской власти.

Подобные рассуждения уже изрядно поизносились в критическом арсенале большевистских оппонентов из социалистического лагеря. Осуждение методов террора, требование свободы печати — все это было не ново. Ново было то, что эти мысли появились на страницах центрального органа партии большевиков и принадлежали ее видным работникам. Январские публикации в «Правде» стали зримым проявлением происходившего в эти дни процесса образования внутрипартийной, оппозиционной руководству ЦК РКП(б) коалиции, получившей название группировки «демократического централизма». Мы зовем не к буржуазной демократии, а к развернутой форме рабоче-крестьянской демократии — провозглашали ее лидеры¹.

В эти же дни еженедельное приложение к «Правде» в статье под знаменательным заголовком ««Верхи» и «низы»» сообщало своим читателям, что за последнее время в районах сильно дебатировался вопрос об отношении «центров» к районам, о «верхах» и «низах». Какой бы вопрос ни стоял в порядке дня, эта проблема поднималась обязательно. Центры оторвались от мест, «верхи» стали генералами — шумели на районных партконференциях².

18 января в Москве была созвана общегородская конференция РКП(б). В фокусе ее внимания оказались те же вопросы о взаимоотношении центров и районов, партийных комитетов с комфракциями в Советах. Представители децистов Е.Игнатов, Н.Лисицын выступили с проектом резолюции, предполагавшим необходимость коренного пересмотра положений Конституции 1918 года и в частности — ликвидацию фактически независимого Совнаркома с передачей его функций Президиуму ВЦИК, подотчетному съезду Советов. Докладчики децистов выразили недовольство тем положением, когда центральная власть принимает решения без учета мнения местных органов. Официальный проект резолюции московского комитета РКП(б), составленный в нейтральном духе, спасло от провала лишь энергичное выступление предсовнаркома Ленина, который назвал проект децистов отдающим «тиной местничества» и, напротив, подчеркнул, что по его мнению, разруху можно уничтожить «только централизацией, при отказе от чисто местнических интересов»³.

¹ Там же.

² Правда. Еженедельное приложение. 1919. 26 янв.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 428.

Но уже 2 марта 1919 года московская губернская партконференция, пользуясь тем, что внимание руководства Цека было полностью поглощено открывшимся I конгрессом Коммунистического интернационала, заняла особую позицию в вопросе партийно-государственного строительства, поддержав проект резолюции децистов с критикой политики Цека и требованием пересмотра советской Конституции, и для проведения своей точки зрения избрала в число делегатов на предстоящий VIII съезд РКП(б) представителей группировки «демократического централизма».

На съезде, открывшемся 18 марта, течение децистов впервые получило возможность в самой подходящей аудитории заявить о себе и выразить недовольство политикой кремлевской верхушки, накопившееся на средних этажах руководящего аппарата. Однако выступление их основного докладчика Осинского оказалось более скромным по сравнению с его правдинскими публикациями. Опуская вопросы о терроре и свободе слова, он сосредоточил внимание на болезненной для местных властей безответственности уполномоченных центральных ведомств. Военная обстановка заставляла сосредотачивать исполнительные и законодательные функции в руках небольших коллегий и просто отдельных лиц. «Это должно было привести к укреплению того бюрократизма, который с другого конца начинает сейчас к нам протекать в лице старых чиновников», — говорил Осинский¹.

В тезисах, предложенных им съезду от московской губернской и уральской делегаций, доминировала одна идея: путем слияния Президиума ВЦИК и Совнаркома поставить Совнарком и вообще центральную власть под контроль ВЦИКа и съезда Советов, в которых, как известно, основную роль играли советские «губернаторы» и «городничие», т.е. местная власть. Этим-де будет решен вопрос о непонятном параллелизме центральных советских органов и ликвидирован бюрократизм кремлевских чиновников. Для себя, как для местных чиновников и бюрократов, децисты, напротив, выговаривали «широкое право местного самоуправления»².

Второе русло критической кампании децистов, как «истинных» демократов, задрапированных в тоги из зеленого сукна губернского поезда, было направлено против «спецов». Вполне обоснованно опасаясь их соперничества на предмет деловых качеств и знаний, ораторы из лагеря «демократических централистов» всячески подчеркивали ту опасность заражения бациллами бюрократизма, которую несет с собой практика привлечения в советский аппарат

¹ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 189.

² Там же. С. 196.

чиновников и специалистов старого режима. У партийных деятелей вызывало большую тревогу то обстоятельство, что «спецы» имеют возможность «крутить» комиссарами, а также то, что сплошь и рядом назначение и смещение партработников совершалось именно под влиянием «спецов». На этом направлении децисты быстро нашли общий язык со сложившейся к VIII съезду т.н. «военной оппозицией», которая выступила против широкого использования старых военных специалистов на командных должностях в Красной армии. Дело даже вылилось в недопустимый инцидент, когда на заседании военной секции съезда троцкист Сокольников «съездил» по физиономии дециста Осинского (будто бы за подтасовки при подсчете голосов и оскорбительные выпады).

Судьба оппозиционеров на VIII партсъезде была одинакова. Восторжествовала тенденция к развитию государственного централизма и строительству профессионального регулярного аппарата государственной власти. «Партия находится в таком положении, когда строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью», — указывалось в решениях съезда¹. Впоследствии видный децист К.К.Юренев писал: «На 8-м съезде партия, как мы ее привыкли знать — капитулировала перед государством». Переход партии к государственному строительству и «есть начало ее болезни: государство, даже самое “советизированное”, имеет свою логику и соприкосновение с ним, а тем более строительство его не может пройти для партии бесследно»².

Децисты, или сапроновцы; как их еще стали называть по имени наиболее непримиримого лидера, председателя московского губернского исполнительного комитета Т.В.Сапронова, не представляли собой организационно оформленной, постоянно действующей фракции. Наиболее активный период их деятельности приходится на 1919 год — время массированного наступления центральной власти на провинциальную анархию и существенного урезания самовласти местных начальников, доставшихся советской республике в наследство от 1918 года — пика государственного полураспада России.

Выражая интересы большой прослойки средних партийных и советских функционеров, недовольных существенным ограничением своей власти на местах со стороны московских ведомств, децисты были весьма сдержанны в выборе своих средств. Раскачивание социально-политической ситуации в стране, даже в целях борьбы с самодержавием Кремля, было отнюдь не в интересах провинциальной бюрократии. Поэтому, избегая искушения вынести свои разногласия

¹ Там же. С. 426.

² Юренев К. Указ. соч. С. 7, 19.

на суд широкой рабоче-крестьянской массы, главной ареной своей деятельности децисты избирали камерные аудитории из работников и активистов губернского и городского уровня, подготавливая генеральные выступления к съездам и конференциям всероссийского масштаба.

Ленин всегда отдавал должное способностям представителей оппозиционного течения, наличие которых, собственно, и заставляло их шумно протестовать против связывания им рук центральными ведомствами. Лидеров децистов Сапронова и Осинского Ленин называл «высокоценными» работниками, которые, тем не менее, «перед каждым партсъездом (“кажинный раз на эфтом самом месте”) впадают в какой-то лихорадочный пароксизм, стараются крикнуть обязательно громче всех (“фракция громче всех крикунов”) и торжественно садятся в калошу»¹.

Здесь в полемическом задоре Ленин отчасти пошел против истины. Не всегда Сапронов и К^о садились в калошу. Потерпев поражение на VIII партсъезде, децисты в конце 1919-го и начале 1920-го года, опираясь на усилившееся недовольство политикой центра, повели наступление и выиграли кампанию против Цека.

На VIII партийной конференции, состоявшейся в декабре 19 года, Сапронов выступил от имени московской губернской партконференции с платформой «демократического централизма» против официальной платформы Цека. Он утверждал, что отношения с периферией — есть самый важный и злободневный вопрос. «Нет двойной зависимости, есть сплошной диктат центра»². Делегаты с мест в подавляющем большинстве выступали против утвердившейся сверхцентрализованной системы управления. В прениях по докладам отмечалась атрофия Советов и их исполнительных органов, начиная с сельсоветов и кончая Президиумом ВЦИК. Одобренная большинством конференции, платформа Сапронова предусматривала частичное возвращение советским органам реальной власти на местах и ограничение произвола московских ведомств.

Несколько дней спустя точка зрения децистов одержала победу и на VII Всероссийском съезде Советов, где развернулась основная борьба против «бюрократического централизма» за «демократический централизм». В ходе прений по проектам постановления, после того как совершенно ясно определилась позиция большинства съезда, проект, одобренный ЦК партии, был снят представлявшим его замнаркома внутренних дел Владимирским еще до самого голосования.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 243.

² Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1961. С. 66.

Однако, несмотря на формальную победу, одержанную оппозицией, трудно было рассчитывать, что в сложившейся системе власти, при фактической диктатуре Цека партии, решения какого-то съезда Советов будут реально проводиться в жизнь. Это отметил Сапронов уже в конце марта 1921-го года, в выступлении на IX съезде РКП(б). Он возмущался тем, что «постановлениями VII съезда Советов играли и совершенно с ними не считались». «По-прежнему отдельные наркомы, на что они не имеют никакого права, продолжали угрожать, — иногда и приводить в исполнение, — арестами целых губернских исполкомов»¹. Сам Совнарком абсолютно игнорировал постановление ВЦИК о том, что вся хозяйственная работа ведется при участии местных совнархозов, а местные совнархозы должны подчиняться местным исполкомам Советов. В полемическом запале Сапронов своими резкими словами не раз вызывал немалое изумление делегатов съезда. «Сколько бы ни говорили об избирательном праве, о диктатуре пролетариата, о стремлении ЦК к диктатуре партии, — гневно бросал он в зашумевший зал, — на самом деле это приводит к диктатуре партийного чиновничества»².

С точки зрения децистов IX съезд партии стал несомненным шагом назад даже по сравнению с предыдущим VIII съездом. Узаконив и расширив практику назначения политотделов вместо выборных партийных комитетов в армии и ударных отраслях экономики, IX съезд, по их выражению, дошел до «геркулесовых столпов бюрократизации». Процесс бюрократизации был закреплен в официальных документах партии на высшем уровне.

Провал всяческих усилий и безрезультативность внешних успехов в борьбе против руководства Цека партии заставили децистов замахнуться на «непогрешимость» вождей и заговорить о «маленькой кучке партийной олигархии»³. В 1920 году их ведущие теоретики перешли от бесконечных комплиментов в адрес главного вождя пролетарской революции к обострению критического анализа сложившейся системы власти в республике и роли самого Ленина в «наметившемся процессе перерождения партии в бездушный, механически действующий иерархический аппарат»⁴.

В кулуарах Кремля и Воздвиженки накануне IX сентябрьской конференции РКП(б) ходил документ децистов, с полным основанием приписывавшийся Осинскому. В этих «Тезисах по вопросу об очередных задачах партии»⁵ сложившаяся система государственной

¹ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. С. 51.

² Там же. С. 64.

³ Там же.

⁴ Юренев К. Указ. соч. С. 31.

⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 134. Л. 113–120.

власти была охарактеризована по форме как «пролетарское единодержавие». Говорилось, что обычным следствием развития единодержавных форм и системы крайней вертикальной централизации является бюрократическое перерождение верхушки правящего аппарата. В свою очередь на почве бюрократической централизации происходит оседание вокруг партийных и советских центров особой категории людей из «деловых» работников, опытных в интригах, примкнувших к партии в годы успеха, которые сформировали особый контингент так называемых «кремлевских коммунистов», чуждых духу идейно-пролетарской среды. И в этом процессе большую роль играют личные свойства вождей.

Далее следовали откровенные нападки на Ленина: «Личность общепризнанного, бесценного и неоценимого руководителя российской и мировой революции тов. Ленина, — звучало в тезисах, — не может не играть здесь роли. У вождя пролетарской диктатуры политические интересы и способности подавляюще господствуют над организационными. Забота об обеспечении политически преданными и послушными людьми, чисто “деловыми фигурами” руководящих мест, господствовала у тов. Ленина еще в эмигрантскую эпоху и особенно проступила за последние годы». Поэтому происходит подбор людей, связанных эмигрантскими и кружковыми связями, а также безыдейных, легко подчиняющихся работников. В такой среде возникает не только разложение нравов верхушки, но, главное, начинается «омертвление центрального советского и партийного аппарата».

В каком же монастыре автор советует искать спасение партийной коммунистической души? Спасение от бюрократизма верхушек правящего аппарата следует искать в «духе и методе самоуправляющейся периферии»¹, то есть в них, в «стоящих на почве партийно-пролетарской психологии, проникнутых привычками общественных деятелей последовательных сторонниках демократического централизма»². И, следовательно, необходимо влить в состав руководящих органов и Цека массу работников с мест, дабы «парализовать» индивидуальные слабости двух главных вождей революции³. Децисты убедились, что все победы на конституционных советских фронтах практически не имеют значения, если в ЦК партии их совершенно игнорируют, еще на IX съезде сапроновцы яростно боролись за состав Цека — это был главный вопрос для них.

В сентябре 1920-го года своеобразным ответом Москвы на эти усиливающиеся притязания «совершенно преданных партийному делу

¹ Там же. Л. 114.

² Там же. Л. 119.

³ Там же. Л. 120.

и связанных с низами и периферией» децистов явилось специальное письмо ЦК РКП(б) «Всем партийным организациям, всем членам партии». В письме отмечались тревожные симптомы разложения партийных рядов на «верхи» и «низы», то есть обострение угрожающего противоречия между средним звеном ответственных работников и рядовой массой партийцев. Поводом для издания столь откровенного циркуляра послужило июньское обращение в Центральный комитет партии секретаря ЦК Е.А.Преображенского, в котором указывалось, что на целом ряде губернских конференций, до и после IX съезда партии, «обнаружилась резкая борьба т.н. низов партии с верхами». Борьба проходила под лозунгами: «Долой обуржуазившихся лжекоммунистов, генералов, шкурников, долой привилегированную касту коммунистической верхушки!» «Можно смело утверждать, что последние лозунги встречают сочувствие у большей части рядовых членов нашей партии и разложение наших рядов по этой линии увеличивается с каждым днем», — писал Преображенский¹. Как он утверждал, в его секретарском портфеле накопилось около 500 дел подобного характера, но наиболее сильные конфликты отмечались в Самарской, Северо-Двинской, Уфимской, Рязанской, Донской, Оренбургской, Брянской, Орловской и Тульской губерниях².

Конференции РКП(б) являлись собраниями высшей партийно-государственной бюрократии. Парадоксально, что вопрос о «верхах» и «низах» в партии обострился не где-нибудь, а в сонмище нового чиновничества. Это оказалось возможным потому, что проблема «верхов» и «низов» стала оружием Секретариата ЦК против бюрократии средней руки на местах.

«Рабочая оппозиция»

Примечательно, что в некоторых случаях события были связаны с рождением нового оппозиционного течения в партии, предъявлявшего свои претензии уже не только и не столько к кремлевской верхушке, а именно к рекламировавшему себя в качестве истинно «демократического» среднему слою партийно-советских функционеров. В ноябре 1920 года Оргбюро вынуждено было обратить особое внимание на конфликт, разгоревшийся в Тульском губкоме РКП(б). Обстоятельства конфликта оказались тесно связанными с борьбой группировки децистов с новым течением, активно про-

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 86. Д. 203. Л. 3.

² Там же.

явившим себя в тульской губернской парторганизации и получившим приобретенное впоследствии всероссийскую известность, название «рабочей оппозиции». Специальная комиссия Цека во главе с Артемом, направленная для разбирательства тульского скандала, в своем отчете указывала, что конфликт имеет давнюю историю. «Ни в одной из наших парторганизаций во всей стране не было таких длительных и глубоких конфликтов, которые протекали в тульской организации»¹.

Немаловажно то, что все время гражданской войны положение губкома РКП(б) в рабочей Туле было весьма непрочным. На выборах в городской Совет большинство оружейников Тулы, постоянно охваченных стачечным настроением, упорно отдавало предпочтение меньшевикам. Коммунистическая власть удерживала свое положение в городе и на предприятиях лишь за счет методов Чрезвычайной комиссии и разного рода уполномоченных центра, назначенцев и особых троек.

Не доверяя даже рабочим-коммунистам, полностью игнорируя внутрипартийную демократию, тульский губком не назначал своих перевыборов с самой осени 1918 по февраль 1920 года, когда только и был созван 2-й губернский партийный съезд. На этом съезде руководству губкома был поставлен в вину полный автократизм в партийной и советской работе, полное отсутствие связи с широкими рабочими массами, утверждение системы ставленничества, покровительства угодным лицам и тому подобное. Как отмечалось в докладе комиссии, съезд избрал новый состав губкома в большинстве из «так называемой рабочей оппозиции, возглавлявшейся тов. Копыловым»².

Однако «рабочая оппозиция» не имела необходимых сил с достаточной теоретической подготовкой и административных навыков для того, чтобы провести в жизнь свою программу. Наиболее опытные, старые члены губкома ушли в глухую оппозицию по отношению к сторонникам Копылова. Отныне их деятельность была направлена только на доказательство того, что «рабочая оппозиция» не в состоянии справиться с делом, а также на подготовку провала своих противников на очередной губпартконференции. Всех несогласных со своей линией группа Осинского (а именно децист Осинский в качестве председателя губисполкома долгое время до того утверждал свои «демократические» принципы в Туле) шельмовала как «махаевцев» и «шляпниковцев» — «термин, до сих пор совершенно неизвестный в нашей партии», подчеркивалось в до-

¹ Там же. Оп. 112. Д. 93. Л. 64.

² Там же.

кладе комиссии Артема¹. Внутри организации создались фракции, внутри же фракций велась конспиративная работа, которая была уже совершенно скрыта от внимания партийной организации.

Группировка «рабочей оппозиции», не сумевшая оказать достойного отпора децистам во фракционной борьбе, потерпела поражение на 3-й губпартконференции в конце мая 1920 года. После этого сторонники Осинского получили полную возможность действовать в соответствии с заявленными децистами принципами опоры на массы, свободы критики и рабоче-крестьянской демократии. Но, как гласит доклад комиссии, после 3-й партконференции началась расправа над инакомыслящими, в ходе которой «вырабатывались навыки безответственности, протезирования... создавалась диктатура вождей... все стало основываться на доверии и личном подборе»². Это фактически развалило партийную организацию. Между маем и ноябрем 1920-го года ее численность сократилась в два раза и, главным образом, за счет выхода рабочих.

После возвращения децистов, оружатронные заводы Тулы в июне потрясла невиданная по масштабам забастовка, которую удалось погасить только арестом свыше 3500 рабочих. Сами тульские децисты впоследствии объясняли Ленину причины забастовки именно периодом организационной и идеологической расслабленности в коммунистической организации Тулы во время триумфа «рабочей оппозиции», указывали на ее политику «коммунистической керенщины»³.

Таким образом, рождение нового, более глубинного течения «рабочей оппозиции» в компартии децисты первыми встретили с нескрываемой враждебностью. Юренев в известной брошюре в октябре 1920 года утверждал: «Линия на механическое «орабочение», если бы она начала проводиться в массах, должна была бы встретить со стороны партии самый жестокий отпор, ибо ни к чему другому, как к сугубейшему развалу партии и жесточайшим склокам, она не привела бы»⁴. В борьбе против «рабочей оппозиции» за власть в Туле представители децистов проявили совершенно те же качества, за которые они привыкли гневно бичевать с московских трибун центральную власть. Сверх того, представители среднего звена руководства оказались еще более нетерпимыми по отношению к идущим снизу критике и покушениям на их власть.

В течение 1920 года «рабочая оппозиция» вызревала по всей московской периферии и к осени оформилась в столице из группиров-

¹ Там же. Л. 66.

² Там же. Л. 67.

³ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 132. Л. 9.

⁴ Юренев К. Указ. соч. С. 31.

ки, в которую вошли в основном руководители профессиональных союзов: председатели ЦК отраслевых профсоюзов А.Г.Шляпников, А.С.Киселев, Н.А.Кубяк, И.И.Кутузов, ответственные профработники С.П.Медведев, Ю.Х.Лутовинов и другие видные представители столичного политического света, в том числе и А.М.Коллонтай. Эта группировка впервые выступила под названием «рабочей оппозиции» в сентябре, на IX партконференции, обсуждавшей поставленный письмом о «верхах» и «низах» острый вопрос о злоупотреблениях и неравенстве в партии.

Однако было бы неверным ставить знак равенства между низовыми партийными течениями, получившими название рабочей оппозиции, и этой группировкой «рабочей оппозиции», возникшей в центре. Само понятие «рабочая оппозиция» появилось уже давно, рабочей оппозицией называли и то брожение в фабрично-заводской среде Урала и Поволжья в 1918 году, которое тогда помогло прийти к власти в Самаре Комитету членов Учредительного собрания. Широкое движение коммунистов-рабочих, недовольных общим положением в партии, осенью 1920-го года подхватило и стало представлять в Москве руководство профессиональных союзов, сузив понятие «рабочей оппозиции» и вложив в него специфический профессионалистский смысл. Профсоюзное руководство, недовольное отстранением от управления промышленностью, критиковало политику Цека партии и настаивало на передаче управления экономикой профсоюзам. На IX партконференции резко прозвучало выступление Лутовинова по вопросам рабочей демократии, чистки партии, с критикой назначенства и взаимоотношений советских и профессиональных учреждений с ЦК РКП(б).

Для Секретариата и аппарата ЦК профсоюзы в то время уже превратились в некий вид ссылки или отстойника, куда отправляли проштрафившихся руководителей или не вписавшихся в послушные ряды московской номенклатуры. В ноябре 1920 года в тезисах, выдвинутых ответственными работниками аппарата Цека в ответ на непомерные притязания «рабочей оппозиции», заведующий Учетно-распределительным отделом ЦК А.Альский и его соавтор Ж.Меерзон со всей прямотой дали свою характеристику лидеров оппозиции: «Переутомившаяся, отброшенная по своей непригодности силой событий от кормила революции, часть “верхов”, наиболее пораженная в силу этого упадочными настроениями, является руководителем этого течения»¹. Однако, пытаясь полностью обелить себя, цековские аппаратчики совершенно огульно подошли к основной массе «рабочей оппозиции». Дескать, «непереваренные» слои мещанства, наименее

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 5. Л. 3.

развитая, недавно пробужденная к активности часть пролетарских масс партии, составляет социальную базу “рабочей оппозиции”»¹. Стоит только ознакомиться с теми письмами и обращениями от этих «мещанских», «неразвитых» слоев, во множестве сохранившихся в архивах Цека партии, чтобы понять, насколько неверна и оскорбительна эта оценка. Аппаратчики ЦК считали основной формой проявления болезни партии движение т.н. «низов», в то время как эти «низы» полагали себя чистильщиками рядов от всяческого разложения и заразы распространяемой именно партийными «верхами».

Партийные массы очень болезненно переживали естественный процесс перерождения партии, ее неприкрытое расслоение на низы и привилегированные верхи. По этому поводу в Цека писали партийцы со стажем и заслугами, фронтовики. Вот отрывок из неизвестного письма замначпоарма 9-й армии Д. Фурманова от 4 ноября 1920-го года под красноречивым заголовком «Довольно!»: «Российская коммунистическая партия засаривается у нас на глазах. Все мы, члены партии, отлично видим, что она по качеству своих членов далеко не та и значительно ниже, чем в Октябрьские или дооктябрьские дни 1917 года... Я говорю о шкурниках и карьеристах, которые, несмотря на все препоны, прорываются в ряды РКП... Необходимо немедленно положить предел вступлению в нашу партию непролетарским элементам» и т.п.²

Вопрос о «верхах» и «низах» в партии, поднятый на IX конференции, вызвал чрезвычайный интерес в партии. Из центра по организациям всей страны долго катилась волна обсуждений и горячих дискуссий, которая достигла самых медвежьих углов. В них проявилась растерянность партии перед острыми внутренними противоречиями. Еще бы: стремились к обществу равенства, а получили неравенство в самой партии. Выстраивались по линейке имущественного равенства, но все равно и в этой шеренге обнаружились правофланговые. В трафаретных фразах отчетов «работа налаживается», «принимаются меры» тонули зловещие признаки разложения.

Протоколы собраний низовых организаций сохранили замечательные образцы наивного и грубого революционного утопизма, который являлся важным компонентом того состава энергии, который двигал революцию вперед. Комячейка 265 этапа Кавфронта в Царицыне на заседании от 18 октября 1920 года пришла к выводу, что «верхи» и «низы» существуют отчасти потому, что долгое пребывание коммунистов-карьеристов на ответственных постах отрывает их от масс. Поэтому постановили всем молодыми товари-

¹ Там же.

² Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 228. Л. 176.

щам посвящать свободное время «учению работ по строительству Советской власти», а ответработников — тех, кому учение уже не впрок, как можно чаще переводить с одной работы на другую, лучше в массы¹.

На заседании покровского укома РКП(б) 1 февраля 1921 года обсуждение вопроса пошло по колее субботников — нужны ли они? Сам предукма Васильев выразил сомнение по поводу целесообразности такого единения в труде. Субботники не дали ничего ни с агитационной, ни с какой другой стороны, но напротив «они положили в основу верхи и низы партии». Субботники нужны только тогда, когда они крайне нужны, логически заключил он. Покровские «верхи», похоже, согласились с силлогистикой своего вождя и постановили считать систематические субботники «уже отмирающим методом». «Низы», надо думать, тоже горячо поддерживали уком, а значит еще оставались вопросы, по которым отступало незаконное разделение и торжествовало покровское партийное единство².

На 9-й аткарской уездной партконференции 21–24 февраля 1921 года содокладчик Снятсков в порядке критики деятельности уездкома за отчетный период заявил, что бюрократизации уездного парткома способствовала организация различных боевых штабов по борьбе с бандитизмом. Она разъединила партийную массу на «верхи» и «низы», внесла в ряды полное разложение и отрыв от масс: «Это — смерть». Другой трибун низов Василюк, обвиняя уком в неработоспособности, по-свойски обличал оторвавшиеся уездные «верхи» (кажется уездвоенкомиссара): «Я знаю, что Федоров на Рождество был пьян и что он спекулирует на базаре валенками»³.

Трибуны партийного плебса запамятовали старинную истину о том, что если зерно не умрет, нового колоса не будет. Смерть партийного равенства должна была дать жизнь новому общественному расслоению, призванному вывести страну из исторического коллапса. Но самым «верхам» эта тема и ее обсуждение были крайне неприятны, и они нередко пытались закрывать глаза на проблему, суживать ее значение. Так, в Вятке на 10-й губпартконференции в июле 1921 года секретарь губкома Костерин заявлял, что «мы не имели вопроса о верхах и низах», вопрос стоит о «верхушках» — т.е. тренингах и склоках в руководстве уездных парторганизаций и, следовательно, необходимости их чистки и перебросок⁴.

¹ Там же. Оп. 13. Д. 1312. Л. 2.

² Там же. Д. 883. Л. 2 об.

³ Там же. Д. 874. Л. 1–2 об.

⁴ Там же. Д. 223. Л. 2.

Играя на проблеме «верхов» и «низов», столичная группировка «рабочей оппозиции» сумела осенью 1920 года привлечь к себе симпатии и добиться ощутимой поддержки в среде рабочих-коммунистов. В ноябре на московской губпартконференции «рабочую оппозицию» поддержало до 20% делегатов, которые даже провели свое сепаратное совещание, где активно голосовали против линии МК и ЦК РКП(б).

Дискуссия о профсоюзах в начале 1921 года стала периодом наивысшего подъема группировки «рабочей оппозиции». Эксплуатируя одно из утопических положений партийной программы, принятой VIII съездом РКП(б), где говорилось о том, что «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством как единым хозяйственным целым», Шляпников и его единомышленники нападали на ЦК партии за «военные» методы в работе с профсоюзами. Источник партийного кризиса, как и общего кризиса в советской республике, шляпниковцы усматривали в бюрократизации аппарата государственной власти.

Со своими тезисами относительно роли профессиональных союзов «рабочая оппозиция» выступила 25 января 1921 года. Шляпников, Владимиров, Толоконцев и другие предложили передать организацию управления народным хозяйством некоему «Всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производственные союзы, который избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством Республики»¹. На местах же соответствующие съезды профсоюзов должны учреждать областные, районные и другие местные хозяйственные органы, чтобы предприятиями и хозяйственными учреждениями управляли рабочие комитеты, выбранные рабочими и служащими, и работающие под контролем и руководством соответствующего профсоюза как его первичная организационная ячейка². Короче говоря, захиревшего и загрустившего на профсоюзном табурете Шляпникова надо было понимать так: не хочу быть дворянкой столбовою, а хочу быть вольною царицей!

Аналогично событиям в тульской партийной организации архивы сохранили примеры захвата власти представителями «рабочей оппозиции» и в других провинциальных центрах России. Так случилось в Самаре в 1920–21 годах. Самарский пролетариат в период гражданской войны не раз открыто демонстрировал свое неоднозначное отношение к советской и коммунистической власти. В 1918-м при

¹ Правда. 1921. 25 янв.

² Там же.

поддержке рабочих в городе утвердился известный Комитет членов Учредительного собрания. Пребывание в Самаре в 1920-м году штаба Туркестанского фронта, насаждавшего в учреждениях города дух бюрократизма и военщины, внесло огромное неравенство между рабочими и всякого рода военным и гражданским чиновничеством. Это вызвало усиление оппозиционных настроений среди рабочих-коммунистов, что и привело к руководству губпарторганизацией сторонников «рабочей оппозиции». В резолюциях самарских партийных собраний и конференций стали господствовать мотивы необходимости «нового курса», поскольку, по мнению «рабочей оппозиции», до сих пор общая линия партии была неправильно ориентирована на «попутчиков», мелкую буржуазию и крестьянство¹.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда получившие большинство в руководстве губкома и сами прошедшие в «верхи» оппозиционеры сосредоточили свои усилия на травле и дискредитировании ответственных работников, когда в их выступлениях на все лады варьировалась скандальная тема «верхов и низов». В декабре 1920 года самарские санюлоты пытались сколотить блок из нескольких губернских делегаций на предстоящие VIII Всероссийский съезд Советов и X съезд РКП(б). На 7-м губернском съезде Советов в Саратове специальный посланец самарского губкома делал доклад о борьбе с бюрократизмом, в котором содержалась попытка дать характеристику основ бюрократической системы, критика идеологии бюрократизма и выдвигались методы его изживания: «Чиновник-бюрократ, обеспеченный государством, не заинтересован в развитии производительных сил страны... VIII съезд Советов обязан произнести смертный приговор бюрократизму», — прокламировалось в докладе самарского губкома². Меры, призванные искоренить бюрократическую систему, в исполнении самарской группировки воспроизводили стиль утопического мышления, родившегося еще в европейских рабочих казармах начала XIX века. Предполагалась широкая выборность в управлении, коллективизация сельского труда, общественное бесплатное жилье и питание для городов и деревень, добровольный бесплатный труд по образцу коммунистических субботников и тому подобное³.

В Саратове эта платформа не приобрела популярности, там предпочли поддержать официальные тезисы IX партконференции, однако в Самаре эксперимент по пребыванию у власти «рабочей оппозиции» продолжался. В итоге, как жаловались в Цека партии угне-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 199. Л. 3.

² Там же. Оп. 12. Д. 466. Л. 56–57.

³ Там же. Л. 58 об.

тенные самарские ответработники, при милоновской группировке «рабочей оппозиции» бюрократизм исполнительных органов стал бюрократизмом в кубе, сверх того проводился форменный террор в отношении инакомыслящих. Пресловутый эксперимент «орабочивания» органов власти в Самаре фактически привел к полному развалу партийной и советской работы¹. Как открывали для себя и окружающих все оппозиционные Кремлю группировки, власть, борьба за власть, везде, на любом уровне диктовали единые правила игры, превращая самых ревностных демократов в заядлых бюрократов и ревностных гонителей своих оппонентов.

Требование децистов и рабочей оппозиции развития либерализма и демократии во внутрипартийной жизни вовсе не означало распространение таковых на государственную политику в отношении всего общества. В отношении к крестьянству эти группировки были еще более жестки и нетерпимы, чем кремлевские политики. Напротив, либерализм в отношении к крестьянству и мирным обывателям был более характерен для части бюрократических центральных хозяйственных аппаратов и военного ведомства. Как оказалось, централизм госаппарата в борьбе с группировками явился предпосылкой к нэповской либерализации во всем обществе. Ленин в 1920 году хранил единство партии, нацеливаясь на продолжение политики «завинчивания гаек» военного коммунизма, но жизнь повернула так, что сохраненное единство и централизм пришлось как нельзя кстати для перехода к нэпу.

Несмотря на то, что наиболее активный период деятельности «рабочей оппозиции» пришелся на время дискуссии о профсоюзах, Шляпников и его единомышленники не являлись ее главными действующими лицами. Тон и ход дискуссии задавали куда более серьезные политические силы.

В это время по Москве ходила молва, что Троцкий и Бухарин вот-вот свалят Ленина. Но Ленин в дискуссии сделал верную ставку на острую неприязнь партийных «низов» к своим «верхам», навязанным им из аппарата и Оргбюро Цека. В широкой партийной аудитории Троцкий и его союзники потерпели сокрушительное поражение, несмотря на то, что в течение двух месяцев дискуссии он выдвинул пять платформ, в которых последовательно отказался от лозунгов в духе «закручивания гаек», «перетряхивания» и перешел к активной поддержке идеи рабочей демократии.

Группировка Ленина и Зиновьева искусно воспользовалась антипартий группировкой масс к аппаратно-бюрократической верхушке в партии, откуда Троцкий и Оргбюро в основном и черпали свои силы,

¹ Там же. Оп. 84. Д. 199. Л. 8.

и разбила их наголову. Сам Зиновьев разъезжал по провинции и вытаскивал дело сторонников «десятки» из безнадежных ситуаций¹. К примеру, в Петрограде и Кронштадте зиновьевцы при полной поддержке комячеек Балтийского флота буквально раздавили командование и политорганы флота, Раскольников и Батиса, стоявших за Троцкого, что в свою очередь усилило оппозиционные и анархические настроения среди матросов, приведшие впоследствии к знаменитому мятежу. Сторонники Троцкого обвиняли сторонников «десятки» в Кронштадте в возрождении «комитетчины» на флоте. Кронштадтская парторганизация выразила поддержку петроградскому комитету РКП(б) в дискуссии².

Потом в докладе следственной комиссии ВЧК по делу о Кронштадтском мятеже особо подчеркивалось, что «одной из основных причин этого движения несомненно являлась страстная полемика в

¹ В пограничной с мятежным Екатеринбургом Вятке типичного кризиса партверхушки не ощущалось, однако по вопросу о профсоюзах в местном губкоме выявилось, что за тезисы «десяти» — 3 члена губкома, а за тезисы Троцкого — 4. Как сообщал в Москву секретарь губкома Костерин: «Подобное положение при поддержке громадным большинством вятской организации платформы группы 10 поставило губком перед необходимостью созвать губпартконференцию», вопреки тому, что таковая созывалась совсем недавно и уже успела избрать делегацию на X съезд. (Из обзора Цека о деятельности Вятского губкома за февраль–март 1921 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 224. Л. 2). Приезжал Зиновьев, которому удалось переломить ситуацию. На внеочередной губернской партконференции 18 февраля за тезисы Троцкого голосовало 18 человек, остальные из 72 делегатов были верны Ленину (Там же. Д. 225. Л. 138).

Симбирский губком в 1920 году был разделен на группировки «меньшинства» и «большинства», чья вражда поглотила все творческие силы и сковала работу. 26 января 21 года на 6-й внеочередной конференции симбирской губорганизации секретарь губкома Каучуковский сделал гуттаперчевый доклад. После него «меньшинство» образно объяснило, что их оппозиция «большинству» губкома вызвана тем, что «оно (большинство) возглавлялось “мальчиками”, которые с ногами залезали на стол и пачкали его чернилами». (Там же. Д. 916. Л. 1об.) Однако судьба симбирских «большевиков» в начале 1921 года сложилась иначе, нежели у их знаменитых тезок в 1903 году. Главным образом потому, что симбирское «большинство» в дискуссии о профсоюзах, пытаясь балансировать на «буферной» платформе Бухарина, явно тяготело в сторону Троцкого. Пресловутых мальчиков, испачкавшихся в чернилах, сняли с губкомовского стола и «высекли». При поддержке эмиссара «десятки» Стэна в новых выборах в губком победили сторонники «меньшинства». (Там же. Л. 5.)

Смирнов сообщал Крестинскому из Омска 26 января 1921 года, что Сиббюро разделилось поровну по вопросу о профсоюзах (Там же. Оп. 84. Д. 200. Л. 4).

² Там же. Оп. 65. Д. 639. Л. 156–157.

рядах РКП, ослабление внутривнутрипартийной спайки и падение партийной дисциплины в широких кругах членов партии». Большую роль в развитии событий «сыграла невиданная растерянность руководителей кронштадтской [партийной] организации и комиссарского состава Балтфлота и Кронкрепости»¹. Не будет преувеличением, если сказать, что Зиновьев своими руками выстроил «Кронштадт». Известный партийный оппозиционер Г.И.Мясников назвал тогда Кронштадтский мятеж повторением «финской истории» в более широком масштабе².

Но в расчетах Ленина и его группировки все возможные негативные последствия общепартийной дискуссии отступали на второй план перед необходимостью одержать фракционную победу на X партсъезде. Ленин заранее сделал заявку на сценарий съезда: «Если надо кого хорошенько обругать и перетрясти, то уж скорее не ВЦСПС, а ЦК РКП»³. Главной задачей являлась чистка состава Цека партии, с тем, чтобы он вновь стал аппаратом послушным Ленину.

Для того, чтобы на съезде наверняка продиктовать свой список состава центральных партийных органов, ленинская «десятка» через того же Зиновьева, через ту же петроградскую партийную организацию, выдвинула предложение о выборах на съезд по платформам, которое и было принято на заседании ЦК 21 января 1921 года. «Там, где местная организация найдет это необходимым и полезным, — говорилось в постановлении, — допускать выборы на съезд по платформам (тезисам)»⁴.

Тактика ленинской «платформы десяти» оказалась верной, на выборах делегатов ее сторонники одержали решительную победу, благодаря чему на съезде Ленин получил возможность изменить и обновить состав Центрального комитета. Численность ЦК была увеличена с 19 до 25 человек, из которых подавляющее большинство являлось бесспорными сторонниками «десятки». 16 марта на пленуме нового Цека был избран новый состав Политбюро и Оргбюро, а также, в чем и заключалось главное содержание кадровых изменений, был полностью обновлен Секретариат ЦК. Никто из старой секре-

¹ Там же. Д. 229. Л. 2–3.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 418. Л. 84. (Под «финской историей» Мясников имеет в виду кровавое событие в Петрограде в августе 1920 года, когда молодые члены финской компартии, обвинив свое руководство в злоупотреблениях и разложении, совершили террористический акт, расстреляв несколько человек из ЦК партии.)

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 238.

⁴ Дискуссия о профсоюзах: Материалы и документы, 1920–1921 гг. М.; Л., 1927. С. 119.

тарской троицы не остался в составе высших партийных органов вообще. Вместо них были выдвинуты новые лица из среднего руководящего звена — В.М.Молотов, Е.М.Ярославский и В.М.Михайлов, фигуры мало известные во всероссийском масштабе, не имевшие особенного авторитета и связей, что также было отнюдь не случайным.

X съезд РКП(б) формально поставил точку в военно-коммунистической эпопее большевизма, но возникшая в этот период «необъятная власть» Секретариата и аппарата ЦК продолжала укрепляться.

ПОРАЖЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Война на внутреннем фронте

Победа в войне имеет свою оборотную сторону для победителей — скверное свойство консервировать общественный уклад и продлевать жизнь порядкам, пригодным во время войны, но подлежащим упразднению в мирное время. Такого рода противоречие таит в себе катастрофические последствия для общества и власти. Дело лишь в интервале времени, через который потребность в обновлении неотвратимо предъявит растущий счет укладу, давно заслужившему почетную отставку. Несчастье истории обрушилось на большевиков почти сразу после их триумфа в гражданской войне, отпустив чуть больше месяца на оптимистические проекты по «непосредственному переходу» к социализму, оставившие след в решениях VIII Всероссийского съезда Советов и декретах СНК.

На X съезде РКП(б) Бухарин откровеннее, чем все остальные партийные вожди, охарактеризовал обстановку в стране, в условиях которой руководство большевиков оказалось вынужденным отказаться от идеи непосредственного перехода к социализму и провозгласить новую экономическую политику. Было сказано: «Мы вступаем в новый период с большими противоречиями. С одной стороны, он характеризуется тем, что мы закончили полосу необычайно интенсивных войн, которые мы вели со всем капиталистическим миром, с другой стороны, он характеризуется тем, что у нас выступает война на внутреннем фронте — иногда в форме настоящей войны, иногда в форме чрезвычайно близкой к этой войне»¹.

Вопреки своему обычаю, здесь Бухарин оказался точен в определениях. Переход к нэпу осуществлялся партией большевиков в условиях настоящей «войны после войны», которая с начала 1921 года стала разгораться в стане победителей белой контрреволюции. Эта война после войны не приобрела, не успела приобрести настоящего

¹ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 229.

фронтового масштаба, но из количества населения, вовлеченного в различные очаговые формы борьбы с властью, вполне можно было составить несколько регулярных армий. По конфиденциальным правительственным данным количество сибирских крестьян-повстанцев в целом превосходило численность всех советских войск, расположенных между Уральским хребтом и Байкалом — т.е. более 200 тыс. человек¹. В тамбовское антоновское восстание было вовлечено около 60 тыс. крестьян, а общее количество рассеянных по стране крестьянских повстанческих отрядов, т.н. «банд», просто не поддается какому-либо количественному определению. Но оно было огромно и, несмотря на свою раздробленность, сыграло важную роль в принуждении ленинского руководства к смене политической стратегии.

Отношения власти, воплощающей и олицетворяющей, по ее мнению, «диктатуру пролетариата» с реальным рабочим классом, были еще запутаннее. Тот же Бухарин на X съезде фактически признал, что даже не партии, а «партийному авангарду» противостоит оставшаяся пятимиллионная (по официальной и весьма завышенной статистике) рабочая масса со значительной частью рядовых партийцев. «Что это значит? — вопрошал партийных товарищей большевистский оппозиционер Г.Мясников после Кронштадтского мятежа. — Несколько сот коммунистов дерутся против нас!»²

Весь предшествующий период военного коммунизма в важнейших промышленных центрах отношения рабочих с большевистской властью носили весьма напряженный характер, а в начале 1921 года они приобрели особенную остроту. Причин тому было достаточно. Как тогда, выражая мнение тысяч и тысяч рабочих по всей стране, писал на имя Ленина один из простых и еще сочувствовавших власти донецких шахтеров: «Я вместе со своими товарищами-углекопами Донбасса ушел в ряды Красной армии, чтобы бить врагов... И теперь мы возвратились в тыл, чтобы дружными усилиями возродить наше революционное хозяйство. Что же увидели мы здесь в тылу? Мы увидели, что в то время, когда мы на фронте несли все лишения, разутые, без одежды, порою даже голодные, разрушая старый чиновный порядок, здесь в тылу за нашими спинами создавался новый бюрократизм». Шахтер возмущался, что в то время, когда семьи рабочих голодают и мерзнут, не имеют самого необходимого, советские бю-

¹ Предсбывкома И.Н.Смирнов в начале 1921 года оценивал советские вооруженные силы в Сибири и на Дальнем Востоке в количестве около 400000 человек. (Доклад В.И.Ленину от 1 января 1921 года // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16768. Л. 4.)

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 418. Л. 84.

рократы хорошо и тепло одеты, имеют «шикарные желтые сапоги», «галифе шириною в Черное море», сытно едят и не хотят обращать ни малейшего внимания на тех голодных, по милости которых они все это имеют. «Где же те идеалы, к которым звали нас? Где же то равенство, которое обещали нам? Его нет. Нет даже малейшего намека на него»¹.

Этот шахтер еще помнил об идеалах, о возвышенных целях революции, в то время как внимание его менее развитых собратьев по классу уже давно было полностью поглощено будничными проблемами о топливе, бесконечными требованиями по поводу пайка, озлобленной критикой властей за милитаризацию труда и запрет самостоятельно добывать пропитание.

На исходе 1920 года государственная воля стремилась выжать из системы военного коммунизма максимальное ускорение и помыслы большевистской власти были устремлены далеко вперед. Многочисленные факты, свидетельствующие о стремительном росте социальной напряженности, с удивительной беспечностью игнорировались даже самыми серьезными московскими политиками. Позже, в сентябре 1921 года Ленин сформулирует некий закон революционной борьбы, требующий от революции продвинуться дальше, чем она может осилить, — для закрепления ее менее значительных результатов². Он неоднократно говаривал в своем кругу, что чем дальше мы загнем влево, тем ближе к нам пройдет равнодействующая истории.

Внешнее благополучие было самым резким образом нарушено со вступлением страны в 1921 год. Буквально с Новым годом кризис перешагнул через грань своего подспудного созревания в открытую фазу, и первый его удар пришелся по стальным артериям республики — железнодорожному транспорту, который начал катастрофически снижать объем перевозок из-за недостатка топлива. Проблема топлива оказалась напрямую связанной с отношениями с крестьянством и продовольственной политикой. Заготовка дров методом хозяйственного подряда, ввиду его «капиталистического» характера, была упразднена осенью 1920-го. Принудительное привлечение крестьян к лесозаготовкам давало весьма незначительный эффект — около 30 процентов от задания³. Донецкие шахтеры, которые только и видели, что хвосты редких хлебных маршрутов, проносящихся с Северного Кавказа в Центр, не работали и разворовывали остатки угля для обмена на продовольствие.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 646. Л. 77.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 206.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 198. Л. 2.

В первых числах января стали ощущаться перебои с хлебом в Москве и Петрограде. Выяснение причин показало, что все резервы продовольствия в разоренной Европейской России исчерпаны и надежда остается только на подвоз с отдаленных окраин — Сибири и Северного Кавказа. В это же время помимо нехватки топлива развитию перевозок начало препятствовать еще одно, более грозное обстоятельство. На Тамбовщине, в Поволжье, Сибири и других местах ширилось повстанческое движение крестьян, несогласных с продовольственной политикой государства. Крестьяне роптали, что при старой власти даже каторжные так не мучились, как крестьяне при власти советской¹. На секретном заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 11 февраля 1921 года было признано, что в декабре 1920 и январе 1921 года хозяйства разорены конфискациями, в действиях продкомиссаров отмечались многочисленные факты пыток, издевательств и расстрелов. Крестьян сажали в холодные амбары, обливали водой при 30-градусном морозе и т.п.²

Запутавшаяся власть вела неуклюжую пропаганду в зоне крестьянских восстаний. Дескать, восстания против Советской власти — это происки белогвардейцев, издеательства над населением — дело рук бандитов, а посему населению предписывалось под угрозой смерти сдать все оружие, вплоть до последней гильзы³. Отряды восставших целенаправленно разрушали железнодорожные пути, затрудняя и без того обессилевшее транспортное сообщение. Волна крестьянских восстаний в течение января нарастала стремительно, намечался очередной изнурительный этап гражданской войны. По воспоминаниям секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) Данишевского, полтора месяца связь Сибири с Москвой была только по радио. На X съезд партии сибирская делегация ехала вооруженной «до зубов», готовая к прорыву с боем⁴. В Сибири остро ощущалась нехватка партийных работников. Как следует из письма члена Сибревкома В.М.Косарева Е.Ярославскому от 21 марта — за последнее восстание было убито свыше 30 000 партийных и советских работников⁵.

Сами по себе плохо вооруженные крестьянские отряды не представляли собой особенной угрозы государству. Оно намеревалось поступить с ними так же, как и со многими сотнями разрозненных выступлений, случавшимися и раньше. Но после разгрома Врангеля крестьянство стало обретать себе мощного союзника в лице Красной

¹ Сибирская Вандея, 1920–1921. М., 2001. Т. 2. С. 66.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 208.

⁴ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 527. Л. 38.

⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 200. Л. 18.

армии, которая почти полностью рекрутировалась из того же крестьянства и на ее состоянии непосредственным образом сказывалось брожение умов в деревне. Победоносная Красная армия была ненадежным орудием в борьбе против новой волны повстанческого движения. С наступлением зимы настроение в воинских частях приобрело очень беспокойный характер. Из охваченной восстанием Сибири в Москву летели просьбы отозвать «разложившиеся» местные дивизии и прислать верные воинские части из голодных губерний, не связанные с сибирским крестьянством¹.

Одновременно с этим проходила демобилизация Красной армии. При проведении продразверстки демобилизуемым красноармейцам не оставляли хлеба, возвращаясь на родину они находили свои деревни в полной нищете и отчаянии и напрямик направлялись в отряды восставших. В Сибири с самого начала отмечали, что во главе восстаний встают демобилизованные красноармейцы². Потом, с первых чисел марта повстанцы стали формировать из пленных красноармейцев отряды и отправлять на фронты боевых действий с правительственными войсками. Бои показали карательным частям, что с повстанцами нужно считаться как с силой³. На X съезде партии Ленин признал, что демобилизация Красной армии дала повстанческий элемент в «невероятном» количестве.

1 марта 1921 года московские газеты внезапно аршинными заголовками заверещали о подъеме на борьбу с какой-то «новой» контрреволюцией. Слово «Кронштадт» появилось с 3-го числа. Восстание гарнизона морской крепости Кронштадт и экипажей части кораблей Балтийского флота, по заключению следственной комиссии ВЧК, «явилось непосредственным логическим развитием волнений и забастовок на некоторых заводах и фабриках Петербурга, вспыхнувших в 1920-х числах февраля»⁴. В конце 1920 года, в период правительственных иллюзий относительно экономического роста, в Петроград в порядке трудовой повинности было возвращено большое количество рабочих, бежавших ранее из-за голода в деревню. Трудмобилизованные принесли с собой из деревни настроения крестьян, взбешенных системой разверстки, запрещением свободной торговли и действиями заградительных отрядов. И когда, в результате топливного кризиса, началось внезапное закрытие большинства только что пущенных в ход предприятий и резкое сокращение

¹ Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996. С. 261.

² Сибирская Вандея... Т. 2. С. 115.

³ Там же. С. 649.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 229. Л. 1.

пайка, это вызвало особенное недовольство петроградских рабочих. Город охватила почти что всеобщая забастовка. Среди забастовщиков ходили откровенно антибольшевистские листовки с требованиями коренного изменения политики, освобождения арестованных социалистов и рабочих, созыва Учредительного собрания. В петроградском гарнизоне также сложилось критическое положение, голодные обмороки солдат приняли массовый характер. «Очень часто красноармейцы просят милостыню по дворам», — сообщал 11 февраля в РВСР и ЦК партии секретарь губкома Зорин¹. Движение не приняло организованного характера в значительной степени благодаря быстрой реакции петроградской ЧК, немедленно арестовавшей деятельных членов организаций меньшевиков, эсеров, левых эсеров и анархистов, что сразу лишило рабочих возможности организованного действия. Но события перекинулись в Кронштадт и отозвались в Москве, где сложились аналогичные условия.

В Москве волна недовольства рабочих, возбужденных продовольственным кризисом и агитацией оппозиционных партий, началась в первых числах февраля стачками металлистов и почти не прекращалась три недели. Новый импульс стачечное движение приобрело 23 февраля. В ходе его выявилось определенно отрицательное отношение рабочих масс не только к власти, но и к своим товарищам-коммунистам, поскольку в комячейках на предприятиях они уже привыкли видеть ее агентов, как тогда презрительно говорили рабочие — «комищеек». Профессионалист Шляпников жаловался с трибуны партсъезда, что в массах сложилось убеждение, что ячейка, заводской профсоюзный комитет — это враги рабочих и «сейчас коммунистов из заводских комитетов вышибают. Основа наших союзов — фабрично-заводские комитеты становятся беспартийными»².

Кронштадтское восстание представляло собой самую серьезную опасность. Оно могло сыграть роль детонатора к тому взрывному материалу, который представляла из себя Россия к весне 1921-го. Многочисленные корреспонденты сообщали в то время в ЦК из разных мест, что обстановка поразительно похожа на ситуацию весной 1918 года, перед самым началом чехословацкого мятежа. Сохранилось сведения о том, что как только просочились слухи о событиях в Кронштадте, во многих местах стал наблюдаться массовый отъезд чиновной партийно-советской бюрократии. Очевидец из Екатеринослава вспоминал, что публика произносила слова «Кронштадт восстал!», созвучно «Христос воскрес!»». Базарные спекулянты стали дерзко разговаривать с милицией, а большевики

¹ Там же. Д. 198. Л. 1.

² Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 389.

начали откуда-то доставать хлеб и распределять среди рабочих наиболее опасных заводов¹:

Петроградские и московские волнения докатились до Поволжья. В Саратове по инициативе оживших меньшевиков и эсеров рабочие заводов и железнодорожных мастерских стали проводить митинги, на которых обсуждалась и одобрялась переданная им резолюция собрания рабочих и служащих московского участка Рязано-Уральской железной дороги, в которой содержался призыв к всеобщей политической стачке за замену большевистской власти коалиционным правительством и последующим созывом Учредительного собрания². В Башкирии из секретных источников ЧК стало известно, что местные националисты во главе с башкирским наркомом по военным делам Муртазином после сообщений о Кронштадте приготовились к выступлению и ждут сигнала из Москвы. «План адский — предварительно вырезать группу ответственных работников»³.

Однако политический кризис в стране в начале 1921 года не приобрел достаточной силы, способной свалить партию большевиков. Почти за месяц до Кронштадта, в первых числах февраля, ленинское руководство сумело стряхнуть с себя гипноз военно-коммунистических установок и осознало необходимость радикального изменения политики. К февралю же относятся первые практические мероприятия по свертыванию продовольственной диктатуры и отмене продразверстки, которые вскоре получают свое официальное подтверждение в резолюции X съезда РКП(б) от 15 марта «О замене разверстки натуральным налогом», ознаменовавшей переход общества от военного коммунизма к новой экономической политике.

6 марта 1921 года московская газета «Коммунистический труд» после нескольких номеров с крупными заголовками о подъеме на борьбу с «новой контрреволюцией» поместила скромную, всего в одну строчку, заметку о том, что Президиум Моссовета постановил снять в Московской губернии заградительные отряды. Несколькими днями ранее это уже было сделано в Петрограде и совершалось повсеместно, без санкции центральной власти и Наркомпрода. Продовольственная диктатура, столп военного коммунизма, разрушилась еще до принятия X съездом известной резолюции о замене продразверстки натуральным налогом.

В Петрограде, ввиду Кронштадта, были вынуждены пойти еще дальше. Экономические мероприятия на какое-то время были дополнены политическими свободами — собраний и слова. Петроградский

¹ Архив Русской революции. Т. 12. М., 1991. С. 128.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 107.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 184. Л. 3.

губсовет профсоюзов стал проводить политику сродни «зубатовщине», пытаясь организовать и направить в относительно безопасное русло накопившееся недовольство рабочих. В отпечатанных массовыми тиражами листовках говорилось о чем угодно: о бюрократизме власти, о здоровой критике в Советах и прессе, об избрании в органы власти рабочих «от станка», о проведении свободного товарообмена рабочих с крестьянами и т.п. Все это разрешалось и даже поощрялось, не рекомендовалось только прибегать к забастовкам как к средству решения вопросов¹.

Кронштадтский мятеж, несмотря на свою локальность, стал концентрированным физическим воплощением враждебного отношения масс Советской республики к ее политическому режиму и конкретно к политике военного коммунизма. В Кронштадте единым фронтом выступили беспартийные солдаты, матросы и рабочие вместе практически со всей коммунистической партийной организацией крепости. В мятеже проявились те болезненные процессы в Красной армии, которые начались в ней давно, с мобилизацией в ее ряды больших масс крестьянства. Красная армия страдала противоречиями, поскольку будучи на 95% из крестьян, она в то же время была призвана защищать режим, проводящий антикрестьянскую политику. Это подрывало ее боеспособность и выплескивалось в неоднократные мятежи и волнения красноармейских частей в Гомеле, Красной Горке, Верном, Нижнем Новгороде и других местах. К началу 1921 года настроения в Красной армии слились в единое целое с настроениями крестьянского населения страны. На какое-то время армия оказалась потерянной для большевиков, и в этот период исключительное значение в сохранении большевистской власти приобрели краснокомандирские курсы и разного рода части особого назначения. ЦК партии был информирован о настроении красноармейцев, которые в массе заявляли, что воевать с империалистами — одно дело, а в борьбе между коммунистами и прочими социалистическими течениями, а в особенности с крестьянством — «наше дело сторона»².

Когда крестьянская стихия стала входить в берега, в Сибири начали проверять красноармейские части. Получились совершенно обескураживающие результаты. В мае 1921 года после проверки состояния 5-й армии из политуправления Сибирского военного округа телеграфировали в Москву: в штабе 5-й армии из-за переводов кадров в ДВР остались только «белые» (60%). «За благонадежность можно ручаться, но работы нет. Необходимо провести перегруппировку

¹ Там же. Д. 198. Л. 60.

² Там же. Д. 230. Л. 37.

белых в тыл, так как большинство из них местные». При обследовании 26 дивизии оказалось, что красноармейцы 288 полка находятся «в самом ужасном состоянии». В полку обнаружено: 50% личного состава — совершенно голые, 20% — только в изношенном нательном белье, остальные 30% имеют рваную верхнюю одежду. Назначение красноармейцев в наряд происходило с переодеванием — с одного снимали одежду, другого одевали. 227 полк в точно таком же состоянии, среди красноармейцев развито попрошайничество на улицах, батрачество на обывателей¹.

Новый курс и идейная смута в партии

После мятежа в Кронштадте был ликвидирован местный Совет, на Балтфлоте состоялся массовый, почти поголовный арест командного состава². Кронштадтский мятеж показал всем, что гражданская война еще не закончилась. И после падения мятежной крепости во многих местах республики комиссары продолжали обостренно вслушиваться в ночную тишину. Например, в Ярославле, где еще кровоточила память о мятеже 1918 года, воцарилось тревожное настроение и было введено осадное положение. 27 марта ярославский горпартком вынес решение переселить всех коммунистов города в квартиры на двух улицах и создать там своего рода укрепленный пункт на случай возможного выступления местных заговорщиков. Постановление гласило: «Все члены партии, покидающие организацию из шкурнических соображений, лишаются всех гражданских и политических прав и заносятся на черную доску до окончания гражданской войны». Они берутся на особый учет в чека и «при первой попытке к противосоветским действиям рассматриваются как контрреволюционеры»³.

В кризисе начала 1921 года Ленин сумел вовремя сменить политические ориентиры и перехватить инициативу у стихии, сумел не допустить полной дестабилизации общественной системы и государственного развала в результате отрицания массами потерявшей авторитет власти, как это случилось с его предшественниками в 1917 году. Также имело большое значение отсутствие реальных политических альтернатив большевизму, уничтоженных и раздавленных в

¹ Телеграмма в ПУР, РВСР, ЦК РКП(б) от 31 мая 1921 г. из политуправления Сибирского военного округа // Там же. Д. 200. Л. 25–26.

² Там же. Д. 198. Л. 2; Д. 150. Л. 137.

³ Там же. Оп. 13. Д. 1312. Л. 24.

ходе гражданской войны. Наблюдатели из партаппарата, вращаясь в рабочей массе, делали вывод о том, что «рабочие массы в своем большинстве — за Советскую власть, поскольку они не видят заместителя этой власти и боятся возврата к царизму»¹.

Заметное политическое уныние в рабочем классе, испытывавшем четвертый год подряд разочарование в результатах революции, окрашивало в нигилистические тона его массовое поведение. Среди рабочих весьма стали популярны разговоры в том духе, что «нам теперь уже все равно, кто бы ни стоял у власти, но ясно одно, что коммунисты не справились с возложенной на них задачей и справиться не сумеют, а терпеть мы больше не в состоянии, выхода не видим»². Наиболее активная часть рабочих пыталась искать этот выход в анархических течениях, которые в 1921 году заметно увеличили свое влияние в рабочей среде, но которые в силу принципа критики всяческой власти не могли предложить организационной альтернативы большевизму.

Помимо тяги к анархизму, ВЧК уже с 1920 года особо отмечала появление в рабочей среде необычайного всплеска религиозных настроений. На Пасху 1921 года церкви в Москве, да и других городах, были переполнены рабочим людом³. Разочарование в коммунистических посулах, утрата ясных политических ориентиров заставляли возвеличенного «гегемона» революции сконцентрироваться исключительно на своей частной жизни. После объявления новой экономической политики среди представителей передового индустриального пролетариата прогрессировало т.н. «шкурничество», распространялись обывательские устремления к удовлетворению личных интересов, решению бытовых проблем и обогащению любыми способами. Тот принципиальный вывод, уже прочно утвердившийся под промасленными кепками, что власть — не рабочая, поворачивал их обладателей на проторенную дорожку привычек и ухваток наемного работника в «чужом» хозяйстве. Расцветало извечное отношение к «казенному» имуществу. Иностранцы, прибывавшие в страну Советов через южные и северные морские границы, с изумлением отмечали потрясающий вандализм русских рабочих. Сначала портовые грузчики, затем транспортники и прочие превращали по пути к месту назначения паровозы и другие дорогостоящие машины, закупленные на золото, в железный хлам, снимая кожаные сидения, приглянувшиеся механизмы и особенно детали из цветного металла.

Характерным симптомом, проявившим демонстративное отчуж-

¹ Там же. Оп. 84. Д. 230. Л. 37.

² Там же.

³ Ожунев Н.П. Дневник москвича, 1920–1924. Т. 2. М., 1997. С. 137.

дение рабочих от власти, явились выборы в Моссовет в 1921 и 1922 годах, которые проходили в условиях бойкота со стороны рабочих. Повсеместным явлением в среде рабочего актива стали деморализация и разложение. Каменев в откровенной беседе с английским визитером, известным философом Б. Расселом, признавался, что основной мотив отзыва рабочих депутатов из Совета — это пьянство¹.

Партийная оппозиция указывала на ситуацию в Советах как на свидетельство ощутимого разрыва между пролетариатом и партией. Однако разрыв был скорее не с партией, а с ее руководством и партаппаратом, и подтверждением этому является то обстоятельство, что сами партийные массы переживали в начале нэпа тяжелый идейный разброд и организационный разлад. Партия в то время уже являлась весьма сложным организмом и была неоднородна как по составу, по происхождению, так и по положению партийцев. Это не могло не обуславливать различное отношение к явлениям. Идейное брожение в РКП(б) началось вовсе не со смены партийной стратегии, не с введения нэпа, а еще с формирования различного, порой противоположного, отношения в партийных рядах к политике военного коммунизма.

Децист Юренев писал, что коммунист-рабочий на производстве зачастую является не чем иным, как делегацией не вполне сознательных масс в коммунистическую партию. Ему не раз приходилось наблюдать этому подтверждение в рабочих коллективах. Например, на общем собрании рабочих решается вопрос: продолжать забастовку или приступить к работам. Долгие дебаты. Наконец, красноречие иссякло и наступает голосование. В итоге — подавляющее большинство за стачку, а против — кучка, среди которой ни одного коммуниста. Нередко во главе рабочих, предъявлявших власти явно невыполнимые требования, становились коммунисты. «Коммунист-массовик не дорожит партией, легко разрывает с ней», — заключал Юренев².

Авторитет московской власти заметно ослабел. Тверской губком в начале 1921 года уже демонстративно игнорировал ЦК партии, не поддерживал связь и не информировал о делах. Один партиец, ехавший в Кронштадт мимо Твери, рассказывал, что во время кронштадтских событий в партийном органе тверского губкома печатались статьи «почти меньшевистского характера»³.

После X съезда разногласия и смятение в партии еще более усилились. Например, владимирский губком обратился в апреле 1921 года в ЦК РКП(б) с письмом, в котором подчеркивалось, что

¹ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 43.

² Юренев К. Указ. соч. С. 13.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 65. Л. 21.

члены губернской парторганизации, возвратившиеся с подавления Кронштадтского мятежа, «вынесли из этой истории весьма тяжелое впечатление», которое отразилось на всей организации в форме всеобщей апатии к работе и растерянности. В первую очередь, коммунистов, использованных для подавления кронмятежников, поразила массовость восстания и участие в нем не только *всех* рабочих, но и *значительной* части коммунистов. Далее, отмечалось в письме, поразило отсутствие связи кронштадтцев с белогвардейским Западом и даже факт отказа от предложенной Финляндией помощи войсками и довольствием. И что окончательно потрясло коммунистов, так это «массовые расстрелы рабочих и матросов-кронштадтцев, потерявшие смысл необходимого, может быть, террора в силу уже того, что они проводились негласно»¹.

Кроме подобных выдающихся случаев, на атмосфере в партии сказывались застарелые разногласия между «верхами» и «низами». К примеру, в далекой глубинке, в Порт-Петровске (Махачкала) местный уком на заседании 7 мая 1921 года обсуждал вопрос о «полном разложении низов по поводу недовольства к верхам... и совершенном падении дисциплины среди РКП»². Правда, комично то, что укомовцы обсуждали «разложение» низов, поскольку речь шла как раз наоборот о том, что рядовые партийцы выдвигали претензии к своему руководству относительно роскошных квартир и других привилегий, которые присвоили себе «верхи».

С откровенными злоупотреблениями аппарата было проще, сложнее было с другим. Несмотря на бюрократизацию власти, коррумпированность и разложение, проникавшие в виде многочисленных проходимцев через бесчисленные прорехи в быстро растущий, неупорядоченный партаппарат, множество рядовых и ответственных коммунистов в годы войны честно и с самоотвержением служили одухотворяющим идеям строительства нового общества. Начиная работу в своем учреждении в восемь часов утра и заканчивая в восемь вечера, они были нередко обязаны после этого еще идти выполнять, иногда с риском для жизни, поручения партийной организации. Нервное и физическое истощение были заурядными явлениями среди членов РКП(б), отдавались все силы. Однако, в результате резкой смены партийного курса, утраты четких политических ориентиров, «предательства» верхушки, оказалось, что и сами идеалы сомнительны. Вместо заслуженного поощрения и чувства удовлетворения за нечеловеческое напряжение военных лет, они терпели крушение идеалов и личных надежд, нищету. Их изгоняли с постов в Советах, в кооперации и

¹ Там же. Оп. 65. Д. 564. Л. 40.

² Там же. Оп. 13. Д. 286. Л. 52.

при этом зачастую слышалось: «Было вам время — прокомбедились и отъячейкились». Так писал в газете «Беднота» секретарь жуковского волкомпарта Пензенской губернии И.Пиреев: «А там без коммунистов — воровство»¹. Доверие к вождям и убежденность в идеологической правоте сменились тяжелыми раздумьями в целесообразности потраченных сил и лучших лет жизни.

Об этом состоянии партийных умов красочно рассказал Валентинов в изложении одной беседе с коммунистом-«середняком» П.Муравьевым, который говорил: «Во время военного коммунизма жилось тяжело, мучил голод, даже мороженный картофель считался редким экзотическим фруктом. Но самый остов, самый костяк существовавшего в 1918–1920 гг. строя был прекрасным, был действительно коммунистическим. Все было национализировано, частная собственность вытравлена, частный капитал уничтожен, значение денег сведено к нулю, а вместо торговли по капиталистическому образцу — в принципе равное для всех распределение, получение материальных благ. Мы осуществили строй, намеченный Марксом... Нужно было только влить в него материальное довольство, и все стало бы сказочно прекрасным. (Но в том то и дело, что в такой строй материальное довольство “вливать” было невозможно. — С.П.). Словно молотом по голове ударило, когда услышали, что нужно нефть в Баку и Грозном отдать заграничным капиталистам в концессию, что им нужно отдать в концессию леса на Севере, в Западной Сибири и множество других предприятий. В тот момент, когда появилась такая мысль, здание Октябрьской революции треснуло, пошатнулось. Это означало поворот к капитализму. Ну, а когда к этому добавилась НЭП, денационализация многих частных предприятий, свобода торговли, реставрация экономических отношений прошлого, многие из нас это восприняли, и не могли не воспринять как измену коммунизму, явное и открытое отступление от всего, за что боролась Октябрьская революция. Она была побежденной...»²

В первый год новой экономической политики необычайно быстро подняли голову буржуазные элементы. Каково было борцам революции видеть или узнавать из газет, как кутит и празднует та публика, против которой они шли в годы гражданской войны. Например, в новогоднюю ночь за столики в ресторанах платили по 5 млн рублей. Только за столики. За кушанье и прочее, что помогает его проглатывать, — сверх того. Магазины продавали плохое шампанское

¹ Там же. Оп. 65. Д. 596. Л. 164.

² Валентинов Н. (Вольский Н.). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 64.

по полтора миллиона рублей. На спектаклях в Музыкальной драме и концерте Собинова в Большом театре появилось «избранное» общество, которого не было видно уже четыре года. Откормленные мужчины в крахмальном белье и смокингах, выхоленные дамы с обнаженной верхней частью тела. «В фойе во время антрактов гуляли полураздетые самки и отдыхающие от грабежа ближнего своего люди — мужчины, содержащие этих самок»¹.

25 апреля секретарь ЦК Молотов направил шифротелеграмму всем губкомам РКП(б), в которой весьма примечательно говорилось, что «правильная коммунистическая политика» осложняется «серьезными изменениями в продполитике», что отражается в колебаниях и неустойчивости членов партии, в наблюдающихся местами частных или групповых выходах из партии. Губкомам предлагалось поставить выходы из партии под особое внимательное изучение и своевременно информировать Цека партии².

Информация с мест свидетельствовала, что опыт военного коммунизма и переход к нэпу вызвали критику партийного курса с двух крайних флангов: одни спрашивали, почему отказались от верной политики, другие высказывали сомнения в реалистичности идеи коммунизма в принципе. Любопытно, что до основательной критики коммунистического Credo возвышались не только матерые ревизионисты, но и сознательные партийки. В Цека партии для сведения поступило заявление делопроизводителя правления симбирского патронного завода Екатерины Нечволодовой о выходе из РКП(б). Заявительница обещала по возможности везде политически поддерживать компартию и Соввласть, но в партийных рядах оставаться не хотела: «Убедилась, что на практике коммунизм неприменим, потому что создает апатию и халатность к делу, уничтожая всякую личную заинтересованность, убивает инициативу, создает казенщину, чиновничество и рутину в государственном масштабе, создает огромную толпу, действующую всегда только по чьему то распоряжению, т.е. государственную машину, совершенно обезличивающую человека»³.

Через месяц, на X партконференции, Молотов поспешил успокоить представительную аудиторию, заявляя, что хотя выходы из партии иногда принимают заметный характер, широкого движения из партии не наблюдается и страхи в этом отношении несомненно преувеличены⁴. Но в течение летнего периода в условиях голода, ох-

¹ Овсянников Н. О торжествующей свинье // Коммунистический труд. 1922. 14 янв.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 538. Ч. 1. Л. 235.

³ Там же. Оп. 13. Д. 942. Л. 61.

⁴ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3. Л. 184.

вавшего десятки губерний страны, развал местных парторганизаций принял массовый характер. Нередко от уездных, тем более от волостных организаций оставалось только название да несколько особо стойких функционеров, которые и не помышляли о соблюдении инструкций ЦК и регистрации всех оставивших партию.

Общая для всех рядовых членов партии и массы низовых активистов проблема отражена в рапорте сотрудника политсекретариата 3-го конного корпуса Т.Гречишкина от 23 июня 1921 года. Он описывает бедственное положение своей голодающей семьи и, прилагая партбилет, заявляет, что «оставаться в рядах партии я дальше не могу, т.к. работать как-нибудь не умею, а работать открыто, честно нет возможности, и я предпочитаю честно заявить о выходе из партии». Пересылая это заявление в Политуправление РСФСР, военный комиссар 3 кавкорпуса подчеркивал, что явление усталости, отразившееся в рапорте, «носит далеко не единичный характер» и за последнее время преступления среди коммунистов, совершающиеся на этой почве, начинают принимать «угрожающий характер». В июне на основании аналогичных мотивов в корпусе уже были исключены из партии двое ответработников за преступления, совершенные с целью выйти таким способом из партии и уволиться из армии, а также еще двое коммунистов покончили жизнь самоубийством¹.

Однако, как свидетельствуют секретные документы ВЧК, определенная часть краскомов вместо малодушных самоубийств помышляла совершенно об ином. Летом 1921 года особым отделом ЧК в Красной армии была установлена заговорщицкая организация под названием Донская повстанческая армия, которая подразделялась на девять т.н. «полков», объединенных штабом ДПА во главе с командующим, скрывавшемся под именем Орленок. Орленок оказался слушателем Академии Генштаба, коммунистом с 1918 года, старым боевым командиром Красной армии, служившим в момент ареста начальником штаба 14-й кавалерийской дивизии армии Буденного.

Как показало расследование чекистов, в заговор был вовлечен целый ряд командиров Красной армии, в большинстве своем молодых коммунистов, которые после ликвидации фронтов стали переживать «сильные внутренние политические колебания» в связи с переменой курса РКП(б). Особенно резко эти колебания проявились среди слушателей Академии Генштаба, в стенах которой после X партсъезда возникла тайная группа оппозиционно настроенных по отношению к политике и руководству партии. На ее собраниях обсуждалось внутреннее положение страны, политика и, как свидетельствуют материалы дела, в своих выводах конспираторы были

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 449. Л. 236, 237.

близки к тем взглядам, которые выражала известная оппозиционная группировка В.Л.Панюшкина.

Впоследствии, один из руководителей группы показал, что в призывах Панюшкина они услышали тот честный голос, который решился открыто выступить против неправильной политики руководства РКП(б) и за которым следует идти¹. Вскоре кружок военных открыто примкнул к Панюшкину, который в свое время пытался из своих сторонников организовать новую Рабоче-крестьянскую социалистическую партию, печатал обращения к рабочим, призывающие отколоться от бюрократившейся РКП(б). Слушатели академии Абрамов и Шемполонский предложили Панюшкину вести более широкую работу в армии, организовать на Дону «вооруженную демонстрацию» против Соввласти, дабы заставить правительство вернуться на путь революционной политики. Однако, тогда сам Панюшкин признал преждевременным образование боевых ячеек при РКСП, хотя сама идея «своей» армии ему понравилась.

Тогда военные заговорщики стали действовать на свой страх и риск. В апреле 1921 года Абрамов во время пасхальных каникул отправился на Дон, имея целью установить контакт с поднявшим мятеж против Соввласти бывшим комбригом у Буденного Маслаковым. Поездка Абрамова на Дон еще более убедила военных в верности своего замысла, началась деятельная работа по созданию конспиративной военной организации на Дону. За основу организации были взяты старые кадры участников добровольческих казачьих отрядов, сражавшихся в 1918 году на стороне Красной армии.

Заговорщики не успели в полной мере приступить к реализации своих планов, однако некоторые документы и свидетельства, оказавшиеся в руках чекистов показывают, что «тихий Дон», как это и бывало всегда, отнес энтузиастов в свою, весьма специфическую сторону, далекую от «истинного» коммунизма Панюшкина. Так, в приказе № 1 по ДПА от 5 октября 1921 года говорилось, что вскоре настанет момент наибольшей разрухи и неудовольствия существующей, никем не избранной «расточительной и безумной» властью и

¹ 14 марта 1921 года, во время работы X съезда РКП(б), известный коммунистический радикал В.Л.Панюшкин (прославившийся в годы гражданской войны своими решительными, подсудными трибуналу, экспедиционными операциями) подал заявление о выходе из партии: «Не соглашаясь с общей тактикой и политикой РКП, не желая оставаться в рядах партии, которая перестала быть защитницей интересов, положенных в основу Октябрьской революции и пролетариатом; не имея возможности бороться с творящейся внутри партии вакханалией... не желая нести ответственность за деяния, чинимые партией, оставаясь идейно тем же коммунистом, каким был в продолжении 16 лет...» (Там же. Оп. 86. Д. 8. Л. 18.)

содержался призыв к формированию новых повстанческих частей¹. В распространенном воззвании ДПА еще громче объявлялось, что настал час мщения за «угнетательство и позор русского народа» и звучал призыв «сбросить с себя ненавистное иго коммунистов, евреев и прочей своры»². После ареста идейного вождя Панюшкина и разгрома его группы, военные заговорщики практически всецело съехались на эсеровские лозунги.

Для более устойчивого в своем «коммунизме» среднего уровня руководящих партийных и советских функционеров были характерны другие проблемы: не «как жить», а «как руководить». Замнаркома земледелия Н.Осинский после двухнедельной поездки по губерниям черноземного Центра в мае 1921 года возбудил в ЦК вопрос о необходимости провести очередную конференцию, которая конкретизировала и разъяснила бы губернским коммунистам общие установки нового партийного курса, в понимании которого на местах наблюдался большой разброд. «Одни полагают, что мы становимся на путь возвращения к буржуазным отношениям, другие, наоборот, думают, что предпринимается показной политический ход»³.

Не было ничего странного в том, что за годы военного коммунизма на местах привыкли к сезонным колебаниям крестьянской политики Москвы. Когда весна и пора сеять — галантерейное обхождение с крестьянином, когда осень и урожай снят — можно не церемониться. Так, в Ельце, в уюме Осинского с улыбочкой спрашивали: «Будет ли осенью вновь восстановлена разверстка?»

Однако, ни свежая ленинская брошюра «О продналоге», ни материалы состоявшейся 26–28 мая X партконференции, на которой прозвучала фраза: «Всерьез и надолго»⁴, не смогли внести окончательную ясность в умы партийных функционеров и советско-хозяйственного актива, как, впрочем, не было ее и на высшем руководящем уровне. Коммунистические принципы мировоззрения Ленина не были поколеблены, а меру нэповского отступления, считал он, укажет практика. Эту меру он постоянно пытался определить, «прощупывая» деловых работников.

В 1920–1921 годах своими успехами на продовольственном фронте выдвинулся довольно известный функционер губернского масштаба Н.А.Милютин. Ленин, как это всегда бывало у него с дельными людьми, завел с ним «роман» и много беседовал. В неопубликован-

¹ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 26.

² Там же.

³ Там же. Д. 244. Л. 1.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 329.

ных воспоминаниях Милютин сохранился интересный эпизод, относящийся к весне 1921 года, периоду разработки первых нэповских декретов. Он пишет, как во время одной из бесед Ленин вдруг сказал: «А ведь с мужиком нам придется повозиться, пожалуй, лет шесть». При этих словах, вспоминал Милютин, Владимир Ильич «как-то впился в меня глазами и даже перегнулся через стол». Милютин предположил, что, пожалуй, и все десять лет «проедемся». На это Ленин вздохнул: «Кто его знает, там видно будет»¹. Как всегда, и в этой мере Ленин оказался более радикальным, нежели другие, Милютин или Осинский, который указывал на 25 лет, или даже сам Сталин, «проездившийся» с мужиком до 1929 года.

Идеология и политика нэпа находились в становлении, и разрабатывали их не только московские теоретики и кремлевские вожди, но и вся партийная масса, посылая наверх свои более чем нервные импульсы. Весь 1921 год в Центре и на местах происходили острые дискуссии и столкновения по вопросам новой партийной линии. Такие вещи, как брошюра «О продналоге», вместо того, чтобы укрепить у партмассы «стояние в вере», наоборот, иногда вызвала настоящее смущение умов, как резюмировал по впечатлениям с Юго-Востока России и Северного Кавказа Донской облвоенкомиссар Батулин в письме секретарю ЦК Ярославскому в июне 1921-го. «Одни товарищи усматривают в этой брошюре чуть ли не подготовку к полной капитуляции и измену коммунизму, другие ее “примеют” полностью и т.п.»² Наблюдалось очевидное возрастное разделение. Положения Ленина находили более всего поддержки среди молодой партийной публики в земледельческих и национальных районах, а «старые» партийцы в одних случаях проявляли отрицательное отношение, в других — выжидательно-настороженное.

Последнее было еще хорошо. Совсем иное настроение господствовало в столичной организации. Здесь о «болоте» и выжидательном настроении среди активных партийцев не было и речи. Привилегированная ранее в системе военно-коммунистического снабжения столица волновалась. На общих собраниях членов партии по московским районам резко проявлялась оппозиционность по отношению к новому курсу. Нэповское освобождение свободной торговли в марте-апреле внесло лишь временное успокоение и облегчение продовольственного кризиса. Затем ситуация в промышленных центрах при развале старой военно-коммунистической системы распределения резко ухудшилась. В порядке классового снабжения столичный рабочий получал 1 фунт хлеба и 10 000 рублей в месяц. Если

¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1334. Л. 47.

² Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 571. Л. 40.

он работал из всех сил, то зарабатывал еще 10 000 рублей, т.е. 3 фунта хлеба. Эти условия не могли удовлетворить столичных жителей. С мая 1921 года гордость пролетариата — металлисты становились с каждым днем все враждебнее новому курсу, что и демонстрировали выборы в Московский совет. Беспартийные конференции в столице были отменены, поскольку на этих собраниях коммунистов едва ли не стаскивали за ноги с трибун.

Благодаря нэпу усугубилось межеумочное, двусмысленное положение партийных комитетов. Как партия, они должны были следовать классовому принципу своей партийной доктрины, отстаивая интересы рабочего класса, но как аппарат власти, были обязаны обеспечивать государственную политику, затрагивающую интересы того же рабочего класса. Так, по докладу секретаря донецкого губкома Э.И.Квирина летом 1922 года везде и всюду в Донбассе единственным требованием рабочих, шахтеров являлась ликвидация задолженности и выплата текущего заработка. Юзовский упартком несколько раз ставил вопрос перед губкомом: нужно ли дальше сдерживать настроение рабочих? Губком давал указания сдерживать и лавировать, но чем дальше, тем труднее становилось это лавирование¹.

Недовольство рабочих нэпом непосредственным образом отражалось и на партии, расшатывало и раскалывало ее и без того не очень сплоченные ряды. Секретарь МК П.Заславский информировал в июле 1921 года Молотова о том, что члены партии из среды массовиков, середняков и очень часто даже ответственных работников берут совершенно недопустимый тон по отношению к декретам нэпа. «Политика слишком круто изменена»: принцип платности, допустимости сдачи предприятий в аренду старым владельцам, крах плана создания базы для крупной промышленности (план ГОЭЛРО), создание всероссийского комитета с представителями буржуазии (Помгол), «целая туча декретов». «Все это создает сумятицу, которую усиливает голод, — писал Заславский, — на рабочих собраниях крепнет настроение оппозиционности. Оно сходно с настроением “рабочей оппозиции”, но опасней, ибо прет из низов. Здесь дипломатии нет...»²

Дипломатия растворилась в кризисе. На заседании Оргбюро ЦК 15 августа возник вопрос о характере публикаций Агитроста. Дело в том, что редактор Агитроста тов. Меньшов 12 августа в № 16 поместил свой материал под названием «Бей, губи их злодеев проклятых», который весь состоял из заклинаний: «С этими господами

¹ Там же. Оп. 11. Д. 86. Л. 248.

² Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 66. Л. 46.

нельзя ограничиваться концентрационным лагерем. Тут уже нужны не суровые и энергичные, а жестокие меры. Да, жестокие! Самые что ни на есть жестокие. Расстрел на месте, без суда и следствия. Смерть на месте. Полное уничтожение. Полное и окончательное истребление. Нельзя останавливаться перед самыми крайними, самыми кровопролитными мерами. Жалость ни на минуту не должна закрасться в вашу душу. Массовое убийство! Массовое истребление! Десятками, сотнями, тысячами! Истреблять, уничтожать, бить, губить, резать!.. Каждый день устраивайте на них облавы. Хватайте и тут же на месте казните. Не зовите милицию или чеку — убивайте сами. Не бойтесь: вам ничего за это, кроме благодарности и награды не будет...»

Что вызвало у ответственного работника печати такой всплеск ярости и ностальгии по массовому террору? Кто эти несчастные, приговоренные к мучительной смерти безжалостным пером журналиста? «Они — проклятые злодеи, изверги, чудовища. Да, они изверги и чудовища, эти тихие, безобидные, невинные создания. Они разносят по всей Руси Советской заразу. Они разносят холеру. Я говорю о мухах. О самых обыкновенных комнатных мухах». Речь, конечно, шла не о насекомых. Красный Эзоп сравнил с мухами тех, кто злоречит по поводу власти, отравляет общественную атмосферу, разносит антисоветскую заразу. Правда, неясно, к кому обращал свои призывы новоявленный «друг народа», поскольку причин для злоречия было предостаточно у всех. Где был социальный адрес «мушиного» рассадника? Терпели бедствие все (возможно кроме делегатов III конгресса Коминтерна). Именно в это время начали умирать и даже не тысячами, а миллионами поволжские крестьяне. В таких условиях Оргбюро распорядилось по-своему. Выпуск Агитроста был временно приостановлен, а лишившийся душевного равновесия редактор был уволен с должности¹.

Деятельность аппарата Цека партии в этот период была отмечена серией циркуляров за подписью секретарей ЦК, гласивших о том, что новый курс еще не усвоен партийными кадрами и основы новой экономической политики не разъяснены партийным массам. Однако на местах философски смотрели на этот продукт жизнедеятельности центрального партийного аппарата, поскольку усваивать и разъяснять пока что было нечего. Политика партии находилась в фазе становления, точнее отступления. «Разъясняли» в мае, «усваивали» в августе, а в октябре вновь состоялась кардинальная корректировка курса, еще один шаг к отступлению. И вновь в партийных организациях от столицы до глухой провинции разгорались дискуссии.

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 199. Л. 3, 38.

Как явствует из письма на имя Ленина от комиссара одного из санаториев Северного Кавказа, осенью 1921 года партийцам, поправлявшим расшатанное здоровье на горных курортах, было не до своего туберкулеза. Комиссар сообщал о бурных дискуссиях среди отдыхающих, представлявших собою почти всю географию республики, и о своем весьма резком публичном разговоре с одним авторитетным партийцем со стажем с 1905 года, который заявлял, что товарищ Ленин «очень поправел», но истинные коммунисты должны проводить идею коммунизма как они ее понимают, а «не то что нам будет писать тов. Ленин». Дескать, скоро будет партийная чистка и всех поправевших ленинцев следует вычистить из партии и на вопрос из зала: «А Ленина тоже вычистите?» — партиец со стажем вызываяще ответил: «А что же?»¹

Этот сюжет с письмом имел продолжение. Чрезмерно идейными курортниками заинтересовались в Секретариате. По его заданию специальная комиссия просеяла контингент в кисловодской здравнице и пришла к выводу, что 71% отдыхающих — из буржуазной интеллигенции и только 29% — из рабочих, крестьян и так называемой «интеллигенции пролетарской»². В результате появилось постановление ЦК о введении института политкомиссаров и организации политического контроля и политработы в лечебно-санаторных учреждениях Наркомздрава³.

Что тут говорить о записных крикунах. В Контрольную комиссию Цека с жалобой обратился коммунист Баранов, командированный для работы среди глухонемых Самарской губернии. Его плохо встретили в губкоме и отказали в утверждении на должность политкомиссара глухонемых Самары. Между тем, сообщал Баранов, в работе глухонемых членов партии «раздоры и несогласия» и большое непонимание ими программы РКП(б)⁴. Можно представить, какими энергичными были жесты глухонемых, какой ветер поднимался этими спорщиками на своих безмолвных собраниях при обсуждении положения в партии и последних постановлений руководства.

Со стороны было заметно, что сам Ленин в этот острый период избегал говорить собственно о партии. На IX съезде Советов в записках вождю значилось: «Страшно бросается в глаза, что Вы так мало говорите о партии»⁵. Его речи были насыщены размышлениями о том, что промышленность разрушена и пролетариат размыт, что задача со-

¹ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1235. Л. 1.

² Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 236. Л. 13.

³ Там же. Д. 53. Л. 14.

⁴ Там же. Оп. 13. Д. 850. Л. 55.

⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1907. Л. 2.

стоит в том, чтобы восстановить экономику через «государственный капитализм», что рост капитализма приводит к росту и самосознанию пролетариата и т.п. Выслушивая подобное теоретизирование и вспоминая пережитое, рабочие на предприятиях задавали пропагандистам ленинских речей вопрос: «Зачем же вы, большевики, четыре года портили?» Им было трудно понять, что главным содержанием минувших четырех лет являлась борьба за власть, борьба за передел власти в обществе между политическими силами и борьба за меру власти над обществом с самим обществом, в том числе и с рабочими.

В первые годы нэпа в рабочей среде, уставшей от бесконечной приспособляемости большевиков, проявлялась заметная тенденция к созданию некоей третьей силы — против комбюрократии и против буржуазии и контрреволюции. Эта борьба протекала как в стихийных, так и достаточно организованных формах. Так, в Сибири, где были еще весьма живучи традиции партизанщины и имелась таежная привычка к прямолинейному решению проблем, ВЧК стала выявлять специфические тайные союзы среди рабочих. Весной 1921 года на Анжеро-Судженских коях среди рабочих-коммунистов чекистами была раскрыта своеобразная организация, чем-то напоминавшая средневековые германские тайные судилища, ставившая своей целью ни много ни мало — физическое уничтожение ответственных работников, проявивших себя бюрократами и волокитчиками, а также тех «спецов», которые при Колчаке зарекомендовали себя явными контрреволюционерами. В центре организации находилось ядро старых партийцев: народный судья с партстажем с 1905 года, председатель комячейки рудника — в партии с 1912 года, член советского исполкома. Большая организация около 150 человек, преимущественно бывших партизан, была разбита на ячейки, которые вели учет лиц, подлежащих уничтожению во время акции, запланированной руководителями организации на 1 мая¹.

Проведенные в Анжеро-Судженске аресты среди заговорщиков не могли принципиально устранить проблему. В августе того же года очередной информационный документ ВЧК повторял, что наиболее острой формой партийная оппозиция нэпу отличается в Сибири, где она приняла характер «положительно опасный», возник т.н. «красный бандитизм». Теперь уже на Кузнецких рудниках была раскрыта конспиративная организация рабочих-коммунистов, поставившая себе целью истреблять ответственных работников. Где-то в Восточной Сибири также было вынесено постановление о том, что часть ответственных работников подлежит истреблению. Положение еще более осложнилось в 1922 году, когда советское пра-

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 17.

вительство на фоне всеобщей нужды решилось в интересах восстановления производства пойти на заметное увеличение материального вознаграждения специалистов. В этом случае от рабочих можно было ожидать чего угодно. Поэтому Сиббюро ЦК в сентябре 1922 года приняло специальное постановление о необходимости бережного отношения к ответработникам-спецам и борьбы всеми мерами с тем массовым настроением по отношению к спецам, которое господствовало в угольных регионах¹.

Склонность к экзекуционному водворению понятий о справедливости и порядке проявлялась не только в пролетарско-коммунистической среде. В Уральском регионе за этим делом были замечены и деревенские коммунисты, «не желавшие примириться с новым курсом», которые истребляли кулаков «вопреки директивам губернских органов»². В Сибири еще долго имели место быть «неприятные явления» в деревне. В 1923 году нередко случались жалобы крестьян на безобразное поведение коммунистов. Серьезная картина выяснилась в Кузнецком уезде, где обследованием в большинстве волостей обнаружено совершенно нетерпимое положение. Коммунисты, целые ячейки, буквально терроризировали крестьян. Драки, избиения, издевательства, грабеж во многих ячейках — повседневное явление. Царила партизанщина самого худшего сорта, партийной работы и дисциплины никакой. Отношение крестьян к коммунистам крайне враждебное, поэтому коммунисты даже на волконференции являлись с винтовками. Пленум губкома решил перерегистрировать организацию и под благовидным предлогом постепенно отобрать у коммунистов винтовки³.

В Донбассе также оказались чрезвычайно сильны традиции красного бандитизма. Из закрытого доклада секретаря донецкого губкома Квиринга за июль 1922 года следует, что враждебное отношение рабочих к спецам доходит до случаев прямого террора. Устроен подрыв инженера в Должанском районе, в других местах специалистам присылались угрожающие письма с подписью «коммунисты-террористы». Квиринг пытался утверждать, что все это есть провокации белогвардейцев с целью натравить спецов на рабочую массу, однако имелся доказанный случай убийства штейгера двумя коммунистами. Это дело проходило через ревтрибунал, причем виновные были отпущены на свободу до суда. На практике получалось так, что власть, обеспечивая безнаказанность гегемону революции, провоцировала нападения рабочих на спецов⁴.

¹ Там же. Оп. 11. Д. 129. Л. 2.

² Там же. Оп. 87. Д. 165. Л. 3.

³ Там же. Оп. 11. Д. 82. Л. 56.

⁴ Там же. Д. 86. Л. 267.

У масс могут быть, и массы очень часто демонстрировали истории самые благородные и даже идеалистические устремления. Революции вовлекают их в свой водоворот в некоем братском порыве, чувством единения в борьбе с общепризнанным злом и пороками, движут массами своим призывом к светлому и возвышенному над несправедливой и давно опостылевшей жизнью. Однако, эти порывы, как и всякое другое воодушевление, носят кратковременный характер. По пути от отрицания старого порядка к утверждению нового, к общественному творчеству, масса по своей природе в состоянии исторгнуть из себя только два крайних типа общественного устройства – либо анархическую охлократию, либо авторитарную диктатуру. Точнее, масса всегда обреченно идет через непосредственную анархическую форму к авторитаризму, поскольку анархизма как формы не существует, так как он сам по себе есть последовательное отрицание всякой формы. Как конечная станция необузданного движения масс остается авторитаризм в своих разнообразных конкретно-исторических проявлениях – вождь, батшка, народный монарх, диктатор. После кратковременного периода анархической неопределенности, когда большевики делали ставку на охлократию в политической борьбе и разрушении старого порядка, в советской республике стала активно формироваться авторитарная власть новой бюрократии во главе с признанным вождем. Состоялся закономерный переход большевизма от анархо-охлократической формы в бюрократическую.

Эту закономерность, присущую и русской революции, как всякому движению огромных масс крестьянства и пролетариата, сумели разглядеть за внешними формами большевистской диктатуры ее наиболее вдумчивые и проницательные современники. Философ Л.Карсавин писал в 1922 году, в год своей высылки за пределы родины, что не народ навязывает свою волю большевикам и не большевики навязывают ему свою волю. Но народная воля индивидуализируется в большевиках, в них осуществляются некоторые особенно существенные ее мотивы: жажда социального переустройства и даже социальной правды, инстинкты государственности и великодержавия. Еще более глобальное отражение эта проблема нашла в творчестве испанского философа Ортеги-и-Гассета, который в книге «Восстание масс» подчеркнул, что, несмотря на всю внешнюю недемократичность и деспотизм, политические режимы, подобные русскому большевизму и итальянскому фашизму, являются не чем иным, как политическим диктатом масс¹.

Однако генетическое родство народных масс с авторитаризмом и диктатурой не означает, что в конкретных условиях порожденная

¹ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 47, 95.

массой власть полностью следует в русле интересов этой массы. Раз возникшее явление, согласно универсальному закону отчуждения явлений, вступает в противоречие с породившей его субстанцией. Авторитарная власть, вступая в фазу самоопределения и отчуждения, неизбежно должна вступить и в противоречие со своей социальной первоосновой. Делает это она очень бесцеремонно и грубо, ровно настолько, насколько груба и примитивна породившая ее субстанция, и тогда в массе вновь начинается брожение. Природные вожаки массы вновь зовут ее в бой, к новым социальным подвигам. Революционная масса России отвергла власть буржуазии и помещиков в ходе гражданской войны, но, обнаружив свои противоречия с новой бюрократией, приступила к поискам некоего «третьего пути» — не капитал, не бюрократия, а нечто иное. Эти поиски «третьего пути», «третьей силы» красной нитью проходят через крестьянскую и пролетарскую историю периода военного коммунизма и нэпа в самых разнообразных вариантах. Как правило, результаты этих поисков оказывались эфемерными. С одной стороны, всякого рода «демократические контрреволюции» поглощались контрреволюцией настоящей, реставрационного толка, или рассеивались за кордоном, как отзвуки махновской и прочих вольниц. С другой стороны, соответствующие оппозиционные течения в самом большевизме либо сводились к бесплодному критиканству и безрезультатному воспроизводству оклократических идей, уже отторгнутых действительным течением вещей, либо сами скатывались на путь того же бюрократизма, да еще усугубленного малокультурностью и неискушенностью вожakov оппозиции. Об этом свидетельствовал скандальный опыт пребывания у власти представителей течений «демократического централизма» и «рабочей оппозиции» в Туле и в Самаре в 1920–1921 годах.

Кризис в партии, кризис в обществе, отчетливо выразившиеся в событиях начала 1921 года, вопреки всем запретительным резолюциям, всколыхнули множество активных коммунистов из низовых структур партии. После X съезда в различных районах страны отмечалось появление разрозненных, немногочисленных по составу, зачастую конспиративных групп, которые в форме листовок, устной агитации смело и резко выступали с критикой военно-коммунистического курса партии и его наследия, либо, наоборот, выражали неприятие новой экономической политики. Наиболее заметным стало выступление Г.И.Мясникова, члена партии с 1906 года, занимавшего ранее ответственные посты в партийном и советском аппарате Пермской губернии. В мае 1921-го Мясников направил в ЦК докладную записку, в которой подчеркивал усиливающийся разрыв между

партий и рабочим классом. С целью борьбы с бюрократизмом и повышения авторитета компартии среди рабочих и крестьян он считал необходимым «после того, как мы подавили сопротивление эксплуататоров и конституировались как единственная власть в стране, мы должны... отменить смертную казнь, провозгласить свободу слова, которую в мире не видел еще никто от монархистов до анархистов включительно. Этой мерой мы закрепили бы за нами влияние в массах города и деревни, а равно и во всемирном масштабе»¹.

Благодаря прошлым заслугам и положению Мясникова его настойчивые попытки достучаться до ЦК не утонули в архивной пыли, а неожиданно получили громкий резонанс. 23 июля Оргбюро поручило специально созданной комиссии разобраться с делом Мясникова. Предложения, выдвинутые им, были столь принципиальны и столь не ясны по возможным последствиям в обстановке выработки нового партийного курса, что комиссия не рискнула взять на себя ответственность самостоятельного решения. 1 августа Бухарин передал документы Мясникова Ленину и тот счел нужным составить подробный ответ, в котором громко прозвучала фраза, ставшая крылатой: «Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем». Ленин согласился с утверждением о необходимости «гражданского мира», но категорически отверг главный тезис Мясникова о свободе печати, ибо свобода печати есть свобода политической организации и дать такое оружие буржуазии «значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу»².

Широко распубликованный ответ Ленина был предназначен не только для Мясникова. В первый год новой экономической политики, когда происходило ее противоречивое становление, многие основания нового курса большевиков еще были совершенно неясны для самой партии и, тем более, туманны для окружающего мира. Наряду с известными «сменовеховскими» иллюзиями за рубежом, в самой партийно-государственной среде нередко звучали предложения решиться вслед за хозяйственной и на политическую либерализацию системы.

Весной и летом 1921 года Цек партии был осажден обращениями от своих партийцев и от деятелей социалистического толка с призывом дать обществу те или иные политические свободы. Например, 11 апреля подобное письмо о расширении легальных условий деятельности меньшевиков и эсеров было направлено в партийные инстанции извес-

¹ Дискуссионный материал. Тезисы тов. Мясникова, письмо тов. Ленина, ответ ему, постановление Оргбюро ЦК и резолюция мотовилихинцев. Только для членов партии. Пермь, 1921. С. 12–13.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 79.

тным «децистом» И. Вардиным (Мгеладзе). Он искренне полагал, что в связи с советскими выборами политическим противникам РКП(б), чуждым вооруженного активизма, следует предоставить некоторую свободу действий. «В Советах нам *необходима оппозиция*. Когда беспартийный рабочий протестует против партийной диктатуры, он имеет в виду отсутствие в Советах тех партий, которые часто отражают не классовые, а его профессиональные и бытовые интересы и нужды». «Свободные выборы», «конституция» — это усилит коммунистические позиции, это уменьшит шансы нового Кронштадта, доказывал партийной верхушке уполномоченный-референт ВЧК Вардин-Мгеладзе¹. Несколько позже, в январе и марте 1922 года Ленин был вынужден растрачивать свое быстро тающее здоровье на воспитательные мероприятия в отношении Чичерина и Радека, которые предложили, первый — изменить параграфы Конституции в пользу политической оппозиции, а второй — разрешить меньшевикам издавать свою газету.

Вопросы политических свобод в партии и обществе волновали всю активную партийную массу. Характерно заявление Елены Виноградовой, слушательницы популярного отделения коммуниверситета им. Свердлова в партийный суд при университете от 27 апреля 1921 года. Заявление показательно в плане того, при какой общеобразовательной подготовке красному студенчеству приходилось вникать в сложные проблемы власти и общества. Орфография документа сохранена. Слушательница пишет: «Обращаясь к суду разобрать дело, которое случайно возникло при кружковом занятии по истории запада. Вопрос о свободе печати, свободе слова и открылся горячий спор дискуссий, т.е. товарищи, которые были за свободу слова и печати т.к. их было большинство, то они чувствовали себя сильнее и бросали упреки нам, но эти упреки являются как для нас, но вообще это упрек является партии, т.к. мы защищаем партию». (Руководитель кружка присоединился к большинству, которое стояло за свободу слова. — С.П.). «А как товарищ Бутяков является руководителем кружка и как партийный член и он — не является как член партии, а ввиду того, когда тт. высказывали чисто меньшевистские взгляды, то как он является председателем он мог бы чем нибудь доказать как член партии, а он сам не говорил как член партии»... «Т.к. наша партия сейчас разделяется на две партии и большинство присоединилось к Рязанову как он идет за свободу слова и печати». Это сказал Бутяков, и ему аплодировали. Несознательные молодые товарищи высказывались так, что «еще 1 мая 1917 года был дан лозунг свободы слова, а где же она, хотя идет уже 4-й год после этого»².

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 269. Л. 1.

² Там же. Оп. 112. Д. 196. Л. 38.

Ответ Ленина Мясникову был принципиален в смысле определения партийно-государственной стратегии и прямо или косвенно обращен ко всем заинтересованным политическим силам. Однако, что касается самого Мясникова, то мнение даже такого партийного авторитета, как Ленин, не смогло поколебать его устремлений. Вообще же, по воспоминаниям знавших его партийцев, единственное уважение среди коммунистической верхушки он питал к Ленину и определенно считал себя вторым после него человеком в партии. Безусловно, амбициозности Мясникову было не занимать, он отличался той маргинальной психопатичностью, благодаря которой и возникают на политической сцене отдельные лидеры. Из тех же воспоминаний известно, что его отличительной чертой была настойчивость и, будучи уверен в своей правоте, он всегда «бил напролом», независимо от возможных результатов. Мясников был хорошо политически развит, обладал ораторскими способностями, умел своим гортанным голосом произносить речи с большим подъемом и увлекать аудиторию. Не мудрено, что особенной популярностью он пользовался у молодежи Перми и Мотовилихи, выглядел в их глазах «маленьким божком». В Пермском губкоме комсомола большинство состояло из сторонников Мясникова. Взгляды Мясникова, сложившиеся к 1921 году, базировались на критике бюрократизма, застенелости партийно-государственного аппарата и отстранения рабоче-крестьянской массы от участия в управлении обществом как главных источников экономического и социального кризиса в Советской России.

В первую очередь, полагал Мясников, необходимо организовать «наилучшим образом» ячейки государственной власти путем восстановления утраченной роли пролетариата в организации производства и распределения. Такими ячейками он представлял Советы рабочих депутатов, которые потеряли первоначальное значение выразителей интересов рабочего класса и из производственной, руководящей организации превратились в территориальную. По мысли Мясникова, Советы рабочих депутатов, кроме чисто производственных задач — составление программ и руководство по их выполнению, могли бы взять на себя заботу о снабжении рабочих, разгрузив и разбюрократизировав снабженческие организации. «Советы управляют, (профессиональные) союзы контролируют: вот сущность взаимоотношений между завкомом и советом, между ВЦСПС и ВСНХ, между ВЦСПС и ВЦИК и Совнаркомом»¹.

Для управления мелкокрестьянским сельскохозяйственным производством и жизнью деревни Мясников отстаивал необходимость

¹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 418. Л. 86 об. См. также: Власть и оппозиция. М., 1995. С. 110.

разрешения крестьянской самоорганизации. В артели, коммуны и прочие коллективы большинство крестьян не идет, указывал он. Да это и есть «надевание хомута с хвоста». «То, что должно явиться результатом развития производительных сил, хотят сделать предпосылкой». Формой организации деревни должен быть союз, к которому существует стихийное влечение крестьянства. В своих идеях крестьянского союза Мясников почти полностью отразил преследуемые большевистской властью требования крестьянских вожakov по участию крестьянства в экономической политике Советской власти. В задачу крестьянского союза должно было входить интенсификация сельского хозяйства, контроль за выполнением повинностей и налогов, участие в выработке цен на хлеб и изделия промышленности и т.п.¹

Первостепенное значение Мясников придавал борьбе с бюрократизмом и критике нового общественного неравенства, складывающегося в условиях большевистской власти. Выступления Мясникова имели сильный налет махаевщины — враждебности к интеллигенции, которая по мысли «чистых» идеологов пролетариата при новом строе превращается в очередных эксплуататоров рабочего класса. Для рабочего класса — убеждение, а для интеллигенции одно лекарство — мордобитие, провозглашал Мясников².

Понятная каждому рабочему критика экономической политики государства, агитация против забюрократившейся привилегированной советско-партийной верхушки создали Мясникову в Перми репутацию непримиримого борца за интересы рабочего класса и обеспечили поддержку и сочувствие, как большинства беспартийных рабочих, так и членов партийной организации Мотовилихи.

В 1921–22 годах царил послевоенная разруха, свирепствовал голод. Настроение мотовилихинских рабочих было весьма беспокойным, они очень болезненно реагировали на все трудности, что, как обычно, все выливалось в возмущение против непосредственного руководства, олицетворявшего в глазах рабочего пороки и бессилие власти. В подобной ситуации стоило любому записному оратору сказать что-нибудь против ответственного работника, за ним немедленно шли рабочие. Социальную базу мясниковщины составляли практически все рабочие Мотовилихи, в том числе коммунисты и даже левые эсеры. Объявляя себя представителем «чистой» пролетарской демократии, Мясников занимал совершенно непримиримую позицию в отношении других социалистических партий: победа в гражданской войне была одержана благодаря тому, что большеви-

¹ Там же. С. 111.

² Там же.

ки дрались как с белогвардейской контрреволюцией, так и с меньшевиками и эсерами. Следовательно, не единый фронт с II и II^{1/2} Интернационалами, а война с ними — вот лозунг, под которым будет происходить социальная революция во всем мире, провозглашали сторонники Мясникова¹.

В марте 1922-го Мясников был исключен из РКП(б) и арестован за разложение партийных рядов. После 12-дневной голодовки он был выпущен на поруки, но деятельность свою не прекратил. Из выразивших ему сочувствие рабочих-коммунистов Перми и Мотовилихи Мясников создал небольшую тайную организацию под названием «Рабочая группа». Группа продолжала придерживаться осуждения тактики Коминтерна, в частности тактики единого фронта, тяготая к анархо-синдикалистскому уклону типа оппозиции Унитарной конфедерации труда во Франции или Коммунистической рабочей партии Германии. В одном из своих воззваний «К пролетарской части РКП(б)» группа указывала на опасность, угрожающую завоеваниям Октябрьской революции 1917 года в результате политики «господствующей в РКП(б) группы», приведшей к «абсолютному бесправию рабочего класса». «Рабочий класс России и в первую голову его коммунистическая часть должна найти в себе силы отстоять свою партию от этой зарвавшейся кучки интеллигентов», — призывали мясниковцы².

«Рабочая группа» выступала против нэпа, расшифровывая его аббревиатуру как «новая эксплуатация пролетариата». Чтобы не дать окончательно себя закабалить, пролетариат, по мнению группы, должен организоваться в «государственный класс», принимающий участие в управлении обществом. Насыщенное митинговым красноречием нелегальное литературное творчество «Рабочей группы» стержнем пронизывает высокомерие и недоверие к интеллигентным верхам партии и «интеллигентщине» вообще. Отсюда неприкрытая вражда мясниковцев к другой нелегальной партийной группе под названием «Рабочая правда», которая образовалась из небольшого числа коммунистов-интеллигентов и, по отзывам ГПУ, явно тяготела к меньшевизму. «Рабочая правда» на деле никакой массовой работы среди рабочих, будучи от них совершенно оторвана, не вела, ограничиваясь вербовкой сторонников среди учащейся молодежи, связанной с РКП(б).

Воззвание группы «Рабочая правда» «к революционному пролетариату России и всем революционным элементам, оставшимся верным борющемуся рабочему классу» за декабрь 1922 года гласило:

¹ Там же. С. 113.

² Там же. С. 114.

«В тяжелые месяцы идейной растерянности и разброда в партии и апатии среди рабочего класса, мы, группа коммунистов, ставим своей задачей борьбу за выявление классовой пролетарской позиции» — под таким лозунгом самоопределилась и оформилась осенью 1921 года наша группа в журнале «Рабочая правда». Пора приступить к собиранию сил для отпора нагเลющему капиталу. Компартия неустанно повторяет рабочим, что они в стране «диктатуры пролетариата», но жизнь убеждает их, что они в стране произвола и эксплуатации¹.

Рабочеправдинцы полагали, что большое прогрессивное значение Октябрьской революции заключалось в том, что в результате ее «перед Россией открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма». Политическую близость группы к меньшевизму характеризовало ее обращение к международному пролетариату и, в частности, революционным организациям II Интернационала, которые «Рабочая правда» считала наиболее близкими себе. Характерным для группы было и то, что некоторые ее члены, являясь по своим убеждениям последовательными меньшевиками, в то же время считали необходимым оставаться в рядах РКП(б).

Образования, подобные «Рабочей группе» и «Рабочей правде», были обязаны своим возникновением существованию объективных противоречий внутри партии, постоянно воспроизводивших проблему «верхов» и «низов», и, кроме того, относительной воздержанностью органов ГПУ, еще не нацеленных в то время на хирургическое удаление всех шероховатостей с облика партии. Загнанные в подполье группировки, которые в лучшие свои дни насчитывали не более чем по 50 человек, были лишены какого-либо заметного влияния на партийные дела и даже в малой степени не являлись серьезными участниками борьбы за передел партийно-государственной власти.

Организационный разлад

Как гласили сводки информационного аппарата ЦК РКП(б), до X съезда партии многие организации находились в состоянии полной расхлябанности и в атмосфере склок, как правило, узколичного характера. Из крупных областных объединений особенно плохо была поставлена работа Уралбюро, Сиббюро ЦК, в Крыму и

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 55. Л. 212.

на Украине. Весьма слабо работали парторганизации Псковской, Курской, Пермской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Архангельской губерний, Вотской и Чувашской областей. Особенно плохо дело было поставлено на Украине. Целый ряд украинских губернских партконференций вынес резко отрицательные резолюции о деятельности своих губкомов и переизбрал их целиком¹.

Но вопреки оптимизму партийных обозревателей X съезд не стал поворотным пунктом в жизни местных партийных организаций в смысле их оздоровления. Наоборот, смутный и противоречивый год перемен привнес в партийные ряды невероятный, немыслимый еще совсем недавно разлад и разложение. Решения X съезда и X конференции размыли старые политические ориентиры, и закоснелые конфликты личного и группового характера оказались в питательной среде идеологического разброда.

Принципиальные моменты отмечались в костромском губкоме, где происходили трения на почве различного отношения работников к новой экономической политике. В Самарской, Екатеринбургской, Пензенской губерниях — по вопросу о роли профсоюзов, в Саратовской губернии вражда поделила партийных работников на «старых» и «молодых». В Екатеринбургской — вспыхнула обостренная борьба «низов» с «верхами», в Николаевской — сражения с «рабочей оппозицией», в Сибири, Крыму и Донобласти местные кадры повели борьбу с «назначенцами» и вообще приезжими и командированными из Центра работниками. В Башкирии давно не утихала ожесточенная борьба среди руководящих работников на национальной почве. Личные склоки, борьба за власть, неупорядоченные отношения между аппаратами превратились в столкновения между губкомами, губисполкомами и губчека (в частности на Украине), причем виновниками столкновения являлись представители чека.

Особенно тяжелые случаи поражения партийных рядов и органов власти являлись следствием надклассовых и надпартийных пристрастий. Так, пьянство и кутежи ответработников послужили причиной временной ликвидации Советской власти в Воронеже, где в начале 1921 года имело место исключение из партии 17 виднейших руководителей. В результате оказались целиком сняты с работы президиум губсовнархоза, президиум губпрофсовета и обескровлен губисполком². По ходу расследования выяснилось, что среди воронежских гедонистов даже было в обычае, что молодые коммунисточки и комсомолочки использовались партийными товарищами по своему

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 11. Д. 61. Л. 2.

² Там же. Л. 4.

гендерному предназначению. Это, наверное, считалось по-революционному, против предрассудков и в духе времени.

Чем дальше на юг распространялось партийное обозрение, тем колоритнее выглядели провинциальные нравы. В бумагах Цека за май 1921 года сохранился весьма эмоциональный отчет инструктора Н.Горловой о ее поездке в Ставропольскую губернию: в губернии 2 495 членов и 4 121 кандидатов РКП(б). Впечатления самые безотрадные. В уездах найдется максимум 2–3 работника более или менее разбирающихся в партийной работе, имеющих хоть какое-нибудь представление об уставе и программе партии. Остальные члены партии — «это сплошная темная масса, решительно не имеющая никакого понятия о том, что такое партия и каковы ее задачи». Нет ни одного уезда, где бы не имелось дел, заведенных на ответственных работников по поводу пьянства, злоупотреблений властью, истязаний крестьян во время продразверстки. Самым «отвязным» считался Святокрестовский уезд, сплошь покрытый виноградниками. Сюда съезжалось со всей губернии для веселого времяпровождения так называемое начальство. Это что касается уездных городов, в сельских же ячейках вскрывались самые невероятные вещи. Их заполняла сырая необработанная масса неопитов, большинство комячеек состояли из одних кандидатов, случалось даже так, что ячейками руководили беспартийные. Исполнение коммунистами религиозных обрядов носило повсеместный характер¹.

Характерная особенность ставропольской организации заключалась в том, что в ней сосуществовали коммунисты двух видов: просто коммунисты и коммунисты-буденновцы. «Просто коммунисты» хотя и беспокоили Цека традиционными склоками между враждебными группировками местных и приезжих, но они протекали почти рутинно, на уровне первичных аппаратных рефлексов, и меркли перед подвигами орденоносных буденновцев. «Эти последние — коммунисты особой породы, партизаны, не признающие авторитета партийной организации, — писала Горлова, — Они привыкли действовать и действуют на свой страх и риск». Довольно любопытная стихия, порожденная гражданской войной. Буденновцы пользовались авторитетом и уважением среди населения, их охотнее всего выбирали в советские исполкомы. В то время как часть из них служила власти, другие взбаламучивали северокавказские степи в зеленых отрядах известного Г.Маслакова под знаменем «Дети разоренных отцов». Один из бывших сослуживцев Маслакова с любопытной фамилией Книга даже выпустил воззвание к товарищам по оружию, примкнувшим к зеленым, с призывом идти под его, Книги, начало. Цель была

¹ Там же. Оп. 13. Д. 988. Л. 1–14.

вполне благая — вырвать буденновцев из-под влияния мятежника Маслакова. Однако в ставропольском губкоме засомневались по поводу того, в какую сторону могут направиться встретившиеся однополчане, и задержали атаманское воззвание.

В уездах Ставрополя почти все парткомы и исполкомы состояли из буденновцев, военных коммунистов, действовавших по-военному. Плеть и мордобой прочно вошли в методы их руководства. Местные коммунисты уже успели врасти в домашнюю обстановку, обзавестись хозяйством, перекумиться со всеми соседями и представляли собой негодный элемент для проведения партийной политики. Любая директива тонула в этой трясине. Ставропольская губерния, как и весь Кавказ, после белогвардейщины в 1921 году продолжала переживать советскую анархию образца 1918 года. Все, что было связано с партийной дисциплиной и советским порядком, находилось в начальной стадии, царила ожесточенная борьба партийного и советского аппаратов. Организация переживала тяжелый кризис. «Крайняя распущенность членов партии, пьянство, разврат, грубое отношение к населению доходило до того, что приходилось исключать из партии ответственных работников целыми пачками. Склоки привели к открытой войне между центральными органами, губкомом и губревкомом». В марте 1921 года безобразия партработников, попойки получили настолько широкую огласку, что уладить все внутрипартийным путем уже не представлялось возможным. Губком на основании доклада следственной комиссии исключил из партии целый ряд работников во главе с председателем губревкома. Это исключение несколько примирило массы с губернским руководством.

Но корни южнорусской анархии истребить было не так-то просто, и осенью 1921 года информация аппарата ЦК о ставропольской парторганизации оставалась по-прежнему безрадостной¹. После короткого затишья, в апреле в Ставрополе уже между новыми секретарем губкома и председателем губисполкома опять вспыхнула ожесточенная борьба. Организация раскололась на два лагеря. После скандального августовского пленума Югостбюро ЦК распустило губком и ввело временное управление. Разруха продолжалась вплоть до чистки, в ходе которой еще целая когорта ответственных товарищей во главе со свежеиспеченными партийными, советскими и прочими руководителями вылетела из партии. Всего было исключено до 50% всей организации.

Нравственное разложение в партии имело и свои положительные моменты, как в поговорке: не было счастья, да несчастье помог-

¹ Там же. Л. 16–18.

ло. Безнравственное поведение верхов шло на пользу укрепления централизма путем наказания непокорных партийной власти председателей советских исполкомов. Законным порядком урезонить темпераментные натуры южнорусских исполкомовских князьков было очень трудно, Конституция обеспечивала им почти безмятежное существование. Однако изгнание из партийных рядов автоматически влекло за собою и утрату властных полномочий.

Большевистская идеология нэпа, которая от начала нового курса и вплоть до его окончательного свертывания в 1929 году находилась в состоянии непрерывного становления, в первое время особенно переживала серьезные трудности и противоречия. Теоретики партии должны были прежде всего сами уяснить себе и четко сформулировать партийной массе ответы на одолевавшие ее вопросы: зачем нужна новая экономическая политика? каковы ее допустимые границы? Каково место партии и отдельного коммуниста в системе нэпа?

Не сразу, а постепенно, по мере втягивания в новые условия, в партийной доктрине укреплялось понятие о том, что нэп — это безусловно временное отступление от генеральной линии партии, вынужденное неподготовленностью общества к переходу на коммунистические отношения, которое в принципе не должно влиять ни на организационные основы партии, ни на ее этические критерии, ни на ее идеологию в целом. Партийные ряды должны были быть очищены от чуждого элемента и еще более сплочены перед лицом ожившей и торжествующей буржуазной стихии.

До самой осени 1921 года в Цека партии отмечали «абсолютное незнание до сих пор постановлений X съезда» в наиболее отдаленных регионах страны¹. Из более информированных мест в Москву поступали запросы по поводу правильного отношения партийных комитетов к участию членов партии в новой партийной политике. В конце концов, всех интересовало, могут ли коммунисты быть частными предпринимателями — нэпманами². Симбирский губком запретил своим коммунистам вплоть до решения вопроса в ЦК участвовать даже в артелях и промысловых предприятиях³.

Наконец, 11 сентября 1921 года ЦК РКП(б) разослал циркулярное письмо всем губкомам, в котором говорилось, что декреты об аренде госпредприятий, организации артелей и прочие постановления Советской власти о различных формах частного и коллективного предпринимательства вызывают на местах сомнения и недоразу-

¹ Там же. Оп. 112. Д. 226. Л. 22 об.

² Там же. Д. 200. Л. 2, 11.

³ Там же. Оп. 13. Д. 916. Л. 111.

нения и прежде всего по поводу об отношении и месте коммунистов в системе частного предпринимательства. До Цека доходили сведения о том, что некоторые парткомы настойчиво рекомендовали членам своей организации брать в аренду предприятия, участвовать в артелях. Циркуляр гласил, что руководствоваться нужно следующим: «Во всех частно-хозяйственных организациях, безразлично единоличных или коллективных, применяющих наемную силу, участие коммуниста в качестве владельца предприятия или арендатора безусловно недопустимо». Также категорически воспрещалось коммунистам участвовать в каких бы то ни было частных торговых организациях, «безразлично, применяется ли в этих предприятиях наемная рабочая сила или нет». Допускалось лишь участие в некоторых предприятиях коллективного характера (артелях) и при том условии, что они не применяют наемной рабочей силы и не преследуют «специальных целей обогащения»¹.

Что последнее означало, не вполне ясно, особенно сейчас, поскольку трудно представить какую-либо хозяйственную организацию, следующую куда-либо мимо «целей обогащения» и равнодушную к прибыли. Но таковы были противоречия, характерные для большевизма, угодившего в условия своей новой политики. Более того, эти противоречия все более усугублялись, проводить политику и одновременно стоять вне ее сферы оказалось задачей не из легких. Возможно это было под силу только искушенным столичным теоретикам. На местах же, в провинции происходило большое смущение умов. Так, секретарь бугурусланского укома писал в самарский губком о том, что, мол, хороша брошюра Ленина «О продналоге» и статья Бухарина в «Правде», но все же это теория, а партийная масса нуждается в конкретных практических указаниях, как эту теорию воплощать в жизнь. До циркуляра от 11 сентября в Бугуруслане существовало течение за то, что коммунисты могут быть арендаторами предприятий, дескать, если он хороший хозяйственник, то может восстановить предприятие и принести государству пользу².

Но указания ЦК не положили конца бесконечным сомнениям, сопровождавшим парторганизации на каждом шагу новой политики. Например, в начале 1923 года в некоторых уездах Тамбовской губернии, как следует из письма секретаря губкома, оживленно дебатировался вопрос, может ли коммунист покупать имущество налогоплательщиков, продаваемое с торгов. «Лебедянский уком высказывается против этого. Мы решили иначе», — писал секретарь³.

¹ Там же. Оп. 65. Д. 538. Л. 579.

² Там же. Оп. 13. Д. 583. Л. 167, 169.

³ Там же. Оп. 60. Д. 442. Л. 81.

Очередное сильное смятение в умиротворенные было цековскими разъяснениями умы партийцев внесла очередная ленинская корректировка хозяйственной политики в октябре 1921 года, выразившаяся в крылатом призыве к коммунистам: «Учиться торговать!» Как торговать? Где торговать? Какое отношение к этому имеют госпредприятия? Ведь сам лозунг был вызван провалом политики организованного государственного товарообмена с крестьянством, в ходе которого ясно обнаружилась немочь государственных организаций в свободной торговой конкуренции с частником. Тем более, что в это время главный специалист в правительстве по товарообмену, член коллегии Наркомпрода М.И.Фрумкин, на памяти которого с 1918 года это был уже четвертый провал попыток наладить государственный товарообмен с деревней, вынес окончательный приговор, что государству нет места в вольной торговле. Негибкий государственный аппарат не способен и не приспособлен к свободной торговле, на этом поле государство всегда будет бито. У государства есть свое, только ему присущее орудие — государственная монополия. Его усилия должны быть направлены не в сторону торговли, а в сторону государственных заготовок путем обложения и частичной монополии¹.

Благодаря невятности и противоречивости руководящих установок, по ходу жизни партийная масса, во всяком случае, в некоторой своей части, привыкала или «припадала» к нэпу, как было сказано в одной из цековских сводок по материалам с мест за конец 1922 — начало 1923 года. Секретарь донецкого губкома сетовал на то, что «наши коммунисты в деревне не могут по-коммунистически жить». Индивидуальное хозяйство заедает их не меньше, если не больше, рядового крестьянина. «Причин здесь много, а главное — “мужичок” оказался крепче нашего коммуниста, рожденного в вихре революции, не он, а его “перерабатывают” и через короткий промежуток времени “обросший” коммунист отличается от середняка, а иногда и кулачка только партбилетом в кармане»².

Хозяйственное «обрастание» глубже затронуло массу рядовых сельских коммунистов, которые, к обеспокоенности и неудовольствию вышестоящих комитетов, стремились обзавестись «домком», инвентарем, арендовать мельницы, базарные площади и тем самым вознаградить себя за прошлые лишения³. Нэп внес специфическое

¹ Германов Л. (Фрумкин М.). Товарообмен, кооперация и торговля // Четыре года продовольственной работы. М., 1922. С. 97.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 442. Л. 82.

³ Информационная сводка ЦК РКП(б) по Тамбовской губернии за 1922 год // Там же. Оп. 11. Д. 110. Л. 162.

расслоение в саму коммунистическую среду со всеми вытекающими социально-политическими последствиями. Екатеринославский секретарь губкома Симонов сообщал в Цека, что в троицкой комячейке Верхнеднепровского уезда возникла борьба между «здоровым ядром коммунистов-незаможников и группой коммунистов-кулаков»¹.

Наиболее стойкие члены партии, не затронутые «обрастанием», продолжали терпеть всяческую нужду. Так, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии некоторые секретари волостных ячеек вынуждены были для поездки в город за инструкциями занимать одежду и обувь у товарищей². Случаи найма коммунистов в батраки к кулакам стали обычным явлением. В таких условиях говорить о влиянии партии и авторитете коммунистов среди хозяйственных мужиков было просто невозможно. Деревня придерживалась исконной иерархии ценностей. В 1923 году из Саратова поступали сведения, что деревенские коммунисты в деревнях и на уездных слетах открыто говорят о необходимости хозяйственного укрепления — «обрастания» коммунистов, поскольку «голытьбу никто слушать не хочет»³.

Проявилась коварная сущность нэпа для самих коммунистов — преданные приверженцы господствующей партии не имели права пожинать материальные плоды ее политики. Этим противоречием изначально определялся недолговечный характер нэпа: рано или поздно либо нэп должен был взорвать партию, либо партия будет вынуждена отказаться от социальных компромиссов.

Особенно возмутительные перемены в поведении партийцев происходили в городских условиях, на глазах у руководящих парткомов. Повсеместно конфиденциальные партийные материалы свидетельствовали о разложении партийных рядов при неизбежном соприкосновении коммунистов на ответработе с нэпманской буржуазией, их связях с дельцами, дамами легкого поведения и т.п. публичкой. Особенно подобное «припадание» к нэпу — тяга к роскоши, выездам, лакеям, бриллиантам, получило распространение среди хозяйственных руководителей. Отсюда неизбежно следовало перенесение на работу предприятий и отношение к рабочим приемов буржуазного хозяина, вплоть до обмана рабочих при подписании договоров, игнорирование профсоюзов и прочее.

Наряду с хозяйственниками, особенное влияние разлагающей среды сказывалось на работниках милиции, чье пьянство и взяточничество стали «притчей во языцех». О внесении во внутривнутрипартий-

¹ Закрытое письмо секретаря екатеринославского губкома КП(б)У за октябрь 1922 года // Там же. Д. 86. Л. 202.

² Там же. Д. 110. Л. 164.

³ Там же. Оп. 112. Д. 415. Л. 88.

ную жизнь характерных нравов свидетельствовали такие факты, как решение одного из уездных комитетов на Урале о признании банкетов в честь ответственных советских руководителей средством сближения партии с беспартийными¹.

Метаастазы соблазнов нэпа сумели пронизать партию снизу до самого кремлевского верха. Новой политике потребовалось не так много времени, чтобы участились случаи выступления ответственных и даже очень видных коммунистов из правительства в качестве учредителей акционерных обществ. Внести свою долю уставного капитала АО из личных средств они, разумеется, были не в состоянии, но могли быть полезны реальным дельцам своими кремлевскими связями. По заключению встревоженного Рыкова, Секретариат ЦК 29 марта 1923 года постановил ограничить участие членов партии в качестве учредителей АО только представительством государственных органов и хозяйственных предприятий, делая исключения только с ведома и разрешения губкомов и Цека².

Чистка партийных рядов

После войны в 1920 году начпоарм девятой армии Д.Фурманов со всей страстностью своего писательского дара выступил перед товарищами по вопросу о приеме в партию. Главная мысль его тезисов была такова: все что было подлинно революционного и прогрессивного в непролетарской среде давно по ходу революции слилось с пролетарской массой и РКП. Остались только шкурники. Следует немедленно прекратить им доступ в партию³.

Обсуждение тезисов в армейских коллективах оставило любопытные свидетельства настроений низов армейской массы. Так, резолюция комячейки легкого артдивизиона 14 дивизии по вопросу о «верхах» и «низах» и обсуждению тезисов Фурманова о прекращении доступа в партию непролетарским элементам гласила, что механическое закрытие партии непролетарским элементам не решает проблему внутренней чистоты партии⁴. Необходимо дифференцировать непролетарский элемент на две части: во-первых, интеллигенция и, во-вторых, «прочий непролетарский элемент». Ясно, что в отношении интеллигенции требуется полное прекращение доступа в партию. Но примечательно

¹ Там же. Л. 84.

² Там же. Д. 422. Л. 2, 15.

³ Там же. Оп. 11. Д. 53. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 30.

то, что в категории прочего непролетарского элемента оказались не только кулаки и примыкающие к ним деревенские середняки, но и «наиболее обеспеченные группы рабочих». По существенной поправке adeptов Фурманова из легкого артдивизиона к марксизму-ленинизму, в рядах рабочей партии не должно быть места для наиболее развитой, квалифицированной верхушки рабочего класса.

Артиллеристы повели свою пристрелку намного дальше ориентиров Фурманова, выдвинув требование поравнения всех членов партии в материальном отношении, «применяясь к минимальным ставкам» тарифной оплаты труда. Проектируемый результат должен быть таков: шкурники бросятся искать прибыльные места и должности беспартийных спецов, хорошо обставленных в материальном отношении. В то же время материальное уравнивание коммунистов поднимет на громадную высоту авторитет партии в глазах пролетариата и привлечет в ее ряды лучшую и наиболее сознательную часть. (1921 год проверил на практике тезисы армейских левеллеров, так уравнивая по минимуму рядовых коммунистов и так подняв авторитет партии, что от ее ячеек кое-где не осталось и следа.)

Коммунисты артдивизиона примерно начали с себя — установили для всех равные ставки по минимуму в 1200 рублей в месяц. Все остальное постановили отчислять на культурно-просветительные цели. Узнав об этом, товарищи из политотдела 14 дивизии забеспокоились и в особом циркуляре по дивизии осудили резолюцию артиллеристов, охарактеризовав ее идеи как «утопийственные» и вредные с точки зрения тактики партии, которая делает ставку не на уравнительность, а на ударность, как в труде, так и в снабжении¹.

Настроения к чистке своих рядов существовали в господствующей партии почти всегда. Низы партии были недовольны политической закомиссарившихся верхов, верхи подозрительно смотрели на мутную волну новобранцев, захлестывающую ряды партии правящей и побеждающей в гражданской войне. Еще во время войны в РКП(б) масштабно и локально, планомерно или по случаю происходили миничистки под предлогом смены партбилетов, перерегистрации коммунистов. Но это не могло остановить бурный рост ее численности. Закон перехода количества в качество здесь выразился в том, что партия потеряла в идеологической стойкости и дисциплине. 1921 год обнаружил, что партия насчитывает в своих рядах уже 600 тысяч членов, однако ненадежна перед лицом кризиса и переживает паралич в управлении. К признакам разложения, приобретенным партией в период военного коммунизма, нэп добавил свои, сделав ношу пороков и заблуждений своих членов непосильной для партии. Так,

¹ Там же. Л. 34.

на Алтае в начале лета 1921 года выяснилось, что крестьяне на подпольных совещаниях принимают резолюции о массовом вступлении в РКП(б), рассчитывая на понижение продовольственного налога на членов партии¹.

Наряду с кампанией по сокращению госаппарата в 1921 году была предпринята первая широкомасштабная всереспубликанская чистка партийных рядов. Ее начало было обусловлено несколькими, достаточно понятными причинами. В чистке воплощалась линия IX партконференции на оздоровление внутрипартийной жизни и борьбу со злоупотреблениями коммунистов на ответственных должностях. В чистке также можно было уловить отзвук минувшей дискуссии о профсоюзах, которая помимо прочего обнаружила, что в РКП(б) имеется заметное количество партийцев, не вполне околдованных харизмой и не до конца подавленных авторитетом ее общепризнанного вождя Ленина. Сюда же вмешивались мотивы предохранения власти от инцидентов, подобных кронштадтскому, когда большая часть парторганизации оказалась в стане мятежников.

Проведение чистки партийных рядов было заложено в решениях X съезда и получило развитие на X конференции. В это время над ее руководством стала довлеть необходимость жесткими мерами прекратить разброд в партии, связанный с изменением экономической политики, а также стремление придать видимый организованный характер стихийному процессу таяния парторганизаций в результате добровольного выхода и панического бегства коммунистов из районов голодной катастрофы 1921 года.

Непосредственная разработка стратегии чистки началась в июне 1921 года решениями Цека и Политбюро. Образовалась комиссия, подобранная из людей, представлявших, как говорили, «совесть партии»². Комиссия родила подкомиссию, в недрах которой партийная совесть рукою П.А.Залуцкого начертала чрезвычайно свирепый документ о принципах чистки. Проект, принятый организационной подкомиссией по чистке РКП(б) 15 июня 1921 года, гласил: 1) Начать чистку партии с верхов, независимо от занимаемого положения. 2) Произвести чистку советских учреждений от пассивного элемента. 3) Произвести чистку парторганизаций фабрик и заводов от элемента непролетарского. 4) Произвести чистку в деревне от элемента кулацкого³.

¹ Там же. Оп. 112. Д. 195. Л. 56.

² Центральная комиссия по пересмотру и очистке партии была утверждена в составе: Залуцкий, Шляпников, Чельшев, Сольц, Шкирятов; кандидаты: Молотов, Преображенский, Лебедев, Медведев, Антипов. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 8. Л. 5.)

³ Там же. Л. 2.

В выработке директив по предстоящей кампании самую жесткую позицию в руководстве Цека занял сам Ленин. На заседании Политбюро 21 июня он диктовал самые строгие условия чистки, требуя, чтобы главные чистильщики набирались из надежной когорты старых членов партии с дореволюционным стажем и обязательно рабочих. Понятно, что таковых нашлось бы не так уж и много, поскольку пролетарии с дореволюционным партстажем давно украсили своими былыми «цепями» стены своих ответственных кабинетов. Но запросы Ленина и без требуемых рабочих уже взвинчивали критерии чистки до труднодоступной многим высоты. По его настоянию Политбюро приняло драконовскую директиву о том, что «из партии должны быть удалены сколько-нибудь сомнительные, ненадежные, не доказавшие устойчивости члены РКП»¹. В эту категорию автоматически попадали различные многочисленные «выходцы», «запятнавшие», «с прошлым» и т.п.

30 июня в «Правде» и «Известиях» было широко объявлено о сроках чистки — с 1 августа по 1 октября 1921 года. Позже начало кампании было перенесено на 15 августа, до которого на места продолжали поступать циркуляры раз от раза все строже: отсеять кулацко-собственнические и мешанские элементы, которые «заболачивают» наши организации, «принося с собой гниль и разложение». «Особо строги» комиссии должны быть к служилому элементу, выходцам из буржуазной интеллигенции. «Особая категория» (все особо) — пришельцы из других партий, которые вносят в нашу среду мелкобуржуазные настроения².

Наконец действо началось. Местная пресса помещала информацию такого рода: например, по Екатеринбургскому исключены... 22) Максимов — за пьянство, езду на автомобиле в пьяном виде, бюрократизм, полнейшую оторванность от масс. 23) Гербек — за пьянство, использование служебного положения в личных интересах, бюрократизм и чванство, полнейшую оторванность от масс³.

Российская глубинка стала заваливать взыскательную аппаратную Москву примерами неистощимой выдумки и низового творчества в самом серьезном деле. В Архангельской губернии, где искони в не легких трудах жили и только начинали знакомиться с азбукой коммунизма неторопливые поморы, Шенкурский уком выдумал анкету с провокационными вопросами о вероисповедании опрашиваемого, о том, кто является председателем ЦК РКП(б), и т.п.⁴

¹ Там же. Л. 3.

² Правда. 1921. 27 июля.

³ Уральский рабочий. 1921. 7 окт.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 45. Л. 54.

В Костромской губернии в начале чистки образовалась группировка из середняков-партийцев, в большинстве бывших рабочих, с целью контроля за чисткой советской и партийной верхушки. Они активно раскапывали старые материалы, предавали гласности разные компрометирующие сведения, и нередко сводили личные счеты. В результате пострадали многие губернские авторитеты и уездные начальники. Например, в Галичском уезде из партии вылетел завземотделом «за пользование коровой, принадлежавшей совхозу, и ложное отрицание этого»¹. Для Костромы, как и для всех крестьянских губерний, было характерно обезлюдивание сельских парторганизаций. Из 221 волости Костромской губернии только в 89 волостях (то есть в 40%) сохранились комячейки, из которых 57 ячеек насчитывало в своем составе менее 6 человек. При всем при том в ячейках царило склочничество. Как можно умудриться склочничать при средней плотности партийного населения примерно 0,1 коммуниста на 1 деревню, отделенную от остального мира сусанинскими болотами? Понятно, что здесь пересилили не законы природы, а обычаи партийной жизни².

Времена чистки могли предложить сюжеты на любой художественный вкус и литературный размер. Как гласят протоколы орского уездного комитета Оренбургской губернии, 18 августа 1921 года на заседании бюро укома присутствовали трое — тт. Туриков, Краснов и ответственный секретарь укома некто тов. Негодяев. (Активнейший, надо заметить, был секретарь, судя по протоколам и другим бумагам уездной власти.) Пунктом вторым заседания двое слушали третьего. А именно: заявление тов. Негодяева об изменении фамилии на основании выписки райподотдела актов гражданского состояния. Как можно было чистить товарищей коммунистов и вообще функционировать у власти с такой заметной фамилией? Посему постановили: принять к сведению и сообщить в надлежащие учреждения об изменении секретарской фамилии Негодяев на фамилию Березовский³.

Парадоксальным, на первый взгляд, явилось обязательное привлечение беспартийной массы к сугубо внутрипартийному и деликатному делу — чистке. Это явилось ярчайшим признаком орденского статуса партии в обществе. Партия конструировалась снизу как квинтэссенция пассионарных сил революционной страны, как представительство всех признанных слоев советского общества. Кроме этого верховная власть кампанией чистки открыла клапан для выхода оппозиционного настроения в обществе, по существу отдав на

¹ Там же. Оп. 13. Д. 482. Л. 64; Д. 1315. Л. 118.

² Там же. Д. 1315. Л. 118.

³ Там же. Д. 453. Л. 36.

растерзание массам своих активистов и низовых аппаратчиков, связанных с общегосударственной политикой военного коммунизма. Обывателям представилась прекрасная возможность рассчитаться с властью хотя бы в местных масштабах за былые притеснения. Какое море чувств и эмоций на потаенном личном и коллективном, вполне сознательном, уровне всколыхнула кампания по очищению рядов. Так, в непростой Кубано-Черноморской области осенью сразу дало о себе знать улучшение в настроениях рабочих Краснодара в связи с чисткой партии, которая взбудоражила рабочие массы и вызвала у них интерес к партии. Беспартийные охотно посещали заседания комячеек¹.

Доклад саратовской губкомиссии по чистке рядов РКП(б) за декабрь 1921 года отмечал, что первоначально ни население, ни сами партийцы не придали чистке серьезного значения. В ней видели одну из многих, привычных за прошлые сумбурные годы, рутинных кампаний. Интерес к чистке пробудился тогда, когда партийное руководство стало привлекать к чистке беспартийные массы. Доклад отмечает небывалые по численности собрания беспартийных, как в городе, так и в деревне по вопросам чистки. В Новоузенске такое собрание привлекло около 6000 человек². Руководство вело себя как совершенно посторонняя сила, и сами методы чистки были похожи на травлю коммунистов. Главным образом новаторство проявилось в привлечении к внутрипартийному делу разнообразных беспартийных масс. Приглашения беспартийных на собрания, личные беседы членов комиссии с коммунистами и беспартийными, устройство специальных ящиков для заявлений на коммунистов. Сколько посланий видели эти ящики от доброжелателей компартии кулацкого и буржуйского роду звания, обиженных на комиссаров, проводивших жесткую политику в годы войны.

Итого по городу Саратову: из 4 419 человек через горнило чистки не смогли пройти 712 человек, в том числе 265 ответственных работников, 225 человек после перенесенного унижения ушли добровольно. По губернии в среднем исключено до 20%. Мотивы исключения из партии все те же: на первом месте пьянство, на втором и десятом: злоупотребления служебным положением, карьеризм, недисциплинированность, уголовное прошлое, пассивность. Наверняка имели значение и такие физические изъяны, как недостаточно гибкий позвоночник и т.п., но об этом отчет только дышит и загадочно молчит. Оптимистично утверждается, что чистка оздоровила организацию «как никогда», заставила каждого члена партии усвоить обязаннос-

¹ Там же. Д. 514. Л. 37.

² Там же. Д. 867. Л. 65.

ти, этику, дисциплину, товарищество¹. Впоследствии, когда стали обостряться противоречия, характерные для новой политики, в 1923 году в Саратовской губернии рабочие сами выносили пожелания о восстановлении на их предприятиях комячеек, ликвидированных в ходе укрупнения парторганизаций после чистки².

Чистка, которая в качестве инструмента использовала коренное противоречие общества и власти, разрушительно отразилась на состоянии представительных организаций и аппарата власти, причем в переходное время, когда как никогда требовалась его безупречное функционирование. Поощряемые массы, обласканные доверием вождей, азартно выбили из партии огромное количество несимпатичных, но неординарных и ловких людей со связями, не говоря уже просто о сведущих в деле людях, уникальных специалистов по управлению в условиях разваленного хозяйства. Особенно это коснулось кадров продовольственного ведомства, в год голода, осенью во время сбора налога. Всепартийной чисткой Цека фактически поставил губкомы в замысловатое положение как угодно «выкручиваться» из необходимости элементарно сохранить нужные кадры и одновременно не создавать у «пролетарских масс» безнадежного впечатления, что широковещательная чистка оказалась лишь пустой формальностью.

Информационные каналы Цека оперативно отразили новое обстоятельство. В обзоре положения парторганизаций РСФСР по 39 губерниям за сентябрь–октябрь 1921 года отмечается развал партийных организаций: «Характерное явление — для весьма многих организаций на местах чистка явилась источником глубокого организационного кризиса, часто почти совершенно парализовавшего работу». Потеря большого процента работников уездного масштаба. Брянский губком даже выдвинул лозунг «Немедленное укрепление партаппарата»³. Рабочие губернии довольно быстро изживали кризис. Крестьянские нет — ячейки зачастую оказывались неспособными к существованию по причине массового исключения членов.

Цека был вынужден немедленно вносить коррективы по ходу кампании. 14 октября на Оргбюро обсуждался вопрос об использовании на советской и хозяйственной работе исключенных во время чистки. Возникла первая комиссия⁴. За месяц эта проблема приобрела еще большую остроту. 17 ноября уже на Политбюро слушали доклад Залуцкого о ходе чистки партии. В результате Оргбюро поручили

¹ Там же. Л. 67.

² Там же. Оп. 112. Д. 415. Л. 90.

³ Там же. Оп. 11. Д. 45. Л. 55, 52.

⁴ Там же. Оп. 112. Д. 226. Л. 2 об.

разработать предметно вопрос о создании из исключенных «не по бесчестным» мотивам особой категории испытуемых, которым предоставить право через известный срок возбудить ходатайство об обратном вступлении в партию¹.

Для раздумий над порученным делом Оргбюро 25 ноября создало себе дополнительный участок мозга в виде комиссии из представителей ЦК и его аппарата, МК, комфракции ВЦСПС и ПУРа. Еще одна комиссия под руководством председателя ЦКК А.А.Сольца была назначена по вопросу о создании из исключенных из партии категории испытуемых². В этой комиссии родился циркуляр ЦК об использовании на административных должностях исключенных из партии в ходе чистки, который предписывал следующее.

Ввиду поступающих с мест запросов губкомов, принимая во внимание, что среди исключенных есть большой процент имеющих большой стаж советской, хозяйственной, продовольственной и военной работы и «во многих случаях не имеется возможности на местах всех исключенных снять и заменить их проверенными членами партии», ЦК партии предлагает всем губкомам руководствоваться следующим: исключенные из партии за уголовные преступления, преступления по должности, разнузданность, злоупотребления, шкурничество (злостное), связь с другими партиями или бандитизмом, систематическое дискредитирование Советской власти — эти вообще не могут быть использованы для какой бы то ни было ответственной советской работы. Исключенные в качестве посторонних, обывательских элементов, за религиозные предрассудки и т.п. и не уличенные ни в чем злостном вышеперечисленном — по особому решению губкома могут быть использованы на административно-хозяйственных должностях, продовольственной и другой ответственной работе вплоть до командных должностей в Красной армии³.

Еще до чистки в организациях широко распространилась практика перевода из членов партии в кандидаты в качестве меры взыскания. Это поневоле формировало отношение к категории кандидатов в члены партии как о «штрафной» или «исправительной роте» и, естественно, отгалкивало беспартийных от поступления в это обязательное уставное чистилище перед партийным эдемом⁴. Поэтому 5 декабря Оргбюро по докладу комиссии Солца признало возможным создать особую категорию испытуемых из исключенных за не-

¹ Там же. Д. 248. Л. 54.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Оп. 84. Д. 148. Л. 33; Оп. 112. Д. 248. Л. 54.

⁴ Там же. Оп. 13. Д. 927. Л. 103.

которые провинности, но доказавших свою преданность и нужность революции.

1921 год прошелся по центру России бандитизмом, голодом и, наконец, чисткой. В Области немцев Поволжья весной–летом во время вспышки бандитизма погибло 189 коммунистов. В ходе чистки исключено 133 человека. Чистое сальдо парторганизации – 392 человека¹.

Сохранился подробный отчет проверочной комиссии об итогах чистки по Царицынской губернии, не самой благополучной. Учетные дела в Царицыне находились в страшной запущенности, комиссии пришлось потрудиться, устанавливая общую численность партийной паствы в губернии. Из ее доклада следует, что до чистки в царицынской губернской организации РКП(б) состояло 7280 человек, исключено 2454 человека. Комиссия нашла организацию «нездоровой», «разложившейся», с укоренившимся пьянством ответственных работников, группировками, склоками, при наличии в организации «чуждого, темного и даже преступного», особенно в органах ЧК, элемента. Губпроверком исключил из партии 8 членов царицынского губкома, в том числе обоих секретарей. В составе сотрудников царицынского уездного политбюро ГПУ обнаружили большой процент царских полицейских, белогвардейцев и тому подобного элемента. В самом плачевном состоянии в губернии находилась хоперская организация, где население было затерроризировано и запугано «коммунистами-бандитами». Мирному обывателю просто невозможно было пройти мимо здания уездного комитета партии без риска быть подвергнутым какому-нибудь насилию. Там из партии было вычищено 44% от всего состава организации: бандитов, бывших жандармов, полицейских, белогвардейцев². Показательна статистика итогов чистки партийных рядов по Царицынской губернии, как она представлена в докладе проверкома:

1. Проникшие в партию с контрреволюционной целью – 45.
2. Бывшие полицейские – 44.
3. Взятничество, поборы – 151.
4. Вымогательство, шантаж – 42.
5. Злоупотребления властью – 107.
6. Темный элемент и вооруженный грабёж – 115.
7. Уклонение от воинской повинности – 28.
8. Уклонение от трудовой повинности – 7.
9. Карьеризм, шкурничество и примазавшиеся – 478.

¹ Там же. Д. 594. Л. 164.

² Там же. Оп. 112. Д. 295. Л. 15, 17.

10. Пьянство, бесчинство, грубое обращение — 478.
11. Буржуазный образ жизни — 24.
12. Исполнение религиозных обрядов — 85.
13. Национализм, шовинизм, юдофобство — 11.
14. Отказ от выполнения партдиректив — 237.
15. Пассивное членство — 272.
16. Добровольно ушедшие и автоматически выбывшие — 411.
17. Невыясненные — 124.

Кроме этого, в качестве наказания из членов партии в кандидаты было переведено 124 человека.

Семнадцать пунктов партийной чистки это больше, чем семь смертных грехов из Ветхого Завета. Все намного основательнее. Исклученные в основном происходили из крестьян и служащих, пролетариат старались беречь, вычищенных рабочих оказалось 457 человек, т.е. 19% от общей численности изгнанных из партии¹.

В северных землях с государственной, в том числе партийной дисциплиной всегда было сложно, севернорусские крестьяне никогда не были крепостными, следовательно, никогда в полной мере не знали облагораживающего воздействия кнута. В Северодвинской губернии чистка вызвала организационный развал. В Никольском уезде, единственном хлебопроизводящем, прозванном за свою зажиточность «Америкой», из партии оказалось исключенным 98% партийного состава².

В Витебской губернии, знававшей вольности и разруху Речи Посполитой, после чистки создалось такое положение, когда пришлось рассылать работников губкома для воссоздания партийного и советского аппарата в уездах (Лепель, Полоцк, Себеж, Дрисса, Сено), которые полностью развалились в ходе чистки, а руководители были исключены³.

На почве чистки во всех национально-автономных образованиях усилились трения между русскими и коммунистами-националами. В Марийской области на последней областной конференции в обком вошли одни марийцы, русские везде бросили работу, заявляя о национальном засильи. В Башкирской республике острая национальная вражда довела до открытых вооруженных столкновений башкирских коммунистов с русскими. В Татарской республике отмечалось активное участие кулаков в кампании чистки, которые старались компрометировать местные ячейки⁴.

¹ Там же. Л. 19.

² Там же. Оп. 13. Д. 1316. Л. 68.

³ Там же. Д. 1314. Л. 51.

⁴ Там же. Оп. 112. Д. 248. Л. 57, 59.

Но главное было даже не в феноменальном проценте исключенных из организаций, а в истощении и дезорганизации партийных и прочих органов власти на местах. Чистка нанесла сокрушительный удар по партии в 1921 году. Если бы это случилось в 1919-м, то, возможно, добровольцам Деникина Москва досталось бы даром. В памятке Информотдела ЦК по Пензенской губернии за октябрь 1921 года отмечалось, что в среднем по губернии исключено 25%, в том числе 5 членов губисполкома, председатель губсовнархоза и др. ответработники. В конце октября губконференция констатировала развал городской организации. Губком не согласился с предложениями ЦК о ликвидации горкома. Член президиума губкома Кутузов резко нападал на Цека, обвиняя его в развале работы. Часть выступавших считала, что парторганизацию разложила т.н. кампания «коммунистического быта»¹.

Информационный бюллетень терской губчека с 15 августа по 1 сентября сообщал, что комиссия по проверке и чистке оставила в партийных рядах 40%. Исключена часть членов президиума губисполкома, в губчека исключено до 56% всего состава коммунистов². Вычищенные коммунисты шипят из-за угла: мы, мол, исключены, а менее надежные пропущены, и засыпают комиссию доносами на оставшихся в партии, разоблачая их непартийные проступки. В архивах ЦК сохранились репрезентативные данные по некоторым губерниям³.

Губерния	Численность организации	Исключено	Из них:	
			ответственные работники	вышедшие добровольно
Архангельская	5 063	680	213	230
Вологодская	3 138	748	157	200
Витебская	8 199	2 609	560	114
Калужская	2 634	716	300	—
Новгородская	4 105	976	275	305
Северодвинская	1 913	557	182	618
Смоленская	10 857	2 967	596	227
Тверская	7 943	2 386	637	231
Ярославская	5 173	1 460	146	275
Нижегородская	9 206	1 433	410	125

¹ Там же. Оп. 13. Д. 1317. Л. 76.

² Там же. Д. 1102. Л. 23.

³ Там же. Оп. 11. Д. 45. Л. 60.

Воспаряя на статистических крыльях над полем после битвы, информаторы с Воздвиженки не знали, какому чувству отдаться. С одной стороны, 1921 год стал, по корректному выражению из цеховской сводки, годом «кризиса секретарей губкомов»¹. С другой, отыскивались обнадеживающие результаты. В частности, болезнь склочничества, которой так страдали губкомы до и после X съезда, можно было считать изжитой для подавляющего большинства губернских комитетов. На декабрьских партконференциях произошло заметное обновление их состава.

Организованной оппозиции на конференциях не было замечено, однако отмечались неединичные случаи выступлений вычищенных из партии, особенно на уездном уровне. Так, на советском съезде в Быховском уезде Гомельской губернии исключенные образовали сплоченную группу, которой удалось подчинить себе большую массу беспартийных делегатов-крестьян и в результате вначале в президиум съезда не прошел ни один коммунист².

Этот род оппозиции еще довольно долго будет повсеместно доставлять хлопоты. Вычищенные функционеры, опытные и сохранившие старые связи, стали занозой новому руководству на местах и поводом для беспокойства в центре. 26 мая 1922 года Цек направил секретный запрос всем губкомам о том, чем занимаются исключенные из партии во время чистки и нет ли случаев их перехода в контрреволюционный лагерь, в нэпманы и т.п.³

Оказалось, что такие случаи имеются и сохраняют свою актуальность. Через год 8 мая 1923 года, сразу после XII съезда, из стен Цек вновь вышел секретный циркуляр, гласивший: «По имеющимся в ЦК материалам за последнее время выявились группы из бывших членов партии (исключенных и добровольно вышедших) враждебно относящихся к РКП и Соввласти. В большинстве случаев в состав этих групп входят карьеристские или анархические элементы, из которых некоторые занимали раньше ответственные посты. Ныне, находясь вне партии и будучи снятыми с прежних постов, они вносят деморализацию не только в беспартийную массу, но иногда и в ряды отсталых членов РКП, с которыми у них сохраняются старые связи. При этом, как показывают факты, они нередко выдвигают “левые” лозунги (борьба с НЭПом, необходимость “рабочей революции” и т.п.) прямо или косвенно борются против политики РКП, блокируются с меньшевиками и эсерами и являются в большинстве случаев зачинщиками и организаторами разных “волеынок” на фабриках

¹ Там же. Д. 61. Л. 65.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Д. 100. Л. 122.

и заводах. ЦК предлагает повести беспощадную борьбу с этими группами, перешедшими в лагерь врагов пролетарской революции, приравнивая их ко всем антисоветским группировкам. Там, где элементы, принадлежащие к указанным группам, еще занимают ответственные должности, следует немедленно снять их с ответственной работы»... о мероприятиях сообщить¹.

Как позже станет яснее, кампания 1921 года должна была стать только началом в некоем обширном плане по преобразованию партии, задуманном Лениным. Результаты осенней кампании совершенно не удовлетворили его, и он продолжал нагнетать ситуацию. Среди большевистских олигархов Ленин был более всех потрясен тем, что случилось с партией и ее политикой в этом году. Как тогда могло показаться, на глазах рушится то, к чему шли поколения, то, что создавалось невероятными усилиями и жертвами миллионов людей. Победа была так близка, непосредственный переход к социализму так ощутим — уже закрыта вещевая Сухаревка, вот-вот доберутся до «сухаревки» в душе у обывателя и — вдруг полный обвал: смена экономической политики, возврат к капиталистическому рынку, смертельный голод в стране, разложение рядов и т.д.

По мере отступления государственной политики от принципов военного коммунизма, Ленин толкал саму партию на радикальный революционный путь. Когда осенью 1921 года он еще не видел пределов уступок капитализму, в его сознании окреп замысел превращения партии вновь в небольшую сплоченную группу профессиональных революционеров, действующих в экстремальных условиях разрухи и «возрождающегося» капитализма. Ленин не был одинок в своих настроениях, тогда действительно некоторые старые партийцы левого толка втайне не исключали перспектив последовательной утраты власти компартией в связи с наступающим нэпом².

Это была своего рода паника и, как ни странно, в этой обстановке ближайшее окружение Ленина оказалось хладнокровнее вождя и выступило в качестве стабилизирующей силы. Например, такой партийный либерал и прагматик, как Л.Б.Красин, направил письмо из Лондона с возражениями на послышавшиеся ему в речи Ленина 29 октября на 7-й московской губпартконференции намеки на полную свободу частнокапиталистических отношений в России³. Все сильнее раздавались голоса в самой Москве против чрезмерно жестких критериев кадровой политики, намеченных на ближайшее буду-

¹ Там же. Д. 148. Л. 11.

² Большевистское руководство. Переписка... С. 236.

³ Там же. С. 215.

щее. Вопрос о чистке партии в условиях перехода к нэпу был возобновлен на XI партконференции в декабре 1921 года. Ленин атаковал Оргбюро ЦК новыми предложениями о переводе всех служащих-членов РКП(б) в кандидаты и резком увеличении кандидатского срока до двух, трех лет и тому подобное¹.

Ему возражали многие. Необычайно мудро писал М.И.Калинин — о том, что «каждый коммунист невольно является хранителем государственности повсюду, где он есть» и что многолетний стаж не служит прочной гарантией отбора лучших рабочих и красноармейцев. «Нет основания наглухо запирать ворота входа» в партию². О том же писал и руководитель ЦКК, «совесть партии» Сольц³. И.Н.Смирнов указывал, что на заводах Петрограда всего 2–3% партийных рабочих и ограничивать приток рабочих в РКП(б) дополнительными барьерами нет никакого смысла⁴.

Общество стало быстрее выходить из кризиса, чем партия, чем власть. В декабре 1921 года по всей республике прокатилась лавина всевозможных съездов и конференций. От волостей до губерний и Москвы включительно. К 1 января 1922 года эта полоса форумов оттремела и отшумела, достаточно откровенно продемонстрировав истинное отношение трудящихся города и деревни к партии и Соввласти в целом. Несмотря на отдельные гримасы и исконный кукиш в кармане, которому русский мужик или мастеровой был навечно приучен даже в самых любезных обстоятельствах с любой властью, выяснилась общая картина сочувственного отношения к новой экономической политике. Так, сообщает информационная сводка, на смоленском уездном съезде в прениях определился настолько бесспорный перелом настроения крестьян в пользу коммунистической партии и «настолько зрелое понимание ими задач советской власти», что делегаты коммунисты не сочли нужным образовывать отдельную фракцию. «Нечто подобное имело место в громадном большинстве губерний», — подчеркивает обозреватель из Цека⁵.

Когда обстановка в стране начала стабилизироваться и Ленин получил возможность возвестить с трибуны XI партсъезда, что «отступление закончено», то необходимость взвинчивания настроений в партии отпала как-то сама собой. Тем более, что вскоре главного чистильщика рядов — Ленина настигла тяжелая болезнь. Однако решения XI съезда по кадровой политике не канули в Лету. Они как

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 17–18.

² Большевицское руководство. Переписка... С. 239–240.

³ Там же. С. 242.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 61. Л. 11.

нельзя кстати пришлось на руку Сталину, который, вооруженный резолюцией «Об укреплении и новых задачах партии» и ленинским лозунгом, что сейчас гвоздь положения в организации проверки исполнения и подборе людей, начал глубоко продуманную работу по подбору и выдвижению преданных и полезных лично ему, Сталину, кадров. Сталин проделал гигантскую работу по изживанию последствий чистки.

Донецкий секретарь Квиринг в октябре 1922 года писал, что партактив важнейшего пролетарского Донбасса высказывается за проведение новой чистки партии, так как за один год нэпа обнаружилась засоренность партии вредными элементами больше, чем за все предыдущие годы. Помимо этого юзовский актив ставит вопрос о проникновении партии в семейные отношения коммунистов, ибо здесь чаще всего коренится начало обмещанивания, барства, отрыва от работы и т.п., не говоря уже о домостроевских нравах, существующих во многих семьях. «Если вопрос о новой чистке является несвоевременным, принимая во внимание, что работа контрольных комиссий окрепла и, что за 9 месяцев с 1 января по 1 октября 1922 года по донецкой организации исключено из партии 480 человек, т.е. 5%, то вопрос о проникновении в семейные отношения коммунистов является, пожалуй, своевременным»¹.

Потребность в обновлении партии осталась, она превратилась в хроническую проблему, но Сталин стал заниматься кадрами по-другому, чем Ленин. Со временем были отправлены в отставку импульсивные дезорганизующие кампании, приносившие партии вреда едва ли не больше, чем пользы. Партийное строительство было поставлено на регулярные основания бюрократического интереса.

¹ Там же. Д. 86. Л. 246.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЗАКОНЧЕНО

Укрепление политической монополии

Весь 1921 год ленинское руководство провело в поэтапном отступлении с рубежей военного коммунизма и концентрации немногочисленных организованных сил. Все это происходило в обстановке томительного ожидания прихода какой-нибудь определенности. К началу 1922 года процесс развала партийно-государственных структур на местах прошел критический рубеж, стабилизировался голод в провинции. Очень важное моральное значение в изживании неопределенности и уныния имело сделанное советскому правительству в январе предложение Антанты принять участие в международной конференции в Генуе. Державы пожелали познакомиться с нэповскими большевиками. В Кремле торжествовали, еще недавно в Европе со страхом относились к самому мелкому большевику, подозревая, что те излучают незримые волны, способные нарушить равновесие буржуазного мира.

Запад, как это водится, переоценил степень кардинальности свершающихся в России перемен. Ллойд-Джордж надменно высказался в том духе, что московское правительство, перейдя к нэпу, отказалось от коммунизма. Это являлось преувеличением. Да если бы это было и так. Можно было бы найти утешение в крахе большевистского режима, если бы он строил свою работу только на злоупотреблении насилием и пренебрежении демократией. Он пустил в ход машину сыска и террора и до тех пор, пока он достигал своих целей подобными методами, он оправдывал утверждение всякого деспотизма, что люди в массе своей трусы и малодушны. Такова была его реалистическая сторона, но с идеалистической стороны он базировал свою работу на совершенно иной предпосылке. Большевизм полагал, что главным стимулом в человеческой натуре является социальный инстинкт и сознание прекрасно выполненной работы, радость творческого созидания и сознание того, что все могущество

государственного аппарата используется для общественного блага. Опыт показал, что такие стимулы оказались недостаточными для создания упорядоченного производящего общества. Но если это так, то нечему радоваться. Это урок, который надо принять как напоминание о человеческой слабости. «Эта радость по поводу того, что идеалистический эксперимент потерпел неудачу, и что только любовь к наживе заставляет двигаться колесо истории, напоминает довольный смех светского человека при известии о том, что аскет предался разврату»¹.

Изменения в отношении западных держав к Советской России усилили в стране общую заинтересованность в закреплении основных принципов нэпа. После признания необходимости торговли, взоры обратились на очередную твердыню коммунистической экономики — монополию внешней торговли. Внутри правительства шли ожесточенные дискуссии. Торговый представитель РСФСР в Германии Б.С.Стомоняков писал Ленину в феврале, что в капиталистическом мире «ожидают» конца нашего отступления, чтобы всерьез и надолго определить масштаб и методы своей работы в России и, следовательно, твердые позиции являются крайней политической и экономической необходимостью². Поэтому лейтмотивом проходившего 27 марта — 2 апреля XI съезда РКП(б) стал лозунг, озвученный Лениным и другими делегатами съезда на все лады: «Отступление закончено!»

Через неделю после партсъезда, 10 апреля, открылась Генуэзская конференция, которая получилась заметной победой большевиков, несмотря на кампанию травли, поднятую за границей меньшевиками и прочими силами политической эмиграции. Они впервые вошли равноправными представителями на международную встречу, вошли как сила, с которой считаются и признают. Здесь еще был и элемент сенсации. Большевики явились на конференцию не в своем газетно-стереотипном образе пугала в кожаной тулупе, а в безукоризненных фраках, без наганов, без бомб. Никого не «экспроприировали» и не посадили с собой за стол ресторанного пролетария, а дали ему щедрые чаевые и даже соблюдали требования этикета. Все это произвело чрезвычайно благоприятное впечатление, там подумали, что с большевиками можно разговаривать. Результаты Генуэзской конференции произвели весьма ободряющее впечатление и в РСФСР. Растерянность и уныние 1921 года сменились активной внутриполитической деятельностью по закреплению основ нового курса.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 66. Л. 25.

² Там же. Д. 35. Л. 21.

Сущность и главное противоречие большевистского нэпа, можно сказать, лежат на поверхности. Их уяснение заключается в буквальном понимании названия этого периода, а именно: новая, экономическая, политика. Либерализация, раскрепощение общественных отношений от военно-коммунистического централизма затронула лишь их экономическую сторону и только в малой степени повлияла на социально-политическую организацию, сложившуюся в годы военного коммунизма. Напротив, как только наметились признаки стабилизации политической ситуации после кризиса 1921 года, ленинское руководство постаралось максимально компенсировать сделанные уступки в экономике последовательными шагами по дальнейшей централизации власти, укреплением системы монопартийности и моноидеологии, совершенствованием системы политического сыска и репрессий.

Экономический либерализм в пределах политического монополизма — вот классическая схема выхода власти из общественного кризиса, оставленная истории большевистским нэпом, которую невозможно принципиально изменить, не изменяя самой власти. Партийные дискуссии 1920-х годов, несмотря на свою ожесточенность, не затронули глубоко и не ослабили политическую систему, которая приобрела еще более упорядоченные, более последовательные авторитарные формы по сравнению с периодом военного коммунизма. Да и, по сути, борьба группировок стала в этот период необходимым закономерным этапом на пути политической централизации. Еще в годы военного коммунизма партийная олигархия постоянно балансировала на грани окончательного раскола, от которого ее до поры удерживал авторитет и политическое мастерство Ленина, а также условия военного времени. Борьба группировок в 1920-е годы явилась выражением последовательного стремления системы власти в своем логическом завершении — к усилению централизма и установлению единоличной диктатуры, к Сталину.

Снимая государственные оковы с экономических отношений, допуская развитие рынка и соответствующих ему социальных элементов, большевистское руководство ясно представляло себе и те политические проблемы, которые неизбежно возникнут с возрождением самостоятельного зажиточного крестьянства, легальным появлением частного торговца, промышленного предпринимателя. Однако если с последними особыми церемониями никогда и не предполагалось, то вопрос о гибкой линии в отношении крестьянства всегда был на особом контроле у большевиков. Кремлевское руководство пошло на нэп под мощным военно-политическим и экономическим давлением крестьянства и до известного времени не могло не считаться

с его стихийной силой и поэтому было вынуждено проводить политику лавирования. Цека большевиков нацупывал свою линию поведения между необходимостью развития сельского хозяйства и сохранением своей партийной социальной базы в деревне. Здесь он был вынужден не только преследовать и разоблачать заговоры рьяных поборников военного коммунизма, но и периодически отводил от себя соблазн сорваться в задабривание мелкой сельской буржуазии. Известны такие проекты, поступавшие от видных представителей течения демократического централизма. В декабре 1921 года Т.В.Сапронов приватно рекомендовал Ленину затеять в своем роде игру для отвода глаз, посадив во ВЦИК десятка три «бородастых мужичков», а также по паре-тройке «бородачей» в губисполкомы¹. 28 декабря того же года пленум ЦК отклонил проект о создании крестьянского союза, внесенный другим столпом децизма — Н.Осинским.

В условиях нэпа единоличная деревня начала расти экономически, в связи с этим представлялся неизбежным и ее политический рост, что отчетливо обнаружилось уже на старте третьего года новой экономической политики, когда сельское хозяйство в основном оправилось от голодной катастрофы 1921–1922 годов. Партийные информаторы, чутко реагировавшие на изменение политической конъюнктуры в крестьянской массе, еще в начале 1922 года начали отмечать, что в деревне заметно выдвинулся новый тип крестьянина хозяйственника-предпринимателя, вступившего в борьбу с беднейшей частью крестьянства². А через год они уже уверенно говорили о проявлении политического настроения зажиточного, самостоятельного крестьянства как об общем, повсеместном факте. Так, в Тюменской губернии был отмечен «процесс восстановления прежнего кулака и даже создание нового “советского”», развивались арендные сделки и наем рабочей силы³. В Кременчугском уезде Полтавской губернии на одной из беспартийных конференций «кулаки выступали с требованием предоставления им активного и пассивного избирательного права», мотивируя это тем, что они являются такими же исправными гражданами, как и прочие⁴.

В условиях ограничения политических прав деятельность активного крестьянского элемента пошла в русле небезуспешных попыток поставить под контроль доступные им советские хозяйственные и кооперативные организации. Она направлялась также в сторону нелегалщины, и особенно настойчивые попытки воссоздания кон-

¹ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 61.

² Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 305. Л. 14.

³ Там же. Оп. 60. Д. 442. Л. 87.

⁴ Там же. Л. 88.

спиративных организаций были заметны в менее пострадавшей от социальной чистки зажиточной Сибири. В письме секретаря Сибирского бюро ЦК РКП(б) от 6 декабря 1922 года сообщалось, что ГПУ была раскрыта и ликвидирована организация, раскинувшая свою сеть по всей Сибири. В организации состояло большое количество крестьян — нечто вроде «крестьянской радикальной демократической партии», действующей против Советской власти¹. Иногда эта деятельность выражалась в случаях прямого террора против коммунистов. В Канском уезде Енисейской губернии в ноябре 1922 года стали известны два убийства ответственных работников-коммунистов².

С началом нового продовольственного года, когда в связи с неплохим урожаем и экономическим оживлением деревни замаячила опасность политической активизации крестьянина, в Цека большевиков забегали с директивами о правильном конструировании партийной политики на селе. Аппарат стал сдувать пыль со старых циркуляров периода военного коммунизма. Основной линией была признана организация и поддержка пролетарских и полупролетарских элементов, которые по идее должны были явиться опорой партии для воздействия на середняка и в борьбе против нарастающего влияния кулачества.

Переход к нэпу и голод нанесли страшный удар по партийной структуре на селе. Если на сентябрь 1920 года по учтенным 15 губерниям в деревенских организациях числилось 88 705 коммунистов, то по данным переписи 1922 года — всего 24 343 человека, причем из них только 11 116 собственно крестьян³. Катастрофическое сокращение и распад ячеек привели к организационному перерождению партструктуры на селе. Не стало деревенских ячеек и волкомов, партия существовала в виде волячеек, номинально объединявших всех разрозненных на десятки верст коммунистов волости.

Секретная телеграмма ЦК от 14 сентября 1922 года всем губкомам и обкомам отмечала по поводу кампании перевыборов в деревенские Советы, что «последнее время при отсутствии достаточного сопротивления партии происходит укрепление в деревенских соворганах кулацких элементов». Однако в связи с этим Цека мог только указать на необходимость обратить внимание на подбор кандидатов из коммунистов на должность председателей волисполкомов. Ниже партийное влияние не простиралось, там хлопотал оживающий мужичок.

¹ Там же. Л. 87.

² Там же.

³ Там же. Оп. 84. Д. 305. Л. 24.

В подобных условиях весьма ограниченных возможностей чисто политического влияния на население возрастала нагрузка на репрессивный чекистский аппарат. Провозглашенное отступление большевиков от форсированного строительства социализма, их лавирование между социальными группами и классами сопровождалось негласной концентрацией сил, совершенствованием и укреплением охранных и карательных органов, как государственных, так и партийных. Вынужденный переход к новой экономической политике происходил в условиях заметной активизации сил, оппозиционных военно-коммунистическому режиму и большевистской власти вообще, поэтому едва успел завершиться исторический X съезд РКП(б), как Оргбюро ЦК на заседании 17 марта вынесло постановление об укреплении органов ЧК. Усиление карательных учреждений было признано как «наиболее спешная задача». Специальными секретными циркулярами от 4 и 22 апреля 1921 года ЦК партии предписал всем губернским и областным комитетам партии вернуть для работы в органах ЧК бывших и не скомпрометированных ранее чекистов¹, а также выделить для войск ВЧК и частей железнодорожной и водной милиции достаточное количество партийных работников. Примечательно, что при этом особо подчеркивалось, что в эти части не следует привлекать демобилизованных красноармейцев и всячески заботиться об улучшении качественного состава политработников².

Численность центрального аппарата ВЧК с января по сентябрь 1921 года выросла в 1,6 раза — с 1648 до 2645 человек, а на 1 января 1922-го насчитывалось уже 2735 сотрудников. В 1922 году общий штат ГПУ составлял 119 тыс. человек, включая 30 тыс. осведомителей³. Наряду с этим ЦК партии и местные комитеты уделяли много внимания реорганизации появившихся во время гражданской войны иррегулярных коммунистических отрядов особого назначения. В эти отряды, предназначенные для выполнения охранных и карательных функций, согласно положению, утвержденному Оргбюро 24 марта 1921 года, подлежали зачислению все члены РКП(б) и РКСМ обоего пола от 17 до 60 лет (женщины для нестроевой службы). Через несколько месяцев решением того же Оргбюро от 10 августа отряды особого назначения были преобразованы в части особого назначения и усовершенствована система их управления.

Польза от ЧОН для Советской власти и партии в разных местах была неодинакова. Если столичные чоновцы изредка, без особой

¹ Там же. Оп. 65. Д. 538. Ч. 1. Л. 219.

² Там же. Оп. 84. Д. 147. Л. 71.

³ *Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997. С. 298–300.

практической необходимости проводили учения по уличным боям в Москве, то их товарищи в беспокойных, мятежных губерниях оказывали реальную помощь регулярным войскам Красной армии. В 1921–1922 годах 20 309 коммунистов в составе ЧОН непосредственно участвовали в боевых действиях; 13 207 — постоянно находились в боевой готовности. Чоновцы Сибири своими силами ликвидировали банды Кайгородова, Чегуракова, Штаникова, Пьянкова и др. В Поволжском военном округе совместно с частями Красной армии были уничтожены отряды Серова, Горева, Шанова. В ходе боевых действий убито 2 500 бандитов, захвачено 2 264 пленных. Чоновцы принимали участие в продработе, охране складов и других объектов, мероприятиях по борьбе со стихией и проч.¹

Части особого назначения продолжали линию преемственности ударных охранных формирований — красногвардейских отрядов 1917 года, рабочих полков 1918 года и отрядов особого назначения 1919–1920 годов. Согласно воле X съезда партии, Политбюро в мае 1921 года предложило РВСР уделить часть сил на более основательную постановку военного дела в отрядах особого назначения. В июне 1921-го собрание военных партработников под председательством Троцкого высказалось за выделение отрядов из Всевобуча. В августе Цека партии утвердил Положение о ЧОН, затем Положение о советах и командовании частями. В течение года части вполне оформились в организацию партсил с повсеместной дислокацией в РСФСР и союзных республиках. В начале 1920-х годов ЧОН приобрели серьезное значение в охране режима. На Красную армию, уже малочисленную, нельзя было полностью положиться в деликатном деле по подавлению крестьянского движения, а милиционные подразделения ЧОН, разбросанные повсеместно, не требовали больших затрат на содержание и являлись кузницей резерва комсостава армии². В ноябре 1922 года ЦК одобрил деятельность частей и санкционировал курс на полный охват организацией ЧОН всех членов парторганизаций.

Приказ частям особого назначения от 13 сентября 1922 года за подписью зампреда ГПУ Ягоды и замкомчонресп Кангелари требовал организации коммунистов-чоновцев для осведомительной работы в городах на предприятиях, в деревнях среди крестьянства. Дело предполагалось поставить на общественных началах, без оплаты, под руководством органов ГПУ. Это распоряжение не вызвало при-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 370. Л. 59.

² Справка командирующего частями особого назначения республики Александрова за период с 1 января по 1 августа 1922 года // Там же. Д. 384. Л. 2, 20.

лива энтузиазма у парткомов. Саратовский губком мотивировал свой протест в Цека тем, что в подобной организации нет необходимости, поскольку особые отделы имеют своих осведомителей среди коммунистов в армии. Кроме этого, циркуляр ЦК от 24 апреля 1922 года о создании бюро содействия органам ГПУ при всех хозяйственных, кооперативных и прочих учреждениях уже проведен в жизнь. В конце концов, нужно было учитывать и то, что репутация осведомителей может создать в деревне и на предприятиях атмосферу, невыгодную для коммунистов, и прекратит распространение партийного влияния на массы¹. Впоследствии в условиях нэповского компромисса и умиротворения части особого назначения постепенно утрачивали свою необходимость и стали восприниматься коммунистами как ненужная обуза, утомительная повинность. В результате после поэтапного сокращения части были ликвидированы в мае–июне 1924 года.

По мере дальнейшего отступления партии по пути либерализации социально-экономических отношений и развития нэпа, секретные службы приобретали все больший удельный вес в системе партийного контроля над обществом. Круг обязанностей органов ВЧК-ГПУ существенно расширился, по инициативе Ленина они стали универсальным источником государственной информации по всем важнейшим сторонам общественной жизнедеятельности, а также стали приобретать даже некоторые экономические функции. В сентябре 1921 года в составе каждой ЧК был образован экономический отдел, перед которым была поставлена задача выработки и проведения новых методов «борьбы с капиталом и его представителями в области экономической жизни». В циркулярном письме президиума коллегии ВЧК по вопросам деятельности в условиях нэпа всем губчека, наряду с предупреждением «против излишних увлечений наших товарищей борьбой с буржуазией как с классом», в девяти развернутых пунктах описывались их новые, весьма обширные обязанности. В том числе: помощь государству в сборе продналога, хранения и правильного расходования товарного фонда, помощь государственным предприятиям в борьбе с конкуренцией частного капитала, наблюдение за порядком сдачи в аренду предприятий, за правильным снабжением сырьем мелкой, средней и кустарной промышленности, слежка за внешнеторговыми операциями. И это все, не говоря уже о традиционной борьбе с хищениями, «царящей» бесхозяйственностью, безалаберностью и бюрократизмом. Особо обширные задачи утверждались в области сельского хозяйства — выявление всего того, что может способствовать или препятствовать сельскохозяйственным кампаниям. Семена,

¹ Там же. Д. 398. Л. 5, 184, 186.

удобрения, сроки, хранение, качество, раздача — «все это должно быть объектом внимания ЧК», подчеркивалось в циркуляре¹.

Аналогичные задачи ставились и перед аппаратом революционных трибуналов. В секретной инструкции от 4 марта 1922 года ударной задачей трибуналов признавалась строгая кара уличенных в экономическом шпионаже в пользу заграничного капитала и госслужащих за услуги частному капиталу в ущерб государственным интересам, преследование злоупотреблений, халатности, растрат и т.п. Поскольку «букет» подобных явлений был огромен, вводилась упрощенная процедура — ревизионные доклады Рабоче-крестьянской инспекции могли признаваться в качестве следственных актов².

В 1921 году в бумагах многих губернских парткомов отразилась очередная сомнительная попытка мобилизовать членов партии на помощь компетентным органам. Еще в 1920 году Цека партии уступил требованиям чекистов и обязал всех коммунистов на службе быть осведомителями чека³, но тогда это не принесло должного результата. Те, кто имел призвание к делу, доносил и без директив сверху, а тех, кто от рождения не имел божьей искры, понуждать было бесполезно. Например, в мае 1921 года в Иваново-Вознесенской губернии, куда на перевоспитание к местным ткачихам массами присылали недобитых белых офицеров и тамбовских мятежников, губком счел благоразумным «в целях наилучшего наблюдения и уничтожения разгильдяйства, наблюдающегося среди белогвардейских офицеров» перевести их с частных квартир на казарменное положение. Установить наблюдение в госучреждениях, где офицеры подрабатывали совслужами. «Ввиду выясняющегося индифферентного отношения членов партии к предложению чека (поддерживаемым губкомом) об обязательном сотрудничестве каждого коммуниста с органами, обратиться по этому поводу секретно с циркулярным письмом от имени губкома через райкомы и укомы партии». Как видно, индифферентное отношение и на этот раз не удалось переломить, поскольку Ивановский губком еще не раз в течение года обращался к подобным вопросам⁴. Симбирский горком партии в декабре 1921 года по докладу предгубчека постановил взять на учет всех коммунистов, работающих в хозяйственных органах, разработать порядок их использования на чекистской работе и обязать к сотрудничеству с чека по точной инструкции⁵.

¹ Там же. Оп. 84. Д. 227. Л. 55.

² Там же. Оп. 87. Д. 28. Л. 18об.

³ См.: Жизнь. 1992. № 11. С. 11; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 12. Л. 3; Д. 66. Л. 2, 87–88.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 353. Л. 34, 68.

⁵ Там же. Д. 938. Л. 49.

Бедственное положение Советской России, проявившееся с начала 1921 года, летом после окончательного выяснения беспрецедентных масштабов голода, поразившего десятки губерний страны, погрузило кремлевское руководство в тревожное ожидание реакции населения на этот скорбный финал политики военного коммунизма. Ожидание социального взрыва масс, обреченных на голодную смерть, заставило большевиков всерьез обеспокоиться самочувствием остатков оппозиционных политических партий, еще сохранившихся на советской территории и за рубежом. Цека большевиков были известны конфиденциальные документы меньшевистского и эсеровского комитетов, в которых не исключалась возможность заставить большевиков вослед экономической либерализации начать отступление и на политическом фронте, признать банкротство своей политики и принудить отказаться от системы партийной диктатуры.

В воззвании петроградского комитета РСДРП по поводу голода говорилось, что усилия советского правительства не могут принести больших результатов. Необходима широкая общественная помощь, для чего нужно бороться за свободные комитеты помощи, свободу слова, собраний, освобождения политзаключенных и т.п.¹ ВЧК информировала Кремль о том, что 9 сентября совещание меньшевиков постановило войти в правительственную комиссию помощи голодающим и «работать не за страх, а за совесть» под своим меньшевистским именем, чтобы вновь приобрести влияние в массах². В свою очередь руководители комсомола в начале 1922 года заметно обеспокоились по поводу оживления деятельности некоммунистических организаций среди молодежи. В частности, Цека меньшевиков в одном из циркуляров рекомендовал своим организациям усилить работу среди молодежи, которая «анархична» и «революционна» по своей природе³.

В 1921 году перед ВЧК были поставлена задача «вести работу на совершенное уничтожение и ликвидацию» партий эсеров и меньшевиков⁴. В июне руководство ВЧК, выполняя поручение Ленина, представило на его рассмотрение крупномасштабный план ликвидации политической оппозиции в лице партий и движений. Предлагалось продолжить систематическую работу по разрушению аппарата партий, а также осуществить массовые операции против них в государс-

¹ Там же. Оп. 84. Д. 150. Л. 204.

² Там же.

³ Там же. Д. 148. Л. 165.

⁴ См.: Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004. С. 465.

твенном масштабе. Осенью партаппарат стал постепенно выходить из шокового состояния, в которое он был ввергнут сменой курса, а затем разразившейся голодной катастрофой. Растерянность и неуверенность сменились кампанией новых репрессий по отношению к обнадеевшимся и оживившимся политическим оппонентам большевизма. Сентябрь 1921-го ознаменовался началом массовых преследований анархистов. Как говорилось в воззвании анархистов, нелегально переданном на волю из Бутырской тюрьмы и опубликованном в шведской печати: «Преследование революционных элементов в России нисколько не уменьшилось в связи с переменой экономической политики большевиков. Наоборот, оно стало более интенсивным, более постоянным». Чека не знает ни законов, ни ответственности, происходит заполнение советских тюрем инакомыслящими и т.п.¹

Однако Политбюро ЦК, будучи пока стесненным необходимостью искать международной поддержки в борьбе с голодом, в конце 1921 — начале 1922 года было вынуждено проявлять сдержанность и избегать огласки фактов преследований своих политических оппонентов, а с другой стороны вести самую «беспощадную борьбу» с ними. Как формулировал сам Ленин, — придерживаться самого «максимального недоверия» к ним «как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины»². 2 февраля 1922 года Политбюро предписало ГПУ продолжать и далее содержать в заключении меньшевиков, эсеров и анархистов, а также принять скорейшие меры к переводу в специально приспособленные места заключения в провинции наиболее активных и крупных представителей антисоветских партий, приняв также меры к тому, «чтобы как этот перевод, так и условия заключения, не вызывали новых осложнений в местах заключения»³.

В большевистском Политбюро можно было обнаружить довольно широкий спектр мнений по поводу дальнейшей судьбы потерпевших политическое фиаско руководителей и рядовых членов бывших социалистических партий. Несомненно, что, например, точка зрения Каменева в этом случае заметно отличалась бы от позиции Троцкого, а у последнего — от Сталина. Однако определяющим в политике последовательного преследования бывших союзников по борьбе с царизмом и контрреволюцией являлось, безусловно, мнение самого Ленина. Во всей дореволюционной политической биографии Ленина выделяется тот факт, что он гораздо больше

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 46. Л. 38.

² Там же. Д. 50. Л. 64.

³ Там же. Д. 46. Л. 56.

сил и времени уделял на вражду со своими социалистическими и либеральными союзниками-конкурентами, нежели против самого самодержавия. Эту особенность своего политического менталитета Ленин сохранил и после революции. И.Белостоцкий, один из ленинских слушателей в Лонжюмо, в своих воспоминаниях привел интересный эпизод, когда Ленин устроил в школе дискуссию, доказывая, что в революции меньшевики не могут быть союзниками, что они будут только мешать руководить движением. Дискуссия была столь горяча, что рассерженный Белостоцкий вышел из помещения и уселся на лавочке под каштанами. После занятий к нему подкатил на велосипеде Ленин и примирительно пошутил. Белостоцкий посетовал: «Уж очень Вы, Владимир Ильич, свирепо относитесь к меньшевикам». Тогда Ленин наклонился к нему, сидящему на лавочке, и сказал: «Если Вы схватили меньшевика за горло, так душийте». «А дальше что?» Ленин наклонился еще ниже и ответил: «А дальше послушайте, если дышит, душийте, пока не перестанет дышать». Сказавши это, он сел на велосипед и уехал¹.

В плане окончательной дискредитации в глазах широких масс и последовательного «удушения» своих социалистических соперников ленинское Политбюро дало указание ГПУ подготовить и провести показательный судебный процесс над видными членами партии правых эсеров, с тем, чтобы он стал судом над всей партией вообще и ее идеологией, сохранявшей былую привлекательность для крестьянства. Суду Верховного революционного трибунала, проходившему с 8 июня по 7 августа 1922 года, были преданы 34 человека. Процесс был широко распропагандирован, привлёк внимание европейской социалистической общественности и, можно сказать, цель, поставленная перед ним Политбюро, была достигнута. Во всяком случае, если во внутренней жизни страны он и не принес большевикам особых политических дивидендов, то и вреда тоже не было. В постановлении Президиума ВЦИК от 8 августа по приговору Верховного трибунала звучало довольно убедительное обвинение эсеров во враждебных действиях по отношению к «блокированной империализмом рабоче-крестьянской стране».

В последнем утверждении и заключался весь пафос и все содержание процесса. На безапелляционном, но казавшемся тогда большинству бесспорным, утверждении, что страна и правительство «рабоче-крестьянское», против которых всякая борьба преступна, и была подвешена как идеология, так и во многом политика нового режима. Без этого положения, воспринимавшегося бездоказательно, как аксиома, рушилось не только 117-страничное обвинительное за-

¹ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 167. Л. 5.

ключение против эсеров, но и все нравственное оправдание большевизма. Однако в подобных случаях единственным средством против аксиом является время. В соответствии идеи (авторитета) уровню развития масс и заключается ее (его) жизненность и сила. С исчезновением этого соответствия авторитет уподобляется бессмысленному идолу, дальнейшее существование которого возможно только при поддержке насилия.

Миллюков по этому поводу писал, что необходимо серьезнейшим образом относиться к идеологии большевиков. «В день, когда эта идеология будет потеряна, большевиков вообще больше не будет. Будет простая шайка бандитов, — какими часто и считают большевиков их нерассуждающие враги. Но простая шайка бандитов не владеет секретом гипнотизировать массы. Что в конце концов потеря большевистской идеологии неизбежна и что большевики к этому фатально идут — это совсем другой вопрос!»¹ К. Леонтьев в свое время также замечал, что для всенародной морали необходима мистическая опора. Твердость видимой этики зиждется прочно на вере в невидимое.

В 1922 году после урока с эсерами оппозиционные политические элементы внутри страны уже утратили сменевеховские иллюзии относительно возможности трансформации советской политической системы. Меншевики активно готовили свой переход на нелегальное положение и разрабатывали новую тактику борьбы с режимом. В ГПУ поступала информация о том, что в октябре 1922 года состоялось совещание РСДРП, которое постановило законспирировать все главные отрасли партийной работы и наиболее ценных работников. Легально существовавший ЦК партии был объявлен распущенным, а вместо него создана новая конспиративная Коллегия ЦК. То же самое было рекомендовано и местным организациям. По директиве ЦК РСДРП из ссылки бежало несколько видных меньшевиков, которые перешли на нелегальное положение и занялись исключительно партийной работой, организацией рабочих кружков, печатной агитацией, организацией бойкота выборов в Советы. Буквально через год после того, как Мартов в сентябре 1921-го заявил о необходимости «сбросить маску» беспартийных, активистам партии было вновь разрешено на допросах скрывать свою партийную принадлежность. Меншевики преувеличивали буржуазно-капиталистическую опасность в связи с энэпом. Тезисы РСДРП, встревожившие ЦК РКП(б), гласили: «РСДРП ставит своей задачей организацию широких масс рабочего класса для всесторонней борьбы против господствующего режима»². Режим этот они определяли как «господство деклассированной олигархии».

¹ Миллюков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. Париж, 1927. С. 260.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 454. Л. 71.

Изменение тактики меньшевиков и наметившееся стремление к союзу с правыми эсерами послужило сигналом к усилению репрессий ГПУ. Зампред ГПУ И.С. Уншлихт в докладе Политбюро от 7 декабря 1922 года предложил ряд мероприятий, в том числе: усилить судебные преследования за меньшевистскую литературу и агитацию всех активных меньшевиков заключить в концлагерь, если нет данных для предания их суду; удалить всех меньшевиков из госаппарата; объявить РСДРП нелегальной партией¹. Последнее превращалось в весьма символическое событие. Запрещая партию, носившую название РСДРП, большевики подводили некую незримую черту под своим революционным прошлым и разоблачали свою новую суть. На XI съезде РКП(б) член Политбюро Томский с иронией заметил, дескать, большевиков упрекают за границей, что они установили режим одной партии. Это неверно, у нас много партий. Но в отличие от заграницы, у нас одна партия у власти, а остальные в тюрьме.

29 марта 1923 года Политбюро назначило комиссию для разработки мер борьбы против меньшевиков в составе Молотова, Бухарина и Уншлихта. 4 июня Оргбюро приняло циркуляр и предложения комиссии по борьбе с меньшевиками с поправками, соответственными происшедшим изменениям в международном и русском меньшевизме за последние недели (шел процесс объединения всех меньшевистских групп). В циркуляре речь идет об усилении кампании в печати против II и II^{1/2} Интернационалов. Необходимо провести систематическую устную и печатную кампанию против меньшевиков в тех районах, где отмечена наиболее активная деятельность меньшевистских организаций, — Питер, Москва, Одесса, Киев, Дальний Восток, «используя для этого печатные издания меньшевиков (как подпольные в России, так и заграничные)». Критику вести в уничижительно-презрительном тоне, трактуя меньшевиков как ничтожную группу, и с таким расчетом, чтобы не допустить их популяризации.

Оргбюро одобрило решения комиссии о борьбе с меньшевиками по линии ГПУ. Предложения в смягченном варианте получились такие: провести в государственном масштабе предварительную операцию по меньшевикам, Бунду, Поалей-Цион. Определить местом ссылки для зрелых меньшевиков — Нарымский край, для молодежи — Печерский край и для особо больных — Туркестан на кашгарской границе. ГПУ поставить задачей систематическую работу по изъятию меньшевиков, принимающих активное участие в политической жизни, или формально принадлежащих к меньшевистской партии в наркоматах, хозорганах, профсоюзах, кооперации и вузах. Руководителям учреждений предписывалось оказывать содействие

¹ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 55. Л. 197.

ГПУ по изъятию меньшевиков, партийцам информировать органы о фактах деятельности меньшевиков, бундовцев и поалей-ционистов¹.

Однако наряду с преследованием оппозиционных политических сил, большевистское руководство было вынуждено чутко прислушиваться к колебаниям настроений городских и деревенских масс. В условиях социально-политического кризиса 1921 года, когда у власти была утрачена поддержка не только среди рабочих, крестьянства, армии, но также в значительной части партийной массы, когда перед ней обнаружился огромный, но беспомощный в своей неорганизованности общественный фронт, Ленин повторил испытанный политический маневр августа–сентября 1918 года. Начало нэпа, как и начало гражданской войны, ознаменовалось не только репрессиями в отношении политической оппозиции, но и существенными уступками социальным низам — рабочим и крестьянству.

1 мая 1921 года ЦК РКП(б) решил превратить в день демонстративного единения власти с пролетарской массой, пойдя на неслыханные идеологические уступки. В разосланной и опубликованной радиোগрамме ЦК дал установку губкомам к тому, чтобы 1 мая стал массовым праздником, закрепляющим связь между рабочим классом и трудовыми элементами деревни. «Трудовые элементы деревни» здесь были, в общем-то, не при чем, Цека беспокоило то, что в этот год Первомай совпал с первым днем христианской Пасхи, и в радиোগрамме особо подчеркивалось, что в этот день необходимо «старательно избегать» всего, что способно отдалить от партии широкие трудовые массы и ни в коем случае не допускать каких-либо выступлений, «оскорбляющих религиозное чувство массы населения»².

В день праздничного Первомай губкомам, укомам, комфракциям и профсоюзам была разослана еще одна знаменательная инструкция, которая в ущерб партийному самолюбию была вынуждена признать, что «рабочая масса чувствует себя беспартийной» и в качестве таковой усиливает свою политическую активность. Поэтому, наряду с предостережением от устройства традиционных беспартийных конференций, партийным комитетам, советским и профсоюзным

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 454. Л. 2, 6, 20, 29–30. Любопытны результаты опроса членов Полит- и Оргбюро по вопросу о мерах борьбы с меньшевиками. В итоге — все высказались «за» без поправок и замечаний (кроме Зиновьева и Рыкова по причине их отсутствия в Москве и Ленина — по причине понятной). Существенно заметить, что ни поправок, ни замечаний не обнаружилось и у тех, кто рано или поздно окажется на месте меньшевиков и будут молить о пощаде «пролетарскую секиру»: Троцкий, Каменев, Бухарин — все «за», поправок и замечаний нет. (Там же. Л. 20.)

² Правда. 1921. 21 апр.

заправилам рекомендовался петроградский опыт проведения многоступенчатых выборов, в результате которых неудобные делегаты отсеивались, а на подмости беспартийных конференций допускались бы только лояльные элементы, т.е. с меньшим запасом бранных слов по адресу власти¹.

На умиротворение масс была рассчитана и череда амнистий в отношении тех представителей социальных низов, которые в разное время принимали участие в борьбе против большевиков. В беспокойной Сибири, где политическое положение вызывало наибольшую тревогу властей, Сиббюро ЦК к 1 мая 1921 года постановило амнистировать некоторые группы рабочих и крестьян, принимавших участие в контрреволюционном перевороте 1918 года и затем в антисоветской борьбе на стороне Колчака². К 4-й годовщине Октября Президиум ВЦИК принял постановление об общей амнистии всех бывших солдат белых армий, воевавших против Советской власти. В то же время, по инициативе петроградского губкома, началось амнистирование и освобождение недавних кронштадтских мятежников, приговоренных к принудительным работам в Петроградской, Вологодской, Архангельской и Мурманской губерниях. 14 ноября 1921 года председатель петрогубчека С.А.Мессинг докладывал Уншлихту о том, что на днях освобождаются кронмятежники, находящиеся в Петрограде, а также разослана телеграмма в Вологду и Архангельск с распоряжением об освобождении мятежников, препровожденных при списке 30 июля³. Подлежащие демобилизации отправлялись на родину, остальные — в трудовые армии, без права ношения оружия. 9 января 1922 года состоялось решение ВЦИК об освобождении из лагерей принудительных работ некоторых категорий заключенных, в т.ч. детей до 16 лет, женщин с детьми до 12 лет, а также мужчин старше 55 и женщин старше 50 лет, утративших трудоспособность по болезни.

Более того, учитывая возросшую религиозность среди рабочих, перед Рождеством 1922 года большевики выпустили из тюрем и лагерей много духовных лиц, но этот жест в отношении духовенства стал как бы наивысшей точкой в развитии политических уступок большевистской власти недовольным массам. Совершенно иная политика предпринималась властью по отношению к старой интеллигенции, в лояльности которой компартия имела все основания сомневаться, и в принципе, чьи права на место в будущем общественном устройстве были очень подозрительны с точки зрения научного коммунизма. Отношения с интеллигенцией всегда являлись ахиллесовой пятой

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 147. Л. 91.

² Там же. Оп. 65. Д. 605. Л. 189.

³ Там же. Оп. 84. Д. 229. Л. 31.

социальной политики коммунистического руководства, и со временем эта «пятая» становилась только болезненней и беспокойней для официальной советской идеологии и пропаганды. Верховный реввоен трибунал в циркуляре от 2 марта 1922 года указывал, что применяемая трибуналами высшая мера наказания за прошлую связь с зелеными и участие в бандах к тем из крестьян, которые, «осознав свои заблуждения», вернулись к своему труду, — эта мера является «абсолютно нецелесообразной». То же самое относится к крестьянам и рабочим, впервые привлекающимся к суду за преступления уголовного характера, совершенные в силу тяжелого материального положения. Другое дело лица буржуазного происхождения: бывшие торговцы, офицеры, интеллигенты и члены враждебных Соввласти партий¹.

Интеллигенцию, в общем-то, только по крайней необходимости терпели в государстве диктатуры пролетариата. Советская коммунистическая идеология до гроба носила родовые пятна пролетарской и бюрократической враждебности к классу умственного труда. Как ни пыталась Советская власть в зрелом возрасте маскировать эти пятна и комбинировать символы серпа и молота с эмблемами умственного труда, подобное сочетание никогда не получалось художественно удовлетворительным.

Утверждение моноидеологии

Сами вожди большевизма являлись преимущественно выходцами из интеллигентной или полуинтеллигентной среды старой России. Их фамильные корни уходили в глубинные пласты социальных низов девятнадцатого века, откуда главным образом и вела свою родословную революционная интеллигенция века двадцатого. Нахватавшиеся верхов, усвоив внешние признаки образованности, но совершенно не переварившие их глубоко и органически, они не поняли той мощной культуры, к которой прикоснулись, и остались глубоко чужды ей, если она не содержала близких им социально-политических идей. Они направили полученное образование и разум на разрушение ненавистной им, как выходцам из низов, «барской» культуры и просто цивилизованной жизни. Культурные ценности, созданные совокупными усилиями всего русского общества и воплощенные в творчестве его наиболее блестящих и талантливых представителей, остались для образованных, но внутренне малокультурных больше-

¹ Там же. Оп. 87. Д. 28. Л. 8 об.

вистских вождей предметами роскоши господствовавших классов и отделены непроходимой границей. Французские куплеты, исполнявшиеся шансонье в парижских рабочих кварталах и примитивно обличавшие жадного буржуа, были Ленину намного ближе и родней, чем любая из русских опер. Таков был уровень восприятия культуры у наиболее развитых представителей большевистской элиты. Поэтому не удивительно, что их политика в отношении «нереволюционной» интеллигенции нередко отличалась бесцеремонностью и невежеством. Просто было абсолютно глухое непонимание того, например, с каким сокровищем в лице большого Александра Блока они имеют дело. Для «пролетарской» власти это был прежде всего подозрительный субъект, от которого можно было лишь ожидать контрреволюционных заявлений за границей.

28 июня 1921 года из иностранного отдела ВЧК в ЦК РКП(б) поступило отношение, в котором сообщалось, что в отделе имеются заявления от ряда литераторов с просьбой о выезде за границу. Далее говорилось, что ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства, поскольку уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них, такие, как Бальмонт, Куприн, Бунин, «не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями». В доказательство приводилось письмо В.В.Воровского начальнику особого отдела ВЧК В.Р.Менжинскому, в котором тот сообщал о «злостном контрреволюционере и ненавистнике большевизма» Рахманинове, семья которого выпущена за границу, а также вообще о том, что неразумно выпускать за границу совслужащих с семьями, поскольку возникает «стремление остаться за границей»¹.

Летом 1921 года большевистское руководство было настолько удручено последствиями военномундистической политики в Поволжье, что некоторое время не могло определить твердую линию поведения в отношении к интеллигенции. Здесь же сказывались и надежды на иностранную помощь Советам. Только этим объяснялся тот факт, что летом советское правительство пошло на переговоры с представителями интеллигенции по образованию комитета помощи голодающим. 20 июля состоялось предварительное заседание Всероссийского комитета помощи голодающим, на котором присутствовали наиболее расположенные к интеллигенции члены советского правительства (Л.Б.Каменев, Л.Б.Красин, А.В.Луначарский, Г.И.Теодорович и др.), а также представители «общественности» (С.Н.Прокопович, М.И.Щепкин, Е.Д.Кускова, М.Н.Кишкин, В.Н.Фигнер и прочие известные лица). В ответ на декларацию, зачитанную Кишкиным, Каменев

¹ Там же. Д. 227. Л. 33.

от имени правительства заявил, что правительство подчеркивает аполитический характер начинания и не связывает себя обязательствами. Деловая работа не встретит препятствий со стороны властей, пообещал Каменев и далее произнес загадочную фразу: «Мы создали диктатуру пролетариата и это определяет характер тех гарантий, которые может дать правительство». В интервью московской газете «Коммунистический труд» Каменев пояснил читателям, что разрешение создания комитета вызвано тем, что русская эмиграция выступает за то, чтобы представить помощь Советской России на условиях изменения политического строя в стране и здесь очень важно выступление ряда бывших деятелей кадетской и других буржуазных и мелкобуржуазных партий с готовностью работать под руководством советских властей без всяких политических условий. Это, по мнению Каменева, явилось прямым вызовом заграничному «охвосту» белых организаций русской буржуазии¹.

В циркуляре ЦК РКП(б) от 10 августа секретным образом разъяснялся этот шаг навстречу буржуазной интеллигенции секретарям губкомов и председателям исполкомов. Во-первых, чисто деловыми соображениями, не позволяющими отказываться от какой-либо помощи, и расчетом получить через комитет некоторые средства от буржуазных и правительственных кругов за границей. Во-вторых, намерениями внести таким образом раскол в среду русской эмиграции, чьи лидеры, Милуков и Чернов, выдвигают идею помощи Советам при условии политических реформ и выступают с этим перед иностранными правительствами. Пояснялось: комитет будет использован для раскола в русской буржуазии «так же, как была использована брусилловская комиссия во время польской войны»².

Однако отношения с либеральной интеллигенцией длились долго. Аппарат оправился от первоначального шока и заработал в привычном режиме. Невзирая на негативную реакцию за рубежом комитет, получивший за глаза название «Прокукиш», был распущен, и это ознаменовало начало нового этапа политических репрессий в отношении старой интеллигенции, которая в силу своей природной рефлексивности и плохой управляемости была не нужна в стране победившего пролетариата, культивировавшей примитивизацию своей социальной структуры.

Представители интеллигенции по привычке пытались отыскать свое место в новом обществе в русле старой традиции «служения народу». Группы учителей стремились образовать негосударственные общества народного просвещения, помощи, журналы и т.п., но лю-

¹ Коммунистический труд. 1921. 4 авг.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 147. Л. 217.

бая частная инициатива неизбежно входила в противоречие с системой государственного абсолютизма. Совершенно неприемлемыми для новой системы явились архаичные попытки старой профессуры и преподавателей вузов к восстановлению академических свобод, которые имели место в начале нэпа.

До поры борьба партийно-государственного аппарата с интеллигенцией не носила планового характера, а лишь ограничивалась реакцией по частным случаям. Политика в отношении интеллигенции начала превращаться в кампанию массовой чистки и репрессий летом 1922 года, когда для нэповских большевиков отпала острая необходимость приспособливаться к европейским политическим стереотипам. Инициатива в этом деле, как и во многих подобных важнейших мероприятиях власти, принадлежала самому Ленину.

Ленин являет собой классический образец того продукта интеллигентной среды, который на литературном языке XIX века именовался «отщепенцы». Он, несомненно, был интеллектуалом, но орудие мысли, данное ему человеческим разумом, он обратил против принципиальных основ его развития, утверждая квазиматериалистическую идеологию. Не будучи сколько-нибудь оригинальным философом, Ульянов все же обладал способностями угадать свое весьма скромное место в философской иерархии. Понимание этого особенно обострилось после выхода книги «Материализм и эмпириокритицизм», которая не принесла творческих лавров ее автору, а лишь, напротив, обнажила свойственную для эпигонов примитивизацию известных материалистических идей, вопиющую на фоне той яркой полемики, которую в то время вели Богданов, Плеханов, Деборин и другие участники философской дискуссии.

Парадоксально, что философия А.А.Богданова, с ее «психофизическими» элементами, обосновывавшая и оправдывавшая крайний волюнтаризм в политике и как нельзя лучше соответствовавшая характеру и образу действий лидера большевиков, стала для него объектом нападков и разоблачений. Но получилось нечто объемное и невыразительное по содержанию, своего рода «полицейский материализм». Плеханов, которого во всей социал-демократии ценили очень высоко как философа, в своем духе жестоко пошутил по поводу ленинской книги: «Ленин-де первоклассный философ в том смысле, что по философии он только-де в первом классе». Сам Богданов потом с иронией отзывался в адрес красных профессоров, «цитирующих с благоговением детскую книгу». Луначарский не оправдал надежд в борьбе против Богданова, так как сам скатился к богоискательству и Ленин взялся не за свое дело. Однако у него голова была устроена иначе, да и философия как таковая ему была неинтересна.

Поэтому он так непринужденно скатывался на ругательства по адресу враждебных ему философий. Если бы Ленин был философом, то не смог бы стать практическим революционером.

После этого опыта, Ленин потерял вкус к выступлениям на равных в философском кругу, а его любимая, непритязательная «пролетарская» аудитория идеально соответствовала тем упрощенческим формулировкам, из которых строилась логика и язык четвертого официально признанного (после Троцкого, Зиновьева и Бухарина) оратора партии. Но ревность к чужой творческой мысли у интеллектуала остается всегда, особенно если она тесно граничит с политической борьбой.

К слову сказать, известный коминтерновский политвождер Радек, который разъезжал по послевоенной Европе с поручениями от большевистского Цека, как-то посетовал на слабую культурность русского пролетариата и указал на непосредственное влияние этого факта на российскую компартию, вплоть до ее руководящих кругов. По его мнению, и Ленин в том числе, со всеми своими сильными сторонами ума, характера и выдержки, не мог бы никогда играть в Германии ту роль, какую он сыграл в России¹.

Идея массовой высылки оппозиционной или просто либеральной интеллигенции за пределы Совдепии возникла задолго до ее осуществления и прошла все стадии тщательной подготовки, начиная от секретной переписки и заканчивая формированием общественного мнения с высоких партийных трибун. Идея эта была навязана не только информацией чекистов, но и оживившейся в условиях нэпа деятельностью частных издательств. Нэп создал определенные возможности для консолидации оппозиционной интеллигенции под предлогом создания частных обществ, издательств, различных союзов. Напротив, в рядах большевистской партии в связи с нэпом распространилось конформистское, «ликвидаторское» настроение. Появившийся в марте 1922 года сборник статей Бердяева, Букшпана, Степуна, Франка «Освальд Шпенглер и закат Европы» побудил Ленина обратиться к главному в то время «мыслителю» ГПУ Уншлихту по поводу этого «литературного прикрытия белогвардейской организации»². Тогда же в мартовском номере нового журнала «Под знаменем марксизма» он заключил свою статью намеком на то, что «рабочему классу» следовало бы «вежливенько» препроводить в страны буржуазной «демократии» подобных ученых.

28 марта в заключительном слове по политотчету ЦК на XI съезде РКП(б) Ленин солидаризировался с Троцким в том, что основное

¹ Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997. С. 90.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 198.

дело сейчас — это воспитание молодого поколения, а воспитывать не на чем. Это позор, что молодежь учится общественным наукам «на старом буржуазном хламе». «И это тогда, когда у нас сотни марксистских литераторов»¹.

Конечно, у партии не было этих сотен и даже десятков литераторов, которые были бы в состоянии без помощи ГПУ интеллектуально конкурировать с русской философией и культурой. Поэтому Ленин вел дело к обычной полицейской развязке. Вскоре последовал ряд указаний с его стороны Наркомюсту, чтобы в процессе разработки нового Уголовного кодекса подвести под расстрельную статью (с заменой высылкой за рубеж) пропаганду или агитацию, «объективно» содействующую международной буржуазии².

Следующим, весьма характерным для Ленина этапом, стало предложение в письме к Дзержинскому от 19 мая обязать членов Политбюро уделять из своего времени по 2–3 часа в неделю на занятие элементарной цензорской работой, причем «проверяя» ее и «требуя» от них непременно письменных отзывов³. Угадывается стремление Ленина связать все Политбюро участием в этом двусмысленном деле и заставить разделить ответственность в задуманной им операции.

Организация практической стороны дела была поручена «толковому, образованному и аккуратному человеку» из ГПУ Я.С.Агранову, незадолго возглавлявшему следствие по делу о Кронштадтском мятеже. В июне среди высшего политического руководства получил распространение доклад Агранова на имя председателя ГПУ Дзержинского об антисоветских группировках среди интеллигенции. По поручению Сталина материалы Агранова были разосланы всем членам Политбюро к заседанию 8 июня по пункту повестки «О директиве в связи с Всероссийским съездом врачей».

Известный чекист указывал на «тревожный симптом» — рост числа независимых общественных союзов (научных, экономических, религиозных) и частных издательств, которые наряду с вузами, ведомственными съездами, театром, кооперацией и трестами в последнее время антисоветская интеллигенция избрала главной ареной борьбы с властью. Борьба студенчества и профессуры за автономию высшей школы, за улучшение материального положения профессуры является замаскированной борьбой против власти, вокруг издательств концентрируются члены бывших буржуазных партий, работа таких обществ, как, например Пироговское, служит объеди-

¹ Там же. Т. 45. С. 118.

² Там же. С. 189–191.

³ Там же. С. 265–266.

нению антисоветской интеллигенции. Предпринимаются попытки использовать съезд сельскохозяйственной кооперации для созыва X съезда партии социалистов-революционеров. Подобные тенденции наблюдались на всероссийских съездах врачей, земотделов, кооперации. Последнее тем опаснее, подчеркивал Агранов, что дает возможность сближения контрреволюционеров с широкими массами. В ГПУ имелись сведения, что московская профессура, руководимая Объединенным советом профессоров, готовит новую забастовку на экономической почве, рассчитывая начать ее в день открытия процесса над эсерами. В качестве застрельщика выступала профессура ВТУ.

«Все вышеизложенное указывает на то, что в процессе развития нэпа происходит определенная кристаллизация и сплочение противосоветских групп и организаций, оформляющие политические стремления нарождающейся буржуазии. В недалеком будущем при современном темпе развития эти группировки могут сложиться в опасную силу, противостоящую Советской власти. Общее положение республики выдвигает необходимость решительного проведения ряда мероприятий, могущих предотвратить возможные политические осложнения», — заключалось в докладе¹.

Президиум коллегии ГПУ внес в Цека проект постановления, которое намечало методику перевоспитания русской интеллигенции и искоренения ее традиций. Предусматривались такие меры, как «филтрация» студентов к началу учебного года, строгое ограничение приема студентов «непролетарского» происхождения, введение «свидетельств политической благонадежности» для студентов, не имеющих рекомендаций профсоюзных и партийных организаций, введения ограничений на собрания студентов и профессуры. Предложенные мероприятия были без особых возражений приняты на заседании Политбюро 8 июля².

8 июля 1922 года стало настоящим Судным днем для русской интеллигенции. По предложению ГПУ Политбюро вынесло постановление, в котором «в целях обеспечения порядка» в высших учебных заведениях предусматривалось образовать комиссию из представителей Главпрофобра и ГПУ для разработки мероприятий по «филтрации» студентов к началу нового учебного года; строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения; введению свидетельств политической благонадежности для студентов, не командированных профессиональными и партийными организациями и не освобожденных от уплаты за обучение. Предполагалось

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 47–51.

² Там же. Л. 52, 152.

также ввести ограничительные правила в отношении собраний студентов и профессуры, урезав автономию вузов¹.

Политбюро одобрило в целом проект постановления «Об антисоветских группировках среди интеллигенции», предложенный ГПУ. Смысл его заключался в том, чтобы максимально ограничить возможности самоорганизации интеллигенции. Постановление гласило, что ни один съезд или всероссийское совещание спецов (врачей, инженеров, агрономов, адвокатов и проч.) не может созываться без разрешения НКВД; местные съезды — только с разрешения губисполкомов по заключению органов ГПУ. ГПУ также бралось провести через аппарат НКВД перерегистрацию (т.е. чистку) имеющихся обществ и союзов интеллигенции с несоветским духом и впредь подвергать тщательной проверке вновь образующиеся. Были там и другие пункты, касающиеся секций советских профсоюзов, — все сводилось к контролю ГПУ.

Госполитуправление получило право административной ссылки до трех лет на территории РСФСР. Вместе с тем началась подготовка к одной из самых известных акций идеологической истории советского коммунизма — высылке за пределы страны лиц, пребывание которых на ее территории «представляется опасным для революционного порядка». Едва оправившись от первого удара своей болезнью, Ленин проявил первоочередной интерес к подготовке задуманной акции в отношении нелояльных «властителей дум» и просто лично неприятных ему людей из прошлого. В письме Сталину от 17 июля 1922 года он набросал список некоторых кандидатов на высылку: здесь и известные философы, ученые, здесь и близкие когда-то ему люди, спутники юности, а также поторопил со сроками — к концу процесса эсеров, «не позже». «Очистим Россию надолго»².

ГПУ вело дело, а подготовку общественного мнения обеспечивал Зиновьев, традиционно выполнявший самые «деликатные» поручения Ленина, связанные с интеллектуальной нагрузкой. XII партконференция, проходившая с 4 по 7 августа, заслушала доклад Зиновьева и приняла резолюцию об антисоветских партиях и течениях, в которых открыто говорилось о предстоящих репрессиях по отношению к «политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции».

В 1921 году Политбюро по известным мотивам не выпускало творческую и научную интеллигенцию за границу. В архивах Цека сохранились неоднократные, но безрезультатные обращения разных знаменитостей, однако в 1922 году линия резко поменялась. Не исключено, что решение о высылке интеллигенции возникло у

¹ Там же. Л. 52, 152, 175.

² Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 204.

Ленина в связи с успехами в Генуе, которые показали, что антисоветские кампании эмиграции не в состоянии кардинально влиять на политику держав, если тем представляются выгодными прагматичные отношения с Советской Россией.

Процесс эсеров завершился 7 августа, а в ночь с 16 на 17 августа ГПУ произвело первые массовые аресты в городах России и Украины. Помимо Москвы и Петрограда, операцией были затронуты Харьков, Киев, Казань, Нижний Новгород, Одесса, Ялта. Центральным мероприятием акции стали два т.н. «философских парохода», которые в сентябре и ноябре 1922 года перевезли из Петрограда в Штеттин наиболее крупные партии высланных. Но высылались не только философы, здесь можно было составить полноценную Академию наук. В 1922–23 годах подобным образом за границей оказались представители практически всех отраслей знания: философы, историки, социологи, правоведы, экономисты, литераторы, медики, агрономы, кооператоры, профессора технических и естественных наук. Всего, вместе с членами семей — около 200 человек.

Как-то стало правилом патетически изображать эту высылку русской интеллигенции в качестве одного из самых одиозных мероприятий советского режима. Однако, как раз в этом случае следует сделать исключение, поскольку ясно, что только благодаря подобному обороту дела не были потеряны десятки талантов и обязано своим рождением не одно научное явление. «Философские пароходы» — это акт гуманизма со стороны Ленина, хотя в контексте периода высылка стала весьма символичным и закономерным событием в создании целостной системы нэпа, где подобное «усекновение главы» глупой либеральной интеллигенции имело важное значение.

Высланные за границу стали жить другими заботами, а для оставшихся в советских пределах продолжали сказываться последствия июльских решений Политбюро. Обострения в отношениях власти и интеллигенции обычно было связано с началом нового учебного года, когда после летних каникул приходила в движение академическая жизнь. В ноябре 1922 года секретарь екатеринославского горкома сообщал в ЦК о том, что «громадная» часть профессуры горного института и медакадемии ведет работу за автономию высшей школы. «Реакционная часть студенчества» (не из пролетариев) за последнее время «сбросила с себя маску лояльности к советской власти и открыто поддерживает контрреволюционную профессуру»¹. С другого края советского континента секретарь новониколаевского губкома тогда же подтверждал: «Буржуазный элемент, главным образом “уче-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 442. Л. 86.

ный мир”, принял новую линию, весьма опасную, борьбы идеологической через посредство литературы, что в условиях нэпа может иметь некоторые успехи»¹.

«Пришибленные революцией» — такое выражение по адресу интеллигенции звучит в письме на Воздвиженку секретаря екатеринославского губкома Симонова в октябре 1922 года². Высшая школа оказалась почти не затронутой революцией и пронесла через годы гражданской войны академические традиции, сохранила старые уставы и старых профессоров. Профессура почти поголовно отрицательно отнеслась к реформам, которые пытался проводить советский Главпрофобр. Большевики, отвлеченные военными и хозяйственными фронтами, до поры не имели возможности полноценно заняться вопросами, связанными с высшей школой. После войны вузы начали свою работу по-старому, тем более что и состав студентов в 1920/21 учебном году не мог быть новым. Рабочие были не готовы к университетским аудиториям, а коммунистам, погруженным в политические дискуссии и организационные проблемы своей партии, было не до занятий.

Студенчество, выброшенное из аудиторий Октябрьской революцией, оказалось разбитым на две непримиримые партии: большинство пошло с белыми, незначительное меньшинство пошло на сотрудничество с новой властью. После победы красных студенты вернулись в университетские стены, но соотношение почти не изменилось — громадное большинство, «старые студенты», остались активными или пассивными противниками Советской власти и компартии, с другой стороны, имелись малочисленные комячейки и фактически изолированные от вузов рабфаки.

Сложилась уникальная ситуация. Одержало верх враждебное отношение нового, «красного студенчества» ко всей той среде, в которой они оказались и куда пришли за знаниями, что привело к неестественному порядку, который стал называться «диктатурой ячейки» и к ее фактическому управлению вузом. Это вызвало обострение борьбы между комячейкой и рабфаком, с одной стороны, и профессурой и студенчеством — с другой. Новый 1921/22 учебный год ознаменовался вливанием в студенческие ряды «пролетариев», окончивших рабфаки, следовательно, усилением комячеек и позиций Главпрофобра в системе высшего образования. В изменившихся условиях партия повела наступление на старые кадры. Была поставлена задача революционизирования высшей школы, нейтрализации и «перевоспитания» студенчества из буржуазной среды, «превращения их в действительно

¹ Там же. Оп. 11. Д. 82. Л. 23.

² Там же. Д. 86. Л. 202.

преданных Советской власти высококвалифицированных работников», как говорилось в резолюции одного совещания комячеек вузов¹. Естественно, все попытки деликатного революционизирования были не более чем утопия. Рано или поздно во внутривузовские отношения должны были вмешаться чекисты.

Оживление интеллигенции вызывало ответную реакцию органов. 23 ноября ГПУ издало циркуляр своим органам по работе в вузах с тем, чтобы на каждого профессора и политически активного студента составлялась личная картотека, формуляр, куда бы систематически заносился осведомительский материал. Далее предписывалось усиление наличной или создание новой осведомительской сети (из беспартийных) в литературно-издательской среде. При заведении дел литературно-издательский мир следовало разбить на ряд групп: беллетристов, публицистов, экономистов, которые в свою очередь необходимо разбить на подгруппы. Особое внимание предлагалось уделить врачам, агрономам, юристам, союзу учителей. Осведомители должны были внедряться в верхушки обществ и союзов, пробираясь на съезды, выборные должности и т.п.

Слежка за инакомыслящей интеллигенцией дело, конечно, нужное и полезное, но окончательно овладеть высшей школой можно было только заменив старых специалистов новыми прокоммунистическими кадрами. Любой полиции здесь не справиться. Этой важной задаче была посвящена подготовка парторганов к 1923/24 учебному году. В мае 1923 года всем губкомам и областкомам поступило указание ЦК, где напоминалось о необходимости создания нового преподавательского кадра вузов, способного на деле осуществить полную реорганизацию высшей школы, согласно духу и потребностям советской республики. В этом отношении первым шагом является подбор в младшую группу научных сотрудников вузов наибольшего числа коммунистов, а также беспартийных, способных активно сотрудничать с коммунистами по преобразованию высшей школы². В инструкции к циркуляру парткомам предписывалось образовывать специальные комиссии для подбора и проведения подходящих кандидатур в научные сотрудники. Отсюда же ведет свое начало практика советских времен по составлению характеристик на научных работников не только с академической, но и с общественно-политической точки зрения³.

В апреле 1924 года вышло постановление Совнаркома СССР о сокращении числа студентов вузов на 30 тысяч человек. Но указанная

¹ Там же. Д. 57. Л. 20.

² Там же. Д. 171. Л. 213.

³ Там же. Л. 214.

цифра не была достигнута, в конечном счете число исключенных студентов составило около 20 тысяч. Проверка, то есть чистка, была приурочена к концу учебного года и существенно изменила социальный состав высшей школы. Как отмечалось в докладе комиссии по чистке вузов, проверка была крайне болезненной, и в дальнейшем она будет проводиться в порядке нормальной академической работы¹. В результате в вузах осталось студенчество («классово ценное»), по своему положению могущее быть безусловно отнесенным к трудовым слоям и политически близкое к Соввласти. В последние годы прием в вузы производился по классовому признаку по рекомендациям авторитетных организаций. Это во многом определяло не только слабость общеобразовательной подготовки поступающих, но также вопиющую политическую безграмотность и низкую общественную активность большинства. Беспокоило крайне бедственное положение огромной массы студенчества, распространение болезней и перегрузка вузов учащимися. Заработная плата профессорско-преподавательского состава оценивалась в 8–10 раз ниже довоенной. Поскольку старая профессура не скрывала враждебного отношения к Советской власти, обострялось противоречие между новым студенчеством и старым преподавательским составом. Кафедры общественных дисциплин пустовали и если были отчасти заполнены, то элементами совершенно не марксистскими. Характерная перегруженность партийных студентов и комсомольцев общественной работой мешала учебе. Появился типаж «вечного студента» из партийных. При этом со стороны партячек по отношению к остальной студенческой массе доминировало комчанство. Ячейки все еще продолжали присваивать себе административные функции в вузах и фактически, во многих случаях, управление вузами находилось в их руках.

Выводы комиссии, одобренные Оргбюро в июле 1924 года, содержали рекомендации в первую очередь усилить материальное положение вузов и обеспечить их кадрами преподавателей-коммунистов. Внедрять новые методы преподавания и укреплять связь вузов с производством. Пересмотреть студенческие организации, сократить количество и упростить их структуру. Считать, что участие студенчества в строительстве вузов не должно носить характера администрирования².

После недюжинных усилий по овладению вузами, как одной из командных высот на идеологическом фронте, успех просто не мог, не имел права не придти к епископам советского высшего образования. К началу 1924/25 учебного года состав студенчества уже заметно стал

¹ Там же. Оп. 112. Д. 584. Л. 58.

² Там же. Л. 58–62.

«пролетарским», в части наиболее важных вузов уже имелись или коммунистические, или лояльные к Советской власти правления. В этом сказалась немалая роль партийных ячеек вузов, которые часто действовали помимо официальных органов управления высшей школой и нередко просто захватывали в свои руки управление вузами. В декабре 1924 года ЦК РКП(б) счел, что пришла пора изменить воцарившиеся в вузовских стенах взаимоотношения между органами управления и студенческими коммунистическими организациями. «Партия и Советская власть могут уже в большей мере, чем прежде доверять органам академического управления», — говорилось в циркулярном письме Цека от 11 декабря 1924 года. Отныне «все студенческие (в том числе и партийные) организации должны твердо усвоить взгляд, что Правление является единственным полномочным органом, несущим всю ответственность за положение и работу в вузах». Политическое руководство работой правлений должно осуществляться партийными органами и Наркомпросом через партийную часть правления¹.

В 1925/26 году наметился очередной этап смягчения вузовской политики ЦК. Оргбюро дало установку при приеме в вузы проявлять внимание не только к наиболее ценным в классовом отношении, но и к наиболее подготовленным в образовательном отношении. Сохранялась зеленая улица выпускникам рабфаков, но уменьшилась доля парт- и профорганизаций и увеличивалась доля ГубОНО на места остающиеся после рабфаковцев. Нашлось определенное количество вакансий и для детей «трудовой интеллигенции»².

Эта невинная, на первый взгляд, формулировка, справедливо вспомнившая детей «трудовой интеллигенции», явилась прикрытием капитальнейшего факта социальной истории советского периода и стала объектом острых нападок тех блюстителей классовой чистоты высшего образования, у которых не было детей или они еще не достигли студенческого возраста. Здесь пролетарская идеология была основательно потеснена жизненной потребностью новой элиты в передаче по наследству своего высокого социального статуса, приобретенного в результате революции. В следующем 1926/27 учебном году произошла еще большая либерализация приема. Появилась возможность поступления без всяких командировок и направлений, однако по-прежнему перед экзаменационными испытаниями все поступающие должны были пройти круг классового чистилища³.

1924 год стал годом общего перелома на интеллектуальном фронте. В июле 1924 года секретный циркуляр ЦК отмечал накануне

¹ Там же. Оп. 68. Д. 22. Л. 148.

² Там же. Оп. 112. Д. 616. Л. 121.

³ Там же. Д. 715. Л. 6.

съезда врачебной секции союза Медикосантруд, что в среде врачей в настоящее время наблюдаются иные настроения, чем те, которые выявились два года назад на 2-м съезде врачей. После этого съезда, на котором задавали тон враждебно настроенные к власти и партии верхи врачебных кругов, в среде молодых рядовых врачей наметилась реакция против врачебной верхушки и началось идейное расслоение. Развернувшаяся борьба «пролетарских врачей» (не без помощи специалистов иного профиля) против прежних руководителей в ряде мест привела к обновлению состава бюро секций и переходу руководства в руки врачей-коммунистов. От губкомов теперь только требовалось, чтобы на предстоящем съезде получилось полное выражение указанного настроения рядовых врачей¹.

Отчасти проблема со специалистами высшего уровня была решена за счет форсированного создания категории т.н. «красных специалистов». Для этого потребовалось несколько лет после окончания войны. «Красное студенчество» и «красная профессура» — суррогатная интеллигенция 1920-х годов, оставившая много поводов для естественнонаучных раздумий. Клетки знания, привитые на грубый организм, непереработанный первичной культурой, принесли курьезные плоды. Рекрутированные из маргиналов старого и базовых слоев послереволюционного общества, типичные неофиты, для которых характерной чертой являлась абсолютизация наскоро усвоенного, отсутствие рефлексии и как следствие — возвеличивание авторитетов и воспевание вождей. Настоящие комфункционары сами много терпели от их некомпетентности и задиристости, граничащих с невежеством и нахальством. Опытных спецов потешал низкий уровень профессиональной подготовки «красных специалистов», предприятия со страхом зачисляли их в свой штат. Один толковый советский чиновник из старых московских большевиков-подпольщиков с досадой отзывался о появившейся популяции «красных профессоров», дескать, это не новая социальная «прослойка», а «прислойка» — гибрид бывшего студента с будущим журналистом.

Нэп тем и интересен, что сам по себе являлся необычным гибридом, сочетанием противоположностей, старого и нового, фонтанирующего в своей агонии отживающего и, порой до нелепости, вызывающей новизны. Поэтому не случайно он стал неиссякаемым источником сюжетов для гениальной сатирической литературы, родившейся на бытовой основе этой парадоксальной и переломной эпохи.

Поклонники всего нового из журналистской братии находили замечательным, что новые общественные отношения начина-

¹ Там же. Оп. 68. Д. 22. Л. 70.

ют проникать в идеологию и обычаи народных масс. Московский «Коммунистический труд» оптимистически писал, что решительное отделение церкви от государства и борьба коммунистов с религиозными суевериями сказываются на самом быте и жизни населения, по крайней мере, городского. В то время как интеллигенция и мелкая буржуазия переполняют церкви, трудовая толща городов отходит от религии. «В Москве половина всех браков зарегистрирована только в гражданском порядке, одна треть всех рождающихся младенцев остается некрещеными. Нарождается новое поколение чуждое духовного рабства и фарисейства. Это само по себе уже огромное завоевание; если же принять во внимание, что огромное большинство детей и юношей, обучающихся в школах, избавлены от религиозного одурманивания мозгов, то можно быть уверенным, что через десять лет последние религиозные предрассудки в городских пролетарских массах будут изжиты». Провинция пошла еще дальше Москвы. Кое-где рабочие правильно рассудили, что если нет надобности крестить младенца, то еще менее смысла награждать его на всю жизнь чуждым, большей частью иностранным (греческим, латинским, еврейским) ничего не выражающим христианским именем. И вот на свет божий начали появляться различные Комитеты, Революции, Советы, Коммунары, Интернационалы, Либкнехты и Марксы. Очень популярными стали имена Владимир, Карл и Роза. В Смоленске родился один Радек. Имеется и Пролетарий Семенович, говорят где-то есть Цюрупа и Чека Ивановна. «Движение начинается снизу в самих массах. Коммунистам следует, безусловно, вмешаться и его поддержать. Парочка забияк Советов и одна хотя бы плаксивая Революция — недурное агитационное средство против поповской монополии на имена и души. Жаль только, что наши дубоватые учреждения порой ставят препятствия новому обычаю, по невежеству недоумевая как им зарегистрировать какого-нибудь новорожденного Буденного или Коминтерна»¹.

Газетчики, как всегда, постарались раздуть масштабы бедствия. Население в массе не повелось на энтузиазм прессы, да и учреждения остались традиционно «дубоватыми». Новорожденным Революциям и Коммунарам также повезло, что в те времена смена имен не представляла больших проблем. Как говорил Полиграф Полиграфович Шариков: «Пропечатал в газете, и шабаш». Даже подумать неловко, как чувствовал бы себя тот же новокрещеный Радек ближе к 1937 году или позже человек с таким замечательным отчеством, как Комитетович, и какая-нибудь несчастная Интернационаловна.

Победители белых, как и все, задумывались об устройстве личной жизни. Но, вернувшись домой другими, они обнаружили своих бла-

¹ Коммунистический труд. 1921. 5 июля.

говоспитанных невест и их родителей в тех же старорежимных привычках и предрассудках, которые оказались покрепче врангелевских твердынь. Вятский губком в ответ на чистосердечное заявление коммуниста Чебакова о разрешении ему вступить в брак с некоей девицей по религиозному обряду постановил «вызвать в губком тов. Чебакова и сделать ему внушение»¹. В мае 1921 года царичинский губком особо отметил, что за последнее время участились случаи исполнения религиозных обрядов членами партии, в связи с чем необходимо усилить соответствующую пропаганду и принять меры дисциплинарного воздействия. В частности, «в отношении к ответственным работникам, членам партии, исполняющим религиозные обряды, провести линию репрессий вплоть до исключения из партии»².

На пленуме Иваново-Вознесенского губкома 22 апреля 1921 года секретарь тов. Коротков говорил: если во время гражданской войны религиозному вопросу уделялось мало внимания, то теперь в условиях развития мелкобуржуазности к нему должно быть привлечено сугубое внимание. Религия становится идеологией мелкой буржуазии. При борьбе клерикализма с коммунизмом для партии становятся обязательным непримиримое отношение к ее членам, допускающим исполнение каких бы то ни было религиозных обрядов. Губком постановил, что все члены партии, прибегающие к религиозным обрядам, должны исключаться из партии (в крайних случаях переводиться в кандидаты), а также «вменить в обязанность всем членам использовать данное советским законодательством право договора о воспитании потомства»³.

До этого, во время войны, в ответ на запросы с мест из Цека как-то миролюбиво пытались внушать ретивым секретарям, что за заключение церковного брака из партии не исключают⁴. После войны церковная политика партии довольно резко изменилась. Постановление пленума ЦК РКП(б) в 1921 году по вопросу о нарушении пункта «13» партийной программы и о постановке антирелигиозной пропаганды гласило: 1. Не принимать в партию, даже в кандидаты тех, кто выполняет какие-либо обязанности священнослужителей любого из культов... Перед членами партии, исполняющими такие обязанности в настоящее время, поставить ультимативное требование прекратить связь с церковью какого бы то ни было вероисповедания и исключить их из партии, если они этой связи не пре-

¹ 10 марта 1921 года (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 223. Л. 30).

² Там же. Д. 1334. Л. 28.

³ Там же. Д. 353. Л. 22.

⁴ Телеграмма симбирскому губкому от 1 февраля 1919 г. См.: Там же. Оп. 65. Д. 65. Л. 2, 59.

крашают. 2. «Не принимать в партию интеллигентных выходцев из буржуазной среды, если они не выразят полного согласия с пунктом 13 программы». <...> 7. «По вопросу об антирелигиозной агитации дать директивы всем партийным организациям и всем органам печати не выпячивать этого вопроса на первое место». Согласовывать действия партийных организаций с энпом.

Но церковные традиции сломать было трудно, девки сами, тем более вопреки родительской воле, не желали вступать в отношения, не освященные церковью. Тут и раскинулось поле битвы, на котором решалось: кто сильнее, Маркс–Ленин или Зигмунд Фрейд. Закрытый доклад секретаря донецкого губкома за ноябрь 1922 года приводит выдержку из сообщения секретаря луганского укома Ляпина: «Ребят в деревню слабых посылать совсем нельзя. Они не только не способны что-либо сделать с нашим “святым мужичком”, но наоборот залазят в тину, запутываются и гибнут. Пропадают довольно славные хлопцы. Например, молодые ребята за недостаточностью коммунистов женятся на крестьянках и, конечно, на дочках кулаков, поповых и прочей чуждой коммунизму среде, обмещаниваются, теряют голову и идут венчаться в церковь. Недавно женился секретарь волпарткома, молодой, хороший парень, недавно прибывший из Красной армии. Повенчался в церкви на широкую ногу (с коврами, певчими, люстрой), а предволисполкома читал Апостола, член волпарткома пел: “Исайя, ликуй”. Анафемский сын забыл провозгласить: “Упартком, ликуй”. Это было в Новосветловской волости, но такая же точно история была и на Веселой горе»¹.

Воспользовавшись голодом, большевики обрушили сокрушительный удар на Русскую православную церковь, еще сохранявшую идеологическую и организационную независимость от режима. Хотя церковь помогала голодающим и даже согласилась пожертвовать для этого частью церковных «неосвященных» предметов, большевистское руководство в марте 1922 года приняло решение об изъятии церковных ценностей. В основном этот процесс протекал мирно. Но после столкновения верующих с красноармейцами в городе Шуя, Ленин счел, что настал «не только исключительно благоприятный, но и вообще единственно возможный момент» (из-за «отчаянного голода»), чтобы расправиться с церковью. «Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забывали этого в течение нескольких десятилетий, — писал вождь, — ...чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржу-

¹ Там же. Оп. 11. Д. 86. Л. 233.

азии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»¹. В ходе развернувшегося антицерковного террора примерно 20 тыс. священников и прихожан были репрессированы — арестованы, сосланы или расстреляны. Внутри Русской православной церкви при активной поддержке ГПУ возродилось так называемое «обновленческое» течение, лояльное новой власти, которое на волне временного успеха летом 1922-го сумело подчинить себе половину архиереев церкви — 37 из 74².

Однако в это же время органы ГПУ стали отмечать роковые признаки неудачи раскольников. Информационная сводка ГПУ за июль 1922 года констатировала, что раскол среди духовенства, охвативший своим движением почти всю Россию, стал замедляться. Это объяснялось тем, что «обновленцы» «исчерпали весь запас попов, которые благодаря расколу пошли за реформаторами. Надо сказать, — признавали чекисты, — что контингент вербованных состоит из большого количества пьяниц, обиженных и недовольных князьями церкви... Сейчас приток прекратился, ибо более степенные, истинные ревнители православия к ним не идут, [поскольку] среди них последний сброд, не имеющий авторитета среди верующей массы».

Такова была собственная нелицеприятная оценка ГПУ своей церковной креатуры и характера обновленческого движения. «А о верующей массе, — продолжала сводка, — говорить не приходится. Если не считать весьма незначительных единичных переходов на сторону обновленцев, можно сказать, что раскол в церкви, расколовший духовенство, не коснулся еще верующей массы... она по-прежнему остается верна старым традициям»³. Таким образом четко определилось, что и в этот период нестроений в русской православной церкви стабилизирующим фактором оказался не клир, а миряне, некое народное чувство врожденного здорового консерватизма, сохраняющее важные духовные устои коллективного существования.

При невероятных усилиях всех подключенных ведомств даже через два года комиссия Цека вынуждена была признать, что нажим на РПЦ не дает нужных результатов. По докладу Ярославского в Оргбюро выходило, что тихоновцы по-прежнему в городах сохраняют большое влияние, несмотря на дискредитацию самого Тихона. Обновленцы в деревнях не играют никакой роли, а преследование православной Церкви приводит к усилению тяги населения к закрытому сектантству⁴.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191, 193.

² Леонов С.В. Указ. соч. С. 292–293.

³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2659. Л. 61.

⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 620.

Наряду с кампаниями против церкви, операциями по высылке зрелых и неисправимых умов, совершенствовалась методика перевоспитания пишущего интеллигента и грамотного обывателя в направлении, нужном гегемону революции. В условиях идеологической разрухи 1921 года цензура практически отсутствовала¹. Летом 1921 года в ИноВЧК проявили особое беспокойство по поводу широкого распространения в учреждениях и даже рабочих районах «белогвардейских» газет. Среди ответстварищей появилось особое щегольство, присутствуя на партийных собраниях, на виду у всех погружаться в чтение нелегальной эмигрантской прессы².

В начале нэпа проводилась строго дифференцированная политика в отношении несоветских и меньшевистских изданий. В феврале 1922 года коллегия Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б) в своем весьма развернутом постановлении обращала внимание центральной периодической печати «на необходимость ведения систематической борьбы против возродившейся буржуазно-интеллигентской публицистики, беллетристики и бульварщины». Но пользоваться в этом благородном деле только цензурой было как-то неловко, особенно перед Генуей. Требовались интеллектуальные союзнники, поэтому предполагалась поддержка лояльной Советской власти печати. Еще месяц назад запрещали издание «Смены вех» в Твери, а уже 27 февраля Оргбюро выносит постановление о «недопустимости разрешения выхода органов антисменовеховцев» и о закрытии изданий «Вестник литератора» и «Летопись Дома литераторов», которые объявили сменовеховцам войну. В заседании от 3 марта Оргбюро «предложило» центральному политотделу Госиздата усилить надзор за работой местных цензур, в частности, указать своим местным отделениям на недопустимость разрешения выпуска периодических изданий без его санкции³.

6 июня 1922 года было утверждено Положение о Главном управлении по делам литературы и издательства — знаменитом в советские времена своим отеческим попечительством над печатным словом Главлите. В принципе учреждение подобного ведомства не вносило ничего нового в уже сложившуюся систему цензуры. Просто система расправляла свои члены и обретала более конкретные формы. С 1919 года подобной деятельностью с успехом занимались доверенные сотрудники, получавшие паяк в редакционном секторе Госиздата. Уже 30 декабря 1921 года в письме группы известных писателей наркому Луначарскому послышался вопль вполне задуманной отечествен-

¹ Там же. Д. 413. Л. 3.

² Там же. Оп. 84. Д. 181. Л. 140.

³ Там же. Оп. 112. Д. 293. Л. 2, 5; Д. 295. Л. 2

ной литературы, жаловавшейся на «пароксизм цензурной болезни», стирание всех и всяческих границ цензорского произвола, в котором люди с сомнительным образованием и еще более сомнительной культурой присвоили себе функции и литературной критики, и историков культуры¹.

Политической цензурой занимались также в отделе политического контроля ГПУ. Первоначальное невежество новоявленных кормчих литературы вкупе с их аппаратной ретивостью приводили, конечно, к поразительным результатам. Следы их деятельности порой носили столь курьезный характер, что нельзя без улыбки представить те драматические сцены в тиши кабинетов и библиотек, когда какой-нибудь новоявленный цензор «напрягая все мускулы лица» силился понять содержание той книжки, по которой ему предстояло вынести цензорское решение. Обнаружилась тенденция запрещать не только литературное наследие «белогвардейцев», но и все, что могло отдаленно напомнить о старом режиме. В феврале 1923 года некий цензор Шульгин был с шумом уволен с должности за то, что разрешил издание в музыкальном сборнике нот русского гимна «Боже, царя храни» без слов².

В 1923 году началась основательная чистка библиотек и книжного рынка от контрреволюционного, религиозного и прочего книжного «хлама». Еще два года ранее Главполитпросвет Наркомпроса издавал подобное распоряжение об очистке, но оно осталось на бумаге, пока за дело не взялись органы. В 1923–1924 годах на местах появились противоречивые распоряжения Президиума ОГПУ начальникам губ- и облотделов ГПУ, ставившие пространные задачи по чистке книжных собраний в соответствии с соображениями «чекистского, политического и педагогическо-воспитательного характера»³. Здесь нельзя не посочувствовать, поскольку новоявленные целители библиотек попали в сложные условия. Чекистские соображения говорят одно, политические — другое, а педагогика нашептывает третье. Поначалу все одолело первое — по-чекистски: всех в расход и баста! Приказано смотреть политическую литературу — значит изъять ее дочиста.

Вскоре до Президиума ЦКК РКП(б) донеслись сведения о том, что в некоторых местах из библиотек наряду с книжками отцов церкви и духовных белогвардейцев изымаются сочинения Ленина, Маркса, Энгельса, Троцкого, Лафарга и прочих подобных авторов,

¹ История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 426.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 413. Л. 3.

³ Там же. Оп. 60. Д. 442. Л. 54.

не говоря уже о Сервантесе и Толстом. Но после того, как в ЦК РКП(б) обнаружили, что в списки запрещенной литературы угодили и его собственные издания и циркуляры, то там в который раз изумились причудам естественного хода бытия, и решением ЦКК от 13 мая 1924 года все руководство кампанией было вновь передано в просвещенные руки Главполитпросвета луначарского ведомства¹.

Почтотелеграмма всем полномочным представителям, начальникам губернских и областных отделов ОГПУ уведомляла, что политконтроль усиленными темпами работает над проверкой крупных губернских библиотек и книжного рынка, но к чистке уездных и сельских библиотек органы еще не приступали. Население продолжает пользоваться старой народнической, эсеровской, религиозной и черносотенно-монархической литературой. ОГПУ предлагало немедленно изыскать силы и средства и наметить конкретные мероприятия для проведения кампании и закончить таковую к началу нового 1924/25 учебного года. В работе руководствоваться инструкцией Главполитпросвета и Главлита по пересмотру книжного состава библиотек и циркуляром Главлита от 14 апреля 1924 года. На книжном рынке изъятию подлежат: а) все печатные издания контрреволюционного характера; б) все издания клерикально-религиозного характера (за исключение богослужебных книг); в) произведения печати, поименованные в списках запрещенных книг, издаваемых Главлитом, причем издания, вышедшие до Октябрьской революции, могут быть изъяты только после заключения Главлита².

Усиление охранной политики

Для социалистических оппозиционеров большевизма была характерна иллюзия, что всей судебной системой заправляет чекистское ведомство. Это не удивительно, поскольку в первую очередь они имели дело именно с ним. Преувеличение размеров компетенции органов и непонимание фундаментальности и принципов работы всей советской коммунистической организации было утешительным упрощением, дескать, все держится на терроре³. Они не понимали всей целостности системы, где ж им было найти эффективные методы борьбы с нею? Понимал Милюков, но и то только в части идеологии, а секреты кадровой политики оставались тайной и для него.

¹ Там же. Л. 50.

² Там же. Л. 54.

³ Архив Русской Революции. Т. 19. М., 1993. С. 87–88.

Время периодически окрашивало ВЧК-ГПУ в разные цвета. Загадочность советской тайной полиции, всегда неохотно расставшейся со своими секретами, способствовала тому, что, как правило, эти цвета, от пурпурно-героического до черно-преступного, отличались ровным скучноватым тоном. Либо карающий меч революции, либо орудие преступлений большевистского режима. Реальная жизнь и противоречия тайного ведомства не были видны стороннему наблюдателю. Однако советская госбезопасность, которая в силу своих обязанностей постоянно находилась на острие общественных противоречий, сама в течение всего времени испытывала сильнее внутренние колебания.

Как широко известны неоднократные попытки руководства ВЧК перейти к более мягкой карательной политике, так же известны и соответствующие саркастические отзывы оппонентов большевизма по поводу пустого содержания этих широко опубликованных заявлений ВЧК о смягчении карательной политики в начале 1920, 1921 годов и далее. Но в том не было изощренного лицемерия власти, которая от благозвучных заявлений об отмене казней быстро переходила к восстановлению таковых в прежнем объеме и даже сверх того. Здесь выступало объективное противоречие этой парадоксальной системы, которая опиралась на массы и в то же время была направлена против них. И предВЧК Дзержинский более, чем кто-либо другой, являл собой олицетворенное противоречие большевистской диктатуры.

В суровом рыцаре революции был очень силен заряд идеализма (как, впрочем, у всех видных большевиков, имевших в прошлом небольшевистское «пятно» в революционной биографии). Дзержинский не был твердым «ленинцем», способным следовать за вождем безоговорочно и безоглядно в направлении любой максимы. Ленин точно знал, в чем можно, а в чем нельзя положиться на своего аргуса. Несмотря на то, что Дзержинский возглавлял одно из ключевых и ответственных ведомств революции, Ленин никогда не допускал его на самые высокие этажи пирамиды власти — Политбюро и Секретариат ЦК партии, памятуя о социал-демократической слабине железного Феликса, которая, порой, бросала его в объятия самой яростной антиленинской оппозиции — например, по вопросу о Брестском мире и в очень важной дискуссии о профсоюзах¹. По большому (большевистскому) счету Ленин не доверял Дзержинскому и был по-своему прав.

¹ Молотов свидетельствует, что Ленин не мог простить Дзержинскому, что тот не поддержал его по вопросу о Брестском мире. (Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 184, 193.)

Колебания Дзержинского непосредственным образом отражались и на его руководстве чекистскими органами. После окончания гражданской войны, он пытался скорректировать их деятельность с учетом интересов широких крестьянских и рабочих масс. Это выразилось в преследованиях и даже расстрелах агентов Наркомпрода, наиболее преступно пользовавшихся своими большими полномочиями в годы продразверстки, беспощадно карал расхитителей и ротозеев — в общем, принялся активно поправлять госаппарат, немилосердно задавивший массы в период военного коммунизма. Дзержинский постоянно взывал и к своим сотрудникам, требуя быть осторожными и не нарушать конституции.

В конце 1920 — начале 1921 года, на гребне политики военного коммунизма, когда даже самые проницательные головы из большевистского Цека не могли предугадать тот стремительный обвал уступок массам, который начнется буквально через месяц, ВЧК, по инициативе Дзержинского, предприняла ряд шагов в этом направлении. 24 декабря 1920 года губчека были извещены о запрете приводить в исполнение высшую меру наказания без санкции ВЧК (за исключением приговоров по делам об открытых вооруженных выступлениях). 30 декабря был издан приказ о том, что арестованные члены различных политических партий должны рассматриваться не как наказуемые, а как временно, в интересах революции, изолируемые от общества. 8 января 1921 года появляется приказ о смягчении условий содержания в тюрьмах для заключенных из рабочих и крестьян. Вслед за этим 13 января ВЧК была сформирована комиссия по изменению карательной и тюремной политики¹.

Внимательное чтение этих документов, где нарочитой грубостью вуалировались намерения довольно радикального изменения основ и направления деятельности ВЧК, выдает в самом Дзержинском неоднозначную фигуру в большевистском руководстве. Первый протокол комиссии гласил, что главным принципом должны быть «резко подчеркнутые классовые признаки карательной политики»². В упомянутом приказе от 8 января говорилось: «Внешних фронтов нет. Опасность буржуазного переворота отпала. Острый период гражданской войны закончился, но он оставил тяжелое наследие — переполненные тюрьмы, где сидят главным образом рабочие и крестьяне, а не буржуи»³. С получением приказа все органы ЧК должны были «в корне» изменить свою карательную политику по отношению к рабочим и крестьянам. Ни один рабочий и крестьянин не дол-

¹ Ленин и ВЧК. М., 1987. С. 381.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 277. Л. 1.

³ Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 3.

жен числиться за органами ЧК за спекуляцию и уголовные преступления. «Лозунг органов Чека должен быть: "Тюрьмы для буржуазии, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян"».

Для буржуазии проектировались особо суровые концлагеря. Однако свирепой риторикой в отношении буржуев маскировалось общее смягчение репрессивной политики, поскольку ниже Дзержинский намечает принципы, кардинально противоположные исповедовавшимся ВЧК в 1918 году. Говорится, что грубые признаки различия своего или не своего по классовому признаку — кулак, бывший офицер, дворянин и прочее, можно было применять, когда Советская власть была слаба, когда Деникин подходил к Орлу. Но уже в 1920-м году во время польского наступления такие приемы давали мало результатов. Далее, приказ знакомо обрушивается на враждебно настроенных спецов, которые уподобляются песку, подсыпанному в советскую хозяйственную машину, и тут же следует по существу обратное: «Нельзя применять старые массовые методы в борьбе с буржуазией и спецами в наших хозорганах». Должны учитываться только конкретные улики. В отношении меньшевиков и эсеров органам давалась установка перейти с привычных массовых повальных арестов на «тонкую» осведомительную работу и учет¹.

Железный Феликс был искренен в своем двуличии. Тени расстрелянных толпились у его изголовья, накладывали свою печать на его и без того изможденное лицо. Близился нервный срыв. После того, как он торопливо закладывал основы послевоенной политики ВЧК, на нем самым болезненным образом отозвались кронштадтские события. Старый большевик И.Я.Врачев, сторонник платформы Троцкого на X съезде, впоследствии вспоминал о выступлении Дзержинского на фракционном заседании делегатов-троцкистов, которое произвело ошеломляющее впечатление на аудиторию. Он просил фракцию снять его кандидатуру с выдвижения в члены ЦК, мотивируя тем, что он не хочет, а главное, уже не может работать в ВЧК. «Теперь наша революция вошла в трагический период, — говорил он, — во время которого приходится карать не только классовых врагов, а и трудящихся — рабочих и крестьян в Кронштадте, в Тамбовской губернии и других местах... Но я не могу, поймите, не могу!»²

Этот срыв железного Феликса был сохранен присутствующими в тайне, но настроение главы грозной организации проявилось более чем явно и уже сохранялось до конца. В течение нэпа перерождение Дзержинского давало о себе знать неоднократно в полити-

¹ Там же.

² *Врачев И.Я.* Кронштадт был трагедией // Юность. 1988. № 1. С. 181.

ке ВЧК-ГПУ и в глухих стенах ее потаенной кухни. Через три года Дзержинский уже без обиняков возражал против принятой ЦКК-РКИ линии на послабление карательной политики в отношении «трудящихся» — то есть не возбуждать уголовных преследований против рабочих за мелкие кражи с предприятия по первому разу и в принципе вести все подобные дела (хоть в первый, хоть в энный раз), принимая во внимание «в особенности пролетарское происхождение». 17 февраля 1924 года Дзержинский писал по этому поводу председателю ЦКК Куйбышеву, что «никакого классового признака *самого преступника* не должно быть», а только персональный подход. Наказание — это не воспитание преступника, а ограждение от него республики¹. Но тогда подобные соображения не возымели действия, партаппарат в поисках социальной базы держал курс на культивирование таких прославленных типажей эпохи, как чугункины и шариковы.

В 1922 году в руководстве ГПУ определились две тенденции в подходе к перспективам развития карательной политики. Наиболее жесткую линию выражал влиятельный зампред ГПУ Уншлихт, который в представленном в апреле 1922 года проекте прямо настаивал на расширении внесудебных полномочий ГПУ, подобно имевшимся у ВЧК в годы гражданской войны, вплоть до возврата к широкому применению расстрела. В свою очередь, позиция Дзержинского с начала 1921 года оставалась принципиально неизменной и даже со временем стала еще более склоняться в сторону ослабления, как классового характера репрессий, так и смягчения их методов вообще. Безусловно, как большевик, он не мог переступить через себя и вполне ощущал себя членом особого революционного ордена. В конце 1921-го года появились его категорические возражения против чрезмерно либеральных намерений, зародившихся в правительстве, по установлению контроля Наркомюста над деятельностью ЧК. Дзержинский ставил свое ведомство по партийным и классовым критериям намного выше, чем наркомат Курского с его «спецами», и всячески подчеркивал все более становившийся очевидным факт, что ЧК — это специфическое, не государственное и незаконное предприятие, что это есть особо организованная «партийная боевая дружина»².

6 февраля 1922 года ВЦИК принял декрет «Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов». Таким образом в форме ГПУ при НКВД РСФСР с Дзержинским во главе НКВД был найден временный компромисс между необходимостью сохра-

¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 54.

² Там же. Л. 34.

нить особый карательный орган при партии, одновременно учредив над ним некое подобие советского контроля. Противоположение партийных и советских органов являлось одним из основных приемов Ленина в контроле над государственным аппаратом. Тем более что у него самого в 1921 году произвол чекистов стал вызывать заметное раздражение и вырывать фразы типа: «Арестовать паршивых чекистов»; «Подвести под расстрел чекистскую сволочь»¹. Но подобная форма сожигания могущественного секретного ведомства под опекой второстепенного наркомата оказалась неэффективной. В 1923 году органы вновь обретают прежний статус, преобразуясь в ОГПУ при СНК СССР.

В связи с переходом к рынку и упадком государственности «партийная дружина», как и все партийно-государственные институты, переживала необычайно тяжелый период. В течение 1922 года было произведено значительное сокращение личного состава войск и органов ГПУ. На 1 августа в ГПУ состояло 114 324 гласных и негласных сотрудника. К 1 февраля 1923 года штаты ГПУ были уменьшены еще на 40%, полномочных представительств ГПУ — на 50%².

В письме руководителя украинской ГПУ В.Н.Манцева Дзержинскому от 20 июня 1922 года дана картина поразительного организационного развала некогда самой монолитной и дисциплинированной силы в советском государственном механизме: «Уважаемый товарищ Дзержинский. Обращаюсь к Вам с письмом, в котором хочу обратить Ваше внимание на тяжелое положение органов ГПУ и их сотрудников на Украине. Я думаю, что это общий вопрос и положение их в России едва ли лучше. Денежное вознаграждение, которое уплачивается сотруднику — мизерное, так же как и продовольственный паек. Сотрудник, особенно семейный, может существовать только продавая на рынке все, что имеет. А имеет он очень мало. И потому он находится в состоянии перманентного голодания. На этой почве происходит общее понижение работоспособности, настроение сотрудников озлобленное, дисциплина падает и нужны исключительные условия, чтобы в нужный момент заставить их работать, хоть бы в половину против прежнего. Дальше зарегистрирован ряд случаев самоубийства на почве голода и крайнего истощения. Я лично получаю письма от сотрудниц, в которых они пишут, что принуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голода. Арестованы и расстреляны за налеты и грабежи десятки, если не сотни сотрудников и во всех случаях установлено, что идут на разбой из-за систематической голодовки. Бегство из Чека повальное. Особенно угрожающе обсто-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 185.

² Государственная безопасность России... С. 436.

ит дело с уменьшением числа коммунистов среди сотрудников. Если раньше мы имели 60% коммунистов, то теперь с трудом насчитываем 15%. Очень часты, если не повседневны, случаи выхода из партии на почве голода и необеспеченности материального существования. И уходят не худшие в большинстве пролетарии». Комиссия Южбюро ВЦСПС рекомендовала сократить численность сотрудников ГПУ до предела. «А мы штаты уменьшили уже процентов на 75. Что же еще сокращать? Имеем ли мы право делать это? Работа Чека становится все более сложной... Опасность окончательного развала Чека очень близка». Государство должно позаботиться о полном удовлетворении таких учреждений, как Чека¹.

Года оказалось недостаточно, чтобы изменились условия работы чекистов. Описывая положение дел в Нижегородской губернии за март-апрель 1923 года, секретарь местного губкома Н.А.Угланов сообщал, что работники ГПУ бегут с работы вследствие нищенских окладов и «полной притупленности» в работе. Чека партии необходимо принять меры для улучшения материального положения чекистов, а также дать директиву приступить к постепенному обновлению состава органов, иначе еще год и мы из активных работников-чекистов будем иметь физических и моральных инвалидов².

В это же время происходит активная разработка принципов карательной политики нэпа. Дзержинский делал особый акцент на замещении системы карательных мероприятий, сложившейся в годы войны, на более мягкую и экономически рациональную систему концентрированного каторжного труда. В 1923 году он особенно настаивал на организации и широком использовании каторжных работ — «лагерей с колонизацией незаселенных мест и с железной дисциплиной»³. К этому времени в Советской России уже существовали три лагеря особого назначения — Архангельский, Холмогорский и Пертоминский.

В марте 1923 года Дзержинский писал Ягоде по поводу чрезвычайного развития спекуляции в Москве в условиях товарного голода, которая охватила даже государственные и кооперативные учреждения и уже начала непосредственным образом разлагать партийные ряды. Основным средством борьбы он предложил конфискацию имущества и высылку в отдаленные лагеря⁴.

16 августа в письме Уншлихту Дзержинский поставил вопрос на принципиальную основу: «Высшая мера наказания — это исключи-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 355. Л. 68.

² Там же. Оп. 67. Д. 129. Л. 96.

³ Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 50.

⁴ Большевицкое руководство. Переписка... С. 278.

тельная мера, а потому введение ее как постоянный институт для пролетарского государства вредно и даже пагубно... Пришло время, когда мы можем вести борьбу без высшей меры»¹. Он полагал своевременным возбудить этот вопрос в ЦК, при условии единомыслия в коллегии ГПУ.

22 октября Дзержинский обращается с аналогичными предложениями к Сталину. В ноябре 1923 года Политбюро соглашается с инициативой ОГПУ и затем, почти немедленно, началась операция по высылке из Москвы, а потом из других крупных городов спекулянтов, содержателей притонов, контрабандистов и других «социально опасных элементов»².

В марте 1924 года ЦИК СССР утвердил Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключений в концентрационный лагерь людей, обвиненных в контрреволюционной деятельности, шпионаже, контрабанде, спекуляции золотом и валютой. Согласно этому документу, ОГПУ получило право без суда ссылать обвиненных на срок до трех лет, заключать в концентрационный лагерь, высылать за пределы СССР³.

В начале 1920-х годов полным ходом шла кампания по ликвидации остатков группировок бывших соратников по социалистическому фронту и неприятелей в деле государственного строительства. После анархистов в 1921 и эсеров в 1922 году, в 1923-м очередь дошла до меньшевиков. В меньшевистскую среду внедрялись агенты, производились чистки госаппарата, вузов, изгнание меньшевиков из Советов. Уничтожение оппозиционного социализма осуществлялось не только мерами прямого полицейского преследования. В задачу, поставленную органам Цека большевиков, входила также идеологическая дискредитация меньшевиков и меньшевизма в глазах городского и, особенно, рабочего населения. Проводилась соответствующая обработка умов в печати.

Но в разгар кампании Дзержинский вновь возбуждает вопрос о последовательном смягчении репрессивной политики, как всегда, осмотрительно прикрываясь мотивами целесообразности. В записке Уншлихту от 27 мая 1923 года, он недвусмысленно дает понять, что против установившейся практики высылки по подозрению, поскольку они организуют, закалывают людей и доканчивают их партийное образование. «Лучше 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, — употребляет Дзержинский слово, несвойственное

¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 50.

² Большевистское руководство. Переписка... С. 278.

³ Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960: Справочник. М., 1997. С. 179.

большевистскому лексикону, — чем послать неактивного в ссылку, откуда он сам вернется, наверное, активным». Ошибку всегда успеем исправить, а высылку только потому, что кто-то когда-то был меньшевиком — считаю делом вредным, заключил глава чекистов, бывший когда-то просто «Юзефом» из СДКПиЛ¹. Впоследствии, на посту председателя ВСНХ СССР Дзержинский старался всячески оберегать своих специалистов, бывших меньшевиков, как «замечательных работников». Эта личная позиция Дзержинского стала весьма характерным преломлением противоречий периода в политике большевиков. Нэп, как яркое сочетание противоположностей, не мог не наложить отпечаток на карательную политику, которая, по-прежнему следуя целям укрепления политического монополизма партии, в значительной степени смешалась и утратила прежнее остротенение, приобретенное в предшествующие годы ожесточенной классовой борьбы и гражданской войны.

¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 150. Л. 20.

Глава 4.

«НОВЫЙ КЛАСС» И СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА

Ленин versus Троцкий

В первый год после провозглашения новой экономической политики развитие ситуации на большевистском политическом Олимпе и мотивы деятельности громовержца — Ленина в подавляющей степени определялись теми противоречиями в механизме верховной власти и личных отношениях между Лениным и Троцким, которые столь резко проявились в форме дискуссии о профсоюзах на рубеже войны и мира.

Пресловутая дискуссия о профсоюзах осязаемо продемонстрировала, что некий невидимый круг, очертивший пространство реальной политической власти, замкнулся; аппарат власти, его основные институты сформировались и вступили во взаимное противоречие. В качестве важнейшего определилось противоречие двух неразрывных элементов устройства государственной власти — системы государственного функционализма, олицетворенной в Политбюро ЦК и системы кадровой власти, во главе с Оргбюро и Секретариатом ЦК. Другими словами, проявилось извечное противоречие, присущее любой власти, — между системой управления и механизмом ее преемственности в специфическом коммунистическом варианте. За 70 последующих лет эти могущественные ветви власти неоднократно вступали в конфликт, и дело заключалось не в «хороших» и «плохих» руководителях, а в том, что обществу периодически требовалась перестройка, модернизация, насущность которой более чутко улавливала система государственного управления — в противоположность кадровой системе, ревниво соблюдавшей свои консервативные структурные интересы.

Вопреки успешному сотрудничеству Ленина и Троцкого в 1917 и громкому союзу их имен, звучавшему весь период гражданской войны, с Троцким у Ленина в 1918–1920 годах было противоречий и подозрений более, чем с кем бы то ни было из других членов

Политбюро или Цека партии. Несмотря на добрый прищур глаз, приятную картавость голоса и неизменно внимательно-доброжелательное поведение с людьми, Ленин, как его точно характеризовал Цюрупа, был суровым диктатором. От его заливистого, почти детского смеха проницательным собеседникам вскоре становилось не по себе, пробегал холодок по коже. Троцкий же всегда держался видной персоной, которая «гуляла сама по себе».

Будучи в большевистском ЦК и СНК, Троцкий, тем не менее, никогда не был ни в ленинском Цека, ни в ленинском Совнарком. Он был не «свой», но он был нужен Ленину как воплощенный и обузданный русско-еврейский дух революции. Однако этот демон постоянно потрясал своими оковами, грозя вырваться из малого для него пространства Российской империи на мировой простор.

Скрытое соперничество за лидерство в Октябрьском вооруженном восстании, Брестский мир, ряд военно-стратегических вопросов 1919 года, принципы экономической политики в 1920 году и, наконец, дискуссия о профсоюзах — вот основные из тех напряженных моментов, каждого из которых было достаточно, чтобы человек раз и навсегда утратил доверие у памятливого Ленина. Да его никогда и не было и не могло быть между Лениным и Троцким в принципиальном плане, поскольку каждый из них — это цельная система, цельное мировоззрение, не нуждающееся в дополнениях. Всегда, помня о стремлении Троцкого иметь самостоятельное значение, Ленин неусыпно держал его на контроле. Троцкому не мешали купаться в лучах военной славы, но большой власти ему не давали.

Союз Троцкого с могущественным Секретариатом ЦК, который по идее Ленина как раз и был призван ограничивать аппетиты как Троцкого, так и любого другого вождя, породил в конце 1920-го года мощнейший кризис партии. Троцкий плюс Секретариат — это была величина, равная Ленину. Поэтому накануне и после X съезда РКП(б) Ленин много трудился над конструированием своего «Версальского мира», системы величин и противовесов, которая позволила бы ему остаться безоговорочным лидером.

Задаче принижения Троцкого была подчинена демонстративная и вызывающая конспирация ленинских сторонников на съезде. По распоряжению Ленина часовые демонстративно грубо штыком преграждали дорогу председателю РВСР в залы, где устраивала свои заседания фракция ленинцев. Тогда же, на съезде, за этими дверями укрепилось ставшее позднее весьма одиозным деление членов партии на троцкистов и не-троцкистов.

Однако у Ленина были веские основания к подобному публичному шельмованию своего дорогого соратника. Троцкий с трибуны

съезда продолжал вещать, что ленинская резолюция о профсоюзах не доживет и до очередного XI съезда. Поэтому, несмотря на демонстративные отказы Троцкого возглавить сепаратные собрания своих приверженцев в кулуарах X съезда и всяческие устные заверения, у Ленина сохранялись опасения, что Троцкий создаст свою фракцию в партии. Именно против такого возможного сценария была направлена известная резолюция о единстве партии, и далее в течение года Ленин потратил немало усилий, чтобы вбить клин между Троцким и его потенциальными сторонниками. Этой цели, прежде всего, служил тщательный подбор кадров в высшем эшелоне руководства, а также проводимая чистка партийных рядов. Ленин в декабре 1921 года взывал найти средство к какому-либо уменьшению численности партии¹, в том числе и потому, чтобы стереть ее «пестроту», обработать и тем самым по возможности лишить Троцкого своей базы в РКП(б).

Цековские служители, почувствовав крайнее нерасположение «хозяина» к Троцкому, начали похамливать ему и позволяли себе игнорировать его высокий статус, иной раз «забывая» присылать материалы к заседаниям Политбюро. Амбициозный Троцкий очень болезненно воспринимал каждое проявление лакейского хамства и всегда ревниво отстаивал детальное соблюдения кремлевского протокола и партийного этикета.

Товарищи, не вхожие в тайную кухню кремлевской власти, чутко реагировали на отсутствие обожаемого Троцкого в важнейших президиумах. В мае 1921-го на X партконференции к Ленину поступали записки такого рода: «Просим разъяснить, почему за последнее время замечается на очень важных съездах и конференциях отсутствие нашего, не сомневаемся всеми уважаемого борца и героя трудовой республики т. Троцкого. Для душевного успокоения просим дать ответа. Группа коммунистов»². Самому Ленину для душевного покоя было выгоднее, чтобы Троцкий находился подальше. В начале апреля Оргбюро по просьбе Троцкого «в виду плохого физического состояния» предоставило ему отпуск на 8 недель с освобождением, как от военных, так и цекистских обязанностей³.

Троцкому с его действительно огромной популярностью в стране и таинственной крестьянской армией Лениным был противопоставлен подчиненный им партийный аппарат и организованный в послушные профсоюзы рабочий класс. Отсюда понятна неопишуемая ярость вождя в связи с вероломным поведением Томского в мае

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 18.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 15. Л. 64.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 149. Л. 93.

1921 года на IV съезде профсоюзов, когда тот, вопреки решению Цека, молчаливо позволил съезду принять резолюцию, предложенную Рязановым и толковавшую о «независимости» профсоюзов от партии. Секретари Ленина вспоминали потом, что никогда за все годы работы они не видели своего шефа в таком бешенстве¹. И это не удивительно, поскольку помимо факта предательства Томского, что само по себе было возмутительно, — в случае ухода профсоюзов из-под жесткого партийного контроля грозила разрушиться вся «Версальская система», возводимая Лениным после поражения Троцкого. Линию Рязанова охотно поддерживали сторонники Троцкого и Шляпникова, наметился новый блок внутри партии. Для обсуждения этого вопроса тут же был созван экстренный пленум ЦК, который восстановил контроль и покарал отступников. Тогда Рязанову вообще запретили работать в профсоюзах, а Томский на некоторое время поехал в «знойные» места кушать персики.

Троцкий на партсъезде бросал упреки Ленину, что тот хочет производить выборы в ЦК под углом зрения фракционной группировки, которая вряд ли выдержит двенадцать месяцев, и т.п.² Поэтому, несмотря на полное поражение Троцкого на X съезде, у Ленина не было уверенности в том, что с его стороны вскоре не последует нового покушения на большой кусок от пирога власти. Молотов много позже говорил, будто Ленин считал, что Троцкий со своим авторитетом разлагающе влиял на положение дел в партии и государстве, и был бы рад избавиться от него, но не мог³.

Поэтому в 1921 году Ленин особенно приближает к себе и всячески способствует возвышению Сталина, который во время профдискуссии еще раз зарекомендовал себя непримиримым врагом Троцкого. Благодаря усилиям Ленина в 1921 году Сталин фактически становится вторым лицом в партийно-государственном руководстве, являясь одновременно членом Политбюро и Оргбюро ЦК вместо Крестинского.

Весь год Ленин неустанно укреплял свою систему против Троцкого. Сталин успешно играл на опасениях вождя, постоянно поддерживая уже весьма болезненные подозрения Ленина в том, что у него нет надежного большинства в Цека⁴. Ситуация усугублялась еще и тем, что тревога по поводу возможного раскола и, соответс-

¹ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 235. Л. 7.

² Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 390, 394.

³ Чув Ф. Указ. соч. С. 182.

⁴ Если верить Молотову, в Политбюро почти все так или иначе были против Ленина — Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин. «Ленина поддерживали только Сталин и я». (Там же. С. 209.)

твенно, тщательная расстановка своих креатур на посты стали бить Ленина другим концом. На него со всех оппозиционных углов вели наступление, открыто обвиняя в беспринципном «протекционизме». По вопросам организационным и персональным «несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве», — жаловался он¹. В вопросах кадровой политики к Ленину, по его признанию, возникли «и предубеждение и упорная оппозиция»².

В 1920 году, во время IX партконференции, об этом весьма резко заявили представители группировки «демократического централизма». В известном документе, приписывавшемся острому перу Осинского³, они говорили о бюрократическом перерождении верхушки правящего аппарата, появлении особой категории людей из «деловых» работников, опытных в интригах т.н. «кремлевских коммунистов», чуждых духу идейно-пролетарской среды. Анонимный документ резко обличал личные свойства вождей, в частности Ленина, который заботится, прежде всего, о замещении руководящих мест политически преданными и послушными людьми. В результате происходит подбор людей, связанных эмигрантским и кружковым прошлым, а также безыдейных, легко подчиняющихся работников. В такой среде возникает не только разложение нравов верхушки, но, главное, начинается «омертвление центрального советского и партийного аппарата»⁴.

В столь же откровенных выражениях в 1921 году происходила переписка на ту же тему между Лениным и одним из основателей «рабочей оппозиции» Ю.Лутовиновым. В письмах из Берлина последний бичевал протекционизм, процветающий в Кремле, «закомиссарившихся» руководителей, потерявших всякое влияние на массы, и настаивал на том, что дело не в лицах, а в самой системе и т.д. и т.п. Лутовинов указывал Ленину на разложение целого ряда его ставленников и на бесполезность обращений к самому Ленину по этому поводу, поскольку создается такое впечатление, что «Вас можно слушать и не возражать, а не то попадешь в опалу и прослывешь сумасшедшим, клеветником и сплетником»⁵. Ленин в свою очередь усматривал во всех подобных нападках «верх дикости и гнусности» и «сложную интригу»⁶.

Между тем со второй половины 1921 года у Ленина начинают проявляться и усиливаться признаки серьезной болезни. Его пре-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 100.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 201.

³ См. главу I. С. 54.

⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 134. Л. 113–120.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1174. Л. 1.

⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. Л. 201.

следовали головные боли, обмороки, наступило резкое ослабление работоспособности. Несомненно, что он с большой вероятностью допускал, что в более или менее отдаленном будущем ему придется отойти от активной политической деятельности. Но его постоянное стремление к абсолютному лидерству в партии, нежелание поступиться хотя бы долей этого лидерства и соответствующий подбор ближайшего политического окружения привели к тому, что достойного преемника не было. Не было видно, во всяком случае. Троцкий замечал, что Ленин формировал свой ЦК таким образом, что без него он становился беспомощным и утрачивал свою организованность¹.

XI съезд РКП(б) по своим результатам получился еще более антитроцкистским, нежели предыдущий. Ленин считал необходимым официально учредить пост генерального секретаря ЦК и вручил его Сталину, человеку, которого в глубине души недолюбливал и презирал, как интеллектuala выходца, плебея, но и возможно поэтому считал послушным орудием в своих руках. Троцкий в своих дневниках отмечает, будто в 1926 году Крупская передавала ему такое мнение Ленина, что у Сталина не имеется самой элементарной человеческой честности. Но тогда Сталин был ему очень нужен и особенно потому, что издавна находился в совершенно неприязненных отношениях с Троцким, в котором Ленин видел напористого и нежелательного претендента на власть.

В начале нэпа Троцкий блистал своими ораторскими дарованиями, покоряя молодую аудиторию. Он выступал по всем вопросам: политики, литературы, искусства, быта, и все его выступления превращались в сплошной триумф². Комфракция ЦК Всероссийского союза просвещения 29 июля 1922 года обратилась в Цекa партии с требованием отставки Луначарского с поста наркома просвещения и замены его Троцким. «Назначение тов. Троцкого поднимет столь низко павший авторитет Наркомпроса... поможет сдвинуть воз просвещения из того гнилого болота, в котором он находится сейчас»³.

¹ Пленум ЦК 9 августа 1921 года слушал заявление Бухарина о запрещении тов. Ленину усиленно работать ввиду его болезни. Постановили обязать тов. Ленина продолжить отпуск на то время и на тех условиях, как будет указано врачом, «с привлечением т. Ленина на те заседания (советские или партийные), а равно и на ту работу, на которую будет предварительное формальное согласие секретариата ЦК». (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 21. Л. 18.)

² Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 352.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 46. Л. 112, 116.

Ленин versus Сталин

«Если после войны слава Троцкого была большой, а власть маленькой, то у Сталина, наоборот, слава оказалась маленькой, но зато власть большой»¹.

Обращаясь к вопросу о причинах и путях, которые привели Сталина на пост генсека, по крайней мере, наивно говорить о том, что кто-то без конкретного указания или, более того, вопреки Ленину мог посягнуть на святая святых — расстановку фигур в высшем политическом эшелоне. Тем более на заведомо ключевой пост, позволявший концентрировать в руках «необъятную власть». По большому счету, факт назначения Сталина на пост генерального секретаря есть эпицентр всей советской политической истории. В этой точке сфокусировалось все — и личные отношения вождей эпохи революции, откуда потом произошел весь радужный спектр позднейших коммунистических руководителей, вплоть до Брежнева, и, что важнее, здесь обнажились краугольные камни советской коммунистической системы власти.

Текущее управление страной это еще не все, более сложная задача власти — обеспечение перспектив и сохранение преемственности. Без последнего текущее управление грозит превратиться во временничество, разрывывание страны и цепь дворцовых переворотов. В императорской России функцию преемственности власти обеспечивали институты наследственной монархии и сословного дворянства, имевшие цельную идеологию и стабильные долгосрочные интересы в развитии государственной системы. В Советской России, упразднившей и монархию, и дворянство, эту важнейшую общественно-политическую функцию естественным порядком унаследовала партия большевиков, ставшая Партией с большой буквы, сложным социально-политическим организмом со своей особенной идеологией и устойчивыми интересами. Отныне ее система кадровой политики являлась ключом к власти. Кто им владел, тот и приходил к кормилу государственного управления (или уходил, если безвозвратно терял его). Ленин, Сталин, Маленков, Хрущев, Брежнев — все они в той или иной степени имели непосредственное отношение к кадровой партийной работе.

Молотов признавался: «Неожиданно для себя в 1921 году я стал секретарем ЦК». Он был обязан своим возвышением Ленину и Сталину, которые почувствовали в нем врага старого Секретариата.

¹ *Также* Р. Сталин. Путь к власти, 1879–1929. История и личность. М., 1991. С. 194.

Молотов негативно отзывался о способностях своего предшественника Крестинского¹, но у него были глубокие личные основания неприязненно относиться к своему предшественнику. Молотов в годы революции не смог поладить с екатеринбургской командой, которая и после смерти Свердлова держала его на периферии партийной работы. Сам же Молотов оказался слаб в качестве руководителя аппарата ЦК, Ленин относился к нему неважно². При нем стало очевидным падение уровня Секретариата по сравнению со временами Крестинского и, по свидетельству того же Молотова, Ленин поставил генсеком Сталина³.

В 1921 году Сталин был далеко не самым примерным членом Оргбюро. С 12 мая по 26 сентября он в общей сложности опоздал на заседания бюро на 5 часов 40 минут, как было дотошно зафиксировано в списке опозданий, который велся по указанию ответсекретаря Молотова⁴. Всю гражданскую войну Сталин находился при Ленине как «око государево» — как генерал-прокурор при Петре I. В 1921 году Сталин в качестве особого порученца занимался укреплением вновь приобретенных национальных территорий к Москве, исполняя роль наместника Политбюро на Кавказе, «переваривая» южные республики для Кремля.

Оргбюро и Секретариат ЦК не могли подняться до своего истинного значения без руководителя в лице влиятельного представителя партийно-государственной верхушки и в 1921 году были вынуждены занимать свое время всякими «вермишелями делами». В 1922-м году Ленину понадобилось усилить значение не только лично Сталина, но также аппарата Цека и всего партийного аппарата в целом.

Идея по чистке партии, созревшая у Ленина после обострения вопроса о «верхах и низах» и усиленная в период дискуссии о профсоюзах недоверием к новым партийным кадрам, трансформировалась у него в идефикс о коренном перетряхивании и реформировании партии. Выдвижение доверенного Сталина на пост генсека явилось крупным маневром Ленина в плане развития мероприятий по избиванию партийцев.

«Отступление закончено, — сказал он на XI партсъезде, — отныне гвоздь — в совершенствовании организации и подборе кадров». Это означало, что принципиальное соотношение сил в системе нэпа ус-

¹ См.: Зеленов М.В. Рождение партийной номенклатуры // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 4.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 176.

³ Чуев Ф. Указ. соч. С. 180–181, 242

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 150. Л. 12.

тановилось, общая схема ясна и дело за тем, чтобы заполнять ячейки этой схемы проверенными, способными людьми, дабы держать ее под контролем. Решения X и XI съездов партии о недостатках аппарата и необходимости перестройки партийной работы вообще и кадровой, в частности, явились настоящим кладом для Сталина и полностью соответствовали его личным интересам. «Он очень хитер. Тверд как орех, его сразу не раскусишь», — так по достоинству характеризовал Сталина сотрудник Секретариата ЦК А.М.Назаретян в 1922 году¹.

Опасения Ленина относительно своего здоровья оправдались быстрее, чем он ожидал. В конце мая 1922 года у него случился первый серьезный приступ болезни, приведший к частичному параличу правой руки и расстройству речи. Ленин находился в Горках до начала октября и в течение всего этого времени почти не принимал участия в политической жизни, более того, был от нее в значительной степени изолирован.

Сталин, будучи постоянным членом Оргбюро с момента его создания, прекрасно понимал, какие возможности открывались перед ним в качестве руководителя Секретариата и аппарата ЦК РКП(б). Все его предыдущие занятия: Наркомнац, Рабоче-крестьянская инспекция и прочее — меркли перед новой должностью. Он получил возможность до конца реализовать то, что в свое время пытались сделать Крестинский и Троцкий. Состояние Ленина стало одним из факторов, побудивших Сталина действовать быстро и решительно. Заручившись поддержкой Каменева и Зиновьева, он приступил к созданию, точнее, к завершению создания партийного аппарата, который бы предоставил ему огромный перевес над потенциальными соперниками в грядущей борьбе за власть. В этом деле Сталин превратился уже в ярого сторонника назначения, за которое он так добросовестно критиковал Троцкого во время профдискуссии.

Сталин немедленно начал с головы, с перестройки центрального аппарата. Весной и летом 1922-го года был «перетряхнут» весь аппарат Цека. С периферии на Воздвиженку призывались энергичные, но по каким-либо причинам угодившие в немилость при прежнем Секретариате, работники. Как писал Троцкий, Сталин тщательно подбирал людей с отдавленными мозолями: Молотов, Куйбышев, Каганович². В Москве появилось модное выражение «ходить под Сталиным» (как ранее «ходить под Политбюро»).

¹ Большевистское руководство. Переписка... С. 263.

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 421. Троцкий также еще указывал, впрочем, не вполне объективно, что ядром сталинской фракции в партии стала царинская группа красных командиров. (См.: *Такеф Р.* Указ. соч. С. 219.)

5 апреля 1922 года, на одном из первых заседаний нового Секретариата ЦК была произведена регламентация работы Секретариата и Оргбюро и разделены обязанности между тремя секретарями. Сталину досталось ведать вопросами, связанными с работой Политбюро и сношениями по преимуществу с областными организациями РКП(б). Куйбышеву поручили заниматься вопросами, связанными с агитационно-пропагандистской работой, а также вопросами управделами ЦК. Молотов стал курировать вопросы, связанные с организационной работой ЦК, учетом и распределением партсил.

Заседания Секретариата предполагалось проводить 2 раза в неделю по понедельникам и пятницам, а заседания Оргбюро по вторникам. Также было установлено, что на заседаниях Оргбюро секретари ЦК председательствуют по очереди; на заседании Секретариата завотделами ЦК присутствуют по вопросам, только связанным с их работой, а на заседаниях Оргбюро завотделами и ответственные инструктора ЦК присутствуют постоянно¹. Таким образом Секретариат позиционировал себя в качестве наиболее оперативного и закрытого органа ЦК партии.

Следующим шагом стало придание решениям авторитарного Секретариата статуса решений коллегиального Оргбюро ЦК. 11 апреля Секретариат самопровозгласил, что «единогласные постановления Секретариата, не опротестованные в течение 24 часов с момента вручения протокола заседания Секретариата ни одним из членов Оргбюро, считать постановлениями Оргбюро и как таковые сообщать организациям, учреждениям и лицам». 24 апреля «демократическое» Оргбюро покорно приняло эту кабинетную революцию и утвердило узурпацию своих полномочий автократическим Секретариатом².

После того, как Сталин возглавил Секретариат, резко меняется характер работы Секретариата и аппарата ЦК. В бумагах Цска весны 1922-го года мгновенно отразилась смена руководства. Протоколы заседаний Секретариата сразу выдают тот факт, что генеральным стал не канцелярист, а политический руководитель высокого ранга. Во времена управления Молотова в протоколах секретарей ЦК еще можно было встретить всякий вздор навряде вопроса о покупке шести ломовых лошадей для хозяйственных нужд аппарата. Сталинский Секретариат уже принципиально отказывается от обсуждения «вермишельных» дел. Новый генсек пришел из Совнаркома, и по совнаркомовской традиции все подобные вопросы переходят на усмотрение

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 313. Л. 2.

² Там же. Д. 321. Л. 2.

рение аппарата. Секретариат входит только в существенные дела и лишь утверждает постановления отделов. Секретариат занимается четкой регламентацией прав и обязанностей всего аппарата, отделов, инструкторов, прессы, бумагопроизводства, а также выстраиванием принципов взаимоотношений ЦК с государственными органами.

С 1922 года ЦК постепенно отказывается, как это случалось ранее, рассматривать разные детали деятельности губкомов, однако при этом четко инструктирует нижестоящие органы, что от них требуется. Аппарат Цека в 1919–1920 годах входил в разбирательство дел низовых организаций, спускаясь вплоть до уездных комитетов, и это непроизвольно ставило уезды на уровень губкомов, позволяло уездам конкурировать с губкомами перед судом Цека, что явилось неиссякаемым источником неподчинения, конфликтов и склок. Налаживание строгой дисциплины иерархичности в работе аппарата должно было свести подобный анархизм к минимуму. Уезд уже не имел права апеллировать к Москве через голову непосредственной губернской инстанции, а губкомы в свою очередь испытывали такие же трудности, имея перед собой назначаемые из Цека Областные бюро ЦК.

В свое время Бухарин, доводя до афористической чистоты ходячую характеристику Сталина, назвал его «гениальным дозировщиком», имея в виду весьма примечательное умение генсека реализовывать свои ширококомасштабные планы по частям, незаметно втягивая в них окружение и общество. Поскольку эти далеко идущие планы, будучи представленными сразу и в полном объеме, вызвали бы протест и отпор в общественном и даже партийном мнении. Но Сталин научился этому искусству не сразу, на первых порах происходили случаи «передозировки», которые грозили летальным исходом самому генеральному провизору.

Ученые биологи, исследуя вопросы лидерства в обезьяньем сообществе, установили, что здесь важен гормон «вождизма» — сератонин, определяющий устойчивость особи к стрессу и отсутствие страха. У вожака его больше, чем у других, но если у него искусственно вызвать понижение уровня сератонина в крови, то количество этого гормона каким-то чудом автоматически возрастает у второго самца в племени. Уместно ли сравнивать политруководство страны с обезьяньим стадом, вопрос тонкий, но, во всяком случае, это наглядно и сейчас уже вполне безопасно.

Зимой 1921–1922 года Ленин чувствовал себя плохо, заметно сильнее, чем год назад, его беспокоили головные боли, телесная слабость и упадок сил. Он с трудом готовился к XI съезду партии и почти перестал появляться перед массовыми аудиториями. Резкие

перемены в публичном поведении вождя было трудно скрыть от рядовых обывателей, которые украшали свои наблюдения доступными им представлениями. В марте 1922-го среди москвичей циркулировали слухи, что Ленин-де «пьет горькую» или «спятил». Конечно, пить Ленин не собирался, после революции он отказался даже от своего любимого пива, но и до полного упадка разума было тоже еще далеко. Вождь, под идеологической оболочкой борьбы с бюрократизмом, продолжал конструировать ту модель властных органов, которая бы позволила надежно гарантировать партийную власть от опасности раскола со всеми вытекающими из него последствиями.

Сталин, в меру своих возможностей «сочувствовал» этому, используя все доступные ему средства, чтобы потеснить или унижить своего главного противника Троцкого. В частности, возглавляемый им наркомат Рабоче-крестьянской инспекции уже практически полностью переключился на шельмование военного ведомства. Перед XI съездом Сталиным нащупывались границы возможного расширения компетенции партийного аппарата во взаимоотношениях с советскими ведомствами, чтобы потом закрепить это расширение в постановлении партийного форума. В канун съезда со стороны Сталина и его союзников последовал крупный демарш против Троцкого. 13-го марта Политбюро в отсутствие председателя РВСР вынесло решение по частному вопросу о переброске некоторых кавчастей с Кавказа в Туркестан. В ответ Троцкий взорвался гневным письмом всем членам Политбюро, где метал громы и молнии по адресу РКИ, которая, дескать, поставляет неверную информацию об армии, на основании которой Политбюро делает несостоятельные попытки к руководству конкретными делами отдельных ведомств и т.п.¹

Как показало дальнейшее развитие событий, в этом случае Сталин совершил явную передозировку. Он потревожил слишком обширную и чувствительную область. Вопрос о взаимоотношениях различных ведомств в огромной и разветвленной партийно-советской государственной системе искони являлся одним из самых больных. Когда К.Каутский в своей известной брошюре ставил вопрос, что будет «на другой день после социальной революции», то он не мог предвидеть, что ответ будет гласить: «На другой день после социальной революции будут межведомственные трения и межведомственные комиссии»².

Дело получило нежелательное развитие. С протестом Троцкого солидаризировался давно обижаемый подобным образом нарком-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 70.

² Гусев С.И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. Харьков, 1920. С. 43.

внешторг Красин, были подключены замы предсовнаркома Рыков и Цюрупа. В апреле вопрос разбирался в специальной комиссии Цека. Не успела комиссия потоптаться на месте без какого-либо определенного решения, как тут возник Калинин со своим извечным, почти гамлетовским вопросом о взаимоотношениях ВЦИК и СНК, словом, проблема, так неуклюже потревоженная Сталиным, потащила за собой целый шлейф еще более острых и принципиальных проблем. Постройка зашаталась. Все это подогрело недовольство Ленина позицией Сталина в давно развернувшейся дискуссии по важнейшему вопросу о монополии внешней торговли, в которой вопреки вождю генсек отстаивал неизбежность «ослабления» монополии¹.

Подобная активность Сталина вызвала естественное желание Ленина несколько умерить пыл новоиспеченного генсека, чтобы тот не наломал еще больше дров. С этой целью весьма полезный наркомат РКИ был взят у Сталина и передан под начало Цюрупе с заместителем Свицерским. Передан продовольственникам, «уфимской» команде, с которой Сталин еще со времен своей царицынской эпопеи был в весьма неприязненных, враждебных отношениях. Это явилось серьезным сигналом, который в силу известного характера «чудесного грузина», склонного к депрессивной рефлексии, должен был вызвать у него очень нервную реакцию. Внешне, для окружающих, генсек, конечно, остался невозмутимым, но события, которые вскоре произошли, заставили его забыть всякую осторожность.

Атеросклероз начался у Ленина очень легко. Как-то утром он встал с постели, закружилась голова, и он схватился за шкаф, который был рядом. Это случилось в начале мая 1922 года. После 15 мая на несколько дней наступило улучшение самочувствия вождя. Вначале доктора, в том числе и знаменитые невропатологи, сказали, что это пустяк, вызвано переутомлением, и что скоро все будет в порядке.

Первый удар, поразивший Ленина 25 мая, при котором отнялась речь и вся правая сторона, был неуклюже скрыт от общественности официальными бюллетенями об ухудшении нервного состояния больного и т.п. В это время народ радовался замечательному падению цен на муку и возмущался повышением железнодорожных тарифов. Коммунистический актив занимался изъятием церковного добра и устраивал шутовские демонстрации перед иностранными гостями — социалистами, приехавшими защищать эсеров на предстоящем процессе. Жизнь текла привычным за эпоху революции бурным чередом, а в это время возводились подмости для последней драмы вождя, которую он будет играть, оправившись от первого удара болезни.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 188, 548.

Еще не исчезла внешняя доверительность отношений между ним и Сталиным, еще часты долгие беседы в Горках, во время которых обсуждаются архисекретные дела. Ленин встречал генсека дружелюбно, шутил, смеялся, угощал вином и окружающим было очевидно, что «тут Ильич был со Сталиным против Троцкого»¹. Однако буквально сразу после возвращения Ленина к политической жизни, в августе, его ориентация в личных отношениях становится прямо обратной тому курсу, над которым он усиленно трудился с окончания гражданской войны.

Несмотря на тишину и изолированность больничного режима в Горках (окрестные крестьяне жаловались, что как только там обосновался Ленин, прекрасные сады и парк усадьбы обнесли непроницаемым забором) от опытного взгляда, по-видимому, не скрылась та бурная деятельность, которую развернул генсек Цека по созданию своего аппарата. Ленин понял, что, сражаясь с потенциальной фракцией Троцкого, он оказался лицом к лицу с аппаратом Сталина. Сталин не выдержал испытания, предложенного ему Лениным. Можно только догадываться, в чем конкретно оно заключалось. Но факт тот, что 18 июля он пишет Сталину короткую, но весьма многозначительную записку: «т. Сталин! Очень внимательно обдумал Ваш ответ и *не согласился с Вами*. Поздравьте меня: получил разрешение *на газеты!* С сегодня на старые, с воскресенья *на новые!*»²

Принципиально эти скупые строчки, демонстративно выведенные собственноручно Лениным, означали нечто очень важное. Первое — «не согласился» (и отныне ни в чем существенном искреннего согласия между ними не будет) и второе — известие с явным намерением уязвить своего чрезмерно усердного контролера, что изоляция закончилась, и он возвращается к текущим делам. Учитывая свойственную Ленину дипломатичность и сдержанность в подобного рода делах, эта записка не могла означать ничего иного, как «иду на вы». Ленин вышел из первой изоляции разгневанным против Сталина, и вызвано это могло быть только одним — подозрением в попытках удалить его от дел, от власти.

Наркомздрав Семашко впоследствии по простоте душевной вспоминал, что Сталин очень «заботился» о здоровье Ленина. По его инициативе было выписано много иностранных врачей. Для Сталина тогда одним из самых главных занятий стало обязательное присутствие на докладах врачей о здоровье Ленина³. Чрезмерная забота генсека не ускользнула от внимания Ленина. В последний

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 273.

³ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1809. Л. 21.

период Ленин был очень близок со Сталиным, тем более шокирующим для него стало подозрение, что обласканный и вознесенный им Сталин готовится узурпировать власть. Крупская говорила, что парализованный Ленин, когда его оставляла речь, был вне себя от мысли, что в таком состоянии с ним могут сделать все что угодно.

Лозунг борьбы с бюрократизмом, служивший Ленину в кампании против Троцкого, теперь оказался как нельзя кстати и в замыслах против Сталина. Если верить Троцкому, а здесь ему верить можно, Ленин после возвращения к работе «ужаснулся» «чудовищному бюрократизму»¹.

Ленин, оставив больничный режим, почел за благо «ужаснуться». И тому была веская причина. В дни болезни вождя Сталин продвинул свою аппаратную революцию на новый уровень. 16 июня 1922 года по предложению Сталина работа Секретариата ЦК была вновь перестроена. Решено (в отмену прежнего постановления) заседания Секретариата назначать раз в неделю по пятницам. Для разгрузки повестки дня Секретариата и Оргбюро от вопросов мелкого текущего характера образовать при Секретариате ЦК постоянное Совещание заведующих отделами ЦК под председательством секретаря ЦК тов. Куйбышева. Совещание должно просматривать все вопросы, поступающие для внесения в Оргбюро или Секретариат. При этом вопросы мелкого, текущего характера, в отношении которых в Совещании не возникает разногласий, решаются Совещанием и при единогласии решения считаются постановлениями Секретариата и как таковые заносятся в протоколы Секретариата. Совещание заседает один раз в неделю по вторникам².

В появлении этого нового органа — Совещания заведомыми ЦК и заключалась величайшая революция. Свидетельством о его рождении может служить выдающийся документ, затерявшийся среди третьестепенных бумаг архива, под более чем скромным заглавием: «Протокол № 1 заседания заведывающими отделами ЦК от 20/VI — 22 года». Присутствовали: секретарь ЦК РКП Куйбышев, зав. отделами: тт. Каганович, Ксенофонтов, Сырцов, Яковлев и ответственный инструктор Асаткин³.

Вот оно невзрачное, рутинное обличье настоящего переворота в кадровой политике партии. Из 37 пунктов повестки Совещания явствует, что это чисто аппаратное заседание решает вопросы ни больше ни меньше как о замене секретарей пензенского, вятского, северодвинского, архангельского губкомов, «не удовлетворяющих

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 454.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 341. Л. 7.

³ Там же. Оп. 11. Д. 101.

требованиям партстажа», и передает свои решения на утверждение Секретариата ЦК. Далее еще сенсационнее. Скромное совещание заведующих обсуждает вопрос «О пересмотре постановления Оргбюро от 30 мая с.г. о работе Вилонова» и постановляет войти в тот же Секретариат с предложением об отмене постановления Оргбюро — выборного органа Цека партии.

Сталин в дни первой изоляции Ленина сделал гигантский последовательный шаг в сторону бюрократизации кадровой работы партии, подготовленный всем предыдущим развитием внутрипартийной политики, в которой участвовали все. С преобладанием в Оргбюро сторонников Сталина значение Оргбюро стало быстро угасать. Выборное коллегиальное бюро превратилось в значительной степени в формальный орган, регистрирующий и подписывающий решения Секретариата и аппарата ЦК, работающих непосредственно по указке генерального секретаря. Вскоре отпадет необходимость даже и в этом. Самые высокие назначения на уровне наркомов и их замов всегда проходили через Политбюро. Что касается номенклатуры Цека, то никакая выборная коллегия не в состоянии вникать и практически решать дела сотен и тысяч персоналий, поэтому конкретные постановления готовил аппарат.

Обычная практика Секретариата с 1922 года — Сталин держит руку на пульсе Политбюро, Молотов и Куйбышев вдвоем итожат (решают) дела на заседании Секретариата, прежде созвонившись со Сталиным по важнейшим вопросам, а затем решения уходят на места как постановления Оргбюро. Постановления Секретариата уходят по адресатам как постановления Оргбюро, но со ссылкой на протокол Секретариата. В особо важных случаях решения Секретариата специально вносились на утверждение Оргбюро, а не становились его решениями автоматически. Но когда мы говорим о решении Секретариата или Оргбюро, на самом деле в 99 случаях из 100 это есть решения, подготовленные Совещанием. Экспромты с неожиданными вопросами в повестку случались крайне редко. Этого старались не допускать, поскольку каждое решение требовало специальной подготовки, согласований, которые происходили в аппарате.

Оргбюро становится лишним звеном в механизме, но его оболочка еще долго будет сохранять значение. Несмотря на то, что аппарат фактически заменил выборный орган, было очень удобно перенести вопрос на Оргбюро при необходимости прикрыть коллегиальностью острое решение Секретариата или интересы генерального секретаря. Оргбюро, в которое входили лица из других ведомств, было полезно генеральному секретарю в качестве гарантии против возможного сговора двух других секретарей.

С этих времен папки с протоколами Оргбюро все более тощают, а совсем худенькие папки с протоколами Секретариата набирают вес, становятся все более пухлыми и тяжелыми. Наглядное доказательство смещения центра тяжести в механизме принятия решений. Сонные профили с натуры, сделанные секретарским синим карандашом на полях материалов к протоколам, свидетельствуют о неспешном и уравновешенном характере заседаний коллегии, голосующей готовые решения аппарата.

Другая партийная коллегия — Центральная контрольная комиссия, которая при своем создании мыслилась как учреждение чуть ли не равное ЦК, также оказалась под полным контролем Секретариата, который по делам, исходящим из Президиума ЦКК, по представлению Сопения выносил решения в духе «не возражать», «согласиться», «отложить», «предложить пересмотреть»¹. Материалы ЦКК-РКИ за 1923 год свидетельствуют о понижении статуса ЦКК до рабочего органа при Секретариате². Кандидатуры в ЦКК подбирались Секретариатом ЦК.

Одно время на местах наблюдалось некоторое нестроение партийной жизни в связи с неопределенностью отношений парткомов и контрольных комиссий. 29 октября 1923 года Цека констатировал, что за последнее время замечаются трения, а подчас и конфликты между губкомами и ГKK на почве того, что губкомы рассматривают самостоятельно, независимо от ГKK вопросы о партстаже, партположении и нарушении партдисциплины. «ЦК РКП, обращая внимание местных организаций на то, что парткомитеты имеют право рассматривать указанные вопросы на своих заседаниях, должны все же предоставлять рассмотрение этих вопросов специально выбранным для этого ГKK, постановления которых проводятся в жизнь губкомами»³.

Если губкомы обязаны проводить в жизнь постановления контрольных комиссий, то ГKK автоматически становятся над губкомами. Сие демократическое учреждение в партии начинает подрывать партийный централизм. Это было своевременно понято и исправлено. Циркуляр ЦК от 17 мая 1924 года уже откровенно отдавал приоритет партийным комитетам даже в вопросах, подлежащих ведению КК. Устанавливалось, что исключенные из партии контроль-

¹ Постановление Оргбюро 24 апреля 1921 года. Если в течение недели в ЦКК не поступит протеста со стороны Секретариата ЦК, постановления ЦКК считать постановлениями, не встречающими возражений. (Там же. Оп. 112. Д. 159. Л. 2 об.)

² См.: Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 154.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 11. Д. 148. Л. 83.

ными и проверочными комиссиями снимаются с работы только по постановлению парткомов. Исключенные из партии безусловно снимаются с ответственной работы, связанной с партийным и политическим руководством. Исключенные из партии по причинам, не компрометирующим их как сов- и хозработников (религиозные убеждения, отрыв от масс, партбалласт), могут быть использованы на сов- и хозработе наравне с беспартийными¹.

Совещание заведующих, собиравшееся вначале каждый вторник, потом четверг, фактически взяло на себя решение самых важных кадровых и организационных вопросов партийной политики. С апреля 1923 года, рабочая неделя Цека начиналась в четверг, когда собиралось Совещание заведомлами, готовившее решения для Секретариата, который заседал в пятницу и утверждал предложения Совещания. В свою очередь Оргбюро по понедельникам освящало своим именем постановления Совещания и Секретариата. Со временем советские ведомства, учитывая реалии кадровой работы, с целью экономии усилий предпочитали обращаться по своим вопросам уже непосредственно в аппарат ЦК.

Через год порядок принятия решений в ЦК приобрел еще более выраженную аппаратную форму. В целях «разгрузки» Оргбюро и Секретариата от мелких вопросов было решено, что повестка к заседаниям составляется комиссией из руководителей отделов во главе с Кагановичем. Комиссия определяла вопросы повестки, после чего порядок заседания окончательно утверждался одним из секретарей ЦК².

В результате того, что Сталин был вынужден создавать бюрократические инстанции, дублирующие выборные органы, партийная система в 1920-х годах утратила свою стройность и четкость. Но на определенном этапе это было даже выгодно Сталину, ибо размывало ответственность за принятые решения.

Государство и революционер

Теперь, в его последнюю осень в Кремле, Ленина стала волновать, в сущности, только одна проблема, гигантские контуры которой выступили перед ним из завесы мелочей и конкретных фактов при неумолимой потребности уходящего навсегда окинуть все бывшее одним пристальным взглядом. Вопросы о монополии внешней торгов-

¹ Там же. Л. 198.

² Там же. Оп. 112. Д. 526. Л. 7.

ли, о принципах создания союзного государства и прочее превратились лишь в повод для последней схватки вождя с олицетворенным в Сталине и его аппарате государственным бюрократизмом. В эти короткие, наполненные физической слабостью и болезненной испариной недели вызов бюрократическому Левиафану приобрел для Ленина поистине мистическое значение.

30 декабря 1922 года в день образования СССР Ленин начал диктовать письмо «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», в котором отмечал следующее: «Видимо, вся эта затея “автономизации” в корне была неверна и несвоевременна. Говорят, что требовалось единство аппарата. Но откуда исходили эти уверения? Не от того ли самого российского аппарата, который... заимствован нами от царизма... Мы называем своим аппарат, который на самом деле еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину, переделать которую в пять лет при отсутствии помощи от других стран и при преобладании “занятий” военных и борьбы с голодом не было никакой возможности»¹. Коммунистический революционер даже не вполне мог представить, насколько он был прав в этом признании заимствований от царизма.

В 1922 году борьба с бюрократизмом оказалась у Ленина на одной полке с борьбой против великодержавности — это была реакция революционного идеализма на возрождающуюся государственность России. Резолюция очередного XII съезда партии по национальному вопросу, опиравшаяся на указания Ленина, в известном смысле стала хартией для коммунистов-националов в борьбе против «великорусского шовинизма».

Существует мнение, что бескомпромиссная позиция Ленина в процессе создания союзного государства была обусловлена тем, что Ленин, питая ненависть к прежнему русскому национальному высокомерию, которое он называл «великорусским шовинизмом», твердо решил предотвратить возврат к политике русификации, которую царское правительство проводило среди национальных меньшинств². Наверное, дело обстояло не так прямолинейно. В конце концов, именно Ленин заложил основы унитарного государства. Если бы ему в то время, когда он бился со Сталиным за равноправный Союз, предложили ослабить военное единство «независимых» республик или внести элемент автономии в отношения Цека и республиканских компартий, он с негодованием отверг бы подобные идеи и таким советчикам пришлось бы несладко. А это было главное, и он не мог не понимать этого.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358.

² Такер Р. Указ. соч. С. 226.

Во всех этих острых дискуссиях, сопровождавших закат политической жизни вождя, можно выделить два невидимых невооруженным глазом аспекта: дискуссии стали ареной борьбы против Сталина лично, притом замаскированной проверенной ленинской тактикой, о которой писал Цюрупа, — делая решительные шаги, Ленин всегда стремился ослабить внешнее впечатление от них¹.

В 1922 году после возвращения в Кремль, Ленин хотел спровоцировать Сталина на дискуссию (по формально важным, но по существу второстепенным вопросам в условиях партийного централизма), чтобы в ходе ее уничтожить генсека. Ленин полагал навязать Сталину дискуссию о внешнеторговой политике, потом об автономизации точно так же, как в свое время навязал дискуссию о профсоюзах Троцкому. Но Сталин вполне усвоил методику Ленина и умело уходил от его провокаций, послушно признавая правоту линии вождя и уступая по спорным вопросам. Внешне отступив, Сталин выиграл у своего гениального учителя весь этот год по всем важнейшим позициям.

Сталин полностью признал монополию внешней торговли. В полной мере мы лишь только сейчас можем оценить то, чем в 1922 году явилась бы отмена государственной монополии внешней торговли. Это был бы уже не нэп, а иная политика, далеко выходявшая за рамки только экономического либерализма. 1922-й год — это нескончаемая вереница кампаний ЦК (или при поддержке ЦК) по искоренению бюрократических явлений в аппарате, борьбе с взятками, укреплению и очищению органов ГПУ, милиции. Акцент внимания Секретариата Цека делался на совершенствовании структуры и работы государственных учреждений. По идее Ленину не за что было быть недовольным сталинским аппаратом, его работа строилась в русле ленинских раздумий о борьбе с бюрократизмом. Для самого Сталина тревожения и напряжение этого года не прошли бесследно. В августе у него резко ухудшилось самочувствие, поэтому Секретариат постановил ограничить его приемный график двумя днями в неделю и обязал больше времени проводить за городом, на даче.

Всемогущее и несокрушимое, абсолютное в своей власти над обществом, государство стало реальным воплощением, материализацией революционных идей Ленина, его «альтер эго». Ленин всматривался в это и не хотел узнавать себя в его бюрократических чертах. Бесконечные ругательства по адресу частного понятия «бюрократизм» прикрывали растерянность и недовольство в отношении всей системы в целом. Вопиющее противоречие реальности и того

¹ РГАСПИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1. С. 13.

идеального, чем в свое время его увлекли постулаты «научного коммунизма», заставляло Ленина задумываться о принципах, обращало к рефлексии, до которой не было времени в горячке повседневной работы. Ход и направление некоторых раздумий вождя отразились в его замечаниях по поводу известной книги Н.Н.Суханова о революции.

Социалистические оппоненты Ленина, которым большевистская чрезвычайка всегда стремилась отвести достаточно досужего времени для теоретических раздумий, не отказываясь от революционной идеи, часто говорили, что Россия еще не достигла такого уровня развития производительных сил и общей культуры, при которых возможен переход к чаемым общественным принципам. Возражая этому, Ленин писал: почему же нельзя начать с завоевания власти и далее уже на этой основе осознанно двинуться догонять другие народы?¹ Заметки на книгу Суханова из-за тысячи деталей и фактов революционной и государственной биографии Ленина приоткрывают фундаментальную концепцию его жизни. А именно: созданная им партия, представляющая «диктатуру пролетариата», является собранием всего лучшего и наиболее сознательного, что есть в пролетариате. Этой партии открыта вся истина, она одна знает, что лучше делать во имя пролетариата и человечества в целом. Этой партии естественно должна принадлежать власть.

Подобная логика способна породить самые разнообразные размышления, начиная с припоминания философских принципов относительности человеческого знания и заканчивая соображениями о недостатках дореволюционного университетского экстерната. Нехитрая идеология, нашедшая отражение в ленинских заметках по поводу Суханова, как две капли воды напоминает идеологию просвещенного абсолютизма, согласно которой одному человеку, монарху, дано видеть то, что лежит в подлинных интересах темного народа.

Как идеи эпохи Просвещения в XVIII веке парадоксальным образом могли превратиться в философское обоснование незыблемости самодержавия и крепостничества, так и научный коммунизм в XX веке лег в основу системы государственного абсолютизма. Почему-то роковым образом получается так, что торжество науки и гуманитарной мысли непременно соседствует с пугачевщиной и плахой палача или, в модернизированном варианте, с революционной стихией и чекистским застенком. Российское государство уже не раз до Ленина «догоняло» другие народы и, надо сказать, успешно, правда, ценой злейшего крепостнического гнета над своим народом.

Ленин всю свою жизнь, по обстоятельствам, ментально и идеологически был тесно связан с Европой и, наверное, имел право считать

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.

себя европейским политиком, не задумываясь о том, что является представителем иного культурно-исторического типа. Обращаясь к историческому опыту европейских стран, он еще мог предполагать, что его революционная деятельность представляет собой что-то еще невиданное, новое по своей сути. Однако богатейшая история Востока могла бы назвать не одно имя цивилизационных предшественников большевизма. Так, в «Детской болезни» «левизны» в коммунизме», рассуждая о европейских делах, Ленин с некоторым легкомыслием признавался читателям, что ничего не знает о Китае, знает лишь что-то о Сунь Ятсене. Это выдавало непростительную поверхностность исторических знаний, поскольку Китай уже до новой эры являл истории образцы «социализма». Когда в 1920-х годах СССР вплотную заинтересовался восточными делами, то советские представители с удивлением выслушивали рассуждения китайских дипломатов о том, что Китай уже имел советскую систему в IV–III веках до Рождества Христова (имея в виду легизм периода Чжаньго и династии Цинь: государство превыше всего, слабый народ — сильное государство) и что в результате столетнего «советского» управления в Китае там было истреблено и вымерло от голода девяносто процентов населения.

На Западе феномен Советской власти в России и большевизм были восприняты как новость, как нечто исключительное и в корне противоречащее общественной природе. Но на Востоке, с высоты своего исторического опыта, на события в Советской России смотрели более невозмутимо. Муфтий Египта Сеид Эфенди в годы революции в России дал фетву (разъяснение) мусульманам, в которой говорилось, что большевизм — это учение, имеющее многовековую историю. По мнению исламского авторитета, оно впервые зародилось в Персии, в государстве фарситов в VI веке в эпоху правления Сасанидов. Последователь Зердешта манихейский жрец Маздак учил, что собственность — причина всех зол, призывал вернуться к общинному строю. Низы фарситского общества пошли за проповедником, имущество зажиточных было поделено, сопротивляющиеся убиты. Движение Маздака закончилось полной неудачей, привело государство к полному хаосу и разорению, затем поражению и истреблению маздакитов. «После этого над миром засияло солнце ислама», — торжественно заключал муфтий.

Ленинизм, с одной стороны, был продуктом идеологии революционного универсализма (глобализма), которая теоретически противоположна цивилизационным принципам. Однако духовный путь Ленина — это опыт адаптации западноевропейского учения к русской почве и историческому наследию России. И на этом пути раскол с европейским марксизмом был неизбежен.

Вначале Ленин прилагает усилия к выяснению и доказательству того факта, что Россия уже встала на путь капиталистического развития и имеет все необходимые социальные признаки капиталистического уклада — промышленную буржуазию и пролетариат. Его не смущало то обстоятельство, что пролетариат в обозримом будущем будет составлять абсолютное меньшинство в населении России. Он делает вывод, что революционный потенциал и политическое значение класса не зависит от его численности. Если рабочие сами не способны возвыситься над идеологией тред-юнионизма, то руководство политической борьбой класса должна взять партия профессиональных революционеров. Ее программа — установление «диктатуры пролетариата» и осуществление социалистических преобразований, используя аппарат государственного насилия.

В процессе адаптации марксизма Ленин воспринял от русского революционаризма XIX века все то практичное, что могло сократить путь партии к политической власти: учет бунтарского потенциала крестьянства, опыт узкого заговорщичества и признание всех методов борьбы вплоть до симпатии к нечаевщине, если это ведет к цели.

После захвата власти для Ленина становится очевидным, что политическая организация рабочих в форме Советов не удовлетворяет требованиям государственного централизма и по ходу революционных перемен его дисциплинированная партия быстро находит свое место во главе советского государства. В свою очередь партией руководит избираемый на съезде Центральный комитет, причем текущую работу приходится вести узким коллегиям — Политбюро и Оргбюро, избираемым на пленарных заседаниях ЦК.

Партия во главе абсолютистского государства, во главе партии — олигархия и при этом всем понятно, что один из олигархов на порядок голов выше всех остальных. Что общего в этой квинтэссенции головокружительного пути Ленина остается от европейского ортодоксального марксизма? Только отрицание частной собственности и жесткий централистический характер политического устройства. То есть то, чем в принципе уже отличалось русское общество, сложившееся в Северо-восточной Руси еще в домонгольский период, — тип вотчинного, патримониального общественно-политического уклада, где государство в лице великого князя являлось верховным собственником. Веками эта модель, периодически усиливаясь или ослабевая в своих характерных чертах, пульсировала в пределах Московского государства и Российской империи, определяя специфику отечественной истории. Как говорил теоретик эсеров В.М. Чернов: Ленин — это «воля к власти... для осуществления своей программы». Но власть постепенно подменила программу, которая осталась очередным вы-

дающимся опытом идеологии, оплодотворяющей общественное движение, при неизбежности принципиальной схемы национального уклада. Европейская революционная идеология отрицания частной собственности органично привилась на российскую почву, превратившись в легистскую доктрину абсолютной государственной власти. Все остальное, что не соответствовало историческому опыту России, было отторгнуто, «засохло» в побеге русского коммунизма.

В течение последних сознательных недель Ленин прилагает титанические для своего ослабленного организма усилия с целью усовершенствовать новую систему «просвещенного абсолютизма». Вначале он попытался предпринять шаги в духе отработанной схемы сдержек и противовесов. Чрезвычайное усиление Сталина рефлексивно породило стремление обрести противовес генсеку в лице Троцкого, которому в сентябре 1922 года было предложено стать фактически первым заместителем председателя СНК. Дело в том, что по сложившейся традиции пленумы ЦК и заседания Политбюро непременно возглавлял предсовнаркома или его ближайший заместитель. Тем самым Ленин хотел вручить Троцкому сильное оружие против Сталина, однако тот, не желавший быть просто «противовесом», деталью в схеме Ленина, категорически отказался¹, и реализация замысла на некоторое время отошла на задний план.

Ленин планировал использовать Зиновьева, развернув его незаурядные интриганские способности против Сталина, как два года назад против Троцкого, однако неприятным сюрпризом для Ленина стало то, что Зиновьев попытался уклониться от этой миссии. Зиновьев какое-то время обманывал вождя, притворно сожалея, что он «не смог подраться» по поводу отмены постановления пленума ЦК относительно режима внешней торговли². Поведение Зиновьева стало понятным, когда Ленин получил неопровержимые доказательства о формировании тайного блока в Политбюро между Сталиным, Зиновьевым и Каменевым³. Ленин рассвирепел и после этого он вновь за несколько недель до своего второго удара возобновил переговоры с Троцким.

¹ Этот факт известен не только от самого Троцкого, но и по свидетельству самого Сталина, который в момент обострения на XII съезде заявил о том, что Ленин вносил на Политбюро предложение о замещительстве Троцкого и что Троцкий отказался. (См.: Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 198.) Впоследствии эта часть речи Сталина была по его указанию изъята из публикации стенограмм съезда.

² Письмо Зиновьева Ленину от 15 октября 1922 года. См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1027. Л. 1.

³ См.: Наумов В.П. 1923 год: судьба ленинской альтернативы // Коммунист. 1991. № 5. С. 36.

На этот раз речь пошла о «радикальной личной перестановке»¹, в чем между ними установилось полное взаимопонимание, и в результате был заключен негласный союз против Оргбюро, т.е. против Сталина и его аппарата. Ленин намечал создание цековской комиссии по борьбе с «бюрократизмом», не второстепенной, навроде зинovieвской, благополучно и тихо скончавшейся после IX партконференции, а ударной группы с участием его самого и Троцкого.

Усиление непримиримого отношения вождя к Сталину уже явно прослеживается на страницах последних ленинских документов, которые вошли в историю под названием «Завещания» Ленина. По свидетельству Бухарина, Ленин в последний период своей деятельности много думал над проблемой преемственности и называл ее «лидерологией». К тому времени Ленин уже стал отдавать себе отчет в том, что умирает и дни сочтены, а поэтому думал не о лидерстве, а о наследстве, исчезли соображения о своем большинстве в ЦК и о преодолении амбиций Троцкого. Когда в декабре 1922-го он начинал диктовать строки «Письма к съезду», Сталин еще мыслился в одной упряжке с Троцким, и вождя беспокоило, чтобы отношения между ними не привели к расколу партии. Однако в позднейшем добавлении к письму от 4 января 1923 года уже звучит недвусмысленное предложение убрать Сталина с поста генсека, а в известной записке от 5 марта речь идет вообще о полном разрыве отношений со Сталиным.

Адресованное делегатам XII съезда РКП(б) «Письмо к съезду», в котором содержалась характеристика ведущим деятелям партии, и а также предложение подумать о перемещении Сталина с поста генерального секретаря, было составлено в высшей степени неопределенно и не давало категорически ясного представления о его воле. Это было использовано его наследниками, фактически проигнорировавшими письмо. Ленин решил быть мудрым и не идти по пути прямых рекомендаций своего заместителя. Он предполагал, что форма политического руководства и лидер определятся течением вещей, в результате естественного отбора, но сам он хотел видеть после себя образец коллективного руководства партией. Поэтому характеристика носила коллективный характер, однако созданный им политический строй требовал единоличного руководства.

В те времена, когда тексты Ленина имели значение новейшего Тестаментa, о его последних письмах и статьях много рассуждали и даже спорили, пытаясь отыскать в них объяснение и достижений и просчетов компартии. Однако в отсутствии идеологического гипноза становится очевидным, что воля отдельного политика не может

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 454.

быть критерием истины, она всего лишь часть со всей присущей ей, части, ограниченностью. После того, как «Завещание» утратило свое политическое и идеологическое значение, оно сохранило смысл лишь в плане изучения того последнего взгляда назад, с которым замер великий революционер и его время перед окончательным шагом на лодку Харона. И здесь Ленин в полной мере раскрывается, с одной стороны, как отмерявший свой срок неисправимый революционный идеалист, а с другой — продолжает чувствоваться цепкая (бульдोजья, как говаривала В.Засулич) хватка опытного политика.

После чтения последних ленинских статей и документов создается полное впечатление, что те небольшие отступления от конкретных вопросов, где обнажаются теоретические основания политики, принадлежат не государственному мужу, а тому крыловскому оригиналу, который слона-то и не приметил. По-прежнему у Ленина господствует убеждение в том, что партия большевиков опирается только на два класса, т.е. пролетариат и крестьянство¹, и государственная власть принадлежит, разумеется, рабочему классу². Что можно предположить о ценности последующих выводов, которые жидутся на столь иллюзорном социальном анализе?

Сказались годы или возобладала чиновничья природа, но раньше в годы революционной борьбы Ленин отлично различал пресловутого «слона» в социальном укладе царской России и даже выговаривал своим коллегам по социал-демократической публицистике (Ольминскому и Рожкову) за то, что их главная, коренная и роковая ошибка кроется в забвении «громадной самостоятельности и независимости бюрократии»³. Впрочем, подобной истории суждено повториться еще не раз. Курьезно, что проницательный диалектический метод марксизма применялся его апологетами и эпигонами к чему и к кому угодно, но только не по отношению к самому марксизму и к самим себе.

Как писал известный русский историк XIX века Т.Н.Грановский, «разрушители прежнего порядка никогда не видят своими глазами той цели, к которой шли они»⁴. Ленину не было дано воочию вполне убедиться в неожиданных результатах своего революционного подвижничества. Его теоретические основания также не давали возможности сделать это хотя бы умозрительно, но многое он предчувствовал. В тех отрывках своих работ, где он отвлекается от произвольного

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344.

² Там же. С. 369.

³ Там же. Т. 21. С. 58.

⁴ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 9.

умствования и дает волю чувствам, там проблескивает интуитивное прозрение о действительном положении вещей в социальном устройстве нового общества. «Не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему», — пишет он в наброске несостоявшейся речи на X съезде Советов¹. Именно эта подсознательная интуиция, а не идеологические императивы, поднимала больного вождя с постели и заставляла через силу диктовать последние письма и статьи.

Эпицентр политической конструкции, начертанной уходящим Лениным своим преемникам, — в вопросе о статусе ЦК партии. После дискуссии о профсоюзах, когда большинство ЦК (не в первый раз) выступило против Ленина, у него сформировалась почти рефлексивная боязнь этого партийного органа, на чем в 1921 году искусно сыграл Сталин. В институте Цека Ленин видел главную опасность раскола, поскольку слишком велик был авторитет, велика власть и слишком разнороден в силу своей численности состав этого учреждения. Ленин предполагал вывести ЦК из схемы реальной власти. Разумеется, для этого путь простой ликвидации комитета был абсолютно неприемлемым, но для подобного рода тонких операций в арсенале предсовнаркома имелся давно проверенный и безотказный прием, к которому он прибегал, когда возникла необходимость незаметно ослабить коллегиальность и усилить авторитарное начало в той или иной отрасли управления.

Это достигалось диалектически, путем раздувания коллегиальности до той степени, когда она автоматически в силу своей внутренней логики вела к необходимости возвышения авторитарного начала. Уже упоминавшийся Н.Милютин писал, что однажды Ленин долго, до слез смеялся над рассказом, который Милютин поведал ему из виденного им в командировке в Усмань в 1918 году. Там, в некоем селе Помазове председатель сельсовета весьма находчиво проводил собрания сельчан. Он «объявлял» вопрос и садился на завалинку курить, а мужики орали, все сразу, до хрипоты. Когда земляки изнемогали орать, председатель просто объявлял свое решение, с которым все соглашались, и далее переходили к «обсуждению» другого вопроса².

Предложения расширить состав Цека за счет рабочих звучали еще в 1919 году на VIII съезде РКП(б), и тогда Зиновьев парировал, что «в каждой организации есть грань, за которую нельзя переходить, иначе мы лишим ЦК деловых качеств и превратим его в маленький митинг»³. Соображения превратить Цека в «маленький митинг», лишенный необходимых деловых качеств, показались Ленину пол-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 441.

² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1334. Л. 24.

³ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 285.

не уместными только после того, как он понял, что неумолимая болезнь вычла из совокупности разнонаправленных сил в политическом руководстве стабилизирующий фактор его непосредственного влияния. Предложение довести число цекистов за счет авторитетных рабочих до 50 или даже до 100 человек¹ являлось откровенным намерением отобрать у ЦК власть и еще более сконцентрировать ее в олигархических постоянных коллегиях — Политбюро и Оргбюро. В виде компенсации за утраченные возможности ЦК награждался почетными контрольными функциями наряду с ЦКК партии.

Таким образом, в последних указаниях вождя очередь в «школу коммунизма» вслед за профсоюзами дошла и до ЦК партии. Ленин собственноручно наметил переход на качественно новую ступень закономерного процесса абсолютизации партийно-государственной власти, хотя именно этого, судя по содержанию нападок на Сталина, он и старался всеми силами избежать. Здесь проявилось главное противоречие «Завещания» вождя: пытаюсь поставить заслон диктаторским амбициям Сталина и Троцкого, Ленин вынужден пойти на последовательный шаг по концентрации реальной власти в пределах узкой олигархической коллегии. Вместе с тем, он не мог не помнить по опыту сокрушительной дискуссии о профсоюзах, что и коллегии не застрахованы от внутренних и очень сильных противоречий. Тогда, в 1921 году, партию выручили авторитет и политическое мастерство Ленина, которых в не столь отдаленном будущем уже не будет. В «Завещании» он пытается найти выход в особой селективной работе по подбору идеального состава ЦК, ЦКК и Рабоче-крестьянской инспекции плюс Госплан из «истинных» рабочих от станка с острым классовым чутьем и преданных вдумчивых интеллигентов. То есть в форме ассоциированного механизма ЦК–ЦКК–РКИ Ленин конструирует себе личного заместителя, своего рода эрзац-Ленина с обер-контролерскими полномочиями над высшими органами власти, вплоть до присутствия его представителей на секретных заседаниях Политбюро и проверки его бумаг².

В этом пункте ленинских предложений, вызвавших единодушный протест членов Политбюро, рельефно выступил тупик, бессилие мысли политического гения разорвать заколдованный круг из необходимости сделать власть более сплоченной и вместе с тем устранить ее авторитарный, камерный характер. План ликвидации властного Цека с целью усилить Политбюро, чтобы в свою очередь поставить его под контроль «сплоченной группы» из митингового ЦК–ЦКК по своему содержанию вышел очень похожим на известную русскую на-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

² Там же. С. 387.

родную присказку про царя, у которого, как известно, был двор, на дворе имелся кол, на колу — мочало, начинай сначала...

Совершенно правильно, что этот явно фантазмагорический план очень встревожил Политбюро, и в результате ленинская статья о реорганизации Рабкрина (предложение XII съезду партии) после драматических переживаний среди олигархов была опубликована в «Правде», но с отредактированным абзацем, касающимся контроля над Политбюро рабочими «от станка»¹. Кроме этого, в связи с публикациями последних работ Ленина секретарям губкомов и парткомов из ЦК полетело секретное письмо с уведомлением о болезненном состоянии вождя и о том, что в статьях не отражено мнение всего Политбюро².

Образно говоря, именно это объективное противоречие, выразительно определившееся в последних набросках Ленина, и явилось окончательным препятствием, о которое разбился угасающий интеллект гения и померк его разум. Конкретно все вылилось в известный инцидент с разговором Сталина и Крупской и последнее бессильное письмо Ленина генсеку с угрозой полного разрыва отношений.

После Октября Ленин упустил (прозевал) Свердлова, полностью доверив ему ЦК и ВЦИК, затем Ленин ошибся в лояльности Крестинского, наконец, он «просчитался» в Сталине, полагая его послушным исполнителем своей воли. То, что у вождя хронически не складывались отношения с руководителями аппарата Цека, указывает на объективную тенденцию. Дело не в «ошибках» Ленина и личных качествах генеральных секретарей ЦК РКП(б), а в «необъятной власти» главы партаппарата, которая неизбежно приходила в противоречие с авторитетом вождя. Партийный трон не был приспособлен под двух вождей. Период фактического безвластия в Секретариате между X и XI съездами партии, когда аппарат Цека был отдан в распоряжение второстепенным функционерам, продемонстрировал то, что пост генсека объективно требовал для себя властных и искушенных людей, другим было просто не под силу служить у алтаря партийной власти.

Ленин в 1921–1922 годах намеревался совершить много антигосударственного вопреки исторической логике. Задумывал разогнать партию — остановили, хотел расшатать центральное руководство — оберегли. В 1922 году у него деликатно вынули из рук контроль над партией и заключительный скандал со Сталиным в некотором смыс-

¹ Буранов Ю. «Дело» Макса Истмана // Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 78.

² Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. М., 1997. С. 74.

ле стал персонифицированным выражением общей ситуации. Ленин и Сталин под занавес разошлись с глубоко неприязненным отношением друг к другу. Если верить некоторым интимным источникам, то впоследствии Сталин приватно отзывался о Ленине как о безумном фанатике, авантюристе без угрызений совести, который ничему не мог научить и направлял революцию по ошибочному пути.

Здесь кстати заметить, что присказка про царя имеет не только юмористический смысл, но наполняется конкретным содержанием, если вспомнить, что удивительно схожими обстоятельствами в свое время был отмечен путь становления абсолютной монархии на Руси. Тогда, во второй половине XVII века, институт Боярской думы также переживал процесс «демократизации» и утраты своего значения. Наряду с боярами и окольными там появилось значительное количество думных дворян и дьяков. Если при Михаиле Федоровиче в Думу входило около тридцати членов, то при Петре I Дума насчитывала без малого сто думных чинов. Дума постепенно превратилась в громоздкое учреждение, практически парализованное своей численностью. Именно поэтому Алексей Михайлович создал при ней свое «Политбюро» — государеву комнату, а его сын Федор — Расправную палату, состоявшие из узкого круга лиц, предварительно обсуждавших вопросы, выносимые на заседания Боярской думы.

Третий элемент в царстве рабочих и крестьян

Последнее публичное выступление Ленина — 20 ноября 1922 года на пленуме Моссовета в Большом театре явилось полным символического смысла. По воспоминаниям одного из депутатов, во время доклада Каменева по залу пронесся шепот: «Обещался приехать Ленин». Едва Ленин показался в проходе на сцену, где заседал президиум, в зале раздались оглушительные аплодисменты и крики: «Да здравствует Ильич!» Ленин, едва вступив на сцену, начал делать усилия, чтобы снова скрыться за дверь, но члены президиума его задержали. Невзирая на все жесты Ленина, аплодисменты не прекращались в течение 20–25 минут. Хлопали до самозабвения, до боли в руках. Все хотели быть ближе к вождю и рвались вперед. Сцена и зал поменялись местами. Со сцены были видны четыре этажа нагромодившихся друг на друга тел. Нижние товарищи, придавленные сверху, уже не могли двигать конечностями и только сдавленно хрипели. Когда ликующие крики стихли, Каменев предоставил слово Ленину,

но едва тот произнес: «Товарищи!», — как вновь раздался новый гром аплодисментов, который длился еще полчаса. Иностранные представители в ложах, в плену окружающего неистовства и своей дипломатии, также аплодировали все время¹. Только после почти часового сюрреалистического иступления аудитории Ленин смог начать говорить. Сказалась его нечеловеческая воля. Больной человек такого выдержать не смог бы, это было под силу только человеку из бронзы. Ленин-человек этой толпе уже был не нужен, требовался Ленин-монумент, а человек должен был умереть.

Из глубин революционного общества уже давно восходила аура обожествления вождя. Шли переименования населенных пунктов, портреты вождя появлялись на папиросных коробках и прочих неожиданных местах. Сам Ленин еще в годы войны пытался через Оргбюро внести ясность в стихийный порядок присвоения его имени различным населенным пунктам и коммунаам. Сразу после смерти вождя ЦК и ЦКК давали указания соответствующим учреждениям о прекращении печатания портретов т. Ленина на обложках различных товаров в качестве рекламы.

Крестьянин Фомин из Рязанской губернии считал своим долгом сообщить вождю свое мужицкое мнение по текущему моменту. В апреле 1923 года он направил Ленину письмо. Содержание письма стандартно, любопытно другое. Корреспондент помимо прочего указывает, что «коммунисты служат все церковные молебны и приглашают попов с иконами к себе на дом и за это уболагодворяют их земельными наделами». Выступает против религии и культа, но как! Обращается к вождю: «О, великий Мыслитель, ты и Учитель свободы для трудового, бедного и угнетенного народа по всем отраслям жизни его». Его послание полно перлами народного красноречия о солнце, о свете, о надежде и тому подобных лучах неестественного происхождения. Это даже не монотеизм, а признаки настоящего языческого культа².

Конфуций внушал своим ученикам: ничего не бывает рано, ничего не бывает поздно, все бывает только вовремя. Эпохальные вожди уходят в свое время, потому что они даже не вожди, а воплощенные идеи. Идеи отживают, вместе с ними оканчивает свое земное существование и их материальное олицетворение. Плеханов скончался ровно тогда, когда завершился оппозиционный этап революции, Ленин уходит, когда заканчивается ее идеалистический период.

Приемный сын А.И.Ульяновой-Елизаровой Г.Я.Лозгачев впоследствии делился воспоминаниями об увиденном в Горках в 1923 году.

¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1197. Л. 1.

² Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1436. Л. 12.

Он писал, что не имел представления о том, в каком состоянии находится Ленин, которого строго оберегали от взглядов людей, и когда увидел его, то был поражен. «Это был седой старик с отросшей бородой». Он сидел в кресле-коляске, которую толкал начальник охраны Пакалн. Он не мог говорить и только левой рукой силился показать, куда нужно его везти. В конце 1923-го года наступило улучшение и внешне В.И. стал похож на того Ленина, которого все привыкли видеть. Но только он сидел в кресле с неподвижной правой рукой и по-прежнему не мог говорить, а лишь повторял: «Вот, вот, вот» — вместо всех других слов. Во время встреч казалось, что он смотрит сквозь собеседника куда-то в одному ему видимую даль. И хотя жалоб не слышалось, в глазах виднелась застывшая боль. Однажды в конце декабря «В.И. при мне взглянул на газету и с досадой, почти со злобой отшвырнул ее от себя. Газета была развернута на той полосе, где было напечатано “Дискуссионный листок”»¹.

Тогда среди окружения Ленина в Горках сложилось твердое мнение, что Владимир Ильич к следующему 1924 году будет здоров и весной его можно будет вывезти в Крым. О лечении в Крыму говорили и врачи, для организации отдыха Ленина в Махалатку даже выехал сотрудник охраны². Но этого не случилось.

Надо отдать должное, великий революционер покинул политическую авансцену в свой срок. Он не выдержал соприкосновения с возникшим в ходе революции, обновленным и много более могущественным, нежели отдельная личность, государственным организмом, который жаждал реализации своей абсолютной власти и социального творчества. Здесь революционный идеалист Ленин оказался чужим и ненужным, а Сталин, как совершенно справедливо говорил Троцкий, являлся плоть от плоти нового бюрократического аппарата. Однако здесь, перефразируя известное выражение Ленина, можно сказать, что бюрократизм также мало может быть поставлен Сталину в вину лично, как меньшевизм Троцкому. Все они были сильны и могущественны постольку, поскольку являлись человеческим воплощением неких фундаментальных общественных тенденций и приобретали и утрачивали эту силу и могущество соразмерно возвышению или угасанию последних.

Из противоречивых предсмертных начертаний вождя его преемниками было с благодарностью взято лишь то, что соответствовало захватившей политическое первенство тенденции к упрочению государственного абсолютизма и автократии. Согласно высказанным Лениным пожеланиям, XII съезд партии, проходивший в

¹ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1186. Л. 34, 36.

² Там же. Д. 169. Л. 8.

апреле 1923 года, избрал ЦК из 57 членов и кандидатов, вместо 46, а также расширил состав ЦКК с 7 до 60 членов и кандидатов. Далее, следуя тем же указаниям Ленина, съезд принял решение о создании единой системы контроля ЦКК–РКИ. И это также как нельзя кстати соответствовало интересам партаппарата, погашая в деле контроля относительно самостоятельный советский надзор, который зачастую служил ведомственным противовесом партийной системе и причинял ей неудобства своим посторонним нескромным взглядом.

Напротив, Троцкий, который прекрасно видел расстановку сил в высшем эшелоне, понимал, что с выведением ЦК из схемы реальной власти он остается в Политбюро в полнейшем одиночестве и без ближайшей опоры в лице части дружественно настроенных цеклистов. Поэтому еще при подготовке к XII съезду выяснилось его категорически отрицательное отношение к этой части заветов вождя, касающихся перестройки высших партийных органов¹, что, впрочем, только дало лишний козырь в руки его противников, позднее подкрепивших свои обвинения Троцкого в антиленинизме.

Внимательным современникам революции по ходу развития ее событий все более становилось очевидным, что партия большевиков форсированными темпами превращается во что-то еще невиданное историей, вырастает в некую оцепеняющую взор громаду, качественно отличную от ее незначительного фракционного прошлого, партийных программ 1903 года и святоотеческих основ коммунистической идеологии XIX века. ЦК партии социалистов-революционеров в одном из своих документов в феврале 1920-го года констатировал: «Заканчивается действительное перерождение большевизма из его первоначальной анархо-охлократической фазы в фазу бюрократическую с окончательным оформлением советской аристокра-

¹ Троцкий на пленуме ЦК в начале 1923 года выступил категорически против расширения состава ЦК. Он писал членам Политбюро: «Очень опасаясь, что расширением практически руководящего центра партии до 50 человек, мы рискуем лишиться этот центр необходимой оформленности и устойчивости». Троцкий выдвинул свой план реформы ЦК, в котором предлагал даже сократить ЦК, а для проверки его работы создать новый орган «Совет партии», избираемый на съезде и дающий обязательные для ЦК директивы. (Это предложение фактически сводило на нет значение Политбюро и других узких коллегий Цека, заменяя их собственно оперативным ЦК, избираемым на представительном съезде, а не келейно. — С.П.). Троцкого по основным пунктам плана поддержал Рыков (Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 848). См. также: *Симонов Н.С.* Реформа политического строя: замыслы и реальность (1921–1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 49.

тии и советской бюрократии»¹. Эсеры, в общем, дали верную оценку сути внутренней эволюции большевизма, но тогда было еще далеко преждевременным говорить о том, что этот процесс вступает в свою заключительную стадию. Ему предстоял длительный период трансформации партии в устойчивый и обособленный социальный организм, могущий стать ядром обновленного патерналистского общества. Однако существо дела уже прояснилось вполне, в том числе и для самих большевиков, — партия «стала государством» со всей присущей государству иерархичностью и полиморфностью.

В России государственный радикализм всегда был традиционным средством стабилизации общества. Большевизм не стал здесь исключением, одним из главных результатов революции явилось упрощение, выпрямление социально-экономической структуры, очистка казенного костяка национального хозяйства от наслонившейся веками разного рода паразитической коррозии. Нивелировкой, упрощением общества были созданы необходимые предпосылки для его последующей модернизации, которая, безусловно, по некоторым очень важным критериям современной цивилизации оказалась движением вспять. Возвращение, откат к первоосновам жизни ради сохранения самой жизни, неизбежно связано с решительным отказом как от проявлений явной деградации, так и от результатов пышного увядания отчужденной от народа рафинированной культуры высших слоев общества, между которыми, в сущности, невозможно провести четкую грань.

Бесполезно искать в каждом факте революционной эпохи обязательное рациональное содержание с точки зрения прогресса, морали, простого здравого смысла или какого иного кумира. Каждое явление, в том числе и революция, будучи порождением фундаментальных причин, тотчас же начинает жить и развиваться не только в соответствии с этими причинами, но все более по своим особым имманентным законам, которые в конечном счете могут переходить в противоположность своей основе. Поэтому историческое знание предполагает в первую очередь выяснение причин явления и далее — внутренней логики его развития.

Объективно, новая бюрократия, пришедшая к власти после 1917 года, должна была решить главную, оставленную царизмом проблему — необходимость модернизации и сплочения общества. Однако, по-своему решая эту задачу, она потащила за собой такой шлейф других проблем, характерных для ее жизнедеятельности, что они оказались способными плотно и надолго окутать пеленой существо дела, первопричину.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 139. Л. 27.

Война и революционный кризис в России объективно потребовали от общества проведения жесткой централизации и тем самым поставили его перед необходимостью обновления и укрепления национального государства. Когда слабеющая волна охлократии выплеснула большевиков на берег государственной власти, партия Ленина еще во многом находилась в плену идеологической архаики прошлого века, унаследованной от марксизма. Эта идеология никоим образом не соответствовала их реальной исторической миссии, но заключала в себе три важных элемента, которые позволили партии быстро приспособиться к динамичной революционной обстановке. Во-первых, публичная демагогия большевиков тесно увязывала цели партии с интересами широких трудящихся (и не только трудящихся, но также широких, к примеру, солдатских) масс. Они были социально и культурно близки и духовно понятны массе. Во-вторых, большевики категорически отвергали принцип частной собственности, который являлся главным препятствием на пути общественной централизации. В-третьих, они были готовы идти на любые меры ради захвата и удержания власти и это широко распахивало перед ними арсеналы самых мощных государственных принудительных методов, которые единственно и остались из множества средств самосохранения общества. К концу 1917 года все остальное так или иначе было уже испробовано и исчерпано.

Утилизировав эту рациональную основу большевизма, время начало быстро переделывать его и в остальном, приспособлявая под потребности реальной жизни. К весне 1918 года полностью улетучились иллюзии о рабочем самоуправлении. В 1919 и 1921 годах партия скорректировала свое враждебное отношение к массе мелких крестьянских собственников. Постепенно, втуне, с болезненными стонами, изживались иллюзии всеобщего равенства, государство большевиков сознательно конструировало строгую иерархическую модель общественных отношений — от доли участия во власти до дневного рациона своих сочленов. Партия выправлялась к позитивному государственному поведению, в смысле понимания государства как представителя интересов всего трудящегося населения и равнодействующей всех социально-политических факторов.

Однако новое государство не сразу смогло прийти в себя и самоопределиться и еще долго растерянно озиралось, не понимая причин быстро плодящейся вокруг него тьмы ненавистных чиновников. Знаменательно, что в начале 1921 года, наряду с запросами по главной проблеме экономической политики, аппарат ЦК партии стал регулярно принимать в свое бумажное чрево письма от рядовых коммунистов, продиктованных противоречиями растущей со-

циальной дифференциации. Некий С. Розенблум в апреле 1921-го года характерно обращался в Цека по поводу «вполне назревшего вопроса». В его письме подчеркивалось: «Одним из серьезнейших вопросов в настоящее время, требующих немедленного разрешения Советской власти, надо считать вопрос о “третьем элементе”, каковым является в переживаемую эпоху масса совработников. Все попытки отмахнуться от разрешения этого вопроса, отделаться от него общими фразами, ни к чему не приведут. Вопрос вполне созрел и стоит ребром. Он требует изучения его в полном объеме и ясного определенного ответа... И если будет признано, что “третий элемент” в рабоче-крестьянском государстве сейчас необходим, то необходимо выяснить, какое место он должен занять во всей системе, каковы должны быть взаимоотношения массы совработников с рабочими и крестьянами и каково должно быть отношение к этой массе со стороны Советской власти»¹.

В письме этого советского Сийеса прозвучала вполне теоретическая постановка вопроса и требование к большевистскому руководству о последовательном самоопределении государства и его аппарата. «Чем должно быть третье сословие? Всем?» Но аппарат еще не чувствовал полной уверенности и не был готов к откровенной самоидентификации. Еще не narosли мозоли, и он болезненно ощущал себя в тисках противоречия, изготовленного для него историей: государство должно соответствовать самому себе и вместе с тем отвечать интересам социальных низов, на которые оно опирается. Поэтому характерным признаком нового государства стало его постоянное, доходящее до фарса, самоедство в виде регулярных широковещательных кампаний по чистке собственного бюрократического аппарата, которые неоднократно заканчивались его заметным увеличением. Эту агрессивную массу нельзя было сильно шевелить. Всякий лишний раз колыхаясь от реорганизаций, она все более растекалась по поверхности, проникая в поры и захватывая новые пространства.

Олицетворением парадоксов новой государственной системы стала нелюбовь и даже ненависть ее творца Ленина к воплощенному его партией госаппарату, т.е. в конечном счете к себе самому. Цюрупа в своих воспоминаниях особо отмечал крайнюю неприязнь вождя к аппарату: «В.И. вообще не любил советского аппарата. Он называл его такими эпитетами, которые я не решаюсь здесь повторить»². Что характерно для Ленина в послевоенный период, так это то, что присущая ему в минуты крайнего раздражения палаческая лексика развернулась на

¹ Там же. Оп. 65. Д. 646. Л. 76.

² Там же. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

180 градусов, от контрреволюции в сторону советско-коммунистического полюса. В его письмах и записках пестрят радикальные фразы о «чекистской», о «коммунистической» сволочи, о преступниках-коммунистах, «коих надо вешать» и карать беспощадно¹.

В своей жестокой критике бюрократизма, особенно часто звучавшей в его последние годы, Ленин подошел к самопознанию, т.е. познанию сотворенного им советского Левиафана, ближе, чем когда бы то ни было. Однако «переступить» через самого себя он не смог и остался навеки циркулировать в замкнутом круге, занимаясь тавтологией и намазывая пропагандистское масло на масло идеологическое, повторяя о государстве с «бюрократическим извращением». Оно, это мифическое государство, царившее в сознании вождя, и было бы именно с «извращением», если бы в реальности в нем отсутствовал признак бюрократизма.

Как назидательно демонстрирует история, выдающимся деятелям, героям, вождям дано многое, им дано практически все, кроме одного — кроме победы над самим собой, над своей природой. Они бессильно противостоят самим себе в виде творений своих рук и разума. Отсюда понятна та немогущая ярость, охватившая предсовнаркома, когда в итоге продолжительной массовой кампании по чистке и сокращению аппарата центральных ведомств обнаружилось, что последний ничуть не сократился, а даже увеличился более чем на 10 тысяч человек².

Одна из самых основательных кампаний по сокращению госаппарата, предпринятая сразу после перехода к нэпу в целях сокращения госрасходов, вначале пошла по совершенно незапланированной стезе. Благодаря изобретательности аппарата, вектор его интересов исказил первоизданное благородство линий кремлевского замысла. 19 февраля 1922 года Цека разослал всем губкомам письмо, в котором говорилось, что постановление IX съезда Советов о максимальном сокращении советского аппарата неправильно понято на местах (понято как надо!). Несмотря на телеграмму ЦК и предсовнаркома от 22 мая 1921 года об усилении работы по социальному обеспечению, некоторые руководящие губернские органы не только стремятся к сокращению органов собеса, но и намереваются совершенно их ликвидировать как учреждения, не соответствующие новой экономической политике³.

Впоследствии, регулярные походы бюрократии против самой себя стали почти ритуальными, когда аппарат по доброй воле упо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 397; Т. 45. С. 53.

² Там же. Т. 45. С. 249.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 148. Л. 164.

доблялся гоголевской унтер-офицерской вдове и публично сек себя на утеху социальным низам. Нэп выдывал шесть или семь подобных широко возмещаемых крестовых походов против бюрократизма государственного и хозяйственного аппарата, но особенно сильная волна этой борьбы началась в 1927 году, когда в процессе подсчета внутренних ресурсов индустриализации выяснилось, что львиную долю необходимых капиталов съедает бюрократический аппарат и издержки его хозяйствования. Например, оказалось, что советский торговый аппарат стоит в три раза дороже, чем тот, что Россия имела до 1914 года, при несоизмеримой же эффективности, естественно, не в пользу советского.

Тогда «унтер-офицерская вдова» в очередной раз стала публично срывать с себя одежды. XV конференция ВКП(б) провозгласила крестовый поход против бюрократизма государственного и хозяйственного аппарата. «Правда» от 11 января 1927 года разъясняла, что до сих пор борьба с бюрократизмом велась исключительно по линии борьбы с отдельными фактами проявления бюрократизма, а теперь, «не отказываясь от выявления и устранения отдельных бюрократических извращений», решено совершить «пересмотр всей системы аппарата управления сверху донизу».

И это можно было бы только приветствовать, но абсолютное непонимание природы явления, а точнее сознательный отказ правящей бюрократии от самоидентификации как особого класса в обществе и определения характера самого общества неизбежно вел к тому, что в результате все усугублялось. На VII съезде профсоюзов Орджоникидзе приводил данные о том, что в итоге борьбы за сокращение штатов в союзном аппарате, они увеличились на 49 466 человек.

Объективно общество, последовательно построенное на каких-либо принципах, будет вполне удовлетворять интересам лишь части общества. Той части, которая обычно называется господствующим классом. Задолго до русской революции Бакунин, Бернштейн и другие показали пример провиденциальной критики общественного уклада, построенного на принципах абсолютного централизма, то есть того, что тогда многими мыслилось как воплощение коммунизма. Однако большевикам до поры до подобных теоретических высот не было дела, в их идеологии и практике все заслонял отрицательный заряд по отношению к старому обществу.

Самое трудное для господствующего класса — это признание того, что он не есть целое со всем обществом, а всего лишь его часть, со всеми присущими части особенными социальными интересами, которые могут вступать и вступают в противоречие с интересами дру-

гих слоев общества. Эти противоречия на виду, но господствующий класс стремится объявить их временными, случайным явлением, вызванным внешними обстоятельствами, но никак не коренными внутренними причинами. Большевики соглашались вести разговор не более чем как о бюрократическом извращении государственно-го аппарата. Следовательно, дело шло не об органическом пороке, вытекающем из самой природы аппарата, а о чем-то наносном, имеющем свой источник в независящих от аппарата нездоровых условиях, в которых ему приходится работать.

Сталинская генерация аппарата была уже иной, нежели революционный призыв, и свела на нет даже те небольшие проблески осознания проблемы, которые иногда появлялись у Ленина. Ленин, этот «чиновник № 1», как его на X съезде окрестила «рабочая оппозиция», еще во многом оставался революционным идеалистом и не утратил способности мыслить принципами. В своем «Проекте тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» от 4 января 1922 года он писал, что «условия нэпа неминуемо порождают известную противоположность интересов между рабочей массой и директорами... Поэтому и по отношению к госпредприятиям на профсоюзы безусловно ложится обязанность защиты классовых интересов пролетариата и трудящихся масс против их нанимателей»¹.

Однако идущие ему на смену функционеры уже стали стопроцентными представителями своего класса, двуличными и эгоистичными. Не самый худший из этой генерации, Я.Э.Рудзутак рекомендовал Ленину удалить из проекта эти опасные намеки, «чтобы не получилось, что рабочие и заводоуправление государственного завода являются представителями разных классов, что по существу неверно. Отсюда не могут иметь место классовые противоречия, а лишь недоразумения по вопросам труда на данном предприятии»². «Новый класс» остерегался даже таких слабеньких намеков на противоположность его интересов с рабочей массой и признавал в Ленине лишь только те его откровения, где он говорит о бюрократизме как о продукте внешней среды существования аппарата. Руководящий орган ВКП(б) «Правда» в поисках источников бюрократизма обращалась к тем ленинским строкам, в которых он «неоднократно разъяснял», что «бюрократизм есть результат нашей некультурности, нашей отсталости, отсутствия у широких рабочих и крестьянских масс необходимых для управленческой работы знаний» и т.д.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 343.

² Большевистское руководство. Переписка... С. 234; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 249.

Наркоминдел Г.В. Чичерин, ведомство которого Ленин признавал почти целиком унаследованным от царского режима, возмущаясь, писал: «Втаскивание к нам сырого элемента, в особенности лишенного внешних культурных атрибутов (копание пальцем в носу, харканье и плевание на пол, на дорожные ковры, отсутствие опрятности и т.д.), крайне затрудняет не только до зарезу необходимое политически и экономически развитие новых связей, но даже сохранение существующих, без которых политика невозможна»¹. Для своего изменения внешние дела требуют как минимум взаимности сторон, на которую партнеры большевиков были не готовы. Там в обиходе по-прежнему господствовали фраки и этикет, а главное — традиционные геополитические интересы держав. И это диктовало поведение советской политике. Чичерин отмечал, что в советских западных международных делах очень большая степень преемственности по сравнению с царской Россией, а в восточных еще несравненно большая. С Афганистаном и Китаем — сплошная филиация отношений и т.д.²

Низкий культурный уровень основной массы населения советской страны, безусловно, имел значение в развитии т.н. бюрократизма, то есть безбрежного, практически ничем не ограничиваемого диктата партийно-государственного аппарата. Здесь сказывалась в первую очередь та примитивная, упрощенная социальная структура, образовавшаяся в обществе в результате гражданской войны и эмиграции, отсутствие в советском обществе самостоятельных и развитых классов, которые могли бы сыграть роль укротителя бюрократического произвола. Темная рабоче-крестьянская масса, оставшаяся один на один с государственным аппаратом, могла только питать его наихудшие качества — безбрежное администрирование, бескультурие и бесцеремонность по отношению ко всему обществу. Сопарат только со временем стал избавляться от своей первобытной рабоче-крестьянской замшелости и приобретать вид современной государственной машины. Ключ к пониманию особенностей раннего советского общества и, в частности, уяснению причин отталкивающего варварства сталинского режима 1930-х годов кроется не только в природе бюрократического всевластия, но он еще более глубоко спрятан в толще упрощенной социальной структуры общества, ее примитивизации, произошедшей в результате революции. Грубый отпечаток пролетарской культуры, сознания и идеологии стоит стеной на пути обращения к опыту советского коммунизма, тем более, что интербольшевизм отвергал глубокие исторические и культурные традиции российской цивилизации.

¹ См.: *Беседовский Г.З.* Указ. соч. С. 413.

² Там же. С. 405.

Рассуждать о бюрократии в общем и целом можно лишь до известной степени. Конкретно для СССР 1920–1930-х годов следует подчеркнуть низкий культурный уровень, который передала своей элите примитивная социальная структура, сложившаяся в стране после войн и революции. Как говорится, всем миром. Природная смекалка и аппаратная ловкость наряду с отсутствием настоящей культуры и образования стали характерными чертами советского партийно-государственного руководства. Соответственно складывались стиль и сам образ управления, оставленный советской истории такими деятелями, как Каганович, Молотов, Хрущев, Брежнев и многие, многие другие. Номенклатура начала обтесываться только к Горбачеву и, возможно, само по себе это явилось немаловажным фактором начавшихся перемен.

В России государство, выполняя надклассовую, регулирующую функцию (как в социальном, так и в экономическом отношении), невольно способствовало консервации отживших сословий, охране интересов деградирующих социальных групп. Следствием подобной роли государства являлась пестрота дореволюционного общества, запутанность отношений и нерациональные затраты национальных сил и средств. Но рано или поздно объективно наступает обострение потребности в радикальном обновлении общества, которое может произойти уже только в катастрофическом стиле. Ленин подчеркивал, что чем дольше оттягивается разрешение противоречия, тем более разрушительную форму оно приобретает позднее.

Революция принципиально не изменила экономический уклад России, но сильно гипертрофировала специфику политического строя, так сказать, обнажив его до «костей», и очень сказалась на социальной структуре страны. В целом, упрощение социальной структуры нации явилось мучительным способом оздоровления ее генетической основы и решением приоритетного вопроса о ее самосохранении. Но вместе с тем, это неизбежно повлекло за собой примитивизацию общественной и частной жизни практически во всех проявлениях, сопряженной с одиозным расцветом системы государственного абсолютизма, которая отчасти была вынуждена своим грубым функционализмом компенсировать утраченные необходимые элементы современной культуры.

В революции массы выступили против одряхлевшей и паразитической элиты. Когда политику начинают творить массы, это само по себе является симптомом, свидетельством полного разлада старой системы, уже не способной исполнять свою функциональную и репродуктивную роль. Масса сметает одряхлевшее здание и вновь закладывает очередной цикл общественного строительства. Однако

масса в своей политической активности не знает промежуточных форм, ей свойственны только крайние проявления. Ее программа включает жестокую месть своим бывшим эксплуататорам, старой элите, оказавшейся в беспомощном состоянии и здесь сентиментальности не бывает. В 1917 году охлократия проделала быстрый путь от анархической разнузданности до поддержки государственного радикализма, который постепенно стал прибирать к рукам стихию масс.

Характерно, что российская эмиграция, как и вообще Запад, не понимали органической взаимосвязи массы и власти в советском государстве и, замечая лишь внешние проявления диктаторского произвола над населением, абсолютизировали противоречия между ними. Эмигрантская пресса была полна ожиданиями скорого социального взрыва в стране против «коммунистической деспотии». Отсюда следовали ошибки, разочарования и, порой, расплата с жизнью. Осенью 1927 года на громком процессе пяти монархических террористов, поверивших в эмигрантские иллюзии и перешедших границу с искренним стремлением помочь народу сбросить ненавистное коммунистическое иго, один из подсудимых признался, что на него произвело самое гнетущее впечатление враждебное отношение к нему со стороны крестьян, когда его вели чекисты после ареста. Коммунистическая власть была жестока и требовательна, но она была «своя», а эти оставались «чужими». Совсем чужими, от которых не нужно было ни милостей, ни жертвы. Результат полнейшего отчуждения высших слоев дореволюционного общества от народной массы и источник их изгнания.

В 1924 году из Воронежа сообщали в Москву, что с мая в губернии усилилась рассылка по почте из заграницы по адресам сельхозкооперативов, волсоветов и отдельных лиц монархических воззваний и листовок, навроде «Беседа Великого князя Николая Николаевича с американскими журналистами». Из белградского монархического центра присылается орган русского национально-государственного направления «Старое время», из Нью-Йорка – орган Союза единства Руси «Правое дело». 7 ноября в Калаче и Борисоглебске появились написанные от руки воззвания монархического содержания «К угнетенному крестьянству» за подписью «Штаб обороны Юго-России». В Калаче одно из таких воззваний было зачитано партийцами местному населению, встретившему его общим смехом¹.

«Социалистический вестник» в №1 за 1927 год приводил слова одного приезжего из Советского Союза, который утверждал, что идея демократии дискредитирована в СССР. «Я нигде, кроме узких кругов социализма, не встречал защитников идеи демократии и протестов

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 39. Л. 12.

против политической монополии ВКП(б). Всеобщий протест направлен не против диктатуры, а против ее содержания».

На облик общества накладывает неизгладимый внешний отпечаток природа тех сил, которые призваны историей возглавить преобразование общественных отношений. Несмотря на свою отточенность и крепость булата, приобретенную в годы гражданской войны, советское государство еще долго сохраняло на себе следы грубости и варварства своей охлократической первоосновы. Этому способствовали и война, и террор, и истребление элементов культуры, накопленной старой системой. Новое государство возникло не из воздушной морской пены в лучах нежного рассвета, оно появилось в отблесках зарева пожара из дремучих, черноземных слоев народной массы и еще долго пыталось безвкусно украшать себя блестками народной простоты и утопической идеологии. Сложился некий цивилизационный феномен, в котором гармонично переплелись абсолютизация политической системы и массовизация (квазидемократия) общественной жизни.

Развитие государственного регулирования в обществе неизбежно приводило и к развитию бюрократизма, и тут уже ничего не могли поделать даже лучшие образцы культуры и высшее образование. Зарегламентированность течения советской жизни резко увеличила показатели бюрократизации аппарата управления. Тот же Орджоникидзе в речи на 15-й московской губпартконференции приводил пример, что количество входящих и исходящих бумаг в год в вол- и райисполкомах колеблется от 10 до 30 тысяч. В то время как в царское время в волостном управлении их имелось только 3 тысячи, то теперь такое количество набирает один сельсовет. По этому критерию следовало признать, что бюрократизм в СССР принял размеры вдесятеро большие по сравнению с царской Россией.

Однако важнее было, конечно, качественное отличие бюрократизма советского от бюрократизма царского. При царизме бюрократический аппарат во многом испытывал ограничения со стороны самого самодержавия, а также от других могущественных социальных групп в обществе. Бюрократия была «при» государстве, она была своеобразным общественным классом, чьим характерным признаком являлась добыча жизненных средств путем продажи государству своего труда, затрачиваемого на выполнение различных функций государственного строительства и управления. Советская партийно-государственная бюрократия была избавлена от необходимости заискивать перед капиталом и предлагать себя государству, она стала самовластна. При большевиках она, можно сказать, и стала самим государством, она приучилась смотреть на страну как на собствен-

ную вотчину, доставляющую ей в безраздельное пользование навеки. Поэтому ей с ее культурным багажом не казалось вопиющим и бесстыдным переименование вековых названий городов и улиц своими собственными и другими чужими и непонятными для народа России именами.

Бюрократия всегда и везде жила продуктами производства других классов, с которыми у нее не было органических духовных связей. Но надо отдать должное большевикам, которые упорно пытались смягчить бюрократическое самовластье и сблизить его с рабоче-крестьянской массой. Большевики, обновив государственную бюрократию, заметно, но ненадолго сроднили ее с почвой, однако это же возымело и обратные последствия, ибо тот «чернозем», который притащили на своих сапогах в госаппарат выходцы из низов, подпортил его прежний лоск и цивилизованность. Ленин имел все основания жаловаться на бескультурье и отсталость масс как на причину недостатков советского аппарата. Вначале в советской машине процветали почти что патриархальные нравы. Но постепенно это обращение к «кухаркам» за помощью в государственном управлении утратило свою актуальность. Аппарат начал «приходить в себя», обретать черты устойчивости и преемственности. Коммунистическая партийная структура стала выполнять те социальные функции, которые ранее выполняло дворянство и монархия в государстве, проводила отбор, воспитание и продвижение кадров вверх по служебной лестнице, обеспечивала преемственность государственной системы, служила гарантией ее стабильности. В этом никогда бы не признались конструкторы советской системы, но это было то шило, которое невозможно утаить. В 1923 году в Воронежской губернии по Новохоперскому уезду циркулировали слухи, что после 25-летнего юбилея РКП(б) все коммунисты со стажем до 1917 года станут дворянами¹.

По мере укрепления и совершенствования советского госаппарата его собственно «советский» низовой элемент постепенно отходил в тень. Конституция РСФСР от 11 мая 1925 года санкционировала то, что уже свершилось в действительности. Она лишила Советы прав высшей местной власти и наделила таковой их исполнительные комитеты, которые уже полностью встроились в вертикаль государственной власти.

Наряду с этим происходила профессионализация аппарата. По данным на 1922 год получалось, что в составе волостных исполкомов было всего 3,9% профессиональных «служащих», т.е. тех, кто был чиновником и до революции. Остальные являлись выходцами из ра-

¹ Там же. Д. 36. Л. 133.

боче-крестьянской массы. В 1923 году «служащих» было уже 7,7%; в 1924/25 — 12,4%; в 1925/26 — 16,1%. Среди председателей волисполкомов в 1924/25 году застаем 38,4% профессиональных чиновников, а в 1925/26 — уже 43,4%¹. Те же самые тенденции профессионализации аппарата наблюдались и на губернском уровне. В 1924/25 году в губисполкомах было 14,7% старых и 75,1% новых чиновников².

Еще в 1919 году Г.Бокий сообщал из Симбирска, что здесь из 3 000 зарегистрированных буржуев уже 2 500 устроилось на работу в советском аппарате³. Постепенно в плане борьбы с бюрократизмом и прочими злоупотреблениями аппарата сложился порядок, при котором от беспартийного, поступающего на службу в совучреждение, требовались две рекомендации от партийных товарищей. Этот порядок отнюдь не гарантировал совучреждениям добросовестные и преданные кадры. С одной стороны, рекомендации зачастую давались безответственно, в порядке кумовства, по дружбе и на ответственные должности проникали все, от «чуждых элементов» до простых разгильдяев. С другой стороны, он был удобен и для руководства, поскольку перекладывал возможную ответственность за кадры на рекомендателей. По этим соображениям, а также ввиду явного вреда такого неравенства в курсе сближения партии с беспартийными массами, Цека сочло установившийся порядок неправильным и, невзирая на возражения ГПУ, он был упразднен специальным циркуляром ЦКК летом 1925 года⁴.

Процесс профессионализации госаппарата был только на благо обществу и самому аппарату, поскольку, несомненно, способствовал развитию навыков и культурного уровня бюрократии. Ибо выдвиженцы из низов к коренным порокам аппарата прибавляли еще и свои специфические качества. Выдвиженцы из низов безграмотны, сокрушались «Известия», кроме того «выдвиженчество не спасает, выдвиженцы быстро превращаются в заурядных чиновников»⁵.

Новая партийно-государственная бюрократия чувствовала себя полноправной восприемницей старой верхушки общества и усваивала общие для высших слоев стандарты культуры и поведения. Иначе чем объяснить тот многозначительный факт, что в Москве 1926-го на идущую постановку «белогвардейской» пьесы Булгакова «Дни Турбиных» были неизменные аншлаги. Причем во время спектак-

¹ См.: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. М., 1926.

² Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппараты. К XVI съезду ВКП(б). М., 1930.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 65. Л. 17 об.

⁴ Там же. Оп. 68. Д. 30. Л. 9, 82.

⁵ Известия. 1927. 6 янв.

ля в зале трепетало полное сочувствие публики белому офицерству и это при том, что театральные залы были заполнены новой революционной аристократией, «комиссарской» публикой, совбурами¹. Бюрократии, как видно, уже надоело постоянно и упорно навязываемое ей родство с рабоче-крестьянской массой, она вождедела изящества и высших образцов в своей жизни.

¹ Новое время. 1927. 19 янв.

НОМЕНКЛАТУРА

Партия и ее аппарат

Феномен партии и партийного аппарата большевиков нужно выделить из общей постановки вопроса о советской бюрократии. Между собственно партийной и ведомственной бюрократией СССР имела существенная разница, примерно такая же, как в эпоху Империи между служилым и поместным дворянством. Четкой границы не было, но различие носило принципиальный характер, и это противоречие в среде советской элиты легло в основу многих политических коллизий периода советского коммунизма. Ведомственная бюрократия имеет в своем непосредственном управлении материальные объекты и латентное стремление к их приватизации. У бюрократии партийной ничего такого не было, объектом ее управления являлась государственная машина в целом и в том числе сама бюрократия.

Партия являлась стопроцентным порождением российской действительности и воплощением требований времени начала XX века. Ленинская партия — это «совокупный Бонапарт» русской революции, выражение ее активного, созидательного начала. Опытный функционер Ленин строил свою партию по принципу личного подбора, как группу сплоченных профессиональных революционеров, предназначенную стать его опорой в борьбе за лидерство в революционном мире. После Октября ее изначальные качества дали уникальную возможность для ленинского руководства образовать в бушующем океане революционной анархии небольшой, но надежный островок централизованной власти, который год от года рос, покоряя анархию и захватывая свою шестую часть суши. Ожесточенная борьба за власть превратила партию в «объединение работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственно-го объединения, более сознательного... сплоченного, выдержанного авангарда», — так открыто провозглашал сам Ленин¹.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 17.

Вот такое объединение, не знающее над собой никакой власти, кроме власти узкой руководящей верхушки, стало основой государственной системы советского общества. Помимо всех своих многообразных обязанностей, партия выполняла две важнейшие функции, на которых и строилась ее политическая гегемония в обществе. Во-первых, как еще раз следует подчеркнуть, партийный союз трансформировался в особый социальный организм, подобный российскому дворянству вкупе с институтом монархии, который обеспечивал кадровый подбор, преемственность и стабильность государственной власти. Институт наследственной монархии и дворянского сословия нашел свое продолжение в постоянно воспроизводящем себя партийном устройстве, которое было призвано удалять элементы случайности и временщичества из государственного порядка. Во-вторых, руководящие органы партии приняли на себя непосредственное управление обществом, имея для оказания отличное прикрытие в виде системы советских учреждений. Это давало партийному руководству огромные мобилизационные возможности по отношению к обществу с примитивизированной социальной структурой. Бухарин по этому поводу на X съезде пропел гимн партаппарату: «Именно в том, что наша партия могла при разворотах истории в 24 часа повернуть руль всей партийной политики и своих организационных форм и методов работы, и заключается глубочайшее достоинство нашей партийной организации, заключается то, что наша партийная организация, если сравнить ее с партийным аппаратом других стран, обладает колоссальным умением приспосабливаться к историческим ситуациям»¹.

Вначале то, что потом станет штабом политической системы советского коммунизма, являло собой более чем скромное зрелище. В 1918 году после переезда в Москву Секретариат ЦК ютился в одной квартире в доме на углу Воздвиженки и Моховой. Первоначально в его аппарате работало всего пять человек. Но заботы аппарата росли, соответственно стали увеличиваться и штат и площадь обитания; вскоре, проломив капитальную стенку, к Секретариату прирезали еще одну квартиру. Оргбюро некоторое время по традиции собиралось на квартире Свердлова, но Ленин никогда не заходил на огонек в это святилище партийной номенклатуры. Исключительно редко появлялся в здании Секретариата ЦК. Связь предсовнаркома с аппаратчиками Цека ограничивалась главным образом разговорами по телефону.

В гражданскую войну работников Цека заряжала нервирующая обстановка всего Секретариата. В условиях мирного времени обста-

¹ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 219.

новка меняется буквально и фигурально. В 1920 году Секретариат переехал по соседству со старой квартирой в новое хорошее здание на Воздвиженке, дом 5. Аппарат ЦК освободил себя от хозяйственных забот, возложив таковые по части жилья своим работникам, ремонта, транспорта и проч. на хозотдел ВЦИК. Уже во время от ветсекретарства Молотова в кабинетах на Воздвиженке началось некоторая перестройка стиля работы в благотворном бюрократическом направлении, а после прихода Сталина и его людей аппарат ЦК вообще чудесно преобразился. Как будто бы сама весна оплодотворила и одухотворила свежие побег циркулярной и директивной целлюлозы. В ЦК закипела, забурилась аппаратная жизнь, расцвела информационно-инструкторская деятельность: циркуляры, совещания, разъезды — «курьеры, курьеры, десять тысяч одних курьеров». В ЦК с 1 мая 1922 по 15 января 1923 года, менее чем за год, было получено 13 674 протокола, 1 737 отчета, 324 сводки и 6 337 единиц разного другого информационного материала. Со своей стороны ЦК почтил места 141 циркуляром орг-партийного и иного важного направления¹.

До прихода Сталина работа и делопроизводство отделов Секретариата находились еще только в состоянии налаживания профессиональной работы, полном случайностей и дилетантизма. Ревизионная комиссия ЦК подчеркивала несистематичность и неаккуратность ведения дел в аппарате ЦК. Дело находилось еще в таком виде, что недалеко ушло от памятной записной книжки Свердлова и от того периода работы, когда все определялось только личными знакомствами и отношениями². За свою приверженность к учету и систематизации, проявившуюся в работе аппарата, Сталин за глаза получил прозвище «товарищ Картотеков». Все для удобства и полноты учета архивировалось в скупые точные определения и заносилось на карточки. Увлечение картотеками началось еще при Молотове. Заводились показательные карточки не только на отдельных функционеров, но и на парткомы и целые губорганизации РКП(б). Основная статистика, характеристика работы губкомов умещалась на карточках — это были те же сводки, но в сокращенном виде³. Стил работы Молотова точно соответствовал его внешнему облику: «Неуклюжий, медлительный мужчина, лет сорока, преисполненный сознания своего значения и власти». Трудолюбив и усидчив, его в партийных кругах прозвали «каменным задом»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 114. Л. 14.

² Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 65.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 114.

⁴ Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 294.

В 1922 году произошло удачное слияние душ Сталина и Молотова. Молотов внес бюрократическую дотошность, Сталин придал ей политический масштаб. Этому способствовало счастливое совпадение приверженности к аппаратной, подкованной тайне у Молотова и закрытости методов работы Сталина. В молотовские времена в 1921–1922 году под грифом «секретно» или «совсекретно» зачастую исходили циркуляры, в общем-то, никакой секретности не представлявшие. При Крестинском подобное запросто публиковалось в «Правде» или «Известиях ЦК РКП(б)». У Сталина также имелся пункт — всячески засекречивать работу подведомственных ему органов. Он еще до своего секретарства, неоднократно, выступал инициатором постановлений Политбюро и Оргбюро, направленных против утечки сведений с заседаний высших партийных органов.

С начала 1922 года была введена практика обязательных закрытых писем секретарей губкомов и выше. Вначале это были ежемесячные корреспонденции в Цека в размере 2-х страниц¹, на основе которых составлялись информационные сводки для руководства о положении в стране и партийной жизни на местах. Но их ежемесячный ритм быстро стал утомлять и усыплять высокопоставленных читателей своей однотонностью. Поэтому в октябре 1922 года регулярность обзоров ЦК была изменена с ежемесячной на двухмесячную, с полугодовой на годовую.

Доклады ответсекретарей губкомов в ЦК быстро обрели формальный бесконфликтный характер, без упора на реальные противоречия и проблемы, выражали тенденцию к парадной отчетности. Как источник такие доклады были изначально неполноценны. Чем стандартнее и обширнее становилась информация, поступающая в Оргинструкторский отдел, тем менее в ней содержалось характерного и неординарного материала. Сводки, обзоры, отчеты — как вода отшлифовывает неровные края всякой породы, так поток ординарной информации делал «округленными» доклады губкомов². Реальная информация и ответ на нее находили уже особые доверенные каналы. Несмотря на то, что закрытые доклады быстро утратили свое первоначальное значение, на Секретариате регулярно возбуждался вопрос о непредставлении секретарями губкомов закрытых писем.

XII съезд РКП(б) — первый съезд господствующей партии без присутствия Ленина явился неким рубежом во внутренней жизни аппарата. По сравнению с прошлым годом недостатки в работе аппарата ЦК в значительной степени были устранены. Была изжита

¹ Циркуляры от 18.01.1922 г. и 3.04.1922 г.

² Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1996. С. 267.

кустарщина, везде воцарился план, стала видна систематичность и четкость в делах¹. Правда, еще беспокоила большая текучесть кадров. Для рядовых служащих нервная работа в партаппарате пока имела ценность только в качестве трамплина на более видное и сытное место, на учебу в хорошем вузе. Потом сам аппарат Цека уже превратился в важный центр кадровой подготовки, где рядовые и ответственные работники приобретали навыки, усваивали нужные установки и рассылались на места в качестве комиссаров Центра.

Закончилось отрочество и юность, наступило время зрелости. Силою решений съезда в отделах Цека раскалилась канцелярская пружина. Так, в проекте плана работ Орготдела ЦК на текущий год имелось более 100 пунктов и почти все к увеличению бумаг, которые никто не читает, и которые существуют вне поля реальной информации². Но этот каскад требуемых бумаг служил как некий волновой поток из новейших охранных систем, непрерывность которого свидетельствует, что на подконтрольной территории все в порядке. Сигнал тревоги в таких системах включается, если поток прерван.

До образования специального Информотдела ЦК Секретариатом в сентябре 1923 года был установлен следующий порядок разработки в аппарате закрытых писем секретарей парткомов: анализ вопросов по партийной линии сосредотачивается в Орготделе, вопросы по хозяйственной и советской линии — в Бюро Секретариата. Бюро и Орготдел взаимно информируют друг друга путем обмена копиями и переписки; письма прорабатываются в недельный срок³.

В апреле 1923 года вновь возник вопрос о помещении для Секретариата ЦК. Особняк на Воздвиженке уже стал тесным для аппарата. Решением Политбюро аппарат Цека, вежливенько попросив Центросоюз, переехал в более просторное здание на Старой площади, дом 4, которая с тех пор и до падения КПСС станет символом партийной власти. В этом факте можно увидеть символический ответ на вопрос, что в нэпе было важнее, госорганы или кооперация, партия или общественные организации. Помещение ЦК утроилось в объеме, количество телефонов удвоилось с 267 до 500, притом, что количество сотрудников даже несколько сократилось. На 15 апреля 1924 года во всех отделах Секретариата насчитывалось 694 сотрудника, т.е. на несколько человек меньше, чем годом раньше⁴.

В 1924 году началась действительно чудовищная формализация работы и беспредельное бумаготворчество. Как муравьи, поползли

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 70, 79.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 186. Л. 124.

³ Там же. Оп. 112. Д. 480. Л. 15.

⁴ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 128.

планы, отчеты, отчеты об отчетах, списки, списки в квадрате, в кубе, отчеты в энной степени и т.п. Например, такое творенье: «Конспект плана работы по изучению и разработке вопроса "нормализация партийной работы"»¹. Далее в плане конспекта следуют тошнотворные пункты «об изучении изучения с целью выявления и недопущения». В том числе именно в целях «недопущения шаблонизации». Шаблон ставит задачу недопущения шаблонизации — какая-то стерилизация своих детей. В этот период аппарат научился уже составлять безразмерные доклады по сообщениям с мест и о проделанной работе, словом, стал половозрелым. Каждый параграф делился на 10 параграфов, затем каждый из них еще на 10 пунктов и т.д. Так по принципу бесконечности получаются отчеты, длиннющие, как хвосты комет, и такие же разреженные по своему содержанию, в которых трудно отыскать ядро смысла.

Например, в подотделе учета практическую работу предписывалось начать со следующих мероприятий: 1. Выяснить, сколько и какие парторганизации работают по плану и без плана. 2. Рассмотреть планы губкомов по существу и дать характеристику содержания плана и его соответствия всем обусловленным требованиям. 3. Изучить по материалам губкома как план проводится в жизнь — результаты, недочеты, наблюдение за проведением плана. 4. Кто проводит план, как и т.п. 5. Распределение функций. 6. Число заседаний и совещаний. 7. Число и характер обсуждаемых вопросов. 8. Подготовить... 9. Собрать... 10. Учесть... 11. Систематизировать... 12. Сопоставить...²

Содержание пунктов неважно, важен глагол, побуждающий к творческому действию. Сколько в русском языке таких воодушевляющих глаголов, родных и заимствованных, на десятки параграфов.

Дореволюционные щедринские столоначальники были бы в восторге от этого потока живой воды бюрократической стихии. Произошло необычайно быстрое возрождение удивительной творческой способности канцелярщины молоть пустоту. Причем в лице новых бюрократов, которые лично не имели никаких биологических и социальных корней из дореволюционного «крапивного семени». Как это все было далеко от партийной работы романтиков и героев дореволюционного подполья. Это было невыносимо для них, естественно, что самого Ленина корбило от такой деятельности.

Механизм аппарата Цека постепенно приобретал бюрократическое совершенство, унифицировались методы его обширной деятельности. Все больше плодилось стереотипных бланков, развивалась их тематика. Теперь секретарям или же их помощникам оставалось

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 186. Л. 105.

² Там же.

лишь что-то внести, немного дополнить готовый текст, радовавший глаз красивым типографским шрифтом, и наложить факсимильную резолюцию. Автоматизм и стандартизация вытесняли человеческую душу из аппаратной работы.

Проблемы у партаппарата были те же, что и у любой другой бюрократической структуры. Сколько ни сокращай — все равно численность растет. Кампания 1922 года по сокращению госаппарата не обошла и аппарат партийный. Аппарат ответил комиссиями, комиссии — протоколами. Так, из протокола комиссии по сокращению штатов Орготдела любой демократически озабоченный член ЦК мог узнать, что из 93 человек сокращено 20 человек с лишним — все беспартийные, техперсонал и т.п.¹ По идее, то есть по протоколу, следовало полагать, что партийный бюджет в этом конкретном случае был сэкономлен приблизительно на 20%. Но другой член ЦК, более близкий к практическим кругам, ознакомившись со справкой о численности аппарата ЦК на конец 1922 года, мог бы сделать вывод, что в итоге кампании по сокращению штатов Орготдел ничуть не пострадал в численности, а даже наоборот, приобрел округлые формы, равно как и все остальные подразделения ЦК. Бюро Секретариата — 100 сотрудников, Организационно-инструкторский отдел — 100, Учетно-распределительный отдел — 120, Агитпропотдел — 150, Женотдел — 25, Статотдел — 40, Финотдел — 35, Управдел — 150, всего — 720 человек².

Важнейший Оргинструкторский отдел был образован в составе Секретариата ЦК РКП(б) в апреле 1919 года на основании решения VIII съезда партии. Структура отдела постоянно менялась. В Положении об Орготделе ЦК за январь 1921 года подчеркивалось, что Организационно-инструкторский отдел, этот важный аппаратный инструмент, является составной частью Секретариата ЦК, через который Секретариат осуществляет широкий спектр задач по партийному руководству на местах: 1) установление связи с местными парторганизациями; 2) наблюдение и проверка; 3) изучение опыта; 4) разработка циркуляров, партийного законодательства...³

Орготдел руководил партаппаратом на местах, но святая святых для всех ищущих места в новой общественной элите был Учраспред ЦК, который формировал различные органы власти по всей стране. На нем лежала наибольшая ответственность за кадры. Орготдел и Учраспред составляли сердцевину аппарата ЦК, в не-

¹ Там же. Д. 101. Л. 1.

² Там же. Оп. 112. Д. 397. Л. 138.

³ Там же. Оп. 11. Д. 102. Л. 25; Ф. 5. Оп. 2. Д. 70.

драх которых и готовились ответственные решения для утверждения Секретариатом ЦК. Все персональные назначения намечались в Учраспреде, но без согласования с другими отделами решаться не могли. Окончательное решение выносилось, как раз на Совещании заотделами ЦК.

Однако в Совещании со временем вскрылись недостатки. Оно оказалось недостаточно оперативным и не вполне бюрократическим институтом. Секретариат был недоволен отсутствием надлежащей исполнительности в работе Совещания. Так, 2 февраля 1923 года Секретариат обязал всех заотделами ЦК рассылать всем секретарям и заведующим отделами ЦК точные проекты всех предложений ко всем вопросам, вносимым ими в повестку дня Совещания заотделами¹. В этом же году созрел замысел замены Совещания более централизованным и согласованным органом. Так возник проект положения об Организационно-распределительном отделе ЦК РКП(б)².

К XIII съезду партии была проведена коренная реорганизация аппарата ЦК, в мае 1924 года Оргинструкторский отдел был слит с Учетно-распределительным отделом в Организационно-распределительный отдел. В то же время для контроля над этим монстром в самостоятельный отдел Секретариата ЦК был преобразован Информационный подотдел. До этого Оргинструкторский отдел выполнял функции некоего оперативного штаба, освобожденного от канцелярского аппарата. Поэтому его работники высказывались против слияния с Учраспредом, справедливо опасаясь, что на них навалится гора черновой работы и они просто превратятся в канцеляристов. Теперь после создания Орграспреда и после XIII съезда эту оперативно-штабную функцию станет выполнять собственно Секретариат ЦК. 7 апреля Оргбюро утвердило заворграспредом Кагановича, завинформотделом Кнорина³.

В 1924 году Орграспред сосредотачивает у себя нити аппаратной работы, однако уровень его самостоятельных решений опускается ниже по сравнению с Совещанием. Важнейшие кадровые вопросы монополизируются Секретариатом. Происходит уточнение функций между Оргбюро, Секретариатом и Орграспредом. Секретариат ЦК, в свое время, возвысившись от вспомогательного органа Оргбюро ЦК до самостоятельного значения, в свою очередь взял меры, чтобы его собственный аппарат — Орграспред не смог повторить этот путь, т.е. не превратил Секретариат в формальный придаток аппаратных решений и интересов.

¹ Там же. Оп. 112. Д. 408. Л. 3.

² Там же. Оп. 11. Д. 190. Л. 154–165.

³ Там же. Оп. 112. Д. 523. Л. 7.

Центральные ведомства (наркоматы и пр.) имели право сносить с местными партийными органами только через Цека партии. Особенное внимание над соблюдением этого порядка уделялось в отношении Москвы и Ленинграда. Но Сталин не был бы верен себе, если бы беспечно доверился даже преданному аппарату. Сталин настолько ограничивает самостоятельность подчиненного ему аппарата, что отделы ЦК (Орготдел, Учраспред, Агитпроп, Женотдел, Статотдел, Бюро Секретариата, Финотдел, Истпарт, Управделами) вынуждены были поставить перед Секретариатом вопрос о разрешении отделам непосредственных сношений с учреждениями РСФСР по рабочим вопросам.

По постановлению Оргбюро от 16 февраля 1923 года была создана комиссия по вопросу об уточнении порядка сношений отделов ЦК с парторганизациями, советскими, профсоюзными и др. организациями. Комиссия, составленная из аппаратных тузов — заведомыми Кагановича, Бубнова, Назаретяна, в заседании от 6 марта определила самостоятельность отделов Цека в отношениях с наркоматами, губкомами, советскими организациями и прочим внешним миром вопросами, имеющими только информационный и подготовительный к решениям ЦК характер. Веско воспрещались самостоятельные отношения запретительного и разрешительного характера, а также вынесение предложений, обязательных к исполнению¹. Тем самым Сталин сфокусировал всю властную, всеохватную мощь партийного аппарата непосредственно в круге коллегии Секретариата Цека.

В следующем году вновь по инициативе Сталина Оргбюро признало неправильным самостоятельное выступление комиссий и отделов ЦК в печати. Комиссиям и отделам строго указано, что их предложения должны публиковаться только как решения ЦК после утверждения Секретариатом, Оргбюро или Политбюро².

В финансовом планировании также восторжествовал сугубый централизм — все деньги на аппарат партии проходили через Цека. Как буквально следует из сметы финкомиссии Цека, личный состав ЦК РКП(б) на январь — апрель 1922 года по штатам составлял 42 700 сотрудников, из которых 50% были ответственными и 50% техническими работниками. Указанная цифра отразила численность разноуровневого партаппарата по всей РСФСР, который, как видно из сметы, за квартал освоил на личные и разные производственные нужды астрономическую сумму в инфляционных совзнаках —

¹ Там же. Оп. 68. Д. 20. Л. 32. Этот протокол есть в приложении к заседанию Секретариата ЦК от 22 марта 1923 года.

² Заседание Оргбюро 4 августа 1924 года // Там же. Оп. 112. Д. 586. Л. 3.

4 758 390 000 000 рублей¹. Это не считая таких мелочей, как золотой фонд для лечения ответственных товарищей за границей и проч.

У одной пишмашинки Финотдела ЦК не оказалось важной буквы «т», поэтому таковую были вынуждены заменять литерой «г» и в результате иногда самый рутинный документ приобретал совершенно контрреволюционный оттенок. Например, в строке протокола бюджетной комиссии Секретариата присутствующие на заседании были не по-партийному и не по-советски означены как «гг. Казацкий, Раскин, Лепа...»². Потом во избежание подозрений и скандала буквы «гг.» были неловко и неубедительно исправлены синим карандашом какого-то аппаратного цензора на буквы «тт.». Всего означенным протоколом «Бюджетная комиссия Секретариата ЦК РКП» утвердила по статьям расходов за последний квартал 1922 года сумму в 4 536 203 000 рублей. Несмотря на свой астрономический хвост, деньги по тем временам небольшие. О скудости материальных средств средоточия власти советской страны живо свидетельствует все в мертвых архивных делах Цека — там, где вечно царствуют машинки с контрреволюционным акцентом, с бледным неровным шрифтом на плохой, разнокалиберной бумаге.

16 ноября 1923 года Секретариат принял предложения бюджетной комиссии ЦК о штатах местных парторганизаций от ячейки до губкома³. Все местные губкомы и обкомы были разбиты на три категории с соответствующими штатами и бюджетом. В первую категорию вошли наиболее значимые в административном или социальном отношении губернии, например, Брянск, Екатеринбург, Одесса, Тверь, Тула. Во вторую, такие, как Архангельск, Астрахань, Владимир, Вологда и т.п. В третьей оказались места с экзотическими свойствами — Актюбинск, Букеевская и Калмыцкая области, Фергана. Вне всяких групп с одной стороны оказались важнейшие ЦК КП(б)У, Москва и Петроград, с другой стороны — полуфеодалы Карачаево-Черкесия, Адыгея, Чечня, Кабарда и Средазбуро ЦК⁴.

В марте 1924 года Финотдел счел возможным допустить некоторую децентрализацию партийного бюджета и внес на Секретариат предложение по упрощению порядка финансирования организаций РКП(б). Главное заключалось в том, что парторганам предоставлялась свобода распоряжения ассигнуемыми средствами без ограничения по отдельным параграфам и статьям сметы. Однако с тем условием, чтобы средства, предназначенные для выполнения директив

¹ Там же. Д. 323. Л. 12.

² Там же. Д. 443. Л. 27.

³ Там же. Д. 487. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 498. Л. 46.

высших парторганов (развитие низового аппарата, оргмероприятия и т.п.) расходовались только на указанные цели¹.

Как когда-то игумен Иосиф Волоцкий в монастырской политике, так и Иосиф Сталин в партии, оба искали выход из кризиса своих организаций в усилении централизма и ужесточении внутреннего режима. После кризиса начала нэпа в партии остро стоял вопрос об укреплении элементарной дисциплины, требовалось наведение порядка, изживание партизанщины в аппарате. Безусловный авторитет Секретариата среди парткомов появился не сразу. В 1921 году в период между Крестинским и Сталиным имели место случаи неповиновения и даже дерзких выходок губкомов в отношении к Цекпартии. Например, по поводу пустячного запроса из Секретариата десяти губкомам по вопросу о снабжении обмундированием перебрасываемых членов партии тульский губком огрызнулся и обвинил ЦК и его учреждения в том, что они тормозят ему работу и занимаются волокитой. Президиум тулгубкома задиристо писал, что он и сам может справиться с этим вопросом и предложил Цекпартии просто утверждать перерасходы смет губкома, которые совершенно неизбежны².

Сталин начал свою деятельность на посту генсека с назначений на ключевые партийные посты. Уже 18 апреля 1922 года на заседании Секретариата был утвержден новый состав Северо-Западного и Уральского областного бюро ЦК РКП(б). С весны 1922 года Сталин через Секретариат активно проводит подбор и расстановку своих людей, политику, которую год спустя, на XII съезде он сформулирует так: «Необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять эти директивы, могущие принять эти директивы как свои родные и умеющие проводить их в жизнь»³. С теми партийными работниками, которые не чувствовали такого родственного умиления к директиве центра, у Сталина разговор был короткий. К примеру, саратовский ответсекретарь Галанин как-то вздумал строитивно, на равных разговаривать с приехавшим на губконференцию Кагановичем, а именно, начал строить возражения в ответ на резонные замечания представителя Цекпартии. В результате через некоторое время Секретариат ЦК уже решал вопрос о новом месте работы бывшего руководителя саратовского губкома.

6 июня 1922 года на места было разослано утвержденное Секретариатом и Оргбюро «Положение об ответственных инструкторах ЦК РКП(б)», по которому инструктора наделялись широкими пра-

¹ Там же. Д. 526. Л. 7.

² Там же. Оп. 11. Д. 127. Л. 149.

³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 63.

вами в отношении низовых выборных партийных органов, а подотчетны они были Орготделу ЦК. Вскоре аналогичная система назначаемых инструкторов была создана и на низших уровнях партийной иерархии, вплоть до уездов. В 1922 году начинается капитальное «перетряхивание» секретарей партийных комитетов. В течение года было заменено большинство секретарей губкомов и укомов, иногда путем прямого назначения, а чаще в форме «рекомендаций» и «переизбрания». Аналогичный процесс шел и ниже, причем не только в рамках собственно партийного аппарата, но охватывая руководящие кадры хозяйственных и прочих ведомств. По подсчетам, сделанным Учраспредом ЦК, из 191 человека «выбранных» секретарей было только 97, а остальные были «рекомендованы» или прямо назначены. Уже за первый год деятельности Сталина на посту генсека Учраспред произвел около 4 750 назначений на ответственные посты¹. С августа 1922-го назначение секретарей стало фактически уставной нормой. В принятом XII партконференцией новом Уставе партии было записано, что отныне секретари губернских и уездных комитетов должны утверждаться в должности вышестоящим органом. Также по новому Уставу параллельно выборным областным комитетам, подотчетным областным конференциям, было узаконено создание областных бюро ЦК, назначаемых и подотчетных только ему.

В сентябре 1922 года по инициативе Сталина Секретариатом принято решение о создании при ЦК комиссии по выдвижению с мест ответственных работников центрального масштаба². 27 сентября Секретариат санкционирует увеличение численности ответственных работников в парторганизациях до 20 000 человек за счет сокращения технического аппарата укомов. Опальный Преображенский возмущался на XII съезде партии, что около 30 процентов всех секретарей губернских комитетов партии «рекомендованы» аппаратом ЦК³. По запросу Секретариата Учраспред составил список работников, бывших секретарями губкомов между X и XII съездами РКП(б), который содержал 89 фамилий. Оказалось, что из этого числа 53 товарища были рекомендованы или из московского ЦК, или из национальных ЦК и областных бюро ЦК. По остальным нужной информации не имелось⁴. Была введена предусмотрительная практика формирования резервного штата подходящих кандидатов на секретарскую должность. 20 июля 1923 года Сталин внес на Секретариат предложение об улучшении состава секретарей губкомов. Имелось в виду то, что

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 374. Л. 4.

² Там же. Д. 370. Л. 2.

³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 146.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 327. Л. 64.

Учраспред ЦК должен взять на заметку не менее 15 видных работников, которых можно было бы в случае необходимости экстренно перевести на работу в качестве секретарей губкомов¹.

За период между XI и XII съездами через Учраспред ЦК прошло 10 351 человек (4 738 ответственных и 5 613 рядовых). С XII по XIII съезд — 6 088 человек (4 569 и 1 519 соответственно). С XIII по XIV съезд — 12 277 человек (9 419 и 2 858 соответственно)². После массовых перемещений местных партийных работников летом 1923 года практически весь партаппарат на местах был под полным контролем Секретариата. Зная антибюрократизма и антиназначенства, под которым ленинская «десятка» и Сталин в том числе проводили свою кампанию против Троцкого в дискуссии о профсоюзах, теперь было отправлено в музей, партийная бюрократия стала главной опорой и инструментом правящей группировки.

Масштабы страны просто предполагали необходимость бюрократических инстанций между Москвой и губерниями. Потребность в координации и руководстве на областном уровне порой восполнялась анархическими инициативами снизу. В 1921 году некоторые крупные губкомы в партработе на транспорте начали присваивать политическо-административные функции на участках дорог, выходящих далеко за пределы своей губернии. Также имелись случаи, когда некоторые комиссары железных дорог и комфракции профсоюза железнодорожников совместно с губкомами тех губерний, где находилось управление дороги, пытались помимо ЦК руководить губкомами, расположенными по линии железной дороги, восстанавливая тем самым подобие прошлых дорполитов времен Троцкого³.

Функцию региональных партийных органов как промежуточного звена между Цека и губкомами были призваны выполнять назначаемые из Москвы областные бюро ЦК РКП(б). Согласно обзору ЦК за 1922 год, областные бюро ЦК (и областные комитеты) партии в первый период своего существования «не пользовались достаточным авторитетом и популярностью» среди местных губернских и областных парторганизаций. Более того, местные губкомы и обкомы «были недовольны облбюро и облкомами». Еще чуть ниже обзор решается сказать правду: «Местные организации относились враждебно к бюро»⁴.

Так, летом 1921 года в Сибири на губернском уровне сложилась оппозиция против существования общесибирских партийных и со-

¹ Там же. Оп. 112. Д. 465. Л. 12.

² Там же. Оп. 68. Д. 58. Л. 38.

³ Там же. Оп. 11. Д. 100. Л. 42.

⁴ Там же. Д. 304. Л. 1.

ветских центров. Лидеры оппозиции везде критиковали сибирские региональные органы как ненужное средостение между местами и всероссийским Центром. Сиббюро парировало тем, что сибирские партийный и советский центры обязательно должны быть назначаемы, поскольку выборность, особенно советского областного органа, разбудит сепаратистские стремления, весьма опасные, вследствие преобладания крестьянства и близости границы¹.

Первоначально бюро ЦК были слабы по своему составу и не имели опыта руководства. Кроме того, статус областных бюро до августовской конференции 1922-го года, принявшей новый Устав партии, еще даже не был определен². С усилением персонального состава наступил перелом в настроении и в работе областных бюро ЦК. На юго-востоке этот перелом наблюдался в июле, а на Урале и в Сибири — с августа 1922 года. Места, ранее стремившиеся заменить назначаемые бюро выборными краевыми органами, стали давать положительные оценки их работе. Как говорится, признание пришло не сразу. Ответ на вопрос, почему оно, хотя и не без труда, но все же пришло, также можно отыскать в обзоре. Автор документа дипломатично поясняет, что было проведено «оздоровление» и «укрепление» местных губернских и областных организаций. Делалось это путем благотворных воспитательных и агитационных мероприятий, но главным образом методом переброски кадров внутри своего района.

После того, как Сталин стал генсеком, областные бюро при поддержке Цека начали кампанию по чистке и перетряске непослушных губкомов. Уралбюро за пять месяцев провело в свои губкомы 81 работника (37 командированных из центра и 44 перемещенных внутри области). Через Югостбюро прошел 161 работник. Такие же назначения прошли по Сибири, Туркестану и Севкавказу³. Новые назначенцы ЦК были исполнительны, а уstraшенные аборигены уже не смели роптать и давали только положительные оценки. Заодно были ликвидированы застарелые местные склоки, сконструированы удовлетворительные руководящие органы⁴. В 1923 году наладилась поточная практика заслушивания секретарей губкомов

¹ Там же. Оп. 112. Д. 195. Л. 55.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Областные органы уже давно пытались заниматься упорядочиванием партийной структуры на местах. Кавбюро ЦК в 1921 году, в отсутствии утвержденного ЦК единого строения уездных комитетов, циркулярно, а также в беседах с приезжающими с мест рекомендовало придерживаться примерно структуры рабочего аппарата, выдвинутой казанской губпартконференцией. (В «Известиях ЦК» за 1920 год № 14 опубликована инструкция о порядке и схеме организации губкомов.) (Там же. Оп. 13. Д. 386. Л. 116.)

на Оргбюро ЦК. Вызовы секретарей стали важным инструментом непосредственного и систематического руководства аппарата Цека делами на местах.

Сама партия унаследовала от периода гражданской войны большое разнообразие форм организации местных партийных комитетов и неупорядоченность их отношений. В конце декабря 1921 года, воспользовавшись приездом партийных руководителей в Москву на X съезд Советов, ЦК РКП(б) собрал импровизированное совещание секретарей облбюро, обкомов и губкомов, которое стало заметным событием во внутрипартийной жизни. Совещание выразило авторитарные настроения в среде партийного генералитета. В необходимости бюрократизации аудитории убеждали будущие светочи партийной оппозиции.

Главный вопрос совещания — укрепление партии и основная организационная парторбота. Доклад по партийному строительству делал завтрашний обличитель термидорианского перерождения партийных верхов П.А.Залуцкий. В ответ на замечания некоторых выступающих, что предлагаемая резолюция как будто намечает создание в партии особых «коллежских ассессоров» и грозит появлением внутри партии чиновничьего аппарата, Залуцкий парировал, что если все приравнивать к коллежским ассессорам, то надо и всю партию распустить. «Нам нужен постоянный и опытный действующий аппарат»¹. Когда известный впоследствии правый уклонист Н.А.Угланов предложил убрать из резолюции слова «энергично бороться с уродливыми извращениями демократизма», дескать, эта фраза ни о чем не говорит, то представитель Украины Мануильский возмутился: это для Питера ни о чем не говорит, а у нас, когда приходится убирать омещанившегося и засидевшегося секретаря, то поднимается крик о демократизме².

По докладу штатной комиссии совещания приблизительно выяснилось, что штаты партаппарата в целом по стране равны 50 000 человек, РКСМ — 27 000 человек. Структура губкомов и укомов чрезвычайно разнообразна, поэтому комиссия совещания постаралась выработать стандартные штаты для губерний и уездов по 3 категориям. Расходы на содержание партийного аппарата в республиканском масштабе выразились в сумме 13 220 000 золотых рублей (кроме расходов на проведение кампаний)³.

Завучраспредом С.И.Сырцов поднял «больной» вопрос о перебросках и распределении работников, которые продолжают носить

¹ Там же. Оп. 112. Д. 50. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 20.

хаотический характер. На учете в ЦК находилось уже три десятка тысяч ответработников, но в перебросках и передвижениях ЦК оперировал с цифрой менее 3 тысяч. Ключ к решению вопроса — индивидуальный подход к каждому работнику. Оказалось, что, по мнению Учраспреда, индивидуальности ответпартработников вполне поддаются 14-разрядной классификации, причем не по должностям, а по практическому опыту и способностям¹. Екатеринославский секретарь Квиринг дельно заметил стратегам из Учраспреда, что выход заключается в упрощении учета работников, но при этом ЦК должен вести работниками центральными и губернскими, а губкомы — губернскими и уездными.

Настроения представителей мест и Москвы по централизации и стратификации партийного строительства оказались единодушными, а практические рекомендации участников совещания легли в основу работы аппарата Цека на ближайшие годы.

Партаппарат и государственные органы

Одним из самых неудобных и раздражающих низовой партийный аппарат приемов централизации и наведения общепартийной дисциплины изначально являлся метод переброски партийных кадров. По поводу перебросок в партийном аппарате всегда слышался глухой ропот, порой приобретающий форму открытых выступлений против Центра. Цека был в курсе, что кадры недовольны и к переброскам относятся как к репрессиям². Но лучше этого метода против местных настроений, косности и злоупотреблений функционеров в арсенале Цека не имелось. Само Оргбюро ЦК как авторитарный и безапелляционный орган создавался в первую очередь именно для эффективного проведения перебросок партийных кадров.

Манипуляция кадрами стала основополагающим способом партийного строительства и главным приемом в реализации принципа партийного централизма на всех уровнях возводимой пирамиды власти. Однако здесь принцип партийного централизма вступал в противоречие с коллективно-групповой формой организации власти на местах. Поэтому одиозные для большинства функционеров переброски являлись как средством для разрешения противоречий на местах, так, нередко, становились их причиной, особенно в начальный период партийно-государственного строительства. В письме

¹ Там же. Л. 10–12.

² Там же. Оп. 11. Д. 61. Л. 7.

Крестинского в симбирский губком в 1919 году по поводу очередной местной склоки отмечалось, что «недоразумения с приезжающими товарищами являются почти общим местом», так как местные организации всегда подозревают у приезжих стремление поглотить и подчинить их, и поэтому в каждом выступлении приезжих товарищей усматривают оппозицию¹.

Переброски работников происходили не только по вопиющим случаям, но быстро превратились в систематическую, планомерную политику партии. Циркулярное письмо всем губкомам в 1920 году разъясняло, что многие работники безвыездно работают на одном месте. Это порождает ограниченность, нетерпимость к критике, личные трения, «кумовство». Цека предлагал губкомам провести учет работников и приступить к планомерной регулярной переброске работников из уезда в уезд². Без перебросок пресловутое кумовство имело тенденцию перерастать в откровенную семейственность со своими специфическими проблемами. Так, в Тамбовской губернии в августе 1922 года комиссия Цека во главе с Калининским разбирает один острый конфликт между секретарем губкома и секретарем горкома. Стандартная ситуация оживлялась тем, что тот и другой находились в близком кровном родстве, а именно, являлись отцом и сыном соответственно.

В июне 1923 года секретарь черниговского губкома партии Кремницкий взялся художественно изложить существующую кадровую проблему в закрытом письме генсеку Сталину и секретарю ЦК КП(б)У Квиригу на примере уездного Новгород-Северского и его парторганизации: «Небольшой чистенький городок, расположенный на высоком берегу Десны, утопает в зелени садов. Капитализм его не коснулся, есть только ремесло, и он дремлет в тишине садов, вспоминая былое. Пригорода и быт располагает к мечтаниям, к дерзаниям лежа на боку, чтобы не переутомлять себя, чтобы не нарушать сладкую послеобеденную дремоту. Здесь хорошо знают русскую литературу и весьма чтят ее корифеев, что внешне отразилось на названиях улиц. Искусству отдают должную дань, что видно из названия театра, носящего имя артиста, начавшего строить здание для театра. Грянул гром революции и разбудил мечтающих и дерзающих. Они вошли в коммунистическую партию и добросовестно взялись за работу, стремясь по возможности безболезненно совершить переход от капитализма к социализму. Надеюсь, что, благодаря естественному закону, старые собственники вымрут, а молодых они сагиитируют, а для большего успеха агитации поженятся

¹ Там же. Оп. 65. Д. 65. Л. 32.

² Там же. Оп. 11. Д. 9. Л. 22.

на их дочерях и, таким образом, дело обойдется без этих ужасных конфискаций. А они сами будут работать, будут носить портфели в учреждения и обратно, а вечером — в театр, прогулка, в доме жена красивая, белая и томная, самовар на столе, благообразный тесть и теща, молодая свояченица для разнообразия — и так можно дожить до глубокой старости.

Так мечтали, но так не было. Есть губкомы, которые устраивают переброски и они начались. Вначале из-за перебросок устраивали склоки, но потом, когда для склоки уже иссякли силы, наступило тупое равнодушие к политике, а на сцену явился инстинкт самосохранения — “только бы нас не трогали”. Нас, это не значит членов партии, а меня, моего тестя, моего шурина и т.д. Но это тоже не вышло. Приехали чужие люди, члены партии, но чужие. И началась революция, пошли реквизиции, конфискации, уплотнения, выселения, аресты. Пришлось бегать, хлопотать, где освободить, где отсрочить, где за собой закрепить дом или мебель. А дома теща ведьма, жена чертом смотрит и плачет, тесть ворчит, шурин готов голову чем-нибудь проломить. Остается пулю в лоб или из партии уходить и браться за другие дела, потому, что пайки с нэпом кончились. В такой атмосфере разлагаются попавшие со стороны слабые члены партии. Вот та картина, которая привела к полосе самоубийств в новгород-северской организации, происшедших в истекшем году. Есть еще один момент осложнений и подкрепивший эти настроения — это некоторая предвзятость новых товарищей, приезжавших для работы в Новгород-Северский, отсутствие индивидуализации в подходе к организации, малая чуткость к настроению отдельного члена партии. В настоящий момент эта атмосфера изживается. Старые новгород-северские работники постепенно перебрасываются губкомом в другие округа»¹.

В 1921 году циркуляр ЦК ко всем партийным организациям разъяснял, что плановые переброски в республиканском масштабе производятся Цека партии каждые 3 месяца. Губкомы также раз в три месяца обязаны присылать в ЦК карточки на кандидатов к перемещению. В кандидаты на перемещение в течение года заносится не менее 20% общего количества ответственных работников. Губком обязан точно указывать причины перемещения, не умалчивая о недостатках работника. На карточки планово перемещаемых «ни в коем случае» не должны заноситься выдвигаемые на повышение. На таких же основаниях производятся переброски внутри губерний и уездов².

¹ Там же. Д. 138. Л. 30–31.

² Там же. Оп. 84. Д. 147. Л. 150.

Переброски превращались в систему, система грозила превратить протоколы ЦК в километровые свитки, а штаты ЦК в армию писцов. Система перебросок нуждалась в строгой иерархии. Порядок переводов и откомандирований, установленный циркулярными письмами ЦК от 17 декабря 1920 и 25 ноября 1921 года, несмотря на дополнительные разъяснения, не привел к должным результатам. В Учраспред ЦК ежедневно продолжало прибывать большое количество рядовых работников, откомандированных губкомами и прочими парторганизациями для перевода, для лечения, учебы. Ежедневно получалось огромное количество невнятных заявок о переводе.

Всероссийское совещание секретарей в декабре 1921 года наметило план изменений в этой области, который был утвержден ЦК. Циркуляр 17 февраля 1922 года вновь предлагал всем областным и губернским парткомам принять к руководству следующее. Рядовые работники перемещаются из губернии в губернию без санкции ЦК, путем согласований между губкомами с доведением до сведения ЦК. Массовые переброски работников предварительно санкционируются ЦК, который осуществляет общий надзор. Ответственные уездного и губернского масштаба должны были перемещаться прежним порядком через Учраспред ЦК, но без личной явки товарищей в Москву, по формальным запросам и рекомендациям губкомов и обкомов. Откомандирование в распоряжение ЦК допускалось только в исключительных случаях.

Бюрократизация перебросок стала необходимым шагом кадровой политики Цека, но бюрократизм вносил в процесс бумажный формализм, обезличивал его. Поэтому для примирения цифровой логики с реальной жизнью, для смягчения объективного противоречия количества с качеством, бюрократическая система требовала дальнейшей детализации и проработки. В очередной инструкции в ноябре 1923 года о формах согласования назначений и перемещений работников местных учреждений местным парторганам было разрешено непосредственно назначать, перемещать и смещать руководителей областных и губернских учреждений НКВД, Наркомзема, ВСНХ, Наркомпроса, Наркомтруда, Наркомздрава, Наркомсобеса и судебных органов (за исключением губпрокуроров), а также назначать кандидатов в кооперативные органы, доводя каждый раз до сведения ЦК. Сами центральные учреждения могли в случае несогласия апеллировать в Цека, но это отнюдь не приостанавливало проведения решения в жизнь. Местные руководители наиболее ответственных ведомств Наркомфина, Наркомпрода, Рабоче-крестьянской инспекции и ГПУ перемещались местными парторганами

только по предварительному согласованию с Цека. Если же в подобном перемещении на местах было заинтересовано само руководство отраслевых ведомств, то все вопросы с партией согласовывались через Учраспред ЦК. Руководители местных учреждений сверхцентрализованных Наркомпути, Наркомпочтеля, военного ведомства, губернские прокуроры, а также начальство централизованных трестов, синдикатов, акционерных обществ и предприятий по особому списку назначались и перемещались центральными ведомствами только по согласованию ими вопроса с Цека. Тот же самый порядок был водворен и в «школах коммунизма» — советских профсоюзах¹.

В какой-то момент в аппарате ЦК (не без помощи оппозиции) поняли, что в стремлении к контролю они перешли грань разумного и посильного для простых смертных, поэтому в начале 1924 года, во время очередной кампании по демократизации партийных порядков, произошло некоторое ослабление централизма в кадровой политике. В циркуляре от 19 января было дано следующее разъяснение. Согласно существующему порядку рядовые работники могут перемещаться из одной губернской организации в другую лишь при согласии обоих губкомов, а ответственные работники, члены партии, лишь с согласия ЦК. Эта мера в свое время была вызвана опасностью ослабления многих организаций, переживших голод и безработицу, а также угрозой массового скопления работников в более благополучных организациях. Ныне же ЦК счел возможным облегчить порядок. Рядовым работникам разрешен переезд с согласия своего укома или райкома. Однако переезд в Петроград, Москву и Крымскую республику, ввиду их перегруженности, разрешался только с предварительного согласия ПК, МК и Крымобкома².

В первые годы Советской власти в компартии заметно проявлялось ее главное внутреннее противоречие — как партии социальных революционеров, стремящейся к активному преобразованию общества на заявленных идеалистических началах, и как нового государственного аппарата, тяготеющего к прагматизму, общественной стабильности и социальной определенности. Оно пронзительно заявляло о себе решительно во всем, начиная от борьбы группировок и заканчивая раздвоением личности вождей, которые являлись физическим воплощением этого противоречия и от того переживали личные драмы.

Став государством, партия все более превращалась в сложный иерархический механизм. Партия была громадна и разнообразна, но

¹ Там же. Оп. 68. Д. 49. Л. 20; Оп. 112. Д. 498. Л. 41.

² Там же. Оп. 11. Д. 148. Л. 125.

внутри себя она вынашивала номенклатурный аппарат, организацию высших кадров государственной власти. Номенклатура, само понятие номенклатуры как сердцевины нового бюрократического класса были окутаны завесой все годы советской коммунистической системы. Существование института номенклатуры не являлось секретом, но говорить об этом не было принято. Официально в партийных документах категория номенклатуры не разрабатывалась и публично не употреблялась. Как толковал ее один из последних коммунистических учебников по партийному строительству, номенклатура — это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т.д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах¹.

Принято вести отчет существования коммунистической номенклатуры с 1923 года, с момента, когда секретарь ЦК Молотов и заведующий Оргинструкторским отделом ЦК Каганович завели толстую книгу, содержащую перечень около трех с половиной тысяч должностей, назначение и перевод которых входило в прямую компетенцию ЦК партии. Это упрощенное представление истории дела. На самом деле процесс оформления номенклатуры в СССР был более сложным и длительным. Папка с номенклатурой, оказавшаяся в руках у сталинского Секретариата, до 1923-го года прошла несколько ступеней своей черновой подготовки.

Судя по ранним протоколам Оргбюро ЦК, когда оно окончательно запуталось во тьме ответственных и менее ответственных работников, постоянно перебрасываемых с места на место, и все чаще оказывалось, что один и тот же ответственный товарищ согласно расписанию Цека должен был разорваться напополам, чтобы одновременно отправиться и на фронт, и на транспорт, и на север, и на юг, то Оргбюро, обеспокоенное за психическое состояние своих руководящих кадров, с одобрением выслушало соображения председателя ВЧК. 31 марта 1920 года на очередном заседании Бюро Дзержинский в целях борьбы с путаницей предложил завести в Секретариате ЦК две книги ответственных работников, одну — по алфавиту фамилий, другую — по губерниям, что тогда и было принято с большим воодушевлением².

Однако этого оказалось недостаточно, система росла в объеме и усложнялась структурно. Вновь к упорядочиванию кадровой работы

¹ Партийное строительство: Учеб. пособие. М., 1981. С. 300.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 14. Л. 183.

Цека вернулся через год, после X съезда РКП(б). В апреле 1921-го года Оргбюро одобрило предложение ВЧК о регистрации всех ответственных советских служащих, «дабы бороться с проникающим жульем»¹. 24 мая Секретариат издал циркуляр, которым предписывалось принять на местах срочные меры по организации и правильной постановке учетного аппарата на местах, в том числе провести перепись ответственных партийных работников в губерниях и уездах по наличию на 1 июля текущего года². К 1922 году Учетно-распределительный отдел ЦК завел карточки на 26 тысяч кадровых партийных функционеров и отдельно на 7 тысяч работников губернского масштаба с целью определения еще более узкого контингента руководящих лиц³. Учраспред уже отказывался рассматривать персональные кандидатуры «малоответственных», а тем более рядовых коммунистов. Партия росла, ее центральный аппарат признал невыполнимой и ненужной задачу постановки на централизованный учет всех членов партии.

Известный циркуляр ЦК 17 февраля 1922 года устанавливал порядок, в соответствии с которым ответработники губернского и уездного масштабов должны были перемещаться Учраспредом ЦК по запросам с мест. Рядовые работники оставались полностью в компетенции губкомов, которые должны были запрашивать санкцию Цека только в случае их массовых перебросок⁴. Но как признавал Каганович, и этот, начатый по новым формам новый учет партработников до XII съезда был еще недостаточным и неполноценным⁵. Во второй половине 1922-го и в 1923-м году последовали очередные шаги по его совершенствованию. Их итогом и стало изобретение единой формы учета руководящих кадров с установлением учетных сеток и прикреплением к ним групп работников соответствующей квалификации и занимаемых должностей. Эта работа главным образом легла на губкомы, обкомы и укомы партии.

Упорядочивание партийного аппарата было только началом, вслед за этим немедленно явилась необходимость в охвате всех ответработников в стране. После войны в советских республиках, даже в самой отдаленной глубинке остро ощущалась потребность в систематизации партийно-государственного устройства и учета активных функционеров. В самых экзотических местах Совреспублики местные парткомы своими силами пытались справиться с государствен-

¹ Государственная безопасность России... С. 457.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 147. Л. 122.

³ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 46–47.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 148. Л. 160.

⁵ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 311.

ной задачей гигантского масштаба. Архивы сохранили любопытные свидетельства стихийного номенклатурного строительства в регионах. Так, в 1921 году семипалатинский губком вперед Москвы разработал и выпустил в свет подробный справочник партийного и советского строительства, прав и обязанностей организаций¹.

Армавирский окружной комитет РКП(б) Кубано-Черноморской области в 1921 году издал циркуляр на ту же тему, причем отсутствие в кассе пишмашинки армавирского парткома буквы «р», которая потерялась где-то в вихре гражданской войны, придал документу прямо-таки провокационный кремлевский выговор: «Сгочно. Всем секгетагям гайонных комитетов Агмовигского отдела. Агмпатком созывает на 24 сего магта совещание секгетагей ячеек Агмотдела почему пгедлагаем секгетагям гайкомов немедленно оповестить об этом все ячейки гайона и обезательной явке секгетагей на конфегенцию. Опыт последнего совещания секгетагей показал непгостительно халатное отношение товагищей к делу пагтийно-советского стгоительства, почему в данном случае вся ответственность за неявку будет возложена на секгетагей гайкомов, почему последним надлежит наблюдать за своевгеменной явкой товагищей». Секгетагь (некто от руки) Зав. огган инстгук. отд. (имя рек)².

Наверное, в архивном океане можно было бы отыскать и другие интересные дефекты речи на тему государственного строительства. Неодушевленный канцелярский инвентарь красноречиво по-своему засвидетельствовал, что военная разруха коснулась аппарата власти в той же мере, что и остальной страны. Требовалось восстановление не только народного хозяйства, но и социально-политического устройства общества с его неизбежным расслоением и иерархией.

Резолюции XI съезда партии по кадрам выдвинули вперед необходимость партиизации круга капитанов производства. Газета «Экономическая жизнь» в номере от 26 ноября 1922 года подняла вопрос о добросовестности руководства госпредприятиями их дореволюционными владельцами. Дело дошло до Цека и в Учраспреде так прокомментировали статью. Процент бывших владельцев в управлении предприятиями не слишком высок. «За истекший год имеется ряд примеров, когда бывшие владельцы, оставшиеся на своих предприятиях в качестве заведующих заводами, директорами, лелеяли надежду на то, что власть переменится и они опять будут хозяевами. Теперь, когда прошло пять лет и их надежды не оправдались, они подают заявления об увольнении, в том числе и потому, что начинают приступать к точному учету их хозяйствования, кладется конец бесконтрольности. Вторая

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 457. Л. 4.

² Там же. Д. 520. Л. 143.

группа бывших владельцев до сих пор питает надежду, что их заводы, где они являются директорами, государство сдаст им в аренду, поэтому ведут дело так, что завод или явно дефицитен, или в лучшем случае не приносит прибыли. Третья группа приступает серьезно заниматься делом, таких немного, но все же есть»¹.

По мнению партийной власти, нелояльные нэпманские кадры нуждались в коммунистической смене. В проекте информационно-инструктивного письма ЦК всем заводам губкомов, обкомов и облбюро ЦК от 26 сентября 1922 года подчеркивалось, что от них теперь требуется не выполнение ударных заданий, а упорная систематическая работа по учету кадров. «Учет — это система, начинающаяся в партийной ячейке и заканчивающаяся в ЦК, требующая однотипности и не допускающая никаких отклонений». «Система эта имеет целью выдвинуть во всероссийском масштабе твердый кадр работников с определенным практическим стажем и достаточной подготовкой по различным отраслям работы, которые, специализируясь и будучи закреплены на определенной работе могли бы сниматься с нее лишь в случае крайней необходимости и только с ведома вышестоящих организаций». Парторганизации на местах не учитывают прошлого опыта работы своих ответственных работников, их практического стажа. Практикуемая местами частая переброска работников, не обладающих высокой квалификацией, может совершенно дезорганизовать единую систему учета ответработников во всероссийском масштабе. Указывалось, что устанавливаемые в настоящее время организационные формы носят переходный характер и окончательно не закреплены. Обращалось особое внимание на циркуляр ЦК о создании кадрового резерва ответработников, не прикрепленных к квалификационным группам и «строго централизованный учет всего резерва ответработников»².

¹ Там же. Д. 394. Л. 19.

² Там же. Оп. 11. Д. 100. Л. 201–205.

Учраспред полагал необходимым ознакомить губкомы с практикуемым им способом наглядного отражения учетных ответработников. Это изобретение являло собой своего рода «хайтек» информационных технологий эпохи пролетарской революции. Насколько возможно представить его по словесному описанию, это сложное сооружение представляло собой следующую конструкцию. На специальных дисках по две колонки — основную и резервную для учета резерва ответработников. Обе колонки разделены на то количество квадратных клеточек, которые в общей сложности дают все группы и подгруппы существующей сетки. Для более наглядного отражения на дисках ответработники подразделяются на 6 категорий:

1) партработники, в которую входят 1 и 2 группы (отмечаются на дисках красным фоном);

В 1922 году Цека уже был в состоянии довольно точно определить свои активные кадры. Эта цифра была невелика. Работников всероссийского и областного масштаба — 320–350 человек, губернского — около 4 000, уездного — 28–29 тысяч. Всего — около 32–33 тысяч¹. XI съезд РКП(б) провозгласил лозунг специализации коммунистов на определенной работе. Однако в аппарате очень быстро

2) совработники, в которую входят 2, 4 и 5 группы (отмечаются розовым фоном);

3) работники военно-карательных учреждений, в которую входят 12, 13, 14 группы (отмечены белым фоном);

4) профработники и хозяйственники, в которую входят 7, 8 и 9 группы (отмечены желтым фоном);

5) продовольственники входят в 10 группу (отмечаются лиловым цветом);

6) работники земорганов — 11 группа (отмечены зеленым фоном).

На каждого ответработника заполняется «значок» с анкетными сведениями: стаж, работа, год рождения, образование, языки, другие партии, семейное положение (всего таких пунктов от «а» до «н»). Верхняя часть условного значка — цветная, причем цветов имеется столько, сколько фонов на диске. Этот цвет служит для обозначения группы прикрепления и таким образом, сочетание этих цветов дает наглядное представление о неправильном использовании работника (например, товарищ прикреплен к группе 7, а работает он как загубюст, т.е. по группе 13).

При заполнении условного значка, товарищу подбирается значок с желтой половиной, но помещается он по группе работы, т.е. на белом фоне. Таким образом, достаточно бегло взглянуть на диск (который в Учраспреде объединял 8 губкомов) и можно быстро ориентироваться и подбирать необходимых работников, неправильно использованных, находящихся в резерве, имеющих достаточный партстаж и проч.

На означенном условном значке особое цветовое обозначение имеет партийный стаж и пребывания в других партиях. Середина условного значка разделена на 2 части — левая половина условно обозначает партстаж, а правая — пребывание в других партиях. Левая половина: одна красная клеточка — коммунисты, вступившие в партию в 20 году и позже, две клетки — с октября 1917 по 1920 год, три клетки — с марта по октябрь 1917, четыре — подпольщики. Правая половина: красный цвет — не состоявшие в других партиях, желтые — бывшие эсеры, зеленый — бывшие меньшевики, оранжевый — анархисты, синий — состоявшие в прочих партиях.

Для обозначения порядка прикрепления и масштаба работника служит специальная «система хвостиков», прикрепляемых к основным значкам, дающая возможность наглядно изобразить всероссийский (масштаб работника), областной, уездный, местный, а также не вполне выясненную степень пригодности. «Не рекомендуя вышеуказанной системы, технически сложной, губкомам, учитывающих не особенно большое количество ответработников, тем не менее, указываем на желательность практикования картограмм с наглядным отражением прикрепленных работников и резервов».

¹ Там же. Оп. 68. Д. 58. Л. 223.

поняли, что специализация вовсе не исключает возможность и необходимость перемещения работников. Государственные интересы прямо диктовали действия, противоположные узковедомственным интересам того или иного учреждения.

В свое время казалось забавной глупостью, нелепостью советской системы, когда ответработников перебрасывали с одного руководящего места на другое, порой совершенно неожиданное. Во времена общественной фронды государственному абсолютизму стали популярны поверхностные суждения относительно номенклатурных перемещений. Маститые литераторы иронизировали по поводу перебросок ответтоварищей с руководства театром на заведывание баней.

Принцип партийной номенклатуры отрицал ведомственность и опирался на принцип двойного подчинения коммуниста, который обеспечивал возможность перемещения кадров по горизонтали. Горизонтальные перемещения управленческих кадров всегда являлись жизненной потребностью эффективного государственного механизма. Без этого вместо целостного государственного устройства страна имела бы ведомственный хаос, созвездия бань, театров, производств и учреждений со всеми вытекающими последствиями, характерными для неразвитых или упадочных общественных систем. Следует отметить, что в таком ответственном ведомстве, как ВЧК-ГПУ, в первые годы после революции руководители высшего ранга назначались ЦК партии только со стороны, а не из кадров выпестованных в недрах органов, дабы не дать развиться ведомственности и опасному сепаратизму могущественной организации. Двойное подчинение и двойная ответственность представителей новой общественной элиты стали неизбежным и необходимым условием восстановления государственного централизма в советский период. Это был более конкретный и более совершенный институт общественного истэблишмента, по сравнению с дворянским служилым классом и его сословными правилами поведения, привилегиями и табу.

Парткомы на местах давно уже вели борьбу с центральными ведомствами за свои приоритеты и права в кадровой политике. Так, в июле 1922 года петроградский комитет РКП(б) выразил протест против наблюдающихся со стороны Президиума ВСНХ, Наркомфина и Цектрана назначений и отзывать работников без согласования с губкомом¹. Но парткомы далеко не всегда получали поддержку у своего партийного руководства в Москве. Подобное часто случалось во времена военного коммунизма, когда, например, в отношениях местной

¹ Там же. Оп. 112. Д. 340. Л. 2.

власти и Наркомпрода Центральный комитет партии всегда становился более центральным, нежели партийным, и, как правило, поддерживал амбиции и политику базового наркомата против выступлений местных парткомов. Это было характерно для периода войны, когда горизонталь межведомственных согласований и перемещений была поднята на самый высокий столичный уровень в целях максимальной концентрации ресурсов.

Новая экономическая политика дала отставку экономическому сверхцентрализму, который уступил первое место централизму политической организации. Зимой 1922 года имел место примерный случай, который выявил расстановку приоритетов в системе партийных и советских органов власти. Одесский губком в январе издал циркуляр, содержащий непосредственные указания ревтрибуналам и органам юстиции губернии. А именно: им предписывалось не рассматривать дела, возникшие в процессе чистки партии, а направлять таковые прямо в губернскую партийную контрольную комиссию. Указанные ведомства увидели в постановлении губкома ущемление своих прав, и нашли здесь живой отклик и понимание в Цека партии.

Одесский губком получил резкую отповедь со стороны ЦК РКП(б). На заседании Оргбюро 27 февраля было утверждено письмо, разработанное Орготделом, в котором говорилось: «ЦК и ЦКК считают необходимым разъяснить товарищам, что они абсолютно не имеют никаких прав издавать подобные циркуляры. Компетенция их распространяется лишь на членов партии и на парторганизации, по отношению к которым они могут издавать те или другие распоряжения. Советские органы им не подчинены и могут лишь руководствоваться распоряжениями вышестоящих органов Советской власти. А в указанном случае требовалось особо осторожное отношение ввиду того, что дело касалось судебных органов, относительно которых издано специальное письмо ЦК партии от 16 января с.г., где подобное вмешательство категорически воспрещалось. Партийные органы могут воздействовать лишь в партийном порядке и на основании партийной дисциплины, а не путем официальных выступлений рядом с советскими органами с предложениями каких-либо изъятий для коммунистов». ЦК и ЦКК отменили распоряжение одесских товарищей и поставили на вид секретарю губкома и председателю контрольной комиссии «их неосторожный образ действий»¹.

За строгими и правильными строчками этого внушения очевидно стремление Цека оградить свои прерогативы в отношениях с конституционными органами власти даже от своих местных комите-

¹ Там же. Д. 293. Л. 2, 33.

тов. В видах необходимого государственного централизма все партийные указания, касающиеся функций советских, хозяйственных и прочих инстанций, должны были проходить только через ЦК партии и его органы.

В 1922 году закономерным образом участились эпизоды столкновений между губкомами и губпрокурорами. В Цека составилась целый букет из конфликтных дел в Рыбинске, Вологде, Северодвинске, Туле, Владимире, Кубано-Черноморской области, Карачаево-Черкесской АО. Конфликты носили обоюдный характер: где-то прокурор пытался воплотить революционную законность в отношении доверенных лиц губкома, где-то губком покушался на прерогативы блюстителя законности. В Туле произошел случай вообще из ряда вон выходящий — губком водворил и.о. губпрокурора за решетку.

Ленин в мае 1922 года высказался категорически против зависимости губернских прокуроров от местной власти. Несмотря на мнение большинства комфракции ВЦИК, он настоял на принципе подчинения местной прокурорской власти только Центру и сохранения за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все решения местных властей с точки зрения законности¹. В согласии с мнением Ленина «Положение о прокурорском надзоре», утвержденное ВЦИК под давлением Политбюро, отвергло принцип «двойного подчинения» прокуроров на местах, однако на практике это означало только то, что пресловутое «двойное подчинение» переносится на столичный уровень.

23 ноября Секретариат в основном одобрил проект циркуляра, который уже давно и трудно согласовывался в Орготделе ЦК, и который был призван отрегулировать взаимоотношения партийной и судебной власти. Смысл установления сводился к тому, что ЦК замкнул систему на себя. Губкомы были обязаны сообщать в Цека свои предложения по назначению и перемещению прокуроров и их помощников. Губкомам воспрещалось вмешательство в деятельность прокуратуры по раскрытию или пресечению разного рода преступлений, независимо от партийного или служебного положения обвиняемых. В случае разногласий с прокуратурой губкомы получили только право обращаться в ЦК партии². Противоречия губкомов и прокуроров стали в это время наиважнейшими, поскольку в них наиболее отчетливо проявилось объективное системное противоречие между конституционным законодательством и партийным (орденским) регламентом социально-политического устройства советского общества.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 201.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 365. Л. 191; Д. 389. Л. 5, 91; Д. 390. Л. 2, 10.

В период военного коммунизма основная распределительная работа партии заключалась в массовых мобилизациях и перебросках работников в военные и другие ударные органы. Вопрос персонального подбора работников среднего руководящего уровня не был актуальным, да и его решение просто не представлялось возможным. Но период нэпа внес в этом отношении ряд резких перемен. Главные и необходимые работнику военного периода такие качества, как революционность и желание работать, стали явно недостаточны. Усложнение работы потребовало от партийцев знания конкретного дела и вместе с тем способности в погоне за прибылью своего треста не терять видения общегосударственных интересов. Наряду с этим масса соблазнов, порождаемых нэпом, требовали от ответственного работника революционной стойкости и бескорыстия. Отсюда актуальность проблемы персонального подбора руководящих кадров.

В конце 1922 года, в то время, когда Ленин диктовал свои последние статьи с филиппиками против бюрократизма, Сталин практически приступил к развитию былой установки вождя о том, что «партия господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом»¹. Генеральный секретарь развернул стратегическую задачу всеобъемлющего охвата, формирования и воспитания новой управленческой элиты. Перед аппаратом был поставлен вопрос об учете не только партийных, но и всех мало-мальски ответственных беспартийных работников в хозяйственном управлении, и не только в центре, но и на местах. Молотов тогда писал: «Одно лишь прикосновение к делу учета ответственных работников различных учреждений в Москве нам уже показало, что в настоящее время в громадном большинстве учреждений и организаций вместо учета есть только пустое место»².

В начале 1923 года Секретариат сфокусировал внимание на проблеме кадрового учета. Укрепляется система учетных органов на местах, их дело — повсеместное изучение партийного квалификационного состава. Учраспредам в губерниях и уездах вменяется в обязанность взять на учет всех ответственных хозяйственных руководителей, от директоров до техников-специалистов, как членов партии, так и беспартийных, как на государственных предприятиях, так и в частной промышленности³.

ХII съезд РКП(б) поручил новому ЦК «поднять на большую высоту дело Учраспреда, которому надлежало теперь сыграть в порядке распределения сил особо важную роль для обеспечения за партией дейс-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 404.

² Молотов В.М. Вопросы партийной практики. М., 1923. С. 38.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 408. Л. 3, 115, 123.

твительного руководства во всех без исключения областях управления». Была подтверждена задача партийного охвата решительно всех ответработников в стране. Практика работы Цека в 1923 году, вплотную подошедшего не только к назначению основных руководителей центральных учреждений, но и подбору отдельных работников для их аппарата, показала, что необходим точный учет ответработников в аппаратах учреждений. Несмотря на то, что положение о роли партии как регулятора состава госаппарата была более или менее усвоена руководителями ведомств, все равно имелись случаи неприятия работников, направляемых парторганами. Например, посылаемые Цека партии в органы ВСНХ квалифицированные работники-коммунисты, бывало, неделями ходили по учреждениям и обивали пороги приемных и, в результате, не найдя работы, возвращались в Цека.

Заведующий Учраспредом Каганович отмечал в 1923 году, что еще целые отрасли промышленности сосредоточены в руках непроверенных беспартийных, иногда не лучших спецов, а просто «ловких пройдох» (это в первую очередь касалось Наркомвнешторга). В таких учреждениях остро ощущалось отсутствие «достаточного партийного глаза»¹. Все вышесказанное, по мнению Кагановича, определяло необходимость: определения точного перечня должностей госаппарата, назначение и смещение которых производится исключительно постановлением ЦК; изучения кадров ответработников; установления твердого партийного руководства кадрами.

После XII съезда началась подготовка к составлению номенклатурного списка. Всем руководителям центральных учреждений было направлено письмо, в котором сообщалось, что Цека приступает к выработке плана распределения партсил — «общепартийного бюджета на партработников». Для этого Цека нуждается в данных для определения всех руководящих постов советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных учреждений, которые «в интересах обеспечения максимального влияния партии на государственный аппарат должны быть сосредоточены в руках членов партии и тех, которые могут замещаться как лояльными и проверенными беспартийными, так и достаточно проверенными»². Руководителям ведомств следовало не позже 1 сентября представить в Учраспред следующие данные: 1. Перечень (номенклатуру) ответственных должностей наркомата и его местных учреждений вплоть до волостных органов. 2. Общее количество потребных работников. 3. Точные данные о количестве членов партии в наркомате и его местных учреждениях.

¹ Там же. Оп. 68. Д. 49. Л. 28–31.

² Там же. Оп. 11. Д. 198. Л. 189.

20 июля 1923 года Сталин внес на Секретариат вопрос о разработке инструкции по передвижению работников госучреждений. Постановили поручить Куйбышеву совместно с заорготделом и завучраспредом ЦК выработать порядок для отдельных наркоматов о порядке передвижения ответработников. Учраспреду пересмотреть личный состав кадровых отделов наркоматов и доложить Секретариату¹.

После съезда РКП(б) Куйбышев перешел в ЦКК и там началась заметная перестройка по развитию аппарата и расширению его полномочий. Центральная контрольная комиссия становится ударным инструментом сталинской политики. XII съезд в соответствии с указаниями Ленина осуществил слияние ЦКК и РКИ. Идея объединения двух контрольных ведомств — партийного и советского была наполнена глубоким практическим содержанием. Дело в том, что формально, по советским законам партийная Контрольная комиссия не имела прямого отношения к государственным органам. Но в случае ее объединения с советским контрольным наркоматом выводы объединенной комиссии ЦКК–РКИ приобретали юридическую силу для государственных органов. Разумеется, главную роль в этом тандеме играла партийная комиссия. Работа строилась таким образом, что ЦКК–РКИ обследует и «рекомендует» государственным органам, а они в свою очередь проводят свои предложения через Учраспред ЦК. Тем самым ликвидируется видимость прямого диктата Цека партии по кадровым вопросам в непартийных, государственных структурах и торжествует конституционное целомудрие.

Например, 22 августа 1923 года на заседании объединенной комиссии ЦКК–РКИ по пересмотру личного состава госорганов слушался вопрос о Нефтесиндикате. Комиссия констатировала полное отсутствие необходимого количества членов РКП(б) на ответственной работе в аппарате синдиката. Синдикат целиком находится в руках бывших администраторов нефтяных обществ «Нобель», «Мазут» и др., которые тесно связаны с зарубежными капиталистическими обществами и лицами. Вся деятельность аппарата синдиката «скорее может рассматриваться как источник дохода тех или других групп или лиц, фактически владеющим этим аппаратом»².

24 августа на Секретариате всем наркоматам было предложено немедленно снять с работы по кадровому учету беспартийных специалистов. В качестве руководителей учетных аппаратов важнейших ведомств (в т.ч. военного) были утверждены доверенные лица ЦК³. В то время кадрами спонтанно заинтересовались многие орга-

¹ Там же. Оп. 112. Д. 465. Л. 12.

² Там же. Д. 479. Л. 53.

³ Там же. Д. 474. Л. 7.

ны власти. Имелась отдельная комиссия ЦКК по рассмотрению персонального состава гос- и хозучреждений. Потом была образована аналогичная объединенная комиссия ЦКК-РКИ. Одновременно вопросами кадров госучреждений занимался Наркомтруд. Позже в учет ответственных пытался вмешаться Орготдел ВЦИК¹. Образовался многократный параллелизм в кадровой работе, который лишний раз свидетельствовал о том, что вопрос объективно назрел. Однако Цека не собирался поступаться своей самой важной монополией. Зиновьев, который тогда еще был сторонником партийного централизма и союзником Сталина, категорически осудил предложения, поступавшие от децистов, чтобы советский аппарат по стране подбирался в аппарате ЦИК, а не в ЦК РКП(б) и призвал решительным образом бороться против ведомственного раздирания партии². 10 сентября Оргбюро подтвердило, что все назначения на руководящие должности в гос и хозучреждениях должно проводить нормальным порядком через Учраспред ЦК, внося их по согласованию с соответствующими органами на утверждение Секретариата и Оргбюро³.

Наконец в ноябре 1923-го начался цикл непрерывных заседаний по утверждению итогов работы аппарата ЦК в области номенклатурного строительства. В знаменательный день 12 ноября по докладу Молотова в Оргбюро за основу были приняты предложения и другие документы, выработанные в комиссии по вопросу об учете и распределении работников государственных и хозяйственных органов в центре и на местах. Партийно-государственная элита была удостоена записи в советском издании «Бархатной книги» коммунистической знати — известном номенклатурном списке ЦК партии. Полное его название звучало как «Список должностей центральных учреж-

¹ История дела такова. В Президиум ЦКК поступили заявления от Дзержинского, Свидерского, Пятакова, Склянского, Андреева, Фрумкина, Кальмановича, Рыкова и других об учете ответственных работников, начатом Орготделом ВЦИК. Президиум ЦКК 10 октября постановил войти в ЦК партии с предложением отменить проводимый ВЦИКом учет и вести учет ответственных беспартийных работников путем запроса у соответствующих учреждений. Считать необходимым централизовать учет партийных работников только в партийных органах, а беспартийных — в Орготделе ВЦИКа. (Там же. Д. 487. Л. 7, 120.) Но это компромиссное предложение ЦКК носило устаревший характер. ЦК РКП(б) вел дело к устранению беспартийной безответственности ответственных лиц в принципе. И всякий иной учет, кроме учета Цека, в кадровой политике становился пятым колесом в телеге государственной власти.

² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 228.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 479. Л. 5.

дений и их местных органов, по которым назначения и смещения работников производятся постановлением ЦК». Так простое на вид канцелярское мероприятие по упорядочиванию кадровой работы легло в основу грандиозного процесса по формированию нового правящего класса в СССР — коммунистической номенклатуры.

В развитие принципа номенклатуры Секретариат рассмотрел и принял ряд разъясняющих документов, тезисов и постановлений, по вопросу об учете и распределении работников государственных и хозяйственных органов. Идеологическая преамбула к постановлению ссылалась на усложнение задач подбора ответработников в условиях нэпа, бюрократизацию, нэповское окружение, проблемы смычки с крестьянством. Говорилось, что нередко в ведомствах происходит затирание коммунистов и, вместе с тем, имеются факты отрыва работников от партии, разложение под влиянием нэпа. В силу изложенного постановление гласило: «Назначение и перемещение руководящего состава ответработников государственных и хозяйственных органов производится с утверждения ЦК, а на местах — соответствующих партийных комитетов и проводится через коллегию соответствующего наркомата или через исполком». Установить твердый перечень должностей, обязательно утверждаемый ЦК, и перечень должностей при назначении с уведомлением Учраспреда ЦК. Все остальные работники назначаются и перемещаются самими ведомствами, но Учраспред оставляет за собой право по необходимости рассматривать вопросы и этого уровня. Кандидатуры на ответственные посты согласовываются ведомствами с профсоюзами до внесения в ЦК. В распродработе закрепить наметившуюся специализацию работников и при необходимости с осторожностью производить переброски. Прекратить практику перевода провалившихся работников на другие столь же ответственные посты. ВЦИКу в советском порядке провести декрет, воспрещающий прием на государственную службу устранившихся за нерадение, бесхозяйственность и злоупотребления. Ознакомиться с кругом беспартийных, лояльных к Советской власти¹.

19 ноября состоялось заседание Оргбюро, на котором по докладу Кагановича и Молотова был одобрен план основных задач учетно-распределительной работы ЦК на ближайший период. В постановлении Оргбюро говорилось, что «подбор ответработников в аппаратах наркоматов в нынешнем его состоянии не обеспечивает партии постепенного овладения узловыми пунктами (командными высотами) нашего строительства». Важнейшие для государства органы не проверены с точки зрения личного состава. Часто ЦК ставится

¹ Секретариат 16 ноября 23 года // Там же. Д. 498. Л. 3.

перед фактом уже состоявшегося назначения в ведомстве. В задачах кадровой политики Учраспреду «необходимо добиться полного практического осуществления постановления о подборе партий и проведении через парторганы всех перемещений и назначений на наиболее ответственные посты государственных, хозяйственных и прочих организаций», причем в первую очередь осуществить это в отношении постов, указанных в номенклатуре, утвержденной Оргбюро 12 ноября 1923 года. Учраспред должен сам проявлять инициативу, не дожидаясь запросов ведомств, соблюдая притом особенную осторожность к переброскам и перемещениям партийных работников¹. В условиях борьбы Секретариата Цека с Троцким Учраспреду отдельно была поставлена задача «более близко» подойти к вопросам назначений на важнейшие ответственные военные посты².

30 ноября прошли утверждение комиссии Учраспреда ЦК по предварительному просмотру работников государственных и хозяйственных органов: работников связи, железнодорожников, промышленности, просвещения и печати, хозяйственных наркоматов, акционерных обществ и кооперации, административных и судебных органов. Руководство комиссиями по пересмотру работников Наркоминдел, Наркомвнешторга и военного ведомства взял на себя лично Каганович³. Другим пунктом было решено произвести во всех парторганизациях перепись ответственных работников (советских, партийных, хозяйственных, кооперативных и профессиональных учреждений) от всероссийского до уездного уровня. А для большей ясности сделать выборочную перепись руководящих работников в 500 волостях и на 200 предприятиях⁴.

Когда после атаки троцкистской оппозиции на централизм Политбюро вынесло известное постановление от 5 декабря о развитии демократии в партии, Секретариат в свою очередь внес дополнения к постановлению Оргбюро от 19 ноября. Здесь в знакомых выражениях были подчеркнуты задачи Учраспреда по обеспечению выборности и выдвижению новых работников, через слово напоминалось об осторожном подходе в перебросках работников и т.д. Но единственное, что реально отвоевала «демократическая» партбюрократия у аппарата Цека, так это обещание «твердого порядка», при

¹ Там же. Д. 499. Л. 54.

² Постановлением Оргбюро от 16 ноября 1923 года был установлен порядок назначения и перемещения руководящего состава ответственных Военведа с точной номенклатурой должностей.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 502. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 8.

котором избранные члены партийных комитетов не снимались и не перебрасывались в другие районы до истечения сроков их полномочий¹. После этого число работников, проходящих через Учраспред, заметно сократилось, если в 1922/23 году прошло 10 727 человек, то в 1923/24 году — 6 082. Но этот «твердый порядок», устраивавший местных партийных князей, просуществует недолго, только до XIII съезда РКП(б), закрепившего победу сталинской фракции над троцкистской оппозицией.

Первые итоги номенклатуризации нашли отражение в справке аппарата к XIII съезду РКП(б) «Укрепление и улучшение состава советских и хозяйственных учреждений (по материалам Учраспреда ЦК)». По 17 наркоматам и центральным учреждениям в 1923 году из 20 094 сотрудников было 2 386 коммунистов (11,9%); из 5 060 ответработников — 1 220 (24%) коммунистов. В 1924 году из 21 894 сотрудников насчитывалось 3 295 коммунистов (15%); из 5 629 ответработников — 1 632 (29%) коммунистов. По 95 трестам, имеющим 11 185 сотрудников, было 828 (7,4%) партийцев. В общей сложности из 886 ответработников трестов насчитывалось 32,5% коммунистов и 44,1% среди директоров трестов².

Впоследствии номенклатурные списки регулярно корректировались, но это уже в плане повседневной рутинной работы. Например, вопрос об утверждении нового, сокращенного списка номенклатуры ЦК по причине притупившейся актуальности проблемы бесконечно откладывался и переносился в течение всего 1925 года. Как тогда было сказано, пересмотр номенклатуры ЦК вызван успехами в деле улучшения состава государственных и хозяйственных органов. В дальнейшем расширение номенклатуры должно идти по пути большего привлечения аппарата ведомств и местных парторганизаций. Цека оставлял за собой подбор руководителей лишь на важнейшие командные посты³.

«Положение о постановке учета ответработников в Наркоматах и других центральных учреждениях РСФСР» содержало точный перечень подлежащих учету работников по стандартному образцу в виде регистрационных карточек, а также в форме личных дел с типовыми характеристиками, которые включали оценку работы, деловые качества, марксистскую подготовку и личные свойства работника⁴. Вопрос о характеристиках наряду с перебросками был большим мес-

¹ Там же. Оп. 68. Д. 49. Л. 32.

² Там же. Оп. 11. Д. 256. Л. 1–4.

³ Там же. Оп. 112. Д. 446. Л. 5, 8; Д. 648. Л. 28; Д. 712. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 408. Л. 127, 130.

том в жизни номенклатуры, стремящейся к стабильному карьерному росту. Практика негласных характеристик нервировала местных работников и вызывала единодушный ропот против камерного вершения их судеб каким-то партийным синедрионом и его осведомителями.

В 1921 году секретные характеристики на членов партии были якобы упразднены, поскольку практика показала, что чаще всего кроме склок они ни к чему не приводят. Однако в ЦК лукавили, когда отвечали по запросам с мест, что с практикой секретных характеристик покончено. На деле эта практика продолжалась. В сентябре 1922 года аппарат ЦК потребовал от местных парткомов переслать полные характеристики на ответработников¹. 24 ноября 1922 года Секретариат одобрил новый порядок сбора и хранения частных характеристик на руководящих членов партии (опыт, образование, личные качества и поступки). Был утвержден особый список из авторитетных партийцев в Центре и на местах, через которых эти характеристики должны были собираться в Цека².

Сохранилось дело с личными характеристиками на 47 секретарей губкомов за лето 1922 года, иллюстрирующее первоначальные формы учета руководящих кадров. Если бы такое откровенное дело попало в руки оппонентов Сталина или просто на глаза учтенных товарищей, то разгорелся бы нешуточный скандал. То, что обычно передается в кулуарах аппарата в устной форме, циркулирует за плотно закрытыми дверями, здесь по неопытности аппарата оказалось зафиксированным на бумаге.

В деле наряду с обычными данными о возрасте, национальности, образовании функционера имелись и различные сведения неформального характера. Например, из материалов этого досье следовало, что ответсекретарь уральского губкома по фамилии Леонид «ни сов, ни партработой руководить не может. Подпадает под чужое влияние. Нет твердой линии поведения. Администратор неважный. Как секретарь в Уральске не на месте. Вообще не годится для секретарской работы. Работник ниже губернского масштаба»³. Указан и источник информации — личные наблюдения инструктора ЦК Струппе. Был Леонид, и нет Леонида. Вскоре эта оригинальная фамилия окончательно исчезнет со страниц ответственных партийных документов.

К другим аппаратная фортуна была более благосклонна. К примеру, знакомый нам партийный функционер Н.А.Угланов

¹ Там же. Оп. 11. Д. 100. Л. 201–205.

² Там же. Оп. 112. Д. 390. Л. 6, 13.

³ Там же. Оп. 11. Д. 142. Л. 4.

к 1922 году заработал завидную конфиденциальную репутацию: «Инициативен. Пользуется популярностью в массах. Играет руководящую роль. Не склочник. Умеет объединить работников, поднять работу. Авторитетен». Источник информации из нижегородского губкома партии¹. Такое реноме в ближайшей перспективе весьма положительно скажется на партийной карьере будущего известного секретаря московского горкома партии.

Объективный порок такого рекомендательного принципа в подборе кадров заключался в том, что приватные, негласные характеристики таили в себе безграничные возможности для недоразумений и интриг. В подобный переплет попал, например, П.Ф.Костерин — секретарь вятского губкома. Один источник из Учраспреда благожелательно отзывался о Костерине: «Теоретически и практически хорошо развит. Имеет громадный организационный опыт. Все время занимает ответственные советские и партийные посты. Может руководить губернской партийной организацией. Стойкий, выдержанный коммунист». Другой информатор из того же Учраспреда со своей стороны недружественно сообщал о вятском секретаре нечто противоположное: «Работник уездного масштаба. Политическая подготовка слабая»².

В Цека отдавали себе отчет в субъективизме и несовершенстве подобного подхода к выдвижению партийных кадров, поэтому наряду с разработкой системы номенклатуры были пересмотрены и методы составления характеристик. 22 ноября 1923 года Совещание заводцами ЦК постановило создать комиссию для разработки вопроса о характеристиках ответработников³. Итогом заседаний комиссии, работавшей в условиях партийной дискуссии и критики аппаратных методов, стал циркуляр ЦК от 26 февраля 1924 года, в котором признавалось, что установленная система составления личных дел и характеристик членов партии нуждается в значительном изменении и упрощении. Прежний порядок составления характеристик и оценок работников отменялся. Теперь в случае необходимости требовался только деловой отзыв о работе ответственного товарища на последней должности. «Отзыв должен освещать работу данного товарища с точки зрения конкретных результатов ее, не нося характера узко личной аттестации работника. В практической распределительной работе отзывы эти должны иметь значение вспомогательных и ориентировочных материалов». Личные дела надлежало максимально разгрузить, они должны были состоять только из анкеты, автобио-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. Д. 171. Л. 187.

графии, отзыва о работе и постановлений парткома и контрольной комиссии о работнике. Дела подлежали соответствующему пересмотру и после такового должны были стать полностью открытыми для членов партии¹.

Разумеется, такие «объективки» не могли быть полноценным основанием для рекомендаций и назначений на ответственную работу, особенно в условиях внутрипартийной борьбы, когда аппарату требовался точный учет сторонников и противников. Само собой, что реальные характеристики не исчезли, просто они приобрели более закрытый и приватный характер. Секретариат вновь использовал демократическое поветрие, чтобы направить партийное судно в желательном направлении. Официальное делопроизводство принимает формальный характер, а прикладная информация и практические решения еще больше погружаются в тень.

Политика генсека Сталина в отношении культивируемого им слоя коммунистической номенклатуры была не похожа на ленинский надзор. Ленин был создатель и относился к госаппарату со всей родительской строгостью, стремясь подтянуть свое детище до своих утопических идеалов. Сталин до поры был первым среди равных и приручал аппарат, сознательно прощая ему многие слабости и оказывая влияние привилегиями, чтобы увереннее опираться на его поддержку в разворачивающейся борьбе за власть. В советский период привилегии номенклатуры умалчивались, потом попали в центр внимания общественности исключительно в качестве мишеней поверхностной критики. Затем время превратило эти злопыхательства по поводу привилегированных пайков и казенных дач в посмешище, однако отношение к незаурядному опыту компартии в области материального стимулирования государственного аппарата так и застыло где-то на уровне сатиры.

Как Иосиф Волоцкий в обращении монастырской братии к служению, так и Сталин в партийном строительстве делал основной упор не на подвигничество, не в упование на власть идеи, а на материальную базу своего Ордена. Его великий учитель Ленин в годы гражданской войны и ударничества любил повторять, что предпочтение есть, прежде всего, потребление, предпочтение без преимущества в потреблении — ничто. Задача укрепления партийной и государственной дисциплины без преодоления нищенского положения коммунистов и, тем более, аппарата была невыполнима.

Материальная нужда разъедала всю организационную структуру коммунистического истэблишмента. Воронежский губком в

¹ Там же. Д. 149. Л. 70.

1921 году обращался к своей организации: «Мелкобуржуазная стихия, неизбежно произрастающая в условиях мелкого производства еще более для нас опасна, если мы на деле не улучшим материального положения особенно нуждающихся коммунистов и их семей, если на деле мы не приступим исподволь к реформированию коммунистического быта. Губернский комитет обязует себя вырабатывать вполне пригодные для жизни формы улучшения материального положения коммунистов, будучи в убеждении, что коммунисты, находясь в чрезвычайно тяжелых жизненных условиях и проводя огромной трудности и сложности государственную работу, имеют право рассчитывать на государственную помощь, не обращаясь к приемам мелкобуржуазного уклада жизни»¹.

Но даже в 1923 году положение коммунистов, в том числе и ответственных, оставалось незавидным. Секретарь полтавского губкома Магидов в закрытом письме за март 1923 года обращал особое внимание на положение командного состава Красной армии, которое настолько плачевно, что среди младшего командного состава стали заурядными случаи самоубийств. В том числе в 73 полку из семи таких самоубийц — трое были членами партии. Оклад младших командиров — 40–50 рублей в месяц плюс паек, причем на семью паек не полагался. На одни коммунальные услуги приходится отдавать до 60% заработка. «Из материалов видно, что кончают самоубийством весьма честные работники». Каптенармус 1 роты 73 полка Семен Коротун в предсмертной записке писал: «Товарищи, не беспокойтесь, в каптерке у меня все в порядке и стреляюсь я потому, что семья моя в тяжелом материальном положении, сам устал бороться»².

В ноябре 1921 года денежное жалованье по первому, низшему разряду тарифа ответственных работников составляло 400 тысяч инфляционных рублей, то есть приблизительно соответствовало среднему заработку квалифицированного рабочего³. Но на практике для десятков тысяч партаппаратчиков это мало что значило. Упадок денежной системы, недофинансирование приводили к тому, что масса низовых функционеров победившей партии и соваппарата, особенно в провинции, испытывали острую материальную нужду. Снабжение в 1921–1922 годах носило скудный и нерегулярный характер, кадры стрелялись, разбегались, «обрастали» хозяйством или попадали в объятия коррупции.

Все лето 1922 года трудилась комиссия по улучшению быта коммунистов, образованная постановлением ЦК от 11 апреля 1922 года.

¹ Там же. Оп. 65. Д. 566. Л. 152 об.

² Там же. Оп. 11. Д. 138. Л. 162.

³ Материалы Оргбюро ЦК. См.: Там же. Оп. 112. Д. 244. Л. 2 об.

Вначале комиссия планировала поставить на особое довольствие 132 070 человек — ответработников различного уровня, от Москвы до уездов с членами их семей (парткомы, комсомол, профсоюзы, исполкомы плюс важнейшие комячейки). Но Оргбюро строго установило, что общее количество получающих дополнительное содержание не должно превышать 15 тысяч человек и с членами семей — не свыше 60 тысяч. Это только командный состав парткомов — секретари, заведателями, ответинструкторы. Урезали более чем наполовину¹.

Только в августе 1922 года XII конференция РКП(б) решилась на практические шаги по улучшению материального положения части партийцев, увязав это решение с всероссийской кампанией по сокращению штатов государственных учреждений. Августовская конференция определила всего 15 тысяч активных членов, которых партия брала на свое содержание, которые все, от члена ЦК до секретарей ячеек, получили соответствующие тарифные разряды и гарантированное материальное обеспечение в пределах 12-го и 17-го общероссийских тарифных разрядов. Это гарантировало партработника от необходимости любой ценой добывать средства к существованию, но вместе с тем благотворно намекало ему на необходимость воздержания. Однако такая скромность осенью 1922 года уже была не так актуальна, как год назад. Поэтому кампания по сокращению штатов партаппарата превратилась в тягучий бесконечный процесс, из которого победителем всегда в конечном счете выходит аппарат. Уже в октябре 1922-го года количество ответработников в организациях по всей партии было увеличено до 21 000 человек. В том числе Секретариат ЦК — 305 человек, МК и ПК — по 64 сотрудника. Утверждено распределение 40 тысяч пайков для партработников по всей РКП(б). В порядке изъятия за центральным аппаратом ЦК были сохранены получаемые 340 ответственных пайков².

В положение коммунистов нэп внес существенное расслоение. В начале нэпа оплата труда ответственных работников и вообще членов партии приняла чрезвычайно неравномерный характер. Партийцы, работавшие в хозяйственных и коммерческих структурах, порой очень неплохо вписались в рынок и были сравнительно хорошо обеспечены. Хозяйственными и кооперативными организациями сплошь и рядом обходились существующие низкие тарифы оплаты ответработников. Члены партии, работающие в хозяйственных организациях, вознаграждались по разнообразным повышенным ставкам.

¹ Там же. Д. 353. Л. 2, 11.

² Там же. Д. 378. Л. 2, 8.

Неравенство коммунистов допускалось только по партийной вертикали, но ни в коем случае не по советской горизонтали. Ведомственное неравенство партийцев грозило разложением рядов. Считая принципиально недопустимым оплату членов партии — ответственных работников в зависимости от того, в каком учреждении они занимают должность, ЦК РКП(б) признал необходимым повысить тариф ответственных работников с тем, чтобы он был единым и обязательным для всех членов партии, независимо от того, в какой организации они работают: партийной, профессиональной, советской, хозяйственной или кооперативной. Поэтому, согласно постановления Всероссийской партийной конференции, коммунисты, заработок которых превышал полуторную ставку высшего 17 разряда ответственных работников, были обязаны сдавать в фонд взаимопомощи своей парторганизации от 25% до 50% излишка. Кроме этого коммунисты, получавшие свыше предельной ставки, помимо указанного процента отчислений должны были сдавать и весь излишек свыше предельной ставки, установленной СТО¹. Высший 17 разряд ЕТС, по которому оплачивались члены ЦК, заведателями ЦК, секретари губкомов, на лето 1922 года равнялся 250 млн. рублей, а низший 1 разряд — 50 млн рублей в совзнаках.

Но, судя по тому, что вопрос об отчислениях еще как минимум год не сходил с повесток заседаний Секретариата и Совещания заведателями, можно сделать вывод, что зарабатывающие коммунисты не спешили делиться доходами со своими менее благополучными товарищами². Предельные ставки, процент отчислений, литературные гонорары неоднократно пересматривались и уточнялись, и даже несмотря на это Цека регулярно сетовал на слабое поступление излишков в партийный бюджет³.

В 1923 году в стенах Секретариата ЦК существовало некое ТНБ (тарифно-номенклатурное бюро) из руководителей отделов для определения квалификации ответпарработников, которое вносило предложения о переводе работников в ответственные и назначало

¹ Там же. Оп. 84. Д. 292. Л. 153; Оп. 112. Д. 357. Л. 4.

² Там же. Оп. 84. Д. 292. Л. 153.

³ Наряду с этим ЦК РКП(б) считал необходимым вмешаться в вопрос об отчислениях членами партии на различные нужды. Многими организациями практиковалось взимание сумм с членов партии сверх установленных процентов в виде взносов в партию и профсоюз, которые в отдельных случаях достигали 40–50% заработной платы. Всем партийным организациям было предложено ввести в строгие рамки нормы обязательных отчислений с членов партии вообще и ответработников в частности (отчисления не должны превышать 3% в отношении к партвзносу, 2% — в профсоюз, 3% — на разные другие взносы). (Там же. Оп. 11. Д. 282. Л. 52.)

ставки. Но деятельность ТНБ носила неупорядоченный и малоэффективный характер, поскольку уже было сложно выделить партийных функционеров в особую статью из общей массы всех ответработников партийно-государственной системы. Партфункционеры, в смысле материального снабжения, оказались какими-то париями среди, в общем-то, зависимых от них руководителей прибыльных хозяйственных и прочих ведомств. Ничего хорошего подобная унижительная дифференциация не обещала.

Сентябрьский пленум ЦК 1923 года вынес решение о максимуме зарплаты для партийных совслужащих в размере 15 золотых рублей. Сразу же возникла проблема на местах. Например, в Сибири, где зарплата была ниже, чем в Центре, представительства московских учреждений платили своим сотрудникам максимальные московские ставки, что вызывало огромное возмущение сибирских рабочих и партийной публики. Повсеместно «богатые» хозорганы, которые оплачивали своих служащих выше остальных, а также распоряжения ВЦСПС о надбавках за дороговизну, падение червонца и т.п. торпедировали единую тарифную партийную политику. В конце концов, линия сентябрьского пленума в области зарплаты была сорвана.

Кризис и социальная напряженность 1923 года, нехорошие настроения в промышленных центрах вновь вынудили партруководство обратить внимание на непозволительные излишества номенклатуры, которые та неприкрыто демонстрировала, в том числе братаясь с нэпманами на вошедших в моду банкетах. В тот год озабоченность Цека проявилась пунктиром строгих циркуляров о решительной борьбе со всякого рода банкетами, подношениями, премиями и т.д. Но на такие документы втянувшееся в нэп партийно-советское чиновничество уже научилось смотреть как на политический жест и не более.

Потребность в совершенствовании материального стимулирования аппарата диктовала необходимость проведения универсальной политики зарплаты. После учреждения института номенклатуры квалификации партийных работников стала отраслью общего номенклатурного строительства. На заседании Совещания заведомств ЦК от 29 ноября 1923 года было принято решение о составе комиссий по предварительному просмотру работников государственных и хозяйственных органов. Был утвержден состав восьми комиссий (по связи и промышленности; просвещению и печати; по Наркомзему, Наркомфину, Наркомпроду и Хлебопродукту; по акционерным обществам и кооперации; по административным и судебным органам; а также НКВД, НКВТ и военная)¹.

¹ Там же. Д. 171. Л. 198.

Принцип двойной ответственности

Партийное членство и партийные взыскания фактически являлись формой и проявлением незаконной власти в советской коммунистической системе. Причем важнейшей ветвью государственной власти, выведенной за рамки закона для достижения большей эффективности в управлении. Исключение из партии, взыскание автоматически влекли изменения в карьере и судьбе коммуниста. Партия строилась как незаконное предприятие по управлению государством, коль скоро закон не в состоянии охватить все отношения и обеспечить общественную стабильность и развитие. Ранее «законный» закон дополнялся властью денег, капитала, после революции он нашел дополнение в виде власти партийной.

Привилегированное место и системообразующая роль членов партии в советском обществе неизбежно создавали возможности для злоупотреблений, связанных с политической властью, административными возможностями и материальным распределением. Нэп особенно щедро «рассыпал соблазны» к злоупотреблениям партийцев, с одной стороны — ввергнув облеченных властью коммунистов в скудные и даже нищенские материальные условия, а с другой стороны — создав в обществе полюс материального благополучия и роскоши разного рода коммерсантов. В этих условиях особенное значение приобрело не только материальное стимулирование аппарата, но и повышение ответственности за просчеты и преступления. Отсюда следовала необходимость создания эффективных регуляторов партийного поведения, начиная с усиления уголовной ответственности и заканчивая разработкой принципов партийной этики.

В отчете Наркомзема в Секретариат ЦК РКП(б) от 5 октября 1922 года говорилось: «НКЗ еще весной текущего года обратил серьезное внимание на необходимость борьбы с “внутренним врагом” в самом Наркомате и его управлениях и отделах». В связи с нэпом появился ряд искушений. Пришлось «присмотреться» к тем категориям работников комиссариата, которые ближе всего должны были соприкоснуться в своей работе с нэпмановскими искушениями. Целый ряд работников пришлось передать в руки органов юстиции. В управлении коннозаводства — 48 лиц; в управлении лесами, например, до 25% лесничих во Владимирской губернии; в Госсельскладе — 2 лица за взятки и злоупотребления¹.

На протяжении всего 1922 года в стенах Цека буквально в муках рождался циркуляр о борьбе с взяточничеством. Новорожденного

¹ Там же. Оп. 84. Д. 295. Л. 66 об.

то пеленали в мягкое зеленое сукно, то вновь оставляли обнаженным. Проект циркуляра вносился на Секретариат и Оргбюро около двенадцати раз, изменялся, дополнялся и согласовывался. Аппарату приходилось идти на меры, репрессирующие часть привилегированного системообразующего класса, в сущности, карать себя самого. В одобренном Секретариатом варианте звучали жесткие слова, не допускающие толкований: «Коммунисты, уличенные во взяточничестве должны беспощадно и автоматически исключаться из партии», равно как и виновные в попустительстве взяткам¹.

Секретный циркуляр ЦК «О борьбе со взяточничеством» от 30 ноября 1922 года хотя и признавал факт «громадного распространения взяточничества» среди ответработников, которое грозит «развращением и разрушением аппаратов рабочего государства», однако стремился равномерно распределить ответственность за коррупцию бюрократии на все общество, которая непосредственно увязывалась с «общей некультурностью и экономической отсталостью страны». Цека обещал всем коррупционерам, что начавшаяся работа комиссий по борьбе со взяточничеством при ГПУ, СТО, наркоматах и экономических совещаниях, работа революционных трибуналов есть лишь первые шаги по очищению госаппарата. Согласно циркуляру, отныне при каждом губкоме должно было существовать специальное «лицо» (или даже комиссия) для борьбы с эпидемией коррупции. Итак, в течение 1922 года ленинский седоусый рабочий-партиец с дореволюционным стажем был тихо оттеснен со сцены сталинским неопределенным «лицом» с негласными полномочиями².

Трескучие фразы о мерах по борьбе может быть и выглядели грозно, может и запугивали отдельных нечистых на руку чиновников, но не были способны остановить воспроизводство коррупции в двойной системе государственного распределения и рыночного оборота, где разрыв между нормативной оплатой услуг в системе государственного распределения и их стоимостью на рынке заполняла пресловутая взятка. Это было объективное противоречие общества, часть которого жила в условиях рынка и его ценностей, а другая, причем влиятельная, прозябала в условиях государственного тарифа и партийного максимума. Двойная система ценностей разрушала общество, унижала его трудовой класс и разлагала его истеблишмент. Общество, вопреки нормам, преступными с точки зрения закона способами, путем взяток, хищений и растрат, стихийно стремилось к преодолению разрыва и установлению единой системы стоимости. Это время во-

¹ Там же. Оп. 112. Д. 384. Л. 72.

² Там же. Оп. 11. Д. 100. Л. 234; Оп. 84. Д. 291а. Л. 282.

пиющих противоречий стало неисчерпаемым кладезем сюжетов для выдающейся сатирической литературы, не случайно появившейся на исторической основе нэпа.

Разумеется, объективное противоречие невозможно было устранить комиссионным, келейным способом, поэтому через год по всем правилам бюрократической логики тайна борьбы с коррупцией была нарушена обращением к партийным массам. По указанию Политбюро из стен Цека 19 октября 1923 года вышел секретный циркуляр со странным адресом для секретного письма — «Ко всем партийным организациям и ко всем членам РКП». Обращение носило отнюдь не секретный, а прокламационный характер и значилось оно как циркуляр по борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии¹.

ЦК и ЦКК обращались ко всем партийным организациям с предложением повести самую решительную борьбу со всякого рода излишествами в расходовании средств. Излишествами, которые допускаются как отдельными членами партии, так и целыми учреждениями и вызывают глубокое возмущение рабочих. Значительная часть циркуляра была отведена под перечисление злоупотреблений чиновных коммунистов: вагоны для того, чтобы доставить из Москвы на курорт всего одного пассажира; платформы для доставки автомобилей на курорт; вызывающая роскошь жилищ и кабинетов; автомобили, конюшни, рысаки, дачи, санатории, драгоценности, увеселительные заведения, банкеты, пьянство и т.п.

Никакого откровения в этом, конечно, не было, все перечисленное существовало неприкрыто на виду у всех желающих видеть и служило постоянным поводом для негодования рядовых членов партии. Однако откровенно преступные средства обогащения номенклатуры были не главным обстоятельством проблемы. С преступными методами еще можно было справиться, но преодолеть разрыв между тарифным жалованьем номенклатуры и рыночной системой пытались сами ведомства, всеми правдами и неправдами обходя партийные нормы, стимулируя своих работников по повышенным ставкам и сверх всяких ставок путем премий, выплат, ценных подарков. Государственный аппарат не закрыт сплошной броней. Как в человеческий организм проникает яд извне, так и в госсистему проникают метастазы частного капитала и разлагают ее изнутри.

Двойственность и противоречивость партийно-государственной политики бросалась в глаза, поскольку наряду с тенденцией к повышению материального статуса номенклатуры существовали строгие партийные циркуляры об обязательной сдаче коммунист-

¹ Там же. Оп. 11. Д. 148. Л. 79.

тами драгоценностей, предметов роскоши и такого прочего. Это противоречие вклинилось в старый раскол между партийными верхами и низами и сказывалось на единстве и здоровье партии, а, следовательно, на ее политическом авторитете. Принципиального решения этой проблемы быть не могло потому, что принцип скрывался в сущности самого нэпа и мог быть устранен только со снятием противоречий нэпа, т.е. с его отменой. Поэтому партийное руководство до поры было вынуждено заниматься лавированием, выпускать секретные циркуляры, чтобы призвать к порядку верхи и проводить показательные кампании по искоренению злоупотреблений для умиротворения низов.

На пути злоупотреблений номенклатуры ее творцами было воздвигнуто сооружение в виде двойной ответственности коммунистов. Первый барьер — это преследование коммунистов за преступления по закону. Но преследование по закону создавало вероятность двоевластия для номенклатуры, поскольку в некоторых случаях автоматически возводило судебные органы выше партийных комитетов. Возникла нелегкая задача отрегулировать возможность судебного преследования ответственных коммунистов, сохраняя притом незыблемый авторитет партийной власти.

Циркуляр-инструкция ЦК от 16 июня 1922 года о взаимоотношениях парткомов с судебными и следственными учреждениями РСФСР в случае возбуждения следствия и суда над членом РКП(б)¹ вызвал дополнительные вопросы на местах, которые потребовали уточнений и разъяснений. Дело в том, что в некоторых случаях партийные инструкции истолковывались в судебно-следственных органах как директивы, исключающие ответственность коммунистов перед общегражданским судом или ставящие решения суда в зависимость от мнения партийного комитета. Поэтому в повторном циркуляре Цека, Наркомюста и Ревтриба подчеркивалось, что «ЦК считает безусловно необходимым усилить ответственность членов руководящей партии, в случае совершения ими поступков, подлежащих ведению суда гражданского». Каждый коммунист за все свои проступки, нарушающие законы республики, подсуден суду государственному и суду партийному на общих со всеми основаниях².

¹ Там же. Оп. 84. Д. 147. Л. 100.

² Там же. Оп. 11. Д. 100. Л. 12. Во изменение циркуляра от 16 июня с.г. ЦК предлагал руководствоваться впредь нижеследующими положениями о взаимоотношениях парткомов и следственных и судебных учреждений РСФСР в случае привлечения к следствию и суду членов РКП(б): 1. При возбуждении дел ставить в известность партком в 24 часа. 2. Арест коммунистов до суда в порядке предварительного следствия — в общем порядке. 3. Удовлетворять

Но поставить номенклатуру перед законом наравне с остальными гражданами не представлялось возможным. Мешала двойственная природа номенклатуры. Номенклатурщик — тот же человек со своими слабостями и несовершенством, но он же есть представитель абсолютной власти. Как говорил византийский писатель VI века Агапит о царской особе: «Царь убо естеством подобен всем человекам, а властью же подобен есть вышним Богу». Власть была готова отдать под суд номенклатурщика-человека, но не его «божественную» суть, то есть саму себя. Поэтому перед судом необходимо было развести как можно дальше воплощенную в одном представителе власти саму власть и злоупотребившего ею человека. В рассуждении сего, после циркуляров о суровой судебной ответственности ответственных коммунистов появились дальнейшие разъяснения и отступления от первоначальной революционной простоты, партийной строгости и благородного духа равенства всех перед законом.

Выделение номенклатуры в особую социальную группу происходило, в том числе негласным путем присвоения ей привилегированного общественного статуса. Объективно этот вопрос назрел уже давно и давно решался «новым классом» в рабочем порядке. Так, например, ейский окружной партком на Кубани 4 апреля 1921 года вынес решение о том, что действия органов в отношении членов и кандидатов в члены РКП(б), тем более аресты, должны быть обязательно согласованы с партийным комитетом. Предлагалось «особо внимательно относиться к аресту ответственных партийных товарищей во избежание нежелательных передергиваний по злобе вредных антисоветских элементов, стремящихся подорвать авторитет того или другого товарища и в целом РКП(б)»¹.

В Центре, где еще была сильна власть идеи, подобные вопросы решались более трудно и медленно. Ленин долго сопротивлялся установлению особых перегородок между номенклатурой и советским законодательством. В ноябре 1922 года на Политбюро он выступил категорически против внесенного группой хозяйственников проекта правил, запрещающих привлекать к юридической ответственнос-

просьбы парткомов об информации о характере дела. В случае секретности дела информировать только членов президиума, если дело касается наиболее ответственных коммунистов или большинства членов местного парткома, дело должно быть передано в вышестоящую судебную-следственную и партийную инстанцию. 4. Следственные учреждения обязаны изменить меру пресечения в отношении членов РКП(б) и освобождать от ареста с заменой его поручительством не менее 3-х членов РКП(б), которые должны получить предварительную санкцию губкома.

¹ Там же. Оп. 13. Д. 519. Л. 48.

ти высокопоставленных работников-коммунистов (по особому списку) без согласия соответствующих партийных инстанций¹. Однако и здесь Кремль вынужден был постепенно идти на уступки притязаниям растущего «нового класса». В декабре 1921 года приказ за подписью Уншлихта, Менжинского и Реденса строго запретил органам ГПУ всякую слежку за ответственными губернскими, областными и центральными партработниками. «Виновные в нарушении этого приказа будут строго караться», — гласил запрет².

В январе 1923 года появилось следующее дополнение к циркуляру от 4 января 1922 года о порядке привлечения коммунистов к судебной ответственности: «Опыт последнего времени показал, что не раз при привлечении ответственных работников-коммунистов хозяйственников к судебной ответственности на суде выяснялось, что сложность хозяйственной обстановки создает в случае неумелого подхода хозяйственников к делу факты разрушения хозяйства без наличия со стороны хозяйственников злого умысла»³. В результате этого суды не могли выносить иных приговоров кроме как порицаний, постановки на вид и даже оправдания. Но даже самый факт привлечения к ответственности переживался ответчиками очень тяжело. Чтобы избежать растраты партийных сил в результате невыносимых угрызений совести проштрафившихся и мук публичного позора, Цекa предложил организовать при всех губкомах временные комиссии, чтобы заслушивать доклады губпрокуроров по существу возбуждаемых дел против всех коммунистов-ответчиков. Заключение этих комиссий обязательной силы не имели, но губпрокуроры должны были со всем вниманием отнестись к их мнению.

16 марта того же года Секретариат вынес постановление о порядке привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов. Здесь партийный генералитет вообще выводился в особую статью. Во всех случаях возбуждения уголовного преследования против ответственных секретарей губкомов и обкомов, до судебного следствия органы должны были сообщить все материалы по делу губернскому прокурору, который, не производя никаких следственных действий, был обязан, прежде чем дать законный ход делу, направить материалы и свое заключение прокурору Республики на распоряжение и согласование с ЦК РКП(б)⁴.

В это же время, в несколько приемов в Цекa проходил обсуждение циркуляр о положении коммунистов, привлекаемых к уголовной

¹ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 55. Л. 151.

² Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 67.

³ Там же. Оп. 11. Д. 267. Л. 49.

⁴ Там же. Оп. 112. Д. 419. Л. 5.

ответственности. Главная идея новой поправки заключалась в том, что на время следствия коммунисты должны считаться выбывшими из партии, а далее — по результатам следствия. Здесь достойно удивления то, что аппаратная материалистическая мысль стихийно возвысилась до сокровенных лабиринтов субъективного идеализма — с точки зрения закона коммунист еще сохраняет свои права, а с точки зрения парторганизации — в списках уже не значится.

Ленин писал о необходимости двойной ответственности коммунистов, но фактически выстраивалась тройная, поскольку в орденой системе партийные верхи, при всех различиях, были неотделимы от низов. Отношения между облеченными властью верхами и рядовой партийной массой имели сложный, противоречивый характер, настроения колебались от взаимного доверия сторон и упования друг на друга до обоюдных обид и ожесточенной критики. Словом, все как у тех, кому суждено быть неразлучно вместе всю жизнь и умереть в один день. Партийные низы очень чутко реагировали на объективную тенденцию к отчуждению руководящего слоя от массовой основы партии. По непривычности и незаконности возникшего после революции нового социального разделения, массы зачастую выражали свои чувства с первобытной откровенностью, без всяких околичностей, предлагая свои наивные левеллерские проекты сохранения чистоты первоизданных товарищеских отношений. Проявился особый интерес к идеалистической стороне дела, к вопросу о нормах поведения товарищей, выдвинувшихся во власть.

Сталинскому аппарату выпало трудиться над созданием и закреплением новой общественной иерархии. Разумеется, здесь не могло не накладываться отпечатка то обстоятельство, что новая государственная бюрократия была очень многим обязана социальным низам и еще не утратила своей природной связи с низами и поэтому порой была вынуждена чутко прислушиваться к их голосу. Особенно в вопросах, наиболее понятных и насущных для низов — прежде всего речь идет о потреблении. Массам было зримо и важно то, что секретарь губкома, например, платил в комиссию по улучшению быта коммунистов 35 золотых рублей и партвзнос — 5 рублей, в то время как у рабочего, рядового члена партии «у станка» все месячное жалованье составляло максимум 25–30 рублей золотом¹. Отсюда следовали две тенденции, а именно: тяжелые думы рабочего о «верхах» и «низах» и не менее тяжелая необходимость для номенклатуры следовать логике классовой обособленности и отгораживать свою корпоративную жизнь высоким забором от посторонних нескромных взглядов. Это

¹ Большевицкое руководство. Переписка... С. 284.

была проблема необходимости развития кастовой замкнутости, поставленная перед номенклатурой самим течением жизни. Однако, до поры, особенно в условиях социального компромисса новой экономической политики, партия была вынуждена заботиться о своей массовой базе среди пролетариата и ограничивать аппетиты бюрократии.

Партия изначально складывалась из различных слоев, в том числе и из выходцев из буржуазии и интеллигенции. Условия жизни нелегальной партии выравнивали всех ее членов, вырабатывали стоицизм, доходивший порой до аскетизма. Время реакции после 1907 года оторвало от партии часть ее состава и поставило в обычные условия жизни среднего буржуа (врачи, инженеры, литераторы, учителя, статистики, профессора, адвокаты). Эмиграция и в некоторых случаях тюрьма, а чаще ссылка также действовали разлагающим образом на нормы партийного поведения. Затем семилетняя война резко отрицательно сказалась на общем моральном уровне всего населения. Особенно стало заметным деклассирование пролетариата, среди которого голод и нужда порождали воровство, мошенничество, спекуляцию, преступления по должности. После Октября 1917 в РКП(б) пошел огромный приток новых членов и вместе с ним наплыв «примазавшихся» шкурников. Необходимость сосуществования старой и новой элиты в процессе преемственности государственной власти сказалась влиянием выходцев из буржуазии на коммунистических ответработников на бытовом уровне. Возможность для коммунистов практически бесконтрольно распоряжаться материальными благами при подталкивающем и разлагающем влиянии со всех сторон заставила некоторых из них переступать все нормы снабжения.

Когда в ходе революции низы и «новый класс» еще окончательно не вышли из состояния тождества, когда новоиспеченные комиссары еще ощущали свое органическое родство с массой, то покорно выслушивали те упреки в перерождении и генеральстве, которые им бросала в лицо масса. Идея социального равенства согревала массы в холодные годы разрухи, и «новый класс» до поры был вынужден мириться с этой идефикс своего союзника в совместной борьбе со старыми господствующими сословиями. Низы, в свою очередь, стремились зарегламентировать и взвесить решительно каждую мелочь в быту и на обеденном столе своих выдвиженцев. В эти годы на свет появлялись исключительно дикие проекты надзора за бытом ответработников, согласно которым те должны были давать ежемесячный многостраничный отчет буквально о каждом грамме съеденного и выпитого, иначе им грозили кары и крушение служебной карьеры.

Так, в 1921 году на фоне тотального кризиса в деревне и городах, нарастающего голода и разрухи, когда Советская власть в угоду рабочим совершала «вторую революцию» по «ущемлению» буржуазии, партийные органы одновременно занялись и «ущемлением» оторвавшихся от массы коммунистических «верхов». Буквально сразу после Кронштадта и X съезда РКП(б) Оргбюро запретило как в центре, так и на местах массовые выдачи предметов ширпотреба делегатам всевозможных съездов и конференций. Даже получаемые комплекты литературы участники форумов обязаны были сдавать тем организациям, откуда они делегированы¹.

Уравнительные тенденции в партии, вопрос о «верхах и низах» в 1920 году, возникли как-то не ко времени и не к месту. По окончании войны необходимо было перестраивать госуправление, следовательно, совершенствовать иерархию. Но демократические настроения низов, поддержанные Лениным в видах фракционной борьбы против Секретариата и Оргбюро, просто обезоруживали, парализовывали партию в условиях нэпа. Низы партии на уровне присущего им менталитета выдвигали свои рецепты соблюдения первобытной идеологической чистоты в потреблении членов партии. В бумагах секретаря Президиума ВЦИК и члена Центральной комиссии по очистке партии П.Залуцкого, одного из самых суровых инквизиторов партии, сохранился нереализованный «Проект комиссии по установлению партийной этики и пределов материальных благ для членов партии». Проект разрабатывался в стенах московского губкома в голодное лето 1921 года и является красноречивым образцом уравнительных идей, циркулировавших в господствующей партии, расколотой властью на две неравные и неправомерные части.

Преамбула к проекту гласит: «Революция, дав могучий толчок развитию личности, способствовала росту потребностей, неудовлетворение которых значительно более остро ощущается. Победа революции своим укреплением понизила чувство самопожертвования и самоотречения, которые ярко вспыхивают в моменты острых политических кризисов». «Разочарование при ходе коммунистического строя, представлявшимся таким близким и легко осуществимым, особенно среди малоустойчивых членов [партии] создает атмосферу угнетенности и недовольства; неравенство членов партии в материальном отношении нарушает товарищескую атмосферу».

Коммунизм вовсе не является аскетизмом, но условия момента диктуют необходимость установить планомерное и равномерное распределение материальных благ. В основу могут быть положены следующие практические соображения. Принцип ударности в про-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 141. Л. 3.

извозстве и потреблении должен быть сохранен. Члены партии на производстве и в учреждениях должны быть поставлены наравне с беспартийными. Для ответственных работников ударный паек не может превышать следующих норм: ржаного хлеба $\frac{1}{2}$ фунта; тощей говядины 1 фунт; крупы $\frac{1}{3}$ фунта; масла русского 6,4 золотников; масла растительного 3,2 золотника; сахару 6,4 золотника; сушеных овощей $\frac{1}{4}$ фунта; квашеной капусты $\frac{1}{4}$ фунта. При усиленной умственной работе может быть добавлено в день 6,4 золотника сливочного масла.

«Ни один товарищ не имеет права пользоваться пайком больше установленного. Получение дополнительных продуктов из каких бы то ни было источников: посылки, продукты собственного хозяйства, хозяйства родителей, единоличных и коллективных огородов засчитываются в общую сумму и не могут в общем превышать норму пайка». Ответработники могут иметь не более одного костюма и одной пары обуви в год. Жилье согласно установленных общегражданских норм может быть увеличено на одну комнату. Пользоваться наемным трудом (кроме няни) воспрещается. Пользоваться автотранспортом для личных поездок воспрещается, в том числе и на дачу. (Согласно представлениям авторов проекта, наверное, и Ленин должен был ездить в вагоне поезда в компании с мешочниками и от станции до Горок добираться на мужицкой телеге.) Члены партии не должны иметь текущих счетов в Госбанке, не могут иметь и носить драгоценных камней, золотых вещей, ювелирных украшений. Члены партии не имеют права получать жалованье свыше тарифных ставок и иметь на руках сумму, превышающую трехмесячный заработок. «Пьянство, исполнение религиозных обрядов, в особенности для старых (больше 3 лет) членов партии, вышедших из интеллигентных слоев, недопустимо».

При ежемесячной уплате членских взносов ответственные члены партии должны заполнять специальную ежемесячную анкету, в которой указывается число комнат, занимаемых семьей ответработника, состав семьи, прислуга, количество получаемых из различных источников продуктов по пунктно: мука, хлеб, мясо и т.д. Подробно перечислить и указать количество как пищевых, так и домашнего хозяйства: дрова, керосин, уголь... предметы ширпотреба, книги, билеты в театр... транспорт, деньги. За неверные сведения по анкете — немедленное исключение из партии¹.

Раздумья над вопросами подобной анкеты, наверное, сумели бы надолго увести ответственного члена партии в сферу ненормативного и чувственного из круга исполнения прямых служебных обя-

¹ Там же. Оп. 86. Д. 8. Л. 19.

занных. Намечалась настоящая охота за ответработниками с аптекарскими весами, вместо ружей и револьверов. Теперь оставалось завести многотысячный аппарат для слежки и наказания совбуров, неосторожно закусивших лишней селедкой, а также подумать об обер-аппарате для контроля над самим аппаратом. Народная партийная воля вновь парадоксальным образом выразилась в движении от чаяний справедливости к необузданной полицейщине и расправам. Согласно обычаям Московской Руси — в шараханье толпы от алтаря и красного крыльца к колокольному раскату и речному обрыву.

Чем дальше время уводило общество от революции, тем больше подобные притязания выглядели архаичнее и нелепее. Осетрина на столах и драгоценные блики на туалетах жен ответработников, особенно в интерьере нэпа, словно смеялись над притязаниями низов. Однако тесное и развращающее номенклатуру соприкосновение с нэпманской буржуазией заставило государство, возложившее на себя историческую миссию управления всеми сферами общественной жизни, усилить регламентацию условий существования «нового класса».

В этом пункте настроения низов встретили полное понимание высшего партийного руководства, заинтересованного в усилении неформального общественного контроля над новой элитой, при соблюдении незыблемого партийного централизма. После того, как все имевшиеся резервы уставных и законных приемов без ощутимого успеха были использованы в бою со злоупотреблениями номенклатуры, в партии с одобрения Цека разгорелась дискуссия о партийной этике. В жизнь новой общественной элиты должен был придти новый идеальный регулятор сословного поведения и занять место давно умершего кодекса дворянской чести. Требовался орденский кодекс норм партийной этики.

После 17-го года в Советской республике начал распространяться обычай Французской революции, которая путем декрета ввела обязательное обращение на «ты». В России Февральская революция в знаменитом «Приказе № 1» установила всеобщее «буржуазное» «вы», но после Октября в советском обиходе стало замечаться обратное. Коммунисты, рабочие и беспартийные интеллигенты в повседневном общении стали переходить на «ты». Товарищеское «ты» являлось признаком взаимного доверия и уважения, в то время как буржуазное «вы» осталось для людей, мало симпатизирующих друг другу или находящихся в разных социальных плоскостях. Считалось, что Октябрьская революция осуществляет всеобщее равенство, поэтому нет никаких причин для сохранения в обращении пролетарского «ты» и буржуазного «вы». Активисты полагали необходи-

мым осмыслить и ускорить этот процесс, поскольку мелочи быта и обычаи являются лучшим доказательством глубины и жизненности общественного переворота. Но как у французов торжество нового неравенства вернуло к жизни традиционное «вы», так и в русской революции, после того как миновал ее идеалистический период, новая социальная иерархия настоятельно потребовала восстановить в правах необходимые элементы старорежимного этикета.

Низы партии стремились принять самое активное участие в выработке канонов партийного поведения, поскольку вызывающий образ действий верхов в первую очередь задевал их чувства, обостренные обманутыми ожиданиями социального равенства. Знаменательная дискуссия о партийной этике оставила для литературы множество провокационных примеров бесхитростного народного мнения по части благородного поведения. Так, например, на закрытом собрании комячейки при Кожзаводе №1 г. Острогжска Воронежской губернии осенью 1924 года обсуждался доклад о партийной этике в связи со статьей Ярославского, опубликованной в номере «Правды» от 10 октября. Этика оказалась предметом сверхинтересным и вполне житейским, поэтому говорили и постановили по вопросу очень много разного и все в чевенгурской стилистике. Самое главное, признали вопрос считать своевременным, «поскольку буржуазные привычки замедляют путь к социализму».

Партийные кожевники пришли к выводу, что у партработников уездного и губернского масштаба замечен бюрократизм, причиной которого в немалой степени являются жены работников. А именно: партийные работники, беря в жены дочерей помещиков, попов и мещан, подпадают под влияние супруг и их родственников. «Партийный работник, имея у себя такую жену, не замечает как он сам делается мещанином и чиновником царского строя, в то же время забывая Октябрьскую революцию и диктатуру пролетариата»¹. Так и выходило, как уже давно повелось, что в центре причин не общественные противоречия, а сакраментальное «*cherchez la femme*», даже в пролетарской революции. Кожевники не хотели понимать, что «новый класс» тянулся к культурному и изысканному в образе жизни, словом, к тем секретам повседневного быта, которыми владела классово чуждые элементы. Простые пролетарки, товарищи по борьбе, в качестве спутниц жизни уже его не устраивали.

Несчастные жены подверглись остракизму со стороны партийных ревнителей. Виноваты оказались они как безусловно контрреволюционный, домостроевский фактор. Наверное с подобным выводом с готовностью согласился бы не только коммунистический номенкла-

¹ Там же. Оп. 67. Д. 36. Л. 66.

турщик, а и всякий нечистый на руку, закоснелый чиновник любой формации. Ячейка кожзавода сочла «целесообразным и своевременным, дабы не развивать в дальнейшем бюрократизм, необходимо воспретить членам партии вступать в брак с дочерьми из буржуазного класса и духовного звания, которые противны рабочему классу».

Массы раздражал не только бюрократизм. Беспокоило пресловутое «обрастание», покупка домов, мягкой мебели и прочего, противоречащего идеалам Октябрьской революции и незатейливому образу жизни рабочего. «Для укрепления революции необходимо всем членам партии в корне изжить противное рабочему классу приобретение всевозможных буржуазных обстановок и построек, а у тех членов партии, у которых такое имущество имеется — конфисковать, так как оно приобретено нетрудовым доходом».

Чуть позже, в условиях революционной урбанизации общества, когда квартирный вопрос на глазах портил не только нравы столичных жителей, но и провинцию, не только беспартийных, но и членов партии, в Цека возник вопрос о допустимости для членов партии постройки или аренды домов. Ввиду острого жилищного кризиса в СССР, особенно в крупных промышленных центрах, среди обывателей наблюдалось стремление к индивидуальному и кооперативному строительству. Местные контрольные комиссии оказались в затруднении по поводу того, как следует относиться к участию коммунистов в буме индивидуального строительства. Секретариат ЦК в июне 1926 года счел необходимым дать разъяснение, в котором основной линией для членов партии признавалось их участие в жилищной и строительной кооперации, но в отсутствии условий для таковой с ведома парткомов допускалась индивидуальная постройка или аренда домов. «Без целей наживы», — как было особо подчеркнуто в циркуляре¹.

«Пьянство — это социальная болезнь среди членов партии», — признавались острогожские кожевники, но таковая была легковесно отнесена ими в разряд «оставшейся в наследство от буржуазии и царизма». Вызывали протест факты найма прислуги членами партии, а также «многоженство» и «многомужество». Последнее не совсем то, что обычно принято подразумевать под этими словами. Таким образом товарищи кожевники на своем самобытном языке выразили возмущение частыми разводами и повторными браками тех ответственных товарищей, которые особенно близко приняли к сердцу сексуальную составляющую социальной революции.

По всей видимости, революционные перемены в половых отношениях, последствия женской эмансипации тогда были значимы и

¹ Там же. Оп. 113. Д. 202. Л. 3, 8.

волновали многих. Вопрос стихийно возникал на многих партийных собраниях по стране и привлекал по-своему, как жаждущих плодов этих перемен, так и ревнителей коммунистической нравственности. Весной 1923 года была отмечена «холерная эпидемия» браков в комсомоле. Член ЦК А.П.Смирнов поделился в Секретариате своими впечатлениями с владимирской губпартконференции, на которой комсомольский вожак из Александрова некто Максимов сетовал, что весной у молодежи развиваются «чувствительные чувства», бороться с которыми трудно. Сам Максимов даже разработал ряд мер для борьбы с эпидемией. Прежде всего — не давать гулять парами, везде, на спортивных играх, на лекциях и т.д. молодежь надо группировать по половому признаку. Лиха беда прожить весну и лето, а зимой легче справиться — чувства охладевают. Но план Максимова не встретил никакого сочувствия у старших товарищей по партии. Весне все возрасты покорны, менторские стрелы летели мимо цели¹.

Говорили во Владимире и по вопросу «обрастания» коммунистов поросятами, козами, овцами. Спорили, можно ли коммунисту иметь двух лошадей, двух коров, новый дом, новые сени. Замнаркомпрод Смирнов по этому поводу заметил: «Фальшивое положение коммунистов в деревне». Руководители настроены аскетически, говорят — нельзя, мелкобуржуазный дух, крепкий крестьянин-коммунист неблагонадежен для партии, однако в деревне гольтебу никто не слушает. Цека было бы полезно дать указание губкомам, что коммунист-крестьянин должен быть хорошим хозяином, уметь работать, местные организации не должны опасаться их зажиточности, но уметь налагать на них сбор в фонд для нужд членов партии². Впоследствии Смирнов, уже будучи полноправным наркомземом, специально обращал внимание Цека на то, что местные парткомы продолжают осуществлять давление на коммунистов, имеющих крепкое крестьянское хозяйство (без наемного труда), считая это противоречащим партийной этике и заставляя их переходить на коллективные формы хозяйства. Нарком просил принять меры и прекратить травлю культурных хозяйств коммунистов, «в противном случае мы не сумеем никогда добиться авторитета в деревне»³.

¹ Там же. Оп. 112. Д. 415. Л. 107.

² Там же. Л. 108.

³ Оргбюро 29 декабря 1924 года. Вопрос об отношении местных парторганизаций к деревенским коммунистам, имеющим свое хозяйство // Там же. Оп. 112. Д. 624. Л. 3, 126.

Тайна борьбы за рабочий состав партии

Главным рецептом удержать партию от морального падения, а также в качестве основного средства против злоупотреблений ответственных партийцев всегда считалась борьба за пролетарский состав партии. В 1921 году в условиях жесточайшего кризиса аппарат провозгласил спасительную ставку на «рабочую ячейку» или по более красочному выражению — партийную ориентировку на «фабричную трубу»¹.

Но в условиях незрелости, тождества социальных противоречий нового общества коммунисты-рабочие не всегда оправдывали надежды аппарата. Децист Юренев писал, что коммунист-рабочий на производстве зачастую является не чем иным, как делегацией не вполне сознательных масс в нашу коммунистическую партию. Ему не раз приходилось наблюдать подтверждение этому в рабочих коллективах. Например, на общем собрании рабочих решается вопрос: продолжать забастовку или приступить к работам. Долгие дебаты. Наконец, красноречие иссякло и наступает голосование. В итоге — подавляющее большинство за стачку, а против — кучка, среди которой ни одного коммуниста. Нередко во главе рабочих, предъявлявших власти явно невыполнимые требования, становились коммунисты. «Коммунист-массовик не дорожит партией, легко разрывает с ней», — заключал Юренев².

Пролетариат — это протокласс для революционеров и охранителей, бюрократов и маргиналов. Существенную часть в его архетипе составляет психология наемного работника. Много говорили о двойной сущности крестьянства — крестьянин, он и труженик, он и собственник. Рабочий тоже двойственен, с одной стороны, он труженик, с другой — наемник и как таковой равно расположен и к «добру» и ко «злу». Как труженик — к созиданию и прогрессу, как наемник — к рвачеству и иждивенчеству, к маргинальному поведению, проще воровству.

События 1921 года показали, что рабочие тоже могут быть политически ненадежными, многие с раскаянием посматривали в сторону крестов когда-то отвергнутой Церкви. С другой стороны, в пролетарской среде процветало «шкурничество», безответственность и пьянство, поэтому в своих поисках надежной социальной опоры партаппарат шел еще дальше. В 1922 году, в условиях разложения партии и перерождения, Цека по ленинскому требованию выдвинул лозунг

¹ См.: Там же. Оп. 7. Д. 123. Д. 30.

² Юренев К. Указ. соч. С. 13.

«Курс на старого рабочего-партийца». С большим напряжением шел поиск активных партийцев с дореволюционным стажем, независимо от того, занимали они какие-либо ответственные посты или нет. Молотов сообщал в 1923 году, что таковых уже взято на учет полторы тысячи (менее 0,3%). Эта цифра говорит о том, что революционного прошлого в партии осталось даже не на три копейки, а на три гроша.

Требования Цека укреплять ячейки рабочими от станка, но без придачи таковым каких-нибудь привилегий ослабляло стимул у рабочих к вступлению в партийные ряды. Низовое партстроительство оказалось в двойственной ситуации. Определилось противоречие — либо отсутствие всякого влияния малочисленной и лишенной реальных полномочий комячейки на дела производства, либо закомиссирование и отчуждение. Первостепенной задачей партстроительства в 1922 году стал отход от идеализма в партийном строительстве, отказ от упования на бескорыстное и беспредметное подвижничество коммунистов и постановка партстроительства на твердую материальную базу.

Снятие противоречия пошло по пути, который указывал принцип двойной ответственности коммуниста: ячейка не имеет влияния на само производство, зато имеет возможность воздействия на капитанов производства. Партийные нормы не имели четких границ и прописанного кодекса. Для них не требовалось громоздких судебных учреждений, прокурора и адвоката. В случае необходимости можно было без проволочек обосновать и выдвинуть причины, чтобы изгнать зарвавшегося руководителя из партийных рядов, а, следовательно, с руководящей должности и покончить с его многотрудной карьерой если не навсегда, то надолго. Это была необычайно оперативная и действенная форма низового партийного контроля над функционерами, облеченными властью, которая не нуждалась в изматывающей юридической казуистике и не требовала долготерпения до истечения срока полномочий важного лица. Например, как в нашумевшем случае летом 1923 года, когда директор Раменской фабрики Головкин пропился, устроил скандал и был ячейкой исключен из партии¹.

То, что убрали пьяницу и скандалиста, было не диво, достойным внимания явилось то, что сняли его по настоянию ячейки. Орган низового партийного контроля показал себя в действии. Поэтому в советские времена номенклатура каждый раз больше опасалась недовольства партийных инстанций, нежели гнева своего отраслевого руководства. Правда, партийная ответственность являлась всего

¹ Обзор состояния на местах по письмам секретарей // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 194. Л. 1.

лишь инструментом, который можно было употребить и во зло и во благо. С течением времени элементы демократии в партийном контроле становились все слабее и бледнее, по мере того, как в организациях партийный централизм подчинял партийную демократию. В конце истории советского коммунизма, партийный централизм (принцип по сути благотворный и созидательный) намертво спаялся с корпоративным интересом партбюрократии в непоколебимом застое и партия уже действительно стояла до конца «как утес», по выражению Сталина, дожидаясь сокрушительного землетрясения. Партия не нашла в своем арсенале способов надежно оградить государственный и партийный централизм от мезальянса с узкоклассовыми интересами бюрократии.

В кухне партийной статистики наибольший интерес представляет не официальное пролетарское «лицо» партии, а та безликая и постоянно дискриминируемая чистками категория «служащих». По сути дела весь процесс партийного строительства тем или иным образом работал на формирование и шлифовку того узкого слоя ответственных коммунистических работников, которые составляли организационный элемент, так сказать, истеблишмент нового общественного уклада.

Например, по наиболее точным данным переписи 1926 года, всего в Советском Союзе насчитывалось 3 979 896 служащих¹. Эта цифра осталась без существенных изменений до конца нэпа, когда в 1928 году, уже согласно внутрипартийной статистике, в составе ВКП(б) было учтено 461 175 служащих всех рангов и категорий, т.е. 35,0% от всей численности партии². То есть в партийных рядах пребывало 11,6% от всего числа служащих, и это была своеобразная бюрократическая элита, из которой воздвигалась партийно-государственная управленческая иерархия.

Основную массу коммунистов-служащих составляли оперативные работники — 60% и 40% — ответственные работники. Вот эти 40 процентов — приблизительно 185 тысяч человек (на 1928 год) — и представляли собой святая святых советской общественной структуры, ее социальный стержень, точнее, тонкую прочную сеть, раскинувшуюся по всей стране, благодаря которой огромная территория бывшей империи после революционных потрясений стала вновь составлять единое государственное целое.

Пополнение этой боевой когорты происходило в постоянных борениях между принципом преданности системе и персональной

¹ Статистическое обозрение. 1928. № 5. С. 91.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 144. Л. 28.

компетентностью новых кадров, имевшей своим результатом тот печальный для партаппарата факт, что несмотря на пристальное внимание к социальному положению представителей номенклатуры в ее составе в течение 1920-х годов не удавалось достичь заветных 50 процентов выходцев из пролетарских низов. Согласно данным партийной переписи, на январь 1927 года удельный вес рабочих среди коммунистов-ответработников составлял 43,6%. Даже в самом партийном аппарате процент рабочих на руководящих должностях не превышал 45,2%; в среднем звене (завотделами, инструкторы) он опускался еще ниже — 37,5%; приблизительно столько же — 37,9% рабочих насчитывалось в массе оперативных работников¹.

В моменты обострения внутрипартийной борьбы между оппозицией и аппаратом обнаруживалось особо пристальное внимание последнего к социальному составу руководящих кадров первичных парторганизаций. Осенью 1928 года, во время борьбы с правой оппозицией, аппаратом была проведена очередная, «мощная», выражаясь словами ее организаторов, кампания по переизбранию низового партактива. И, как гласил отчет статотдела ЦК, количество производственных рабочих, привлеченных к руководящей ячейковой работе, «заметно выросло». Это было расценено как одно из «наибольших достижений последних перевыборов»².

Более внимательное изучение конкретных результатов кампании навеивает законное сомнение по поводу ее «достижений». Оказывается, «мощность» вполне измеряется одно-двухпроцентным приростом количества рабочих в бюро ячеек и среди секретарей по сравнению с 1927 годом, что по сути с большим основанием можно назвать не заметным ростом, а феноменальным топтанием на месте при титанических усилиях изменить социальные показатели в благоприятную сторону.

Процент действительных рабочих в составе бюро ячеек и среди секретарей оставался непозволительно и постыдно низок, учитывая, что речь идет все-таки о «рабочей партии» с идеологией «диктатуры пролетариата». Если на 1 декабря 1928 года в партии всего насчитывалось 41,1% рабочих (притом что на взятие этой процентной высоты вместе с производственными рабочими статистикой был брошен и младший обслуживающий персонал учреждений: швейцары, посудомойки и т.п.), то после указанной «мощной» кампании осенних перевыборов в составе бюро ячеек их оказалось всего 29,8%, а среди секретарей бюро и того меньше — 16,1%. В то же время, невзирая на все кампании, свое триумфальное шествие в партийных рядах и

¹ Там же. Л. 31.

² Там же. Д. 123. Л. 45.

колоннах продолжали второсортные «служащие» с третьесортными «прочими». Их общая численность в партии была равна 44,4%, в составах бюро — 55,1% и в качестве секретарей — 58,7%¹.

Сопоставляя лозунги, кампании и реальные результаты партийного строительства в 1920-е годы, сторонние наблюдатели и исследователи большевизма говорили так: ВКП(б) хочет, но ВКП(б) не может стать рабочей партией по составу своих членов. И тому имелось несколько причин: это и недостаточная политическая и элементарная грамотность рабочей массы; это так же ее, порой ярко выраженное, неприятие коммунистической политики. Но главная причина заключалась в другом. Главная причина имела свое происхождение в самой сущности того феномена, который назывался ВКП(б) и который являлся особым социально-политическим образованием, выполнявшим организационные и управленческие функции в советском обществе. Таким образом постоянная депролетаризация компартии являлась законом ее жизни. Любые социальные элементы, в том числе и рабочие, втянутые в сферу партийной жизни, рано или поздно изменяли своему классу, превращались в служащих на одном из уровней того огромного и многофункционального механизма, которым стала когда-то маленькая партия профессиональных революционеров.

Вопрос о регулировании роста партии был впервые поднят на VIII съезде РКП(б) в 1919 году, который стал знаменателен в истории компартии не только новой программой, но и ясным осознанием того факта, что логика преодоления революционного хаоса привела к необходимости положить в основание новой государственной структуры строго централизованную и дисциплинированную партийную организацию. Определившиеся всеобъемлющие функции партии-государства заставили ленинское руководство заняться совершенствованием партаппарата как реального органа власти, а также обратить внимание на социальный состав партии.

У Ленина и его окружения вызывало тревогу то обстоятельство, что усиленный рост партии после Октября происходил не только за счет рабочих, но и за счет выходцев из «подозрительных» марксизму крестьян и совершенно уже «негодного» прослоечного обывательского элемента. Однако, до генеральной чистки партии в 1921 году относительное количество рабочих в партийных рядах продолжало неуклонно падать при одновременном повышении удельного веса прочих.

Если, по довольно призрачной в те времена партийной статистике, в 1918 году среди 115 тысяч членов РКП(б) числилось 56,9%

¹ Там же.

рабочих, 14,5% крестьян и 28,6% служащих, то в 1920 году из 431 400 членов партии насчитывалось уже 43,8% рабочих, 25,1% крестьян и 31,1% служащих. Что там было с количеством и качеством партийных рядов после того, как стала очевидной военная победа большевиков, а затем, в 1921-м году, на них навалился жесточайший общественный кризис, сказать трудно. Сохранившиеся цифры разноречивы. В недрах статистического отдела ЦК отложились данные о том, что до чистки в партии состояло 576 700 человек¹. Но в свое время главный жрец партийной бюрократии, секретарь ЦК Молотов считал нужным проинформировать общественность о том, что вся наличность партии до чистки составляла 685 000 душ². В количестве убывших из партии за время чистки оба источника сходятся и показывают почти одинаковую цифру — около 170 тысяч человек, которые не смогли соответствовать высоким партийным критериям или же, наоборот, чьи запросы и требования не смогла удовлетворить сама партия.

В 1921 году Ленин, в период обуревавших вождя революции противоречий, выдвинул чрезвычайно жесткие условия, в которых должна была проходить чистка коммунистических рядов. В его довольно странных, с точки зрения формальной логики, требованиях привлечь к чисто внутрипартийному делу широкие беспартийные массы отчетливо проявилась потаенная сущность компартии. Организации, превратившейся в условиях «однопартийной» системы в особую, пугающую своей непознанной силой общественную корпорацию. Беспартийные рабочие и крестьяне, принимая участие в просеивании коммунистических рядов³, тем самым фактически должны были исполнять роль служителей первого круга чистилища, через которое проходили желающие проникнуть в господствующую верхушку Совдепии.

Чистка, а также сопровождавший ее стихийный уход коммунистов из-за голода или же по несогласию с новой экономической политикой, заметно преобразили социальный состав РКП(б). К началу 1922 года в ее организациях осталось приблизительно 401 800 человек, из которых условно считалось 44,4% рабочих, 26,7% крестьян,

¹ Там же. Д. 144. Л. 3.

² Молотов В.М. Указ. соч. С. 4. В организационном отчете ЦК на XI съезде Молотов привел такие цифры. До чистки в рядах партии числилось 659 тысяч, исключено 142 тысячи, добровольно покинули партию — 18 тысяч, осталось округленно 500 тысяч, не считая Туркестана, Брянской и Астраханской губерний, по которым данные еще не поступили. (Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 47.)

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 123.

22,2% служащих и 6,7% прочих¹. На самом деле реальный социальный состав партии был совершенно иным. К тому времени полукустарная партийная статистика еще только-только начинала осознавать всю замысловатость стоявших перед нею проблем по социальной идентификации членов РКП(б). В 1922 году в аппарате с тревогой отмечали процесс «обезлюживания» ячеек и главным образом за счет выхода массы рабочих и крестьян. В Цека прекрасно понимали, что упомянутые 44% или 171 тысяча рабочих в партии являлись чистой водой фикцией. Действительных рабочих, занятых на производстве, в РКП(б) всегда было не так уж и много, но после потрясений 1921–1922 годов их сохранилось совсем ничтожное количество. Такие пролетарские центры, как Петроград, на 17 тысяч членов партии показывали только 12% рабочих «у станка». В Москве этот процент был еще ниже, на 25 тысяч — всего 9%. «Нужны ли доказательства, что по РКП в целом положение будет значительно хуже?» — риторически спрашивал свою немую аудиторию Молотов². Партия, как она создавалась в ходе гражданской войны и военного коммунизма, оставалась в подавляющем большинстве служащей, чиновничьей, комиссарской.

На символических руках партии было очень мало машинного масла и слишком много чернил, чтобы руководство на Воздвиженке могло быть спокойным за ее положение в условиях нэповского отступления. В своей статье, опубликованной в «Правде», Молотов делился тревогами Секретариата ЦК и приглашал читателей пройти с ним на собрание типичной рабочей партийной ячейки и «внимательно всмотреться» в ее состав. Предлагаемое наблюдение должно было способствовать укреплению вывода о том, что в производственной ячейке большинство ее членов уже не заняты на производстве. Однако те, кто интересовался подобными статьями, и без Молотова прекрасно знали, что так называемые рабочие ячейки зачастую состояли преимущественно из членов фабзавкома, администрации предприятия, директора и всей их канцелярской челяди, часть из которых, вполне возможно, недавно стояла у станка и поэтому считала себя вправе гордо писать о себе в нужных анкетах «рабочий».

Дело еще совершенно юмористически приправлялось развитием практики прикрепления к рабочим ячейкам проштрафившихся управленцев из различных учреждений для преодоления бюрократизма и отрыва от масс. Как ни странно, но порой это поветрие закомиссарившихся чиновников под облагораживающее воздействие пролетария имело под собой не только строгую директиву партий-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 144. Л. 4.

² Молотов В.М. Указ. соч. С. 21.

ных инстанций, но и искреннее влечение воспитуемого. Бюрократы быстро сообразили, что высокий авторитет рабочей ячейки является неплохим козырем в конкурентной борьбе за руководящие посты, за продвижение по службе. Но, учитывая то обстоятельство, что даже в столицах соотношение реальных рабочих к остальным членам партии составляло один к десяти, то нетрудно представить, какая из этого могла получиться картина. Если верить Молотову, то «очень уродливая». Возникали «рабочие ячейки», где на одного недоуменного пролетария приходилось по пять прикрепленных ответ-товарищей во френчах и галифе¹. Кто здесь на кого влиял? Рабочий на бюрократа или же товарищ в галифе своим благополучным видом подавал пролетарию соблазнительную мысль последовать его примеру? Первым эта игра в демократию разонравилась самим рабочим, которые уже с нескрываемой враждой смотрели на неожиданных прикрепленных посетителей своих собраний.

Одним из проявлений кризиса в РКП(б) в начале нэпа стал выход подлинных рабочих «у станка» из партии. Информационная сводка ЦК за 1922 год по Тамбовской губернии сообщала: «Касаясь роста организации можно отметить одно характерное явление, общее для всех типично-крестьянских губерний — выходы и исключения из партии превышают вступление в нее»². В Тамбовской губернии с марта по сентябрь 1922 года из партии добровольно вышло 217 человек, вступило только 29 человек. Исключительно низкий процент в партии рабочих «у станка». В Тамбове единственный завод «Ремарт», на котором из 530 рабочих — 50 членов комячейки, из них лишь 34 работают на заводе (остальные «прикрепленные» в галифе), но только 11 собственно рабочих у станка. В уездах все выглядело еще хуже. Среди 3 000 текстильщиков Рассказово — 40 членов и кандидатов партии, на моршанской суконной фабрике из 1 500 рабочих — только 5 коммунистов³.

Начиная с XI съезда партийные форумы регулярно указывали на недостаточное число рабочих в партии и настойчиво подчеркивали необходимость «покончить с тем положением, когда на больших заводах, в крупных фабричных поселках и т.п. число членов наших партячек совершенно ничтожно» и работать над «увеличением пролетарского ядра партии». Однако возможность продвинуться в реализации этих категорических директив высших руководящих органов партии была весьма ограниченной до тех пор, пока не определилось осязуемое для пролетария улучшение в экономическом

¹ Там же. С. 17.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 110. Л. 163.

³ Там же. Л. 167.

положении страны. 1922/23 хозяйственный год был переломным в национальном хозяйстве. Удовлетворительный урожай, развитие промышленного кредита, расширение товарно-денежного обращения на основе золотого исчисления и твердой валюты, организованные мероприятия самой промышленности — все это имело своим следствием рост промышленности и увеличение численности рабочего класса. За 1922 год на предприятия прибыло рабочей силы 92,1 тысяч (7,3%) и за 1923 год — 108 тысяч (8,0%) человек.

В это же время, к концу 1922 года, по выражению Молотова, вновь наметилась тяга в партию. Он писал: «В рабочих массах наблюдается определенный перелом в отношении к нашей партии» и рост симпатий¹. Это обстоятельство, благоприятное для желательного роста партии за счет рабочих, было учтено XIII конференцией РКП(б) в январе 1924 года, которая приняла резолюцию «О партстроительстве». Резолюция намечала привлечь в партию крупные массы рабочих, батрацких элементов, а также сельской интеллигенции, сочувствующей коммунизму. В развитие резолюции Цека предложил принять не менее 100 тысяч новых членов, но прежде, чем это решение дошло до мест, умер Ленин. Смерть вождя резко активизировала кампанию, состоялся массовый «ленинский» призыв, в ходе которого партию пополнили около 200 тысяч человек — почти исключительно рабочих (как следует из официальных документов).

Однако излишняя доверчивость к подобной официальной статистике может сослужить плохую службу. Взятые сами по себе, эти цифры способны существенно исказить реальные тенденции в социальном составе огромного и полиморфного устройства, в которое превратилась партия большевиков. Для того, чтобы пропагандировать себя в качестве партии диктатуры пролетариата, она имела одну статистику, но для того, чтобы руководить, заниматься партийным строительством, аппарат держал под ключом другие исчисления, более приближенные к действительности. Партийно-государственная статистика в советском государстве всегда была явлением многосложным, так сказать диалектическим. Ее и следует рассматривать «диалектически», навряд ли того, как в свое время Ленин толковывал для партмасс диалектику стеклянного стакана. С одной стороны — сосуд для питья, с другой стороны, может служить как пресс-папье, с третьей — как тяжелый предмет может употребляться в качестве инструмента для бросания и т.д. Так и статистика, с одной стороны — наука, возникающая в результате общественной потребности в объективном отражении действительности, но с другой — внешняя респектабельность статистики и почтенный язык сложных

¹ Молотов В.М. Указ. соч. С. 4.

цифр очень пригодны для использования ее в третьем значении ленинского стакана, то есть как инструмента для метания в голову политических соперников, для массовой пропаганды нужных идей и т.д. Сама многогранная и противоречивая жизнь, которую изучает статистика, предоставляет для этого безграничные возможности.

Так, если обратиться к печальному году смерти вождя, то известно, что на 1 января 1924 года рабочих в партии насчитывалось 198 тысяч человек или 44,3% от общего состава, а через год, как гласит справка статотдела ЦК, их уже было 431 тысяча — 58,2%¹. Однако, поскольку справка предназначена для внутреннего пользования, то чуть ниже она приглушает свой оптимизм и доверительно сообщает, что накануне смерти Ленина действительных рабочих в партии состояло всего около 70 тысяч, то есть 15,8%. Как понятно, разница огромная и настолько существенная, что была в состоянии протаранить всю идеологию, которая составляла ответственнойнейший и неотъемлемый компонент советского коммунистического строя.

Несмотря на облегченные условия «ленинского» призыва в партию, хлопоты низового партаппарата и довольно мощный встречный поток рабочих заявлений о приеме в ряды РКП(б), XIII партсъезд остался недоволен результатами и предложил организациям «добиться, чтобы в течение ближайшего года в партии было больше половины ее состава рабочих от станка». В начале 1925 года статистика зафиксировала в партии действительных рабочих, занятых на фабриках, заводах, транспорте и прочее, уже до 254 тысяч или 34,3%. Но съездовская директива о достижении более чем половины рабочего состава не была выполнена даже на бумаге не только к очередному съезду, но и вплоть до форсированной индустриализации в СССР.

Во всем этом ритуальном флирте правящего аппарата с рабочими была и остается некая загадка. В конце концов его невозможно объяснить исключительно лицемерием и заботой выдерживать идеологическую марку пролетарской партии. Равно как и об отражении компартией непосредственных интересов рабочего класса можно говорить только в порядке сложного демагогического упражнения. История «диктатуры пролетариата» полна свидетельств тому, что по мере надобности коммунистическая власть так же бесцеремонно попирала гражданские права и экономические интересы стопроцентного пролетария, как и заматерелого кулака-миroeда, — заставляла голодать, гнуть спину, крепостила на предприятии, держала для него наготове патроны точно такого же образца, как и для крестьянского

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 144. Л. 6.

повстанца¹. Противоречия между партией и рабочим классом проявились практически сразу после прихода большевиков к власти. Но тогда еще никто из теоретиков партии не осмеливался придавать своим наблюдениям фундаментальный характер. Весной 1918 года многие говорили о «разгильдяйстве рабочих», а Бухарин на заседаниях комфракции ВЦИК пытался рассуждать не только о диктатуре рабочего класса, но и о необходимости «диктатуры над рабочим классом»².

В чем заключается исторический смысл постоянной, изнурительной борьбы партийно-государственной иерархии за пролетарский процент в своей партии? Ответ не может быть односложным, поскольку он заключается в обращении к анализу многофункциональности, по сути «антипартийности» того уникального социально-политического явления, которое в разное время носило название РКП(б), ВКП(б), КПСС. Административные, управленческие функции партии были всегда на виду, и о них много говорилось, но, как правило, непосредственному наблюдению бывают менее заметны наиболее фундаментальные свойства. Справедливо сказано, что большое видится издалека.

Власть, воплощенная в партии, сумела на определенном историческом отрезке относительно удачно решить извечную проблему своего губительного отчуждения от общества. Именно в силу корпоративности, кастовости дворянство России исчерпало свои возможности служить опорой царского престола на местах³. Замкнутые сословия, окостенелые касты, оторванные элиты уже не имели никаких шансов на устойчивое положение и авторитет в обществе XX века, многому наученном революциями XVIII–XIX столетий. XIX век был призван решить глобальную проблему отчуждения власти и собственности от общества в Европе, век XX был должен повторить этот опыт в России. Но европейские нации вырабатывали пути решения этих вопросов, опираясь на собственное историческое наследие. Россия вынуждена была искать свои способы, ибо, как показал кратковременный опыт в начале века, попытки копировать Европу, искать решение в русле капитализации и либерализации страны оказались в состоянии не только усугубить имманентные противоречия российского общества и разложить традиционную систему его государственной организации, но и породить новые

¹ См.: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 143–165.

² РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

³ Евреинов Г.А. Прошлое и настоящее русского дворянства. СПб., 1898. С. 103.

противоречия. В итоге не замедлили явиться очередное поражение в военном испытании и нахлынувший революционный хаос.

Исторически большевики были призваны в конечном счете смягчить и эту фундаментальную проблему, проблему отчуждения власти и собственности от общества. И она на известное время была решена в форме сложившегося института «Партии» как совокупного, организованного собственника и распорядителя, при этом, что очень важно, постоянно открытого для притока свежих сил из общественных низов. Разумеется, становление такой сложной и всеобъемлющей общественной структуры не могло не повлечь за собой столь же обширнейших и разнообразных последствий.

По мере того, как после Октября партии большевиков удавалось закреплять свой исторический успех, в нее хлынули толпы проходимцев и ловкачей. Это были нужные партии люди, которые ради обретенных с партийным билетом привилегий и полномочий готовы были исполнять любые приказы сверху и жестокими мерами проводить необходимый разваленной стране принцип централизации государственной власти. Однако партия была не безгранично открыта для подобного сорта личностей, поскольку помимо всяческих удобств для начальства они приносят с собой тенденцию отчуждения от здоровой общественной основы и загнивание. Партия нуждалась в постоянной живой связи с социальной основой общества, дабы время от времени иметь возможность удалять из своего организма «гнилую кровь» в виде абсолютных разложившихся и усомнившихся оппозиционеров, обновлять ее притоком свежих, рвущихся к привилегиям и административному творчеству элементов из низов.

Особое внимание архитекторов компартии к рабочему классу было вызвано не только ее идеологическим наследством. Само по себе это наследство, набор основных постулатов, как показывал опыт, было подобно хорошей глине в руках умелого ремесленника, которую можно было мять и лепить как угодно вокруг незыблемого каркаса — сугубо централистического принципа построения и жизнедеятельности общества. И в этом деле не вполне были пригодны социальные элементы, склонные, как крестьянство, к хозяйственной или же, как интеллигенция, к умственной самостоятельности. Требовался слой, обладающий определенными организационными навыками, грамотностью, кодексом морального поведения, но который по своей сути являлся бы зависимым, наемным работником, не обремененным собственностью и не оделенным хозяйственной самостоятельностью. То есть таким, каковым в идеале являлось чиновничество на службе у государства, полностью зависимое от его милостей.

Однако бюрократия не могла стать исключительной основой партии, поскольку именно ей как силе, ассоциированной с государством и наиболее отчужденной от общества, требовался постоянный свежий приток из базовых слоев общества. Сталин предостерегал, что ни в коем случае «не следует рассматривать кадры партии как нечто замкнутое». Необходимо пополнять кадры за счет молодняка, «без этого существование кадров бесцельно»¹. И в этом случае идеальным донором для нового государственного организма оставался пролетариат как класс, наиболее всего подходящий по указанным критериям служилой государственной бюрократии.

В 1920 году IX партсъезд вынес решение, обязывающее ячейки ежемесячно выдвигать из своей среды от 5% до 10% товарищей на ответственную работу. Впоследствии подобная практика оценивалась Молотовым с усмешкой как дилетантизм. В 1921 году ЦК выпустил циркуляр всем партийным организациям с директивой о выдвижении партийных. Уезды выдвигают за полгода не менее 10% своих работников для работы в губмасштабе. Губкомы выдвигают своих работников на областной уровень и «выше», все материалы посылаются в ЦК². В июне 1921 года было разослано обращение ко всем партийным организациям «О выдвижении беспартийных». Смысл обращения — призыв к вовлечению лучшей части беспартийной рабочей массы в советскую работу. Основной источник, из которого партия должна черпать свежие силы, — это беспартийные пролетарии, честно относящиеся к выполнению своего классового долга и крестьяне, безусловно преданные Советской власти, пользующиеся влиянием среди лучшей части деревни. Отбор производят парткомы при обязательном проведении беспартийных рабочих в соваппарат — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ в состав местных исполкомов и коллегий отделов, работа которых особенно касается интересов трудящихся³.

Рабочие составляли протокласс советского строя. Из этой среды вербовались представители ведущих слоев: бюрократия и интеллигенция, которые представляли устойчивые классы, имевшие тенденцию к отрыву от примитивизма мобилизационного общества. Для того, чтобы можно было поддерживать мобилизационное состояние общества, необходимо было сохранять при власти неоформившийся протокласс с минимумом отчужденных интересов. Поэтому в советское время предпринималась политика сдерживания развития социальной структуры общества. Если бы у творцов истории имелась волшебная возможность «законсервировать» социальную структуру

¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 125.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 147. Л. 148.

³ Там же. Л. 149.

1920-х годов, то политическая система «сталинизма» оставалась бы неизблемой до скончания веков.

Тем не менее, процесс структуризации новой общественной пирамиды происходил быстрыми темпами, в силу довлевшей суровой потребности неупорядоченного послереволюционного общества в рациональной системе социальных приоритетов. Сталин и его аппарат первыми сознательно отнеслись к этой объективной потребности и даже с успехом подтвердили известную философскую максиму о том, что свобода есть познанная необходимость, «оседлав» закономерный процесс, в то время как их политические конкуренты продолжали мистифицировать в тумане революционной фразеологии по поводу «диктатуры пролетариата» и «бесклассового общества». Именно та пресловутая серость и неказистость, которыми Троцкий постоянно пытался публично уязвить «маленького человека» Сталина, сделали того намного пронизательнее и дальновиднее, чем это могли дать самые высокие трибуны для первого оратора партии.

Но на этом проблема не исчерпывается. Троцкий постоянно твердил, что Сталин является «олицетворением бюрократии», и как всегда суживал проблему. Сталин, его китель и сапоги являлись олицетворением не только бюрократии, но всего послереволюционного общества. В своей оценке причин возвышения Сталина Троцкий постоянно делал акцент на объективных обстоятельствах: «Диалектика истории уже зацепила его и поднимет его». Его характеристика Сталина как олицетворения бюрократии и ее инструмента, как человека, обязанного своими политическими успехами собственной посредственности, была односторонней. Троцкому просто было не под силу признать, что Сталин переиграл его в политической борьбе. На самом деле в процессе возвышения Сталина не было ничего «автоматического». «Нужно быть политически и тактически одаренным человеком, чтобы так как он, найти верное течение в бурных водах большевистской политики»¹.

Кадровая, рутинная, но очень своевременная в плане государственного строительства работа стала главным оружием «чужеского грузина» в борьбе за личную власть. В 1937 году в узком кругу своих приближенных Сталин сказал следующее. «Известно, что Троцкий после Ленина был самый популярный в нашей стране. Популярны были Бухарин, Зиновьев, Рыков, Томский. Нас мало знали, меня, Молотова, Ворошилова, Калинина. Тогда мы были практиками во времена Ленина, его сотрудниками. Но нас поддерживали средние кадры, разъясняли наши позиции массам. А Троцкий не обращал

¹ Тажер Р. Указ. соч. С. 353.

на эти кадры никакого внимания. Главное в этих средних кадрах. Генералы ничего не могут сделать без хорошего офицерства». «Так, не мудрствуя лукаво, в редкую минуту откровения вождь рассказал о том, какую роль сыграл аппарат в его восхождении. Вот здесь его смело можно назвать не только великим практиком»¹.

Впрочем, Сталин был не совсем прав в том, что до него никто не обращал внимания на среднее партийное руководящее звено. Союз Троцкого и Секретариата ЦК в 1920 году и поддержка их платформы в дискуссии о профсоюзах со стороны среднего руководящего звена являлись продуктом интереса Троцкого именно к этой части советско-партийной иерархии. Однако Троцкий с его специфическими публичными талантами и громадными амбициями оказался не столь способным и терпеливым епископом, как того требовала капризная бюрократическая паства.

Диктатура рождается не из замыслов диктатора, а из поддержки масс, которые несут лидера к диктатуре. При всей своей власти над аппаратом в 1920-х годах диктатором над страной Сталин еще не стал, широкие массы его не знали. Несколько лет после смерти Ленина в западных справочниках «Who is who» из галереи всей советской элиты помещали изображения единственно Троцкого, уже утратившего свое реальное значение. Со Сталиным политические круги Европы еще не были знакомы и не понимали его роли в системе коммунистической власти.

¹ Лельчук В.С. Послесловие // Там же. С. 451.

Глава 6.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ВЕДОМСТВЕННОСТЬ

Успехи Троцкого и натиск на военное ведомство

Государственный централизм, а соответственно и корпоративный интерес новой государственной бюрократии превратились в доминирующие факторы буквально с первых лет и даже месяцев существования советского общества. Здесь не было тайных козней революционных заговорщиков, в этом проявлялось естественное для любой социальной группы стремление к упрочению своего статуса, тем более опиравшееся на объективную общественную потребность в усилении роли государства. Нетрудно заметить, что всеобъемлющие кризисы 1917, 1921 и 1923 годов в конечном счете разрешались централизованным путем, методами государственного регулирования и принуждения. Государство смягчало и снимало противоречия между основополагающими частями общества, между городом и деревней, концентрировало ресурсы, и в этом заключалась его огромная историческая роль. Эта роль стала объективной причиной укрепления самого государственного аппарата в послереволюционном обществе и его последовательного возвышения до седьмых небес государственного абсолютизма. Из каждого кризиса, сколь бы тот ни был тяжелым и болезненным, госаппарат и его основа — аппарат партийный, выходили окрепшими и еще более уверенными в собственных силах и начертаниях. Сам Троцкий признавал, что именно обострения противоречий нэпа позволили бюрократии возвыситься над обществом¹.

Рост государственного сектора в экономике, развитие политической системы государственного абсолютизма порождали трудности и закладывались в основу социальных кризисов 1921, 1923 годов и далее, но вместе с тем они же создавали необходимые предпосылки

¹ Троцкий Л.Д. Сталин. М., 1996. Т. 2. С. 145.

для их преодоления. Первый собственно внутринэповский кризис 1923-го года явился сигналом того, что система нэпа завершила свое становление, ее главные противоречия сформировались и противоположности пришли в активное соприкосновение. Глубоко символичным оказалось то обстоятельство, что оживление экономики и выход из кризиса пришлось на начало 1924 года и совпали со смертью Ленина. С этого рубежа открывался новый этап государственного прагматизма в политике, оставивший позади эпоху диктата революционного идеализма.

В первой половине 1923 года все политические массовые кампании: 25-летний юбилей РКП(б), 1 мая, демонстрации против ультиматума Керзона и по поводу убийства Воровского — повсеместно за редкими исключениями проходили с большим подъемом рабочих и крестьянских масс, даже в тех случаях, когда их материальное положение не внушало оптимизма. Враждебное настроение к Советской власти и компартии выявилось среди рабочих и крестьян в Смоленской губернии перед XII съездом партии. Органами была установлена связь бастующих фабричных в Ярцеве с ненадежными рабочими Прохоровской мануфактуры в Москве, среди забастовщиков отмечалась активизация меньшевиков, эсеров и представителей группы «Рабочая правда».

Информационный аппарат партии накануне осени 1923 года печально констатировал ухудшение общего политического положения в СССР¹. Ухудшение нарастало постепенно, под влиянием затяжного неблагоприятного экономического развития страны, которое с небольшими перерывами длилось с лета 1922 года и особенно заметно обострилось в промышленных районах с мая-июня 1923 года. Изменения в политическом настроении трудящихся масс к осени 1923 года характеризовались признаками колеблющейся неустойчивости и неопределенности, которые временами и местами переходили от подавленной пассивности и тревоги к широкому недовольству и волнениям. Настроение рабочих масс промышленных центров со второй половины года прошло через все стадии и формы недовольства: от скрытой подавленности и тревоги, через раздраженный ропот и подачу письменных заявлений-петиций с угрозами приостановки работы, через устройство стихийных собраний с выражением недоверия и срывом официальных докладов — до стачек, принимавших характер широкого массового и упорного движения в пределах крупных промышленных районов.

Список конкретных причин, вызывавших недовольство рабочих, был внушителен, но в основе всего лежало недовольство уровнем оп-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 192. Л. 1-114.

латы труда и задержками заработной платы. Попытки хозяйственного руководства снизить цены на промтовары провоцировали увеличение норм выработки и снижение ставок квалифицированным рабочим (тарифные ставки оценивались в 40–45% от довоенных). Также практиковалась выплата заработка облигациями госзаймов, иногда в размере 90%, кроме этого имели место постоянные и значительные отчисления из кармана рабочих на различные цели. Со своей стороны рабочие обвиняли администрацию предприятий в неспособности управлять делом, в грубом обращении с персоналом, нарушениях коллективных договоров. Отмечалась бездеятельность, разгильдяйство и пьянство фабзавкомов, несостоятельность профсоюзов. Рабочие кварталы угнетала массовая безработица в связи с закрытием кризисных предприятий.

Однако все эти волнения и выступления масс, как правило, не имели политической направленности, движение носило чисто экономический характер, возникало и прекращалось в зависимости от колебаний уровня условий жизни рабочих. Несмотря на административное снижение рыночных цен на изделия городской промышленности, расхождение пресловутых «ножниц» повсеместно продолжалось и осенью. В стенах ЦК РКП(б) серьезно тревожились, что все это создает благоприятную почву для активизации меньшевиков и эсеров, ушедших в подполье. Религиозные массы потянулись от расколотой православной церкви к подпольному сектанству. Участились вспышки бандитизма не только уголовного, но и контрреволюционного характера.

Настроение крестьянских масс как в промышленных, так и в земледельческих губерниях представляло собой гораздо более пеструю картину по сравнению с настроениями рабочих. Оно отличалось неустойчивостью и неопределенностью. Более или менее сочувственное отношение крестьян к бандитизму наблюдалось только в Пензенской и Пермской губерниях. Мелкий или неорганизованный уголовный бандитизм чаще всего не находил поддержки у земляков.

Крестьяне в большинстве случаев жаловались на плохой состав работников сельских и волостных Советов, школьную разруху в деревне, бестактное и грубое отношение со стороны соворганов и особенно финансово-налогового аппарата. Вызывало недовольство несоответствие налоговых ставок экономическим возможностям губерний, уездов и хозяйств. В связи с налогами также постоянно слышался ропот на завышение денежного эквивалента налоговых ставок по сравнению с рыночными ценами на хлеб (налоговые ставки выше рыночных цен). Особенно крестьян злило начавшееся возвращение бывших помещиков в свои поместья в качестве управ-

ляющих совхозами. В этом крестьяне усматривали прямую угрозу основе своего существования — аграрным приобретениям периода революции. Несмотря на нелегкое экономическое положение, крестьянство в большинстве своем повсеместно выявило решимость откупиться от возможной войны с империалистами какой угодно материальной уступкой, но только не ценой сдачи основных завоеваний Октябрьской революции — земли и рабоче-крестьянской власти.

Нэп породил определенное самодовольство кулачества на почве роста и укрепления материального благополучия и хозяйственной независимости. «Однако нэп, как таковой, кулачество полностью не удовлетворяет, поскольку в процессе быстрого роста своей экономической мощи кулачество с известного момента наталкивается на Соввласть, которая задерживает и связывает его дальнейшее усиление. Поэтому кулачество в подавляющем большинстве настроено враждебно к РКП и повсеместно отрицательно относится к органам Соввласти, находящимся под влиянием коммунистов, стремясь захватить низовые советские органы в свои руки», — отмечалось в обзоре Оргинструкторского отдела ЦК. Беднота и батраки по-прежнему являются основной социальной базой Соввласти и РКП(б) в деревне. Но ухудшение положения деревенских низов создает основу для роста враждебных настроений и в бедняцкой среде, поскольку кулачество закабаляет и подкармливает бедноту и батраков, настраивая их против Соввласти¹.

Нервная обстановка в стране порождала благоприятные условия для разного рода настроений и фракционной борьбы в партии. Накануне XII съезда РКП(б) член ЦК А.Смирнов вернулся с владимирской губпартконференции, полный тревожных впечатлений: «Во Владимире “по слухам” из Москвы есть представление, что в ЦК имеются группировки, ставящие перед собой цель (по болезни Ленина) увлечь партию на путь троцкизма». В чем сущность троцкизма никто толком не знает, но на конференцию из Социалистической академии приехал бывший секретарь владимирского губкома Тагунов и говорил отдельным товарищам, что необходимо выступить в защиту ленинских традиций, попираемых троцкистами. Он говорил, что с этой целью из Москвы в провинцию поехали восемнадцать видных товарищей, в т.ч. Шляпников — в Петроград (будто бы). Тагунов успеха не имел, не был понят и покинул конференцию»².

В 1922 году XI съезд РКП(б) не стал съездом Троцкого, но таковым отчасти получился очередной XII съезд партии. Недруги Троцкого

¹ Там же. Л. 27, 28.

² Там же. Оп. 112. Д. 415. Л. 107.

бросили его в прорыв с расчетом, что он дискредитирует себя на самой сложной проблеме текущего момента. (Подобно тому, как Ленин с 1917 года бросал его вначале на провальный дипломатический участок, затем на кризисное продовольствие, потом на военное строительство и погибающий транспорт.) Зиновьев делал бесконечный, ни к чему не обязывающий представительский доклад. Сталин монотонно изложил важный, но скучный оргвопрос. Троцкому поручили докладывать самую болезненную тему — стратегию хозяйственной политики нэпа. Троцкий сделал блестящий доклад, в котором охарактеризовал существо противоречий нэпа и представил образное пояснение текущих проблем хозяйственной политики — знаменитые «ножницы» цен.

Но что было самым обидным и обескураживающим для Сталина, решения XII съезда, согласно последней воле Ленина, были направлены против т.н. «великорусского шовинизма» и, в частности, против линии Сталина в национальной политике. Восторжествовал лозунг: «Переломить националистический хребет великорусского шовинизма». Позже, на 4-м Совещании по национальному вопросу один из украинских комсепаратистов Скрыпник скажет: «Великодержавный централизм, имеющий своей формой единую и неделимую Россию, точка зрения, осужденная и пригвожденная к позорному столбу нашим XII партсъездом»¹. В ответ на это Мануильский, один из самых сдержанных украинцев, парирует, вызвав гнев рьяных националов и Троцкого: если мы из решений XII партийного съезда сделаем своего рода «хартию вольностей» для наших национальностей, и если коммунисты угнетавшихся национальностей возьмут на себя в этом направлении инициативу, «мы будем способствовать только развязыванию этой национальной стихии»².

Стенограммы XII съезда содержали невыгодный для Сталина материал, поэтому сразу после его завершения Секретариат постановил изъять из обращения сброшюрованные бюллетени съезда, отредактировать принятые резолюции и только потом опубликовать его протоколы³. В «Правде» была помещена специальная директива всем парткомам о недопустимости издания резолюций и протоколов съезда до их окончательного утверждения редакционной комиссией и официального издания ЦК⁴.

¹ Тайны национальной политики ЦК РКП: Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.: Стенографический отчет. М., 1992. С. 240.

² Там же. С. 250.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 446. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 461. Л. 4.

Сталин хотел построить Российскую Советскую Социалистическую Республику. Благодаря Ленину возник СССР. Но сама партия как раз и была построена на принципах выдвинутой Сталиным автономии. Национальные компартии являлись автономиями в составе РКП(б). Это, в конечном счете, решало все. Уступив Троцкому по вопросам национальной политики, Сталин не стал долго раскачиваться. Сразу же после съезда, справившись о здоровье Ленина, он решил немедленно восстановить свои пошатнувшиеся позиции, не дожидаясь очередного партийного форума.

Сталин в своем образе действий временами проявлял совершенно противоположные качества. В одних случаях он мог годами терпеливо выжидать благоприятных условий для решительных поворотов в политике. В другой раз он действовал без всякой раскачки и проявлял мгновенную реакцию в расправах со своими оппонентами. XII съезд закончил свои работы 25 апреля 1923 года, а 4 мая на заседании Секретариата уже было утверждено решение ЦКК об исключении из партии М.Х.Султан-Галиева, слишком понадевавшегося на влияние Троцкого в вопросах национальной политики¹.

Затем ЦК партии в начале июня созвал 4-е Совещание по национальному вопросу. В истории с этим Совещанием сплелись многие сюжетные нити, в том числе и невидимые. И невидимые, как всегда, являлись наиболее значительными. Дело было, конечно, не в попытках крайних националов, типа Султан-Галиева, составить заговор против московской власти. Ситуация с национальным строительством в СССР была столь запутанной и непредсказуемой, что так или иначе у каждого, кто имел отношение к этому делу, имелся свой скелет в шкафу. Любому можно было предъявить обвинение либо в правом, либо в левом уклоне или в великодержавности, или в национализме. Резонно предполагают, что Сталин решил взять реванш в национальной политике после трепки, заданной ему Лениным в 1922 году по национальному вопросу в дискуссии об автономизации и федерализме — в той области, где его привыкли считать «абсолютно авторитетным». Но еще вероятней то, что Сталин выбрал хорошо известное ему поле национальной политики в качестве позиции для авангардного сражения после бесславно-го отступления под ударами коалиции Ленина и Троцкого в конце 1922 — начале 1923 года. Здесь кстати и подвернулся Султан-Галиев, который оказался удобен тем, что в своих нападках на принцип автономизации зашел еще дальше Ленина (он в принципе возражал против деления национальных республик на союзные и автономные). И самое главное — это то, что единомышленники Султан-

¹ Там же. Д. 446. Л. 3.

Галиева после XII съезда партии прямо заявляли, что теперь их защитник — это товарищ Троцкий¹.

Диспозиция боя на поле национальной политики была выгодна для Сталина, поскольку Троцкий в национальном вопросе являлся таким же двухнедельным удалцем, как в свое время в вопросе о профсоюзах. Особый интерес Троцкого к национальным проблемам проявился с XII съезда, а до этого националы не чувствовали особенно благотворного влияния товарища Троцкого в борьбе с «великорусским шовинизмом». Ленин накануне съезда направил Троцкому письмо, в котором предложил заняться нацвопросом. Троцкий в 1923 году напечатал в «Правде» ряд «ценных и чрезвычайно своевременных» мыслей, как объявили некоторые из националов, поэтому Сталину было важно выбить из рук своего главного противника национальное оружие и изолировать его союзников. Но Троцкий на Совещании не принял боя, он не оправдал надежд тех, кто считал его своим защитником, как Султан-Галиев. Итоги Совещания были таковы, какими желал их видеть Сталин. Однако этот успех имел только тактический характер, необходимо было выходить на оперативный простор.

Партия еще не пережила последствия глубокого кризиса 1921–22 годов. Для рядовых коммунистов оставалось характерным неблагоприятное материальное положение; руководство партии продолжали беспокоить состояние дисциплины в организациях и не прекращающиеся выходы из партийных рядов. В специальной справке аппарата ЦК «Выходы из партии» таковые были оптимистично названы «естественным процессом откristаллизовывания доподлинно стойкой основной партийной массы»². По некоторым губерниям за 9–10 месяцев 1922 года обнаружилась потеря 7–9% партсостава. Кстати, в разных губерниях картина выглядела существенно по-разному — где-то отток из партии превышал вступление новых членов, а где и наоборот. Например, в очень проблемной по части дисциплины смоленской организации вступление парадоксальным образом превысило выход и исключение.

Анализируя материалы, поступавшие с мест, в Москве делали вывод, что влияние нэпа, безусловно, увеличивает выход из партии. «Можно определенно указать, что выходов из партии по мотивам идейного несогласия с нею нет». На деле группы уходящих «несогласных» с нэпом и с программой партии скрывают под этим свое стремление развязать себе руки для нэпа. Искренне несогласные

¹ Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 29.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 303. Л. 5.

рабочие просто не понимают новый курс, а не являются его принципиальными противниками. 85% вышедших вступили в партию в 1919–1921 годах, при 65% от общего количества членов партии с указанных лет. Только 0,8% вышедших относятся к тем, кто вступил в нее до февраля 1917 года, при общем количестве коммунистов с этим стажем — 14%. Вышедшие из партии со стажем с 1918 года составляют 6%, при общем количестве в партии — 20%. Отсюда видно, что молодежь являлась менее устойчивым и надежным элементом партии в передрягах новой политики.

Если верить официальной статистике, то 50% вышедших составили крестьяне. Среднего крестьянина тянули из партии перспективы участия в свободной торговле, бедняк уходил из партии, не найдя в себе сил вынести это окружение крепнущего благополучия. Характерные заявления уходящих крестьян: «Интернационалом заниматься теперь некогда, мои убеждения теперь — это плуг и борона». Рабочие, ушедшие из партии, составили 35% от общего количества. В среду рабочих нэп первоначально внес глубокое разочарование и тоску по потребительскому коммунизму. Многие рабочие двинулись из партии не к станку, а к плугу или в предпринимательство нэпа. В целом, среди покинувших партию по различным мотивам одно из видных мест занял прямой отход от партии в нэповские объятья — 20–25%¹.

В этих условиях партийное руководство среди своей коммунистической паствы старалось проводить политику «лисьего хвоста и волчьей пасти». Признание необходимости ликвидации материального неблагополучия членов партии нашло свое выражение в известных решениях XII конференции РКП(б) в августе 1922 года по улучшению материального положения активных членов партии. С другой стороны, 23 ноября 1922 года Секретариат ЦК в целях борьбы с разложением парторганизаций постановил предложить всем губкомам считать всякого подавшего заявление о выходе выбывшим из партии автоматически, причем новое вступление в партию выбывших допускать лишь на общих основаниях².

29 марта 1923 года Секретариат принял проект секретного циркуляра всем губкомам и обкомам «Об исключенных из РКП», при этом любопытно, что на места он был разослан только 8 мая — после XII съезда партии. Там говорилось: «По имеющимся в ЦК материалам за последнее время выявились группы из бывших членов партии (исключенных и добровольно вышедших) враждебно относящиеся к РКП и Соввласти. В большинстве случаев в состав этих групп входят

¹ Там же. Л. 6.

² Там же. Оп. 112. Д. 389. Л. 4.

карьеристские или анархические элементы, из которых некоторые занимали раньше ответственные посты. Ныне, находясь вне партии, и будучи сняты с прежних постов, они вносят деморализацию не только в беспартийную массу, но иногда в ряды отсталых членов РКП, с которыми у них сохраняются старые связи. При этом, как показывают факты, они нередко выдвигают “левые” лозунги (борьба с нэпом, необходимость рабочей оппозиции и т.п.), прямо или косвенно борются против политики РКП, блокируются с меньшевиками и эсерами и являются в большинстве случаев зачинщиками и организаторами всяких “волеынок” на фабриках и заводах». Цека распорядился начать беспощадную борьбу с этими группировками, приравнивая их ко всем антисоветским группировкам. Предписывалось полное прекращение отношений членов РКП(б) с подобными элементами и строгий отчет с мест о проведенных мероприятиях¹.

Судя по обзорам Цека, в начале нэпа партийная организация Смоленской губернии, как, впрочем, и сама губерния в целом, такая близкая от стен Москвы, стала буквально бельмом на ее глазу по части неблагополучия. То опаляющее дыхание польского фронта, то погромы, то невиданный взлет самогоноварения и разгула — словом сказывались вековые исторические корни Речи Посполитой. В организации в течение всего 1922 года наблюдалось значительное развитие болезненных явлений. Среди членов партии и в первую очередь в рабочих ячейках господствовало упадочническое настроение, выражавшееся в недовольстве всеми антисоциалистическими явлениями, возродившимися с новой экономической политикой. Была полоса массовых выходов и исключений из партии. Во всех уездах в больших размерах отмечалось пьянство. «В Дорогобужском, Демидовском и Мстиславском уездах склоки приняли размеры, грозившие полным развалом уездных организаций». Некоторые руководители были преданы суду ревтрибунала за уголовные преступления. После того, как в конце 1922 года партийным руководством губернии была взята «твердая линия», в организации стала заметна благотворная «тенденция к усилению сплоченности и повышению активности». Притом неизменным осталось лишь пьянство, приносящее характер постоянного явления в смоленской организации. Пьянством оказалась заражена вся организация, кроме губкома, который на своем островке трезвости погрузился в научную задачу всестороннего изучения этого явления².

По итогам первой половины 1923 года в Москве считали, что среди наиболее важных промышленных губерний в хорошем, ус-

¹ Там же. Д. 422. Л. 39.

² Там же. Оп. 11. Д. 110. Л. 149.

тойчивом состоянии находятся только харьковская и нижегородская парторганизации. Шахтерская юзовская организация, как значится в обзоре, «пребывала в растерянности». В число неблагополучных угодили Екатеринославская, Екатеринбургская, Одесская, Петроградская и Брянская губернии. На первое место в сводке болезненных явлений по партии вышло пьянство. Например, в петроградской организации систематическое пьянство наблюдалось весь 1922 год и продолжало без перерыва развиваться в 1923 году, как в самом городе, так и в уездах. Не было секретом, что члены партии пьянствуют не только в одиночку, но иногда целыми коллективами предприятий. Стали известны даже случаи залога партбилета, за бортом организаций оказались сотни исключенных за пристрастие к выпивке. Если верить екатеринбургскому губкому, то в этой организации усилиями властей пьянство удалось «загнать в подполье», однако две совершенно спившиеся волостные организации пришлось ликвидировать вообще¹.

Тем не менее, по сравнению со всеми невзгодами прошлых лет, в Цека полагали, что состояние парторганизаций на начало лета 1923 года можно считать вполне спокойным. Признаки склоки были обнаружены только в башкирской, азербайджанской, ойратской, кабардинской и рязанской организациях. В штабе партии, конечно, видели, что пьянство и хозобрастание продолжают постепенно разъедать моральный облик ответственных уездных и губернских работников. Практически везде имелись болезненные явления, но они касались лишь отдельных лиц и групп партийцев и борьба с ними велась в индивидуальном порядке. В это первое, относительно спокойное послевоенное лето всех ответработников охватила эпидемия отпусков и курортных лечений, поэтому кроме увеличения финансовых расходов в работе советских, профсоюзных, хозяйственных, кооперативных и партийных органов воцарилось «сильное затишье», резюмировали информационные подразделения Цека партии².

«Сильное затишье», наступившее в партии летом, стало благоприятным временем для подготовки партаппаратом генерального наступления на Троцкого. Если в 1922 году после XI съезда партии Цека сосредоточил свое внимание на руководящих партийных кадрах и партийном активе, то после XII съезда внимание центрального кадрового ведомства распространяется на всю советскую бюрократию. Началось выборочное обследование наркоматов и партийных

¹ Там же. Д. 192. Л. 42.

² Там же. Д. 194. Л. 1.

организаций для создания плана распределения партийных сил — т.е. учреждения института номенклатуры.

С апреля 1923 года Совещание заведотделами ЦК, как правило, собиралось под председательством секретаря ЦК Рудзутака. На заседаниях Совещания присутствовала вся верхушка аппарата ЦК — заведующие отделами, их замы, помощники и ответственные инструкторы. Рассматриваемые там дела являлись вопросами уровня Оргбюро, главным образом переводы и назначения руководящих работников по ведомствам и губерниям. То есть вся практическая стадия решения вопросов перед их утверждением на Секретариате ЦК. Судя по материалам Совещания, после XII съезда Сталин необычайно ретиво взялся за руководящие кадры СССР и партии, заметно интенсивней стала работа по «перетряхиванию» секретарей губкомов РКП(б).

Оргбюро отсюда выглядит вообще как какой-то пережиток. Совещание сплошь и рядом изменяет, отменяет или благосклонно подтверждает постановления Оргбюро по кадровым вопросам; назначает и утверждает командиров и комиссаров корпусов, дивизий, соглашается с предложениями ВСНХ по составу правлений трестов, рассматривает и решает вопросы по руководящим кадрам ГПУ в губерниях, а также массовых перебросках работников в органы ГПУ. Через два месяца после XII съезда в целях большей секретности и оперативности работы состоялась «личная уния» ведущих цеховских подразделений — заоргинструкторским отделом Каганович был назначен одновременно заведующим Учетно-распределительным отделом ЦК¹. Кроме этого из руководства Оргинструкторского и Учетно-распределительного отделов были удалены или потеснены со своих мест некоторые заслуженные старые работники. Кто-то ушел в ЦКК, кто-то подался в ответинструкторы, из прежнего ядра отделов на руководящих должностях остались очень немногие лица. В отпускной период в августе–сентябре в Оргинструкторском отделе работало 50–60% всего состава сотрудников, причем около 50-ти из них были заменены новыми товарищами.

После окончания отпусков и назначения руководящих работников в аппарате началась систематическая работа — уточнялся план, готовились силы и перестраивался механизм принятия решений². С сентября 1923 года на Совещании заведотделами стал регулярно председательствовать не секретарь ЦК, а заоргинструкторским отделом, аппаратчик Каганович. Тем самым фактически Совещание как таковое постепенно упразднялось и заменялось одним уни-

¹ Там же. Оп. 112. Д. 454. Л. 3.

² Там же. Оп. 11. Д. 190. Л. 58.

версальным отделом, пока объединенным на уровне заведующего Кагановича. С начала его председательства все вопросы, требовавшие мнения высшей инстанции, почти всегда переносятся на Секретариат, а не в Оргбюро. Все чаще «неправильные» решения Оргбюро запросто отменяются Советским, даже без всяких формальных апелляций к Секретариату. В работе ЦК РКП(б) состоялся очередной невидимый для непосвященных шаг по вытеснению коллегальности бюрократическим централизмом.

14 сентября Секретариат утвердил план работы Оргбюро, то есть аппарата Цека, на период до XIII съезда РКП(б). План предусматривал очередность рассмотрения вопросов на заседаниях Оргбюро и состав комиссий при подготовке докладов: 1. Постановка коммунистического образования (совпартшколы и коммунистические университеты) и ликвидация политнеграмотности среди членов партии (предс. комиссии Рудзутак). 2. Постановка учета и распределения в госорганах (предс. Молотов). 3. Коммунистическая работа в Красной армии (предс. Рудзутак). 4. Коммунистическая работа в вузах (предс. Андреев). 5. Практические меры по усилению притока рабочих в партию (предс. Молотов)¹.

Ближайший год каждая из обозначенных тем будет неуклонно продвигаться в жизнь и каждая без исключения станет одним из важнейших направлений в усилении влияния партаппарата в государстве и укреплении власти в обществе. Но жизнь внесет коррективы в приоритетность и очередность направлений. План Секретариата представлял собой не что иное, как фронтальную экспансию на интересы могущественных государственных ведомств. Задача была гигантская, и на этом пути партаппарат неизбежно ждала оппозиция. Вопрос заключался в том, насколько она окажется организованной, и какими возможностями будет располагать. Самое большое беспокойство вызывала армия и не только потому, что она была вооружена и возглавлял ее непримиримый Троцкий. Армия еще со времен гражданской войны добила существенной автономии в партийно-государственной системе и всегда держалась особняком даже в отношении авторитетных партийных органов. Многочисленная Красная армия, открытая и кастовая, призывавшая под свои знамена свежие силы из различных социальных слоев и в то же время замкнутая в своем военном высокомерии по отношению к гражданским, — она всегда представляла собой неясную угрозу партийной власти. Армия, как и партия, пронизывала структуру советского общества, в армии преломлялись интересы всех общественных сил, на армию надеялась эмиграция.

¹ Там же. Оп. 112. Д. 480. Л. 5.

Дух кастовой обособленности и предрассудки старой армии по праву перешли к кадрам Красной армии, в которой наблюдались попытки возрождения дореволюционных традиций. В свое время огласку в ЦК получил конфликт в одной из частей Красной армии, где один из орденоносцев Красного Знамени, коммунист, подвергнувшийся дисциплинарному наказанию, категорически потребовал, чтобы его выход с гауптвахты был обставлен почетным караулом в сопровождении оркестра — по примеру бывших традиций ордена Георгиевских кавалеров.

Ключевский говорил, что в России никогда не было борьбы партий, в России всегда была борьба ведомств. Если бы знаменитый историк формулировал свой афоризм на сто лет позже, он смог бы добавить, что ведомственность и ведомственная борьба временами способны служить основанием и для борьбы политической.

Троцкий, РВС располагали отличным идеологическим аппаратом, разветвленным по всему Союзу, повсюду, где располагались воинские части. Военвед имел возможность распространять свое влияние далеко за пределы военных гарнизонов, в том числе с помощью политически подкованных красноармейцев, возвращавшихся из армии домой, в свои ячейки общества. Армия могла стать надежной опорой для ее руководства в открытой борьбе за власть. Реввоенсовет проводил в подведомственном себе пространстве ровно такую же политику, что и Цека в отношении всей партии. В начале 1923 года в армии были введены отделы партийного строительства, начиная от полка и выше созданы партийные курсы, красноармейские казармы наводнялись миллионными тиражами специально подготовленной литературы. Следовательно, военную цитадель следовало взять и подчинить полному контролю партийной власти. Генеральный секретарь давно уяснил социально-политическое значение военной системы, и о своих намерениях добиться ее подчинения Цека партии он фактически открыто заявил на недавнем съезде. Сталин сказал, что на армию привыкли смотреть как на аппарат обороны и наступления. «Я же рассматриваю армию как сборный пункт рабочих и крестьян»¹.

В проекте плана работ Орготдела ЦК на 1923 год в свете решений XII съезда перечислялись мероприятия в области руководства и изучения состояния партработы в Красной армии. Для начала все выглядело довольно скромно: «Установить аккуратное получение докладов от ПУРа, ПУокров и ПУармов о состоянии партработы». «Установить, как правило, что все парторганизационные мероприятия в Красной армии проводятся по согласованию с Оргинструкторским отделом ЦК

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 59.

и в случае необходимости проводятся с утверждения их Оргбюро ЦК». На совещаниях политических управлений Реввоенсовета и военных округов при обсуждении партийно-организационных мероприятий должны были присутствовать представители Оргинструкторского отдела или уполномоченные ЦК¹. То есть речь пока шла о координации политической работы в армии и своевременном информировании Цека. В заданиях Информационно-инструкторского подотдела ЦК на июнь значилось: «Договориться с ПУРом о получении отчетов о партийной и политической работе в Красной армии и закрепить постановлением Секретариата ЦК»².

Год назад аппарат Цека уже занимался частичной проверкой военного ведомства, причем по инициативе самого Троцкого. Поводом послужило самоубийство слушателя Академии Генштаба, обвиненного во время общепартийной чистки в принадлежности когда-то к кадетской партии. Естественно Секретариат воспользовался этим, чтобы протянуть свои щупальца в военную среду. Уже тогда Троцкий выражал недовольство Секретариатом за авторитарные решения по составу проверочной комиссии³.

В мае 1923 года аппарат ЦК вплотную в массовом порядке приступил к вопросам кадрового состава ПУРа. То есть нарушил перемирие с Реввоенсоветом и предпринял наступление на политические органы армии, рассчитывая путем расстановки своих кандидатур, постепенно взять идеологическое воспитание армии в свои руки⁴. Это был только пролог. Отпускное лето 1923 года стало началом тотального вторжения аппарата ЦК в армейские кадровые дела. В первую очередь оно выразилось в количественном росте постановлений по конкретным предложениям на важные посты политического и командного состава армии.

Рубикон был перейден в конце августа. Генеральное наступление на порядки армии началось на Совещании заведомств ЦК от 23 августа. Самый последний 69 пункт протокола, который, по всей видимости, в целях секретности не фигурировал в повестке дня заранее, а был внесен непосредственно на заседании, гласил: «Инструкция о порядке назначения политического и командного состава Красной армии» (докладчик Кнорин). Постановили: «Перенести решение вопроса на Секретариат, поручив Учраспреду предварительно согласовать его с ПУРом»⁵. Главное в проекте ука-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 186. Л. 129.

² Там же. Л. 108.

³ Там же. Оп. 112. Д. 370. Л. 281.

⁴ Там же. Оп. 11. Д. 171. Л. 232.

⁵ Там же. Л. 167.

занной инструкции скрывалось в пункте 7, который устанавливал, что члены РВС армий, округов, фронтов, командармы, начпужфронт и их помощники, комиссары и начальники центральных управлений назначаются на должность по утверждению их в Оргбюро ЦК, а в подлежащих случаях в Политбюро ЦК. Военкомдивы, начподивы и остальной высший политсостав ПУРа, а также соответствующие категории командных и административных должностей — по утверждению Секретариатом ЦК РКП(б)¹. Секретариат 24 августа утвердил инструкцию о порядке назначения политического и командного состава Красной армии². В начале сентября было принципиально одобрено «Положение об аттестационных комиссиях» Военведа и, вопреки протестам начпура В.А.Антонова-Овсенко, передано на окончательное редактирование комиссии, состоящей из сталинских креатур. В «Положении» была четко определена степень участия общепартийных организаций в аттестации военных партполитработников.

Осенью 1923 года, когда в стенах Цека началась практическая работа по созданию номенклатурного списка, в составе его аппарата появилась особая комиссия для просмотра списка военных работников, отличавшаяся более чем активной деятельностью³. Ее целью являлась подготовка полной и безоговорочной капитуляции Реввоенсовета Республики перед волей аппарата ЦК партии. В намеченный список должностей и военных учреждений, по которым назначение и смещение должно производиться по постановлению ЦК партии, входило все высшее руководство Военведа: 1) члены РВСР, командующие и члены РВС фронтов, округов, армий и корпусов; 2) комиссар штаба РККА; 3) комиссары и начальники корпусов и дивизий; 4) начальники политических отделов фронтов, округов, армий, дивизий; 5) начальники и военкомы главных управлений РККА; 6) военкомы академий; 7) окружные прокуроры и председатели трибуналов⁴.

Орденская политика Сталина строилась в противоположность традициям европейской социальной сегрегации, известных по формуле «вассал моего вассала — не мой вассал». В новой системе государственного абсолютизма все уровни любой отраслевой вертикали должны были стать вассалами универсального партийного суверена.

В сентябре тройка Сталина, Зиновьева и Каменева приступила к устранению самого Троцкого от управления военным ведомством.

¹ Там же. Д. 190. Л. 435.

² Там же. Оп. 112. Д. 474. Л. 11.

³ См.: Там же. Оп. 11. Д. 171. Л. 198.

⁴ Там же. Оп. 68. Д. 49. Л. 116.

Вначале намечалось расширить состав Реввоенсовета, чтобы Троцкий оказался там в меньшинстве. На следующем этапе планировалась перестройка управления военным наркоматом и пересмотр его личного состава и, в конечном счете, все должно было завершиться снятием Троцкого с поста наркомвоенмора. 25 сентября на очередном пленуме ЦК тройка предложила расширить состав РВСР, причем все новые члены Совета были противниками Троцкого, в том числе и сам Сталин. Троцкий в ответ на это произнес гневную речь по адресу интриганов, которые хотят устранить его от руководства революцией, и решил драматически буквально хлопнуть дверью. Как описывает свидетель этой сцены Б.Бажанов, заседание пленума происходило в тронном зале царского дворца, где дверь была огромная и массивная. Троцкий потянул ее, дверь поплыла медленно и торжественно. В тот момент следовало сообразить, что есть двери, которыми хлопнуть нельзя. Но Троцкий в своем возбуждении этого не заметил и старался изо всех сил ею хлопнуть. «Замысел был такой: великий вождь революции разорвал со своими коварными клеветами и, чтобы подчеркнуть разрыв, покидая их, в сердцах хлопает дверью. А получилось так: крайне раздраженный человек с козлиной бородкой барахтается на дверной ручке в непосильной борьбе с тяжелой и тупой дверью. Получилось нехорошо»¹.

Троцкий в эмиграции очень сдержанно относился к такому злому обличителю Сталина, как бывший помощник генсека и секретарь Политбюро Бажанов. Изгнанный принцепал мог бы вполне солидаризироваться с человеком, обманувшим и «разоблачившим» ненавистного Сталина, однако он, по всей видимости, не мог простить ему этого уничтожающего сравнения. Троцкий, как оратор и стилист, вполне понимал сокрушительное значение меткого образа, которым Бажанов пригвоздил его, Троцкого, к тем дверным скрижальям.

Бюрократия против номенклатуры

Нэп сильно повлиял на партию в смысле ее духовного разложения. После 1921 года она стала далеко не той, чем была в октябре 17 года. Развал военно-коммунистической идеологии вверг старых партийцев в грех сомнения, новые партийные призывы несли с собой в ряды РКП(б) настроения циничного карьеризма и стяжательства. Партия

¹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина; *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М., 1997. С. 56.

превратилась в огромную организационную силу, но все более напоминала компанию по эксплуатации страны. Убежденный коммунист стал редким явлением, исчезло духовное единство. Партийные «верхи», номенклатура расслоилась на несколько частей. Одна осталась на политической работе, другая — ушла в дела хозяйственные и, чтобы удержать последних от соблазнов нэпа, особое значение приобрела третья группа, составлявшая разветвленный контрольный аппарат, надзиравший за благонадежностью доверенных лиц партии. В подобных условиях внутрипартийная борьба не могла, просто не имела права не обостриться. Преодолеть этот разброд можно было только путем реанимации мобилизационной идеологии, укрепления единого кадрового аппарата и возвышения корпоративного интереса. Все это постепенно сформировалось к концу 1920-х годов.

Важным мотивом советской жизни осенью 1923 года стал Германский Октябрь. Празднование шестой годовщины Октября намечалось проводить без кумачовых эффектов, как боевой день. Как полагало партийное руководство, к тому времени совершенно выяснилось, что пролетарский переворот в Германии «не только неизбежен, но уже совершенно близок» и «все говорит о том, что ближайшие судьбы Германии решатся в течение ближайших месяцев, а может быть и недель»¹. Цека дал лозунг на места: Октябрьская революция в России — первый удар по капитализму. Еще более могучий удар — победоносная пролетарская революция в Германии! Вместе с этим осень принесла заметное обострение политической жизни в стране. До поры донесения секретарей провинциальных губкомов больше содержали полусонный экономический анализ, но с октября резко вверх пошла политическая тематика. В том числе в связи с Германией. Рабочий люд отвлекся от самогона и активно пошел слушать доклады о международном положении. Повышенный интерес к германским событиям ставил в тупик докладчиков, которым вполне серьезно задавали вопросы, а нельзя ли поехать в Германию и поступить в красные сотни?

Кризис 1923 года и вызванное им брожение в рабочей и партийной среде спровоцировали традиционное в таких случаях внимание аппарата Цека на застарелые проблемы внутрипартийной жизни. В сентябре пленум ЦК РКП(б) обратил внимание на вопрос о необходимости «оживления» партийной работы и в частности усиления внутри партии рабочей демократии. После режима диктата резолюции X съезда «О единстве партии» и усиления в партийном аппарате бюрократического централизма, решения сентябрьского пленума, как казалось, знаменовали новую веху в политике партийного стро-

¹ Циркуляр ЦК от 9 октября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 149. Л. 159.

ительства и поворот к развитию демократических принципов. Это всколыхнуло надежды и оживило движение к сплочению отстраненных от власти и разбитых в былых боях оппозиционеров.

Характерная особенность дискуссий 1920-х годов — все они были вызваны активной деятельностью партийного аппарата в государственном строительстве. Так сказать, перманентной «революцией сверху». Сталин, будучи генеральным секретарем ЦК РКП(б), оказался в исключительно выгодной позиции, владея инструментом, который позволял скрыто, незаметно для партии аппаратными методами, кадровыми передвижками осуществлять давление на противников и провоцировать их на ответные действия. Но противники, не имея таких возможностей, вынуждены были действовать открыто, отвечать гласно, тем самым нарушая установки ленинских съездов, что подрывало их авторитет в глазах партийных масс и делало уязвимыми. Их легко было ошельмовать раскольниками и оппозиционерами. (Отсюда постоянное требование оппозиции по развитию гласности в работе Цека.)

Троцкий, раздраженный бесцеремонным вторжением Секретариата в кадровую политику Военведа, решил поставить вопрос со всей политической принципиальностью. 8 октября 1923 года он обратился с письмом к членам ЦК и ЦКК РКП(б), в котором выдвинул обвинения против большинства ЦК и партийного аппарата в «зажиме» демократии, отрыве от масс, обюрокрачивании. Утверждая, что внутрипартийный режим «в корне нездоров», Троцкий требовал «внедрения» демократии в партии и обновления партийного аппарата.

Кризис 1923-го года пробудил политическую активность в крестьянстве, а также дал толчок давно созревшему конфликту в высшем партийном руководстве. Троцкий, очутившись в изоляции среди членов Политбюро и не имея надежной опоры в Цека партии, энергично искал поддержку в толще самой партии, в ее неоднородной политически активной массе. Позже в эмиграции он как-то сказал, что большевизм вовсе не исчерпывается психологией и характером, а представляет собой прежде всего историческую философию и политическую концепцию¹. Однако, лидеры большевизма, в том числе и сам Троцкий, в свое время столь часто и радикально меняли «концепции», что это как раз в первую очередь заставляет задуматься именно о «характере» партии и о «психологии» ее лидеров. Троцкий никогда не пояснял, каким это образом с 1920 года, когда он тесно сотрудничал с Оргбюро и Секретариатом ЦК и лишь мягко журил бюрократию за ее грехи, выступая пламенным защитником госаппа-

¹ Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 81.

рата, всего за три года он вдруг превратился в ее великоненавистника и большого поборника внутрипартийной демократии. Очевидно, что нехитрая «историческая философия» подобного поворота заключалась в том, что во главе аппарата стояли уже не сторонники Троцкого, а Сталин и его команда¹.

Будущие апологеты Троцкого в дискуссии постепенно консолидировались в течение 1923 года. Среди делегаций XII съезда ходил безымянный документ, который по своему направлению и анонимному почерку был похож на творчество децистов Осинского, Сапронова и др. Только по сравнению с аналогичными документами образца 1920-го года, стилистика их подметных писем стала заметно резче и уже явно вышла за рамки партийной идеологии. В документе выражался протест против полицейских мер для поддержания единства партии. Содержались обычные для средних совчиновников требования развития самостоятельности членов партии, прекращения перебросок и мобилизаций, ликвидации контрольных комиссий, отказа от проведения чисток партии, размежевания между партийной и Советской властью. Децисты дошли до того, что посягнули на святая святых — потребовали уничтожения монополии коммунистов на ответственные места. Это был прямой выпад против Секретариата с его ролью в кадровой политике. Требовали удаления одного-двух из господствующей группы Зиновьева, Сталина, Каменева². Документ красноречиво свидетельствует о том, что «крапивное семя» советского сорта справедливо полагало своим главным врагом не демократию партийных масс, а абсолютизм партийного центра.

Появление октябрьского письма Троцкого активизировало сплочение участников ранее разбитых группировок. Рассчитав, что вопрос о внутрипартийной демократии вызовет обостренное внимание со стороны всех членов партии и поднимет низы, оппозиционеры решили дать бой фракции Сталина. 15 октября в ЦК партии поступило т.н. «заявление 46-ти», уже определенно выраженного оппозиционного содержания. Заявление символизировало объединение бывших децистов и потерпевших поражение в ходе дискуссии о профсоюзах, оттесненных после X съезда сторонников платформы Троцкого. Под заявлением стояли подписи Осинского, Сапронова,

¹ К месту сказать, что Сталин имел за собой демократические грешки, так же, как Троцкий бюрократические. Примером может служить обсуждение военного вопроса на VIII съезде партии. В этих страстных прениях ярче всего отразилось двойственное положение компартии, вынужденной строить военно-бюрократическую машину, отвечающую требованиям гражданской войны и в то же время сохранять себя от бюрократизма.

² РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 35. Л. 187; *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 53.

Максимовского, В.Смирнова, И.Смирнова, Преображенского, Серебрякова, Пятакова, Белобородова и других видных партийных и государственных деятелей, принужденных ранее Лениным склонить свои оппозиционные знамена. Их выступление было поддержано также и лидерами «рабочей оппозиции» — Шляпниковым и Медведевым¹. Деятельное большинство 46-ти подписантов — все трибуны партийной демократии среднего чиновного роста, мечтающие о независимости своих кабинетов и безопасности для своих портфелей.

Оппозиционеры объявляли деятельность ЦК партии «неудовлетворительной». По их мнению, «нестерпимый» внутрипартийный режим, бюрократизация не давали возможности партии влиять на политику партийного руководства, на выработку принципиальных решений, в результате чего политический курс отрывался от реальных потребностей общества. Это грозило «тяжкими бедами» — потрясением валюты, кризисом сбыта, бюджетным хаосом, хаосом в госаппарате и т.д.

В ответе от имени членов Политбюро платформа «46-ти» характеризовалась как «совершенно неслыханное» в большевистской среде заявление². Совместное октябрьское заседание пленума ЦК и ЦКК с участием представителей 10 крупнейших партийных организаций страны осудило выступление Троцкого и «46-ти» как акт фракционности. Соломоново решение, принятое пленумом, было способно удовлетворить любого владельца ответственного портфеля. Поддержка инициативы Политбюро в вопросе об усилении внутрипартийной работы и развитие внутрипартийной демократии давала местным чиновникам свободу маневра, чтобы лучше ухватиться и потуже затянуть веревку на той же рабочей и прочей демократии. Вместе с тем, решение не выносить поднятые Троцким и «46-ю» вопросы за пределы ЦК и не оглашать связанных с этим документов закладывало возможность в будущем на законных основаниях осудить и разгромить оппозицию. В любом случае преобладание «своей» номенклатуры в партийно-государственном аппарате должно было обеспечить Сталину и его команде организацию успеха и безусловное поражение противника.

Фактически Сталин, Зиновьев, Каменев в 1923 году использовали прием Ленина, который тот применил в конце 1920 года во время дискуссии о профсоюзах, спровоцировав Троцкого на открытое выступление. Троцкий дважды попался на одну и ту же удочку. В ноябре

¹ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923 г.: Документы и материалы. М., 2004. С. 180–185.

² Там же. С. 211.

1923 года Цека сделал широкий, заранее просчитанный жест, поставив обсудить положение в партии также под предлогом того, что дискуссию сдержать уже невозможно.

Дискуссия 1923 года о демократии в партии явилась реакцией бюрократии на усиление партаппарата в советской государственной системе. Лидерам оппозиции было угодно, чтобы государственная система как на заре революции представляла собой конгломерат ведомственных кормлений, вотчин и местных кланов. Призывы оппозиции — это энное по счету с 1917 года воспроизводство лозунгов, направленных против партийного централизма. В сущности, в них не было ничего оригинального по сравнению с тем, что партия уже слышала со времен VIII съезда РКП(б). Оппозиция усилилась за счет того, что к этой давней игре заблудших и неудачливых чиновников подключилась новая генерация потерпевших личное или клановое поражение на бюрократическом поприще после X съезда.

Письмо Троцкого и «заявление 46-ти» немедленно стало достоянием широких кругов коммунистов в Москве и быстро распространялось по всей стране. Лозунги демократизации партийной жизни находили отклик в партийной массе, непосвященной в истинные мотивы выступления оппозиции. Поэтому 5 декабря объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК вынуждено было принять резолюцию «О партстроительстве», в которой подтверждалась линия на развитие «рабочей демократии» и были прописаны мероприятия, расширявшие возможности активистов оппозиции влиять на кадровую политику Цека партии через выборные каналы.

Троцкий в свою очередь сумел использовать в своей агиткампании традиционную отекаемость и многозначность аппаратного слога резолюции. И это, пожалуй, единственный случай, когда творцы аппаратной мысли впоследствии по ходу дискуссии были вынуждены сокращать в размерах «историческое значение» постановления руководящего партийного органа.

После этой резолюции Троцкому показалось, что он добился успеха. В декабре он выступил в «Правде» со статьей «Новый курс», в которой представил на суд партийной массы свои очередные соображения. «Новым курсом» он громко назвал сентябрьское решение пленума ЦК РКП(б) о расширении рабочей демократии в партии. «Новый курс... в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии...» Троцкому, отодвинутому вначале Лениным, а затем Сталиным далеко в сторону от «аппарата», только и оставалось, что апеллировать через его голову к

массе. Бывший певец политотделов и бюрократического централизма проникся «почти всеобщим» ощущением того, «что партийный бюрократизм грозит завести партию в тупик»¹. Троцкий ставит задачу вырвать власть у сталинского руководства и развеять аппаратный централизм в партии: «Партия должна подчинить себе свой аппарат»².

Дискуссия 1923 года приоткрыла завесу тайны над семейным альбомом новой власти. В дискуссии определилась та социальная сила, которая станет главным, самым серьезным оппонентом государственного централизма в системе советского коммунизма. Она выдала существование принципиального противоречия в среде «нового класса» между централизованным партаппаратом и ведомственной бюрократией. Бюрократия инстинктивно стремится к приватизации объектов, находящихся в ее ведении. У партаппарата нет объектов в непосредственном управлении, его объект управления — сама государственная машина в ее цельности, следовательно, партаппарат в своем централизме более последователен. Бюрократия, «перетряхиваемая» и загоняемая в клетку партийной номенклатуры возненавидела партаппарат. На это делал свою ставку Троцкий. Любопытно, что еще в 1921 году среди малосведущих в идеологических тонкостях столичных обывателей поражение Троцкого в профдискуссии получило неграмотное, но необычайно проницательное толкование как поражение «правых» в партии (спецов, коммунистов с тенденцией «праветь»), то есть комбюрократии³.

Сначала Ленин, потом тройка упорно и методически размывали позиции Троцкого в руководстве партии и страны, поэтому он, как специфический кумир публичных аудиторий, пытался использовать свое естественное преимущество и искал опору в разных слоях партийной массы. К подобному развороту его, так или иначе, подталкивал сам сталинский аппарат. В архивах Цека имеется докладная записка Троцкого от 20 октября 1922 года о результатах его посещения и обследования комячейки завода бывш. Бромлей. Командировка по поручению Оргбюро навела Троцкого на многозначительные раздумья о возрастной дифференциации в партии.

Троцкого откровенно воодушевило то благоприятное впечатление, которое он вынес из знакомства с ячейкой завода. Порадовали «старики» (от 30 до 40 лет), из которых «можно было выделить недурной уездный исполком», и особенно обнадежила подрастающая молодежь (до 20 лет), которая «настроена по-советски, поддается

¹ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 200.

² Там же. С. 199.

³ Ожунев Н.П. Указ. соч. Т. 2. С. 95.

влиянию партии и проявляет значительную любознательность». Вывод был таков, что партия держится на «стариках», среднее поколение (от 20 до 28 лет) «выпало» почти целиком. Последних, чье личностное становление пришлось на смутные военно-революционные годы, Троцкий характеризует весьма нелестными словами, как «пропащих». Мол, это поколение представляет собой «худший материал» — среди них в основном и процветает безразличие, цинизм, хулиганство, пьянство и т.п. Отсюда особое значение приобретает вопрос о воспитании молодежи. «Думается, что это центральнойшая из всех наших центральных партийных задач»¹.

Через год, осенью 1923-го, в дискуссии против тройки Троцкий пошел еще дальше и принципиально поставил вопрос о ставке партии на молодежь. После опубликования статьи «Новый курс», а вскоре и развернутой брошюры Троцкого под тем же названием и аналогичным содержанием, борьба обострилась. Сторонники Троцкого, особенно в Москве, в соответствии с его новым тезисом о перерождении кадров и о том, что молодежь — вернейший барометр партии и резче всего реагирует на партийный бюрократизм, повели кампанию обсуждения документов ЦК и статей оппозиции. Кампания быстро приняла критическую направленность и «неслыханно острые формы».

Что-то похожее в это время происходило в политической жизни другого динамично развивающегося европейского государства. Один из лидеров «ревизионистского» течения в итальянском фашизме Дж.Боттаи призывал не повторять ошибок старого либерализма, который, родившись как революционная сила, со временем превратился в «музей реликтовых идей». Избежать опасностей старения можно было лишь при помощи молодежи, способной критически выражать потребности нового времени. Поэтому задача фашизма, по мнению Боттаи, заключалась в том, чтобы преобразовать эту способность в конкретные политические действия, создать климат для открытой дискуссии в среде фашистов.

В партийной дискуссии 1923 года прослеживаются две основные составляющие. Первая — это борьба группировок в руководстве, для которых лозунговые принципы были в значительной степени только ширмой. Вторая — низовое движение, искренне возмевшее надежды поправить бюрократизированный аппарат в соответствии с основами партийной демократии. Диалектики из сталинского ЦК в совершенстве овладели лукавой методикой двуличных резолюций. Декабрьское постановление ЦК-ЦКК имело двойственный характер, который позволял, сурово критикуя бюрократизм и назначенс-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 303. Л. 1–2.

тво, тем не менее, голосовать за политику ЦК. Аппарат здесь смог притупить остроту главного демагогического аргумента оппозиции. Поэтому нередко встречались такие казуистические отчеты с мест о дискуссии, когда организация почти дословно повторяет тезисы оппозиции, но, в конце концов, выносит резолюцию о полном доверии Цека партии.

Партийные массы в большинстве выступали за резолюцию ЦК–ЦКК, то есть за Цека. Очевидно, назначение, смена местных партийных князьков сверху осталась единственным реальным способом убрать обюрократившихся партийно-советских феодалов. Демократическим путем сделать это было невероятно трудно, невозможно, поскольку секретари бдительно следили за малейшей угрозой появления организованной оппозиции собственной персоне. Только слепой мог отнести демократические фразы представителей советского чиновничества на счет чистосердечного проявления демократизма в партии. Сам партийный демос по преимуществу оказался глух к этой псевдодемократической трескотне из среды бюрократов.

В ходе дискуссии аппаратчики «из ловких» получили возможность свести счеты со своими соперниками за кресло или просто случай выделиться из общей массы себе подобных, усердно выявляя оппозицию в простудном кашле аудитории. Словом, для того, чтобы не быть заподозренным в нелояльности к ЦК, от провинциальных товарищей требовалась выдающаяся активность в бичевании оппозиции.

В то же время оппозиционные настроения тайно подогревались местным секретарством, недовольным перебросками и присылкой варягов из Москвы. Во время дискуссии в центре внимания по всей стране был вопрос о назначенстве. Назначая секретарей губкомов и предисполкомов, сталинский аппарат взял на себя чрезмерно много и слишком преждевременно. Ошибка была понята и по ходу дела исправлена. Но в подавляющем большинстве провинция вела себя в дискуссии так, что можно было определенно говорить, что организации — за линию ЦК. В нежинской организации некоторые выступавшие в дискуссии в запальчивости договаривались до заявлений, что партия-де есть «смердящий труп» и т.п., хотя и там резолюция была принята самая верноподданная Центральному комитету¹.

По информации, стекавшейся в Цека с мест, вырисовывалась четкая картина социального размежевания в партии вокруг дискуссионных вопросов и враждующих сторон. Причем в качестве рьяных защитников партийной демократии и оппозиции выступали ти-

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 11. Д. 138. Л. 50.

пичнейшие бюрократы, им была не по вкусу партийная власть, она мешала «приватизации» ответственных постов. Так, в нефтеносном Баку за оппозицию высказывалась непартийная номенклатура, за ЦК — низы. В Астраханской губернии — за оппозицию также выступили исключительно ответработники. Резко отрицательно в отношении оппозиции высказывалось крестьянство, взбудораженное слухами, якобы оппозиция хочет вернуть в деревню времена военного коммунизма¹.

Принцип двойной ответственности (не коммуниста, а чиновника) нашел свое завершение в институте номенклатуры. Номенклатура стала партийным уставом для бюрократии, желавшей войти в твердыню Ордена. Но бюрократии было очень жестко в тисках двойной ответственности, и это нашло выражение в ее выступлениях против назначенства. С внешней стороны все выглядело безупречно: назначенство — это антипод принципа выборности, демократизма, следовательно, бюрократия, желающая уйти от двойной ответственности, есть борец за демократию. Типичный случай подстановки, подмены понятий. Но такой спекуляцией бюрократы могли тешить только себя или вводить в заблуждение неискушенных наблюдателей со стороны. Массы, которые в повседневности на практике сталкивались с «демократизмом» бюрократии, подобное шильничество обмануть не могло. Бюрократы стали уповать на демократию, надеясь с этим лозунгом обрести поддержку низов партии против ЦК, но партийный демос явно отдавал предпочтение центральной власти против своих местных притеснителей. В Московской Руси царская власть всегда находила в земщине верного союзника против боярского сословия.

Дискуссия 1923 года стала выступлением бюрократии против своего перевода в номенклатуру, подобно средневековому мятежу феодалов против ущемления их прав великокняжеской властью. Троцкий давал лозунги и служил в качестве лидера оппозиции. В 1923 году его популярность в стране была исключительно велика, да и в партии Троцкого знали намного лучше, чем Сталина, Зиновьева и Каменева. Для Сталина и всей тройки сложилась опасная ситуация. После кончины Ленина Зиновьев своей заявкой на переименование Петрограда в Ленинград ясно дал понять, что он готов нести знамя, выпавшее из рук вождя. Однако, как показала дискуссия в Петрограде, даже на своей территории его авторитет был далеко не бесспорным. Во время собрания на Пролетарском заводе в аудитории оказался слушатель Артиллерийской академии некий Иритин и выступал с критикой: «Дискуссия ведется неверно. Большинство голосовало за линию ЦК. Но таково ли настроение? Как же не голо-

¹ Там же. Д. 284. Л. 17.

совать за линию ЦК, когда официальные ораторы бросают в конце своих речей призывы: Кто изменит старому ленинскому знамени? Ну, конечно, хоть и не согласен — тянешь руку... Товарищ Троцкий написал разъяснительные статьи, которые должны рассматриваться как комментарии к резолюции, а его называют, чуть ли не раскольниковом¹. По данным Цека, 80 крупнейших заводских коллективов подавляющим большинством голосовало за ЦК. Не было ни одного рабочего коллектива в Петрограде-Ленинграде, не присоединившегося к известному письму петроградской организации в поддержку Цека. (Из этого потом сделают нужные организационные выводы по приему рабочих в партию.)

Совсем иную картину показало обсуждение дискуссионных вопросов в вузах. По 11 военным вузам число выступивших против резолюции Цека и письма, разосланного от имени петроградской организации, было гораздо больше. Но самым чувствительным местом для клана Зиновьева оказались вузы гражданские. Там, выражаясь языком аппарата, обнаружилась «оторванность некоторых слоев партийцев от партии». «Выступавшие ораторы доказали, что среди студенчества имеется определенная часть, которая попала в стихию мелкобуржуазного окружения и стала обывательской, попав под влияние окружающего мещанства и дряблой интеллигентщины»². По 5 вузам победила точка зрения Сапронова-Преображенского. Линия ЦК оказалась более популярной в технических вузах и университете Ленинграда.

Салтыков-Щедрин говаривал, что толпе закрыт доступ в область критической проверки рекомендуемых ей афоризмов. Лучше, когда толпа, как рабочая масса, вообще не рвется в эту область, а просто руководствуется классовым чутьем. Хуже, когда толпа имеет интеллигентскую природу и стремится проникнуть в область критического, но ей, как тоже толпе, доступны лишь только поверхностные начала. Красная интеллигенция даже в кузнице кадров партноменклатуры — из числа слушателей коммунистических университетов — оказалась не менее «дряблой», чем старая. Сказалась нестойкая, рефлектирующая природная суть субъектов умственного труда, от которой не спасало и пролетарское происхождение, и партийный билет. Еще в марте 1923 года Секретариат серьезно обратил внимание на распространение настроений «ревизионизма и упадочничества» среди комстуденчества и молодой профессуры, их уклонение от общественной и партийной работы. Повсеместно участвовавшие в дискуссии учащиеся из Москвы, приехавшие на

¹ Там же. Л. 143.

² Там же. Л. 148.

новогодние каникулы домой, шумно выступали в духе оппозиции и разгоняли болотную тину провинциальных собраний. Группа «свердловцев», нагрянувшая в Екатеринослав, сплошь представляла оппозицию, но, несмотря на этот десант, оппозиция везде в городе потерпела фиаско¹.

Сильнейшие потрясения в ходе дискуссии испытала партийная организация Киева, в которой произошел раскол руководящего бюро, и возникла тесно спаянная и активная группа оппозиционеров из членов губкома в количестве семи человек. В самом Киеве оппозиция собрала вокруг себя приблизительно половину голосов организации. Такой высокий процент оппозиции объяснялся переходом на ее сторону большинства военных ячеек.

Оппозиция в Киеве приняла наиболее парадоксальный характер — не просто две спорящие стороны, а настоящий, почти любовный, треугольник. Оппозиционеры безусловно одобряли резолюцию ЦК-ЦКК и внешне осуждали заявление «46-ти», однако резко выступали против своего ЦК КП(б)У, который в сущности являлся проводником политики московского Центрального комитета.

Поведение киевских оппозиционеров особенно замечательно тем, что все предложенные ими резолюции начинались с поддержки постановления Политбюро от 5 декабря и фраз о доверии ЦК РКП(б), но в заключение обязательно подчеркивалось иногда несогласие, а чаще всего звучали решительные протесты в отношении ЦК КП(б)У и его мероприятий по проведению в жизнь резолюции Политбюро ЦК. Ячейки, принимавшие резолюцию оппозиции, утверждали, что деятельность ЦК КП(б)У идет вразрез с постановлением Политбюро ЦК.

Типичный пример — резолюция ячейки киевского губвоенкомата. Военные соглашались, что дискуссия приняла характер борьбы за власть по вине Преображенского и Сапронова. Военные «с тяжелым чувством» осудили даже Троцкого за противопоставление молодежи «старой гвардии» и поддержку группы, выступившей против ЦК. Они также присоединились к постановлению петроградской организации и выразили доверие Цека. Как будто бы все в этой резолюции говорило о том, что ячейка стоит на линии ЦК, если бы не следующая добавка: «Ячейка выражает свое категорическое несогласие с пунктом 1 постановления ЦК КП(б)У, идущим вразрез с постановлением Политбюро ЦК РКП».

Этот пункт преткновения, вполне выдержанный в духе партийной демократии, заключал в себе одно положение, безусловно задевающее интересы местных партийных руководителей. А именно:

¹ Там же. Л. 10.

отменялись все ограничения по стажу, установленные местными партийными комитетами или конференциями в вопросах утверждения секретарей парткомов и ячеек, противоречащие уставу партии. Киевские оппозиционеры требовали орабочения партаппарата и переноса тяжести работы секретариатов на собрания ячеек и пленумы парткомов. Устранение того «неистовствующего бюрократизма», который каждый голос критики считает проявлением фракционности и тем самым душит партийную мысль¹.

Интересна резолюция работников самого губкома и губисполкома, в которой приветствуются решения Москвы и вместе с тем: «Общее собрание считает недопустимым всякие выступления, направленные к подрыву авторитета тов. Троцкого и одновременно выражает свое несогласие с опубликованным постановлением ЦК КП(б)У, в корне подрывающем основы резолюции Политбюро ЦК и Президиума ЦКК»².

В Киеве с его сложной древней историей смешались стили эпох и традиции государств. Повышенные требования местной бюрократии к стажу секретарей явилось своего рода новым местничеством, сродни занятию должностей боярами при царском дворе в зависимости от знатности рода и срока службы московскому государю. Вместе с тем наружный демократизм оппозиционеров был обращен против полномочий центральных партийных органов в отношении местных ответственных работников, которые могли бы в духе Речи Посполитой, как магнаты, не оглядываясь на Варшаву, при помощи своих гайдуков направлять в нужную сторону волеизъявление партийных масс.

Довольно резкие разногласия имели место в вятской организации на совещании местного губкома в середине декабря 1923 года. Здесь не было такого острого раскола, как в киевской организации, но оппозиция оказалась в большинстве. Обсуждались два проекта резолюции. Проект секретаря Минькова гласил то же самое, что уже наловчились говорить все оппозиционеры: дескать, собрание приветствует и одобряет резолюцию ЦК и ЦКК по внутривнутрипартийному строительству, но далее начинались сюрпризы для ЦК. Высказывалась необходимость изменить решения августовской 1922 года партконференции, установив как всероссийские, так и уездные и губернские конференции два раза в год; установить отчетность ЦК перед нижестоящими парторганизациями также не реже двух раз в год. В резолюции еще звучало одно из главных тре-

¹ Там же. Л. 151.

² Там же. Л. 154.

бований оппозиции, по которому на Старой площади безошибочно отделяли овец от козлий, своих от оппозиционеров, — требование точного определения понятий группировок и фракций. Твердую оппозиционную линию подчеркивал и тот пункт, который гласил о «действительном проведении в жизни мероприятий по внутрипартийной демократии». Резолюция Минькова прошла подавляющим большинством голосов. Резолюция, отстаивающая позицию Цека партии, собрала на совещании всего 3 голоса¹. В вятской городской организации оппозиционеры собрали 301 голос против 102 голосов за Цека.

В вятский прорыв были брошены крупные силы. В начале января в Вятку от ЦК и ЦКК приехал А.А.Сольц. Он вежливо сказал в выступлении перед организацией, что ее резолюция «чуть-чуть пахнет фракционностью». После этого замечания, привезенная им резолюция собрала 313 голосов против 244. Цека поддерживали уезды губернии, но сам город принадлежал оппозиции. Знаменательно, что после отъезда Сольца Минькову вновь удалось на общегородском собрании провести точку зрения оппозиции. После таких «легких» побед для ЦК вопрос сводился к тому, будет ли старый, затаившийся губком реально проводить принятую резолюцию? Здесь иллюзий не было. Поэтому аппаратная мысль предусмотрительно пошла в том направлении, чтобы немедленно за 4–5 месяцев до XIII съезда не разгонять оппозиционный губком, а тщательно подобрать для надежных организаций новый состав работников буквально перед самым съездом.

Вообще дискуссия показала, что развитию оппозиционности в сельскохозяйственных губерниях способствовал довольно сильный контингент из ответственных работников, к тому же хороших ораторов. В числе оппозиционеров оказались бывшие эсеры, меньшевики, анархисты, а также обиженные и затронутые чисткой. Благодаря этой особенности в состав партийной фронды попала симбирская губернская организация. Собрание ее активных работников выразило стандартное признание постановления Политбюро, но вместе с тем основной ошибкой в организационной линии Цека собрание сочло «неправильное передвижение центра тяжести на аппарат за счет партийной самостоятельности»². Как видно из резолюции, она типична для оппозиционных документов — вначале формальная поддержка постановления Политбюро ЦК, а затем следуют пункты, фактически говорящие о недоверии руководству ЦК. Главным являлось не содержание

¹ Там же. Л. 134.

² Там же. Л. 200.

резолуции, а упор на то, кто ее будет проводить. Линия фронта повсеместно определилась по вопросу, кто будет проводить эту самую партийную демократию, с которой на словах соглашались решительно все? То есть это был вопрос о составе высших партийных органов в Москве и здесь было нетрудно угадать намерение оппозиции отстранить Сталина и его команду от власти и похоронить результаты партийного строительства за последние два года.

В Сибири партийцы показали себя несколько отстраненными от вопросов, вокруг которых волновались все номенклатурщики европейской части России. Отсутствие районов, явно выступавших за оппозицию, скрывало положение дел на местах. В действительности почти все бюро всех губкомов, в том числе и секретари, заметно колебались и путались в понимании вопросов. За исключением новониколаевской, алтайской парторганизаций и секретаря иркутского губкома, сибирские губернии не сразу восприняли линию ЦК, пытались смазывать вопросы и уклоняться от оценки роли Троцкого. Все резолюции выходили очень «мирные» т.е. по категоричному мнению Цека — скрыто оппозиционные. Почти все они ссылались на неясность вопроса, отсутствие материалов и т.п. Однако, при всех колебаниях в начале дискуссии, никого из секретарей сибирских губкомов нельзя было назвать даже скрытыми оппозиционерами. Сибиряки путались совершенно искренне. В партийной дискуссии деревенские ячейки в большинстве не понимали причин и смысла полемики. Вопрос об аппарате и прочем был непонятен сибирскому деревенскому коммунисту уже потому, что в деревне часто никакого аппарата не было¹.

Особенный поворот событий имел место в Иркутске. После отъезда секретаря губкома Гриневича в Москву на XIII партконференцию, в Иркутске объявилась оппозиция во главе с губпрокурором (переброшенным недавно из Одессы), а также и.о. начальника губернского ГПУ. Оставшийся состав бюро губкома «потерял всякую линию», занял «буферную», прямо двойственную позицию. На районных собраниях «буфера» внесли полный сумбур, выступая то за оппозицию, то за Цека². В результате почти все районы Иркутска перешли в оппозицию. Только с возвращением Гриневича положение восстановилось. Дискуссия прошла по всей губернии, все уездные организации высказались за линию ЦК, за исключением 2–3 волостей, в которых имели место уклоны, а иногда и просто нелепости. Нечто в этом роде случилось и в Томске, где помимо прочего

¹ Там же. Д. 82. Л. 42.

² Там же.

в связи с дискуссией выяснилась слабая сторона бюро губкомов, составленных по должностному принципу¹.

Страстное и долгое обсуждение вопроса о внутрипартийной демократии происходило на районных конференциях столицы. В рабочих ячейках Москвы оппозиция имела менее $\frac{1}{5}$ состава ячеек, в вузовских ячейках — значительное большинство. Согласно отчету московского горкома партии, в январе 1924 года в Москве из 413 рабочих партячек 346 (всего 9843 человека) поддержали линию ЦК, 67 ячеек (2223 человека) голосовали за платформу оппозиции. В вузовских партячках за линию ЦК голосовали 32 ячейки (2790 человек), за оппозицию — 40 ячеек (6594 человека). «Здесь оппозиция имела полный успех», — признается в обзоре Цека. В советских организациях за линию ЦК выступила 181 первичная организация, за оппозицию 22 организации². Следовательно, в столице даже при сильнейшей «организации» голосований со стороны аппарата, Троцкий и его сторонники еще сохраняли существенное влияние на настроение значительной части партийных низов.

По вопросу о внутрипартийной демократии критика оппозиции сводилась к тому, что большинство ЦК задерживает проведение в жизнь нового курса, аппарат ЦК пристрастно освещает и подбирает материалы дискуссии в «Правде» в целях борьбы со свободным обсуждением вопросов. Все это основывалось на заявлениях, что с резолюцией Политбюро ЦК и Президиума ЦКК оппозиция целиком согласна³.

В области экономической политики оппозиция, в основном соглашаясь с платформой, выдвинутой пленумом ЦК 25 октября 1923 года, предлагала ряд поправок, касающихся усиления планового начала, товарной интервенции предметов широкого потребления и т.п. Обвинений партруководства в непонимании хозяйственного положения страны и объявления тезисов ЦК полностью неправильными (как это прозвучало 29 декабря в содокладе Пятакова в Колонном зале Дома союзов) на райконференциях не случилось.

Принятые на районных партконференциях резолюции по вопросу об отношении к линии ЦК по платформам от 5 и 25 декабря 1923 года показали, что большинство коммунистов московской организации — 65,2% одобряют линию ЦК, за оппозицию высказались соответственно 34,8%. Хамовнический район стал единственным, где в райком прошло большинство от оппозиции. Районные партконфе-

¹ Там же. Л. 53.

² Сведения взяты из статьи Вардина «Итоги» в «Правде» от 12 января 1924.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 193. Л. 14.

ренции определили состав и настроение 11-й московской губконференции в начале января, где из 407 делегатов за Цека определились 325, за оппозицию — 61 человек. Губконференция по докладу Каменева и содокладу Преображенского всецело одобрила линию ЦК и высказалась против всех фракций и группировок в партии, объявив действия и предложения оппозиции ошибочными.

В дискуссии помимо двух упомянутых составляющих: бюрократия против Центрального комитета и низы против бюрократии, выделилась особенная линия — военные против партийных за своего любимого вождя Троцкого. Помимо прочего дискуссия по ведомствам показала, что позиции Троцкого были сильнее всего там, где он являлся или когда-то был руководителем. Он умел быть популярным среди своих подчиненных и своих не забывал. Так, 75% ячейки НКПС выступили за оппозицию, поддержав своего бывшего наркома. Но совершенно особой статьей в ходе дискуссии стали события в армейской среде. Вторая половина 1923 года вообще оставила после себя множество точек жесткого соприкосновения армейских и партийных интересов, в которых сепаратизм Военведа преломился о волю партаппарата.

Важным эпизодом стали осенние сборы территориальных частей Красной армии. Сборы по стране прошли более менее удовлетворительно, но в столицах они послужили поводом для обострения конфликта между политуправлениями армии и столичными парткомами. Эта сфера к тому времени не была достаточно размежевана и отрегулирована, развивалось соперничество между политорганами и парткомами за политическое влияние в казармах. В 1923 году партаппарат активно стремился овладеть руководством ячейками РКСМ в армии и на флоте. Политорганы армии старались не пускать партийные комитеты в воинские части, ссылаясь на постановления съездов РКП(б), которые установили, что политорганы армии приравнены к общепартийным органам и полностью руководят всей партийной работой по военной линии.

Партийные комитеты, давно привыкшие чувствовать себя полновластными хозяевами, считали положение ненормальным, когда на их территории имеются зоны, скрытые от их политического влияния и защищенные толстыми стенами казарм от их руководящих указаний. Армейский ведомственный сепаратизм раздражал и пугал, поэтому некоторые парткомы посчитали, что начинающиеся регулярные террсборы (призыв гражданских на краткосрочные военные сборы) являются хорошим поводом и средством для подрыва военведовской автономии. Они решили показать, кто здесь хозяин.

В результате, в некоторых очень важных городах, в частности в Москве, первые террсыборы прошли из рук вон плохо, сопровождались недовольством призываемых, провокационными толками о близкой войне и, как следствие, дали массу уклонистов. Политическое и военное значение сборов по столице оказалось напрочь смазанным. В конце октября начпура Антонов-Овсенко направил в Оргбюро резкое письмо с протестом против позиции московского комитета партии в кампании сборов и возложил всю ответственность за провальное проведение сборов на МК РКП(б)¹. Главным образом ПУР был возмущен позицией МК, который исходил из того, что ему принадлежит руководство всей партийной работой в воинских частях в столице и что за политорганами армии остается только культурно-просветительный сектор. Антонов-Овсенко требовал, чтобы МК ликвидировал созданный им институт военных организаторов для работы в частях.

Это письмо было выпадом не только в адрес МК. Чего хорошего мог ожидать ПУР по этому вопросу от сталинского Оргбюро? Естественно, комиссию, в которой бы преобладало мнение Секретариата и терпело унижение достоинство ПУРа. Так оно и вышло. На заседания комиссии Цека о формах взаимоотношений между парторганизациями и военно-политическими органами в Москве и назначенные доклады в Оргбюро Антонов-Овсенко демонстративно не являлся. В конце концов, Секретариат согласился на то, чтобы принять доклад о предстоящих весенних территориальных сборах от помначпура Павловского. Из его сообщения выяснилось, что помимо Москвы, невнимательное отношение к сборам было проявлено со стороны воронежского и екатеринославского губкомов. Но исключительно неприязненные отношения сложились между штабом петроградского военного округа и петроградским губкомом².

Постановление Секретариата от 16 ноября, адресованное парткомам, было выдержано в духе товарищеской корректности: издать,

¹ Там же. Оп. 112. Д. 491. Л. 4, 27–28.

² Там же. Д. 497. Л. 6. Петроградский губком выразил энергичный протест против нападок со стороны ПУРа. Секретарь петрогубкома П.Залуцкий писал Сталину, что последнее время тов. Антонов-Овсенко почему-то принялся активно компрометировать деятельность Севзапбюро и петрогубкома. Политуправление дает ложное представление о помощи губкома в проведении сборов. «Чем вызвано это — неизвестно», — с притворной наивностью писал Залуцкий. (Там же. Д. 506. Л. 37.) И ему, и Сталину, словом, всему аппарату было прекрасно известно, что этот конфликт был вызван глубоким неприязненным отношением петроградского руководства и Военведа. Сам Залуцкий был давним личным недругом Троцкого. Запальчивый Залуцкий с его безукоризненной революционной биографией был подходящей фигурой, чтобы использовать его в борьбе против ПУРа.

обязать, оказать, предложить, поддержать и т.п. Парткомам было вменено в обязанность оказывать поддержку сборам решительно во всем. Текст постановления умалчивал лишь о том, что секретарям должно было быть понятно и без слов. Поддержку следует обращать в пользу неуклонного усиления позиций парткомов в армейской среде. Кроме этого ПУРу было отказано в самой малости, в просьбе призывать коммунистов на сборы на неделю раньше основного контингента для политинструктажа. Секретариат понял эту просьбу по-своему. Решено, что инструктаж коммунистов конечно необходим, но проводить его должен партком и перед призывом на сборы¹.

Шла борьба за умы переменного контингента — либо он будет приносить в армию идеи общепартийного руководства, либо он будет выносить оттуда в общество установки армейского командования. Кстати, в эти дни, в видах этой борьбы Оргбюро по рекомендации Совещания заведомо признало необходимым учредить военно-политическую газету на паях с ПУРом, предполагая усиление идеологического влияния партии на армию. Отсюда берет свое начало известная газета «Красная звезда», номера которой стали выходить с нового 1924 года в самый разгар схватки партийного и армейского руководства.

Помимо прочего территориальные сборы показали, что авторитет Соввласти крепок среди крестьянства. В некоторых регионах явка переменного состава превысила 100%. Моральное состояние призванных оценивалось более чем удовлетворительно, призываемые являлись на сборы с красными знаменами и песнями. И это несмотря на тот любопытный факт, что на юге страны территориальный комсостав в большинстве своем когда-то служил в белой армии. Наряду с этим террсборы выявили, что в культурном отношении деревня откатилась далеко назад по даже сравнению с периодом гражданской войны. В материалах ПУРа приводились такие цифры: если в одном из уездов Воронежской губернии в 1919 году насчитывалось 8 библиотек, 79 изб-читален и 104 школы, то в 1923 году таковых имелось только 3, 9 и 12 соответственно². Около 90% крестьян оказались частью полуграмотные или неграмотные вовсе. Политическое развитие призванных вызывало изумление, некоторые не имели понятия, кто такие Ленин, Троцкий, Калинин (и уж тем более Сталин)³.

Осенью 1923 года отношения Секретариата ЦК с Политуправлением РВСР испортились окончательно. У сталинского Сек-

¹ Там же. Д. 497. Л. 55.

² Там же. Л. 56.

³ Там же. Л. 16.

ретариата с подразделениями РВСР они вообще никогда не были нормальными, а с отходом Ленина от дел стали представлять собой сплошную цепь подковерной борьбы и недоразумений. Конфликт Секретариата с ПУРом обострился еще весной. Чистка 1921 года выкинула из ПУРа большое количество политработников и военных комиссаров (в войсках ВЧК дело обстояло намного благополучнее). Необходимы были новые назначения, и Политуправление жаловалось, что его кадровые предложения не находят должного отклика в Секретариате. В июне 1923 года Сталин попытался удалить вредного Антонова-Овсенко из Политуправления армии, предложив ему почетную и респектабельную должность полпреда в Италии. Секретариату даже было поручено подобрать новую кандидатуру на пост начпура из членов или кандидатов ЦК¹. Однако тогда сделка не состоялась, а осенью отношения перешли в стадию открытой конфронтации. После утверждения Политбюро принципа и списка номенклатуры Секретариат провел очень много назначений на военно-командные и военно-политические должности. Секретариат чувствовал себя настолько уверенно, что позволял себе иногда пошутить, и 30 ноября с откровенной издевкой постановил ввести Антонова-Овсенко в состав редколлегии журнала «Крестьянка»².

Наряду с террсборами проблема утряски отношений парткомов и политорганов усугубилась по поводу вопроса о созыве 3-го Совещания политработников Красной армии и флота. В августе, когда все это началось, Реввоенсовет решил ответить встречной атакой на наступление аппарата Цека и попытался мобилизовать свои собственные силы в виде представительной армейской конференции. Но проблема заключалась в том, что сделать это без санкции того же ЦК было невозможно. Политуправление обратилось в Секретариат за разрешением по проведению совещания. Секретариат дал добро, однако постановил создать комиссию по руководству совещанием в составе Троцкого, Рудзутака, Кагановича, Бубнова и Антонова-Овсенко. Таким образом счет представителей в комиссии получился 3:2 в пользу ЦК³.

В ПУРе оказались совсем не рады созданию этой комиссии, как и непосредственному интересу, который ЦК проявил к созыву совещания. Секретариат выхватил инициативу у Политуправления и повел дело к тому, чтобы обеспечить свое влиятельное представительство

¹ Там же. Д. 454. Л. 5.

² Антонов-Овсенко, естественно, проигнорировал назначение и отозвался в том духе, что оно несостоятельно, его нужно пересмотреть, «ибо времени совершенно не имею». (Там же. Д. 506. Л. 33.)

³ Там же. Д. 472. Л. 9; Д. 480. Л. 6.

на пленарных и секционных заседаниях совещания политработников. Антонов-Овсеенко пытался уклоняться от сотрудничества с ЦК, но это было безнадежно. Его вытащили из Кисловодска, где он отдыхал, заставили готовить совещание и идти на уступки. Закулисная борьба за сценарий совещания привела к тому, что сроки созыва совещания неоднократно переносились. ПУР решил дать бой после пленума ЦК-ЦКК, к которому сам Троцкий готовил свое политическое заявление против Секретариата ЦК¹.

Армейские политработники попали в сложное положение. С одной стороны, они были не прочь оградить себя от произвола партаппарата и максимально ослабить номенклатурную узду, которая готовилась для них в Цека. Вместе с тем никто в Красной армии не желал нового издания исторического «приказа № 1», разложившего воинскую дисциплину и развалившего старую армию. Поэтому представителям аппарата ЦК на совещании, состоявшемся в конце октября, удалось ослабить армейский сепаратизм делегатов и не допустить образования открытой фронды партийной власти. Заседания совещания проходили на территории Агитпропа ЦК — в Наркомпросе, печатные материалы подвергались цензуре, сомнительные пункты принятых резолюций игнорировались и, в конечном счете, приверженцам Троцкого не удалось пошатнуть позиции ЦК РКП(б) в кадровой политике военведа.

Но до полного политического контроля Цека партии над армией было еще далеко. Политорганы армии, ПУР, московский ПУОкр в лице большинства своих представителей, выступавших в различных воинских ячейках, организованно поддерживали оппозицию и превратились в ее координирующий центр. Разговоры оппозиции о выборности политического состава в армии перебрасывались в красноармейскую массу и вели к смущению умов, что подтвердила дискуссия в гарнизоне Москвы. Лейтмотивом выступлений оппозиции в частях и военвузах стал призыв к тому, чтобы уберечь от травли тов. Троцкого².

В декабре 1923 года армейцы еще могли выносить такие независимые резолюции, как, например, принятая парторганизацией отдельной эскадры танков (1-й и 2-й легких флотилий и 1-й тяжелой флотилии), 2-го кавалерийского автоброневоего дивизиона, 1-го опытного показательного автобронедивизиона, бронепоезда № 23 и звукометрического отряда: «Приветствовать резолюцию Политбюро ЦК и Президиума ЦКК и считать необходимым неурезанное и решительное ее проведение в жизнь. Считать недопустимым, как

¹ Там же. Д. 483. Л. 7.

² Там же. Д. 509. Л. 45.

фракции и группировки в рядах РКП, так и использование руководящими парторганами под флагом единства партии постановления о запрещении фракций в целях сведения на нет внутрипартийной демократии... Собрание отмечает, что в настоящее время партаппарат действительно стремится ограничить свободу дискуссии и урезать рамки возведенного в резолюции ЦК нового курса»¹. Все эти техники, армейская элита, допускавшие столь резкие и откровенные выпады против партаппарата, впоследствии сделают карьеру в армии и в 30-х годах станут видными командирами. Отсюда становятся намного понятнее мотивы Сталина по чистке командного состава Красной армии накануне войны.

Верхом бесцеремонности военных в отношении партийных стала резолюция по вопросу о внутрипартийной демократии, принятая на собрании ячейки РКП(б) штаба политуправления МВО, штаба МВО, штаба ЧОН МВО и управления военных сообщений МВО от 14 декабря 1923 года. Прямым военным слогом резолюция говорит, что собрание в основном принимает резолюцию ЦК и ЦКК и считает, «что политика партаппарата до сего времени была неправильной и что дальнейшее продолжение прежней внутрипартийной линии грозит партии тягчайшими последствиями, вплоть до разложения». «Собрание считает, что опасность для проведения нового курса внутрипартийной линии заключается в себе обюрократившийся и закостеневший партийный аппарат, являющийся значительной консервативной силой, тормозящей дальнейшее развитие партии».

Коммунисты штаба МВО полагали необходимым немедленно упразднить назначенство как систему; принять за правило выборность партийных органов и ответственных работников аппарата; провести перевыборы всех парторганов, которые ранее были назначены. «Ячейка полагает, что намеченная на середину января Всероссийская партконференция, которая будет главным образом составлена из партработников, активно проводивших антидемократическую политику внутри партии, не может считаться вполне компетентной в разрешении вопросов осуществления принципов рабочей демократии». Собрание высказалось категорически против тенденциозного освещения дискуссии в печати, где помещаются исключительно материалы, выражающие точку зрения аппарата, и происходит шельмование сторонников иной точки зрения. Интересно, что среди прочих пунктов постановления военных партийцев звучало требование «прекратить в дальнейшем переименования чего бы то ни было (городов, улиц, казарм и т.д.) именами живых партийных работников. Провести чистку рядов

¹ Там же. Оп. 11. Д. 203. Л. 98.

партии по типу чистки 1921 года, беспощадно исключая всех злоупотребляющих доверием партии¹.

Политруководство РВСР искало социальную базу для Троцкого, но не находилось даже прочной ведомственной платформы — идея с совещанием политработников в целом провалилась. Тогда в декабре начпуром Антоновым-Овсеенко была предпринята последняя попытка создать организационную основу оппозиции против Цека. Поскольку в ходе дискуссии выяснилось, что идеи оппозиции находят больше всего понимания в вузовской среде, то в ПУРе было решено сконцентрировать усилия именно здесь.

21 декабря Политуправление издало приказ о назначении на 1 февраля 1924 года в Москве конференции яческ РКП(б) военных академий, высших школ ГУВУЗа и Главвоздухфлота. В порядке дня конференции — вопрос о партработе². Приказ был разослан в 58 экземплярах исключительно по военным адресам и ни одного в ЦК партии. Дальше Антонов-Овсеенко 24 декабря, опять же без согласования с Цека, издал циркуляр № 200 о применении принципов внутрипартийной демократии в Красной армии. Оба этих факта позже, по определению Оргбюро, явились выражением «грубого нарушения» основ взаимоотношений ЦК с ПУРом, работающим на правах отдела ЦК.

Эти документы, полученные Молотовым почти агентурным путем, стали неприятной неожиданностью для Секретариата, и вызвали переполох в аппарате. Выяснилось, что в конце ноября и Совещание заведомыми, и сам Секретариат проморгали момент, выдав санкцию на созыв конференции, ограничившись формальным поручением отделам послать своих представителей³.

Циркуляр № 200 «Всем ПУОкрам, ПУФронтом, ПУАрмам, ПУФлота, ПУБалту» представлял собой 9 страниц плотного машинописного текста, более напоминающего инструкцию. Циркуляр ссылался на постановление Политбюро ЦК и Президиума ЦКК от 5 декабря, «знаменующее собой переход партии к новому курсу в области внутрипартийных отношений», и ставил ряд задач по расширению демократии в армейских парторганизациях. Расширение демократии должно было заключаться во введении института выборных партийных секретарей в армии и освобождении ячеек от «мелочной опеки» военкомов и политотделов. Фактически речь шла о том, чтобы ослабить влияние аппарата Цека партии на политическую работу в армии путем ограничения полномочий назнача-

¹ Там же. Д. 205. Л. 26.

² Там же. Оп. 112. Д. 507. Л. 92.

³ Там же. Д. 509. Л. 50–51; Оп. 11. Д. 171. Л. 203.

емых Секретариатом военных комиссаров и их политотделов. «Так и только так может ставиться вопрос о задачах партийной работы в Красной армии в связи с “новым курсом”»¹.

В циркуляре ПУР на словах «рекомендовал» всем политорганам и партийным организациям армии широко обсудить, а на деле иносказательно предписывал осуществить ряд мероприятий. В том числе немедленно провести в жизнь решение Совещания политработников о возложении руководства партработой на выборных секретарей; отказаться от практики утверждения секретарей и членов бюро ячеек политорганами армии; не допускать командования военным комиссаром над партийными организациями в армии; свободное обсуждение в комячейках вопросов партийной и армейской жизни. Парадоксально, но по этому плану ПУР стремился свести роль собственных подразделений в армии к минимуму, ограничив ее какими-то непонятными методами «живого руководства» партработой и культурно-просветительской деятельностью².

Помнится, что сразу после войны, в 1921 году Троцкий высказывался совсем иначе — за сохранение в мирное время назначаемых парткомиссий, которые бы фактически командовали ячейками РКП(б) в армии. Парткомиссиями, в свою очередь, командовали бы высшие армейские политорганы³. Тогда ЦК партии в июне 1921 принял противоположное решение об избрании парткомиссий на дивизионных и армейских конференциях⁴. В 1923 году, когда органы ПУРа, благодаря усилиям ЦК, постепенно становились антитроцкистскими, Троцкий счел за благо опереться на демократию и апеллировать к демократизму армейских комячеек.

Правая рука Троцкого Антонов-Овсеенко вошел в такое непримиримое противоречие с ЦК партии, что перешагнул всякие границы партийной этики и формальной дисциплины. Секретариат окончательно взял курс на его устранение из армии. Терять ему было нечего (разве только почетное назначение в «Крестьянку»), поэтому 27 декабря Антонов-Овсеенко направил членам Политбюро и Президиума ЦКК письмо с выпадами в адрес ЦК и требованием «призвать к порядку зарвавшихся “вождей”». В ЦК расценили такое письмо как неслыханный выпад, делающий невозможной дальнейшую работу Антонова-Овсеенко на посту начпура⁵. Вечером 31 декабря 1923 года члены Оргбюро в присутствии самого виновника признали приказ

¹ Там же. Оп. 112. Д. 509. Л. 31.

² Там же. Л. 36.

³ См.: Там же. Д. 141.

⁴ Там же. Д. 194. Л. 5, 94.

⁵ Там же. Д. 509. Л. 4.

ПУРа, изданный без ведома и согласия ЦК партии, неправильным и отменили созыв конференции¹.

Военные оппозиционеры из комиссарского и командного состава неоднократно пытались создать массовую политическую базу против аппарата Цека, используя возможности аппарата военного. В разгар партийной дискуссии в ПУРе возникла идея о досрочном призыве на военную службу членов РКП(б), РКСМ и слушателей вузов 1902 года рождения (всего 9260 чел.). Цель — уволить из армии старый политсостав и ввести его в бой за товарища Троцкого в гражданских партиях, а также начать подготовку нового штатного политсостава для призывников весны 1924 года. ПУР имел намерение всех досрочно призванных коммунистов, кандидатов и членов РКСМ пропустить через свои политшколы. Но, к досаде военных оппозиционеров, этот неплохой замысел упирался в роковую необходимость получить санкцию ЦК, которой, разумеется, быть не могло².

Это стало последней попыткой Антонова-Овсеевского использовать свое служебное положение в борьбе против партаппарата. 12 января, наконец, состоялось решение Оргбюро освободить Антонова-Овсеевского с должности начпура (утверждено на заседании Политбюро 14 января) и вывести из состава РВС СССР. Вскоре приказом нового начпура, кандидата в члены ЦК и завагитпропом ЦК А.С.Бубнова были отменены распоряжение о конференции военвузов и циркуляр № 200. Пока у ЦК сохранялась возможность влиять на кадровую расстановку на высшем военно-политическом уровне, любые замыслы троцкистов были обречены на провал.

Порывистый, импульсивный Троцкий не умел быть терпеливым кузнецом своего положения и власти. Яркий трибун революции и военный диктатор безнадежно проигрывал во фракционной борьбе невзрачному и немногословному «товарищу Картотекову». Как удача не шла к Троцкому под лозунги «завинчивания гаек», так и не пошла под новые знамена расширения партийной демократии. Сталинский аппарат сумел почти идеально организовать кампанию против оппозиции. В ходе дискуссии Троцкого обвиняли в «недооценке» сил

¹ Там же. Д. 507. Л. 5. 2 января Залуцкий запросил Сталина о том, был ли в ЦК утвержден приказ ПУРа о конференции партячеек военных вузов и циркуляр ПУРа за номером 200. Залуцкий возмущался, что такое руководство партработой грозит отрывом партийных организаций в армии от партии в целом и грозит ведомственным и фракционным развалом для партии. Он писал, что в Петрограде не допустят никаких выборов без санкции ЦК. (Там же. Д. 509. Л. 40.)

² Там же. Л. 5, 69.

самой партии в строительстве Красной армии. Партийная печать, в первую очередь «Правда», освещали ход дискуссии и деятельность оппозиции как антипартийную и раскольническую, сообщалось о потоке резолюций от фабрично-заводских парторганизаций в защиту линии ЦК. Низы партии показали себя умнее, чем думали о них оппозиционеры и партаппарат. От масс не ускользала принципиальность дискуссии, поэтому многим рядовым партийцам не нравился личный характер нападков, допускавшийся сторонами. Не понравилось грубое нападение Сосновского на Троцкого и Работникова на Сапронова в «Правде» от 21 декабря с попытками найти связь лидеров оппозиции с меньшевистской идеологией, эсеровскими «Днями».

Работа аппарата в дискуссии проявилась в поразительном и подозрительном сходстве текстов резолюций, осуждающих оппозицию, принятых ячейками, удаленными друг от друга на тысячи километров и никогда не слыжавшими друг о друге¹. ЦК добивался от всех местных комитетов безусловной поддержки своей линии. Всякие компромиссные, «буферные» резолюции засчитывались на Старой площади как однозначно враждебные, оппозиционные. Сколько страстей всколыхнула дискуссия! В те дни мелкие аппаратные ябедники заставляли трепетать могучие обкомы и губкомы перед возможностью злостного доноса в грозный московский Цека.

XIII конференция РКП(б), проходившая в Москве 16–18 января 1924 года, по докладу Сталина о партийном строительстве подавляющим большинством (при 3-х голосах против) приняла резолюцию «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии», в которой победители характеризовали оппозицию как «прямой отход от ленинизма» и «явно выраженный мелкобуржуазный уклон»². При безмолвном, парализованном, оканчивающем свои дни вожде революции группировка Сталина присвоила себе монопольное право на «фирменный» знак партии — символику ленинизма. Однако идейное размежевание с оппозицией еще не стало организационным. Попрежнему большинство оппозиционеров и сам Троцкий продолжал занимать видные посты в партийно-государственном аппарате.

После дискуссии присутствие Троцкого в Политбюро приняло характер чужеродного явления. Большинство было вынуждено блокироваться за его спиной, чтобы на заседаниях быть готовым к сплоченному отпору Троцкому по обсуждавшимся вопросам. Зиновьеву

¹ См.: Там же. Оп. 11. Д. 203. Л. 169, 170 и далее.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). 8-е изд., доп. и испр. Т. 2. М., 1970. С. 511.

и Каменеву Троцкий казался более опасной фигурой, чем Сталин. С января 1924 года в ЦК прочно оформляется постоянная фракция Сталина, Зиновьева, Каменева и их сторонников со своим негласным фракционным уставом и строгой дисциплиной и разделением обязанностей. Каждый член тройки имел свой ответственный участок. Зиновьев, как признанный второй оратор партии, выступал основным докладчиком на важнейших партийных, советских, коминтерновских и прочих форумах. Каменев, с его талантом руководить заседаниями и формулировать резолюции, еще при Ленине принял на себя бремя председательства в Политбюро. Сталин сосредоточился на кадровой работе и руководстве аппаратом ЦК РКП(б).

Триумvirату требовалось постепенным давлением лишить Троцкого его главного аргумента в борьбе за лидерство в партии и стране — управления Реввоенсоветом и военным ведомством. Требовалось заслонить в вооруженных силах ореол Троцкого как вождя непобедимой Красной армии авторитетом непогрешимого «ленинского» ЦК партии. В январе 1924 года пленум ЦК назначил комиссию для обследования положения армии. Состав комиссии, сплошь подобранный из давних недоброжелателей Троцкого во главе с С.И.Гусевым, не позволял сомневаться в итогах ревизии. Уже на февральском пленуме ЦК комиссия сделала доклад, отмечавший наличие в армии серьезных недочетов, в первую очередь подчеркнув необходимость укрепления кадров, центрального военного аппарата путем усиления коммунистического ядра, т.е. замены верных Троцкому кадров назначенцами Секретариата ЦК.

По свидетельству одного из близких к кремлевским кругам очевидца событий, зимой 1924 года Москва переживала критические дни, ожидали переворота. Троцкий мог, как Пилсудский в Польше, опираясь на армию, попытаться овладеть властью. Передавались слухи об известном письме Антонова-Овсенко в Политбюро с предупреждением, что если тронут Троцкого, то вся Красная армия встанет на защиту «советского Карно». Но Троцкий смалодушествовал, в то время как Сталин вызвал из Харькова Фрунзе, который быстро заменил вышедший командный состав РККА своими людьми с Украины¹.

Февральский пленум дал установку на проведение военной реформы, означавшую «перетряхивание» всей армии. В марте заместителем председателя РВС СССР и замнаркома по военным и морским делам был назначен М.В.Фрунзе. ЦК также утвердил новый состав Реввоенсовета, полностью окружив Троцкого людьми Сталина и фактически изолировав его на посту председателя РВСС. Мартовский пленум ЦК поручил Оргбюро ЦК обеспечить попол-

¹ Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 301.

нение Красной армии коммунистами. Получив возможность напрямую передвигать армейские кадры, сталинский аппарат за короткое время в 1924 году провел колоссальную работу по чистке армии и обновлению ее командно-политического состава. Уже скоро в низовых армейских партийных организациях новые кадры погнали знакомую волну заявлений и требований от лица рядовых коммунистов об отстранении Троцкого от работы в РВС и Наркомвоенморе. Для Сталина тоже не прошли бесследно тревожнения и напряжение борьбы с оппозицией, в начале февраля Сталину выдается денежная сумма на лечение, и генсек уходит в отпуск.

Уроки дискуссии и ленинский призыв

Итоги дискуссии для лидеров оппозиции были таковы, что, как говорят в народе, пошли за шерстью, а вернулись стриженными. Политического капитала они не нажили. Среди крестьян в начале 1924 года отмечалось враждебное отношение к оппозиции, дескать, «хотят вернуться к 18 году». Ходили толки: «Ильич хотел мира, Троцкий все настаивает на войне». Такие же настроения отмечались и в отдельных красноармейских частях.

Смерть Ленина была встречена крестьянством в целом с глубокой скорбью: траурные тряпицы на избах, бесконечные разговоры о нем как о спасителе, освободителе, отце, старшем брате. Проводились сборы на память Ильичу, посылки делегаций при большом морозе в город узнать подробности. Крестьянство волновал вопрос, кто будет вместо Ленина, какой национальности? В Воронеже смерть Ленина вызвала замешательство у «отсталых» партийцев: кто будет править, русский человек или нет?¹ В связи с этим местами проявлялись антисемитские настроения, высказывались опасения за крепость партии и Соввласть — «Миритель» умер. Среди мусульман муллы молились об Ильиче, а в Чечне постановили четыре пятницы раздавать милостыню нищим. Среди восточных народов вообще доминировало благоговейное отношение к памяти Ленина как великого вождя и освободителя человечества. Материалы, собранные к политписьму ЦК за январь 1924 года, свидетельствовали, что смерть Ленина потрясла весь рабочий класс, ударила по сознанию каждого, даже самого отсталого рабочего. Событие ознаменовалось громадными траурными процессиями, трогательным прощанием с вождем в Москве, переполненными собраниями по всем предприятиям, молитвами

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 36. Л. 71.

жен рабочих за упокой его души. Явилась мысль об увековечивании имени Ленина, и, наконец, начался небывалый прилив рабочих от станка в основанную им партию¹.

На кремлевском верху были иные печали и заботы. Как в свое время Ленин после смерти Свердлова, так и Сталин в связи с кончиной самого Ленина воспользовался случаем, чтобы обезопасить себя от возможности соперничества со стороны смежной государственной вертикали. По настоянию генерального секретаря ЦК партии принял решение разделить две слитые воедино должности председателя СНК и председателя СТО между двумя замами Ленина. Совет Труда и Обороны возглавил первый зам Каменев, а другой пост Сталин убедил Цека отдать Рыкову, под предлогом неудобства иметь в «мужичьей» стране председателем Совнаркома еврея.

Решения XIII партконференции были восприняты в партии с почтительным вниманием, несмотря на поднятую вокруг них шумиху. Сибирские товарищи сообщали, что у них даже самые «оголтелые» демагоги не решились выступить против постановлений конференции. Этому способствовала не только траурная атмосфера в стране, но и то, что Сталин пошел на уступки оппозиции по пунктам, находившим поддержку в партийном мнении. Еще в промежуток между появлением заявления «46-ти» и началом открытой дискуссии Секретариат начал корректировать свою деятельность по замечаниям оппозиции. Секретариат демонстративно пошел на сокращение штатов аппарата ЦК, сократились меры «административного усердия» в отношении выборных органов в партии, заметно схлынула волна назначений и перебросок ответработников по стране. Число работников, прошедших через Учраспред ЦК между XII и XIII съездами, было сокращено почти в два раза по сравнению с предыдущим годом.

На декабрь 1923 года из 83 секретарей губкомов и обкомов вышестоящими органами был назначен 31 секретарь, в том числе 23 секретаря назначены непосредственно Цека. Из общего количества 108 секретарей за период с XII по XIII съезд было перемещено всего 66 секретарей. 11 товарищей оказались сняты по причинам «отрицательного характера», т.е. по несоответствию, 23 — понижены в должности «в порядке усиления уездных организаций», 7 — в порядке плановой переброски в другие губернии без понижения в должности. Непосредственно из Цека с должности был отозван 41 секретарь².

¹ Из материалов к политписьму ЦК за ноябрь, декабрь, январь 1923–24 года // Там же. Оп. 11. Д. 194. 58, 61.

² Справка аппарата ЦК «Характер подбора работников в парторганы до дискуссии, влияние выборности на состав парторганов после дискуссии» // Там же. Оп. 68. Д. 63. Л. 242.

Основное количество перемещений по инициативе ЦК, пришлось на период непосредственно после XII съезда РКП(б). Потом, в результате обострения вопроса аппарату пришлось экстренно свернуть свою кадровую активность. В октябре число перемещений свелось практически к нулю. Только в последних числах декабря и в феврале 1924 года вновь имела место небольшая передвижка секретарей «в целях усиления парторганов некоторых национальных областей»¹.

Материалы выборочного обследования семи губерний показали, что непосредственные назначения или «рекомендации» сверху руководящих работников партийного аппарата до ноября–декабря 1923 года, как сдержанно отмечено в справке Цека, занимали «довольно заметное место». Картина резко изменилась с началом партийной дискуссии. Например, в Москве и Ленинграде случаи рекомендации сверху секретарей райкомов и крупных организаций стали единичными по сравнению с десятками выдвинутых снизу. На уровне первичных партийных организаций показатели оказались еще разительней. В Ленинграде, во время дискуссии и сопровождавшей ее кампании тотальных перевыборов партбюро, случаи рекомендации секретарей ячеек вообще отсутствовали. По ячейкам Москвы процент рекомендаций снизился до 1,3%.

Накануне дискуссии некоторые из доверенных секретарей писали лично Сталину о том, что середняцкая часть партии заметно выросла, стоит на большевистских позициях и требует доверия к себе и поэтому необходима «правильная, своевременная, заблаговременная, ничем не замаскированная информация обо всем, что делается в ЦК»². В сведущих партийно-государственных кругах всегда вызывала протест и раздражение известная склонность генерального секретаря к засекречиванию работы аппарата ЦК, которая к тому же приобретала все большее значение для их собственной судьбы. Поэтому одним из важнейших направлений, по которому критика оппозиции имела успех среди бюрократии всех мастей, явилось требование расширения гласности в работе Цека. Сталин был вынужден идти на видимые уступки по этому вопросу. Он приоткрыл двери заседаний Оргбюро и Секретариата для партийного генералитета, он был готов ознакомить еще более широкие партийные круги с протоколами центральных и местных органов партии.

Еще XII съезд определил, что на заседаниях Оргбюро имеют право присутствовать секретари губкомов, члены бюро областных и краевых комитетов партии и представители ЦКК. В сентябре 1923 года Секретариат принял решение о расширении круга лиц, присутствую-

¹ Там же. Л. 243.

² Большевистское руководство. Переписка... С. 286.

щих на заседаниях Оргбюро и Секретариата. Это касалось руководства аппарата ЦК — заводами, замы, ответструкторы, помощники секретарей и даже некоторые работники отделов, а также секретарь ЦК РКСМ и начпура. Сталин позаимствовал ленинский прием, когда расширение публичности на самом деле вело к ее сужению. По мере развития публичности заседаний коллегиальных органов ЦК они становились все более официальными, а реальная работа переносилась все глубже в недра аппарата — в Совещание заводцами, в Орграспред и временами даже приобретала конспиративный характер.

После XII съезда Сталин настоял на том, чтобы у руководящих чиновников в госаппарате обязательно были партийные секретари. Генсек дал указание принять меры по подбору и обучению стенографов и машинисток, пользующихся абсолютным доверием, для секретных отделов партийного аппарата, ГПУ, НКВД, НКВД и др. Дело дважды полезное — повышалась секретность госработы, но главное, усиливался контроль Цема над государственными учреждениями через партийных секретарей и стенографов ведомственных руководителей.

XIII конференция РКП(б) дала указание по расширению гласности в работе партийных органов, в частности постановила об образовании при ЦК специального Информационного отдела. Создаваемый отдел в первую очередь был призван информировать членов и кандидатов в члены ЦК и Президиума ЦКК о работе аппарата и положении дел в стране, а также знакомить местные организации о деятельности центральных партийных органов¹. К пакету рассылаемых протоколов и стенограмм заседаний вышших партколлегий прибавились специальные обзоры имеющих в ЦК материалов с мест. 15 февраля Секретариат предложил ОГПУ исключить из своих информационных сводок освещение состояния и работы партийных организаций. Этим теперь начнет заниматься Информационный отдел, который будет просеивать и обрабатывать партийную информацию в нужном ключе. Скоро стенограммы отрежессированных пленумов ЦК и совещаний станут важным оружием Сталина в борьбе против своих противников в Политбюро и Совнарком². История с расширением гласности в работе ЦК характерный пример того, как он мастерски умел обращать тактическое поражение в свою пользу.

Но все это стало фоном для основной задачи, решением которой был занят аппарат ЦК после конференции и похорон, — это закрепить победу над оппозицией и Троцким на предстоящем XIII съезде

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 534. Л. 8.

² Там же. Д. 520. Л. 3.

РКП(б). Помимо прочего дискуссия явилась превосходной демонстрацией имеющихся «узких» мест в партии, где сталинской фракции было неловко. Военные оппозиционеры в дискуссии настаивали на чистке партии. Отлично, чистка началась, но только по другому сценарию.

Чрезвычайно ненадежными зарекомендовали себя вузовские партячейки, поэтому Орготдел ЦК уже 11 января 1924 года внес на Секретариат проект циркуляра об обследовании ячеек РКП(б) в вузах¹. ЦКК занялась проверкой непролетарского состава партии, 10 марта Оргбюро утвердило инструкцию, согласно которой проверке не подлежали только члены и кандидаты ЦК и ЦКК. По всем организациям РКП(б) началась постепенная проверка состава советских и вузовских ячеек «в целях чистки партии от социально чуждых ей, разложившихся и оторвавшихся от нее элементов»². В апреле к делу будет подключен Совнарком СССР и ревизия партячеек перейдет в «проверку», то есть чистку, всего студенческого и преподавательского состава вузов страны. В конечном счете, из вузов будет исключено свыше 20 тысяч студентов, социальный состав советского студенчества существенно изменится. Останется преимущественно «классово ценное» (по выражению замнарком-проса Ходоровского) студенчество, по своему положению могущее быть безусловно отнесенным к трудовым слоям и политически близкое к Советской власти³.

Одновременно, с декабря 1923 года в порядке реализации положения о номенклатуре должностей развивалась деятельность комиссии ЦК по пересмотру и подбору работников промышленности. По ходу событий ее благородная работа наполнилась новым содержанием, поскольку хозяйственная комбюрократия в дискуссии показала свою особенную неблагонадежность и стремление освободиться от номенклатурного ярма. Теперь «перетряхивание» штабов промышленности пошло не только с целью удаления из правлений трестов беспартийных специалистов, но и членов партии, запятнавших себя участием в оппозиции.

После XIII конференции еще активней пошел процесс смены командного и политического состава РККА, сторонники Троцкого стали по собственной воле уходить с занимаемых постов. Так, 11 февраля 1924 года Оргбюро утвердило просьбу начпуокра МВО Бреслава о его демобилизации и назначило на это место своего человека. Крупное событие состоялось 7 апреля, когда Оргбюро заслушало вопрос о на-

¹ Там же. Д. 523. Л. 20.

² Там же. Л. 5, 8.

³ Там же. Д. 584. Л. 58.

значениях и перемещениях по военному ведомству. Присутствовали и докладывали вопрос Бубнов, Фрунзе, Каганович. Утверждались назначения по должности членов РВС округов, командующих фронтами и армиями. Сам Троцкий был еще недосягаем в должности председателя РВСС, но сменилось все его ближайшее окружение. В командование Красной армии пришли другие люди: начальником штаба РККА был утвержден Фрунзе, Тухачевский — замначштаба РККА, Уншлихт — начальником снабжения, Якир — начальником и комиссаром Управления военных вузов¹.

14 апреля Оргбюро одобрило проводимую реорганизацию политического аппарата Красной армии и флота, направленную к упрощению политобслуживания частей и экономии средств. В постановлении подчеркивалось, что ПУР существует на положении отдела ЦК, но с сохранением административного подчинения РВС СССР и вхождением в общую систему центрального аппарата военного ведомства. Признавалось, что руководство партийной работой в военно-учебных заведениях должно быть сосредоточено в ПУРе и его органах, но для этого следовало усилить ПУР достаточным количеством партийно-выдержанных работников. Приведенному к повиновению Политуправлению была дарована кадровая автономия, то есть позволено сосредоточить непосредственное распределение армейских партсил внутри военного ведомства, в аппарате ПУРа².

Но окончательное доверие партаппарата к армии так и не пришло. Секретариат чрезвычайно осторожно отнесся к выборам военных делегатов на XIII съезд РКП(б). 9 апреля состоялось решение о том, что армейские организации избирают своих представителей на съезд на общепартийных конференциях (только Туркфронту в виде исключения разрешили выбирать делегатов от фронтовой парторганизации)³. 21 апреля ПУРу было позволено вести подготовительную работу по организации на съезде совещания военных работников, однако, пока не предreshая вопроса об образовании военной секции⁴. Недоверие Секретариата ЦК к политическим органам армии проявлялось даже после XIII съезда. В декабре 1924 года накануне январского пленума ЦК, на котором должен был обсуждаться вопрос о составе военного руководства, начальники политуправлений округов ходатайствовали в Цека партии о возможности присутствовать на его заседаниях. Однако Секретариат, не уверенный в лояльности

¹ Там же. Д. 528. Л. 4.

² Там же. Д. 531. Л. 6.

³ Там же. Д. 529. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 532. Л. 2.

начпуокров, дал отказ, ввиду того, что дело будет касаться судьбы Троцкого¹.

Все эти важные вопросы решались в довольно узком кругу и были понятны только посвященным в кадровую политику Цека. Для всей партии промежуток от похорон Ленина до XIII съезда ознаменовался шумной всесоюзной кампанией т.н. «ленинского призыва» в РКП(б). Смерть вождя стала очень удобным предлогом для начала давно задуманной операции. Дискуссия только подтвердила уже известный факт, что рабочие массы не воспринимали союз с бюрократической элитой против самодержавной партийной власти. Рабочие отторгали союз с бюрократией, какими бы масками она ни прикрывалась. Даже самые демократические лозунги, звучавшие из уст бюрократии, не находили должного отклика в рабочей среде. Наблюдения за особенностями поведения партийных слоев в дискуссии укрепили аппарат в социальных ориентирах партийного строительства. Рабочие партячейки показали себя в качестве самой лояльной политической силы в отношении Цека. Сталин в противовес Троцкому объявил, что не молодежь, а пролетарские коллективы есть вернейший барометр партии.

Подготовка правил облегченного приема рабочих в партию началась еще в 1923 году и смерть Ленина пришлось как нельзя кстати для реализации замысла по изменению состава РКП(б) в нужном направлении. Согласно данным Орготдела ЦК, из обзора 12 промышленных и 10 крестьянских губорганизаций за половину 1923 года произошла убыль действительных членов партии на 2,1%, но социальный состав с убылью не улучшился, по-прежнему в партии недоставало рабочих. Наряду с этим в промышленных губерниях в партии был замечен рост числа кандидатов из рабочих — от 50% до 80%, но перевод этих кандидатов в члены партии происходил крайне медленно. Таким образом, подводя итоги, Орготдел утверждал, что директива XII партсъезда об усиленном привлечении в партию рабочих не выполнена².

Осенью 1923 года в связи с нарастанием напряженности в отношениях Цека и ведомственной бюрократии аппарат засуетился и принялся укреплять ряды своего естественного союзника в партии. Сначала надежды в решении проблемы возлагались на инициативу низовых организаций. В октябре и ноябре в Цека неоднократно возвращались к вопросу о работе заводских ячеек по вовлечению рабочих в партию. Дело продвигалось медленно, поэтому 3 ноября Секретариат

¹ Там же. Д. 719. Л. 10.

² Там же. Оп. 11. Д. 186. Л. 31.

наметил конкретные мероприятия по ободрению низового актива и сверх того выделил группу из аппарата Цека для оживления процесса на местах¹. Но настоящая работа с рабочими началась, когда мятежная бюрократия поставила ЦК перед угрозой политического переворота. На Урале, где всегда были сильны позиции Троцкого, к шестой годовщине Революции была проведена пробная кампания по массовому вовлечению рабочих в партию, которая дала более 5 тысяч новых партийцев. В начале января 1924 года Оргбюро приняло постановление о созыве во время XIII партконференции совещания представителей промышленных районов для обсуждения вопросов о вовлечении в партию рабочих «от станка»².

XIII конференция вынесла решение о прекращении на целый год приема в партию непролетарских элементов. Это было вполне в духе Ленина, к которому в эти дни пришло последнее просветление сознания перед окончательным уходом. Но совсем не в его духе оказалась та горячка по «ленинскому призыву» в партии, развернувшаяся почти немедленно после его кончины. При самом Ленине никаких массовых наборов в партию быть не могло (такое имело место только один раз в 1919 году, когда партийный билет был реальной путевкой на деникинскую виселицу). Главный чистильщик партии никогда не допустил бы этого. Ленинский призыв опрокинул все известные жесткие требования Ленина к условиям приема в партию. Парадоксальным образом «ленинский набор» пошел вразрез с самим «ленинизмом».

Но история для непосвященных в ее секреты целиком состоит из видимых парадоксов. Следующий из них заключался в том, что, согласно утвержденной инструкции по призыву, все кандидатуры желающих вступить в партию должны были обсуждаться на общих собраниях рабочих предприятий. Для нас уже понятен этот отнюдь не партийный, а универсальный, всенародный принцип формирования партии.

Где предпочтение, там и потребление. Партийное руководство было вынуждено отойти от пустой демагогии и проповеди бескорыстного служения партии и идеалам коммунизма. Когда рабочий 1923–1924 годов вступал в партию, то был уверен, что уже не попадет в число безработных. Его не сократят, его детей будут учить, получатся льготы на оплату жилья и т.п. Словом, появятся маленькие, но важные в быту привилегии.

Антитроцкистская направленность призыва понятна. Сталинскому руководству было практически важно, чтобы классовые

¹ Там же. Оп. 112. Д. 493. Л. 2.

² Там же. Оп. 11. Д. 272. Л. 1.

антибюрократические установки партийных новобранцев трансформировались в антитроцкистское настроение. Для этого следовало приложить усилия, поскольку из Москвы до самых окраин невооруженным глазом была видна крайне низкая политическая и элементарная грамотность рабочих из массового ленинского призыва. Всю весну 1924 года аппарат Цека поглощали мелочи технологии обработки призванной массы, в частности вопрос о ликвидации политнеграмотности новоиспеченных партийцев. Согласно особому постановлению принимаемых снабжали специальной библиотечкой в качестве подарка от РКП(б). Библиотечка включала брошюры Зиновьева «История партии», Каменева «Ленин и РКП», Ярославского «О ленинизме» и т.п. Бухарину было поручено специально написать книжечку о программе партии применительно к текущему моменту. Себестоимость одной библиотечки «ленинизма» антитроцкистского разлива выходила в рубль на новые деньги, следовательно, партийные расходы по этой статье составили 100 тысяч рублей. В марте Цека отправил на места более сотни товарищей из партшкол, совшкол, наркоматов и профсоюзов на срок от 2-х месяцев до года для партвоспитательной работы в связи с ленинским призывом. В конце марта при ЦК состоялось совещание из представителей 25 крупнейших пролетарских центров по вопросу о приеме рабочих «от станка» в партию.

Троцкий до поры с присущей ему надменностью наблюдал всю эту суету, направленную против него лично, но потом забеспокоился и сам стал разъезжать по рабочим регионам и тоже по-своему агитировать в партию. Людям еще было не видно, что содержание его популярной оболочки уже давно и непоправимо источил аппаратный червь, блестящий имидж еще не потускнел. Троцкий был непревзойденным оратором массовых аудиторий, в гражданскую он умел словом останавливать бегущие с позиций части, и после него люди шли в партию, шли в массовом порядке, как это было в Донбассе. Но здесь призванных воодушевляло другое настроение, поскольку Иоанном Крестителем был Троцкий, а не Зиновьев.

Партии удалось добиться количественного успеха призыва, рабочие охотно шли в партию, так, важная тульская парторганизация увеличилась в $2\frac{1}{4}$ раза¹. Каганович писал, что до ленинского призыва в партии насчитывалось 170–180 тысяч рабочих, но не все из них настоящие. Около 120 тысяч уже очень далеко удалились «от станка» и работали в учреждениях. После ленинского призыва настоящих рабочих «у станка» стало 150 тысяч. Однако Каганович указывал на опасность: «Если мы эти 150 тысяч своевременно не обработаем, не

¹ Там же. Оп. 112. Д. 534. Л. 13.

поставим правильной организационной и воспитательной работы, то может получиться обратный результат»¹.

Качество новоиспеченных членов партии было не то. Например, секретарь ячейки «Трехгорной мануфактуры» высказал мнение, что возможно не следует по особо важным решениям ячейки информировать контингент «ленинцев», которые могут такие решения делать достоянием беспартийных. На Трехгорке имелся случай, когда «ленинцы» вместе с беспартийными подали в завком петицию об отмене одного постановления ячейки².

Много позже в августе 1927 года, когда Оргбюро обсуждало вопрос о регулировании состава ВКП(б) в связи с итогами партпереписи, вскрылись особенности приема в партию во время ленинского призыва. Ради цифры на местах производился механический перевод в партию из комсомольских ячеек; прием коллективным порядком, группами по 20–30 человек. Практиковался прием в партию рабочих, не спрашивая их желания, а просто путем записи тех, кто из любопытства или по недоразумению зашел на огонек открытого партсобрания. Когда миновала угроза быть сокращенными, записанные подобным образом стали покидать партию³.

Надолго возникла серьезная проблема ассимиляции «ленинцев», как их называли, в партийные ряды. Повсеместно отмечалось, что «ленинцы» стали больной проблемой для парткомов: вначале принимали, затем стали изучать, что же это такое, ленинский призыв. Выписка из доклада костромского губкома характеризует ситуацию в целом по стране. Костромичи сетовали, что в партию пришел «совершенно сырой материал». Помимо стопроцентной вопиющей политической неграмотности, многие были связаны с религией, в домах у 36% «ленинцев» обнаружены иконы. «Ленинский набор почти ничем не отличается от беспартийных», однако, тяга к знаниям и работе у «ленинцев» огромная, с некоторым оптимизмом констатировал доклад⁴. По постановлению пленума ЦК от 2 июня 1924 года была организована ударная комиссия ЦК по воспитанию ленинского призыва под председательством Кагановича.

После дискуссии с Троцким, которая вскрыла устойчивую бюрократическую оппозицию партийному центру, Секретариат ЦК задумал не только изменить состав партии за счет ленинского призыва, но поставил перед парткомом гораздо более сложную задачу — форсированно обновить состав государственного чиновничес-

¹ Там же. Оп. 11. Д. 270. Л. 98.

² Там же. Д. 269. Л. 70.

³ Там же. Оп. 113. Д. 316. Л. 7, 140.

⁴ Там же. Оп. 67. Д. 110. Л. 15.

тва. XIII съездом была принята директива о выдвижении рабочих, вступивших в партию по ленинскому призыву, в государственные органы. Выборочное обследование по 30 губерниям показало, что после съезда практика выдвиженчества резко пошла в гору. Если в 1923 году партстатистика насчитала 568 выдвиженцев, то в 1924-м году — уже 3 096, а в 1925 — 7 459 человек¹.

Но задача оказалась непосильной. Воспроизводство полноценной генерации бюрократического класса требовало времени. «Кухарки», тем более из ленинского призыва, пришедшие в стены госучреждений по плану выдвиженческой кампании, были неграмотны, неопытны, а на ответственной службе опасны как землетрясение. Ревизия ЦКК выяснила, что выдвиженцы больше используются на технических должностях и канцелярском поприще. Другие месяцами ходят по кабинетам учреждений и не могут добиться ответа, какая у них будет работа. В госаппарате возникло не только скрытое, но и прямое отторжение дилетантов-выдвиженцев со стороны служащих и специалистов. К 1927 году в ЦК получилась неутешительная информация, что в центральном госаппарате насчитывается приблизительно 31 тысяча ответственных должностей. Из означенного количества всего 8% было занято выходцами из рабочих, остальные 92% — из служащих. Еще тревожнее было то, что только четверть столичных ответработников состояла в партийных рядах².

Кампания по ударному производству совбюрократии споткнулась, не оправдав надежд как по численности, так и по качеству получившегося материала. Кроме этого институт таких практикантов стоил учреждениям очень дорого в чисто бюджетном выражении. Кампанию официально не отменили, но в партийном штабе вынуждены были признать, что «выдвиженчество», как таковое, себя не оправдало, а значит, придется запастись терпением и по-прежнему полагаться на испытанный путь подготовки нужных управленческих кадров через профсоюзы, Советы и систему учебных заведений.

Схватка за идеологическую марку «ленинизма»

До выборов делегатов на XIII съезд Секретариат буквально наложил вето на прием в партию каких бы то ни было категорий населения кроме рабочих. И строго соблюдал его, невзирая на многочисленные

¹ Там же. Оп. 113. Д. 258. Л. 81.

² Там же. Л. 22.

ходатайства с мест и сугубейшие заверения губкомов в надежности своих непролетарских кандидатов. После того, как партийные ряды были пополнены ленинским призывом, перед съездом по стране прошли новые губпартконференции, причем в виде исключения из Устава по специальному постановлению пленума ЦК право решающего голоса получили даже кандидаты в члены РКП(б).

Если XII съезд с долей условности можно назвать съездом Троцкого, то следующий XIII съезд партии получился безусловно съездом Сталина. XIII съезд партии проходил в кремлевском дворце, где зал заседаний был оформлен траурным убранством. Все нарочито напоминало утрату, поскольку речь шла о преемнике вождя. Сталин получил у делегатов съезда карт-бланш в манере, которая впоследствии еще не раз будет им использована. При обсуждении ленинского «Письма к съезду» на закрытых заседаниях делегаций Сталин не раз нарочито обращался к делегатам с просьбой освободить его от должности генерального секретаря. Но в результате усилий тройки посмертное предложение Ленина было отклонено. Более того, фактически получилось так, что Сталин получил мандат генсека не от пленума ЦК, а непосредственно от съезда партии, о чем он впоследствии неоднократно напоминал¹. Главное — номенклатурная политика Цека получила полное одобрение высшей партийной инстанции, а ее противники еще раз осуждены.

Первое заседание Оргбюро после XIII съезда состоялось 4 июня 1924 года. Занимались распределением обязанностей между секретарями ЦК. Сталин оставил за собой подготовку вопросов к заседаниям Политбюро и руководство работой Секретариата в целом. Молотову досталась подготовка вопросов и председательствование на заседаниях Оргбюро плюс общее руководство работой Отдела печати и комиссии по работе в деревне, Андрееву — подготовка вопросов и председательствование на заседаниях Секретариата, а также надзор за работой ПУРа, РКСМ и кооперативной комиссией ЦК. Кагановичу — заведование Орграспредом, председательствование на Совещании заведующих отделами ЦК и общее руководство Информотделом, Статотделом, Финотделом и Управделами ЦК. Зеленский получил общее руководство работой Агитпропа, Женотдела, Истпарта, а также связь с МК. Кроме этого, кандидатами в члены Секретариата были утверждены Залуцкий, Антипов и Николаева². Из этого расписания направлений работы становятся более понятными многие последующие изменения в партийно-государственной карьере секретарей. Увеличение числен-

¹ Роговин В. Была ли альтернатива?: «Троцкизм»: Взгляд через годы. М., 1992. С. 175.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 566. Л. 2.

ности Секретариата ЦК говорит о том, что Секретариат, сделав свое дело, утрачивает свое первоначальное значение и поэтому разбавляется всякими, быть может, хорошими, но второстепенными людьми.

XIII съезд стал вторым заметным шагом к персональному возвышению Сталина с марта 1922 года. В связи с сокращением роли Секретариата увеличивается вес самого генсека (или, наоборот, с увеличением веса генсека падает роль Секретариата). Теперь Сталин явно доминирует в Политбюро и ему нет прежней острой нужды в опоре на коллегия Оргбюро. Если ранее протоколы Секретариата и нерешенные дела отправлялись на усмотрение и утверждение Оргбюро, то теперь все, что вызывало сомнение или требовало поддержки, направляется в более авторитетное Политбюро, где у Сталина надежные позиции.

Огромное количество вопросов уже решается опросом секретарей по телефону, появились специальные красивые бланки для голосования вопросов вкруговую без обсуждения. В значительной степени происходит формализация и упрощение решения дел на коллегиях, бремя конкретной разработки вопросов ложится на аппарат. Секретариат превращается в регистрационную палату в движении дел между Орграспредом и генсеком, а Оргбюро — в коллегия для согласования кадровых вопросов с государственными ведомствами. Центр тяжести в подготовке решений переносится на уровень отделов, в частности в Орграспред. А значит, папки Секретариата резко тощат, вопросы мельчают, зато набирают вес дела Орграспреда ЦК. На первый план внутривнутрипартийной политики выходит персональная связка Сталин — Каганович, остальное — это вспомогательные или буафорские детали этой несущей конструкции.

14 июля 1924 года по предложению Кагановича Оргбюро постановило упразднить Совещание заведомыми ЦК как постоянно действующий институт¹. Признано необходимым, чтобы все вопросы, поступающие на решение Оргбюро и Секретариата, имели бы предварительное заключение одного из секретарей ЦК по соответствующим отраслям работы. Чуть позже на Кагановича будет возложена обязанность подготовки вопросов и председательствование на Секретариате ЦК². После этого Каганович с полным правом мог сказать, что Секретариат — это я³.

¹ Там же. Д. 580. Л. 4.

² Заседание Оргбюро 4 августа 1924 года // Там же. Д. 586. Л. 3.

³ По представлению Кагановича 3 ноября опросом по телефону заведующим Орграспредом ЦК утвержден Антипов. Причем назначение состоялось вопреки желанию самого Антипова с припиской Сталина на опросном листке: «Иного выхода нет теперь, работа Орграспреда стоит». (Там же. Д. 608. Л. 5, 153.)

Итак, завершились два года блестящей работы Совещания, решения которого лежали в основе почти всех постановлений Секретариата и Оргбюро. Благодарный Сталин должен был бы поставить где-нибудь в полутемном коридоре на Старой площади памятник «Незаметному аппаратчику», отлитый из старых бронзовых чернильниц, — тому, кто помог ему вытащить партию из кризиса и привести к покорности ведомственную бюрократию. Партаппарат и дальше будет служить ему верной опорой, но теперь Сталин, утвердив свое влияние в Политбюро, уже меньше нуждался в его подземной кротовей работе. Кабинетная революция закончилась, началась регулярная жизнь.

15 сентября Оргбюро слушало промежуточный доклад своей комиссии об итогах и выводах проверки непролетарских рядов РКП(б)¹. Докладывал представитель ЦКК Ярославский. Судя по его словам, чистка не задалась с самого начала. Комиссия Оргбюро ни разу не собиралась. Результаты имелись только по Москве и Пензе, в остальных районах проверка только началась или подготавливается. По Москве на 1 августа проверку прошли только 16 420 человек, т.е. 20% всей организации; по Ленинграду — 16 739 или 31%. По Москве исключено 2 238 человек, по Ленинграду — 822. Это была первая закрытая чистка, все предыдущие носили открытый, публичный характер. С самого начала некоторые доверенные лица подходили к делу с установкой, что обязательно должен быть определенный процент исключенных. Случалось, когда один член проверяемого встречал коллегу из другого комитета, то спрашивал: какой у вас процент исключенных? Мало. У нас вот столько-то исключено. Когда дела стали поступать в МК и ЦКК, то многим исключенным партбилет был возвращен. Из числа исключенных московской КК впоследствии 60% было восстановлено Центральной контрольной комиссией.

Кампания по проверке была полна нелепостей и недоразумений. Например, из партии вычистили шифровальщиков ЦК, которые почти круглосуточно сидели за своей секретной работой. Их исключили за отрыв от масс и партийной работы. Исключали также по подозрению: дескать, зачем вы учиться? вступили в партию, чтобы попасть в

¹ Секретариат 12 сентября 24 // Там же. Д. 594. Л. 3. По инструкции проверку должен был проводить аппарат Контрольной комиссии. Производственные ячейки фабрик и заводов, красноармейские и деревенские ячейки проверке не подлежали. Не подлежали проверке члены ЦК, ЦКК, губкомы и губернские КК, ячейки ОГПУ проверялись в порядке особой инструкции.

вуз? Притом забывали, что на учебу в вузы коммунистов направляли сами губкомы по разверстке и требованию Цека. В Институте красной профессуры из 135 слушателей было исключено 43 человека по обвинению, что они идеологически чужды партии, «не срослись». МКК сейчас же восстановила $\frac{1}{3}$ из них, затем почти $\frac{2}{3}$ восстановили в ЦКК, вне партии осталось только 3 человека¹.

Прежде всего, было непонятно, кого чистить? При обсуждении доклада Ярославского новый секретарь МК РКП(б) Угланов заметил, что с самого начала проверка взяла неверное направление. Она пошла с партийного бунта зимой по инициативе оппозиции, а в настоящее время необходимо освобождать партию от элементов, которые выражают тенденции, осужденные конференцией и съездом партии. (То есть саму оппозицию и исключить.)² Ворошилов поддержал: Угланов прав на 100%, нужно выправлять линию. Каганович выразил недоумение: как долго будем держать партию в состоянии перманентной чистки? Когда она закончится — никто не знает.

Не знали в Оргбюро, не знали и выше, чистка приобретала хронический характер. Политбюро не отказалось от нее (было чрезвычайно соблазнительно использовать чистку партии, развязанную оппозицией, против самой оппозиции), но поддержало меры против ложных доносов и напомнило проверкам о бережном отношении к руководству хозорганов, подчеркнув сугубо закрытый характер заседаний проверочных комиссий³. Аппарат постепенно приходил к выводу, что кампанейские чистки — это не метод оздоровления партии, рациональнее просто исключение по контролю и инициативе сверху.

Период между XIII и XIV съездом партии стал временем завершения начавшейся весной 1924 года реорганизации Красной армии. Произошло изменение структуры центрального и периферийного аппаратов военного ведомства, пересмотр командного состава под углом зрения отбора и выдвижения новых кадров. Сам Троцкий, обставленный со всех сторон по правилам любимого им охотничьего искусства, после январского пленума ЦК и ЦКК и обвинения его в антиленинизме и мелкобуржуазном уклоне, решил увести свою идейную борьбу от злободневных вопросов партийного строительства в плоскость воспоминаний, чтобы, используя события недавнего прошлого, показать партии, кто из нынешнего ЦК был уклонистом, а кто верным ленинцем. Троцкий вновь решил

¹ Там же. Д. 595. Л. 70–80.

² Там же. Л. 89.

³ Там же. Д. 601. Л. 2, 23.

положить свое «перо»¹ на чашу весов прогиз всемогущей бюрократической и агитационно-пропагандистской машины ЦК РКП(б).

В мае 1924 года он издал книгу «О Ленине». Это эссе из старых работ, выступлений, воспоминаний и ретроспективных размышлений преследовало, прежде всего, цель показать исключительную близость и единомыслие Троцкого с Лениным. Он утверждал: в дореволюционную эпоху разногласия были, но во время революции я пришел к Ленину полностью и навсегда.

Осенью Троцкий вне всякого хронологического порядка выпустил первую часть 3 тома собрания своих сочинений, посвященную 1917 году. Смысл этого маневра заключался в том, что публикацию выступлений и статей периода революции Троцкий сопровождал предисловием под заголовком «Уроки Октября», носившем острый полемический характер. Публикация развивала идеологическое наступление вождя оппозиции на группировку Сталина, Зиновьева и Каменева. Мотивируя необходимостью изучения опыта Октябрьской революции, Троцкий извлек малоизвестные широким партийным кругам материалы периода 1917 года. Задачей было дискредитировать соперников, подорвать их авторитет, используя их же оружие — противопоставляя Ленину и его политике. Были подняты исторические факты, свидетельствовавшие о существенных разногласиях всех трех триумвиров с Лениным во время подготовки и проведения Октябрьской революции.

Несмотря на то, что литературный демарш Троцкого был серьезным ударом по престижу Сталина и, прежде всего, Зиновьева и Каменева, тройка сознательно провоцировала его выступление, надеясь выиграть раскручиваемую ими со своей стороны идеологическую кампанию против «троцкизма». Через три года Зиновьев, уже будучи сам в оппозиции Сталину, в узком кругу признавался, что кампания против «троцкизма» состоялась бы независимо от появления «Уроков Октября», так как план начать дискуссию был предreshен, искали только повода². Тройка рассчитывала разгромить Троцкого в дискуссии, безошибочно опираясь на кадры партийного аппарата и его необычайно возросшую за последний год идеологическую мощь. Весь 1924 год прошел под знаменем антитроцкистской кампании, в которой роль правофланговых играли Каменев и Зиновьев. Осенью борьба вспыхнула с новой силой.

В дни дискуссии 1923–1924 годов помимо прочего обнаружилось, что партийные комитеты имеют слабые инструкторские кад-

¹ «Перо» — один из известных псевдонимов Троцкого в дореволюционный период.

² РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 361. Л. 3.

ры. В Цека поступали жалобы на то, что сплошь и рядом инструкторские кадры подбираются из тех товарищей, которые обанкротились на должностях, провалились на выборах, вышли в тираж. В Московской губернии во время дискуссии с оппозицией инструкторский аппарат почти в полном составе выступил против своего губкома. В Москве, в Бауманском районе сложилась аналогичная ситуация, когда инструкторский аппарат оказался полностью в оппозиции и едва не сверг районный комитет¹. Оргбюро учло и этот опыт и 9 июня приняло решение по усилению инструкторского аппарата ЦК, а именно предполагалось создать группы из 6–10 пропагандистов в распоряжение губкомов промышленных центров сроком на 6–12 месяцев для воспитания ленинского призыва. Эти инструкторы получают такие полномочия, что им впору будет заниматься «воспитанием» самих губкомов (что, впрочем, и подразумевалось)².

Идеологическая работа у генсека Сталина изначально находилась на одном из приоритетных мест, партаппарат неуклонно наращивал свою идеологическую мощь. В мае 1923 года началась разработка нормативов и условий деятельности Истпартотдела ЦК и губкомов, перед которыми была поставлена задача создания идеологического тарана против Троцкого и других оппозиционеров в виде соответствующей истории партии и революционного движения. Для руководства их деятельностью при Истпартотделе была создана руководящая коллегия, по назначению ЦК³. Основными журналами, издаваемыми Истпартом ЦК, стали «Пролетарская революция» в Москве и «Красная летопись» в Ленинграде.

Сталин задумал руками истпартов отнять у Троцкого его славу и популярность. Отнять партийную власть, армию и, наконец, славу старого революционера и героя гражданской войны. Все исторические материалы партийного характера отныне могли публиковаться только с разрешения Истпарта ЦК⁴. Это не распространялось на Институт Ленина, поскольку в сентябре 1923 года по инициативе Сталина учрежденный Институт Ленина тоже перешел в ведение

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 68. Д. 18. Л. 99.

² Там же. Оп. 112. Д. 568. Л. 1. С 1924 года аппарат ЦК формировал и посылал на места «пропгруппы» из более подготовленных работников Цека и слушателей системы политобразования. Число единовременно действующих групп доходило до 45, но 1927 году в ЦК было признано, что они выполнили свою задачу в крупных промышленных регионах, поэтому количество групп было сокращено в пользу их качественного состава. (Там же. Оп. 113. Д. 293. Л. 86.)

³ Там же. Оп. 11. Д. 186. Л. 3.

⁴ Секретариат 8 августа 1924 года // Там же. Оп. 112. Д. 587. Л. 6.

ЦК РКП(б). Директором был назначен Каменев, секретарем — будущий добросовестный сталинский историограф внутрипартийных оппозиций Сорин. Вопросы о порядке печати материалов о Ленине переходят в ведение Политбюро. Теперь это его уровень.

С 1923 года в аппарате ЦК и его коллегиях в массовых количествах рассматривались вопросы, касающиеся печатных изданий и печати вообще. Ликвидируется база для конфликтов между местными парткомами и редакциями газет. (Что имело место в первые годы революции, когда редакторы газет нередко позволяли себе руководствоваться «журналистским долгом» вопреки мнению губкомов и Советской власти.) 2 февраля 1923 года Секретариат вынес решение: «Редакция местной газеты — органа парткома и исполкома непосредственно подчиняется партийному комитету. Состав редакции, общее направление газеты, руководство и контроль над ней составляют исключительную компетенцию парткома». Все материалы, касающиеся парткома и исполкома, губотдела ГПУ, губпрокуратуры, идут в печать только с согласия парткома¹.

Наряду с этим Цека счел благоразумным основательно ограничить издательские аппетиты отдельных ведомств. На заседании Совещания заотделами ЦК от 30 июля 1923 года по вопросу о ведомственной литературе Агитпропу было поручено принять меры к сокращению ведомственной литературы. Не допускать издания литературы, выходящей из круга ведения того или иного ведомства, не оправдываемых требованиями практической работы. Установить как правило, чтобы в качестве ответственных редакторов периодических изданий были коммунисты с необходимым партстажем, и вообще усилить коммунистами состав ведомственных редколлегий. Продолжить работу комиссии по ведомственной литературе². 22 февраля 1924 года вышел циркуляр ЦК всем облбюро ЦК, национальным ЦК, обкомам и губкомам РКП(б) о необходимости усилить партийное руководство не только партийными газетами, но всей периодической печатью как массовой, так и руководящей. «Одновременно перейти к учету и руководству сильно развившейся работой издательств». Всем создать и укрепить отделы печати³.

С развитием литературно-исторической полемики с Троцким внимание Цека к издательским делам еще более возросло. 9 ноября 1924 года Оргбюро обсуждало экстренный вопрос о работе Госиздата. Дело в том, что в Цека партии совершенно случайно узнали о выходе в свет первой части 3 тома сочинений Троцкого с «Уроками Октября».

¹ Там же. Д. 408. Л. 2, 9.

² Там же. Оп. 11. Д. 171. Л. 150.

³ Там же. Д. 267. Л. 58.

В обсуждении активнейшее участие принимал Сталин. Он с гневом говорил, что в дискуссии прошлого года партия не раз обвиняла ЦК, что он не должен был допустить печатание известного письма Троцкого от 8 октября, послужившего сигналом к новой борьбе в партии. «Мы в тот момент не имели возможность предупредить появление этого письма, так как письмо было передано тов. Троцким в районы без ведома ЦК. Но теперь другое дело... ЦК предвидит, что публикация этого предисловия ухудшит положение внутри партии. ЦК, может быть, вошел бы в переговоры с тов. Троцким с тем, чтобы это предисловие было отложено, изменено. Но ЦК оказался лишенным этой возможности по вине Госиздата, выпустившего предисловие Троцкого без ведома ЦК».

Сталина еще интересовал вопрос: правда ли, что распространение сочинений Ленина тормозится тем, что все, кто хочет получить сочинения Ленина, обязательно должны подписываться и на сочинения Троцкого? Это отчасти оказалось правдой. Заведующий Госиздатом О.Ю.Шмидт растерянно оправдывался, дескать, нагрузка в виде Троцкого на сочинения Ленина — это самостоятельность беспартийных агентов, которые, зная, что Ленин идет лучше Троцкого, хотят заработать сразу на двух подписках. По поводу выхода скандального предисловия Троцкого Шмидт ссыался на свое отсутствие, несогласованность в Госиздате и напор из секретариата Троцкого. Но ему уже ничто не могло помочь. Помимо прочего выяснилось возмутительное обстоятельство, что Троцкий печатается лучше и дороже, чем сочинения Ленина (бумага на Троцкого — по 13 руб. 16 коп. за пуд, на Ленина — 7 руб. 20 коп. за пуд). Шмидта без проволочек немедленно сняли с заведования Госиздатом¹.

После того, как внутрипартийная борьба увеличила политическое значение исторического материала, идеологическая машина Цека заработала на опережение. По постановлению Политбюро от 5 ноября Секретариат создал комиссию для сбора материалов по истории партии в составе зав. Истпартом Канатчикова, Товстухи, Бокия, Свердловой-Новгородцевой, Гляссер и Тихомирнова. Сестре Ленина Елизаровой отдельно было поручено исследование истории семьи Ульяновых. Комиссия первым делом наметила наиболее интересные ее архивы учреждений и отдельных лиц, распределила обязанности и вынесла решение о сосредоточении всех материалов, изымаемых комиссией, в архиве Политбюро. Но поскольку многие товарищи неохотно расставались со своими документальными сокровищами, комиссия обратилась в Политбюро за соответствующим постановлением, чтобы все материалы, исходящие или адресован-

¹ Там же. Оп. 112. Д. 608. Л. 45, 51, 60.

ные ЦК или его членам, были объявлены собственностью партии и должны концентрироваться в архиве ЦК, за исключением ленинских документов, которые передаются в Институт Ленина¹.

Несмотря на пристальное внимание партийных органов и развитие цензуры издательская жизнь времен нэпа явилась, пожалуй, одним из наиболее интересных периодов в истории печати в России. Впоследствии многое из того, что вышло в эти годы, попало под запрет или купировалось, в том числе даже издания учреждений ЦК РКП(б). В начале 1925 года заведомо печати И.М.Варейкис, докладывая о состоянии газетной и журнальной библиографии, сообщил, что если по большинству отраслей производства СССР еще отстает от уровня Империи, то по количеству печатных изданий и книжной продукции советская полиграфия уже превзошла лучший дореволюционный уровень 1913 года. Причем книги выходят все еще стихийно, признавал Варейкис, и все попытки регулировать их издание ни к чему не приводят².

Сталин умел слушать и учиться. Он воспринял идеи оппозиции о молодежи и начал с основ. В 1924 году он принимает личное участие, причем весьма заинтересованное, в работе аппарата Цека по организации пионерского движения среди подрастающего поколения. Особой заботой Секретариата пользовалась система партийного и советского образования, призванная готовить руководящие кадры для партии и госаппарата. Сталин так мотивировал необходимость создания при ЦК школы уездных секретарей, с тем, чтобы в конце 1923 года губкомы имели 200–300 секретарей уездного уровня: «Если мы укрепимся в уездах, то, безусловно, мы завоюем все»³. Летом и осенью 1923 года Совещание заведомо ЦК усиливает свое внимание к вопросам кадров, организации комакадемий, как в Москве, так и в регионах. В Цека регулярно рассматривалось множество вопросов, касающихся организации, материального обеспечения и комплектования учебных учреждений самого разного уровня, направления их учебной и научной работы. В период дискуссии и позже проводились тематические заседания Секретариата, почти целиком посвященные проблемам идеологии и партийного образования. После XIII партконференции Секретариат в плане развития гласности даже предоставил право слушателям курсов секретарей

¹ Там же. Д. 610. Л. 3, 58, 59.

² Заседание Оргбюро 9 марта 1925 года // Там же. Д. 645. Л. 125.

³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 206. Курсы секретарей уездных комитетов РКП(б) при ЦК торжественно открылись 1 октября 1923 года в составе 242 слушателей из функционеров уездного уровня.

укомов при ЦК и комуниверситета им. Свердлова пользоваться некоторыми материалами, поступающими в Цека от губернских и региональных парткомов.

Долгое время Цека не мог навести порядок в своих учебных заведениях, которые год от года пополняли и разнообразили перечень поводов к разбирательству — от бытовых дразг до идеологической невыдержанности. Летом 1921 года Секретариат ЦК вел расследование запутанного дела о склоке в комуниверситете им. Свердлова. Дело началось из-за того, что студенчество, упирая на недостатки управления университетом, потребовало себе и своим выборным организациям равных прав в управлении наряду с администрацией и равных условий жизни наряду с преподавателями. В университете существовала т.н. лекторская группа — контингент наиболее развитых студентов-слушателей, с которыми проводились занятия по расширенной программе, и которые затем в следующий набор выполняли функции преподавателей, проводя групповые занятия с новыми слушателями. Привилегированное положение подталкивало их к претензиям получить все преподавательские права и голос в администрации.

Резолюция общего собрания лекторской группы, принятая единогласно, назвала причиной развала университета «отсутствие единой направляющей воли в управлении университета, следствием чего являются, прежде всего, внутренняя борьба между руководящими лицами университета, которые к тому же не только не имеют организационных способностей, но и по своей научной подготовке совершенно непригодны для такого широкого дела как комуниверситет». Стоящий во главе университета тов. Невский, хотя и обладает научной подготовкой, но, благодаря отсутствию организационных талантов, отсутствию твердости характера не способен прекратить междоусобную борьбу в управленческих сферах. Лекторская группа предлагала сместить руководство университета и призвать к его управлению свежие силы¹.

В университете создалась атмосфера форменной склоки. В его стенах сложилось, по крайней мере, три партии, которые боролись между собой за монополию. После долгой борьбы эти партии поделили университет на «сферы влияния», и каждая партия строго оберегала свою сферу влияния от покушений извне. В докладных записках преподавателей университета о причинах болезненных явлений в университете указывалось на «окостенение» руководящих верхов университета, отсутствие стабильного штата преподавателей, лекторов, сотрудников. Отмечалась борьба администрации с партячей-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 196. Л. 13, 37.

кой; господство формализма, волокиты, канцелярщины; грубость со стороны комендантов и сотрудников в отношении студентов, доходящая до открытой вражды.

Сводка по делам партийного суда университета им. Свердлова с октября 1920 по май 1921 года сообщала, что на 1500 слушателей университета выявлено 10 человек уличенных в воровстве (белье, продукты, бутерброды, портсигары и пр.); оскорбления (площадная ругань, побои, плевки) — 9; беспорядки (в театре из-за места, в столовой, в уборной) — 10; спекуляция — 3; антисемитизм — 2; уклонения от программы РКП (анархизм, кубизм и пр.) — 2; злостная агитация (против пожертвований на Красную армию во время кронштадтского мятежа) — 1; пьянство — 1; неправильное получение обмундирования — 3; шкурничество — 1; небрежность — 1¹.

Контингент слушателей, оказавшихся в университете, проявлял нестойкость не только в отношении бытовых соблазнов, но и в политике. Один из партийных организаторов Василевич объявил, что не признает классовой борьбы, не признает контроля, словом, в корне расходится с программой и тактикой РКП(б), а потому выходит из рядов последней. В заявлении комячейке университета он писал: «После тяжелой умственной работы в области теории компартии и окружающей действительности, сопоставляя последнее я не мог не оказаться не вытесненным из первой и, не желая скрывать своих воззрений из под завесы партии, сообщаю что с сего числа считать [меня] вышедшим из партии»².

В ворохе бумаг комиссии Оргбюро имеется доклад завуниверситетом В.И.Невского от 6 июля 1921 года, в котором его заставили объясняться и по поводу учебного курса, и по поводу нелуженых котлов и тухлой капусты, пропажи вилок и ложек из столовой и прочего. «Что же касается докладной записки о необходимом ремонте зданий университета, — кипятился Невский, — заявляю, что эта докладная записка сделана по моему распоряжению и является обвинительным актом против студентов университета, ибо почти все, что перечислено в этой докладной записке (разбитые стекла, выверченные ручки, поломанные стулья и табуретки, украденные лампы и т.д. и т.п.) все это есть результаты разрушительной работы, которую произвели студенты». Необходима борьба с анархическими наклонностями студентов³.

В итоговом докладе комиссии Цека говорилось, что недочеты, ошибки, упущения, которые были указаны представителями студен-

¹ Там же. Л. 42.

² Там же. Л. 40.

³ Там же. Л. 21.

чества, и которые были отмечены в сообщениях некоторых преподавателей, сознавались и администрацией университета. «Та, несколько обостренная форма, в которой студенчество проводило свою критику недостатков аппарата, как учебного, так и административно-хозяйственного, не представляет собой чего-либо специфически-характерного только для внутренней жизни университета имени Свердлова. Она характеризует в настоящее время внутренние взаимоотношения между администрацией и студенчеством во многих учебных заведениях и обусловлена как общим продовольственным положением республики, коснувшимся даже «свердловцев», так и тем идейным шатанием и ослаблением партийной дисциплинированности, которая связана с переходом на новую экономическую политику Соввласти, вызвавшим в умах многих, особенно молодых членов партии, растерянность и какую-то идейную расхлябанность»¹.

Вследствие тяжелого материального положения количество слушателей советских и партийных школ в течение 1923/24 учебного года заметно сократилось. Поэтому накануне нового 1924/25 учебного года Секретариат провел ряд заседаний по образовательной тематике. На заседании 18 июля была утверждена сеть совпартшкол в количестве 130 школ низшей 1-й ступени с 10 055 курсантами и 38 школ 2-й ступени с 6 215 курсантами. Общее количество слушателей по сравнению с планом предыдущего учебного года сохранилось, но с поправкой на увеличение числа национальных отделений².

В плане рекомендаций XIII съезда по улучшению преподавания общественных дисциплин в вузах состоялось решение об усилении вузов преподавателями-коммунистами. Секретариат рассмотрел и утвердил конкретный список преподавателей общественных дисциплин московских вузов. Чувствовался явный дефицит подходящих кадров. В список попал самый разнокалиберный народ, от неофитов до членов Политбюро, всего 119 человек³. В начале нового 1925 года Секретариат утвердил предложение комиссии по вузам о введении минимума по общественным наукам (история партии, рабочего движения, исторический материализм и т.п.) и пропаганде ленинизма в качестве общеобразовательных дисциплин высшего образования. Потом весь год львиная доля внимания аппарата ЦК уделялась вопросам идеологии, включая организацию работы комвуниверситетов, вузов, распределение выпускников, учебники и проч. Наступили золотые времена для историков партии и преподавателей марксизма, лекторы и авторы из их числа шли нарасхват.

¹ Там же. Д. 202. Л. 5.

² Там же. Д. 581. Л. 18.

³ Там же. Д. 585. Л. 4. Д. 587. Л. 6.

2 июля 1924 года Оргбюро, наконец, утвердило положение об Информотделе ЦК, и, надо сказать, оно несколько отличалось от первоначальных предположений. Главными задачами отдела теперь признавалось информирование партии (правда, разных слоев партийцев в разной степени) о внутрипартийной жизни, о процессах в рабочем классе, в деревне, в торговле и кооперации. На отдел возлагалась обязанность организации взаимного информирования Центра и мест, рассылка специализированных материалов членам ЦК и губкомам. Параграфы положения предполагали «широко» представить в партийной печати информацию о работе ЦК — от пленумов до отделов¹. «Широко» в данном случае означало то, что информация должна была неизбежно приобрести пропагандистский характер, стать информацией для манипулирования партийным настроением, а не для принятия решений. В дальнейшем информация, профессионально поставленная как масс-медиа, как средство управления партийными умами, сыграет важную роль в борьбе Цека против левой оппозиции. Впоследствии при очередных перераспределениях обязанностей секретарей ЦК (которые происходили довольно часто) Сталин предпочитал оставлять за собой курирование Информотдела. Он уже тогда стал человеком информационной эры, понимая, что наряду с кадрами многое решает хорошо поставленная информация.

Со времен курирования партинформации самим генеральным секретарем, аппарат начал сотенными тиражами печатать разнообразные материалы Цека (начиная от пленумов и заканчивая докладами губернских секретарей, комиссий) совершенным типографским способом. Наряду с этим Секретариат стал постоянно рассматривать дисциплинарные вопросы об «утере» или краже полученных секретных материалов у ротозеев из какого-нибудь укома или ведомственной конторы.

На январском пленуме 1924 года Сталин получил выговор за свою приверженность келейному решению дел и был вынужден пойти на расширение гласности в работе ЦК. Но это не слишком повлияло на секретность принятия важнейших решений. Выход был найден в образовании нелегальной «семерки» и в учреждении Орграспреда ЦК, чья кухня была скрыта от глаз партийной общественности и актива. Кроме этого пленум ЦК в августе 1924-го вновь обратил внимание на правила обращения с конспиративными документами. Главное — недопустимость попадания в чужие руки партийных документов, что явилось прикрытым дезавуированием духа и решений январского пленума.

¹ Там же. Д. 578. Л. 7.

Во время августовского пленума большинство ЦК во главе со Сталиным негласно выделило из своего состава т.н. «семерку», которая стала фактическим руководящим центром Центрального комитета и, пользуясь своим перевесом, фракционно решала все хозяйственные, политические и прочие вопросы, игнорируя участие Троцкого или мнение других руководителей и членов партии, с которыми возникали разногласия. Семерка (туда входили члены Политбюро Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский и председатель Президиума ЦКК Куйбышев) имела свой регламент, устав и действовала, соблюдая строжайшую внутреннюю дисциплину. Как появление, так и вся ее деятельность была обусловлена первоочередной задачей свалить Троцкого, устранить от рычагов власти и развеять его авторитет в армии и среди рядовых членов партии.

Борьба против Троцкого достигла апогея в конце 1924 года. В ноябре «Правда» поместила редакционную статью, написанную Бухариным, «Как не нужно писать историю Октября (по поводу выхода книги т. Троцкого "1917")». Затем Каменев и Сталин выступили в московском комитете РКП(б), в ВЦСПС и перед военными руководителями с негативной оценкой партийной истории Троцкого. Они определяли троцкизм как самостоятельное политическое течение, которое всегда выступало и выступает против принятой партийной идеологии. «Ленинизм или троцкизм?», «Троцкизм или ленинизм?», «Большевизм или троцкизм?» — таковы были красноречивые названия докладов и статей Каменева, Сталина и Зиновьева, опубликованных в эти дни, которые ясно указывали партии на волю большинства Цека на официальный и бескомпромиссный идейный развод с Троцким.

Вновь заработал отлаженный аппаратом механизм кампании по обсуждению новой «вылазки» Троцкого. В органы печати поступали отчетные релижи о единодушном осуждении коммунистами антипартийных действий троцкистов, а в ЦК составлялись и анализировались сводки под грифом «сов. секретно» о степени поддержки линии ЦК и позиции Троцкого в дискуссии. Так, сводка об обсуждении книги Троцкого «1917» в четырех вузах Ленинграда (Политехническом, Толмачевском, Технологическом институтах и Военно-медицинской академии) классифицировала 127 поданных докладчику записок на 4 группы: осуждающих Троцкого — 32, обнаруживающих непонимание разногласий — 56, сочувствующих ему — 22 и справочно-технического характера — 17. В записках 1-й группы звучало требование применить к Троцкому п. 10 резолюции X съезда и исключить из партии. Во 2-й группе преобладали вопросы типа: в чем ошибка отдельных большевиков перед Октябрем? что такое перманентная революция? поче-

му Троцкий не отвечает на статьи против него? принимает ли он в настоящее время участие в практической работе? почему его не было на параде Первой конной армии? и т.п. И к 3-ей группе относились записки, как подчеркивалось в сводке, стиль которых изобличает их авторов как злостных оппозиционеров «и сомнительно, чтобы их заблуждение было кратковременным». В этих записках с ехидством спрашивалось: «Можно ли рассуждать о книге как о вредной или полезной, которую 99% собрания не читало?» Или же напрямую утверждалось: «Большевизм воплощался Лениным, а не дезертировавшими (т.е. Каменевым, Зиновьевым), для них это было проверкой, которую они не выдержали»¹.

Обсуждением публикаций Троцкого всецело дирижировал партийный аппарат. Несмотря на существенную долю сочувствующих Троцкому и подавляющее большинство тех, кто по незнанию вопроса вообще не понимали, чего от них хотят, официальные итоги кампании показали, что Троцкий и оппозиция уже практически нигде не имели сильных позиций. Дисциплинированный низовой партаппарат сумел врезаться между ними клином и отсесть оппозицию, рассеянную по кабинетам совучреждений, от массы рядовых коммунистов.

Троцкий уже давно размахивал перед ЦК угрозой своей отставки, рассчитывая на свою популярность в части общества. Но лагерь сочувствовавших Троцкому во многом держался на недоразумении, которое постепенно рассеивалось под влиянием мощнейшей идеологической кампании, проведенной партаппаратом. В 1924 году он привлекал под свои знамена две противоположные группы недовольных. Рабочие говорили, что Троцкий за промышленность и зарплату рабочим, а крестьяне толковали, что Троцкий за крестьян, чтобы налоги были меньше, а партия его за это — с престола². В декабре 1924 года на конференции еще недавно оппозиционной вятской губорганизации выразилось преобладающее настроение осуждения Троцкого за его выступление против ЦК партии. В президиум подавали записки, в которых в том числе спрашивали: «Не участвовал ли Троцкий вместе с Каплан в покушении на Ленина в 1918 году?» Какой блестящий результат пропагандистской кампании аппарата против Троцкого, в кратчайшие сроки из героев гражданской войны — в оруженосца Фани Каплан! В деревне носились слухи «о войне с Троцким». Осенью, при очередном призыве крестьянской молодежи в армию, сильно голосили бабы, как то обычно бывало во времена проводов мобилизованных на войну³. В белорусской глубинке циркулировали разнообразнейшие

¹ Там же. Оп. 60. Д. 461. Л. 24–25.

² Там же. Оп. 67. Д. 19. Л. 4.

³ Там же. Оп. 68. Д. 62. Л. 132.

кривотолки о Троцком, а переучет четырех призывных возрастов еще более подогрел слухи, дескать, Троцкий сбежал за границу, идет войной против партии и т.п.¹

Убедившись в бесперспективности сложившейся для него ситуации, изолированный со всех сторон в Реввоенсовете и Наркомвоенкреатурами Сталина, Троцкий вышел из игры. Он обратился в адрес проходившего 17–20 января 1925 года пленума ЦК с заявлением об отказе от полемики, признании над собой любого партийного контроля и просил освободить от обязанностей председателя РВС. Пленум признал невозможным дальнейшее пребывание Троцкого на работе в армии. 26 января Президиум ЦИК СССР снял Троцкого с должности наркомвоенмора и председателя РВС СССР, назначив на его место Фрунзе с заместителем Ворошиловым. Троцкий сдал свою самую главную цитадель, из поля зрения сталинской группировки исчезло пугало штыков Красной армии, стоявших за спиной некогда грозного военного диктатора.

Троцкий вышел из игры в характерной для себя парадоксальной манере, как это он не раз проделывал в безнадежной ситуации. Как в 1905 году при аресте кричал с балкона депутатам Петербургского совета: оружие не сдавать, сопротивления не оказывать. Далее в 1915 году последовало «Ни побед, ни поражений», в 1918-м — «Ни мира, ни войны». В январе 1925 года вышло тоже нечто казусное: перед Сталиным он не смирился, но довольно безучастно смотрел, как уплывает почва из-под его ног. Тогда у него хватило сил лишь демонстративно сложить с себя руководство вооруженными силами. Кажется, что временами этого чрезвычайно волевого человека, бывшего пылкого поклонника теории героев и толпы, встреча с обстоятельствами более могущественными, чем он, вызывает род паралича, полумистическое упование на справедливость объективного хода событий. Ясные и лаконичные формулировки, которыми Троцкий усеял свою политическую биографию, выделяют глубокую внутреннюю противоречивость их автора. Как впоследствии в 1928 году, когда сотрудники ГПУ будут выносить его на руках из московской квартиры в ссылку, он сопротивления не оказывал, но и идти отказался, так и в изгнании яростно разоблачая режим Сталина, он до конца не понял, отказался признать, что режим этот есть результат деятельности всей его предыдущей жизни.

Существует мнение, что большевистская партия после революции, уже пребывая у власти, даже несмотря на значительный рост своих рядов, продолжала по существу оставаться тем, чем она была в самом начале, на заре века, то есть сосредоточенным вокруг вож-

¹ Там же. Оп. 67. Д. 18. Л. 8.

для движением¹. Это неточно. Это опровергает история борьбы с Троцким, в которой партийный аппарат справился с функциями вождя. Кампания борьбы с «троцкизмом» началась в условиях экономического кризиса 1923 года, который явился симптомом сформировавшейся системы нэпа. Метод его разрешения продемонстрировал, какая из противоположностей противоречия является ведущей. Доминировал и двигал вперед не рынок, а централизм. Из политической борьбы, как и из экономического кризиса партийно-государственный аппарат вышел окрепшим, готовым к высотам нового исторического этапа.

¹ *Такер Р.* Указ. соч. С. 65.

Глава 7.

БОРЬБА С КЛАНАМИ

Сепаратизм на Неве и «новая оппозиция»

В видах ухода Ленина от дел временным объединительным фактором в Политбюро ЦК стала борьба большинства против Троцкого. Когда Троцкий был низвержен, этот фактор мгновенно утратил свое значение. Свою кампанию в 1923–24 годах Сталин проводил уже с прицелом на решение задач следующего этапа борьбы за единоличную власть. Противоречия в тройке стали проявляться едва ли не сразу после ее возникновения. Уже в июле 1923 года Зиновьев очень раздраженно писал Каменеву о том, что их противники говорят о какой-то тройке: «На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина»¹.

В такой ненадежной ситуации Сталину был просто необходим публичный скандал с Троцким, чтобы отвести все внимание своих компаньонов на борьбу с ним. И то, что Троцкий обрушился именно на Зиновьева и Каменева в связи с их поведением в октябре 1917 года, заставив тех защищать свое большевистское реноме перед широкой партийной аудиторией, было настоящим подарком для Сталина.

Сталин 17 июня 1924 года в докладе «Об итогах XIII съезда РКП(б)» на основанных им курсах секретарей укомов при ЦК партии обронил несколько замечаний в адрес своих союзников. Каменеву достался упрек в «беззаботности насчет теории, насчет точных теоретических определений». Зиновьев получил свою долю критики за тезис о «диктатуре партии как функции диктатуры пролетариата», который вызвал острые споры и недовольство среди части партийных масс. 20 июня этот фрагмент выступления Сталина был опубликован главным редактором «Правды» Бухариным в Центральном органе партии, что ознаменовало начало открытой фазы развития противоречий среди «сплоченного» коллектива антитроцкистов в

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 198.

Политбюро. Само создание известной семерки в августе 1924 года являлось по всем правилам закулисной борьбы дальновидным подскоком под тройку¹.

Заключительный акт борьбы с Троцким стал для тройки очередным эпизодом внешнего проявления внутренних противоречий. При решении судьбы Троцкого большинство ЦК поддержало Сталина против Зиновьева и Каменева, настаивавших не только на снятии его с военных постов, но и на удалении из Политбюро. Нельзя сказать, что у Сталина было более лояльное отношение к Троцкому, скорее наоборот. Но Сталину требовалось приоткрыть свои разногласия с Зиновьевым и Каменевым, чтобы прозондировать собственные позиции и подсчитать голоса сторонников в ЦК перед началом нового этапа давно намеченного и настойчиво проводимого им плана по укреплению единоличной власти.

В свое время на 4-м Совещании по нацвопросу Сталин высказался так против предлагавшихся крайних мер в отношении Султан-Галиева: «С человеком покончено как с политической единицей. Чего же еще?» Эта реплика раскрывает нечто из методов генсека в отношении своих оппонентов. Он не был сторонником немедленных расправ и предпочитал постепенное, дозированное уничтожение соперников, с возможностью отката от последнего шага в видах сохранения равновесия и контроля над ситуацией. Когда ленинградский губком вынес решение с требованием к ЦК об исключении Троцкого из партии, сталинская группировка сошлась на том, что было бы большой ошибкой применить такую меру по отношению к Троцкому, что это еще несвоевременно и предложила ленинградцам снять эту резолюцию. Но ленинградцы, сняв одну, написали другую, в которой заключалось требование об удалении Троцкого из состава Политбюро. Большинство голосов Цема отклонил и это предложение. Сталин играл с Зиновьевым, демонстрируя ему силу своих «мышц».

Зиновьев в свою очередь третий год подряд прилагал усилия, чтобы в глазах партийных масс утвердиться в качестве преемника Ленина. Он везде демонстрировал свое приоритетное положение, брался за космические темы, делал огромные доклады, захватывая трибуны партийных форумов на столько времени, сколько ему заблагорассудится, не считаясь с регламентом, притом заполняя выступления всякой мелочью личного характера. Но ему никак не удавалось внушить аудитории должный пиетет, его излишняя говорливость только раздражала. На XII съезде партии Осинский ядовито заметил: когда ленинским языком пытается говорить т. Зиновьев, я

¹ См.: Большевицкое руководство. Переписка... С. 296.

не верю своим глазам (м.б. ушам?). «Если на клетке написано “лев”, а льва там нет, я не верю надписи»¹.

Зиновьев очень хотел быть «львом». Для него вопрос о судьбе Троцкого превратился в дело принципа, поэтому Сталин легко вывел его из себя и заставил совершать ошибки. Зиновьев принялся активно перенимать методы и лозунги разоблаченного им Троцкого, в частности призыв делать ставку на молодежь. Зиновьевцы предприняли попытку овладения комсомолом. Когда окончательно выяснилась позиция большинства цекистов по отношению к ленинградскому руководству, Зиновьевым было сделано обращение через голову ЦК партии к комсомолу с призывом провести ленинградскую точку зрения в ЦК РКСМ. В Ленинграде состоялась губернская конференция комсомола, на которую без всякого уведомления и разрешения Москвы были приглашены представители 15 крупнейших организаций со всего Союза ССР. Этот маневр в духе Троцкого вызвал резкое осуждение в ЦК партии, там это было расценено как шаг к созданию второго центра молодежного движения.

В Кремле давно подозревали северную столицу, взявшую имя Ленина, в сепаратистских настроениях. Ленинградские учреждения постоянно пытались претендовать на бывший всероссийский масштаб и имели к этому серьезные основания. Там по-прежнему были самые передовые предприятия, многочисленный и активный рабочий класс, крупнейшие издательства и лучшие типографии. Ленинград оставался центром Северо-западной области, в состав которой входили пять губерний: Ленинградская, Новгородская, Псковская, Череповецкая, Мурманская, и Карельская автономная советская республика.

В конце 1924 года Орграспред ЦК стал критически отзываться о деятельности Севзапбюро ЦК по руководству губернскими организациями. Отзывы по большей части выражались в словах: «недостаточно», «хромает», «не уделяется» и т.п.² 22 декабря секретарь ленгубкома П.А.Залуцкий отчитываясь перед Оргбюро о работе Севзапбюро ЦК, помимо прочего сообщил, что в Ленинграде обсуждается вопрос о том, что необходимо «обособить» аппарат Севзапбюро с тем, чтобы постепенно реорганизовать его в аппарат областного комитета на выборных началах³. То есть преобразовать бюро, назначаемое из Цека, в более независимый от Москвы орган. Основной лозунг, который дает бюро в ячейки, — осуществление внутривластной демократии и борьба за наиболее гибкие и всесторонние формы ее воплощения.

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 134.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 623. Л. 2, 95.

³ Там же. Д. 723. Л. 114.

Присутствующие на заседании насторожились, поскольку по опыту прошедшей дискуссии всем было памятно, что лозунги расширения «демократии» в партии исправно служили хорошим прикрытием для утверждения узковедомственного или группового бюрократического интереса, с которым якобы предполагалось бороться. Зиновьев подхватил эстафету «партийной демократии», выпавшую из рук Троцкого. Поэтому Оргбюро холодно приняло к сведению сообщение Залуцкого, предложив Севзапбюро сформулировать и внести свои конкретные соображения в Цека. Но, чтобы обеспечить нужное направление в соображениях ленинградцев, Оргбюро тут же приняло решение о пересмотре состава Севзапбюро, заменив троих человек более надежными товарищами из Москвы¹. Вопрос на время удалось заморозить.

Цека партии начал теснить Зиновьева в его владениях, благо поводов было достаточно. Началось с раздражающих мелочей. В период дискуссии с Троцким вузовские организации, а ленинградские в особенности, показали себя неустойчивыми по отношению к соблазнам оппозиции. Поэтому ленинградскому губкому еще перед началом 1924/25 учебного года было предложено в срочном порядке принять меры к усилению вузов коммунистическими кадрами².

12 января 1925 года состоялось постановление Оргбюро о партийной работе в вузах (18 января вышел циркуляр ЦК по студенческим организациям). Оргбюро предписало ленинградцам установить у себя общегосударственную структуру студенческих организаций. Постановление гласило, что «ленинградский губком должен...»³. С сего времени эта формулировка прочно утвердилась в протоколах коллегий ЦК РКП(б).

Зиновьев претендовал на роль духовного вождя партии. Сталин начал подрывать его позиции именно с этой стороны, наступая на интеллектуальный потенциал колыбели революции. Сталин направил в Ленинград на инспектирование организации свои главные силы — ездил сам Каганович. Ленинградцы, привыкшие к большой степени автономии, были оскорблены и начали утрачивать равновесие, что и требовалось аппарату Цека. По возвращении Каганович заявил, что в пролетарском студенчестве в дискуссии 1923–24 года ярко проявились оппозиционные настроения, а коммунисты в вузах оказались наиболее слабым звеном в цепи, и потребовал укрепления этого звена⁴.

¹ Там же. Д. 623. Л. 2, 95.

² Там же. Д. 585. Л. 4.

³ Там же. Д. 629. Л. 2.

⁴ Там же. Оп. 68. Д. 13. Л. 86.

В конце февраля — начале марта 1925 года Цека созвал давно запланированное общесоюзное совещание секретарей ячеек вузов, которое признало негодным опыт работы организации студенчества, примененный в ленинградских вузах. Дескать, он усложняет структуру вузовских организаций; ослабляет влияние профессионально организованного студенчества на несоюзное, уменьшает влияние профорганизаций на реформу высшей школы. Совещание сочло необходимым распространение единой формы организации студенчества, установленной циркуляром ЦК, и на ленинградские вузы¹. По словам ленинградского представителя на совещании, пресловутый опыт заключался в том, что они не вливали в производственные профсоюзы студенчество, «вполне пролетарское», но не связанное непосредственно с производством. Вопрос третьестепенный, однако раздутый в Цека ради провоцирования зиновьевцев.

Если борьба с Троцким после XIII съезда в основном протекала под личиной разного рода исторических реминисценций в плане борьбы «ленинизма» с «троцкизмом», то вытеснение Зиновьева и Каменева с высоких партийных трибун шло под знаменами определения политической стратегии партии на ближайший период.

В 1925 году в день кончины Ленина в столице уже не чувствовалось той печали, которая царила вокруг в январе прошлого года. 1925-й год стал годом максимального развития новой экономической политики и раскрепощения индивидуального хозяйства. Однако зримые успехи в восстановлении национального хозяйства одновременно обнажили ограниченный, не универсальный характер новоэкономических принципов. Фактически, решив проблему восстановления хозяйства, нэп как собственно экономическая политика себя исчерпал, несмотря на то, что его социальные аспекты еще какое-то время продолжали сохранять свое значение. Большевики вышли на старый довоенный рубеж цивилизационных задач развития российского общества, старые проблемы возродились в новой, красной оболочке.

Понять сущность любого исторического периода, а тем более революции и нэпа, исходя из содержания и масштаба тех «нескольких» лет, которые они охватили собой, невозможно. Предпосылки к социальному перевороту, начавшемуся в 1917 году, складывались столетиями и приняли революционный, разрушительный характер лишь потому, что отяжелевшее от пережитков и ослабевшее от либерализма общество не нашло сил модернизировать свои традиционные противоречия и вывести их на новый виток развития с достаточным пространством для маневра.

¹ Там же. Л. 40.

В принципе, русская революция и ее социальные сложности в контексте глобальных проблем человеческого развития были явлением маргинальным и специфическим. Главная задача, которая обострилась перед Россией в начале XX века как страной, по-прежнему претендующей на самостоятельное мировое значение, это — индустриализация экономики и урбанизация общества, то есть подтягивание к уровню возмравших требований современной цивилизации. Старое общество и царский режим в силу перегруженности социальными противоречиями и многовековыми пережитками не сумели ответить на вызов времени. Мировая война совершенно истощила их, а наступившая революция окончательно похоронила.

После мучительной революционной операции по социальному преобразованию общества и восстановления национального хозяйства перед новыми и энергичными политическими силами прежняя задача вновь встала в полный рост. По причине внутренней специфики советского общества она уже утратила свой прямолинейный национальный прагматизм «Великой России» и предстала облаченной в новые одежды коммунистической партийной доктрины. «Бесклассовое общество», «царство труда» и т.п. — вся эта идеологическая шелуха была терпима в реальной политике лишь постольку, поскольку доктрина научного коммунизма не противоречила, а напротив, всецело было ориентирована на приоритетное развитие передовой индустрии. Партийная программа построения социалистического общества предполагала рост промышленного сектора экономики, изменения социальной структуры общества за счет увеличения численности рабочего класса. Топтание партии в рамках нэпа таило в себе угрозу отхода на позиции интересов частного капитала и мелкокрестьянского хозяйства. Требовался промышленный рывок, для которого были необходимы инвестиции, вложения капитала. В СССР необходимого капитала не было. Объективно существовали два источника получения необходимых средств: внутренний — за счет увеличения налогов, ужесточения эксплуатации населения страны, и внешний — кредиты и помощь более развитых промышленных стран Запада. Попытки приманить западных капиталистов за счет раздачи концессий еще при Ленине неизменно оборачивались ничтожным результатом. Вопреки ожиданиям коммунистического руководства обещаеые проценты на капитал не стали для мировой буржуазии достаточной платой за риск сотрудничества с враждебным и непредсказуемым партнером. Уверенность в том, что мировое хозяйство не может восстановиться без российских ресурсов, оказалась неоправданной. Вместо отпавшей России на выручку западноевропейской буржуазии пришли Северо-американские штаты с их потенциалом и планом Дауэса.

Вопрос о концессиях в большевистском руководстве представляет собой наиболее характерный пример разного рода шатаний в попытках примирить революционную идеологию и государственный прагматизм. Вначале — категорическое отрицание, национализации и конфискации. Затем, еще в период военного коммунизма, в 1919 году идея концессий возникает как обходной путь политического соглашения. Далее несколько лет концессионных разговоров и в 1925 году вновь поворот вспять. Сталин еще не был готов к тому, чтобы приглушить идеологическую войну против буржуазного общества и встать на позиции развития традиционных межгосударственных отношений с капиталистическими странами. В условиях незавершенной борьбы за власть он боялся ослабления верного ему ЦК в результате деидеологизации внешней политики. Идеология, наряду с кадровой политикой, продолжала оставаться важным инструментом партийной верхушки в укреплении своей власти. Поэтому летом 1925 года Сталин решительно выступил против попыток со стороны «работников внешней торговли» отбросить партийную доктрину интернационализма¹.

Идеологический барьер стал непреодолимым препятствием на пути интеграции хозяйства СССР в мировую систему, поэтому помощь и кредиты Запада могли подойти к коммунистическому руководству Советского Союза только в случае победы там социалистических революций. Только «мировая революция» могла стать внешним кредитором строительства социализма в СССР.

Уже не первый год, не ведя формально войны, Советская Россия фактически все время находилась на военном положении, питая своими материальными ресурсами революционное движение и восстания во всем мире. «Все это делалось за счет нищего, истощенного войной и революцией русского крестьянина, хозяйство которого приходило в состояние полной ветхости и обнищания и участь которого уже почти ничем не отличалась от участи тех колониальных народов, во имя интересов которых происходила такая безжалостная, беспощадная и бессовестная эксплуатация»².

В случае признания партией внешнего источника как единственно возможного и «мировую революцию» как главного кредитора строительства социализма в СССР, внешнеполитический аппарат РКП(б) в лице Исполкома Коминтерна и его председателя Зиновьева приобрели бы приоритетное значение в партийной политике. Отсюда идеологическая полемика вокруг вопроса о возможности построения социализма в отдельно взятой стране приобретала вполне практическое значение в борьбе за власть.

¹ Советское общество... Т. 1. С. 107.

² Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 256.

Противостояние сталинской фракции и «новой оппозиции», как впоследствии стали называть группировку Зиновьева и Каменева, нарастало подспудно. Ленинград, где Зиновьев, бессменный председатель исполкома Петро- и Ленсовета, давно практиковал подбор кадров по критериям личной преданности, стал основной опорной базой «новой оппозиции». Зиновьев упорно вел линию на создании в Ленинграде альтернативной партийной системы, второго центра партийной власти. Весной 1925 года Цека воспрепятствовал созданию в Ленинграде нового теоретического органа партии, который зиновьевцы хотели противопоставить центральному журналу «Большевик». В аппарате ЦК отлично понимали, что особый ленинградский журнал представляет серьезную опасность для единого руководства, создает дополнительные возможности оформления разногласий и сплочения вокруг журнала оппозиционно настроенной части партии.

В марте 1925 года произошел окончательный организационный развал тройки, тройка более уже не собиралась. В апреле Каменев при поддержке Зиновьева на заседании Политбюро заявил, что технико-экономическая отсталость СССР является непреодолимым препятствием для построения социализма. Нельзя утверждать, что «рыхлому» и всегда «правому» Каменеву наравне с Зиновьевым была столь близка доктрина мировой революции. Каменев, занимая в 1924–1925 годах пост председателя Совета Труда и Оборона, фактически руководил экономикой страны и прекрасно разбирался в ее проблемах. Со своей постоянной осторожностью, зачастую доходившей до откровенной трусости, он сумел заранее, задолго до Бухарина и Сталина, просчитать неизбежность «военно-феодалной» эксплуатации крестьянства и в очередной раз, как в Октябре семнадцатого, убоился непредсказуемых последствий.

После солидаризации Каменева с Зиновьевым сразу же создалось некоторое напряжение между Цека и московским горкомом партии по вопросу переброски работников в Москве. В апреле МК обратился в Секретариат с протестом по поводу ограничения своих прав Старой площадью. Потребовалось уточнение полномочий кадровых аппаратов Цека и столицы. 27 мая Орграспред пошел на формальные уступки и постановил производить перестановку работников в московской организации только через московский комитет, разумеется, за исключением должностей, входящих в номенклатуру Центрального комитета¹.

Что примечательно, дискуссия о возможности построения социализма началась издавна — с нападок на меньшевиков. Каганович,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 64. Л. 1.

прощупывая почву для Сталина, заявил, что меньшевики не понимают марксизма и диалектики. Не понимают того, что советская система, советские конституционные основы настолько широки, что «мы на десятки лет при отсутствии мировой революции, можем вовлечь широчайшие массы трудящихся в содружество, можем сделать их нашими помощниками и друзьями, в особенности крестьянство»¹. Сталин исподволь готовил свое наступление на вчерашних союзников. Кому следовало, тот понимал, что речь идет не о меньшевиках, а о Зиновьеве и его сторонниках. Меньшевиков в тот период мало занимала тема мировой революции. Наоборот, они оживленно обсуждали вопрос о контрреволюции в СССР. Их ортодоксальные теоретики были убеждены, что за экономическим нэпом неизбежно придет и нэп политический.

Фронтальное столкновение «новой оппозиции» и группировки Сталина произошло в конце апреля за кулисами XIV партийной конференции. Зиновьев представил на ЦК тезисы «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ», в которых проводилась мысль о том, что победа социализма может быть достигнута только в международном масштабе. Пленум ЦК отверг проект Зиновьева и поручил специальной комиссии переработать его. Переработка заключалась в том, что комиссия «вымарала» тезис о том, что построение полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, невозможна без «государственной помощи» более развитых в технико-экономическом отношении стран². Взамен появились слова, что «партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество» в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным, если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации³.

Попытки «новой оппозиции» изменить расстановку сил в свою пользу серьезным образом подрывались очевидным спадом революционной волны в Европе в 1925 году и были легко отбиты сталинским большинством в ЦК. Вместе с тем, общие решения конференции не акцентировали разногласий и оставили партию балансировать на узком месте, не указывая какого-либо определенного направления политики. Наряду с решениями в духе ликвидации пережитков военного коммунизма и максимального использования товарно-денежных отношений, облегчения условий применения наемной рабочей силы в сельском хозяйстве, конференция одновременно

¹ Там же. Д. 13. Л. 86.

² КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 213.

³ Там же. С. 214.

предусматривала проведение мер, фактически ограничивающих эффективность этих механизмов. Укреплялась установка на вытеснение капиталистических элементов из кооперации, кулаков из совхозов. Давая добро на рост товарного крестьянского хозяйства, конференция принимала меры по притеснению ее наиболее типичных представителей — зажиточных крестьян под лозунгом борьбы с кулачеством. Но также остались без внимания разведочные намеки Бухарина на то, что для крестьянства колхозы не являются столбовой дорогой к социализму.

Ленинград в течение 1925-го года совершенно прекратил присылку закрытых информационных писем в ЦК, поэтому Секретариат вызвал для отчета представителей ленинградского партийного руководства в Москву. 21 сентября на Старой площади обсуждался доклад Залуцкого о состоянии работы в Северо-Западной области. Отчет был выслушан в обстановке недоброжелательного молчания. Надо заметить, что стенограмма заседания своими средствами отлично передает атмосферу, которая сгустилась вокруг докладчика. Его забросали раздраженными вопросами, которые содержали упреки ленинградскому руководству за политику сепаратизма и самоизоляции от центральных органов партии. Важнейшие из многочисленных претензий, которые были предъявлены докладчику, сводились к тому, что Севзапбюро допускает непропорционально большой прием в кандидаты в партию из категории «служащие и проч.», а также предоставляет кандидатам активное избирательное право.

Претензии касались партийного строительства, пропаганды, издательской политики и прочего. Цитировалось место из резолюции ленинградского губкома по вопросу о промышленности, где содержался грубый выпад по адресу центральных хозяйственных учреждений и утверждалось, что самодеятельность мест является наиболее действенной гарантией «против рецидивов на деле обанкротившегося главкизма и порождаемого последним бюрократического формализма и аппаратно-чиновничьей узости, однобокости и ограниченности и служебно-ведомственной тупости в деле руководства и управления строительством промышленности и экономики страны»¹. До этого ленинградцы регулярно донимали Цек партпартии жалобами на то, что центральные ведомства совершенно не желают считаться с руководством области и даже в вопросах кадровой политики действуют в обход местных партийных комитетов. Цитировавший товарищ обижался: да, в работе центральных ведомств имеются недостатки, но зачем же их ошибки таким образом формулировать.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 723. Л. 117 об.

В этих формулировках угадывалась рука самого Залуцкого, который, как натуральный пролетарий, считал возможным демонстрировать свою образованность без всяких церемоний. Своеобразие ленинградского стиля привлекла особенное внимание. Сталин даже зачитал письмо Залуцкого на имя Бубнова, в котором один авторитетный работник Цека, член партии с 1909 года, характеризовался как «какой-нибудь ушибленный чинушка из аппарата», «делопроизводитель по своему естеству и природе». Сталин возмущался: «Откуда у товарища Залуцкого эта спесь захудалого дворянина в отношении старого работника партии?» Но главное в поведении ленинградцев, по мнению генсека, заключалось в другом: «Может это невероятно, но это факт — нет связи у ЦК с ленинградской организацией. Что делает ленинградская организация, чем живет эта организация — нам неизвестно по прямым документам. Мы узнаем об этом лишь со стороны»¹.

Залуцкий защищался героически. Было ясно, что постановление Оргбюро по докладу Севзапбюро приобретет особое внутрипартийное значение, и поэтому его проект был утвержден не сразу, а заметно погодя — 12 октября после пленума ЦК². Несмотря на дипломатические формулировки, резолюция получилась очень жесткая — куда ни глянь, кругом в ленинградском партруководстве был отмечен недостаток и недопустимость. Подчеркивалась неудовлетворительность руководства губернскими организациями Северо-Западной области, выражалась обеспокоенность большим процентом служащих, принятых в ленинградскую парторганизацию. Севзапбюро и ленинградский комитет обвинялись в ослаблении связи с ЦК партии, их постановления в отношении партийных кандидатов отменялись. Главный практический вывод выражался в известной необходимости «укрепить» партсилами из Цека производственные ячейки в Ленинграде, а также продолжить «укреплять» работниками за счет Ленинграда те губернии, где работа в деревне совсем слаба. (Как утонченно в аппарате научились формулировать намерения элементарной ссылки в глушь.) Словом, речь шла о планах радикального перетряхивания, и даже разгона ленинградского партактива³.

Но путь этот по «усилению», точнее подчинению Ленинграда воле Цека, лежал через политический труп Зиновьева и его приближенных. Весь 1925 год сталинская группировка посвятила тщательной, подготовке очередного XIV съезда партии. Для дела Сталин

¹ Там же. Л. 121.

² Там же. Д. 700. Л. 4, 10.

³ Там же. Оп. 68. Д. 85. Л. 42.

пытался прошупать позицию Троцкого и через третьих лиц делал ему осторожные намеки по поводу возможного сотрудничества. В начале октября на Политбюро по предложению Молотова было решено поручить отчетный доклад Цека на съезде Сталину. Зиновьев возмутился таким посягательством на свое «исконное» право, унаследованное им от Ленина. Начало оформляться открытое противостояние двух группировок.

Следующее крупное разногласие вызвала статья Зиновьева «Философия эпохи. В ожидании XIV партийного съезда», которая, по сути, являлась особой платформой к предстоящему съезду. По поводу ее в Цека состоялся острый обмен мнениями, в результате которого Зиновьеву было предложено исправить ряд мест в статье. Особенно негативную реакцию у большинства вызвала попытка Зиновьева давать новые лозунги партии, в частности лозунг: партия должна встать во главе борьбы за равенство. Большинство цекистов посчитало, что подобный призыв может посеять в умах членов партии величайшее недоумение и путаницу, дескать, каждый партиец, получив такую установку, сможет толковать ее по-своему. Крестьянин по-своему, рабочий по-своему.

Зиновьев в своей тактике 1925 года без смущения заимствовал все наработки своего прежнего противника: ставка на молодежь, против бюрократизма, за равенство — все это были знакомые фразы Троцкого. Очевидно сама объективная ситуация подталкивала любого оппозиционера власти к поискам в определенном направлении. Большинство ЦК предложило Зиновьеву или исключить этот лозунг о равенстве, или преподнести его в удобоваримом виде, чтобы он не носил характера призыва непосредственной борьбы за равенство немедленно, сейчас же. Статья была опубликована, но далеко не в том духе, как того хотелось бы Цека. Зиновьев лишь согласился прибавить к «равенству» слово «социалистическое», т.е. как бы придав своему лозунгу отдаленную перспективу.

Другое крупное столкновение накануне открытой конфронтации — это платформа «четырех», которая была преподнесена сталинскому большинству Зиновьевым, Каменевым, Сокольниковым и Крупской в дни октябрьского пленума ЦК. До пленума принципиальных разногласий в отношении крестьянской политики не было, теперь же четверка ультимативно ставила вопрос так, что если большинство не согласится с их требованиями, то можно считать, что партия находится за пять минут до открытия внутрипартийной дискуссии.

На октябрьском пленуме ЦК было принято решение о том, чтобы вести подготовку к XIV съезду без всяких дискуссий и на съезде чле-

нам ЦК выступать единодушно. На пленуме были определены два уклона в крестьянском вопросе и принята никакая, совершенно обтекаемая резолюция по поводу работы среди деревенской бедноты, в которой говорилось об опасности правого, кулацкого и недопустимости левого, антисередняцкого уклонов. Звучали правоверные призывы о необходимости сохранения союза рабочих и крестьян. Как всегда, подготавливая разгром своих соперников, Сталин для облегчения маневра предпочитал играть перед партией роль «золотой середины».

Члены Цека старались не посвящать рядовую партийную массу в свои разногласия, все дискуссии до поры протекали втуне. Памятута старое, никто не хотел давать повод к обвинениям в раскольниковстве. Поэтому почти весь год обе стороны играли в поддавки и вели внешне примиренческую дипломатию. Имелось наружно полное согласие по крестьянскому вопросу, которое было зафиксировано на XIV партконференции весной 1925 года. Имелось единогласие по вопросу о бедноте. Эта резолюция, написанная Молотовым, была принята пленумом ЦК единогласно. «Новая оппозиция» также одобрила проекты резолюций к XIV съезду, против которых впоследствии и выступала. Когда на собраниях в Ленинграде зиновьевцев спрашивали, есть ли крупные разногласия в ЦК, то те отвечали, что таковых не имеется. На ленинградских районных конференциях открыто провозглашалось о поддержке ЦК по крестьянскому вопросу, а в кулуарах полз змеиный шепот: «Кулацкий уклон в ЦК».

В сентябре 1925-го года Зиновьев выпустил брошюру под названием «Ленинизм», где он в противовес всем имевшимся постановлениям ЦК и решениям партконференции утверждал, что Ленин считал возможным в одной стране лишь захват власти пролетариатом, но победа социализма в СССР возможна только в случае победы пролетариата в Европе и Северной Америке. Зиновьев делал шаг навстречу Троцкому, подчеркивая, что тот правильно указывает на невозможность победы социализма в СССР. Брошюра Зиновьева стала основной теоретической базой для объединения антисталинских сил в партии. «Новая оппозиция» полагала, что споры в Политбюро отрицательно влияют, затягивают мировую революцию, что в свою очередь создает невероятные трудности внутри СССР. Капитализм стабилизировался, стал устойчивее, что также создает опасность для советской страны. Советский Союз технически отстал, он один с его полукрестьянским населением не сможет справиться с задачей построения социализма в одиночку.

Потом Зиновьев в «Философии эпохи», а секретарь ленинградского губкома РКП(б) Залуцкий в частных разговорах с отдельными

партийными работниками развивали мысль, что в советском обществе и партии есть почва для перерождения. Залуцкий открыто выступил с обвинением сталинского большинства ЦК в перерождении и термидорианстве. Открытую кампанию против фракции Сталина повела «Ленинградская правда». На ее страницах выступали видные деятели «новой оппозиции»: Г.Я.Сокольников, Г.Е.Евдокимов, А.Д.Саркис и другие.

Впоследствии в списке обвинений, предъявленных «новой оппозиции», еще фигурировало дело о «синих папках». Это была попытка агитации зиновьевцев против решений октябрьского пленума и намерение провести подпольную дискуссию накануне съезда. Аппарат ленинградского губкома комсомола распространял по организациям Северо-Западной области распечатанную подборку статей (в синих папках под названием «Материалы к вопросу о классовой линии партии в деревне, опубликованные в партпрес-се с XIV партконференции по октябрьский пленум ЦК. Часть 1. Позиция Бухарина, Слепкова, Богушевского и др.») под грифом «лично, секретно» с комментариями фракционного характера, направленными главным образом против теоретиков сталинской группировки¹.

Публичная полемика была слабым местом команды Сталина, поэтому он благоразумно предпочел уйти от принципиальной постановки вопросов задолго до съезда и еще сильнее налег на рычаги аппаратных комбинаций. В связи с подготовкой к XIV съезду РКП(б) специальным обращением «Ко всем организациям, ко всем членам РКП(б)» Цека дал директиву активного вовлечения широких партийных масс в обсуждение выносимых на съезд вопросов. Под призывами провести обсуждение без давления руководящих партийных органов, «без казенщины, без бюрократических отписок от критики»² сталинский аппарат начал широкомасштабную подготовку к выборам делегатов на предстоящий съезд.

Примечательно, что как «новая оппозиция», так и группировка Сталина, учитывая известный им опыт борьбы с Троцким, пытались спровоцировать друг друга на окончательный шаг по гласному размежеванию позиций перед съездом. ЦК выносил уклончивые постановления в духе развертывания «демократии» на общем фоне осуждения фракционности. Сторонники Зиновьева и Каменева вели открытую пропаганду своих идей под громогласными призывами солидарности с политикой ЦК. Шла ожесточенная полемика с оперированием цитатами и контрцитатами из «священных» писаний

¹ См.: Там же. Ф. 73. Оп. 2. Д. 1.

² Там же. С. 241.

Ленина, о которых кто-то из оппонентов заметил Зиновьеву, что в них, как у дядюшки Якова, «товару про всякого».

Перед партийным съездом большинство ЦК сделало предложение «новой оппозиции», чтобы члены Политбюро на съезде не выступали друг против друга, чтобы была принята единая резолюция. Сталинцы спекулировали на том, что якобы заострение вопроса о кулаке толкает партию к гражданской войне в деревне. Но оппозиция не пошла на это. В декабре 1925 года с начала кампании выборов делегатов на XIV съезд в партийной печати и на собраниях развернулась широкая открытая полемика между сторонниками «новой оппозиции» и большинством ЦК. Десять суток начиная с 1 декабря длилась 22-я ленинградская губпартконференция. Ни телеграмма Политбюро, ни письмо Сталина не смогли переломить общее антицековское направление конференции ленинградских активистов, которые, поддержав лозунги «новой оппозиции», выбрали делегатами на партийный съезд исключительно ее сторонников.

Каменев в Москве был скован опекой кремлевского руководства, но и он также предпринимал попытки организовать блок сторонников оппозиции в московской парторганизации. Однако в Москве, на которую лидеры новой оппозиции возлагали не меньшие надежды, их ожидала полная катастрофа. Сталин давно тайно переманил на свою сторону секретаря московской партийной организации, зиновьевского протеже Н.А.Углова, который уже в течение длительного времени вел двойную игру, а 5 декабря на московской предсъездовской конференции со всей партийной верхушкой столицы открыто перешел на сторону сталинцев.

Это был тяжелейший удар по оппозиции, который сразу свел ее и без того призрачные шансы на победу к нулю. Зиновьевцы пытались исправить положение и накануне открытия XIV съезда 12 декабря ленинградское руководство решилось обратиться с «Декларацией» к руководству московской организации с предложением без ведома ЦК обсудить важнейшие политические вопросы и совместно выступить на съезде. Фракция «новой оппозиции» приобрела свои окончательные формы.

Было бы неверным полагать, что борьба в дискуссии происходила между мобилизованным аппаратом сталинского Цека и беззаветными подвижниками из «новой оппозиции», вооруженными только своими благородными идеями. Здесь столкнулись два принципиальных, но разноуровневых типа политической организации. Оппозиционеры в частных разговорах охотно признавали, что они не государственники, а революционеры и советскую форму государственности они рассматривают лишь как неизбежное зло,

необходимое для организации в СССР материальной и политической базы мировой революции¹. Тащить всех трудящихся Востока и Запада в мировую революцию и марксистский социализм на плечах русского мужика — эта доктрина, глубоко чуждая большинству населения России, открыто заявила о себе в выступлениях лидеров левой оппозиции после смерти Ленина. В целом позитивный и долгожданный для всех базовых слоев советского общества процесс перехода от революционаризма к государственной политике в их оценке был негативным. Они, безусловно, не являлись государственниками, но их революционаризм также требует конкретной оценки. Революционеры не могут действовать без организации, и они ее создали. Их организация имела не государственную, не партийную и даже не ведомственную природу, а носила клановый, едва ли не групповой, характер.

У Зиновьева вся постройка держалась на клановом принципе подбора кадров и все, в конечном счете, зависело от степени личной преданности ставленника, что, разумеется, не давало никаких гарантий от «неожиданностей», подобных измене Угланова. Сталинская группировка олицетворяла более высокую ступень организации — госаппарат в его штатной сердцевине. Партийный аппарат среди всей бюрократии носил универсальный, то есть государственный, а не ведомственный или клановый характер, он разрушал ведомственность и клановость. Это была уже государственная система, институт, который в меньшей степени зависел от воли отдельных людей и который закономерно продемонстрировал во внутрипартийной борьбе преимущества, так сказать, «прогресса» над «варварством», превосходство цивилизованных форм организации. В истории всегда власть учреждений была предпочтительнее власти лиц.

Новая генерация функционеров, пришедшая в руководство партии и государства в годы нэпа, была уже иного склада, нежели того требовал интернациональный социализм. Она легко попадала под влияние чисто государственных соображений и не только явственно их защищала, но и стремилась проводить в жизнь с крайне вредной для антигосударственных оппозиционеров последовательностью. Отсюда понятна постоянная забота сталинского партаппарата об обновлении партийных рядов, выдвижении активистов и воспитании новых руководящих кадров.

Выборы делегатов на съезд, проводившиеся в начале декабря на краевых и губернских партконференциях, определили послушный

¹ Беседовский о разговоре с Лашевичем. См.: Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 246.

аппарату Цека состав XIV съезда и предрешили поражение «новой оппозиции», хотя этот съезд вошел в историю правящей партии как уникальный по накалу страстей и упорству борьбы. Киров в те дни писал жене, что «на съезде у нас идет отчаянная драка, такая, какой никогда не было»¹.

Генсек Сталин прочел довольно скромный отчетный доклад ЦК. Ленинградцы потребовали заслушать содоклад Зиновьева, который выступил с развернутым обоснованием тезиса о невозможности строительства социализма в одной экономически отсталой стране. Каменев от лица оппозиции выступил за возвращение Секретариата ЦК к его первоначальному состоянию технического, исполняющего органа и возрождение полновластного Политбюро, которое объединяло бы всех политиков партии: «Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда Секретариат объединяет и политику и организацию и фактически предпрещает политику»².

Главной целью оппозиционеров на съезде было отстранение от руководства партии сталинской группировки. Они добивались снятия Сталина с поста генерального секретаря ЦК, мотивируя тем, что он не способен обеспечить единство партии и выражать волю ее большинства. Но Ленинград в 1925 году не обладал силой и влиянием Петрограда 1917 года. Сталинской фракции удалось изолировать ленинградскую делегацию, практически единственную, поддержавшую выступление «новой оппозиции», а затем добиться одобрения съездом политической и организационной линии ЦК РКП(б). В резолюции по отчету ЦК съезд подтвердил курс на построение полного социалистического общества в СССР в условиях капиталистического окружения.

Однако для окончательного торжества над оппозицией этого было мало. Требовалось разгромить зиновьевцев на их территории — в ленинградской организации. Еще в дни съезда Цека принял решение о назначении ответственным редактором «Ленинградской правды» своего доверенного И.И.Скворцова-Степанова. В Ленинград была направлена группа представителей ЦК из числа делегатов съезда с целью пропаганды решений съезда и организации кампании по перевыборам руководства партийной организации. 5 января 1926 года ЦК партии утвердил новый состав секретариата ленинградского губкома и Северо-западного бюро ЦК во главе с С.М.Кировым. Аппарат Цека мобилизовал целую армию агитаторов, наводнивших партий-

¹ Большевицкое руководство. Переписка... С. 314.

² Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 274.

ные ячейки города и разъясняявших антиленинский характер зиновьевской группы. Делать это в обстановке открытой конфронтации было невероятно трудно. Разъясняявшие линию съезда ВКП(б) порой натывались на встречные «разъяснения» зиновьевского актива при помощи кулаков. Новый состав Севзапбюро первым делом занялся расследованием многочисленных фактов «преследований партийцев, активно и безоговорочно проводящих и защищающих линию партии и решения съезда и критикующих позицию ленинградской делегации на съезде». Десятками примеров подтвердилось, что сторонников XIV съезда в Ленинграде подвергали нешуточным гонениям. У них отбирали литературу, грозили исключением из парторганизации, разгоняли собрания, избивали и увольняли с работы с мотивировкой: «За то, что проводит линию, направленную против большинства актива района»¹.

В ходе неоднократных повторных собраний парторганизаций эмиссары Цека добивались осуждения позиции ленинградской делегации на съезде и одобрения решений съезда. Тот же Киров в письме Орджоникидзе от 16 января сообщал, что собрания порой принимают такой чрезвычайный характер, что в отдельных углах аудитории среди коммунистов дело доходит до настоящего мордобоя². Начались перевыборы бюро парторганизаций и райкомов партии, где находились сторонники Зиновьева. Организационный разгром «новой оппозиции» продолжался на районных и уездных конференциях и завершился в начале февраля на 23-й губернской конференции в Ленинграде.

Зиновьев утратил свою главную опору, одновременно решением Политбюро с ключевого экономического поста был снят Каменев под предлогом упразднения должности председателя Совета Труда и Оборонь. Другой видный оппозиционер Сокольников потерял портфель наркома финансов. С января 1926 года Сталин, имея устойчивое большинство и в Цека и в Политбюро, начал пожинать плоды своей многолетней работы. Однако вкус их оказался горек. Если в выборе путей и средств сокрушения политических соперников у генсека и его окружения сомнений почти не возникало, то по конкретным вопросам государственной политики таковых имелось великое множество. Партийная линия нэпа с трудом поддавалась произвольному выправлению. Непрерывная ожесточенная борьба с политическими противниками серьезно отравляла жизнь сталинской котерии, но вместе с тем, в некотором смысле и облегчала ее.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 159. Л. 6, 44, 45.

² Большевиетское руководство. Переписка... С. 318.

В частности, в выборе устойчивых политических ориентиров. Если надпочвенная левая оппозиция в лице Троцкого бросала лозунг «сверхиндустриализации» то, естественно, реакция Цека шла в обратном направлении — на «укрепление союза рабочих и крестьян». Если та же левая, но уже в лицах Зиновьева и Каменева, поднимала знамя «мировой революции», то в ответ звучал призыв — даешь «опору на собственные силы». Опосредованным образом внутривнутрипартийная борьба с левыми благотворно влияла на крестьянскую политику государства, заставляя углублять принципы новой экономической политики.

Условия нэпа полагали два крайних принципа, из которых постепенно оформилась та дилемма, в чьих тисках сталинское руководство будет извиваться до конца всего периода. То есть либо суровый нажим на имущее крестьянство, как предлагал Троцкий и его восприимчики из «новой оппозиции», либо создание этому крестьянству возможности для беспрепятственного накопления и далее «стричь» частное хозяйство во имя индустриализации по мере его укрепления. Последний вариант был грамотно сформулирован наркомфином Сокольниковым и несколько позже приобрел скандальное звучание в призыве «Обогащайтесь!», сорвавшемся у Бухарина в апреле 1925 года на собрании актива московской парторганизации.

Отрицательная, но заметно заторможенная реакция Сталина на вульгарность «любимца партии» говорит о том, что в 1925–1926 годах, в пик внимания партии к частному хозяйству, эта линия могла бы быть позитивно воспринята большинством руководства, если бы она не была столь вопиюще неполитичной в обстановке борьбы с левыми. Возможно, Сталин сознательно подставил Бухарина, заставив его пойти на то, чтобы прощупать почву под идею и в случае чего принять удар на себя. По свидетельству Молотова и других, Сталин часто проделывал такие фокусы со своими помощниками, даже полагая их партийным долгом прикрытие генерального секретаря. В этот период сталинское большинство в ЦК было максимально открыто к восприятию правосоциалистических идей. В том же году ЦКК признала допустимой для членов партии работу маклерами на бирже, но с тем, чтобы получаемое маклерами вознаграждение не превышало партийного максимума¹.

Правый уклон сталинской группировки имел социальную основу в усиливающемся недовольстве крестьян нэповскими условиями пресловутого «союза» с рабочими. В крестьянстве в начале 1925 года были популярны разговоры о том, что рабочим не удалось бы в Октябре взять власть, так как их была маленькая кучка. Буржуазия

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 38. Л. 35 об.

была свергнута крестьянскими сыновьями-солдатами, а теперь рабочие забыли о крестьянах и их помощи сыновьями и хлебом и заявляют, что они главные борцы с царизмом и буржуазией¹. Среди комсомольских активистов набирала популярность теория «двух партий», коммунистической (рабочей) и второй, чисто крестьянской, защищающей крестьянские требования.

Губком крестьянской Воронежской губернии в своем письме к своим партийным организациям в январе 1925 года указывал на противоречия между крестьянством и рабочими. Крестьяне ставят вопрос перед коммунистами в деревне о преимуществах и привилегиях рабочего класса: «У них, де, восьмичасовой рабочий день, бесплатное лечение, с них не берут налогов и пр.» Деревенские коммунисты иногда идут на поводу подобных ламентаций, соглашаются с крестьянами и полагают, что средством укрепления смычки является увеличение рабочего дня в промышленности до 9–10 часов. В последние годы партия принимает все меры по укреплению смычки рабочих с крестьянами. Советское правительство по директивам партии провело денежную реформу, проводит линию на удешевление промтоваров и т. п. Но 8-часовой рабочий день должен остаться таким же незыблемым завоеванием рабочего класса, как земля для крестьян, и в этом случае не может быть и речи об уступках в главных завоеваниях рабочих и крестьян в Октябрьской революции².

Среди рабочих были популярны встречные разговоры о том, что в связи с лозунгом «лицом к деревне» партия берет крестьянский уклон: «Нас забыли, делают все, что угодно, только не для рабочего»³. Партийный аппарат еще пребывал в замешательстве после дискуссии с Троцким и нуждался в четких ориентирах. Из Вятки в ЦК сообщали, что до последнего времени решения последнего пленума ЦК и лозунг «лицом к деревне» не были достаточно ясно поняты, особенно среди уездных и волостных работников. Среди партийцев было много разговоров, не представляют ли собой последние решения ЦК политического нэпа, не взят ли слишком большой уклон в сторону крестьянства и т.д. Уездные партруководители говорили, что Советы надо держать в партийных руках, а активность крестьянства направить по линии добровольных обществ. Говорили о борьбе с кулацкой активностью. Нэп на глазах истощивал свои возможности, обострял противоречия и переставал служить базой для социального компромисса, превращаясь в тормоз для дальнейшего развития.

¹ Там же. Оп. 67. Д. 18. Л. 13.

² Там же. Д. 39. Л. 96.

³ Там же. Д. 18. Л. 63.

В апреле 1925 года XIV партийная конференция скромно сказала о необходимости быстрых темпов развития металлопромышленности. Затем в мае пленум ЦК и III Всесоюзный съезд Советов поставили ряд конкретных вопросов об обновлении основных фондов промышленности. Через год в апреле 1926-го очередной пленум ЦК, в условиях более комфортных и свободных от необходимости оглядываться на оппозицию, вновь подтвердил курс на ускоренный рост группы «А» в промышленности. Однако, источники роста еще по-прежнему предполагалось отыскивать в толщах нэпа. Пленум воспроизвел иллюзию того, что «экспроприация непроизводительных классов (буржуазии и дворянства), аннулирование долгов, сосредоточение доходов от промышленности, госторговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т.п. — сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает для социалистического строительства темп развития индустрии»¹.

Эта длинная сентенция может служить примером совершенно необоснованного оптимизма. Результаты экспроприации и аннулирования долгов были в свое время успешно истрачены на революцию. В действительности оставалось только третье — манипулировать ценами в условиях фактической монополии торговли, да еще это загадочное «т.п.», чье содержание станет вполне понятным даже самим авторам резолюции только через несколько лет. А до того Политбюро еще целых три года будет пытаться изыскивать внутренние резервы путем маневрирования ценами, эмиссий, внутренних займов и тому подобной финансовой вольтижировки.

Известный экономист из эмиграции писал об эффективности национализации в России, которая позволила провести быстрое восстановление экономики в Совдепии². «Национализация, даже в большевистских руках, блестяще себя оправдала», — утверждал Пешехонов и как основной аргумент приводил данные о том, что народное хозяйство России приблизилось к довоенному уровню. Это вызвало полемику и понятное осуждение в кругах эмиграции.

К осени 1926 года в партийных документах было официально закреплено, что промышленность СССР достигла довоенного уровня. XV конференция ВКП(б), заседавшая в октябре–ноябре 1926 года, постановила в относительно минимальный исторический срок «нагнать, а затем и превзойти» уровень индустриального развития передовых капиталистических стран. Источники вновь были указаны

¹ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 313.

² См.: Пешехонов А.В. Опыт национализации // Воля России. Прага, 1926. Кн. VIII/IX, X, XII/I.

те же, что и на апрельском пленуме ЦК: накопления госпромышленности, бюджетное перераспределение средств из других отраслей в пользу промышленности, привлечение сбережений населения через займы. То есть все методы, основанные на «огромных возможностях нового общественного строя», на возможности полного государственного произвола в национализированном секторе, финансах и торговле. В принципе все это было реально, но чересчур виртуозно и тонко для тогдашнего госаппарата, чьи «огромные возможности» тащили за собой еще более гигантские недостатки в виде его ископаемой, первобытной громоздкости и неповоротливости.

Поскольку в новом Политбюро еще оставались надежды на то, что средства для индустриализации промышленность сможет заработать сама, то весьма чреватый последствиями вариант налогового обложения деревни был отвергнут. Перелистали Ильича и вспомнили, что в последние годы им владела идея «тейлоризации» производства. Но слишком одиозный термин, заимствованный из организации капиталистической потогонной системы, был неподходящим для страны «диктатуры пролетариата» по чисто идеологическим соображениям, поэтому кампания получила более благозвучное название «рационализации» промышленного производства, и была признана главным условием увеличения внутрипромышленных накоплений.

Троцкистско-зиновьевский блок

Обюрокращивание явилось неприятной, но неизбежной стороной того же процесса централизации партийной власти. Деловая потребность в усилении централизма и личной ответственности в партии чувствовалась на каждом уровне партийно-орденской организации.

11–18 мая 1925 года в ЦК РКП(б) прошло совещание заведующих отделами губкомов, обкомов и крайкомов. Совещание проводилось после XIV конференции партии и было составлено по случаю из делегатов III съезда Советов. В это время в общепартийном порядке выдвигался вопрос о том, чтобы съезды Советов созывать раз в два года. «А то, — говорили в начальственных кругах, — ездим, ездим, а работать на местах будет Николай Чудотворец». Самым слабым местом в работе парторганизаций было признано недостаточное вовлечение в практическую работу широких кадров беспартийных крестьян и их выдвижение на ответственную работу. Аппарат стремился расширить свою социальную базу¹.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 15. Л. 100.

Докладчик замзаворграспредом Хатаевич информировал собравшихся о продолжении разработки номенклатуры должностей. Прежняя номенклатура только намечала определенные градации работников без точных указаний. Например, в промышленности определялись 500 директоров крупнейших предприятий, но каких именно не уточнялось. Местные организации не могли понять, кого должен назначать ЦК партии, а какие должностные портфели находятся в их распоряжении. Из-за этого происходили недоразумения. На местах назначали — а в центре это объявляли самоуправством. Предстояло составить конкретный перечень тех предприятий и учреждений, которые входят в ту или иную номенклатуру¹.

Участники совещания особенное внимание и добрую половину своих эмоций отдали вопросам условий работы и быта партийцев, где сохранялась нездоровая ситуация. Отмечалось учащение случаев самоубийств ответработников-коммунистов на почве перегрузок в работе. Например, секретарь костромского губкома К.Бухарин сообщал в Цека летом 1926 года, что за последние месяцы в комсомольской и в партийной организациях участились случаи самоубийств. Стреляются и травятся как рабочие от станка, так и ответственные работники. Причины самоубийств носят личный характер (семейная измена, тяжелые условия жизни, запой). Состоялись показательные суды над самоубийцами, которые проходили очень оживленно, рабочие принимали активное участие, но самоубийства не прекращаются².

Обследование условий жизни около 140 ответственных душ в Москве показало, что рабочий день ответработника длится от 13 до 16 часов и главное, на что уходит время, — это разнообразные заседания и комиссии. Один товарищ скрупулезно зафиксировал, сколько времени у него уходит на разные присутствия, и вышло, что в течение одной недели он тратил на заседания более 10 часов в день. Низовые активисты тем и заняты, что бегают с заседания на заседание и, естественно, ни в одном не могут принять делового участия. Мало спят и уже ничего не читают, поэтому беспартийные обгоняют активистов в грамотности. Львиная доля обращений партактива по болезни — заболевания нервной системы, связанные с работой³. Колоссальное количество разного рода общественных организаций, как кораллы (или моллюски — это по настроению), облепили производственные коллективы. На совещании приводились факты. Например, в Москве, на фабрике «Динамо» при наличии 200 членов

¹ Там же. Д. 16. Л. 7.

² Там же. Оп. 67. Д. 110. Л. 70.

³ Там же. Оп. 68. Д. 16. Л. 24.

партии имелась 61 организация (от Доброхима до кружка хорового пения). Следовательно, в среднем на каждую приходилось по 3–4 действительных партийца. Но это только в среднем, иные сверхактивные партийцы — 7–8% от общего числа имели единовременно от 5 до 10 архиважных для социализма общественных поручений.

Торжествовала логика коллективного бюрократизма, и пролетарские центры здесь служили боевым образцом. Так, в механической мастерской № 2 Тульского оружейного завода, где работало около 300 человек, в среднем ежемесячно проходило 83 разнообразных собрания. Нетрудно прикинуть, что это составляет в среднем 3–4 собрания в день. В столице, на упомянутом «Динамо», созывалось 113 различных заседаний в месяц. Здесь на активистов приходилось до 10 заседаний в день и это только в пределах родного предприятия, после этого иные правофланговые спешили на заседания в район и в город¹. Сплошь и рядом устанавливались такие факты, что товарищи неделями не появляются дома, хотя и жилье рядом. У комактивистов в семьях процветала безотцовщина и свирепели жены.

Совещание заводделами губкомов задумалось над проблемой, как спасти актив, и при этом не посягая на святое. Но ничего не выходило. Высказывались предложения в левом духе, что число заседаний не сокращать, а привлекать к работе беспартийных. Хорошо бы, реагировали справа, но беспартийные не рвутся. Раскритиковали опыт Иваново-Вознесенска, где централизованно единым благочестивым днем всех собраний назначили субботу. От того напряженность в быту партийных ткачей только возросла: беспартийные после трудовой недели, весело помахивая вениками, шли в баню, а партийные — тоже париться, но на собрания. Получалось совсем несправедливо и негигиенично. К тому же налицо политически вредный отрыв актива от масс. Докладчик Хатаевич на совещании строго выговаривал: «Надо, чтобы рабочий-партиец также ходил в баню в субботу, как и все беспартийные рабочие»².

После долгих прений выяснилась общая заинтересованность в том, чтобы избавиться от эпидемии заседаний. Генеральная линия тоже понятна — необходимо сократить количество комиссий. Но как? Поистине сфинксова загадка. Даже московской столице с ее бюрократической искушенностью было не под силу без помутнения рассудка указать, что конкретно подлежит упразднению в каждом из сотен Краснококшайсков и Царевосанчурсков. По заведенной традиции полагалось бы в целях сокращения комиссий везде создать еще по одной комиссии, но озарение пришло свыше. Договорились

¹ Там же. Л. 20.

² Там же. Л. 51.

о нижеследующем, чтобы созывать все комиссии, если только отсутствует возможность уладить вопрос в порядке личной договоренности руководителей. «Необходимо более полно практиковать единоличное разрешение вопросов», для чего поднять на должную высоту подготовку вопросов в аппарате и секретариатах ответственных лиц¹. Так торжество коллективизма неумолимо вело к сужению демократии и возвышению принципа единоначалия и роли аппарата. Бюрократический ковчег несло через комиссионный океан к твердому материку секретарской воли и автократического управления.

Позже выводы совещания были одобрены на заседании Оргбюро, где Хатаевич доложил все основное, что было озвучено на совещании и сделал вывод: Господствует «бюрократическая демократия», по каждому вопросу создают комиссии, собирают заседания². С тех пор, когда из схемы власти исчезла Божья воля и помазание, верхам понравилось растворять политическую ответственность, прятать концы политических решений в коллективной ответственности. Бюро, совещания, съезды и т.п. составляли немаловажное условие для комфортного существования бюрократии, боязливой на любую персональную ответственность.

Обсуждение вопроса на Оргбюро забрело в тот же тупик, непонятно, как, по каким принципам регламентировать и ограничивать общественную активность партийцев, где критерии? Веско высказался Сталин: «Надо поставить вопрос об искоренении навыков дублирования работы, об искоренении навыков болтать без конца и ничего не решать, об искоренении навыков снимать с себя ответственность и перелagать ее на комиссии, которые ничего не решают и ответственности не несут». Хорошо бы во главе комиссии по искоренению комиссий поставить Цюрупу, который ненавидит эти комиссии и постоянно ругается. Администратор он великолепный и будет резать эти комиссии³.

В 1926 году после разгрома «новой оппозиции», отрешения ее от бремени власти и очищения от бюрократической скверны, зиновьевцам уже ничто не мешало солидаризироваться с Троцким на основе его тезиса о бюрократическом перерождении партаппарата, к которому еще ранее примкнули остатки группировок децистов, «рабочей оппозиции» и «Рабочей группы». С весны 1926 года из этой

¹ Там же. Л. 109; Д. 18. Л. 77.

² Заседание Оргбюро 15 июня 1925 года // Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 671. Л. 14, 18, 20.

³ Там же. Л. 28, 29.

разношерстной среды, из остатков двух кланов некогда могущественных вождей начала оформляться единая троцкистско-зиновьевская оппозиция.

На апрельском 1926 года пленуме ЦК ВКП(б) Троцкий и Зиновьев выступили общим фронтом против большинства ЦК по вопросам индустриализации. Требовали принятия программы форсированной индустриализации. То же повторилось и на последующем июльском пленуме ЦК. Троцкий, Зиновьев и Каменев стали совместно выступать на заседаниях Политбюро, в различных районах страны устраивались конспиративные собрания для выработки тактики борьбы с большинством ЦК и его аппаратом. В лесу под Москвой, на даче у участника оппозиции М.М.Лашевича было организовано нелегальное фракционное совещание, где звучали призывы к объединению для наступления на сталинскую фракцию в ЦК. (Здесь вспоминается, что этот самый Лашевич в феврале 1921 года, как член Петросовета и РВСР, накануне Кронштадта делал доклад о ситуации в Петрограде, в котором осудил бастующих рабочих и называл их контрреволюционерами.)

Оживление деятельности оппозиции было специально рассмотрено в июле 1926 года объединенным пленумом ЦК и ЦКК. После доклада секретаря ЦК Куйбышева с заявлением от имени 13 оппозиционеров выступил Троцкий. Заявление «13-ти» явило собой платформу объединенного троцкистско-зиновьевского блока. Она включала в себя критику официального тезиса о возможности построения социализма в СССР, который был назван «сомнительным новшеством», и обвинение партийно-государственного аппарата в буржуазном перерождении.

Подавляющим большинством пленум осудил деятельность оппозиции, чья растущая фракционность, по определению пленума, «привела к игре с идеей двух партий»¹. В специальной резолюции пленума «По делу тов. Лашевича и др. и о единстве партии» констатировалось, что все нити фракционных шагов оппозиции ведут к аппарату Исполкома Коминтерна во главе с членом Политбюро Зиновьевым. За фракционную деятельность Зиновьев был исключен из Политбюро. В состав высшей партийной коллегии в качестве кандидатов были введены пять сторонников Сталина. Сталин готовился вырвать у оппозиции единственный сохранившийся в ее руках аппарат Исполкома Коминтерна.

7 июля Секретариат утвердил новое положение о Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и местных КК. С первых же слов нового положения всем должно было быть предельно ясно, что в

¹ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 347.

отныне контрольные комиссии в первую очередь ориентируются на «решительную борьбу со всякого рода антипартийными группировками и с проявлениями фракционности внутри партии и содействие изживанию склок. Выпрямление линии поведения, как целых организаций, так и отдельных членов партии». Во втором эшелоне упоминались тривиальные для нэпа задачи борьбы с некоммунистическими поступками, обрастанием, моральной распущенностью и т.д. Но Сталин не был бы верен самому себе, если бы не добавил в документ мотивы про борьбу с бюрократическими извращениями в работе партаппарата и привлечение к ответственности лиц, препятствующих проведению в жизнь принципа внутрипартийной демократии. В результате карающий меч партаппарата приобретал обоюдоострую форму, самую лучшую в сумятице ближнего боя, в котором не сразу поймешь: где свои, а где враги — где злостный оппозиционер, а где преданный номенклатурщик¹.

Оппозиционеры попробовали действовать в низах и овладеть некоторыми первичными организациями партии. Партаппарат, уверенный в своих силах, пошел на организацию обсуждения решений июльского объединенного пленума ЦК и ЦКК в низовых партколлективах. Первоначально в Москве состоялось собрание партактива московской организации, затем в июле–августе развернулась кампания по обсуждению пленума на районных и уездных активах, а потом и по первичным ячейкам. Несмотря на отпускной летний период в обсуждении принял участие почти весь наличный состав организаций (по Москве — около 50%, в деревенских ячейках — до 95% от общего состава)².

Лейтмотив официальных выступлений — за единство партии против расколизма. Выступающие, в большинстве из проверенных рабочих, опасались, что оппозиционеры сумеют отколоть часть партии и дискуссия может превратиться в инструмент раскола. Поэтому активисты из очень важной ячейки ОГПУ вообще говорили, что возвращение к вопросам, по которым у партии есть ясное решение, ни к чему и дискуссию следует ограничить. (Профессиональный взгляд. Понятно, что в этом деле помощь чекистов имела бы исключительное значение.)

Особые надежды оппозиция возлагала на партийные организации Красной армии, где еще должны были помнить своего славного вождя Троцкого. Но именно поэтому аппаратом Цека в армии была проведена особенно тщательная работа, которая принесла свои плоды. Некоторые военные организации прямо заявляли, что

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 203. Л. 5, 10.

² Информационный обзор МК ВКП(б) // Там же. Оп. 67. Д. 125. Л. 5.

надежды некоторых представителей оппозиции, что коммунисты армии будут опорой оппозиции в борьбе с партией, — никогда не сбываются. «Тов. Троцкий претендует в вожди — безнадежное для него дело», — подобное слышалось на многих военных собраниях. Исключение Зиновьева из состава Политбюро в большинстве случаев приветствовалось, но вместе с тем укреплялось недоумение: «Кажется странным и непонятным, как это так — пленум ЦК открыто заявляет, что Троцкий является главой оппозиции и все-таки остается в Политбюро»¹.

В противоположность оживленному поведению сторонников линии ЦК, приверженцы оппозиции отмалчивались. Так, в Замоскворечье, как и в Хамовниках, до открытого выступления в защиту оппозиции осмелел только один голос и лишь на Красной Пресне — целых три. Однако именно оппозиционерам принадлежало большое количество анонимных записок, поданных в президиумы собраний, которые зачастую носили не только антицековский, но и прямо антисоветский характер. Кроме этого единая тактическая линия сторонников оппозиции совершенно очевидно и повсеместно проявилась в их демонстративном уходе с собраний перед голосованием.

Обыватели московских районов в своих почтовых ящиках обнаруживали подметные воззвания за подписью «Ленинград». В листовках типа «прочти и передай другому» говорилось: «Товарищи! ЦК ВКП(б) обвиняет в оппозиции часть нашей организации, которая видя неправильную линию ЦК ВКП(б) открыто об этом говорит. Несомненно, что линия ЦК неправильная. Спросите об этом любого рабочего с завода и он скажет, что ЦК ведет к старому, буржуазному миру народы Социалистического Союза. ЦК ведет к гибели и партию и государство. Посмотрите, послушайте и вы увидите, что Крупская и Зиновьев правы» и т.д.²

В Костроме в августе один из выступавших в защиту Зиновьева и Лашевича заметил, что Политбюро шесть месяцев не руководило государством, в результате возникла трещина в государственном финансовом плане, покачнулся червонец, увеличилось количество растрат, рабочий класс вытесняется из горсоветов³.

Времена меняются, изменялась и тактика оппозиции. Как докладывал секретарь курского губкома Лепа, в Белгороде «люди вели подкоп против партии, работали внешне за ЦК, а по существу против него, работа была подпольная, строго рассчитанная с точки зрения

¹ Там же. Л. 9–10.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Д. 110. Л. 75.

конспирации». Однако, конспирация обнаружила прореху в лице самого руководителя оппозиционной группы Нечаева, который, возвращаясь с курорта, в поезде разболтал случайному спутнику о том, что у него есть верная группа в 8 человек, которая рассчитывает захватить руководство белгородским горкомом. Спутник написал о слышанном в ЦК партии, откуда последовал телефонный звонок в курский губком. Комиссия губкома выяснила, что белгородские конспираторы занимались «индивидуальной обработкой» партийцев в духе оппозиции, дескать, Сталин — это Бонапарт, партией управляют сталинские аппаратчики, из Ленинграда выслали 6 тысяч оппозиционеров и т.д. Но дальше таких разговоров и распространения оппозиционной литературы группа пойти не успела¹.

Вообще поведение белгородской организации в дискуссии 1926 года вызывало крайнюю обеспокоенность в губернии и привлекало повышенное внимание аппаратчиков из Москвы. В ноябре во время обсуждения итогов XV конференции ВКП(б), белгородскую аудиторию живо интересовал вопрос: нет ли в борьбе с оппозицией национальной подкладки? То есть если ранее в ЦК «преимуществовали» евреи, то теперь Сталин тянет за собой кавказцев — Микоян, Орджоникидзе. Некоторые просто высказывали убеждение, что реально идет борьба евреев с кавказцами. Звучали выступления местных оппозиционеров. Некий Межевикин мешал все вместе: и построение социализма, и жен ответственных работников с бюрократизмом, а закончил утверждением, что у нас нет ничего социалистического и социализма мы не построим. Партсобрание с удовольствием слушало это и смеялось во время таких выступлений².

В ходе дискуссии 1926 года с особенной остротой и, прежде всего в коллективах «самого прогрессивного» класса в обществе, обнажился национальный аспект партийных проблем. «Наблюдающийся за последнее время рост антисемитских настроений нашел свое отражение среди отдельных групп коммунистов. Причем, при обсуждении решений пленума, со стороны ряда товарищей делались попытки (исключительно в записках) объяснить внутрипартийные разногласия на почве национальной розни», — говорилось в сводке МК партии. В некоторых ячейках происхождение оппозиции объясняли тем, что входящие в нее евреи хотят захватить власть и повести свою еврейскую политику. В коммунистическом коллективе «Серпа и молота» толковали: «Корень — на почве национальных трений, а остальное — надстройка». На Красной Пресне рабочие прямолинейно утверждали, что в оппозиции объединяются евреи для захвата

¹ Там же. Д. 117. Л. 243.

² Там же. Л. 237.

власти в свои руки и их де надо осадить и ЦК делает правильно, но слабо, надо их совсем гнать из партии¹.

Национальные проблемы и утопические элементы идеологии русской революции давали диковинные чевенгурские плоды, гибрид высоких теорий и обыденного сознания. Еще до нэпа при обсуждении письма ЦК о «верхах и низах» провинциальные партийцы порой вопреки авторитетам научного коммунизма, уяснив только начала общественных теорий, решали перейти к бесклассовому и безнациональному обществу в революционном, точнее, резолюционном порядке. Так, сердобская уездная конференция РКП(б) в феврале 1921 года без обиняков постановила: «Считать всех членов партии ответственными советскими и партийными работниками... Жестоко бороться со всякими различиями членов партии, вызвавшими пресловутые названия: верхи и низы, интеллигенты, рабочие, русские, евреи, латыши и т.д.»² Сердобские коммунисты как-то упустили из виду то обстоятельство, что если интеллигента все же можно склонить к тому, чтобы высморкаться в пясть, а пролетария уговорить примерить галстух и шляпу, то в последнем случае придется тягаться с самим Создателем, который когда-то счел за благо разделение людей на языки и народы.

Словом, для послереволюционного периода в России и СССР как никогда ранее стала актуальной известная неловкая ситуация, характерная для новейшего времени, когда официальное мнение обязывает трепетно относиться к самобытности каждой самой мелкой народности и в то же время полагает неприличным обращать внимание на различия в повседневной жизни и, что важнее, в политическом поведении представителей различных национальностей. Между тем, указанные различия бывают весьма существенными и порой способны в массовом сознании выступать на первый план по своему значению.

Эмигрантские газеты часто писали о моральном и идейном разложении партии: «Партия состарилась и выдохлась». Особое значение в деле разложения партии сыграл антисемитизм, который как-то вдруг для сторонних наблюдателей примерно с начала 1926 года бурно вспыхнул в рядах партии и внес в них значительное смятение. С поражением ранее влиятельных Зиновьева и Каменева некоторые партийцы из рабочих коллективов перестали стесняться в выражении своего отношения к нерусским товарищам. «В настоящее время антисемитизм в коммунистических рядах распространенное бытовое явление, с которым партия уже и не пытается справиться»³.

¹ Там же. Д. 125. Л. 15–16.

² Там же. Оп. 13. Д. 886. Л. 19.

³ Возрождение. 1927. 1 июня.

Примером путаного и нервного самочувствия трудящихся масс периода дискуссии с левой оппозицией служит письмо одного активного «рабкора» в комиссию ЦИК СССР по улучшению советского аппарата. Корреспондент, оставшийся анонимным, искренне стремится помочь поправить отношения между властью и обществом: «Тов. Стекловым (Нахамкесом) упомянуто в своей статье об «оппозиционности» страны. Такая есть. Причинами ее служат: 1) Еврейский вопрос. Озлобление против евреев в стране громадное и оно может, конечно, вылиться в очень нежелательные формы. Еврейское засилье всем бросается в глаза. Весь госаппарат в их руках, печать, все лучшие места, финансовые учреждения. Ведут себя заправилы возмутительно — сейчас же за собой тянут целый хвост евреев. Дело страдает — это всем ясно и злоба, ненависть растет. Все указывает на ряд законов, изданных в пользу евреев. Например, о наделении землей; перемена фамилий; переименование театра в Еврейский государственный и пр. 2) Безработица. Безработные скоро выйдут на улицу. Грабежи усилились. В очередях раздаются погромные призывы. 3) Квартирный вопрос. В Москве и др. городах за исключением Ленинграда, он страшно острый. Всюду нарекания на протекционизм в этом вопросе. Одни живут очень свободно, а другим дышать нечем. Евреи едут отовсюду к нам. 4) Протекционизм. [Процветает] всюду, а между тем жалуются, что людей нет. В то же время все места замещают по протекции людьми неподготовленными, не знающими и дело страдает. 5) Налоги. И городское население и деревня изнемогают от налогов. Селькоры бьют, потому что они освещают дело неправильно и портят его. В деревне все симпатии не у советской власти и там оппозиционное настроение несомненно. 6) Недоверие власти. Власть что ни день меняет свои распоряжения. «Всерьез и надолго» — у всех на памяти. Все хотят твердой, правдивой (не жидовской) власти. 7) *Произвол* во всем и в суде, и в налогах, в квартирном вопросе. Законности нет, она только на бумаге для очковтирательства. 8) *Показные стороны* — всюду и везде очковтирательство. Кто умеет кричать, быть нахальным тому и дорога открыта, а скромным труженикам нет хода. И т. д. и т. д. Нужны: Свобода печати, свобода слова, свобода торговли и право собственности. Троцкому место не в ссылке, а в правительстве»¹. Словом, начал за упокой — против евреев, закончил за здравие — Троцкого в правительство. Из-под пера безымянного рабкора вышла полноценная иллюстрация к противоречиям массового сознания, которое пребывало в смятении, недовольстве и эклектическом хаосе.

Нельзя сказать, что вражда в аппарате по национальному признаку была чем-то исключительным в отношении еврейских функцио-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 5. Л. 1.

неров. Национальные трения среди аппаратчиков оказались присущими для новой власти в любом национальном образовании СССР. Причем славяно-еврейские противоречия не являлись самыми обостренными. Их можно было бы назвать образцовыми по сравнению, например, с положением в госаппарате и парторганизациях уральско-поволжских автономных образований, где вражда порой доходила до вооруженного противостояния русских, татар и башкир. Проблема русских с евреями заключалась в том, что она возникла в границах коренной России и на славянской этнической территории. Традиционное почвенничество «титульного» населения не принимало и активно отторгало некоторые интернациональные элементы революции и, вместе с тем, национальную клановость, которые несли с собой представители еврейской общины. Здесь Сталин без особого нажима со своей стороны и больших усилий аппарата (в котором, кстати, сохранился заметный процент еврейских функционеров) легко использовал антисемитский настрой партийных низов в борьбе против троцкистско-зиновьевской оппозиции. Причем сам Сталин принципиальным антисемитом не был, следует вспомнить, что он уроженец края, где антисемитизма практически никогда не знали. Возможно потому, что еврейская диаспора, издавна проживавшая в Грузии, занималась не шинкарством и ростовщичеством, а была вовлечена в производительный крестьянский труд, наряду с коренным населением¹.

Осенью 1926 года сталинским окружением вновь под флагом борьбы с фракционностью и за единство партийных рядов была инсценирована дискуссионная кампания. Дискуссия, проведенная по отработанной схеме, дала возможность подготовить и поставить вопрос об оппозиции на октябрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК. пленум утвердил проект постановления, предложенный Кировым от имени членов ЦК — ленинградцев, в котором работа Зиновьева в Коммунистическом Интернационале признавалась невозможной ввиду того, что он не выражает линии ВКП(б) в Коминтерне. Постановление освобождало Троцкого от обязанностей члена Политбюро, а Каменева — кандидата в члены Политбюро. Теперь существование лидеров левой оппозиции не ограждало неписаное правило, что члены Политбюро и их окружение освобождаются от контроля аппарата Цека и прочих компетентных органов. Состоявшаяся вскоре XV конференция ВКП(б) приняла разверну-

¹ Кто безапелляционно говорит об антисемитизме аппарата, тот, наверное, никогда не держал в руках протоколов коллегий Цека за этот период и не знаком с именами тех, кто конкретно проводил в жизнь решения руководящих органов партии.

тую резолюцию «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)». Лозунг о построении социализма в одной стране окончательно приобрел статус официальной политики. Троцкистско-зиновьевский блок не получил на конференции ни одного голоса, что свидетельствовало о повсеместном вытеснении оппозиции из партийных органов среднего уровня.

Новый всплеск активности оппозиции вызвало серьезное поражение китайских коммунистов в результате провала одобренной сталинским руководством политики союза компартии Китая с Гоминьданом. В конце мая 1927 года Троцкий, Зиновьев, Смирла, Евдокимов и другие направили в Политбюро ЦК письмо-платформу, подписанное 83 участниками троцкистско-зиновьевского блока. По их мнению, провалы сталинского руководства на внешнеполитической арене являлись бесспорным свидетельством неверности политики ЦК в принципе. В заявлении «83-х» теория о возможности построения социализма в одной стране объявлялась мелкобуржуазной и не имеющей ничего общего с марксизмом-ленинизмом. «Неправильная политика ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа. Это ведет к невозможности использовать в должной мере и должным образом имеющиеся в стране материальные ресурсы для промышленности и всего государственного хозяйства... приводит к усилению капиталистических элементов в хозяйстве Советского Союза — особенно в деревне»¹.

Основным условием для разрешения насущных вопросов в области хозяйственного строительства оппозиционеры называли оживление внутрипартийной демократии и усиление живой связи партии с рабочим классом. Установившийся внутрипартийный режим ослабляет диктатуру пролетариата в ее классовой основе, заявляла оппозиция. В июне 1927 на заседании Президиума ЦКК ВКП(б) Троцкий обвинил партийное руководство в термидорианстве — перерождении.

Объединенная оппозиция пыталась восторжествовать на просчетах сталинского руководства, однако, если внимательно присмотреться к политике сталинской команды в 1926 году и сопоставить ее с программой левой оппозиции, то очевиден тот факт, что правящее большинство на деле приняло к исполнению и практически реализовало все основные пожелания оппозиции. Политика раскрепощения частного хозяйства резко пошла под гору, ограничения по выборам в Советы обеспечивали усиление административного нажима на деревню, налоговый пресс был нажат до отказа, цены на промтовары в

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. Т. 3. М., 1990. С. 63.

соотношении с ценами на сельскую продукцию достигли предельной высоты. И, наконец, даже то требование оппозиции, которое было публично ошельмовано как демагогия, также принято — на восстановление промышленности был ассигнован звонкий «миллиард».

Оппозиция играла роль того пугала, под прикрытием которого реальные мероприятия власти казались умеренными при всем их максимализме. Новый 1927 год поставил перед ней очередной вопрос: как выйти из того тупика, в который завела страну реализация программы оппозиции? Сталин и его команда начали обнаруживать намерения существенной корректировки политики вправо. Эмигрантская пресса сверхчутко отозвалась на некоторые места из доклада Сталина 7 декабря 1926 года на VII расширенном пленуме ИККИ, где говорилось о допущении «новой буржуазии», использовании ее опыта и знаний для советского хозяйственного строительства¹. В этом увидели возведение союза Политбюро с новой нэпмановской буржуазией и сделали вывод, что в Кремле «ее величество реакция положила все четыре копыта на престол власти»². Казалось, в унисон этому звучали и заявления руководителя промышленности, председателя ВСНХ Куйбышева о необходимости предоставления больших оперативных возможностей отдельным государственным предприятиям и выведения из-под мелочной опеки централизованных трестов.

Начало 1927 года ознаменовалось для политики Политбюро некоей мучительной двусмысленностью, которая вскоре переросла в неприкрытую растерянность и дезориентацию. Весной линия Политбюро потерпела двойное поражение: внутри страны, где выяснился окончательный провал политики ценового нажима на деревню, и на международной сцене в результате унижительных скандалов в Англии и сокрушительного поражения в Китае. Как тогда остроли по аналогии с 1904 годом, Кантон для большевиков стал «Мукденом». Все это на время ослабило нажим на левую оппозицию. Троцкий был вновь возвращен в Главконцесском и дело дошло до того, что редакция «Большевика» сочла возможным поместить дискуссионные статьи Преображенского и Смилги, которые жестоко издевались над Бухариным и Микояном, одержавшими такую блестящую «победу» над оппозиционерами, обвинявшимися в политике повышения цен, а в результате сами привели к громадному раздвижению ценовых «ножниц».

Наиболее нетерпеливая часть эмиграции описывала состояние недовольного общества в Союзе и ставила утешительные для себя,

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 9. М., 1948. С. 73.

² Дни. 1926. 25 дек.

но фантастические диагнозы о близкой кончине сталинской группировки и, что совсем невероятное, победы Троцкого. Еще 27 мая 1927 года «Тревоги и надежды» правокадетской газеты «Руль» сошлись в нетерпеливой уверенности в том, что «положение создалось такое, что уже можно и нужно думать о том, кто будет наследником советской власти». П.Струве в «Возрождении» от 24 мая высказывал сомнение в возможности быстрых перемен в СССР. Однако и он «ясно видел», как «советчина приближается к своему неизбежному концу». Оппоненты режима, как правило, в своих прогнозах ошибаются во временных рамках его существования. Они остро чувствуют недостатки и противоречия общественной системы, но точно так же, как и апологеты, не до конца понимают ее объективное содержание и не видят масштаба тех задач, которые данная система при всех своих противоречиях призвана решить. Только тогда, когда эти задачи выполнены, наступает пора обострения имманентных противоречий социальной системы и снятия отношений при сохранении достигнутого уровня вещественного развития.

Вначале, с 1923 года борьба среди наследников Ленина происходила в среде посвященных, в тайниках высших учреждений, затем Троцкий попытался перенести ее в более широкие партийные аудитории. В 1925 году «новая оппозиция» придала борьбе совершенно невиданный со времен дискуссии о профсоюзах охват и масштаб, чем ускорила свое устранение от участия в руководстве страны. Однако, сплотившиеся левые не склонили знамен и в 1926 году развили подпольную работу в партии, появились намеки на «теневой» фракционный аппарат в недрах нового троцкистско-зиновьевского блока. Наконец, обессилев безответно биться в кулуарах охваченной Сталиным партийной структуры, левые оппозиционеры, ободренные кризисом 1927 года, решили искать опоры в массах. Затишью пришел конец. 9 мая Зиновьев, выступая на формально непартийном собрании, посвященном дню печати, обратился с апелляцией к беспартийным против партии и ее руководящих органов, тем самым, нарушив «все традиции большевистской партии и элементарную партийную дисциплину»¹.

Политика вышла на улицу. Подхватив почин Зиновьева, 9 июня Троцкий выступил на демонстрации, устроенной оппозицией на Ярославском вокзале под предлогом проводов Смирли, получившего ссыльное назначение на Дальний Восток. При этом пылкие обличительные речи лидера оппозиции слушали не только оппозиционеры, но и случайная публика, находившаяся на вокзале. Смысл речей был один: долой сталинскую диктатуру, долой Политбюро. Тысячная

¹ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 495.

толпа, горячие аплодисменты — все это было так близко бывшему кумиру революционной толпы. После этого на июньском заседании Президиума ЦКК Троцкий выдвинул «совершенно неслыханные клеветнические» обвинения партии в термидорианстве¹, как было отмечено в постановлении ЦК–ЦКК.

Советский «термидор» и «термидорианцы»

Обвинения, кстати сказать, были давно «слыханные». Почти два года назад секретарь ленинградского губкома партии сторонник Зиновьева Залуцкий уже открыто выступил с обвинениями сталинского большинства в ЦК в перерождении и термидорианстве. Однако только Троцкому было дано возвысить их звучание до нужного принципиального уровня, достигающего «ушей» политаппарата.

Странно и вместе с тем типично для 1920-х годов переплелись судьбы этих двух незаурядных людей. Во время гражданской войны комиссар Залуцкий был едва не расстрелян по приказу Троцкого за побег семи офицеров на Восточном фронте. В 1921 году получило скандальную огласку дело об аресте секретарем Президиума ВЦИК Залуцким часового в Кремле за нарушение устава гарнизонной службы. Троцкий на Политбюро обвинил Залуцкого в том, что он «закомиссарился». Залуцкий в ответ попросил снять его с ответственной работы и отправить к станку: «Я русский квалифицированный рабочий, там я выработал свою революционную гордость и свое пролетарское самолюбие, там я не закомиссаривался, тогда туда и прошу вернуть меня». Залуцкий назвал коменданта Кремля «комендантом Троцкого»².

В дискуссии 1923–1924 года Залуцкий, уже будучи секретарем петроградского губкома, проявил себя одним из самых непримиримых противников Троцкого. Его энергичные письма Сталину лежали в основе важных постановлений Оргбюро против ПУРа и военного ведомства. В январе 1924 года в Петрограде на областном партсовещании, подводя итоги дискуссии, Залуцкий говорил о переоценке Троцким исторического значения резолюции ЦК–ЦКК о партстроительстве. Залуцкий тогда возмущался несуразным противопоставлением партийной молодежи старикам, говорил о фракционной политике оппозиции, о лживости намеков на вырождение старой

¹ Там же.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 150. Л. 175.

партийной гвардии, о неправильном обвинении аппарата, об оппортунизме оппозиции и ее непонимании государственного и классового положения компартии, о лживой спекуляции лозунгом о засилье аппарата для взбудораживания массы и т.п.¹ Словом, когда-то было трудно сыскать людей, более враждебно настроенных друг к другу. Теперь они оказались в одном политическом лагере. Их свел воедино один мощный процесс становления новой бюрократической элиты — это реальное движение эпохи, которое отбрасывало непригодных или поставивших не на ту «лошадь» и временно объединяло их в оппозицию.

Изначально обвинение Троцким сталинского аппарата в термидоре имело в виду прежде всего тот процесс в партии, который выразился в росте слоя отделившихся от массы, обеспеченных, связавшихся с непролетарскими кругами и довольных своим социальным положением большевиков, аналогичных слою разжиревших якобинцев, которые стали отчасти опорой и исполнительным аппаратом термидорианского переворота 1794 года. Появилась верхушка, оторвавшаяся от масс, бравировавшая своим рабочим происхождением и представлявшая из себя чиновников от пролетариев, отчасти развращенных политиканством и интригами.

«Термидор». Это запретное сменевеховское слово с легкой руки левой оппозиции на какое-то время прочно вошло в словесный обиход компартии, утвердилось на страницах советской печати и было подхвачено заинтересованными наблюдателями на Западе. Кремль оказался в осаде гула о буржуазном перерождении. Пестрая братия оппозиционеров рассчитывала дать уничтожающую характеристику сталинскому аппарату с помощью яркого образа давно отгремевшей эпохи. Эмиграция пыталась разгадать зыбкими путями исторических аналогий то невиданное, что вошло в историю с властью Партии-ордена. Между тем, метод исторической аналогии, насколько он нагляден и доходчив, ровно настолько и условен, поскольку специфика исторического развития как раз и заключается в том, что оно никогда конкретно не повторяет себя.

Троцкий это хорошо понимал, поэтому его раздумья о большевистском «термидоре» всегда сопровождались тучей оговорок и пространными толкованиями эпизодов европейской истории, помогавшими свести исторические концы с его субъективными идеалистическими началами. Троцкий, со свойственным ему полемическим даром и задором политического бойца, предложил на суд истории свою талантливую ограниченность. Лично для него революция закончилась и начался «ползучий термидор» с отстранением Ленина

¹ Там же. Оп. 11. Д. 203. Л. 1.

от дел и началом триумфа Сталина. «Сталинизм вырос путем разрыва с ленинизмом», — утверждал он¹, намекая на свое узурпированное право быть революционным наследником вождя.

Однако он не мог предоставить никаких серьезных доказательств к тому, чтобы в качестве шкалы измерения революционности можно было взять интересы и политические амбиции именно его, Троцкого. По ходу гигантских событий, развернувшихся в России с февраля 1917 года, в стороне оказалось очень много политических сил и замечательных лиц, чей бескорыстный общественный идеализм был обижен естественным ходом революционных перемен. За внутрикоммунистической полемикой вокруг «термидора» внимательно следили за рубежом, в частности среди социал-демократической эмиграции. У этих же не было никаких оснований делать поправку и самому Ленину. Те самые откровения о перерождении партии, бюрократизме аппарата и т.п., которые вдруг посетили Троцкого после 1922 года, гораздо ранее, еще в 1918 году прозвучали как обвинения большевиков в измене социалистической революции и комиссародержавии в исполнении лидеров меньшевизма (и эсеров также), когда Лев Давидович сам пером и мечом непримиримо боролся с ними.

Троцкий, хотя и с оговорками, но все же до конца верил (обязан был верить), что в СССР, несмотря на бюрократическое засилье, имеется и «диктатура пролетариата» и происходит «социалистическое строительство». Меньшевицким ортодоксальным схематикам была еще менее понятна природа грандиозных процессов, совершающихся в Советском Союзе. Даже будучи изрядно битыми судьбой, безжалостно выбросившей их на задворки революции, они упорно в своем видении пытались исходить из старозаветной марксистской ортодоксии, истолкованной так, что весь свет стоит на пролетариате и буржуазии и более в нем никаких иных чудес нету. Подобная упрямая ограниченность приводила меньшевиков к выводам навряд ли того, что русская революция, как и французская, носит буржуазный характер и что, следовательно, «термидор» по всем пунктам налицо. Теоретики из «Социалистического вестника» возвещали о перерождении большевиков и о «термидоре» в том смысле, что они, большевики, через нэп ведут буржуазию к восстановлению господства². Известные заявления Сталина в том духе, что социал-демократы «арестовываются у нас», а новую буржуазию «мы допускаем», заставили меньшевиков выйти из себя от негодования, и были признаны ими как циничная формула буржуазного перерождения.

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 17–18. С. 31.

² Социалистический вестник. 1927. 15 янв.

«Перечитайте ваши собственные речи! Прислушайтесь к утробному рыку оваций и ругани, несущемуся со скамей съезда, занятых вашими аппаратчиками и чиновниками! Присмотритесь, наконец, к организованному вашими “молодцами” “рабочим депутациям” с пошлейшими подарками... со старорежимными славословиями начальству и проклятиями оппозиционным супостатам и с неизменной просьбишкой о местных “пользах и нуждах” в заключение льстивых речей! Надо поистине сильно “переродиться”, чтобы не учуять во всем этом зловонного духа “термидора”»¹.

До самого начала «революции сверху» «Соцвестник» авторитетно рассматривал Сталина как объективного выразителя интересов смелеющей буржуазии. Дескать, Сталин уверен, что буржуазию он поймал и использует в интересах диктатуры, но это то, как мужик поймал медведя за хвост. Д.Далина, который позволил себе отступить от схемы и усомниться в том, что советский режим является системой власти имущих классов и власть по-прежнему остается рабочей, а нэпманов гоняют в Нарым², его коллективно заели на страницах «Соцвестника».

Сравнение нэповской буржуазии с медведем, конечно, с головой выдает натурфилософов из меньшевистского лагеря. Это был не медведь, а пресловутая кошка, страшнее которой зверя не было для социал-демократической оппозиции, которая в целом всегда отличалась покорным следованием западнической марксистской доктрине и поразительным непониманием самостоятельной роли государства в принципе и его господствующего положения в России в особенности. До того, как на Западе появились первые известия о коллективизации, эсдеки в большинстве были убеждены в том, что их буржуазная «кошка» угрожает съесть диктатуру с потрохами, поскольку диктатура не в состоянии срастись ни с одним классом в силу чудовищного бюрократизма. В конце концов, прогнозировал «Вестник», она окажется неспособной удовлетворить ни один класс населения и будет становиться все более «чужеродным» телом и тем самым подготавливает свое падение.

Очевидно, что марксистская доктрина в итоге настолько обессилила меньшевизм и лишила его идеологов элементарных наблюдательных свойств, что для них куда-то пропала вся тысячелетняя история России, где государство и его бюрократия всегда были настолько «органичны» и самостоятельны, что не они, а зачастую общество было вынуждено приспосабливаться к ним.

¹ Там же. 21 дек.

² Далин Д. О термидоре // Там же. 1 дек.; Он же. О сущности режима // Там же. 1928. 6 марта.

Марксистская абсолютизация связи государства с интересами имущих классов превратилась как у эмиграции, так и левой оппозиции в СССР в глухое непонимание связи социальных низов и государственной власти. В России искони верховной власти стоило только шевельнуть пальцем, чтобы вся ярость низов обрушилась на элиту общества, на непосредственных притеснителей, которые бы вздумали отобрать у государства частицу самодержавной власти, посягнуть на деспотизм государя в пользу своих классовых интересов.

Троцкого обвиняли в недооценке крестьянства, поскольку тот не верил в его революционность. Верно, недооценка внутренних сил русской революции у Троцкого была, но объективно она происходила не из недооценки крестьянства, а из того же непонимания природы российского государства. Слепота, имеющая своим вирусом некоторые постулаты западного марксизма, для которого было характерным игнорирование особой самостоятельной роли государства. Даже у Маркса полного понимания этого не было, только Каутский позднее высказывался в том духе, что государственная бюрократия иногда обретает такую силу, что способна возвышаться над общественно и экономически господствующими классами.

Троцкий вместе с Лениным сумел дальше оторваться от доктринального марксизма и поэтому сумел быть несколько проницательней своих социал-демократических коллег по несчастью. Впоследствии он признавал, что бюрократия и буржуазия являются прямыми конкурентами по отношению к прибавочному продукту и бюрократия ревнивым оком следит за процессом обогащения буржуазных слоев деревни и города¹.

В этом пункте он оказался гораздо ближе к либеральным критикам советского режима, которые проявляли традиционную ясность ума, будучи не «у дел», и отсутствием которой они так ярко блистали на политических небосводах семнадцатого года. Революция Милюкова, Керенского, Струве закончилась уже давно, гораздо раньше революции Дана и Троцкого, поэтому их личная беспристрастность и даже безразличность к нюансам борьбы внутри в целом отвратительной им коммунистической верхушки придавали оценкам либеральной эмиграции более масштабный и независимый характер.

Как такового «термидора» нет, писали милюковские «Последние новости», сама коммунистическая власть не эволюционирует и либеральные изменения в ее политике в 1921 и 1924–1925 годах носят

¹ Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 221.

характер вынужденного отступления под мощным социальным давлением крестьянства¹.

В России «термидора» нет, подтверждало «Возрождение» Струве, нэп — это фальсификация термидора. «Изменение хозяйственной политики без видоизменения политического режима было лишь тактическим ходом... На смену “коммунизма военного” явился “коммунизм в перчатках”»².

Среди всей эмигрантской плеяды, пожалуй, газета Милюкова наиболее основательно подтверждала ученое реноме ее редактора, помещая на своих страницах без салонной злобы и уличного зубоскальства наиболее взвешенные оценки положения в СССР: «Суть сталинизма совсем не в вынужденных уступках крестьянству, а наоборот: в попытке сохранить партийное самодержавие в России... Вот для чего нужна теория о “возможности социализма в одной стране”, во имя которой и сохраняется деспотический режим и деятельность Коминтерна в качестве охранителя “первой пролетарской республики”»³.

Большевистского «термидора» нет, коммунистическая власть сохраняет свои принципы, признавала в большинстве либеральная эмиграция. Однако ее деятелей, бывших небожителей русского политического олимпа, очень остро волновал вопрос о главном содержании революции и причинах ее трансформации в большевизм. Многие критики большевизма постепенно избавлялись от порожденного уязвленной субъективностью характерного нетерпения, выражавшегося в поверхностной абсолютизации внутренних противоречий в СССР и ожидании вспышки народного гнева, который сметет ненавистную диктатуру с лица матушки-России. Постепенно приходило понимание органичности и даже «народности» диктатуры в Советском Союзе. Массы практически никогда не бывают против диктатур, но обычно возмущаются их содержанием или инородностью. Патримониальный уклад всегда устраивал население Руси. Если и бунтовали, то речь всегда шла о характере власти и ее методах, от нее требовали «правды» и «милости». Требовали гарантий — бояре толковали о мудрых советниках царя, земщина настаивала на сословно-представительных институтах при верховной власти.

В 1922 году социал-демократический патриарх К.Каутский заметил о большевиках: «Удивляются прочности их режима, но ведь эта прочность имеет своей основой не жизненные силы руководимой

¹ Бруцкус Б.Д. Эволюция или революция // Последние новости. 1927. 29 июля.

² Возрождение. 1927. 2 авг.

³ Последние новости. 1927. 28 июля.

большевиками революции, а то обстоятельство, что, как только большевики усмотрели, что революция идет к концу, они не задумываясь взяли на себя функцию контрреволюции». До Каутского, теория о контрреволюционности большевизма была сформулирована В.М.Черновым, вскоре после его эмиграции из России в 1920 году. В статье «Революция и контрреволюция» Чернов утверждал: «Октябрьской революции не было. Был октябрьский переворот. Он был преддверием, драпирующей в красные цвета, но самой доподлинной контрреволюции»¹. Тут получили выход известные толки о начале русской контрреволюции, которые можно было часто услышать среди социалистов почти сразу после 25 октября, а среди кадетов даже после 25 апреля 1917 года, когда министр Милюков получил бессрочный отпуск².

Подобный непривычный для заграницы взгляд, в терминах, ласкающих слух эмиграции, был с пониманием воспринят в либерально-революционной среде, чей политический капитал развеял Октябрьский переворот. Керенский, для которого весьма проницательные мысли и глубокие эмоции были в изгнании далеко не редкостью, очень близко подошел к пониманию проблемы. Он писал: «В большевизм, как государственный строй изошло дореволюционное самодержавие»³. Если из этой фразы бывшего премьера удалить заметную долю злобного сарказма в отношении тех, кто так бесцеремонно вышвырнул его с политической авансцены, то очевидно, что Керенский вплотную приблизился к объективной оценке главного содержания революционных перемен в стране.

Революция — это явление калейдоскопическое, многомерное и может дать множество ответов на вопрос о том, что считать ее содержанием. Если критерием ее главного содержания полагать принципиальное отрицание старой системы, то, безусловно, в этом случае исторически правы либералы и «любовник революции» Керенский отвергнут ею несправедливо. Но если за основу принять то соображение, что конкретное общество не может, не способно так просто изменять свою природу и не меняет ее, а лишь обновляет, восходя на новый уровень своих специфических противоречий; если революция — это возмущение против оторвавшихся от «почвы» и ведущих к разрушению системы разлагающихся общественных элит; если революция прежде всего носит характер со-

¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 493. Л. 1.

² См.: Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Стенограф. М., 1918. С. 11.

³ Дни. 1928. 28 апр.

циального и политического обновления системы, то в этом случае есть смысл присмотреться к историческим аргументам большевизма.

Несмотря на сложное переплетение социальных интересов и пестроту политических знамен, эти две соперничающие принципиальные линии в революции — системная и историческая, четко обнаруживают свое последовательное развитие с февраля 1917 года. Революция воспарила над дымящейся землей усилиями практически всех слоев общества, от петроградской вдовы-солдатки до титулованных убийц Распутина. И вначале, в порыве почти всеобщего братского единения, обществу показалось, что оно заслуживает избавления от старорежимного административного гнета и теперь может и будет жить без унижающего достоинство гражданина государственного насилия. Но в течение всего лишь одного года полицейский городской из самого жалкого существа на земле, презренного «фараона», стал вновь самым желанным героем театральных постановок, чье одно появление на сцене вызывало бурю аплодисментов у публики, быстро возжаждавшей твердого государственного порядка.

У французского мыслителя Г.Ле-Бона имеется отрывок, который замечателен не только содержанием, но и тем, что последовательно обратил на себя внимание двух главнейших деятелей эпохи революции, находившихся уже не у дел, вступивших, так сказать, в стадию заключительной рефлексии. Речь идет о цитате из «Психологии социализма», приведенной известным генералом А.И.Деникиным в его «Очерках русской смуты» и жирно подчеркнутой их еще более известным читателем — В.И.Лениным. Ле-Бон пишет: «Как человек не может выбирать себе возраста, так и народы не могут выбирать свои учреждения. Они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить путем насильственной революции учреждения, переставшие ему нравиться — это не раз наблюдалось в истории. Но чего история никогда еще не показывала, это чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь прочно и продолжительно. Спустя короткое время — все прошлое вновь входит в силу, так как мы всецело созданы этим прошлым, и оно является нашим верховным властителем»¹.

Большевики отчасти сознательно, отчасти по неумолимой логике развязавшейся борьбы, проделали кровавую чистку общества, удалив ту самоценную социальную ржавчину, которая наслоилась на

¹ См.: Вопросы истории КПСС. 1990. № 2. С. 26.

систему в эпоху послепетровской империи. Ранее 1725 года конкретных предпосылок революции отыскать нельзя. Патерналистский архетип российской цивилизации, доведенный до абсолюта Петром I, был большевиками сохранен и модернизирован. Даже русская эмиграция, ее наиболее умная часть, несмотря на личную трагедию, связанную с революцией, вынуждена была сказать устами Милюкова: «Русская революция есть патологическая форма подъема России на высшую ступень культурного существования»¹.

Революция вспыхнула под знаменем свободы против прогнившей системы, обветшавшего государства, разложившейся царской бюрократии и привела к социальному обновлению и модернизации государственного устройства. Поэтому пресловутого «термидора» в его исконном значении как прихода к власти буржуазии не было и в России быть не могло. Революция должна была умереть, однако применительно к историческому своеобразию России реакция могла носить не буржуазный, а только бюрократический характер. Такой «термидор», понимаемый в широком смысле слова как отступление революции, возврат к основам национальной традиции, безусловно состоялся. В этом «термидоре» не было яркой даты календаря, день «термидора» обратился в длинный и тягучий процесс, вобравший в себя и «18 брюмера» нового диктатора страны. Вначале избавление от буржуазного либерализма и социалистического демократизма, затем отторжение апологетов «мировой революции» и постановка вопроса о модернизации страны на почву — опора на собственные силы под мудреным лозунгом строительства социализма в одной стране. В переводе на язык экономики это означало резкое ограничение потребления и концентрация прибавочного продукта в распоряжении государства, развитие методов внеэкономического принуждения и соответствующий рост удельного веса бюрократии в обществе.

Троцкий, пытаясь поставить свою публицистику на твердый теоретический фундамент, квалифицировал советскую систему, сложившуюся в 1920–1930-х годах, как «бюрократический абсолютизм». Однако в этом определении сохранился весьма характерный для идеологии Троцкого элемент случайности по отношению к системе, в становлении которой вначале он играл гораздо большую роль, нежели Сталин. В некотором смысле Троцкий действительно мог считаться законным наследником Ленина, поскольку после смерти вождя именно на его долю выпало олицетворение ужаса и ненависти по поводу дела рук своих, этой несокрушимой бюрократической громады.

¹ Последние новости. 1927. 11 янв.

Сталин и Троцкий — это фактически две половинки Ленина. Один остался в роли архитектора системы, другой — был отброшен ходом вещей как ненужная рефлексия в период мобилизации всех сил. После дискуссии 1920-го года Троцкий никогда откровенно не признавал и не мог признать в силу объективных причин и субъективных качеств, что бюрократический аппарат, с которым он вел непримиримую войну, не есть нечто случайное, а закономерный итог всей, и его в том числе, революционной деятельности. По этой же причине все «мемории» Троцкого построены на пережевывании одних и тех же фабул и сюжетов в поиске и обосновании пресловутых «случайностей», которые заставили революцию отклониться от «правильного» пути.

Десятилетний опыт большевистской диктатуры неопровержимо показал, что ахиллесова пята всех теорий захвата власти революционно-социалистическим меньшинством совсем не в трудностях исходного момента захвата и даже не в проблеме удержания власти этим меньшинством в течение долгого времени, а в невозможности сохранить меньшинству, пришедшему к власти, свой первоначальный характер. Меняются обстоятельства, изменяется и субъект власти, и это позитивно. Трудно вообразить, что могло произойти, если бы революционные террористы 1918 года оставались у власти все 70 лет советского коммунизма.

Повторять вслед за Троцким о «бюрократическом абсолютизме», это значит суживать постановку проблемы и не замечать той огромной исторической и социальной базы, на которую опирался этот абсолютизм. Массы, наряду с аппаратом, образовывали живое противоречие этой системы, были ее равноправными творцами, опорой и источником сил, а все вместе — представляли единое государство. То, что бюрократия не была вполне свободна в своем «абсолютизме», показывает ее незавидная участь в 1937 году. Бюрократию, как и массы, также истощала эта всеобщая мобилизационная система, и она с заметным вздохом облегчения в 53-м году проводила в последний путь вознесенного кумира, в свою очередь полностью выработавшего свой человеческий ресурс.

Это исторически не случайное и имевшее глубокие национальные корни явление заслуживает того, чтобы быть названным системой «государственного абсолютизма». Ибо она, как никакая другая, очищенная от напластовавшейся сословной пестроты, вековых пережитков и высокой культуры, примитивная и неумолимая, воплощая свою принципиальную суть, механически и безжалостно шла к своей цели.

Бухгалтерия партийного строительства

После укрепления организационного ядра партии в первой половине 1920-х годов, вторую половину десятилетия аппарат посвятил хлопотам по повышению качества низовых партийных структур. Совершенствовался сбор информации, налаживался строгий учет коммунистов. Теперь в аппарат Цека уже не поступали с мест всякие самодеятельные сочинения, зачастую исполненные на бланках старых квитанций, где царское почтовое ведомство или же какое-нибудь сметенное революционной бурей пароходное общество оставили на обороте в распоряжении секретарей парткомов достаточно места для демонстрации особенностей дореволюционного начального и церковноприходского образования. Поступала стандартная документация, чьи колонки и параграфы максимально поощряли, но вместе с тем и вводили в строгие рамки пестрый творческий потенциал местных секретарей. Каждый член и кандидат уже довольно многочисленной партии был «натурализован» в ее рядах на определенном уровне соответствующей карточкой, хранившейся в зависимости от «масштаба» коммуниста в шкафах укома, губкома или же в сейфе на Старой площади — в Цека.

В условиях поставленного на конвейер кадрового подбора для ускоренного конструирования госаппарата, неожиданно большой вес стали приобретать чисто технические отрасли партийной работы. Так, в этом деле неожиданно видную роль приобрел скромный Статистический отдел ЦК. Налаживая учет кадров, отдел был вынужден разрабатывать некие критерии и приоритеты, а те, в свою очередь, уже влияли на определение принципов партстроительства и далее — на их реализацию. Статистика отчасти стала диктовать каноны и определять, какие элементы старорежимного общества имеют больше прав на место в «ковчеге» грядущего строя. Некоторые пояснения по этому поводу можно отыскать в архивах Статистического отдела ЦК, который очень активно функционировал в 1920-е годы, в период внутрипартийной борьбы, времена чисток, массовых призывов и других кампаний.

В приложение к циркуляру ЦК ВКП(б) от 12 августа 1925 года Статотдел издал любопытную инструкцию об определении социального положения членов и кандидатов в члены партии. Инструкция, за подписью заведующей отделом Е.Смиттен, гласила, что члены партии и кандидаты в члены партии, а также вступающие в партию по своему *социальному положению* в учетно-статистических материалах должны относиться к одной из трех следующих групп: а) рабочие, б) крестьяне, в) служащие. Лица, которых по социальному положе-

нию нельзя отнести ни к одной из основных групп, объединяются в смешанную группу — г) «прочие». Убедительно подчеркивалось, что «никакая другая классификация коммунистов в статистических разработках не допускается»¹.

Надо думать, что в перспективе построения бесклассового общества этих «прочих» кустарей, домохозяек и т.д. должна была в первую очередь постигнуть участь аннигиляции. Такая заслуженная перед революцией прослойка общества, как интеллигенция, уже совершенно исчезла из статистической жизни. Одно из многочисленных примечаний к параграфам инструкции, призванным разогнать туманы с горизонтов социального планирования, а также уладить некоторые недоразумения между статистическими особенностями аппаратного языка и сутью дела, поясняло, что интеллигенция не выделяется в особую группу, а относится к группе «служащих»². Впрочем, ясности от этого больше не стало, поскольку категория «служащих» осеняла собой такой пестрый социальный конгломерат, от действительных статских советников до швейцаров при департаменте в прошлом, что внедрение туда еще и интеллигенции, вопреки присущему ей общественно-просветительскому назначению, вносило большую путаницу. Во время подготовки изменений в Устав партии к XIV съезду выяснилась проблема, волновавшая многих из «классово ценных» слоев, которые попали в межеумочное положение. Такие жаловались, дескать, выдвинули из рабочих в красную интеллигенцию, а в партию уже не принимают — потому что интеллигент.

Нельзя утверждать, что здесь и с рабочими дело обстояло определенно благополучно. Учетно-статистический отдел отнюдь не принуждал рабочего для поддержания своего благородного социального реноме вечно стоять у станка и каждый раз предъявлять мозолистые руки с вьевшимся металлом. Рабочий Статотдела ЦК мог уже давно подвизаться при портфеле или при нагане, но уверенно заявлять о себе в анкетах как о рабочем. Подобная двусмысленность вторгалась в партийные бумаги многочисленными противоречиями и наслоениями переходного периода. Дело в том, что за основу в определении социального положения коммуниста бралась его т.н. основная профессия, каковой признавался «тот род труда, который служил главным источником средств существования в течение наиболее продолжительного времени», а также, что очень важно, положение на производстве — наемный или самостоятельный труд. К примеру, тот же сапожник, который мало того, что резал руки дратвой и портил зрение в полутемном подвале своей мастерской

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 136. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

и был лишен возможности наслаждаться продуктом казенной «монополии» в товарищеском коллективе обувного предприятия, то, к тому же, несмотря ни на какое мастерство и стаж, у него отбиралось почетное социальное положение «рабочего» и он как кустарь заносился в разряд «прочих». Вот, что называется, к обиде добавлять еще и оскорбление!

Не менее загадочной для непосвященных была социологическая ученость в отношении деревни. Так, далеко не все землепашцы и селятели заносились в категорию «крестьян». Речь не о кулаках, этим в партии делать вообще было нечего, по идее. Но вот их наемные батраки или же трудящиеся на нивах государственных совхозов имели возможность возвыситься до самой престижной категории «рабочих», в то время как односельчане, облагораживавшие нелегким трудом поля в колхозе, в коммуне, а тем паче собственный надел, по расписанию Цека оставались в «крестьянах»¹.

Как можно догадаться из этой социологической премудрости, главным критерием, по которому определялось социальное положение коммуниста, являлась не профессия, не род занятий, а то, насколько в общественном разделении труда данный человек был зависим или самостоятелен, насколько он был свободен в распоряжении продуктами собственного труда. Иначе говоря, партаппарат в первую очередь интересовала привязанность человека к стихии свободного рынка и то, насколько велика была желательная степень его закрепощенности в системе универсального государственного хозяйства.

Подобная замысловатая инструкция, тем более предназначенная для низового аппарата, влекла за собой тучу разъяснений и примечаний, которые в свою очередь требовали еще больших усилий для понимания. Так, в одном из примечаний буквально говорится следующее: «Социальное положение коммуниста, т.е. его положение в производстве — основная профессия, дающая средства к существованию, не должно смешиваться с тем занятием или работой, которую коммунист ведет в данный момент, в данное время»².

Следовательно, надо понимать, зарабатывание средств к существованию, профессия — это одно, а выполняемая работа — это нечто иное. Парадоксальная формулировка, которая, очевидно, доставила немало хлопот низовому партактиву. Между тем, в этой кажущейся бессмыслице сошлись альфа и омега партийной социальной премудрости, сфокусировались общественные противоречия переходного периода, которые стали объективным источником двойной бухгал-

¹ Там же.

² Там же. Л. 2.

терии в партийных документах.

Для того, чтобы уяснить это, очень важно отметить, что социальное положение коммуниста и его настоящий род занятий представляли собой не только разные, но порой удаленные на огромное расстояние понятия. Как растолковывалось в той же инструкции, если коммунист долгое время работал на заводе слесарем, а при соввласти стал директором этого завода, то по социальному положению он является рабочим, а по роду занятий — служащим. Но хорошо, если только директор завода, революция преподносила еще большие сюрпризы. Например, Клим Ворошилов в начале 1926 года в период борьбы сталинцев с «новой оппозицией» поехал в Ленинград, к питерским рабочим и «аккредитовался» там не как наркомвоенмор и член ЦК партии, а как свой брат-пролетарий. Настоящие рабочие, разумеется, чувствовали всю фальшь подобного маскарада и не принимали ее. Ворошилов в Ленинграде провалился.

Также примечательно, что любопытный пассаж о «профессии» и «работе» пропал из очередной редакции инструкции от 15 декабря 1926 года. Но двойная бухгалтерия оттого не исчезла, напротив, она превратилась в тройную. Редакция 1926 года содержала предупреждение, что социальное положение не надо путать с социальным происхождением¹. В итоге, наряду с уже известными «социальным положением» и «родом занятий» полные права обрело «социальное происхождение».

Действительно, та переломная эпоха нередко демонстрировала образцы многоликости своих типажей, как, например, популярный М.И.Калинин — выходец из крестьян, по социальному положению рабочий, ну а по роду занятий, надо полагать, служащий. Три строки и четыре колонки, в которые обязано было уместиться все социальное разнообразие партии, на деле представляли богатейшие возможности для манипуляций и декорирования официальных отчетов. Однако, как известно, большие преимущества всегда влекут за собой и маленькие недостатки. По всей видимости, двенадцатиклеточная арифметика оставалась еще слишком сложной для низового актива и служила источником путаницы, в результате чего даже сам аппарат не мог получить должного представления о реальном положении дел. Оставалось только уповать на объективный процесс совершенствования социальной структуры общества, так сказать, продвижение к одноклеточному, бесклассовому идеалу, который совершался буквально на глазах. В очередном постановлении ЦК ВКП(б) от 13 марта 1928 года «Об определении социального положения коммунистов, принимаемых в партию» уже исчезли «прочие». В отношении тех, кто не

¹ Там же. Л. 98.

мог быть отнесен ни к одной из трех оставшихся групп, должен был просто отмечаться тот конкретный вид трудового поприща, на котором они подвизались до вступления в партию (кустарь-ремесленник, домохозяйка, учащийся, нет профессии).

Подобное полуграмотное нормотворчество, заключавшее в себе неистощимые возможности для недоумений над аппаратной мыслью и эпистолой, на самом деле являлось отражением очень серьезного и нужного процесса формирования новой общественной пирамиды, в котором главная роль принадлежала партийным институтам. Поэтому в партийных постановлениях можно было неоднократно встретить строжайшее указание Цека: «Социальное положение принимаемых в партию определяется ячейкой и утверждается парткомом»¹.

Для того, чтобы избежать ошибок и злоупотреблений в столь важном, определяющем всю дальнейшую карьеру коммуниста деле определения социального положения, оно подвергалось тщательному регламентированию. Вначале каждая инструкция тащила за собой десяток страниц убористого текста с перечислением рабочих, крестьянских и учрежденческих профессий, откуда с любопытством можно было узнать, что среди металлистов имелись такие особые специальности, как болторезы, винторезы и гайкорезы, а у текстильщиков — банкаброшницы. Затем совершенствование регламентации повлекло за собой то, что, например, в инструкции 1928 года в тексте партийного документа при определении понятия ценовой промышленности можно было наткнуться буквально на следующее: «За помольную единицу считается размольный постав (жернова всякого размера или вальцевой станок при всяком числе валов)»².

В конце концов, инструкции уже отказывались принимать в себя разнообразные технологические детали индустриального производства, которые должны были служить партиячкам надежным руководством в отделении овец от козлищ. Компромисс между здравым смыслом и потребностью тщательной регламентации был найден в 1928 году, когда трудами Статотдела ЦК увидело свет замечательное издание, целая книга под названием «Словарь занятий лиц наемного труда», в «столбцах» которого по возможности наиболее полно был очерчен круг нового благородного сословия, из которого аппарат черпал надежные кадры для партии.

Сталин сокрушал своих противников подбором и расстановкой кадров, поэтому основы партийного строительства становились важнейшей из наук, которой, как и любой другой науке, требовались

¹ Там же. Л. 8.

² Там же. Л. 130.

точные данные, эмпирическая база. Кривая роста рядов партии дала резкий скачок вверх не только в 1924 году, в связи с ленинским призывом, но и в 1925 году. За это время в РКП(б) вошло несколько сот тысяч новых членов (в 1924 — 316 тыс. и в 1925 — 322 тыс. человек). Затем наступило некоторое замедление в росте численности партии. Одной из причин этого являлась необходимость для низовых парторганизаций некоторым образом «переварить» огромное количество вступивших в порядке массовой кампании, адаптировать их к критериям типа среднего партийца, поскольку культурный, образовательный и политический уровень новичков был далеко не удовлетворительным.

Абсолютное количество членов и кандидатов в члены партии за время с XIV партсъезда по XV партконференцию увеличилось с 1 078 тыс. до 1 211 тыс., т.е. на 12,3%. Таким образом, по сравнению с предшествующими годами, когда в 1924 году прирост был равен 63,6%, а в 1925 — 39,7%, 1926 год явился годом замедленного темпа численного роста ВПК(б). То же самое касается притока рабочих в партию, в 1926 году он заметно ослабел.

Нетрудно заметить, что массовые кампании по привлечению в партию новых коммунистов происходили в годы обострения внутрипартийной борьбы, усиления разногласий в верхушке партии. Сталинский аппарат искал массовую опору в борьбе против оппозиции, вовлекая в голосующие низовые коллективы все большее количество молодых, неискушенных в политических вопросах, но рвущихся к комиссарской карьере выходцев из социальных низов. Нужны были те, которые уже не помнили бы, сколь велики были заслуги перед революцией у Троцкого, сколь большой авторитет в руководстве партии ранее имели Зиновьев и Каменев. После разгрома «новой оппозиции», 1926 год был годом относительного затишья во внутрипартийной жизни, но в 1927-м году, в связи с внешнеполитическими провалами и неудачами во внутренней политике, борьба вновь стала обостряться. Соответственно, с 1927 года вновь начинается подъем кривой роста партии и активное вовлечение в нее рабочих с производства. В этом году в кандидаты было принято 114 тыс. рабочих, т.е. 64,7% от всего количества вступивших (в 1926 году прирост рабочих составил только 4,9% от общего количества)¹.

Весь период борьбы с левой оппозицией, пополнение из рабочих показало себя надежной опорой партаппарата. С 1927 года ЦК стал обращать особенное внимание на поддержание в партии нужного социального баланса. 16 августа на Оргбюро подробно разбирался вопрос о регулировании состава партии в связи с итогами партий-

¹ Там же. Д. 144. Л. 8.

ной переписи, на обсуждении которого присутствовал даже Сталин, что для Оргбюро тогда было нечастым. Партперепись, она же скрытая чистка, обнаружила заметный выход из партии самых классово ценных кадров рабочих от станка¹.

В постановлении от 13 октября 1927 года ЦК предложил усилить вовлечение в партию рабочих с тем, чтобы в течение двух лет они смогли составить не менее половины общего состава партии. Через месяц Цека одобрил предложение ряда местных организаций о широком вовлечении в партию рабочих в ознаменование 10-летия Октябрьской революции. На 1 апреля 1928 года в партии из 1 294 503 коммунистов по роду занятий насчитывалось 40,9% рабочих и младшего обслуживающего персонала; 1,7% батраков и сельхозрабочих; 12,4% крестьян, занимающихся исключительно сельскохозяйственным трудом, а также совмещающих его с оплачиваемой выборной работой; 34,8% служащих и 10,2% прочих (кустари, учащиеся, военные, безработные и т.п.).

Так же, как в свое время «ленинский» призыв в партию, «октябрьский» призыв осени 1927 года увеличил процент рабочих в партии и понизил процент служащих. Тем не менее, и в результате этой последней массовой вербовки рабочих в партию пятидесятипроцентный барьер оказался недостижимым. В аппарате Цека ломали голову над вопросом, почему даже после массовых, незамысловатых в смысле всяких формальностей, приемов рабочих в партию, столь желанный пролетарий оставался в меньшинстве? Ответ Статотдела ЦК после долгих математических раздумий получался довольно незатейливым. Выходило, что сразу вслед за чрезмерно упрощенными и маловысказательными рабочими призывами, партийные комитеты стремились восстановить резко падавший интеллектуальный и общественно-инициативный уровень своих ячеек путем приема массы служащих, «прорывался самотек» нерабочих элементов и заветные пропорции нарушались². Например, в информационных письмах воронежского губкома парторганизациям и парткомам по вопросам внутрипартийной жизни в 1926-м году отмечался большой «напор» в партию со стороны служилого элемента. Служащих охотнее принимают в партию, чем рабочих от станка или крестьян от сохи, поскольку у них уровень грамотности выше, а также имеются полезные связи³.

В 1928 году сам Цека забил тревогу по поводу некоторых результатов курса на «орабочение» партии, поскольку ощутимо проявилась тенденция к снижению в составе партии процента квалифицирован-

¹ Там же. Оп. 113. Д. 316. Л. 7, 140.

² Там же. Оп. 7. Д. 144. Л. 14.

³ Там же. Оп. 67. Д. 40. Л. 13.

ных рабочих. Особенно это показали знаменитые массовые кампании «ленинского» 1924 и «октябрьского» 1927 года призывов в партию. Отмечалось, что среди кандидатов, вступивших в партию в порядке массовых призывов, удельный вес квалифицированных рабочих был примерно на 14% ниже, чем среди остальных членов партии¹.

Кроме этого, у сталинского руководства, готовившего сплошную коллективизацию деревни и еще хорошо помнившего о событиях 1921 года в Кронштадте и Петрограде, не мог не вызывать беспокойства рост численности кандидатов-рабочих, имевших связь с деревней. Так, по данным Статистического отдела, среди неквалифицированных рабочих имели связь с землей (т.е. свои наделы в деревне) 15,3%, среди полуквалифицированных — 15,9%, среди квалифицированных кадров процент был ниже — 9,5%². В дальнейшем в Цека было окончательно признано нецелесообразным вовлечение рабочих в партию в порядке массовых кампаний. «Пополнение рядов партии... должно идти в порядке повседневной текущей работы партийных организаций над улучшением своего состава»³.

Если в свое время действительный род занятий коммунистической массы мог внушать подозрения с точки зрения «диктатуры пролетариата» и спасительная двойная бухгалтерия с ее графой о социальном положении служила целям затушевывания растущих социальных противоречий, то теперь она является неплохим иллюстративным материалом для анализа реальных процессов дифференциации советского общества. По данным на 1 июля 1928 года рабочих по социальному положению насчитывалось более 800 тысяч из 1 418 060 членов и кандидатов в члены ВКП(б). То есть в партийных отчетах на полных правах могли фигурировать внушающие законный оптимизм 59,95% рабочих от общей численности партии; крестьян — 21,8%; служащих и прочих — 18,3%. Однако сопоставление общего количества коммунистов-рабочих с числом действительных рабочих, занятых на производстве в промышленности и сельском хозяйстве, — 534 978 чел., несколько омрачало этот оптимизм. Оно говорило, что 33,2% рабочих по социальному положению в настоящее время находятся вне производства материальных ценностей, т.е. на руководящей советской, хозяйственной или другой общественной работе, в вузах, Красной армии и т.п.⁴ То есть так или иначе, но в глазах значительной (если не всей) массы членов компартии

¹ Там же. Оп. 7. Д. 164. Л. 13.

² Там же.

³ Там же. Д. 144. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 22.

партийный билет являлся путевкой на переход из социальных низов в заветную категорию служащих, точнее, ответственных служащих партийно-государственного аппарата и хозяйственного управления.

В канун эпохальных событий, спланирова ряды и настраивая партийный механизм к задачам «великого перелома», Цекпартия указал своему аппарату досконально изучить причины, тормозящие вступление в партию столь желанных рабочих «от станка»¹. В 1928 году Орграспред отмечал, что рабочие крайне редко мотивируют свое нежелание вступать в ВКП(б) принципиальным несогласием с партийной линией. Высказывается отрицательное отношение лишь к отдельным явлениям и конкретным мероприятиям правительства. В рабочей среде преобладает недовольство рождением «красной буржуазии». Недовольные спрашивают: зачем в таком случае революцию делали? Вызывает протест кампания «рационализации» труда, которую называют восстановлением крепостного права. Помимо прочего было распространено традиционное для русского рабочего недовольство политикой государственного нажима на крестьян.

В массах утвердился нормативный подход к своим выдвиженцам, принимающим коммунистический постриг. Подавляющее большинство рабочих согласно со всеми общими мероприятиями партии и считают их правильными, но в то же время чутко реагируют на всякий, даже мелкий недостаток в работе как ячеек, так и отдельных коммунистов. Характерные представления рабочих о должном: партийцы — это все равно как монахи в монастыре, отрешившиеся от всего личного. В связи с этим многие не хотят принимать на себя бремя ответственности и образцовости в труде и быту. Рабочие оценивают партийцев совсем иначе, нежели беспартийного, как уже не вполне своего, а обладателя частицы ризы властных полномочий. Партийный и отдыхать должен иначе, рассуждали рабочие, теперь и в пивную не смей.

С одной стороны — к партии повышенные требования, с другой стороны — недовольство реальным положением вещей. Говорят так: «Линия у вас хорошая, да партийцы есть скверные». Партийцы ведут себя недостойно — не хочу идти в такую партию. «В моем цеху примерных партийцев нет за исключением единиц, а остальные совершенно не понимают звания коммуниста, недостойны его. Проявляют шкурничество, занимаются словоблудием и т.п.» «Повышенная требовательность к коммунистам и несоответствие их поведения с этими требованиями служит серьезным препятствием к вступлению

¹ Там же. Д. 164. Л. 42.

рабочих в партию». Притом непартийные активисты приглядывают за советской копеейкой: «Деньги-то государственные и мы государственные. Зачем же зря тратить?»¹

Серьезной проблемой в партийном строительстве стало отчуждение коммунистов от беспартийных. Руководство Партии-ордена с кризиса 1921 года постоянно следило за тем, чтобы ее ряды не отгораживались крепостными стенами от базовых слоев общества, граница между Орденом и обществом должна была быть всегда проницаемой и проходимой в обе стороны. Рабочие жаловались, что в ячейке сидят партийцы и смотрят и смотрят каким-то зверем. Открытые партийные собрания редки и закрыты для посторонних, как раньше «дворянские». Партийцы обособились и не прислушиваются к массе, не считаются с беспартийными. Один рабочий поделился досадными наблюдениями: рядом работают два партийца, иногда говорят о чем-то между собой, а когда подходишь к ним — сразу замолкают. Много неискренности разлилось между массой и представителями власти, партийцами. С партактивом рабочий начал разговаривать так же, как раньше мужик приучился говорить со всякой властью — с кукишем в кармане. Более половины опрошенных рабочих (68%) отговаривались от вступления в партию неграмотностью, возрастом, болезнями, семьей. В приемной комиссии Сокольнического района изумлялись: как-то принимали в партию одного железнодорожника, лет 55-ти, и когда расспрашивали его о 1905 годе — то выяснилось, что он ничего не знает о восстании, спрашивали о революции 1917 года — тоже ничего². То ли это была неискренность рабочего и нежелание обсуждать тему, то ли парадоксы менталитета эпохи, когда события гигантского масштаба проходят невидимыми для обывательского глаза, настроенного на мелочи жизни.

С октября 1917-го в строительстве новой государственной структуры было три заметных волны заполнения вакансий выходцами из социальных низов и маргинальных слоев общества. В первую очередь это период непосредственно после октябрьского переворота, когда десятки тысяч человек были двинуты на государственные и партийные посты через Советы, профсоюзы и заводские комитеты. Далее был период гражданской войны, образование все новых и новых бюрократических структур, объединение все более обширных территорий, завоеванных Красной армией. Естественно, это потребовало нового массового призыва. Рабочие от станка и прочие стали активно выдвигаться на ответственную работу через те же Советы, профсоюзы, РКИ вне всяких штатов и твердо установленных норм.

¹ Там же. Л. 45.

² Там же. Л. 49, 51, 72.

С этим периодом связана большая текучесть кадров, тысячные переброски из тыла на фронт, с фронта на транспорт и т.д. В этой текучке и неразберихе в госаппарат втерлось особенно много проходимцев, вившихся около комиссарских должностей. Третий заметный массовый прием рабочих и бывших красноармейцев (а зачастую и белогвардейцев) в госаппарат наступил в 1921 году, после завершения гражданской войны, когда пошло резкое сокращение достигшей в ходе войны пятимиллионного состава Красной армии. Этот прилив уже сверх меры обеспечил новую госструктуру кадрами. Появилась потребность в сокращении госаппарата.

Жизнь дает массу поводов относиться к этому явлению по-разному. С одной стороны, если отвлечься от мифологии бесклассового общества и самоуправляющегося государства-коммуны, стремление наиболее социально активных рабочих и крестьян обрести в партбилете опору для перехода в высшие, управленческие слои общества при всех общеизвестных предрассудках не может оцениваться исключительно негативно. Напротив, в значительной степени российское общество начала века именно потому вынашивало революцию, поскольку нуждалось в радикальной замене старой, деградировавшей в социально-генетическом плане, общественной элиты. Но с другой стороны, выдвигенчество рабочих и крестьян обескровливало эти классы, поскольку партия отбирала в свою структуру наиболее энергичных и подготовленных представителей низов. В результате этого сопротивляемость общества напору государственно-бюрократической машины несомненно снижалась, что способствовало утверждению ее всевластия и распространению негативных свойств, имманентных системе государственного абсолютизма.

«Не государственное и незаконное предприятие»

Сталин долгое время придерживался заимствованной им у Ленина характерной тактики в достижении цели — он воздерживался принимать откровенные единоличные решения и всегда стремился добиваться нужного мнения большинства. Политика допускает, но не любит резких поворотов и избегает таковых, если к тому имеется возможность. Моментальное устранение владельцев легендарных и просто громких имен с политической сцены явилось бы чрезмерным потрясением для малоинформированной публики и осторожного аппарата. Сталину была гораздо выгоднее постепенная кампания по

дискредитации левой оппозиции в глазах партийных и обывательских масс. Поэтому, как ни странно, но Политбюро долее всего оставалось самым «демократическим» учреждением в партии, поскольку пленумы ЦК, конференции, благодаря тщательной работе аппарата, давно отличались требуемым единодушием.

В постановлении объединенного пленума ЦК-ЦКК, созванного в июле-августе 1927 года, которое в очень резких выражениях подробно описывало все этапы деятельности оппозиционного блока по подрыву авторитета партии и ее единства, звучал неожиданно мягкий приговор лидерам оппозиции и их сторонникам. Пленум снял с обсуждения вопрос об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК партии и объявил им строгий выговор с предупреждением. Партия и ее аппарат, а тем более советско-хозяйственная номенклатура, всегда чувствовавшая себя более независимо в отношении Сталина и его команды, еще не были готовы воспринять крутую расправу с лидерами оппозиции и их прошлым, с которым многие были тесно связаны. В беседе с эмигранткой Кусковой некий приезжий из СССР (естественно, «спец») говорил, что злейшим злом в советских управленческих кругах почитаются те, кого называют «коммунятами». Это тучи саранчи, которые вечно требуют себе «жратвы». На этих «коммунат» ставит свою карту оппозиция, этим «коммунякам» уступает и сталинская власть¹. «Социалистический вестник» в августе 1927-го года писал, что сталинский аппарат менее всего жаждет великих потрясений, он готов признать диктатуру, но с тем, чтобы она обеспечивала ему спокойное и устойчивое существование и тяготится властью, которая вечно грозит какими-либо осложнениями. Аппарат спокойно относится к оппозиции, он чувствует, что оппозиция расшатывает твердость партийной диктатуры. Он поддерживает оппозицию, поскольку сам не желает рисковать выступлениями против партруководства.

Сталин вырывал жало у троцкистской оппозиции, «беспощадно расправляясь с ее сторонниками из числа руководителей и в то же время усваивая ее программу и тактику, чтобы тем самым привлечь на свою сторону троцкистски настроенные партийные массы, особенно из кругов комсомольской молодежи. Старшему поколению, умевшему реалистически подходить к решению политических задач, и даже партийному аппарату бюрократов-карьеристов, руководимых Молотовым, Сталин не доверял. Он прекрасно понимал, что опереться на эти круги в своей борьбе с Троцким он может лишь временно и что такая опора явится для него ступенькой к потере своего положения как единоличного диктатора, распорядителя судеб ком-

¹ Дни. 1927. 30 окт.

мунистической партии и Советской России»¹. Ограниченность поддержки аппаратом власти генсека заставляла Сталина быть осторожным в обращениях к этой поддержке, поскольку таковая неизбежно накладывала бы ограничения на его личные амбиции. Этим объясняются и эпизоды нерешительности в борьбе с оппозициями и систематические ротации кадров в 1930-е годы. Абсолютная власть не была застрахована от противоречий даже со своей самой надежной социальной базой.

Ведомственная номенклатура и сам партаппарат были еще ненадежны, и только этим можно объяснить неожиданный диссонанс между заранее подготовленной суровой обвинительной частью постановления и его неожиданно мягким приговором. Проявившаяся незаинтересованность номенклатуры в жесткой диктатуре и желание поддержать неопределенность в высшем политическом руководстве поставили окружение генсека в трудное положение, патовую ситуацию, выход из которой в рамках партийной «законности» был невозможен. Даже такая сверхцентрализованная партия, как большевистская, не обеспечивала необходимую степень администрирования, сохранялись элементы демократии. Разрубить этот gordiev узел могла помочь только некая внешняя сила. И эта сила была уже вполне приготовлена к своей исторической миссии внутренней эволюцией партийно-государственного механизма в течение десяти лет.

Несмотря на то, что Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем изначально была образована как учреждение государственное — при Совете Народных Комиссаров, ее репрессивный аппарат в ходе революции и гражданской войны воспитывался и функционировал как особое подразделение партии. Подразделение, построенное на иных организационных основаниях, без признаков какой-либо демократии, но работавшее под непосредственным руководством высших партийных инстанций, приблизительно так же, как в свое время Боевая организация партии социалистов-революционеров. Эти принципы отстаивал и открыто проповедовал легендарный руководитель чекистов Дзержинский.

Партийный аппарат и чекистское ведомство за десять лет Советской власти успели приобрести очень сложный и насыщенный противоречиями опыт взаимоотношений. Не прошло и года после образования ВЧК, как возникла острая необходимость поставить под партийный контроль ее местные органы после того, как они в 1918 году, в период государственной разрухи, подменили собой советские

¹ См.: Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 332.

исполкомы, а заодно и руководящие партийные комитеты в провинции. Тогда чека осталась единственным реальным органом власти, который стоял вне всяких выборов и мог воплощать вертикаль государственной власти, будучи в наименьшей степени подверженным влиянию местного сепаратизма и местных интересов. Отзвуки былой власти чекистов и попытки их соперничества с исполкомами и партиями сохранялись в Совдепии еще довольно долго. На протяжении всей гражданской войны Оргбюро ЦК регулярно обращалось к вопросам о конфликтах чекистов с губкомами партии на почве злоупотребления властью первыми (по мнению вторых) или же идеологического разложения вторых (по информации первых).

В первый год после революции, по замечанию одного современника, Россия напоминала собой «опрокинутое решето раков, куда-то лезущих и ущемляющих друг друга»¹. Очевидец, служивший в Тверской губернии по ведомству Наркомюста, вспоминал, что в Торжке в 1918 году у исполкома произошли трения с местной чекой. На угрозу исполкома принять репрессивные меры чекисты ответили, что они и сами не прочь проверить состав исполкома, а в случае надобности и арестовать тех, кого потребуется. В течение нескольких дней положение было угрожающим. В городе не знали кто кого, в конце концов, арестует, исполком — чека или чека — исполком. И тот и другая имели в своем распоряжении военную силу. Конфликт все-таки был улажен. В соседнем, Старицком уезде подобное же столкновение зашло так далеко, что исполком и чека поочередно арестовывали один другого, и потребовалось создание особого «революционного комитета», составленного большею частью из приехавших губернских чинов для того, чтобы разобрать их взаимные недоразумения².

Происходили эти столкновения потому, что никакие обязательные взаимоотношения между чекой и исполкомом нигде не были предусмотрены. Случалось, что губернские чекисты вызывающе заявляли представителям исполкомов, что они имеют «неограниченные полномочия от центра и никому на месте в своих действиях отчета давать не будут»³. Только в самом конце 18-го года ВЦИК разрешил этот вопрос в том смысле, что высшими представителями местной власти были признаны исполкомы, а чека — учреждениями, входящими в их состав. Разъяснение это не имело никакой реальной ценности, так как в нем же было указано на обязанность чрезвычайных комиссий лишь доводить до сведения исполкома о состоявшихся

¹ Архив русской революции. Т. 8. М., 1991. С. 87.

² Там же. Т. 8. С. 80–81.

³ Государственная безопасность России... С. 370.

постановлениях. Это давало возможность чека вынести какое угодно постановление, привести его в исполнение, а затем уведомить исполком о совершившемся факте.

В 1918 году не имелось никаких постановлений Советской власти, которые обязывали бы чека подчиняться постановлениям исполкома. Примерно в середине ноября появился секретный циркуляр наркомюста Курского, предписывавший председателям Советов наблюдать за общим положением юстиции на местах и в том числе за чрезвычайной комиссией. К осени 18-го года, к началу красного террора вся Россия была покрыта сетью чрезвычайек. Не было не только города, но вообще сколько-нибудь значительного пункта людской концентрации, где не существовало бы местной чека. Уездные чрезвычайные комиссии были упразднены весной 1919 года, когда большевизм прочнее стал на ноги, ликвидировал сепаратизм власти на местах и стал проводить сугубый партийный централизм.

Маятник судьбы для чекистов качнулся в противоположную сторону. С окончанием войны участились случаи преследования сотрудников чека за произвол, злоупотребления карательной властью, а также полное игнорирование более чем условной революционной законности. Полномочными представителями из Москвы на местах вскрывались темные чекистские дела о пытках, истязаниях заключенных, незаконных расстрелах и повешениях¹.

Примерная картина сложилась на недавно отвоеванном у белых юге, где еще теплилась гражданская война. Неупорядоченная жизнь края, не познавшего порядков военного коммунизма, сырая административная система, неопытные кадры. Жизнь, насыщенная борьбой с зелеными и реквизициями имущества буржуазии, скучившейся у Черного моря. В этих условиях 3-я партконференция Кубано-Черноморской области поручила обкому пересмотреть состав работников чрезвычайных органов, «руководствуясь необходимостью освежения личного состава и поднятия степени идейной сознательности оторванных от партии товарищей». В наказе специальной комиссии отмечалось, что «специфический характер работы чрезвычайных органов, требующих постоянного напряжения нервной системы, всех умственных способностей человека, быстро изнашивает и истощает организм работников и развивает у них болезни психического и нервного характера». Все заявления чекистов с просьбами о переводе полны жалобами на манию самоубийства, навязчивые идеи, страсть видеть во всем контрреволюцию, психастению и пр. Интересы партии требуют их перевода с

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 297. Л. 8.

работы в органах ЧК на другую, главным образом физическую работу¹.

Полномочия чека, как органа ведающего особым рода делами, всегда манили корыстные и авантюрные элементы, стремившиеся к самоснабжению, удовлетворению личных интересов, а также привлекали определенно злостные, контрреволюционные элементы буржуазии и бандитов, которые проникали в секретные органы с политическими целями. Эти подлежали выявлению и изъятию из органов. Задачи чека требовали прилива новых, свежих работников, проявивших себя на других постах и у станка, доказавших преданность революции.

В обстановке социально-политического кризиса 1921 года проблема надежных кадров для госаппарата стала одной из острейших. В этих условиях на смену неврастеникам и шкурникам в органы нередко попадали уже чрезмерно «свежие» работники. Так, в июле 1921-го года Всеукраинская ЧК в своем приказе отмечала, что «в последнее время, во многих местах» наблюдается весьма нежелательное заполнение карательных органов молодыми работниками из Коммунистического союза молодежи. Молодые люди с неустоявшимся, неоформившимся мирозерцанием, не окрепшие ни идейно, ни психологически, попадали в обстановку, которая требовала особой выдержки, в условиях которой запросто разлагались люди зрелого возраста. «Члены КСМУ сбиваются с пути». ЦК КП(б)У распорядился немедленно снять всех комсомольцев, не достигших 18 лет, с работы в органах чека².

Руководители ВЧК были готовы к неизбежному сужению компетенции и могущества их ведомства после окончания гражданской войны. Дзержинский в январе 1921 года по своей инициативе вышел на Оргбюро с компромиссным предложением о том, чтобы при возбуждении в судебных учреждениях дел против коммунистов одновременно ставить об этом в известность местную организацию партии, которой предоставлялось бы право всестороннего ознакомления с делом и вынесения собственного суждения³.

Оргбюро пыталось централизованно решить проблему в духе компромисса. Секретный циркуляр за подписями Молотова и Дзержинского от 4 апреля 1921 года указывал, что «губкомы и губчека должны составлять одно целое в деле своевременного предупреждения и пресечения контрреволюционных выступлений» и призывал парткомы создать вокруг органов ЧК атмосферу коммунистическо-

¹ Там же. Оп. 13. Д. 515. Л. 174.

² Там же. Оп. 84. Д. 204. Л. 56.

³ Там же. Оп. 112. Д. 111. Л. 9.

го доверия, оказывать им материальную и моральную поддержку. Со своей стороны руководители губчека обязывались держать губкомы в полном курсе своей работы, информировать о заданиях, поступающих из ВЧК, и «строго» согласовывать свою работу с директивами ЦК РКП(б), получаемыми губкомами¹.

По большей части чекисты проигрывали свою схватку с парткомами, авторитет парткомов никому не было позволено расшатывать. На уровне губерний партийцы безусловно выиграли этот тайм у чекистов. В 1921 году острие проблемы вражды партийных комитетов и чекистских органов проникло до уровня уездов. Отовсюду в Цека поступали протокольные свидетельства об отсутствии контактов между укомами РКП(б) и уездполитбюро ЧК. В Симбирской губернии обнаружилось, что некоторые уездполитбюро совершенно изолировали свою деятельность от укомов, заявляя, что они подчинены в контроле своих действий только губчека. «Подчеркиваем, — говорили в совместном циркулярном письме руководители симбирской парторганизации и губчека, — что такого рода конспирация недопустима»². Уездные чекисты обязывались не проводить без ведома партии все свои «более или менее» крупные распоряжения, а также регулярно отчитываться перед парткомами. В Воронеже по докладу губчека губком указал, что «указания укомпартов по общим вопросам обязательны для уполитбюро», но в детали работы чекистов парткомы вмешиваться не должны³.

Поскольку по определению философии в любом конкретном вопросе присутствует и общее и особенное, то нетрудно сообразить, что проблема делимитации границы общего и особенного в бессонной деятельности чекистов в каждом отдельном случае таила в себе неисчерпаемый источник конфликтов. Противоречия партийных и чекистских органов в начале нэпа перешли из острой в хроническую стадию. Парткомы упрямо наступали, чекисты затравленно огрызались, уже будучи не в состоянии применять свое самое эффективное оружие — угрозу ареста и арест советских и партийных чиновников за неискоренимые в их благородном деле злоупотребления. В то же время партийные комитеты неуклонно и бескомпромиссно продолжали использовать свои права и кадровую власть в отношении всех членов партии. 1921 год свидетельствует, что Всероссийская чрезвычайная коллегия неоднократно пыталась воздействовать на партийных князей по партийной линии, но как свидетельствует следующий 1922-й год — не всегда успешно.

¹ Там же. Оп. 65. Д. 538. Ч. 1. Л. 219; Оп. 66, Д. 99. Л. 169.

² Там же. Оп. 13. Д. 922. Л. 11.

³ Там же. Д. 186. Л. 35.

В августе 1921 года Уншлихт вошел в кабинет к Молотову с проектом директивы ЦК РКП(б), вменяющим партийным органам производить все перемещения ответственных и рядовых чекистов только с согласия соответствующих органов чека. Понятно, что подобный порядок вещей гарантировал бы полную сохранность чекистских кадров от посягательств парткомов. Это совершенно не устраивало не только местные парткомы, но и Цека партии тоже, который в условиях государственных нестроений и партийного развала сам остро нуждался в надежных проверенных людях. Поэтому для Оргбюро ЦК оказался более приемлемым проект, подготовленный его аппаратом, в котором за губкомами, обкомами и областными бюро РКП(б) сохранялось право производить отзывы и перемещения всех сотрудников местных чека, за исключением перемещений председателей и членов губколлегий чека, которые допускались только с согласия ВЧК¹.

Давая такие указания, которые закрепощали чекистов в неприязненном для них положении послушных членов партии, Цека мог только подсластить их горечь, обращением к сознательности парткомов и напоминанием об ответственности за «внимательное и бережное» отношение к аппарату ЧК. Но на практике никакого бережного и внимательного отношения не получалось. Оно даже стало менее внимательным после постановления IX Всероссийского съезда Советов в декабре 1921 года о сокращении компетенции органов ЧК и сохранении за ними только функций политической охраны.

В губерниях создалось «ликвидаторское настроение» по отношению к органам ЧК, как выразился председатель гомельской чрезвычайки Даниловский². Чекистам было обидно и непривычно, что мысль о существовании чрезвычайных комиссий уже не так, как прежде, волновала и взбадривала умы обывателей. Руководитель гомельских чекистов характерно жаловался своему начальству на Лубянке о том, что губком партии намерен совершенно подмять под себя органы. Дескать, бюро губкома заявляет, что экономический отдел губчека теперь должен быть налоговым подразделением губфинотдела. «У меня создалось твердое убеждение, — продолжал Даниловский, — что бюро губкома исходит не из положения вещей в ЧК, а только использует свое партийное право. Вырывают тех, на кого распространяется их партийная власть, а она распространяется на всех, кроме членов коллегии. Но и тут губком находит выход. Губкому потребо-

¹ Там же. Оп. 112. Д. 196. Л. 2 об., 105.

² Доклад председателя гомельской губчека Даниловского в ВЧК, копия ЦК РКП(б), полномочному представителю ВЧК по Западному краю Апетеру от 11 февраля 1922 года. (Там же. Ф. 17. Оп. 11. Д. 549. Л. 112.)

вался член коллегии губчека тов. Пален на должность смотрителя за домами губкома и губисполкома. Палену предложили оставить ЧК, иначе он будет лишен партийного билета. Билет отняли, а мне заявили, что беспартийные не могут быть членами коллегии. Конечно, я был вынужден Палена отстранить, после чего Пален тотчас получил билет обратно. Обход циркуляра ЦК проделан артистически». Губком вторгается в чисто административные, внутренние дела губчека, вмешивается в назначения работников в уезды. «Губком до того обнаглел, что если им намечается работник для своих нужд, то лучше во избежание скандала откомандировать его, ибо все равно потом это проведут постановлением». А в самой партийной организации, в уездах «застой и гниение», меланхолически и как-то невпопад заключил свой доклад глава гомельских чекистов.

В течение 1922 году задачи спецорганов существенно усложнились. Карающий меч революции был вновь извлечен из тесных ножен. Кратковременный период пренебрежения интересами и даже шельмования органов сменился воодушевленным подъемом борьбы с контрреволюцией. Руководство партии задумало и развернуло широкомасштабные кампании против церкви, оппозиционных партий и инакомыслящей интеллигенции. Соответственно Цека партии пришлось внимательнее прислушиваться к запросам их непосредственных исполнителей.

16 мая 1922 года зампред ГПУ Уншлихт пожаловался секретарю ЦК Куйбышеву: «За последнее время в связи с реорганизацией ВЧК в Госполитуправление среди местных парторганов замечается тенденция к снятию ответственных работников органов ГПУ с занимаемых ими постов и переброска на другую работу. Это происходит в большинстве случаев без ведома и согласия ГПУ, всякое же сопротивление местных органов ГПУ вызывает меры репрессивного характера и не достигает цели. Так как произведенное сокращение штатов, чекистская и партийная чистка сократили до минимума число сотрудников наших органов, то всякие такие несогласованные переброски крайне вредно отражаются на работе и нарушают Положение о ГПУ, по которому сотрудники приравниваются к лицам, находящимся на действительной военной службе и отвечают как таковые».

Уншлихт просил продублировать уже имеющийся циркуляр ЦК РКП(б) о том, что сотрудники органов ГПУ не могут быть отозваны или переведены без согласия ГПУ. Тогда ему было отказано и предложено в случае нарушения парторганами положений циркуляра в каждом конкретном случае обращаться в ЦК за содействием¹. Но поскольку дискриминационный стиль отношения партийных коми-

¹ Там же. Оп. 112. Д. 331. Л. 2, 23.

тетов к спецорганам превратился в норму партийно-чекистской жизни, ЦК РКП(б) 23 октября 1922 года все-таки издал долгожданный чекистами внятный циркуляр, в котором разрешил ГПУ самостоятельно (по ведомственной линии) без предварительного запроса производить переброски своих сотрудников. Перемещения полномочных представителей ГПУ, начальников губотделов и их заместителей — по согласованию с парткомитетами и с ведома ЦК. Отзывать работников из гешеу разрешалось только в крайних случаях и только по согласованию с Госполитуправлением¹.

Тем самым полномочия органов в отношении своих кадров были восстановлены и укреплены. Но не просто восстановлены, а вскоре даже расширены в отношении многих коммунистов, которым когда-либо доводилось носить чекистскую кожаную куртку. С ноября 1923 года распоряжением Молотова уже партийные комитеты были обязаны ставить в известность местные органы ГПУ в случае переброски членов партии, в прошлом служивших в чека не менее года на ответственных должностях².

Ответ чекистов своим гонителям из парткомов выражался в давлении на нервы путем установления слежки, сборе компромата и прочих вещах, которые даже на расстоянии не лучшим образом сказывались на расшатанном здоровье ответственных работников. До известного времени, при невнятности общей политики ЦК партии по вопросу о степени компетенции органов в отношении представителей номенклатуры, он решался на местах в рабочем порядке. Так, например, ейский окружной партком на Кубани 4 апреля 1921 года вынес решение о том, что действия органов в отношении членов и кандидатов в члены РКП(б), тем более аресты, должны быть обязательно согласованы с партийным комитетом. Предлагалось «особо внимательно относиться к аресту ответственных партийных товарищей во избежание нежелательных передергиваний по злобе вредных антисоветских элементов, стремящихся подорвать авторитет того или другого товарища и в целом РКП(б)»³.

Юго-Восточное бюро ЦК в сентябре 1921 года повело упорную борьбу с аппаратом ВЧК в крае за то, чтобы аресты и вообще все операции органов в отношении ответработников производились без лишней огласки и по возможности по предварительному выяснению вопроса с руководством. После безрезультатных попыток полюбовно договориться с чека, Юговостбюро вынесло волевое решение о том, что все партийные работники краевых учреждений (в

¹ Там же. Оп. 11. Д. 100. Л. 212; Д. 378. Л. 75.

² Там же. Д. 148. Л. 96.

³ Там же. Оп. 13. Д. 519. Л. 48.

том числе и чекисты) в своих служебных действиях подотчетны и подчинены Бюро Цека¹.

Москва также была вынуждена постепенно идти на уступки требованиям «нового класса». В декабре 1921 года вышел приказ за подписью Уншлихта, Менжинского и Реденса, который строго запретил органам ГПУ всякую слежку за ответственными губернскими, областными и центральными партработниками. «Виновные в нарушении этого приказа будут строго караться», — гласил запрет². Через год последовали попытки распространить подобное положение и на всю номенклатуру. В Центре, где еще была сильна власть идеи, пока был жив вождь, такие вопросы решались трудно и медленно. Ленин долго сопротивлялся установлению особых перегородок между номенклатурой и советским законодательством. В ноябре 1922 года на Политбюро он выступил категорически против внесенного группой хозяйственников проекта правил, запрещающих привлекать к юридической ответственности высокопоставленных работников — коммунистов (по особому списку) без согласия соответствующих партийных инстанций³.

Компромиссное решение проблемы двойного подчинения и ответственности номенклатуры было найдено позже в учреждении особого порядка передачи номенклатурных работников в руки органов после рассмотрения их дел в Контрольной комиссии соответствующего уровня. В число членов ЦКК были введены члены коллегии ГПУ. Другой, неофициальный канал сообщения партаппарата и ГПУ проходил через Управление делами ЦК, которым в 1920-х годах руководил старый чекист и бывший член коллегии ВЧК И.К.Ксенофонтов⁴.

В апреле 1926 года последовал совсекретный циркуляр Цека, который заострял внимание на вновь участившиеся в последнее время случаи изъятия работников из ГПУ. В видах предстоявшей борьбы с левой оппозицией Цека партии счел нетерпимым положение, когда местные партийные комитеты стали задерживать вызовы и перемещения сотрудников Госполитуправления, перед которым на самом верху была поставлена задача перестроить свою работу и оздоровить кадровый состав. ЦК ВКП(б) признал необходимым разрешить ОГПУ самостоятельно, по ведомственной линии производить переброски своих сотрудников (от начальников отделов до переводчиков) без предварительного запроса, но с последующим информиро-

¹ Там же. Д. 1285. Л. 1.

² Там же. Оп. 84. Д. 227. Л. 67.

³ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 55. Л. 146, 151.

⁴ Бажанов Б. Указ. соч. С. 30.

ванием партийных инстанций¹. По другому, более детальному циркуляру, предварительному согласованию с ЦК подлежали распоряжения только по руководящим кадрам ОГПУ от уровня начальников губернских и окружных управлений и выше².

Органы чека, с их строгим централизмом, замыкающимся на Москве, в течение революционного десятилетия не один раз служили последней опорой центральной власти на местах, когда иногда рассыпалась даже партийная вертикаль, а выборные Советы превращались в бастионы сепаратизма. Особенно в национальных регионах. Лично Сталин, еще в 1921 году, когда трудился над укреплением вновь присоединенных к Москве закавказских республик, твердо и последовательно проводил линию на подчинение органов ЧК контролю ЦК РКП(б). Тогда строго централизованное устройство аппарата чека вызвало возражения у руководства закавказских республик, а в Грузии — «острую оппозицию». Кавказцы категорически высказывались против прямого подчинения Москве местных органов чека, рассматривая институт полномочных представителей ВЧК в своих республиках «как колонизаторство» и настаивали на том, что чрезвычайные комиссии в каждой республике должны работать по директивам ЦК республики. Тогда фактически руководивший ведомством Уншлихт пошел на принцип и заявил ЦК РКП(б), что в таких условиях ВЧК не может взять на себя ответственность за работу органов и в случае ликвидации полномочного представительства просил разрешения на организацию осведомительного аппарата в Грузии, как в каждом ином заграничном государстве³.

Хитрый Сталин не возражал против ликвидации института полномочных представителей ВЧК в Грузии, Армении и Азербайджане, однако вовсе не с тем, чтобы оставить аппарат ЧК во власти местных руководителей. Наоборот, он настаивал на учреждении двух полномочных представительств ВЧК на Кавказе по «линии партийного подразделения» — при Кавбюро ЦК, созданном для руководства национальными регионами Кавказа, и при Юго-Восточном бюро ЦК, руководившим остальными «неинородческими» областями Севкавказа⁴. Этот план выводил органы из-под подчинения местным республиканским ЦК и одновременно не давал самостоятельности чекистам, а ставил их под контроль бюро ЦК, назначаемых Москвой⁵. Надо признать, Сталиным был выбран наилучший вари-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 30. Л. 201.

² Там же. Л. 225.

³ Там же. Оп. 112. Д. 200. Л. 105.

⁴ Заседание Оргбюро от 3 мая 1921 года (Там же. Д. 166. Л. 5).

⁵ Там же. Д. 200. Л. 6, 106.

ант решения вопроса в интересах укрепления вертикали партийной власти.

В конце 1920-х годов крайкомы ВКП(б) уже непосредственно не давали поручений органам ОГПУ, а вынуждены были ограничиваться замечаниями через прокуратуру. Это свидетельствовало о том, что ГПУ выводилось из-под влияния даже средних звеньев партийного руководства и получало указания непосредственно из Цека. Органы были напрямую подчинены Москве в целях укрепления единовластия в партии и государстве. Госполитуправление стало инструментом узкой группы сталинцев, и это положило начало его возвышению над партией. ОГПУ, потом НКВД – полностью назначенский, тайный аппарат, идеальный для скрытой борьбы за власть. (После того, как задача будет решена, и после падения Берия этот аппарат вновь превратится в подобие отраслевого министерства.) Хрущев впоследствии сетовал, вспоминая свое столичное горкомовское прошлое: «Чекистские органы не подчинены нашей партийной организации. Следовательно, кто за кем следит? Фактически не партийная организация следила за чекистскими органами, а чекистские органы следили за партийной организацией, за всеми партийными руководителями»¹.

В 1927 году оппозиционная платформа Сапронова – Смирнова впервые открыто поставила вопрос о «внепартийных» силах, которым суждено поставить точку в затянувшейся внутрипартийной драке. Подразумевались силы Красной армии и ОГПУ. Троцкий еще в 1919 году на I конгрессе Коминтерна громогласно объявил иностранным друзьям, что Красная армия – это армия Коминтерна. В действительности ничто так не раздражало рядового красноармейца, как провозглашаемые в партакетах лозунги мировой революции. Крестьянская Красная армия была против Коминтерна и являлась надежной социальной поддержкой партаккету для чистки армии от левых остатков. По данным Политуправления, социальный состав Красной армии в 1926 году выглядел следующим образом: 82% крестьян (в пехоте до 90%), 11% рабочих и 7% прочих. В Красной армии насчитывалось всего 45 000 коммунистов или 8% от всего состава, но из этого числа только 25% – рядовые, т.е. 2% от общей численности и то по преимуществу кандидаты в члены партии. Образовательный уровень личного состава оставался низким. Бывали случаи, дошедшие до сведения РВСС и отмеченные в ПУРе, когда новобранцы из деревни шарахались от увиденного ими впервые трамвая.

¹ См.: Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 27.

Крестьянская и беспартийная армия как орудие диктатуры пролетариата — это выглядело, по меньшей мере, подозрительно, поэтому вопрос о смычке с крестьянством приобрел в отношениях с армией исключительное политическое значение. Тогда, по признанию начпура Бубнова, Красная армия представляла собой очень чуткий инструмент, который отражал малейшие колебания крестьянства. Политуправление строило свою работу в армии на трех китах — военизация, советизация и интернационализация призванных. Но вместе с тем дельцы ПУРа отмечали, что когда красноармейцы слушают политбеседу, они вроде бы понимают и со всем согласны. Но буквально сразу после политчаса в кругу товарищей начинают говорить совсем другим языком¹. Этим разным языковым диалектам, который один для начальства, другой для своих, крестьяне были обучены веками своих противоречий с помещиками и властью. Крестьяне, верные традициям, рассуждали так, что пролетарии всех стран — это замечательно, но в конечном счете немцы — это немцы, а англичане — это англичане. Интернационализация гибла в топком крестьянском сознании, где давно нашли свой конец немало просветителей разного сорта и толка, охочих до мужицкой шеи.

Секретариат ЦК после устранения Троцкого из армии фактически продолжил его политику по обособлению армейских политорганов от партийных и советских властей. В июне 1925 года Оргбюро пересмотрело свое прошлогоднее августовское положение о взаимоотношениях армейских парткомиссий и местных парткомов по делам приема в партию и личным делам коммунистов. Пересмотр состоялся в сторону предоставления большей автономии армейским партийным органам, парткомы только информируются и их мнение лишь принимается во внимание². Потом оппозиционер Залуцкий возмущался на ковре Оргбюро, что у ленинградского комитета отсутствует связь с кадровыми частями армии и флота, партячейки армии изолированы от местных партийных органов. «Вы, — бросил Залуцкий секретарям ЦК, — на 100% осуществили организационные намерения Антонова-Овсеенко и даже на 150% и обособили военных коммунистов от всей организации. Я считаю, что виновником этого является т. Бубнов»³.

Настроения командиров Красной армии сфокусировались в профессиональные интересы, в равенство полунисенского существования, невысокий социальный статус, негативное отношение к назойливому вниманию Политуправления армии, к гвардионству

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 253. Л. 7, 12, 24.

² Там же. Оп. 112. Д. 671. Л. 11.

³ Заседание Оргбюро 21 сентября 1925 года (Там же. Д. 723. Л. 118 об.)

комячеек при осточертевшей комфразеологии, наполнявшей жизнь и учебу. В соответствии с новым законом от 28 сентября 1925 года о воинской повинности в конце 1926 — начале 1927 года в Красной армии произошло установление системы единоначалия и сокращение численности командного состава (около 16 000 чел.). Это по своим масштабам более всего напоминало чистку 1924 года, которая изменила красный комсостав и вычистила в громадном количестве сторонников Троцкого из армии. Эмигранты замечали, что каждая фаза большевистской склоки неизменно сопровождается снятием с постов подозрительных вождей Красной армии и более или менее массовой чисткой среднего комсостава.

Непонятная и загадочная Красная армия в силу своей разнородности и вечной оппозиционности партаппарату не могла быть привлечена к делу, однако ОГПУ со своими специфическими функциями и методами с 1927-го года начинает активно вовлекаться во внутрипартийную борьбу. Летом Секретариат ЦК дал директиву на места выделить для работы в ОГПУ из лучших и опытных кадров, служивших когда-то в чека, более 400 человек. Запрос тайного ведомства был выполнен сполна¹. Устами Менжинского в годовщину смерти Дзержинского оно уже тихо, но внятно известило, что будет в распоряжении у ЦК². Менжинский в гражданскую стал начальником Особого отдела ВЧК, который занимался контролем над армией, поэтому абсолютно закономерно, что в период борьбы с Троцким этот отдел приобрел особый вес в глазах Сталина. Начальник ОСО Менжинский в 1923-м году сменил Уншлихта на посту фактического руководителя ОГПУ, а после кончины Дзержинского стал его председателем. Менжинский говорил: «ОГПУ обязано знать все, что происходит в Советском Союзе, начиная от Политбюро и кончая сельским советом. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей»³.

В любом обществе существует область отношений, подпадающая под незаконное регулирование, и если оттуда уходит государство, государственные органы, то она мгновенно заполняется криминалом. Внеуставные и, если смотреть шире, незаконные отношения появляются там, где получается зазор между законом и необходимостью реального управления. Если там пустое место, то это сразу запол-

¹ Там же. Оп. 113. Д. 310. Л. 4, 66.

² День воспоминаний о Дзержинском на страницах «Правды» 20 июля 1927 года.

³ Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 271.

няется незаконными методами регулирования. Существеннейшая характеристика общества заключается в том, кто занимается незаконным регулированием: либо государство (в виде организаций типа ГПУ), либо дельцы биржи и организованный криминал. В 1920-х годах, как и всегда, система госбезопасности в силу своего сугубого централизма, будучи гарантированной от проникновения посторонних элементов через выборные каналы, являлась надежным бастионом политической организации.

Госполитуправление весь период нэпа потихоньку занималось внутрипартийными делами, в пользу сталинской фракции в Цека. В декабре 1923 года ОГПУ согласно постановлению комиссии Политбюро по внутрипартийному положению занялось высылкой оппозиционеров¹. Потом еще в 1926 году масса сторонников Зиновьева отправилась на казенный счет из Ленинграда в северную русскую глушь. Затем принимались меры против рядовых членов левой оппозиции. По постановлению московского ГПУ в ссылку на Север отправилась группа партийцев «от станка» в количестве 53 человек, исключенных из партии в течение 1926 года.

В усложнившейся для Сталина ситуации 1927 года лидеры оппозиции пытались вернуть свои утраченные позиции в партии и единственное, что им оставалось после отстранения от всяческих рычагов власти, — это апелляция к широким партийным массам. Оппозиция продолжала добиваться от ЦК восстановления существовавшего при Ленине правила объявления внутрипартийной дискуссии за три месяца до открытия очередного XV съезда ВКП(б). Августовский объединенный пленум ЦК–ЦКК был отмечен соглашением с оппозиционерами, навязанным Сталину «заколебавшимся» большинством ЦК во главе с такими приверженцами компромисса, как Рыков. Суть этого компромисса, согласно заявлениям Рыкова, заключалась в предоставлении оппозиции возможности вести неофициальную кампанию на выборах на съезд партии. Это было сорвано сталинцами. В «Правде» и «Большевике» было объявлено об установлении цензуры над предсъездовской дискуссией, о запрещении явно «меньшевистской» аргументации в дискуссионных листках и печати и недопущении фракционных выступлений на предвыборных партсобраниях. Оппозиция ответила организацией нелегальной типографии.

3 сентября лидеры оппозиции направили в ЦК соответствующее заявление за подписью 13 человек, но ЦК отверг все требования и запретил им распространение своих документов. Одновременно органы ГПУ были нацелены на раскрытие и ликвидацию нелегаль-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 506. Л. 7.

ных типографий оппозиции, которая уже виделась верхушке Цека как своего рода подпольная партия со своим руководящим центром и местными комитетами во многих городах страны.

Если часть номенклатуры настроена нерешительно, если большинство на пленуме не поддерживает вполне, если даже обнаруживает мягкотелость ЦКК, то остается возможность обратиться к международному коммунистическому мнению. Сталин, не сбавляя темпов, подготовил новый ход. Исполком Коминтерна после чисток состоял из верноподданных Сталину и его подручному Бухарину кадров. Иноземцы из Коминтерна были в достаточной степени удалены от масс ВКП(б) и понимали, что у них ни в СССР, ни за границей нет опоры кроме субсидий от руководства ЦК ВКП(б). Эта интернациональная гвардия Бухарина беспрекословно выполнила приказ, подвергнув исключению Троцкого из Исполкома Коминтерна.

Один немецкий оппозиционер из госаппарата Третьего рейха позже выскажется так о своем опыте при нацизме: при диктатуре оппозиционеру остается только одно — зубами и когтями держаться за свой пост, а в случае увольнения всеми средствами пытаться вернуться на него. Даже незначительная должность «внутри» системы дает возможность оказывать влияние¹. Такая тактика несколько ранее уже была освоена представителями оппозиции в ВКП(б). Осенью 1927-го среди участников блока дискутировался вопрос, должна ли оппозиция продолжать борьбу до конца и идти даже на исключение из партии? Для таких, как Троцкий, иного ответа, кроме утвердительного, не существовало. Но менее решительные оппозиционеры уже были готовы сложить оружие и соглашались с Каменевым, который заявлял, что вне ВКП(б) идеям оппозиции грозит только одно — «вырождение и гибель» и, следовательно, «надо всеми силами, всеми мерами бороться за торжество наших идей в партии... всеми мерами избегая того, что облегчает противнику исключение оппозиции из партии»². В сентябре была устроена публикация показаний бывших оппозиционеров в московских газетах.

Готовилась решительная схватка Сталина с левыми группировками. В связи с этим внутри партии происходили разные перемены, партийный аппарат под управлением Молотова работал вовсю, перемещая противников сталинской линии на менее заметные посты и тем самым облегчая возможность формирования общественного мнения в желательном для Сталина духе. Борьба шла под флагом «за или против сохранения нэпа». Сторонники Сталина открыто говорили на партийных собраниях, что троцкисты имеют намере-

¹ Гизевиус Г.Б. Указ. соч. С. 431.

² РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 109. Л. 153.

ния «нарушить союз с середняком» и полностью аннулировать ленинскую политику нэпа. На местах внутрипартийная борьба шла под лозунгом, тайно данным из Москвы по линии аппарата: «Долой Троцкого, долой военный коммунизм! Да здравствует Сталин, да здравствует неонэп!» Над программой индустриализации страны, разработанной Троцким и рядом его сторонников, в особенности Пятаковым, открыто издевались, находя ее утопической и неосуществимой и т.д.¹

Партийный аппарат проводил неумолимую подготовку к предстоящему XV съезду ВПК(б). На заседаниях актива партийных организаций как одна из форм борьбы с оппозицией велась «проработка» стенограммы августовского пленума ЦК. В закрытом письме секретарь воронежского губкома 6 ноября сообщал, что местная оппозиция, выступающая против решений пленума, поддержки не имеет. Выступления в защиту оппозиционеров единичны и порой приобретают курьезный характер. Один коммунист в росошанской организации доказывал, что Зиновьев является другом крестьян, поскольку хотел каждому крестьянину дать лошадь². Воронежская организация в целом присоединилась к решениям пленума ЦК. Все известные резолюции подчеркивали, что выговор лидерам оппозиции Троцкому и Зиновьеву есть последняя попытка вернуть их на «ленинский путь» и в случае новых выступлений следует применить более решительные меры, вплоть до исключения из партии.

Деятельность самих оппозиционеров между августовским и октябрьским пленумами ЦК нисколько не прекратилась, а, наоборот, усилилась. Везде, где работали их сторонники, они пытались группировать вокруг себя единомышленников и вели самую активную агитацию. Были заметны сторонники Троцкого из кадров Политуправления Красной армии, требовавшие публикации платформы оппозиции и «честной» дискуссии перед XV съездом. На бюро краснопресненского райкома ВКП(б) (где должность ответсекретаря исправно выполнял известный впоследствии Рютин) в заседании от 14 октября слушали доклад секретаря ячейки Госплана Гиндина. Бюро констатировало, что оппозиционная группа в ячейке Госплана ведет разлагающую фракционную работу. Решили просить МК и ЦК усилить аппарат и ячейку выдержанными и теоретически подготовленными партийцами. Чтобы теоретически подкованные партийцы оставались «выдержанными», было решено принять немедленные меры к усилению партийного рабочего ядра Госплана³.

¹ Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 252, 257.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 40. Л. 50.

³ Там же. Д. 125. Л. 4.

Меньшевистский «Социалистический вестник», наблюдая из-за рубежа за развитием дел в ВКП(б), без всякого сожаления говорил: улюлюканье и свист — вот ответ широкой партийной массы на призывы своих старых героев. В партийной массе Зиновьев и Троцкий не пробудят симпатий и стремления к свободе слова, которую они же и убивали в течение многих лет. И на их призывы из партийных рядов в ответ несется только одно слово: «Долой!»¹

Октябрьский объединенный пленум ЦК-ЦКК заслушал доклад о непрекращающейся фракционной работе Троцкого и Зиновьева и постановил исключить их из состава ЦК. К этому времени борьба оппозиции с ЦК уже давно утратила характер борьбы за власть и превратилась в кампанию последовательного и организованного с участием ГПУ преследования оппозиционеров перед окончательной расправой.

7 ноября 1927 года, в знаменательный юбилей Октября, оппозиция организовала открытые уличные демонстрации в Москве и Ленинграде. 14 ноября решением специального объединенного пленума Троцкий и Зиновьев были исключены из партии, группа других активных участников блока выведена из состава ЦК и ЦКК. XV съезду ВКП(б), намеченному на декабрь, предстояло сказать заключительное слово в партийной карьере левой оппозиции.

По своей продолжительности XV съезд превзошел все бывшие до него съезды. Он заседал более двух недель. 18 декабря съезд заслушал сообщение о выводах своей комиссии по делу активных деятелей левых группировок, утвердил постановление ноябрьского пленума относительно Троцкого и Зиновьева, а также принял решение исключить из партии еще 75 участников троцкистско-зиновьевской оппозиции, в том числе Каменева, Пятакова, Радека, Раковского, Смилгу. Как антиреволюционная, из партийных рядов была исключена также группировка Сапронова в количестве 23 человек. Выводя партию и общество на рубеж первой пятилетки, сталинское руководство планировало разом разгрузить ВКП(б) от старого оппозиционного балласта. На следующий же день после окончания работы XV съезда из партии были исключены тысячи троцкистов. Это была первая подобная массовая чистка большевистских рядов после 1921–22 года.

История борьбы партаппарата с левой оппозицией показывает, как расширялся и совершенствовался арсенал методов партийной власти. Троцкий был побежден аппаратным способом, потому что его сила держалась на ведомственности. «Новая оппозиция» была удалена олигархическим способом, в борьбе на уровне руководя-

¹ Социалистический вестник. 1927. 10 нояб.

щих органов партии, поскольку их сила заключалась в клановости и землячестве. Троцкистско-зиновьевский блок, пошедший в массу, был устранен демократическим способом при активной помощи ОГПУ.

Троцкому оставалось утешаться, вспоминая сказанные им когда-то слова, что «партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач»¹. Правда, теория о пролетариате и его задачах к концу 1920-х годов уже успела приобрести легендарный характер. Теперь скорее пролетариат был оружием партии, нежели наоборот. А Тойнби заметил, что поражение, нанесенное Сталиным Троцкому, «исключительно знаменательно». В каждой стране — не важно, коммунистическая она или капиталистическая, — в условиях, когда экуменистическая (космополитическая) идеология приходит в столкновение с особыми национальными интересами страны, этим национальным интересам будет отдаваться предпочтение, а коммунизм или капитализм в равной степени обречен на поражение².

На первом пленуме ЦК после XV партсъезда Сталин вновь напомнил о последней воле Ленина и в очередной раз попросил освободить его от обязанностей генерального секретаря. За три года для него уже стало традицией подобным образом подтверждать во-тум доверия себе и проверять преданность членов ЦК. В этот раз Сталин мотивировал свою просьбу тем, что оппозиция разбита и не только разбита, но и исключена из партии. «Стало быть, теперь уже нет налицо тех оснований, которые можно было бы считать правильными, когда пленум отказывался уважить мою просьбу и освободить меня от обязанностей генсека»³. Пленум в очередной раз при одном воздержавшемся единодушно отверг просьбу Сталина, также было отвергнуто и его предложение вообще упразднить пост генерального секретаря. Во всей этой игре активное участие тогда принимал председательствующий Рыков, который через полтора года, на апрельском 1929 года пленуме ЦК, громившем уже правый уклон, вызовет показное возмущение аудитории своей колкостью: «Ну, я думаю, он для того и подавал в отставку, чтобы “подчиниться”» решению ЦК⁴.

Враждебно настроенные современники видели в образе действий Сталина свидетельство полной политической беспринцип-

¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 158.

² Тойнби А.Дж. Пережитое... С. 235.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 335. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 417. Л. 167.

ности, его готовность менять свои политические лозунги чуть ли не каждый день, его знание внутренней политической кухни партии, а главное, его сильной воли и смелости, в сравнении со слабодушными и боязливыми партнерами. Бедный староста Калинин и даже сравнительно смелый Рыков неминуемо должны были, оставшись один на один со Сталиным в Политбюро, потерять даже то относительно небольшое значение, которое они имели раньше во внутренней партийной жизни.

Любопытный вопрос: когда в одном случае говорят политическая беспринципность, а в другом случае — политическая гибкость? Кому сегодня вздумается обвинять Сталина в беспринципности? Напротив, его время явилось очень ярким выражением и воплощением определенных принципов. С точки зрения последовавших в 30-е годы колоссальных событий, главным содержанием годов 1920-х явился не нэп как таковой, который был всего лишь передышкой на пути решения действительной задачи, вставшей перед Россией в начале XX века. Главным результатом эпохи нэпа стало завершение создания государственного мобилизационного аппарата, начиная с Политбюро и заканчивая партийной ячейкой завода и деревни, который мог заставить общество форсированными темпами тронуться с рубежа 1913 года, наверстывая упущенное время на пути индустриализации и урбанизации страны. Мобилизационная система требовала диктата идеи. Идея исключала всякие компромиссы с окружающим миром. Наступил период изоляционизма, обусловленный диктатом идеи.

Содержание этого колоссального процесса не понимал вполне даже сам Сталин, для которого глобальная вековая задача до поры была заслонена туманом коммунистической идеологии и хлопотами по укреплению личной власти. Восстановление старой хозяйственной базы после военной разрухи и голода сопровождалось укреплением государственной мобилизационной системы — чрезвычайного политико-административного аппарата, который был определен как власть бюрократии. Затем организация источника средств для индустриализации в форме системы «военно-феодальной» эксплуатации как деревни, так и остального населения страны (коллективизация и система лагерного труда) и, наконец, сама форсированная индустриализация страны.

В сущности, после промышленного рывка эта система и олицетворявшая ее всемогущая партийно-государственная бюрократия завершили свою историческую миссию, однако вступила в силу внутренняя логика порожденного огромного государственного мобилизационного механизма и особенные социальные интересы об-

служивающей его бюрократии. Само общество, вынесшее тяжелейшие демографические потрясения и в результате ставшее слишком примитивным для того, чтобы противостоять этой государственно-организованной силе, представляло собой благоприятную среду для того, чтобы мобилизационная система просуществовала неоправданно долго.

Глава 8.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФИНАЛ НЭПА

Переход экономики в политику

В 1927 году уже выяснилось очевидное изживание системы нэпа по всем позициям. Усилились симптомы кризиса в промышленности, стал хроническим кризис в отношениях с крестьянством, разгорался политический кризис в виде внутрипартийной борьбы. Разделаться с левыми сталинскому руководству было намного проще, нежели с проблемами падающей экономики.

По впечатлениям одного немца, вернувшегося из России в начале 1927 года, Москва внешне выглядела отлично, фасады подновлены и выкрашены, но внутри все убого и грязно. Народ, не должностные коммунисты и не спекулянты, одет бедно. Лица прохожих угрюмы и одутловаты, очевидно, догадывался немец, люди глубоко страдают и остро переживают драму своей национальной жизни. О политике не говорят, зато изощряются в анекдотах, которые звучат всюду — в пивных, кафе, ресторанах. Дороговизна колоссальная, особенно на одежду и обувь. Плохонький костюмчик стоит 200–250 рублей, ботинки — 25–30 рублей, сапоги чуть дороже. В то же время пуд зерна стоит 80 копеек, следовательно, чтобы крестьянину купить пару сапог, нужно продать воз зерна. Продукты продают с ограничениями в одни руки, за ширпотребом длинные очереди. Зато дешева икра, паюсная — 1 р. 80 коп., зернистая — 2 р. 25 коп. В театре Мейерхольда, как возмущалась эмигрантская пресса, шло очередное «зверство» режиссера над гоголевским «Ревизором» с демонстрацией публике с высокого стола того места, по которому была высечена унтер-офицерская вдова.

Вторая половина 1920-х годов стала экспериментальным полем по испытанию всех возможных способов разрешения хозяйственных кризисов в рамках нэпа, в том числе самых экзотических. Например, за снижение цен на промтовары принимались и так и этак. Сокращали накладные расходы — они нарастали с другой сто-

роны; удешевляли производство — оно вновь непостижимым образом дорожало. Укорачивали цепь посредников — росла бесхозяйственность и неповоротливость оставшихся. Действовали по плану, писали циркуляры, чистили, отдавали под суд — цены оставались непропорционально велики по сравнению с карманом сельского и городского потребителя.

Жестом отчаяния стало возрождение революционной практики привлечения «черни» к решению экономических проблем — борьбы за снижение цен на промышленные товары уличным способом. Весна 1927 года началась с хождения комиссий из «рабочих», «домохозяек» и всяких иных охочих людей по частным и кооперативным лавкам. Совсем как когда-то в дни военного коммунизма, когда всяческие фантастические комиссии проверяли быт городских жителей и собственноручно экспроприировали излишки домашней утвари у «недорезанных» буржуев.

Толпа с величайшей охотой принялась за снижение цен. С самого утра по лавкам начинали ходить домохозяйки, днем являлось подкрепление рабочих с предприятий. Занятие это так понравилось, что рабочие даже просили продлить им срок мандатов. Буквальное воплощение слов популярной в те годы песни, что «жизнь есть борьба». Наблюдатели общественности сетовали, что иногда цены снижаются, но только на дорогие и неходкие товары. Если же цены снижены как положено, то вскоре выясняется, что товар стал не в пример хуже — тоньше, водянистее. Если и цены снижены и качество не ухудшилось, то наверняка ищи подпорченные весы и так до бесконечности.

Объективное состояние нэповской экономики получило отражение в специальных работах наркомфина Н.П.Брюханова, брошюре и статье в «Известиях», появившихся летом 1927 года и посвященных бюджету, финансам и хозяйству в СССР в 1926–27 годах. Основные выводы этих работ содержали смертный приговор системы, возникшей в 1921 году, просчитанный на бухгалтерских костяшках.

Советский государственный бюджет каждый год рос огромными темпами, в 1924 году — на 29,8%, в 1925 — на 39,5%, в 1926 — на 29,1%, и главным образом — за счет фантастического роста косвенного обложения. Это была нэповская схема централизованной эксплуатации народного хозяйства, осуществлявшаяся за счет налогов и установления государственного контроля над торговлей, тем не менее, эти показатели не могли удовлетворить потребностей развития, которые определились к 1927-му году.

Всегда суровый и прямолинейный Брюханов на основании выкладок, предоставленных его мощным аппаратом, делал вывод по

поводу перспектив финансирования индустриализации: косвенное обложение дало значительный недобор, так как власть явно переоценила уровень благосостояния населения, поэтому основой бюджета пришлось сделать налоги прямые и, следовательно, налоговый пресс был нажат до отказа. Никакое дальнейшее повышение налогов, ни прямых, ни косвенных — неосуществимо, установился предел. Однако, главная задача — полноценное финансирование промышленности в рамках известной программы индустриализации далеко не достигнута.

Руководству ВКП(б) хотелось рывка, но это полбеда, беда заключалась в том, что этот рывок был объективно нужен. Широковещательная индустриализация скрывала другую, более серьезную проблему — восстановление основного промышленного капитала, находящегося в состоянии крайней изношенности. Анализ сведений о несчастных случаях на производстве и железных дорогах свидетельствовал, что если в ближайшее время советской промышленностью не будут получены реальные средства для подновления и восстановления изношенных частей оборудования, ее ожидает катастрофа, которая уже вполне обрисовалась в течение 1926–1927 годов и которая на протяжении ближайших полутора — двух лет должна была приобрести бурные формы.

По официальным данным председателя ВСНХ Г.И.Ломова, приведенным на XIII Всероссийском съезде Советов, изношенность основных фондов в среднем оценивалась на 36,6%, по металлопромышленности — на 43%, а на Урале она доходила до 50%. Руководство не скрывало, что промышленность стоит перед угрозой массового выхода из строя заводского и фабричного оборудования¹.

В свою очередь наркомзем СССР А.П.Смирнов в докладе о состоянии сельского хозяйства к IV съезду Советов СССР сообщал о низком обеспечении деревни машинами, которую он оценивал в 64% по сравнению с 1913 годом (на Северном Кавказе — вообще 50%). Можно было лишь изумляться энергии крестьянина, сумевшего в таких условиях довести производство до 90–95% довоенного уровня.

Объективно кумачовый лозунг социалистической индустриализации закрывал рот экономике, кричащей о ближайшей катастрофе всей материальной базы общества, если восстановление основных фондов не начнется интенсивно в ближайшие же годы. Внутрипартийная борьба являлась своеобразным отражением на экране объективного положения вещей, театром теней, где реальные фигуры находились и действовали где-то под покровом, в глубине. В поисках необходимых ресурсов в 1926–1927 годах было испро-

¹ Торгово-промышленная газета. 1927. 13 апр.

бовано практически все, что могли предоставить большевистской власти узкие рамки нэпа.

В 1927 году был взят курс на резкую «индустриализацию» бюджета. В счастливые годы нэпа советское правительство регулярно подчеркивало, что госбюджет развивается в соответствии с ростом национального дохода, и в этом мыслился залог здорового развития народного хозяйства. Особенности бюджета на 1927/28 хозяйственный год (с октября по октябрь) заключались в увеличении нажима на народное хозяйство, оно вытекало из самой сущности того противоречия, которое установилось между потребностями индустриализации в средствах и экономических возможностями. Для пущей респектабельности бухаринские экономисты стали именовать эти противоречия «диспропорцией между потребностями и накоплением». Сущность дела от этого не менялась.

Где можно было взять средства для устранения «диспропорции»? В идеале, конечно, это могли бы быть обильные внешние источники, но сложность заключалась в том, что после оживления дипломатических отношений в 1922 году, Генуи, Гааги большевики шаг за шагом теряли свои небольшие международные позиции, занятые до 1924 года. После германского Октября с легкой руки апологетов мировой революции пошел нарастающий обвал советского престижа за рубежом.

В 1922 году европейскую печать и общественное мнение западных стран большевикам удалось прельстить несметными богатствами России. Одна страна за другой, боясь потерять выгодный рынок, завязывали отношения с большевиками, как фактическими обладателями русских богатств. При всем при этом плутократические режимы Запада не учитывали и не могли учесть по своему кругозору, какие неожиданные формы может принимать враждебный им коммунизм и с какими противоположными движениями может сочетаться. Капитал не пошел в СССР, интерес к Советам сменился ростом враждебного отношения. 1926–1927 годы дали рост обострения международной обстановки вокруг СССР ввиду активизации его интернациональной политики.

Тем не менее, в начале 1927 года жизнь заставила советское руководство энергично заняться поисками иностранных кредитов. Возможности поступления кредитов, типа немецкого (около 300 млн долларов), полученного в 1926-м году, были исчерпаны хотя бы в силу неважного положения экономики самой Германии. Время было слишком неподходящим, чтобы просить деньги у капиталистов, которым Соввласть, если и не угрожала откровенно «мировым пожаром», но при всяком удобном случае старалась укусьить.

Большевики согласились начать работу франко-советской комиссии, в которой речь, разумеется, шла о признании царских долгов. Это было опасно, поскольку оппозиция сразу начала истолковывать вопрос о намерениях признать французские долги как свидетельство термидорианского перерождения, и это имело успех в партийной массе. Невиданным образом пошли даже на идеологические подвижки. Представители советской делегации в Женеве в 1927 году Сокольников и Осинский сделали заявления, которые по своему лейтмотиву и тональности далеко отстояли от ленинского большевизма — дескать, социализм в одной стране совместим с капитализмом в других — и огласили предложение СССР о ликвидации всех вооруженных сил в мире. Однако для буржуазного мира, как всегда, нужны были гарантии под долгосрочный кредит, хотя бы в самом образе действий должника, а здесь гарантий не было, поскольку от должника пахло «мировым пожаром» и он всегда был готов бухнуть деньги в авантюру на раздувание этого пожара.

Все же усилия в поисках внешних кредитов были вторичными по отношению к интенсивным поискам ресурсов внутри страны. Прежде всего, рыночная экономика, сострадательная к крестьянину, пыталась встряхнуть свои карманы. Советская национализация, даже в неопытных руках большевиков, действительно в свое время устранила тысячи владельцев и избавила рабочих, общество от необходимости уплачивать дивиденды нетрудовым слоям, однако вместе с тем появилась и необходимость управления, появились десятки тысяч администраторов-бюрократов, чье громоздкое и неумелое ведение хозяйства свело всю эффективность национализации к нулю. Себестоимость продукции советской промышленности, несмотря на все усилия, устойчиво держалась на уровне выше довоенного, не говоря уже об иностранном.

Принцип тотальной централизованной экономики, на котором железно стояли большевики, стремление к всеобщему планированию превращало план в кучу цифр, которую было невозможно переварить. План, в котором предусмотрено слишком большое количество элементов, диалектически превращается в свою противоположность. Он становится мертвой грудой бумаг, рассмотрение которых может произойти лишь тогда, когда промышленность уже в этом плане больше не нуждается. Для советского хозяйства была характерна гипертрофия отчетности. Снабжение и распределение происходило в соответствии с единым «планом» — в результате где-то нехватка, где-то ломаются склады. Сельхозмашины поступали после сезонных работ, зимние ткани поступали к лету, летние — к зиме и т.д.

Советская политика в области промышленности за период военного коммунизма и нэпа прошла целый ряд крупных этапов. 1918 год — это год национализации; 1919–1920 года — периодстройкой централизации; 1922–1923 — перестройка промышленности на коммерческих основах; 1924 год — новый перелом в сторону централизации в виде создания при ВСНХ главных директоров по отраслям, урезания прав трестов и губсовнархозов. С конца 1926 года наметился обратный процесс раскрепощения промышленности от чрезмерной централизации. Первыми симптомами очередного поворота были предсмертные речи Дзержинского и выступление Рыкова на XV партконференции в октябре–ноябре 1926 года.

В начале 1927 года в хозяйственной части номенклатуры еще более усилились голоса за реорганизацию и децентрализацию, подкрепляемые естественными устремлениями корпуса «красных директоров» к максимальной независимости от центрального руководства. Милюковская газета комментировала это так, что «красные директора» желают иметь права буржуазных предпринимателей и в то же время стремятся сохранить права коммунистических диктаторов. Они хотят свободы по отношению к потребителю, взятому в железо путем монополии внешней торговли и монопольного положения советских предприятий в своей отрасли. Они хотят оперативной свободы при сохранении ответственности государства за убытки промышленности¹.

ЦК ВКП(б) со своей стороны был готов и шел навстречу интересам капитанов производства, поддерживая по партийной линии укрепление единоличной ответственности в руководстве. Секретное циркулярное указание ЦК разъясняло, что в практической работе парторганизаций наблюдаются случаи непосредственного вмешательства в оперативную работу хозорганов, директив по вопросам найма и увольнения рабочих, зарплаты и т.д. «ЦК обращает внимание всех парторганизаций на необходимость действительного отказа от вмешательства в повседневную оперативную работу хозорганов». Только при этом условии возможно обеспечение твердого хозяйственного руководства и полной ответственности хозяйственников за выполнение порученной им работы².

Президиум ВСНХ, соблюдая свои ведомственные интересы, склонялся к промежуточной линии. Председатель ВСНХ Куйбышев в докладе пленуму ВСНХ изложил схему, в которой Президиум ВСНХ гарантировал себе будущее под незыблемым лозунгом сохранения «планового» хозяйства; вместе с тем предлагалось децентрализо-

¹ Последние новости. 1927. 15 янв.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 30. Л. 102.

вать управление и частично передать его в республиканские СНХ, а также правлениям трестов. Но главное, проект намечал широкое «раскрепощение» отдельных заводов. Заводам предоставлялась максимальная самостоятельность в оперативной деятельности, гарантировались договорные отношения с трестом. Ложкой дегтя, причем преобладающей, явилось положение о том, что директор приглашается не навечно, а на определенный срок, однако ее горечь существенно подслащивалась твердым обещанием того, что трест в его управление не вмешивается.

Таковы были последствия решения экономического руководства искать ресурсы для индустриализации в самой промышленности. Велись активные поиски и других источников. Рыков на XV партконференции твердо сказал, что эмиссия, как источник вложения новых средств в промышленность, является уже «отпавшей». Однако проблема ассигнования огромных средств на развитие промышленности «отпадать» не желала. Внутренние, нормальные источники средств были исчерпаны до отказа. Вначале имелись некоторые иллюзии относительно внутренних займов, однако 1927-й и особенно 1928-й год развеяли их так же, как и иллюзии в отношении внешних кредитов. Летом 1927 года в «Правде» и «Известиях» появились весьма характерные публикации. Мы должны искать финансовые средства в нашей собственной стране, писал замнаркомфина М.И.Фрумкин. Облигации государственных займов должны быть в руках каждого рабочего, наказывал секретарь ВЦСПС А.И.Догадов.

В принципе подобные идеи не содержали ничего нового. Вся советская политика изначально строилась на суровой эксплуатации населения. Вначале, во время военного коммунизма, это делалось в порядке денежных и натуральных экспроприаций различного вида. Затем со времени нэпа — путем инфляции, высоких налогов и цен на промышленные изделия. В сущности, вся советская история — это противоречие между государственной системой и общественным потреблением. Нэп явился конкретной формой и пропорциями данного противоречия с уступкой госсистеме потреблению. Все попытки госсистемы вернуть свое положение в 1923, 1925, 1927 годах оборачивались обострением противоречия и кризисом. В более счастливые годы нэпа вся высшая мудрость в том и заключалась, чтобы эмиссией, налогами, ценами балансировать на грани дозволенного.

Всего к 1 марта 1927 года за 4 года общая задолженность государства по внутренним займам достигла 563 млн рублей. Однако советские займы до лета 1927 года не были займами в обычном смысле слова. Из 563 млн только 132 млн были получены путем размещения среди населения, основная же сумма получена путем обязательной

подписки государственных учреждений, т.е. просто являлась операцией перераспределения государственных средств, но не вовлечением новых¹.

Попытки более широкого привлечения средств населения путем выдачи части зарплаты облигациями займа, коллективные подписки на заем решением общих собраний, естественно, вызывали сопротивление обывателя. От навязанных облигаций старались быстро избавиться, и их курс быстро падал ниже половины номинальной стоимости. Чтобы повысить интерес населения к займам, в 1926–1927 годах были выпущены мелкие облигации с небольшими, но многочисленными выигрышами. Благодаря высокому проценту доходности (до 30% годовых) и выигрышам, эти займы удалось разместить среди преимущественно городского населения. Появились и специальные крестьянские займы с высокой доходностью, специальные обязательные займы для государственных хозорганизаций, кооперативных и даже частных предприятий для извлечения их резервных капиталов. 1927 год был отмечен целым потоком одновременных займов.

К сожалению известный герой булгаковского романа не был членом партии, может поэтому крупный выигрыш по облигации и обернулся для него бедой, поскольку в распоряжении суммой не проявилось заботливое участие партийной организации. Местные парткомы имели директиву Президиума ЦКК допускавшую для членов партии получать выигрыши по облигациям, но с тем, чтобы при суммах свыше 1000 рублей «выигрыш не способствовал излишествам и отрыву коммуниста от трудовых условий жизни»².

Однако накопления населения были весьма низки. Рабочие и служащие, даже по исчислениям советских экономистов, имели до 40–50 млн рублей в год по всей стране³. Причем сбережения носили характер запаса для крупной покупки: пальто, швейной машины, мебели, и поэтому не могли быть охотно вложены в займы. Что касается крестьянства, то оно, как всегда, наученное вековым недоверием к подвигам собственного государства, за 4 года (по исчислениям Наркомфина) вложило в займы 25–30 млн рублей. Ничтожно было и их вложение в сберегательные кассы — всего 2 млн рублей⁴. В итоге, как показал 1928 год, реальные доходы от займов за 5 лет оказались невелики. Общая сумма доходов от займов в госбюджет составила

¹ Югов А. Еще одна вредная иллюзия // Социалистический вестник. 1927. № 13.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 293. Л. 38.

³ Финансы и народное хозяйство. 1927. № 23.

⁴ Правда. 1927. 18 мая.

1 177 млн рублей, расходы по ним — 772 млн рублей, следовательно, чистый доход за 5 лет составил лишь 400 млн рублей, т.е. 80 млн в год.

Но году индустриализации требовался как минимум миллиард. Поэтому, несмотря на все опасности, правительство пустилось в рискованную эмиссионную игру. Весьма характерен график выпуска денег, который демонстрирует некий резкий перелом в установках советского руководства:

октябрь 1926 — март 1927г.	3,4 млн руб.
апрель-июнь 1927 г.	128,6 млн руб.
июль 1927 г.	13,3 млн руб.
август 1927 г.	64,1 млн руб..
1-я декада сентября 1927 г.	35,8 млн руб. ¹

То есть запланированная на финансовый год эмиссия в 150 млн была превышена на 100 млн рублей. Недостаток ресурсов для индустриализации породил усиленный выпуск денег. Выпущенные в третьем квартале 1926/27 года 130 млн рублей были вложены в капитальное промышленное строительство.

Сопоставление всех этих цифр и трех миллиардов, которые советские экономисты полагали в принципе необходимым затрачивать в среднем в год на нужды народного хозяйства, проясняет то, что в перспективе обещали заявления, подобные словам наркомфина Брюханова, что «СССР должен всегда рассчитывать только на собственные силы» и что «в стране имеется еще чрезвычайно много средств»².

В 1927 году Гитлер, в своем известном сочинении «Mein kampf», рассуждая о грядущей войне, писал следующее: при всеобщей моторизации мира, которая в ближайшей войне сыграет колоссальную и решающую роль, «говорить о России, как о серьезном техническом факторе в войне, совершенно не приходится... Россия не имеет еще ни одного своего собственного завода, который сумел бы действительно сделать, скажем, настоящий живой грузовик». Германский реваншизм, наряду с плутократиями Запада, прекрасно понимал и учитывал это, это же обстоятельство вызывало обостренную тревогу и у руководства СССР.

«Социалистический вестник» в феврале 1928 года писал о порочном круге, очертившимся в советской экономике, который был

¹ Доманевская О. Перед новым хозяйственным годом // Социалистический вестник. 1927. № 19.

² Экономическая жизнь. 1927. 28 мая.

назван как «Рыковская безысходность». С тех пор, когда размеры промышленного производства приблизились к довоенному уровню, Советская власть пытается вырваться из заколдованного круга. То бросает денежные средства в капитальное строительство и, не обеспечив рационального применения, тем самым только усиливает товарный голод. То, как Америку, открывает новые резервы технической мощности в старых предприятиях и пытается введением третьей смены на предприятиях решить проблему товарного голода. То есть вновь вступает на путь проживания основного капитала.

Политика двух рук

Несмотря на то, что монополия внешней торговли, изолированность денежного рынка СССР и административное регулирование цен позволяли довольно долго удерживать рубль от падения, так или иначе эмиссия неизбежно вела к товарному голоду внутри страны. Этому же всемерно содействовала известная двойственность в принципиальных установках в партийно-государственном руководстве. В то время как правительство Рыкова пыталось найти приемлемый выход в рамках, дозволенных нэпом, стало уже несомненным усиление линии команды Сталина, которая обещала выйти далеко за пределы экономического регулирования. И эта линия в 1927 году выражалась во взвинчивании настроений военной угрозы. Разгромив очередную оппозицию, органы советской печати и партийные ораторы разом обратились к новой теме — о военной опасности пролетарскому государству. Когда выступавшему на московской губпартконференции Бухарину, уже забравшемуся на высокую ноту в обличении империалистов, подали анонимную записку: «Вы нас пугаете», это привело любимца партии прямо-таки в бешенство.

Широкая агитация в связи с вопросом о войне создала в крестьянском, и не только в крестьянском, населении представление, что война в ближайшее время неизбежна. Как сообщали корреспонденты во многих медвежьих углах, крестьяне были убеждены в том, что военные действия уже начались. Напуганное население бросилось в магазины, в третьем квартале 1926/27 хозяйственного года вереницы очередей сметали с прилавков все¹.

В 1927 году СТО под председательством Рыкова также принимал участие в военной шумихе. 25 июня было принято постановление «Об организации центральных мобилизационных аппаратов

¹ Правда. 1927. 21 сент.

СССР»¹. Получилось даже еще раньше, чем Политбюро 27 июня признало необходимым опубликовать обращение ЦК «в связи с возросшей опасностью войны»².

В то лето в русской эмигрантской печати саркастически замечали, что было бы вполне законным, если бы Троцкий вернулся к власти, поскольку в политике сталинской группировки в отношении к Англии, раздувании стачки английских рабочих, а также призыве к анархическим инстинктам китайских кули, после поражения китайских коммунистов — во всем этом была таковой издавна позиция Троцкого³.

Во внутренней политике ОГПУ усилило свое участие не только во внутрипартийной драке, но и в отношениях между государством и крестьянством. Усиление принудительности выражалось в том, что государственная промышленность, не имея возможности в какой-либо степени понизить цены на промышленные изделия, в то же время в условиях почти полной монополии приобретала продукты сельского хозяйства по искусственно пониженным ценам. В этой обстановке крестьянское хозяйство все более обнаруживало стремление изолироваться от казенного хозяйства и вообще государства. Крестьянство стремилось обеспечить себя не накоплением денежных запасов, а натуральных продуктов, как недавно в памятные всем годы войн и революции. Оно ограничивало свой обмен с государством только пределами крайней необходимости, определяемой размером налоговых платежей и покупок необходимых товаров.

С мужика драли три шкуры, установилась исключительно невыгодная для крестьянина система торговли, не дающая ему возможности использовать свои товарные излишки. К 1927 году мужик уже был готов перейти к решительным действиям, но имелось одно обстоятельство, которое ослабляло напор крестьянства. Это боязнь возвращения старых земельных собственников и аннулирования земельной реформы и новых земельных порядков. Однако результаты сельского хозяйства становились все более и более убогими, а само хозяйство приходило во все больший упадок. Побывавшие на Дону весной 1927 года отмечали поразительные перемены в настроении и положении населения. Всюду проглядывала нищета, выбиваться из середняков земледельцам нет смысла — все равно излишек будет отобран. Хозяйства стали довольствоваться площадью в 5–10 десятин. Молодежь в станицах и поселках очень распушена, везде процветает самогон и гомерическое пьянство. Казаки пропивают хлеб,

¹ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 157. Л. 95.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 5. Л. 52–57.

³ Рувль. 1927. 23 июля.

не желая продавать «дармоедам». Вспоминая 1921 год, казаки говорили: «Ну теперь большевики не смогут заставить нас голодать»¹.

Из справки Цека по Курской губернии следует, что к осени 1927 года крестьяне уже стали открыто говорить, что Советская власть — плохая власть, что нет разницы между ней и царским режимом, что воевать не пойдем, поскольку нечего защищать. Причем говорили это не кулаки, а напротив, маломощные крестьяне, кулаки, те толковали: пусть дадут оружие, а там посмотрим. Распространялись пораженческие настроения, дескать, в гражданскую воевали, потому что верили, что крестьянам будет легче, а теперь убедились и воевать не будем. На собраниях сельчане кричали докладчикам: нечего нам говорить об английских рабочих, давайте поговорим о наших крестьянах. Как общее явление отмечалась массовая закупка соли, керосина, мануфактуры, железа и лесоматериалов. Отдельные хозяйства закупали по 100 и даже, был случай, 300 пудов соли. Началось всеобщее изъятие вкладов из сберегательных учреждений, крестьяне прятали серебро, местами звучала агитация за неуплату сельхозналога².

Эти факты уже означали настоящее широкомасштабное стихийное крестьянское сопротивление. У крестьян в силу их социальной природы и географической обширности проживания никогда не бывает всеобъемлющей централизованной организации. В качестве организатора их повсеместного и сплоченного выступления всегда выступает сама власть со своей радикальной антикрестьянской политикой. Так было в 1921 году, подобное же наблюдалось в 1927 и 1928 годах в периоды единодушной экономической борьбы крестьянства за свои интересы. Власть и ее далеко идущие планы «уперлись» в мужика. Здесь совершенно явно экономика перешла в политику, что позволило партийным радикалам подготовить политическое решение вопроса и поставить точку в новоэкономической эпопее.

Крестьянские сбережения были невелики, но все же, по некоторым советским исчислениям, летом 1927 года достигали 600 миллионов пудов хлеба. Сложность еще заключалась в том, что накопления делались тайком, с громадным опасением прослыть кулаком, попасть под усиленный налог и разного рода лишения. Всякое негосударственное накопление являлось источником гонений со стороны власти.

1927 год обнаружил еще одно обстоятельство, непоколебимо вставшее на пути планам индустриализации. Статистика ряда хозяйственных лет подтвердила, что размеры советских хлебозаготовок практически стабилизировались, и установило предел экспорту хлеба.

¹ Последние новости. 1927. 22 апр.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 117. Л. 10, 21, 22.

В 1923/24 году экспорт составил 182 млн пудов, в 1925/26 — 161 млн, в 1926/27 — 187 млн. На XV съезде Микоян еще более мрачно охарактеризовал положение, заявив, что следующий 1928 год будет трудным годом, ибо «хлеб почти выпадает из экспорта» и будет вывезен в очень малом количестве. В его речи с выраженным акцентом прозвучало принципиальное определение социально-политических итогов нэпа и тех возможностей, которые он принес власти. Весьма «дипломатически» было сказано, что те задачи соцстроительства, которые стояли в период военного коммунизма и не могли быть решены методами же военного коммунизма, теперь на высокой ступени развития нэпа «при применении новых методов, становятся выполнимыми»¹. Большинству съезда и оппозиции оставалось ломать голову, что это за «новые методы», которые не прошли в период военного коммунизма и стали возможны после 10 лет Соввласти. Но это и было как раз то самое «т.п.», таинственно упомянутое в резолюции апрельского пленума ЦК 1926 года и постепенно приобретавшее контуры в метаниях и борениях года 1927-го.

За рубежом, в частности в эмигрантской среде, не убывало недоумение по поводу выбранного в 1927 году политического направления в СССР. Умножались гадания и в ту и в эту сторону, что вовсе неудивительно, поскольку таковой противоречивой была и сама политика. Нэп испытывал мучения и погибал, разрываясь на свои две составные части.

Например, в инструкции о выборах в Советы 1926 года явно проступала тенденция к усилению политического монополизма. Инструкция усиливала меры против всех тех элементов, которые могут оказаться в оппозиции «пролетарской диктатуре», ограничивала избирательные права около 50% граждан, преимущественно сельского населения, торговцев, кустарей, духовных лиц и т.д. В прежней инструкции 1925 года этого не было.

Но наряду с этим наблюдалась вынуждаемая экономическими проблемами целая серия шагов вправо в области хозяйственного права и стимулов к развитию хозяйства. Они проявились в раздаче государственных земель в бессрочное и безвозмездное пользование, в правилах об отчуждении госимущества (которые при желании можно было обратить в правила о полной денационализации промпредприятий), в создании права собственности на торговые суда, в законе 11 октября об авторском праве и т.д. В то же время в области торговли усилия против частников нисколько не уменьшались, а новые правила даже вводили суровую уголовную ответственность за торговые проступки вроде «незаконных» накидок на цену и т.д.

¹ XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Ч. I. М., 1961. С. 1097–1098.

Ситуация с техническими культурами, в точности как при военном коммунизме, на год предвосхитила положение с зерновыми. В 1926 году правительство перегнуло палку эксплуатации крестьянского хозяйства при помощи низких цен на лен. Результаты последовали необыкновенно быстро — сократились посевы льна и совсем катастрофически упали государственные заготовки текущего урожая. Правительству пришлось в срочном порядке повысить цены на лен задним числом, путем доплаты крестьянам за ранее сданный лен; понизить налог для льноводческих хозяйств и, главное, повысить цены на лен урожая 1927 года. Милюковские «Последние новости» под заголовком «Хорошие новости» отмечали появление у Рыкова в советском правительстве довольно объективных планов в области удовлетворения нужд сельского хозяйства¹.

Различные устремления и интересы блуждали в лабиринте необходимости изменения экономической политики, а его извилистый коридор становился все теснее и опаснее. Это выразилось в бюджете государства на новый 1927/28 финансовый год, чья «напряженность» была очевидна всем. Например, доля бюджета в национальном доходе поднялась до 30,3% против 23,75% в прошлом году. На практике это как раз и означало, что начинается колоссальный нажим на народное хозяйство и общество: нажим налоговый, резкое увеличение чрезвычайных доходов в виде принудительных займов и прочее. Ассигнования на промышленность в 1927/28 году предполагались в размере 529 млн рублей вместо 415 млн в прошлом году.

Все эти планы оформились на фоне растущего сопротивления крестьянства и резкого ухудшения социального самочувствия общества. Анализируя кризисные явления в СССР, наблюдатели из «Последних новостей» и «Социалистического вестника» в один голос заявляли о ближайшем крахе нэпа. Причем довольно близоруко предсказывали, что его обломки начнут рушиться именно в правую сторону, что, следовательно, сулило желанное освобождение несчастной России от коммунистической власти. Почему-то в Сталине они продолжали упорно видеть человека группировки т.н. «красных капиталистов».

Было к лучшему, что Сталин до поры не проявлял принципиальности в экономических вопросах и жертвовал принципиальностью ради власти. Самая надежная нить Ариадны в идеологических тупиках — это борьба за власть. Сталин в период нэпа тайком побывал в объездах всех идеологических уклонов, но действительность неумолимо влекла его к единственному решению в сложившихся условиях. Дилемма второй половины нэпа вначале в лицах выгля-

¹ Последние новости. 1927. 1 авг.

дела так: либо предоставить возможность накопления крестьянству (это — Сокольников, Рыков, Бухарин), либо военнотроцкистский нажим на крестьянство (это — Троцкий и Зиновьев), другой возможности в нэпе не видели. Сталин выведет противоречие на новый виток: нажим на крестьянство, но не военнотроцкистский, не на частника, а на крестьянство, организованное в колхозы, что означало конец крестьянского хозяйства и финал нэпа.

Действительно, сам Сталин был очень неоднозначен в своих поступках и декларациях. Хитрый «азиатист» вел тонкую политику в условиях незавершенной борьбы с левыми при ненадежных союзниках справа, избегая резких заявлений. 5 ноября 1927 года он в беседе с иностранными рабочими делегациями по вопросу о судьбе сельского хозяйства высказал немало умеренных суждений. На XV съезде, судя по его выступлениям, он по-прежнему оставался приверженцем нэпа в деревне. Не исключено, что это была просто игра против оппозиции, поскольку эти заявления существенно противоречили той силовой политике, которая стала проводиться по его указанию спустя всего два месяца. После XV съезда эмигрант Струве злорадствовал: «То, что казалось столь запутанным, разрешено с гениальной простотой». Внутри — возврат к политике военного коммунизма, вовне — пресмыкательство перед иностранным капиталом. «Удивляться нужно, как до сих пор никому в голову не приходило, что именно это и требует строительство социализма в одной стране, а не во всех сразу»¹.

Несмотря на то, что XV съезд ВКП(б) принял принципиальное решение о коллективизации и директиву по пятилетнему плану, далее обсуждения вопросов о коллективизации он не пошел. Никакой конкретной программы принято не было. Ни Сталин, ни партия еще не были готовы вполне, и для того, чтобы дело стронулось с места, требовалась сильная встряска. Она вскоре и произошла в виде давно созревшего в недрах советского общества хлебозаготовительного кризиса или т.н. «кулацких забастовок» зимы 1927/28 года. В январе 1928 года Политбюро вынесло постановление о применении чрезвычайных мер. Сталин начинает уже открыто отстаивать идею, которую долгие годы никто вообще не принимал всерьез. Идею насильственной организации колхозов, как средства «выкачки» ресурсов из деревни на нужды индустриализации страны.

Для тактики Сталина, как и многих авторитарных политиков, была свойственна манера, исчерпав все имеющиеся возможности, произвольно, не считаясь с ранее сделанными заявлениями, менять свои установки. Можно сказать, что Сталин вышел из 1927 года еще

¹ Возрождение. 1927. 18 дек.

«нэповцем», а вошел в новый 1928-й год твердым сторонником перелома. Его примерно постигла участь Ленина, который когда-то вступил в январь 1921 года «военным коммунистом» и вышел из января уже готовым к новой экономической политике¹.

Во времена нэпа, даже наступая на его принципы, все до известного времени считали нужным делать реверансы в сторону крестьянского хозяйства, рынка и смычки с крестьянством (порой объявляя шаги против основ нэпа его развитием). Только сталинская команда решилась на свертывание нэпа без лишней огласки и широковещательных заявлений. Коллективизация сельского хозяйства настолько ничтожна, что не заслуживает вообще внимания, — так судачили пикейные жилеты в начале 1927 года. Через год, в начале 1928-го стало определенно видно, как крестьянское хозяйство по прямой, не сворачивая ни влево, ни вправо, стремится к той точке, с которой начался нэп.

Характерной особенностью тактики фракционной борьбы Сталина являлось также то, что, покончив с одной жертвой, он немедленно начинал подготовку к сокрушению очередного соперника. Так было после кампании против Троцкого в 1925 году, так случилось и в этот раз. В 1927 году выборов в Советы не было, вопреки Конституции, требовавшей ежегодных выборов. В начале 1928-го года в разгар избирательной кампании, когда советские газеты уже запрудили свои полотнища отчетами о большой активности избирателей, созыв съезда Советов СССР был внезапно отложен до осени. На такое до Сталина еще никто не решался.

4 февраля 1928 года на заседании Президиума ВСНХ Куйбышев, сталинская фигура в хозяйственном руководстве, сделал многозначительное заявление о том, что «всякие ревизионистские взгляды, которые иногда в виде намеков, полушепотом раздаются относительно пересмотра генеральной линии партии и правительства — совершенно ложны». Намек был как раз у Куйбышева, а практически всем было ясно, что здесь речь идет о недавнем союзнике Сталина — предсовнаркома СССР Рыкове. Как было слышно из разгромленной левой оппозиции, Сталин в то время уже был готов помиловать Зиновьева с целью борьбы за госаппарат с группировкой Рыкова.

В то время Рыков, как предсовнаркома, по ленинской традиции занимавший кресло председателя в Цека, активно протестовал против чрезвычайщины в деревне и заявлял, что «административный» метод, принятый партией, вовсе не означает «каких-либо насилий и принудительных мер над крестьянством»², что превращение «реп-

¹ См.: Павлюченков С.А. Крестьянский Брест... С. 269.

² Правда. 1928. 22 фев.

рессий по закону» во всеобщее раскулачивание есть «искривление» правильной политики¹. Благодаря несовершенству тогдашней массмедийной технологии радиорепортаж с Первомайской демонстрации 1926 года нечаянно стал знаковым в судьбе предсовнаркома. Тогда на весь радиофицированный СССР прогремела реплика Рыкова, невольно сказанная им в микрофон на трибуне: «Очень устал. Какого черта меня никто не сменяет!»²

Проходившая весной и летом 1927 года кампания по рационализации производства и вовлечение в нее «широких рабочих масс», как особо настаивал Цека, уже являлась тайным подкопом под Рыкова, поскольку по замыслу Цека участие в ней вручало пресловутым рабочим массам права по слежке и контролю над специалистами. Предусматривалось создание временных рабочих контрольных комиссий с широкими, как сама масса, правами над высшим техническим персоналом. Наряду с этим Секретариат начал перетряхивание состава работников трестов и предприятий и принял постановление о проверке госторговых и синдикатских органов под углом их укрепления и подготовки новых кадров.

В начале весны 1928-го уже были сделаны первые практические шаги в процессе устранения Рыкова от власти. Обострение, как это уже повелось, подкрадывалось медленно, подспудным образом, и первый сильный взрыв произошел в марте на открытом заседании Политбюро. Политбюро рассмотрело предложенный Рыковым промфинплан на 1927/28 год и демонстративно отклонило его. Пересмотр плана был поручен комиссии из сталинцев — Орджоникидзе, Куйбышев, Кржижановский.

В марте по Рыкову был нанесен еще более серьезный удар. С большой оглаской развернулось дело против т.н. «шахтинских вредителей», тайная цель которого была нанести удар по хозяйственникам-коммунистам, слишком «хорошо» расположенным к буржуазным спецам, т.е. по самому Рыкову. Объективные недостатки централизованного управления экономикой, наложенные на понятное отрицательное отношение части старых специалистов к «пролетарской» власти породили феномен «широкого заговора» против Советской власти в угольной промышленности. С такой же легкостью при необходимости таковой «заговор» органы могли бы сконструировать в любой другой отрасли социалистического хозяйства.

Политическая борьба в СССР в значительной степени раздувалась преувеличением роли эмиграции в организации внутренней оппозиции. Поступающие агентурные сведения из спецслужб по Германии,

¹ Там же. 29 фев.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 258. Л. 147.

Франции и Англии не критически констатировали утверждения монархистов, промышленников из числа русской эмиграции о том, что они имеют множество сторонников в Советской России, особенно в кругах научно-технической интеллигенции и среди военных специалистов. Сообщения ОГПУ из-за кордона отражали не наличие организованной оппозиции в СССР, а, скорее, довольно широкое распространение антисоветских настроений, главным образом среди интеллигенции и специалистов. Эти враждебные настроения имели место, было и оппозиционное отношение к Советской власти и неприятие пятилеток, индустриализации, но все это преподносилось руководству как существование организованного контрреволюционного подполья¹.

Преследование спецов встретило полное понимание среди рабочих, которые весь нэп с завистью смотрели на инженерские оклады. Антиспецовство 1920-х годов имело одни социально-психологические корни со спеедством сталинской группировки в 1918 году. Низы не могут понять объективной причины неудач и ищут причины в измене чуждой им интеллигенции.

Под углом зрения «подковерной» борьбы главным вопросом на апрельском 1928 года пленуме ЦК-ЦКК явилось вовсе не обсуждение результатов сорванных хлебозаготовок. Основная дискуссия развернулась по частному вопросу о передаче нескольких технических вузов страны непосредственно в ведение ВСНХ. т.е. Куйбышеву. Именно здесь на пленуме с обеих сторон вступила в бой тяжелая артиллерия. Сталин выдал свои намерения вырвать из рук Рыкова систему подготовки руководящих кадров для промышленности², а значит в перспективе и управление экономикой в целом.

Несмотря на то, что нерешенный вопрос был отложен в комиссию и перенесен на очередной пленум³, «рыхловатый» по своему характеру Рыков после таких массированных выпадов, как он нередко в подобных случаях делал, встал в позу оскорбленного и заговорил о своей отставке⁴. И, как говорится, «лучше выдумать не мог» — в то время команда Сталина еще не была готова к столь крупным переменам в руководстве страны.

В этот период в действиях власти совершенно явственно проступала политика «двух рук». Единоновременно с нажимом на деревню,

¹ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 55–56.

² См.: Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М., 2000.

³ Там же. С. 324.

⁴ Советское руководство. Переписка... 1928–1941 гг. М., 1999. С. 22.

разработкой нового земельного закона и обширных планов по созданию сети крупнейших совхозов с продукцией товарного хлеба 100 млн пудов в год, под сенью рыковского Совнаркома разрабатывалось совершенно противоположное направление. В мае было принято постановление СНК СССР о мерах к поощрению строительства жилищ за счет частного капитала, где последнему предоставлялись чрезвычайно льготные условия.

В ЦК ВКП(б) были приняты «Общие начала землепользования и землеустройства», разработанные в Комакадемии, в которых подразумевалось содействие колхозам и совхозам, перераспределение земли при ограничении кулацких хозяйств, надзор за наймом рабочей силы. Другой проект, разработанный в Наркомземе, признан антисоциалистическим, и выступления в его защиту получили соответствующую оценку в «Экономической жизни»¹. Проект нового земельного закона обсуждался во Всесоюзном ЦИКе. По докладу Милютина было ясно, что дело идет вспять к положению о социалистическом землеустройстве 1919 года, в котором «все виды единоличного землепользования» были объявлены «преходящими и загнивающими».

Сталин еще в 1923 году позволил себе обозначить свою принципиальную позицию по второстепенному для него в то время вопросу. «Некоторые товарищи утверждают, что нэп — это повтор старой истории выращивания кулаков за счет массового разорения большинства крестьянства. Этот путь — не наш путь», — кратко и ясно сказал он².

С весны 1928 года во всех речах Сталина обнаружилась общая черта. Он стал открыто говорить, где именно находится выход из положения. В апреле на собрании московского партактива Сталин сказал (по поводу внешней политики), что мы не можем сделать никаких принципиальных уступок, не отказываясь от самих себя, не изменяя классовой сущности нашей власти. Подобное можно было бы с полным правом отнести и к политике внутренней. Сталин поднял вопрос на принципиальную высоту. 28 мая, выступая перед слушателями Института красной профессуры, Комакадемии и университета им. Свердлова, Сталин указал, что основной причиной хлебных затруднений является резкое сокращение производства товарного хлеба. Преодоление трудностей возможно лишь путем перехода к крупным коллективным хозяйствам и развитие совхозного производства³.

¹ Экономическая жизнь. 1928. 20 марта.

² См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 103.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 81–97.

Нэп был явлением подчиненным по отношению к Революции 1917 года и существовал на ее фундаменте (государственный централизм и политический монополизм) и, следовательно, заменить собой эту основу оказался не в силах. Ничто не могло ее заменить, до тех пор, пока Семнадцатый год сам себя не исчерпает. Экономика нэпа возникла как производное от «политики», политической ситуации 1921 года, — в политике же и растворилась.

Противоречия общества и потребность страны в модернизации подошли к такой критической черте, что разрешить их очередной раз в рамках нэпа стало невозможно. Угольный голод, чугунный голод, голод в области сырья, товарный голод, бюджетный голод, просто голод — таковы были перспективы, ожидавшие страну в следующем хозяйственном году. Все ресурсы народного хозяйства находились в состоянии максимального напряжения, доведены до такого состояния, при котором все производительные силы уперлись в тупик, из которого в условиях нэповской политики выхода не было. Уже в июне 1928 года хлебные биржи Европы потрясла сенсация: Советский Союз закупил 9 миллионов пудов пшеницы!

Вопрос встал ребром: либо дать возможность свободно развиваться крестьянскому товарному хозяйству, либо до отказа нажать на рычаги машины государственного принуждения. Но в первом случае под большое сомнение попадала святая святых — монополия политической власти партии. Это Сталин и называл «отказаться от самих себя». В другом месте он пояснит: «Если быть последовательным, надо сказать: припустите кулака к власти. Ибо надо же это понять, что нельзя не стеснять развитие кулацкого хозяйства, отбирая у кулака власть и сосредотачивая ее в руках у рабочего класса»¹. Понятно, что если подобный выход может быть и был приемлем для «красных директоров» и спецов Рыкова, то абсолютно недопустим для партаппарата Сталина.

На страницах «Правды» развернулась полемика. Бухаринец Марецкий утверждал, что согласно заветам Ленина, колхозы — колхозами, но главное все-таки индивидуальное хозяйство крестьянина². Бухаринец Астров заявлял, что надо не только «ликвидировать перегибы», но и снять экстраординарные меры вообще³. Со своей стороны Сталин поспешил отгородиться от «оппозиционных жуликов»⁴. Еще в начале 1928-го года он требовал от сибирских работников развития применения чрезвычайных мер, утверждая, что чрезвычайные меры

¹ Как ломали нэп. Т. 3. С. 216.

² Правда. 1928. 30 июня.

³ Там же. 1 июля.

⁴ Там же. 3 июля.

могут дать великолепные результаты. Если же кулаки ответят на это саботажем поставок в следующем году, то тогда понадобятся новые меры, в частности организация колхозов и совхозов. Мандатом на это являются решения XV съезда партии, и наша обязанность выполнить эти указания. «Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем»¹.

Открытое столкновение двух соперничающих направлений в руководстве произошло на июльском пленуме ЦК 1928 года и внешне окончилось боевой ничьей и формальным примирением. Рыков объявил: «Политический итог чрезвычайных мер таков, что партия должна предпринять все возможные меры к тому, чтобы их избежать». Сталин со своего места подтвердил: «Правильно»².

Вскоре после пленума Сталин на собрании актива ленинградской парторганизации произнес речь, в которой прозвучала отеческая забота об индивидуальном крестьянском хозяйстве. В свою очередь Рыков в выступлении в Москве повторил свои слова, произнесенные на пленуме³, в которых признавал, что советская индустриализация не может не быть связана с перекачкой средств из крестьянского сектора в социалистический, что обуславливает невозможность эквивалентного обмена. Сложилась ситуация, аналогичная тем, по поводу которых Ленин в свое время якобы говорил: «Сталин заключит гнилой компромисс и обманет»⁴.

Если Рыкову удалось на время задержать сталинский подход на крестьянское хозяйство, то, во всяком случае, Сталину удалось отстоять план грандиозного развития новых совхозов. К этому времени на стороне Рыкова уже активно начал проявлять свои полемические способности Бухарин. В мае и июне он направил в ЦК две записки, в которых выражал несогласие с курсом на форсированную индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства.

В конце июня Политбюро слушало его развернутые тезисы соответствующего содержания, которые были отклонены. А на июльском пленуме он открыто заявил, что рост сельского хозяйства должен основываться на развитии крестьянского товарного — кулацкого хозяйства, задача состоит лишь в том, чтобы умело «снимать пенки с накоплений кулака и обращать их на дело социалистического строительства»⁵. Бухарин стал очень видным кадром в команде правой оппозиции, ее барабанщиком, трубачом тех идей,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 5–9.

² Как ломали нэп. Т. 2. С. 318.

³ Там же. С. 317.

⁴ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 460.

⁵ Как ломали нэп. Т. 2. С. 388.

на которые его наводил более опытный и влиятельный Рыков, чья группировка продолжала занимать наступательные позиции. 24 июля Совнарком СССР принял постановление о программе расширения концессионной политики, в которой предусматривались большие льготы для иностранных концессионеров. Постановление частично было предано гласности лишь 15–16 сентября под скромным заголовком «Активизация концессионной политики СССР». В «Известиях» разместили подборку материалов с отзывами реальных концессионеров, где, например, известный предприниматель А.Хаммер высказывал удовлетворение тем, что в СССР полностью исключена возможность забастовок.

Усиление правой оппозиции летом 1928 года происходило на фоне драматических событий. Сельское хозяйство, промышленность, капитальное строительство и внешняя торговля, червонец и бюджет — все дрогнуло и заколебалось. Вся экономика, по свидетельству Рыкова, «стала дыбом». Ощетинилось крестьянство, в обеих столицах заволновались безработные, начались рабочие забастовки. В стенах Кремля замаячила тень Кронштадта.

Бухарин, как редактор «Правды», официального органа партии, пытался удержать равновесие. Его статья в номере от 30 сентября дышала официальным оптимизмом и заверяла читателя, что ее автору бывает «смешно» читать рассуждения «светил» эмигрантской и иностранной науки, которые тшятся доказать крах советского хозяйства и коммунизма. Однако безликий автор передовой, помещенной в том же номере «Правды», наоборот, следовал по стопам зарубежных «светил» и откровенно признавал, что истекший хозяйственный год — год серьезных диспропорций на рынке, затруднений в хозяйственном строительстве и бесспорного кризиса на чрезвычайно важном участке — в хлебозаготовках. Официоз хозяйственного руководства «Экономическая жизнь» шла еще дальше и признавала наличие глубоких противоречий в недрах коммунистического государства, противоречий, сводящихся к противостоянию групповых интересов и к возрождению классовой борьбы в обществе не только на хозяйственном, но и на идеологическом и политическом фронтах¹.

Несмотря на все, государственный бюджет на 1928/29 год поража своим оптимизмом. Предположительная сумма капитальных вложений в промышленность и транспорт достигала двух миллиардов рублей. Теперь оставалось решить, где их взять. За прошедший год произошло сокращение посевных площадей на 3% по сравнению с предыдущим. План заготовок хлеба выполнялся с огромным

¹ Экономическая жизнь. 1928. 30 сент.

напряжением. Крестьянство отказывалось продавать хлеб государству, прятало или уничтожало запасы. Кроме этого, приближался срок первых платежей по германскому 300-миллионному кредиту. Шли лихорадочные поиски источников бюджета. По иронии судьбы социалистического строительства получилось так, что первая «пятилетка» была разработана Гюспланом не по чугуну, цементу или какому иному глубокомысленному продукту, а в отношении выпуска алкогольной продукции, предусматривавшая увеличение душевого потребления «рыковки» на 100%.

К осени 1928 года попытки решения вопросов ускоренной индустриализации в социально-экономических условиях нэпа привели к тому, что методов хозяйственного порядка, способных вывести страну из наступившего кризиса своими собственными средствами в рамках нэпа уже не существовало. Осенью крестьянство стало активно заниматься «самораскулачиванием» вплоть до порчи инвентаря. По материалам «Правды», в промышленности продолжалось падение производительности труда, начался заметный рост прогулов.

Поражение «Ивановичей» и торжество централизма

Имелась еще одна веская причина начинать революцию сверху — угроза утраты партийной организации. Меч Ордена ржавел в ножнах: кто спивался, кто «обрастает», а кто выступает за изменение политики. Часть партии никогда не вотировала за нэп, а просто все это время разлагалась без настоящего дела.

Описание стандартной ситуации содержит информация ЦК о состоянии ячеек РКП(б) по Уинскому району Нижегородской губернии за январь 1925 года. Секретарь райкома писал: организация состоит сплошь из служащих, как в таких случаях говорят — «непогребенный труп», пьянство, братание с кулаками. Ячейки прожили, «промотали» политический капитал, нажитый Октябрем. В годы, когда по выражению вождей, мы второй раз завоевывали массы, наши ячейки были не согласны с нэпом, хотя на деле они его проводили больше, чем следовало. Характерно, что по приблизительному подсчету из 250 членов РКП по району 80% не согласны с нэпом и посейчас, а теперь это внутреннее несогласие пытается оформиться в политическую платформу. «Рыло» этой платформы, по выражению секретаря райкома, показалось как нельзя лучше во время перевыборов. Когда в 1918 году коммунисты помогали отбирать у кулаков и делить

землю, ячейки росли не по дням, а по часам. Тогда ячейки насчитывали по 70 – 80 человек, а в первые годы нэпа в них осталось по 3 – 4 человека. Партийцы заигрывали с кулаками, характерными явлениями стали пьянство, дебоширство, моральное разложение. Они так и не приспособились к экономическим переменам. Из 250 коммунистов по району и 10 человек не восстановили свои хозяйства. «Большинство из них теперь по настоящему не согласны с нэпом»¹.

В результате обследования окружной полтавской организации в 1928 году выяснились наиболее характерные болезненные явления в рядах КП(б)У. В первую очередь – это национальное размежевание между евреями и украинцами, борьба за власть, бюрократизм, семейственность. Партийные рабочие пассивны к призывам Цека. В сельщайках очень остро стоит вопрос о разложении коммунистов: пьянство, мелкие преступления, неподчинение партдисциплине, связь с чуждыми элементами и т.п. Разложение в некоторых ячейках охватывает свыше 50% всех коммунистов, некоторые ячейки не собирались по 6 месяцев. Руководство райкомов сводится больше к бумажным указаниям, верхушка больна бюрократизмом и самодовольством чиновничьего благополучия. Рядовые коммунисты прямо заявляют, что с решениями XV съезда они не знакомы. Решения апрельского и июльского пленумов ЦК в сельщайках не прорабатываются. «В ряде сельских организаций (Кобеляки, Диканька и др.) имелись открытые выступления членов партии против решений июльского пленума ЦК о снятии чрезвычайных мер, повышения цен на хлеб и открытия базаров». «На селе среди коммунистов явно выражены элементы с настроениями военного коммунизма с присущими ему методами командования и принуждения... и с другой стороны – элементы, потерявшие пролетарскую линию на селе, смыкающиеся с кулацкой верхушкой деревни, противодействующие проведению линии партии на селе (сокрытие хлеба, выступление против хлебозаготовок в своем селе)»².

Для того, чтобы можно было перейти к мобилизации партии, следовало обеспечить благоприятное мнение большинства, создать нужный общественный настрой. Этому уже косвенно поспособствовали чрезвычайные хлебозаготовки 1927/28 года, которые вызвали к жизни меры по чистке ненадежного партийно-административного аппарата. Летом 1928 года началась кампания по искоренению разложения в партийных рядах и аппарате, призванная «подтянуть» парторганизации до уровня грядущих исторических

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 129. Л. 44, 48.

² Из докладной записки инструктора ЦК П.Зайцева. Там же. Оп. 86. Д. 116. Л. 2–3.

задач. На страницах «Правды» чередой пошли публикации о разоблачениях. Обнаружилось, что верхушка смоленской организации до того «разложилась», что пришлось принять самые решительные меры. В руководящем партийном аппарате смоленского уезда обнаружено систематическое пьянство, растраты, окулачивание и связь с бандитами. Руководящие органы губернии «оторвались от рабочих масс, создали зажим в организации, в результате чего указанные преступления остались не обнаруженными». В Симферополе закончился процесс шестнадцати функционеров во главе с председателем ЦИК Крымской республики, обвинявшихся в связи с кулацкими и белобандитскими элементами, убийстве и растрате казенных денег. В Плещеническом районе Минского округа также был вскрыт «гнийник», напоминающий смоленский. Там тоже группой ответработников творились безобразия, процветала бесхозяйственность, совершались растраты и наличествовала связь с антисоветскими элементами. В Манычском улусе Калмыцкой области выявлены грабеж кооперативов, издевательства над батраками, покровительство кулачеству. В который раз за советские годы в Сочи обнаружилось, что ответственные работники проводили время в диких разнузданных оргиях, нередко заканчивавшихся коллективным изнасилованием женщин. Руководителю местной парторганизации Зарапову «поставляли комсомолок», и он, как честный человек, обещал всем своим наложницам прием в партию.

В этот период в руководстве страны уже окончательно оформилась и открыто отстаивала свои позиции т.н. группа «Ивановичей» в составе А.И.Рыкова, Н.И.Бухарина, М.И.Томского, которым где-то за кулисами симпатизировал еще М.И.Калинин. Когда два с половиной года назад в европейскую печать впервые проникли сведения о выступлениях оппозиции внутри РКП(б), эта новость немедленно сделалась крупнейшей сенсацией. Газеты всего мира в течение ряда недель не устали заниматься коммунистической оппозицией. Но борьбу с правой оппозицией, которая явилась преддверием величайших событий 1929 года, мировая печать встретила без особого интереса. Мир уже привык, что СССР находится в состоянии перманентного кризиса.

Древняя конфуцианская мудрость гласит: с кем можно общаться, не всегда годен для того, чтобы вместе с ним идти по пути; с кем можно идти по пути, не всегда годен для того, чтобы вместе с ним на пути прочно стоять; с кем можно стоять прочно, не всегда годен для того, чтобы вместе с ним применяться к обстоятельствам. Рыков и Бухарин строили планы по образцу «ситцевой ин-

дустриализации» в пореформенной России, которая закончилась кабалой у Антанты, необходимостью лезть в петлю мировой войны за ее интересы и, в конечном счете, самоубийством царского режима. Позиция правых была определена, и нарастание кризиса не позволяло тянуть время. Сталин со своей стороны уже не мог ограничиваться оговорками и согласованием оговорок, пришло время открывать карты. Ему удалось начать сражение против правых стремительной атакой. Письмо ЦК к московской парторганизации от 18 октября осудило действия правых в организации и призвало к сплочению на основе генеральной линии партии. До этого Секретариат ЦК успел пустить в ход метод зажима на перевыборах секретарей ячеек, где доминировал вопрос о борьбе с примиренческим настроением в отношении к правой опасности и о необходимости ленинской нетерпимости к правым уклонам. По всем районам начались перевороты, «стали сбрасывать секретарей» районов и «громить» МК¹. Московские дела развернулись с удивительной быстротой, правые не успели оглянуться, как организация была вырвана из их рук. Уже в октябре секретарь МК Угланов и некоторые районные секретари были сняты с работы на объединенном пленуме МК и ЦКК.

Результаты предстоящего пленума Цека, который уже давно «ходил под Сталиным», были в принципе предсказуемы. Но опора на один, пусть даже весьма авторитетный, орган была бы ненадежна. Сталинский аппарат, имевший хорошо поставленную информационную сеть, чутко воспринимал настроения в большой и многообразной партмассе. Его чрезвычайно интересовали сообщения с мест об открытых выступлениях коммунистов против июльских решений о снятии чрезвычайных мер и других уступках единоличному крестьянству. Курс, намечаемый группировкой Сталина, обретал в партии все более ощутимую поддержку.

Вышло так, что уже в 1923 году Сталин невольно поделился своими далеко идущими планами с аудиторией 4-го совещания по нацвопросу: «Сначала добить правых при помощи левых, как это имело место в истории нашей партии, а потом левых при помощи правых»². Все так и получилось, правда, в обратной последовательности, сначала были разбиты левые, затем устранены правые. Ноябрьский пленум ЦК единогласно осудил правый уклон и поддержал контрольные цифры развития экономики на 1928/29 год; подтвердил установку XV съезда партии на коллективизацию и закрепил курс на подготовку социалистического наступления по

¹ Советское руководство. Переписка... С. 51.

² См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 101.

всему фронту. Правый уклон был осужден и объявлен главной опасностью в партии.

Великий «дипломат» Рыков, как это не раз бывало еще при Ленине, почувствовав безнадежную ситуацию, вел себя на пленуме «благоразумно» и не решился открыто выступить за сокращение ассигнований на промышленность. После пленума он вообще предпочел отойти на второй план и оставил поле боя «блаженному» идеологу Бухарину. Сколь бы ни были сомнительны, по известному мнению Ленина, воззрения Бухарина с точки зрения диалектики, тем не менее, и они давали возможность ему оценить перспективы планируемого насилия над крестьянством.

Бухарин по своему положению в руководстве, а, главное, по своим личным качествам абсолютно не годился на роль лидера партийной оппозиции. Общественная альтернатива не сводится к одной теории, в качестве неперемennого условия она требует политического механизма, готового воспринять и опробовать идеи. За Сталиным была вся социальная мощь партийного аппарата, неоднократно испытанная в политических боях, за Бухариным не было ничего, кроме ненадежных говорунов из Института красной профессуры. В 1920-е годы без поддержки партаппарата Сталина и позднее без поддержки хозяйственников Рыкова его журналистский задор был не более чем библейский «кимвал бряцающий».

Сам Бухарин гораздо объективнее оценивал свои данные, нежели его некоторые апологеты. В 1918 году Бухарин в разговоре с одним знакомым времен борьбы по Брестскому миру сетовал: «Вы представляете себе, что это означает: бороться против Ленина? Это было бы ужасно... Это означало бы выступить против всего нашего прошлого, против партийной дисциплины, против товарищей по борьбе. Мне пришлось бы стать причиной раскола в партии, увести за собой других бунтовщиков, создать отдельную партию, чтобы бороться с партией Ленина. Старина. Вы хорошо меня знаете: способен ли я стать вождем партии и объявить войну Ленину и партии большевиков? Нет, не будем самообольщаться! У меня нет данных руководителя»¹. Самураи сказали бы о таком: у него женский пульс.

Почти сразу после июльского пленума 1928 года из ведения Бухарина был фактически изъят центральный партийный орган газета «Правда», аппарат Цека обновил редакцию газеты, наводнив ее своими людьми. То же самое произошло и в Исполкоме Коминтерна. После VI конгресса Коминтерна Бухарин отправился в отпуск и после отпуска фактически уже не возвращался к работе в ИККИ и ЦО. Какое-то время Бухарина старался активно поддерживать Томский,

¹ Воллин В.М. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005. С. 163.

возмущенный тем, что ЦК решил также «укрепить» его ВЦСПС новыми кадрами. С осени 1928 года Томский уже не знал, кто руководит в ВЦСПС — он или партийная ячейка¹.

В отношении всех своих противников Сталин использовал стандартный, совершенно прозрачный и, вместе с тем, абсолютно неотразимый прием. Располагая кадровой властью Цека, он наводнял аппарат намеченной политической жертвы своими ставленниками, которые превращали роль руководителя в фикцию. С Троцким в свое время боролись теми же методами по принципу «дискредитируй, окружай своими людьми, отними всю армию, а потом сними, прогони, раздави» — Троцкого оставляли в руководстве, а «троцкинят» снимали везде и всюду².

«Ивановичи» — Бухарин, Рыков, Томский хотели с демонстративным заявлением о своей отставке войти на ноябрьский пленум ЦК, но в Политбюро их сумели уговорить не делать этого, не обострять отношений, мотивируя тем, что это будет кризис руководства. Дескать, самый факт подачи отставки пленуму ЦК «вызовет взрыв». Обострение и тем более взрыв в высшем руководстве Сталину были не нужны, ему как всегда требовалось идеологическое осуждение и моральное поражение противника. Оппозиция должна была уйти с политической сцены в гриме негодяев, а не в одеянии благородных идалго.

30 января 1929 года Бухарин, призванный на Политбюро дать разъяснения по поводу своей тайной встречи с Каменевым в июле прошлого года, вместо объяснений обвинил Цека в «военно-феодальной эксплуатации крестьянства» и насаждении бюрократизма в партии. Небесам стало жарко.

9 февраля на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК Бухарин, Рыков и Томский выступили с коллективным заявлением, в котором излагали свои взгляды по дискуссионным вопросам, и которое было расценено заседанием как политическая платформа правого уклона. Совместные заседания Политбюро и Президиума ЦКК в конце января — начале февраля 1929 года, где «Ивановичам» были предъявлены обвинения во фракционной деятельности, сыграли решающую роль, полностью поддержав Сталина.

16–23 апреля состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором последний раз в качестве председателя фигурировал Рыков. Типичен иезуитский прием Сталина: Рыков был вынужден председательствовать на заседаниях, где его самого и его союзников

¹ Как ломали нэп. Т. 4. С. 60.

² Там же.

щедро поливали компроматом, а он не имел возможности что-либо изменить и покорно предоставлял трибуну для очередного старателя с ведром обвинений на свою голову.

Пленум осудил «правый уклон» и его платформу, которая базировалась на теории о затухании классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата и о возможности «врастания» кулачества в социализм, как объективное выражение интересов кулачества. Пленум пришел к выводу, что в ЦК сложилась фракционная группа Бухарина, возглавившая правооппортунистические элементы, чья позиция в корне противоречит политике партии. Бухарин был снят с поста ответственного редактора «Правды», Томский — с поста председателя ВЦСПС. Рыкова, заблаговременно отошедшего в тень, Сталин пока поостерегся трогать, и в истории в качестве объявленного лидера правой оппозиции оказался ее «барабанщик» Бухарин. Рыкова с поста предсовнаркома снимут позже, в конце года, когда начнется «великий перелом», а также приватно передадут предупреждение Сталина: «Будешь бузить, выгоним отовсюду»¹.

Государственник Сталин одолел и почвенников «Ивановичей». Смысл происходящих политических перемен в руководстве страной очень точно выразил Томский в своей речи на апрельском пленуме. Несмотря на скромное заявление, что не является теоретиком, он сумел сквозь субъективные качества и интересы генерального секретаря увидеть фундаментальную объективную тенденцию. Будьте большевистски бесстрашны, обратился он к Сталину и его сторонникам. «Если на данной стадии нужна иная система руководства, не коллегиальная», то скажите, что система и состав руководства должны быть изменены. «Прямое, честное решение вопроса исключает всякую оппозицию по этому поводу»².

В предстоящем периоде государственного насилия над обществом требовалась единая воля и полная историческая ответственность за все. Перспективы выглядели столь неясными и путь представлялся столь опасным, что Сталину нужно было остаться одному при личной свободе выбора между уклонами всех цветов и направлений. Утверждение единовластия — вот что явилось главным итогом политической эволюции нэповского общества и составило необходимое условие близких перемен. В 1929 году партийная пресса непосредственно приступила к созданию культа личности генерального секретаря. Сталин был впервые назван организатором вооруженного восстания в Петрограде, создателем Красной армии и вождем мирового пролетариата.

¹ Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 298.

² Как ломали нэп. Т. 4. С. 79.

23–29 апреля проходила XVI конференция ВКП(б), которая в конце своей работы заслушала информацию о пленуме ЦК–ЦКК и одобрила его решения о борьбе против правого уклона. Конференция постановила провести вторую генеральную чистку всех партийных организаций. Но главное место в работе конференции занял вопрос о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства. Конференция отвергла попытки Рыкова, Бухарина и Томского предложить вниманию делегатов умеренные темпы развития промышленности и сельского хозяйства и утвердила оптимальный вариант пятилетнего плана. План предполагал вложение в капитальное строительство промышленности 19,5 миллиарда рублей или в четыре раза больше, чем за предшествующие пять лет. Он получил громкое название программы развернутого наступления социализма по всему фронту и был рассчитан на построение фундамента социалистической экономики и вытеснение капиталистических элементов из всех отраслей народного хозяйства.

Главным содержанием периода, получившего название новой экономической политики, с точки зрения последующего этапа стало создание необходимых условий для форсированной модернизации общества — т.е. укрепление авторитарной системы власти, опирающейся на надежную социальную базу. Основной социальной базой стали не рабочие и не крестьянская беднота, а непризнанный партийными теоретиками «новый класс» многоликой государственной бюрократии, объединенный партийным орденом в могущественный и довольно многочисленный социальный слой, приверженный государственным ценностям.

Расслоение деревни происходило, но не только на традиционную бедноту и кулаков, а на крестьянство и деревенский аппарат власти с активистами. Этому способствовало постоянное внимание партии к материальному положению своих функционеров. Для массы новоиспеченных членов партии партийный билет стал пропуском на вход в бюрократическую обитель Советской власти, на занятие привилегированного, обеспеченного положения в обществе. Последнее стало характерным не только для номенклатуры, слоя ответственных работников разного уровня, но и для значительной части рядовых коммунистов. Наиболее сметливые и активные хозяева открыли для себя промысловое значение «коммунизма», поскольку сама партийность как таковая представляла для крестьянина, как и для представителя любого другого класса, весьма прибыльное предприятие, доставлявшее семье доход куда более весомый, нежели какое-нибудь патриархальное отходничество. Из исследования по Вятской губернии видно, что среди 219 деревенских коммунистов, находящихся «у сохи», только 45 человек не

занимало должностей. Зато 88 человек являлись председателями и членами сельсоветов, 32 находились в правлении обществ взаимопомощи, 16 являлись членами исполкомов, 21 — правлений кредитных товариществ, 17 — правлений потребкооперации. В переводе на язык денег эта общественная работа означала, что 25 товарищей зарабатывают в год от общественной должности по 100–200 рублей, 22 — по 200–300 и 24 партийца получают по 300 и более рублей. Для сравнения можно сказать, что кустарный промысел давал крестьянину от 30 до 100 рублей в год. При малой денежности крестьянских хозяйств, суммы от 100 до 300 рублей являлись огромными, 300 рублей приблизительно равнялись 300 пудам пшеницы, т.е. урожаю с 7–8 десятин земли¹. К тому же нельзя не упомянуть о «нелегальных» доходах в кредитном товариществе, потребилровке и проч., где «товарищи», разумеется, не могли не пожирать плодов общественного доверия, не поддающихся официальной статистике. Подобный расклад доходов означал еще и то, что при чрезвычайных обстоятельствах, при крутом повороте событий, деревенский коммунист мог с большей уверенностью отдать предпочтение рублям, «пожатым» с нив заседаний в тиши кабинетов перед трудовой черноземной копейкой землероба, и послушно следовать в русле партийных директив и казенных интересов.

Задача идеологической отставки новой экономической политики была в значительной степени упрощена тем, что пресловутый нэпман не сумел завоевать в постреволюционном обществе социального авторитета, словно нэпманы сами стремились походить на те карикатурные образы, которые с них рисовала советская пропаганда. В самой партии никогда не угасали лозунги типа «Бей кулака». Эмигрант Валентинов писал в своих воспоминаниях, что такие настроения были весьма распространены среди членов партии: «Партия, особенно в ее низовых ячейках, инстинктивно, подсознательно была против нэпа»². О том же свидетельствуют рабочие материалы Цека. В сельскохозяйственных губерниях в годы нэпа в части парторганизаций господствовало упадочное настроение, коммунисты меж собой поговаривали о том, что партия отошла от бедноты, что надо бить и расправляться с кулаками³.

К лету 1929 года стратегическое решение было принято, единая воля в руководстве достигнута, аппарат максимально отмобилизован, настроение в партии подготовлено. Теперь только оставалось ждать осени, традиционного сезона наступления власти на крестьянство.

¹ См.: Деревенский коммунист. 1926. № 20.

² Валентинов Н. От нэпа к сталинской коллективизации // Новый журнал. 1963. № 72. С. 243.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 39. Л. 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Преемственность эпох и константа истории.....	3

Глава 1.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТИИ-ГОСУДАРСТВА

Секрет «необъятной власти»	27
Дискуссия о профсоюзах.....	37
Децизм.....	49
«Рабочая оппозиция»	56

Глава 2.

ПОРАЖЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Война на внутреннем фронте.....	68
Новый курс и идейная смута в партии	76
Организационный разлад.....	98
Чистка партийных рядов	106

Глава 3.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЗАКОНЧЕНО

Укрепление политической монополии	121
Утверждение моноидеологии.....	137
Усиление охранной политики	157

*Глава 4.***«НОВЫЙ КЛАСС» И СИСТЕМА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА**

Ленин versus Троцкий.....	166
Ленин versus Сталин	172
Государство и революционер.....	183
Третий элемент в царстве рабочих и крестьян.....	195

*Глава 5.***НОМЕНКЛАТУРА**

Партия и ее аппарат	212
Партаппарат и государственные органы	227
Принцип двойной ответственности.....	254
Тайна борьбы за рабочий состав партии.....	268

*Глава 6.***НАСТУПЛЕНИЕ
НА ВЕДОМСТВЕННОСТЬ**

Успехи Троцкого и натиск на военное ведомство	283
Бюрократия против номенклатуры	298
Уроки дискуссии и ленинский призыв.....	325
Схватка за идеологическую марку «ленинизма».....	335

*Глава 7.***БОРЬБА С КЛАНАМИ**

Сепаратизм на Неве и «новая оппозиция».....	353
Троцкистско-зиновьевский блок.....	374
Советский «термидор» и «термидорианцы».....	388

Бухгалтерия партийного строительства	398
«Не государственное и незаконное предприятие»	408

Глава 8.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФИНАЛ НЭПА

Переход экономики в политику	430
Политика двух рук	439
Поражение «Ивановичей» и торжество централизма	452

Павлюченков Сергей Алексеевич

П 12 «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции.
1917–1929 гг. — М.: Собрание, 2008. — 463 с.

ISBN 978-5-9606-0053-8

Философия нигилизма по отношению к советской эпохе в свою очередь не прошла испытание временем, выступив лишь в качестве идеологического сопровождения кризисных процессов в обществе. Актуальность опыта КПСС не исчезла с поражением коммунистической доктрины. Обращение к истории периода советского коммунизма говорит о том, что для него были присущи те же традиционные противоречия, которые изначально определили феномен российской цивилизации и ее устойчивое своеобразие. Книга содержит конструктивную критику политической истории большевистского периода. Проводится анализ исторических оснований системы советского коммунизма и ее связи с современными проблемами государственного строительства. Для всех интересующихся историей России начала XX века.

УДК 94(47).084.(3+5)

ББК 63.3(2)(611-3+613-5)

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ

С.А. Стулов

Подписано в печать 01.11.2007 г.

Гарнитура NewBaskerville. Формат 60×90/16

Усл. печ. л. 29,00. Уч.-изд. л. 27,77. Тираж 500 экз. Заказ № 706.

ООО «Издательство «Собрание»»

109559, Москва, Тихорецкий бульвар, 1, стр. 5

Тел. (495) 389 68 88

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.

В опыте КПСС Россия имеет оригинальный цивилизационный феномен, предложенный ею человеческой истории и который сохраняет универсальное мировое значение. Партия — это организация, созданная большевиками, равной которой по масштабам власти и совершенству своего устройства никогда еще не было и нет. Наиболее существенная особенность компартии выражалась в том, что это была не «партия», не часть, а как раз наоборот, союз частей, некое совокупное представительство всех слоев общества. Из разнообразного арсенала имеющихся определений феномен большевистской партии точнее всего характеризует архаический термин, к которому привилось иронически-негативное отношение. Сталин называл компартию «орденом меченосцев» и оказался наиболее точен. Орден отличается от остального мира идеально сформулированная доктрина, связанная с жесткой внутренней организацией. Именно образ средневекового воинственного монашеского ордена с его строгой иерархичностью и вместе с тем — открытостью рядов, с его догматической идеологией и — тайными ересями, процветавшими в стенах рыцарских замков, с требованиями суровой дисциплины, ригоризмом его членов и — злоупотреблениями мирскими радостями — все это весьма напоминало то, чем являлась партия большевиков в 1920–1930-е годы.

9 785960 600538